Заглавие

«Наше Дело»

Подзаголовочные данные, учредитель

Страна и место издания

Россия, г. Петроград

Период издания

1915 г.

Периодичность

ежемесячный журнал

Приложения

Примечания

ISSN

Изменения в заглавии с указанием дат

Место хранения оригинала

ФГБУК «Государственная общественно-политическая библиотека»

Заглавие

«Наше Дело»

Хронологический охват материалов на рулоне

1915 г., № 1-5/6

Приложения

Отсутствуют след. №№ (стр.)

Оригинал плохо читается (№№ газет и стр.)

Пожелтевшая бумага
Имеются карандашные пометки

Неправильный переплет (№№ газет и стр.)

Отъ редакціи.

Въ виду независящихъ отъ редакціи обстоятельствъ первый номеръ журнала **„Наше Дѣло“**. выходитъ съ значительнымъ опозданіемъ. Вслѣдствіе тѣхъ же независящихъ обстоятельствъ не могли появиться статьи **К. Оранскаго, Ю. Ларина, Г. Осипова** и письмо въ редакцію **Л. Мартова.**

№ 1, 1915.

I-й годъ изданія.

НАШЕ ДѢЛО

Ежемѣсячный журналъ.

№ 1.

Цѣна книжки 40 коп.

Петроградъ, 1915 годъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Коммерческая Типографія“, Столярный, 9. Тел. 520-32.
1915.

Содержаніе.

Стр.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1. **Крашенинниковъ, Н.** Рябчикъ, разсказъ 3
2. **Б. В., А. Сергѣевъ, В. Александровскій.** Стихотв. 21
3. **Маевскій, Евг.** Вокругъ Галицко-Украинскаго вопроса 23
4. **Ор—съ, Л.** Философско-публицистическія замѣтки 41
5. **Петровичъ, Гр.** Городъ и безработица 52
6. **П—въ, А.** На рубежѣ двухъ эпохъ 65

Письма изъ-за границы:

7. **Н—на, М.** Безработица и профессіональныя организаціи въ Германіи 82

Вопросы внутренней жизни:

8. **Череванинъ, Н.** 1. Антиалкогольное движеніе, его причины и его перспективы. 2. О новомъ безалкогольномъ бюджетѣ 87
9. **Ранитинъ, Г.** Внутреннія отношенія въ Польшѣ . 103
10. **Каутскій, К.** Международность и война (перев. съ нѣмецкаго) 120
11. **ПО РОССІИ и ЗАГРАНИЦЕЙ** (факты и матеріалы) . 137
12. **ОБЪЯВЛЕНІЯ** . . . . . —

Открыта подписка на 1915 г. на новый ежемѣсячный литературный и общественно-политическій журналъ

НАШЕ ДѢЛО,

издаваемый въ г. Петроградѣ и **выходящій въ размѣрѣ 6—9 печатныхъ листовъ.**

Условія подписки: на 1 г.—4 р., на 1/2 г.—2 р. 25 к., на 1/4 г. (3 м.) —1 р. 50 к. на (1 м.) 50 к. Отд. книжка въ розн. продажѣ 40 к.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій пр. д. № 104, кв. 88.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресеній и праздниковъ, отъ 2 до 5 ч. дня, по вторникамъ отъ 6 до 9 ч. вечера.

Ред. **А. Е. Сучатовъ.** Изд. **К. И. Рикъ.**

УЧТЕНО
1949
И Л

I-й годъ изданія.

Наше Дѣло

Ежемѣсячный журналъ

Петроградъ, 1915 г.

Январь № 1.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Коммерческая Типографія“ Столярный пер. 9. Тел. 520-32.
1915.

Р.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

Рябчикъ.

I.

Склоняется близко лицо учителя.

Тихонъ смотритъ: мутные, точно старыя пуговицы, глаза, гнѣвно раскрытый, съѣхавшій насторону ротъ, синіе отъ табаку зубы... Смотритъ —и удивляется, почему сердится учитель: вѣдь онъ же не понимаетъ!

— Ну, чего сталъ, рябчикъ жареный. Пшелъ въ уголъ.

Товарищи смѣются, шепчутъ: „рябчикъ, рябчикъ“. Тихонъ идетъ и долго стоитъ въ углу, уткнувшись лицомъ, не смѣя повернуться, глотая слезы. Вотъ кусокъ посѣдѣвшей отъ пыли стѣны, наполовину выбѣленной, наполовину желтой. Въ самомъ углу кѣмъ то ловко нарисована рожа учителя и подпись „Эгагонъ“. Учителя—онъ же инспекторъ,—такъ зовутъ уже давно...—Тихонъ улыбается. Онъ не знаетъ только, что значитъ этотъ „Эгагонъ“.

Уже два года, какъ Тихонъ боится на каждомъ урокѣ математики. Это мало сказать, боится: онъ замираетъ подъ холоднымъ взглядомъ учителя до того, что рубашка липнетъ къ спинѣ. Онъ боится не только преподавателя и урока, но даже самаго вида учебника. Даже тогда, когда, у инспекторской комнаты, въ корридорѣ онъ видитъ на стѣнѣ вывѣшенное въ строгой черной рамѣ расписаніе занятій, и въ графахъ его слово „арифметика“,—у него вздрагиваетъ подъ форменной блузой сердце и темнѣетъ въ глазахъ.

Учитель его не любитъ. У Тихона—толстый носъ, пестрые косые глаза и почти бѣлые какъ бумага вихрастые волосы. Какъ это ни странно въ учителѣ, а всѣ знаютъ, что онъ любитъ только красивыхъ и дерзкихъ мальчиковъ, и тѣмъ, у кого толстые носы или оттопыренныя уши,—лучше не показываться ему на глаза. Но какъ не покажешься, когда съ парты видно какъ зайца на вешнемъ полѣ, когда не проходитъ дня, чтобы старый заношенный учитель Копыловъ не являлся въ классъ и, отдуваясь на стороны, не выкрикивалъ бы фамиліи своихъ жертвъ. Старикъ любитъ, чтобы къ черной доскѣ выходили съ веселымъ, даже радостнымъ лицомъ, чтобы отвѣчали ему, какъ онъ выражается, „четко“, чтобы голосъ звучалъ бойко, какъ у торговокъ на базарѣ.

Тихону не съ чего быть бойкимъ. Его мать—жена городового,

надъ которымъ всѣ гимназисты смѣются, и до боли стыдно Тихону, когда, проходя съ товарищами по улицѣ, онъ видитъ передъ собою красное, вспухшее услужливое лицо отца, стоящаго на перекресткѣ двухъ улицъ въ громадныхъ вязаныхъ перчаткахъ. Грязные заскорузлые пальцы виднѣются изъ дыръ, сапоги точно сдѣланы изъ дерева, но самое обидное—дряненькая порыжѣлая сабля, которую ученики называютъ селедкой.

— Селедочникъ, селедочникъ!—выкрикиваютъ гимназисты, проходя мимо городового.—Тишкинъ отецъ селедочникъ, и самъ Тишка—рябчикъ.

Глаза Тихона застилаются туманомъ. Сквозь муть его онъ видитъ, какъ поворачиваетъ изъ стороны въ сторону свои крошечные съ напухшими вѣками глаза отецъ, какъ блестятъ мелкія капли въ оспинахъ его носа и въ складкахъ коричневой шеи. Разъ онъ видѣлъ, какъ кто то изъ товарищей бросилъ въ спину отца кускомъ французской булки и какъ словно жалобно осматривался тотъ, щуря распухшіе глаза и почесывая спину.

Не только совѣстно Тихону за отца,—отецъ ему противенъ... Придя домой, съ отцомъ онъ обычно не говоритъ, а прямо проходитъ въ свой уголъ, чувствуя себя въ одно и то же время и страшно большимъ въ сравненьи съ отцомъ и безконечно обиженнымъ и маленькимъ.

— Ну, а *урки* заправлялъ хорошо?—спрашиваетъ иногда отецъ, и Тихонъ вздрагиваетъ отъ чувства отвращенія. Еле раздвигая губы, онъ ворчитъ:

— Хорошо... Какъ это вы не научились: *урки* никто не говоритъ, надо—уроки. Отецъ усмѣхается недовѣрчиво, бурчитъ: „по благородному“ и лѣниво зѣваетъ. Тихонъ видитъ, что отецъ совсѣмъ равнодушенъ къ тому, что онъ учится въ гимназіи; отецъ считаетъ ученье въ ней блажью барыни (отдала Тихона въ гимназію жена архитектора, въ домѣ котораго они живутъ) и не допускаетъ только одного: чтобы въ бальникѣ Тихона были единицы.

Когда отецъ видитъ въ классной тетради „колъ“, не говоря ни слова идетъ къ печкѣ, за которой виситъ его платье, и снявъ со стѣны ремень, которымъ, отправляясь на службу, подтягиваетъ брюки, начинаетъ стегать имъ Тихона, зажавъ ему голову между колѣнъ.

Все это происходитъ у нихъ молча. Никогда не кричитъ Тихонъ—какъ бы больно ни билъ его отецъ. Не кричитъ онъ отъ ненависти и уныло—привычно считаетъ удары, съ отвращеніемъ вдыхая тяжелый запахъ пота, грязи и табаку, которымъ пропитаны брюки отца. Мать его, рябая старая женщина съ бѣльмомъ на глазу, никогда не заступается за Тихона. Она только всхлипываетъ, сидя въ углу на сундукѣ, причитая, что если мальчишка останется на второй годъ, барыня не будетъ вносить плату за ученье... причитаетъ—и все третъ сморщеннымъ кулакомъ свой безжизненный, словно оловянный глазъ, который еще долго слезится у нея послѣ того, какъ она перестанетъ плакать.

Иногда, пока его бьютъ, Тихонъ думаетъ о барынѣ, про которую разсказываетъ мать. И странно,—бьютъ его двѣ-три минуты, а успѣешь передумать въ это время словно тысячи верстъ, если только думы можно мѣрить верстами. Тихонъ видитъ барыню-архитекторшу. Вотъ она толстая, востроносая, съ дымчатымъ пенснэ на золотой цѣпочкѣ, засѣдаетъ въ дворовомъ садикѣ на скамейкѣ и шьетъ „сорочки“ для раненыхъ воиновъ; лицо у нея напыщенное, около сидитъ дочка, пятнадцати лѣтъ, которую Тихонъ втайнѣ безумно любитъ, но презираетъ за то, что она старше его на три года. Дочкѣ то же есть дѣло: она пришиваетъ пуговицы, и тутъ же, почтительно наклонившись, стоитъ Тишкина мать и съ благоговѣніемъ слушаетъ, что говоритъ толстая барыня.

— Я буду вносить за него ежегодно,—немного въ носъ говоритъ архитекторша,—но я лѣнтяёвъ (она всегда почему то говоритъ „лѣнтяёвъ“) не люблю, и если вы желаете пользоваться, то пусть учится хорошо: мало ли есть бѣдныхъ, но разумныхъ и ретивыхъ.

— Слушаю, милостивица, слушаю,—услужливо поддакиваетъ Тишкина мать.

Вспоминаетъ Тихонъ и самого архитектора, мужа барыни. Это маленькій блѣдный человѣчекъ съ выпуклыми какъ у рака глазами, который кричитъ на рабочихъ тонкимъ пронзительнымъ голосомъ, порою бьетъ ихъ, а иногда самъ, спрыгнувъ на стройкѣ въ яму, толчется тамъ среди каменьщиковъ, выхвативъ у кого нибудь ломъ. Тихонъ видѣлъ, какъ однажды задавило балкой одного его рабочаго, и какъ лежалъ около него въ грязи самъ архитекторъ и жалобно, по заячьи, взвизгивалъ своимъ смѣшнымъ голоскомъ... Тихонъ не понимаетъ этого, но архитектора ему жалко.

— Обѣдать,—спокойно говоритъ отецъ, выпуская послѣ порки изъ своихъ колѣнъ голову сына. Тихонъ молча идетъ въ свой уголъ къ столу, а отецъ аккуратно вѣшаетъ ремень на гвоздикъ и, сѣвъ за столъ, вздыхая рѣжетъ на дубовой дощечкѣ вареное мясо, которое затѣмъ опускаетъ въ миску со щами.

— Жри!—говоритъ онъ Тихону, когда рядомъ съ нимъ усаживается жена.

Тихонъ озлобленно молчитъ и не движется, уткнувшись головою въ книжку. Тонкими костлявыми пальцами, на которыхъ такъ выдаются замазанныя чернилами бородавки, онъ закрылъ себѣ уши, но и сквозь нихъ въ слухъ тяжко западаетъ хлюпанье обѣдающаго отца. Обжигаясь, торопясь, втягиваетъ въ себя отецъ варево, затѣмъ чавкаетъ надъ мясомъ и противно сосетъ кости... Чуть слышно и робко подтягиваетъ ему мать. Тошнитъ отъ всего этого Тихона. „Два

купца выѣхали изъ городовъ А, и Б," читаетъ онъ въ своемъ учебникѣ.—„Одинъ дѣлаетъ 8 верстъ въ часъ, другой"...

— Лучше бы отдать его въ садовники!—впивается въ слухъ свистящая фраза отца. Тихонъ вздрагиваетъ и еще ниже склоняется надъ книжкой... „Два купца выѣхали изъ городовъ А и Б".

— Оно только вѣдь спервоначалу трудно,—озабоченно шепчетъ мать и моргаетъ глазами.—А потомъ полегчаетъ, какъ выучится...

— Чего?—внезапно свирѣпѣя, вскрикиваетъ отецъ. Тихонъ не оборачивается, но и съ закрытыми глазами онъ видитъ, какъ вздувается на лбу отца синяя жила, похожая на веревку, какъ бѣгаютъ въ узкихъ щелкахъ мутные усталые и больные глаза.

— Я говорю, что какъ выучится...—робко, пугливо торопится мать.

— Мол-чать!—гаркаетъ отецъ. Слышится короткій тупой ударъ его кулака по столу. Сейчасъ будетъ перебранка и затѣмъ — драка. Тихонъ залѣзаетъ на сундукъ, какъ будто на высотѣ не такъ слышны крики, и съ холоднымъ спокойствіемъ старается читать прыгающія буквы: „Два купца выѣхали изъ городовъ А и Б.".

Къ брани и дракамъ Тихонъ давно ужъ привыкъ; но иногда случается худшее,—и этого онъ не выноситъ. Иногда, въ самый разгаръ криковъ, за которыми должна была бы слѣдовать кочерга, со скамьи отца вдругъ раздается шипящее всхлипыванье.

— Жисть-то, жисть-то,— скрипитъ отецъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, и какъ шило по камню скребетъ воздухъ его сдавленный плачъ. Тихонъ смотритъ: заскорузлые, короткіе, красные какъ моркови, пальцы заслонили собою мутные глаза. Точно заслонялся отецъ отъ жизни, впервые увидавъ ее, какова она есть, и что-то дѣйствительно задавленное виднѣлось Тихону въ его опущенной головѣ, разставленныхъ ногахъ и тонкомъ подтянутомъ животѣ.

— Стоишь это день деньской, уши омморожены...—скрипитъ дальше отецъ, и Тихонъ съ злобой ужъ не на отца, искоса взглядываетъ острымъ летающимъ взглядомъ на его синія точно свинцовыя уши, ставшія какими-то странно-четырехугольными отъ стужи зимнихъ ночей. И параллельно съ этимъ рисуются изъ учебника два купца, которые въ теплыхъ мѣховыхъ шубахъ выѣхали изъ городовъ А и Б, и у одного—странно!—пухлое лицо архитекторши, а лицо другого—лицо ненавистнаго инспектора, который поставилъ колъ.

II.

„Два купца выѣхали изъ городовъ А и Б. Одинъ дѣлаетъ 8 верстъ въ часъ, другой"... Что это значитъ: „дѣлаетъ" версты?— Тихонъ задумывается. Смеркается. Сѣрыя тѣни ползаютъ по каморкѣ какъ живыя. Если сидѣть съ закрытыми глазами, видится лучше. Хорошо припоминается, что значитъ дѣлать версты. Вотъ она, ихъ старая, расплывшаяся по склону горы деревня. Разъ Тихону сказали, что за рѣчкой проводятъ чугунку. Онъ побѣжалъ туда и увидѣлъ: одинъ изъ плотниковъ, дядя Назаръ, мѣрно тюкалъ топоромъ по срубленной соснѣ. Потомъ это дерево врыли столбомъ въ землю, наставили цѣлый рядъ этихъ столбовъ и соединили ихъ проволокой. Вотъ что значитъ—дѣлать версты,—ему тогда же объяснилъ дьячокъ. Потомъ вся деревня, высыпавъ въ поле, смотрѣла, какъ пробѣгала межъ ихъ полями чугунка. Жеребята и телки, поднявъ хвосты, „взлягушки" бѣгали по травѣ, напуганные ревомъ паровоза... а вмѣстѣ съ ними также „взлягушки" бѣгали и мальчишки съ дѣвченками и самъ Тишка. Такъ было любо смотрѣть, какъ мимо, звеня и лязгая желѣзнымъ зубами, пробѣгаетъ громадная змѣя-поѣздъ. Они любили собираться за околицей смотрѣть чугунку и сходились всегда подъ начальствомъ пьяненькаго дьячка, который въ школѣ правда больно дралъ за ушино въ полѣ позволялъ все—даже дергать его за желтую словно изъ мочалы бороденку... А потомъ эта милая чугунка сдѣлалась страшной. Вотъ съ узломъ въ рукахъ тянется изъ дому отецъ, за нимъ мать, одѣтая въ праздничное пальто и калоши, несмотря на подавляющую лѣтнюю жару. Съ воемъ продвигался за ними Тишка: онъ зналъ, что они оставляли деревню навсегда, чтобъ переселиться на службу въ городъ.

Было страшно сидѣть въ вагонѣ и все было подозрительно: не случилось бы чего. Мать робѣла и поминутно крестилась; отецъ хоть и покрикивалъ на нее,—всѣ же держался не смѣло и самъ; можетъ быть, его пугала также и новизна службы въ городѣ.

Такимъ маленькимъ и узкимъ показался послѣ деревни городъ. Нельзя было шагу ступить, чтобы не натолкнуться на домъ, а во дворѣ дома, гдѣ они остановились, такъ скверно пахло и такъ бранились извозчики, что хотѣлось убѣжать назадъ, въ деревню.

Смутно и неясно промелькнули слѣдующіе дни; приходилъ дядя Андрей Васильевичъ, одѣтый по городскому, въ странномъ платье съ блестящими пуговицами. По платью онъ походилъ по крайней мѣрѣ на генералиссимуса Кутузова, что висѣлъ на стѣнкѣ у дьячка, а по службѣ, мать сказывала, находился въ лакеяхъ у богатаго барина. Этотъ Андрей Васильевичъ и вызвалъ отца въ городъ и устроилъ его на службѣ; отъ него же Тихонъ и узналъ впервые, что на свѣтѣ водятся круглые серебрянные рубли, на которые можно скупить всѣ пряники и халву сосѣдней лавочки... Было такъ много новаго, что все перемѣшалось въ головѣ и ничто не отмѣтилось въ своей пестротѣ. Вотъ стоитъ сконфуженно улыбающійся отецъ и на немъ мундиръ и сабля, и шапка съ мѣдною, ярко начищенной бляшкой. Отецъ хотѣлъ было щегольнуть передъ матерью, но, повернувшись, зацѣпился за саблю, упалъ и густо побагровѣлъ. Какъ однако гордился Тихонъ

этой формой отца въ прежнее время, пока не поступилъ въ гимназію. Помнится, онъ не сводилъ съ него глазъ и прикоснуться тайкомъ къ сверкающей саблѣ было для него наслажденіемъ.

— Для враговъ отечества!—сказалъ про саблю дядя Андрей Васильевичъ, и Тишка чуть не заплакалъ отъ восхищенія, представивъ себѣ, какъ и онъ, со временемъ, выросши, попроситъ дядю, чтобы онъ и ему далъ саблю для враговъ отечества.

Еще припоминается: вотъ отецъ въ своей блестящей формѣ, мать въ яркомъ праздничномъ платьѣ и новыхъ, вкусно пахнущихъ дегтемъ козловыхъ башмакахъ,а съ ними и онъ, Тихонъ, сидятъ въ гостяхъ у дяди Андрея Васильевича. Въ комнатѣ его просторно и чисто, висятъ въ порядкѣ диковинныя шляпы, есть зеркало и такъ называемый одеколонъ. Самъ Андрей Васильевичъ, весь выбритый, одѣтъ въ свое обычное важное платье. Скрипя башмаками —Тихонъ съ наслажденіемъ и гордостью прослушалъ этотъ скрипъ,—мать присаживается за чайный столъ. Отецъ все покашливаетъ отъ робости, вертитъ пальцами и осматривается; когда же зашла въ комнату молодая барыня, у которой шуршали юбки, Тихонъ чуть не взвизгнулъ отъ наслажденія. Барыня была одѣта барыней, а оказалась горничной, но Тишкино уваженіе еще болѣе къ ней возросло, когда она сказала дядѣ Андрею:

— А вы велите, Андрей Васильевичъ, барину,—чтобъ и мальчишку въ „призрѣньяхъ“ устроили.

Дальнѣйшее—потускнѣло. Все оказалось не такимъ блестящимъ, Андрея Васильевича вскорѣ отставили отъ должности, исчезла куда—то и горничная, одѣтая барыней, и мундиръ отца пересталъ казаться красивымъ, а какъ опредѣлили, съ переѣздомъ въ подвалъ къ архитектору, въ гимназію,—сдѣлалось почему-то стыдно и за саблю.

— Халда, халда! —кричитъ, сонно ворочась на постели отецъ. Тихонъ припоминаетъ, что не рѣшилъ еще въ учебникѣ про купцовъ, — который же изъ нихъ перегонитъ другого? Но это ужъ не дѣлается страшнымъ: глаза отца изъ тускло-озлобленныхъ вдругъ превращаются въ пугливые, затѣмъ начинаютъ слезиться. Вотъ онъ, помертвѣвъ отъ страха, остолбенѣло стоитъ на перекресткѣ двухъ улицъ, и рука его въ рваной перчаткѣ трепыхается у лба, силясь отдать почтеніе, а подлѣ на парѣ вороныхъ остановился военный господинъ и съ побурѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ сыплетъ въ него бранью... Тихонъ видѣлъ это не разъ, и теперь онъ знаетъ, что бранитъ отца полицеймейстеръ за безпорядокъ, и слова, отъ которыхъ стыдно, относятся именно къ отцу.

— Смотрите,—распекаетъ!—хохочутъ гимназисты. — Тишкинаго селедочника распекаютъ!..—И блѣдными, помертвѣвшими отъ стыда и обиды губами бормочетъ Тихонъ по направленью къ отцу:

. . . . . .

Такъ и хочется, вынувъ изъ книжки ручку, воткнуть почернѣвшое перо ея кому-нибудь въ спину. „Я тебя... тебя!.. кричитъ на отца полицеймейстеръ, и у отца безпомощно мотается вокругъ козырька фуражки рука, отчего кажется, что онъ хочетъ ударить.— Раз-раз-раз!—что-то гремитъ. Тихонъ оборачивается. Вокругъ него гогочущіе гимназисты, урокъ кончился, а онъ все стоитъ носомъ въ углу, какъ поставилъ его учитель арифметики.

— Рябчикъ, рябчикъ!—визжатъ около.—Господа, давайте дуть рябчика!

Съ уныло опущенной головой, медленно, какъ травленный волченокъ, идетъ Тихонъ къ своей партѣ. На доскѣ у чернильницы написано: рябчикъ!!! —тетрадь для задачъ испещрена кляксами, а на ея обложкѣ подлѣ фамиліи Тихона Ряхинъ—исполинскими буквами выведено тоже обидное прозвище. Блѣднѣя, оборачивается Тихонъ.

Онъ хочетъ сказать: „меня бьютъ за каждую испорченную тетрадку“, — но сказать это стыдно и онъ говоритъ обычное, какъ всегда:

— Господа, это невозможно!

Тихонъ картавитъ и вмѣсто „ж“ говоритъ „з“. Но зачѣмъ они такіе злые?

— Невозможно! Невозможно!—смѣются товарищи.

Тихонъ идетъ по корридору и думаетъ:

— „Отчего они такіе злые“?

III.

Придя въ раздѣвальную, онъ подходитъ къ чану съ водой и жадно пьетъ ее изъ большой синей кружки, прикованной къ ведру цѣпью, смѣшивая воду со своими слезами.

— „Отчего они злые?“— безконечно и тупо думаетъ онъ.—„Оттого, что онъ бѣдный? Некрасивый? Селедочникъ отецъ? Оттого, что у него нѣтъ мускуловъ и онъ худой?“ Такъ хочется, чтобы въ рукахъ была сила,—ударить бы кого,—и тотъ отлетѣлъ бы въ противоположный уголъ классной и тамъ сплющилъ бы въ блинъ голову о косякъ окна. Двигаетъ Тихонъ правой рукой, точно дѣлаетъ гимнастику, все ощупываетъ, нѣтъ ли у плеча мускулистой горки, и съ унылымъ отчаяньемъ касается дряблаго мяса, пропускающаго пальцы до самыхъ костей. Отчего нѣтъ мускуловъ! Онъ взялъ бы самаго злого за голову и оторвалъ бы ее, какъ въ деревнѣ шапку подсолнуха... Снова звонокъ. Перемѣна кончилась. Тихонъ выглядываетъ изъ дверей раздѣвальной, и видитъ какъ лѣниво идетъ, поматывая колокольчикомъ заспанный швейцаръ Степанъ. Какой онъ счастливый! Позвонивъ, онъ отойдетъ въ свою комнату и станетъ пить чай; а онъ, Тихонъ, долженъ будетъ трястись всѣмъ тѣломъ, пока тому не

придетъ фантазія позвонить во второй разъ... Торопливо подходитъ Тихонъ къ классной двери, и сейчасъ же, слабо охнувъ, отлетаетъ въ противоположный уголъ. Угрюмо сощуренными, темными отъ безсильной злости глазами онъ видитъ, какъ вдоль прохода двери выстроились въ два ряда ученики, сговорившись, толкаютъ его изъ стороны въ сторону.

— Пустите, пустите!..—кричитъ Тихонъ, взлетывая какъ резиновый мячикъ. Онъ стукается то о локти товарищей, то объ ихъ спины; вцѣпится въ одного,—его отрываютъ и отшвыриваютъ дальше. Это называется игрою въ „туманки“. Вотъ кто-то неловко попалъ ему въ вѣко глаза, вотъ треснула на спинѣ рубашка,—дома будутъ бить!. Тихонъ вскрикиваетъ, волосы на затылкѣ защетинились, губы одеревенѣли. Знакомое холодное ощущеніе занялось на сердцѣ и тускло освѣтило его лицо,—словно поднялось что-то острое съ самаго дна души.

— Вы меня оставьте,—жутко говоритъ онъ, медленно подступая къ товарищамъ съ схваченной, съ учительскаго стола ручкой. Вотъ,—разбѣгаются,—стоитъ только кто-то, самъ испуганный, точно остолбенѣвшій. Этотъ и есть самый противный! Тихонъ взмахиваетъ ногою, даетъ ему пинка внизъ живота, но самъ поскальзывается и падаетъ. Кто-то взвизгиваетъ, кто-то плачетъ.—Идетъ! кричатъ дежурные. Всѣ разсаживаются по мѣстамъ. Тихонъ ощупываетъ на спинѣ рубашку. Начинаетъ тошнить отъ страха: какъ покажешься съ этимъ домой! И онъ мучительно-долго думаетъ о рубашкѣ, машинально крестясь, такъ какъ въ это время читаютъ молитву передъ началомъ урока и плотный красивый законоучитель истово кланяется, встряхивая волосами. Тихонъ смотритъ на его розовое полное лицо со щеками, похожими на булки, и все думаетъ о своей рубашкѣ. Такая коротенькая молитва, всего нѣсколько фразъ, а сколько передумаешь, пока другіе молятся! Эта рубашка досталась Тихону послѣ умершаго отъ скарлатины сына домовладѣльца. Было строго-на-строго приказано барыней выкинуть ее на помойку или сжечь,—мать же утаила ее и подарила Тихону. Рубашка была совсѣмъ новая,—говорила она,—мало ли что выдумываютъ господа отъ денегъ?—Тихонъ сталъ носить ее и не захворалъ, между тѣмъ какъ сосѣдъ его по скамьѣ, сынъ регента, отчего-то тоже заполучилъ скарлатину. „Это, значитъ, все вранье, что зараза“,—думаетъ Тихонъ. Смотритъ,—молитва ужъ кончилась, всѣ сидятъ, и только онъ одинъ забылъ сѣсть на парту. Желтые глаза законоучителя мягко освѣщаютъ его.—Ты что, Ряхинъ?—Я ничего,—говоритъ Тихонъ и сконфуженно садится. Законоучитель продолжаетъ его разглядывать и покачиваетъ головою, сокрушенно улыбаясь его вихрамъ и всклокоченному виду.

— Какой ты Ряхинъ,—медленно говоритъ онъ и все улыбается,—улыбка у него красивая и снисходительная,—ты —Неряхинъ, а не Ряхинъ!—И смѣется, показывая длинные зубы, все съ тѣмъ же добродушіемъ. Товарищи радуются.

— Онъ—рябчикъ!—докладываетъ кто-то съ задней скамейки.

Законоучитель взглядываетъ на Тихона еще разъ, потупляетъ глаза и начинаетъ тихо смѣяться. Когда онъ смѣется, смѣха не слышно, только багровѣетъ полное лицо да встряхивается животъ. Вѣроятно, онъ и самъ думаетъ, что Тихонъ похожъ на общипаннаго рябчика... Впрочемъ, онъ сейчасъ переходитъ къ занятіямъ.

— Да ну-ка, ты же и отвѣчай, Ряхинъ!—звучно говоритъ онъ, вскидывая голову.—Ты и отвѣть, благо мы тебя вспомнили. Ну-ка, когда состоялся первый вселенскій соборъ?

Тихонъ вздрагиваетъ. Онъ думалъ все время о своей изорванной рубашкѣ, о томъ, что его будутъ бить дома, но никакъ не о соборѣ. Онъ такъ далекъ былъ отъ него.

— Батюшка, я не...—начинаетъ онъ, но сейчасъ же усиліемъ воли возвращаетъ себя къ заношенной книжкѣ. Это не математика, тутъ нечего понимать. И, почти зажмуривъ глаза, Тихонъ рубитъ зазубренное какъ капусту,—учителю остается только въ тактъ помахивать головой.

— Постой, постой,—наконецъ говоритъ онъ.—Сколько разъ говорю: нельзя такъ рубить: „споклоняема и славима“. „Споклоняема“—требуетъ вопроса: съ кѣмъ?

— Со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима,—равнодушно соглашается Тихонъ и рубитъ дальше. Точно поѣздъ стучитъ пробѣгая мимо деревни: „разъ два, разъ два“.

— Вотъ ты и Неряхинъ, а урокъ выучилъ...—

Законоучитель ищетъ въ классномъ журналѣ Тихона и тотъ, сощуривъ глаза, ждетъ напряженно. Законоучитель еще разъ вскидываетъ на него глаза, какъ бы обдумывая, можно ли такому нечесаному да вихрастому поставить пять но „во имя справедливости“, ставитъ въ клѣткѣ этотъ баллъ. Обливаясь потомъ, Тихонъ садится и перестаетъ видѣть и слышать все окружающее до дребезжанья звонка.

— „Надо будетъ попросить сторожа зачинить рубашку“,—думаетъ онъ.—„Дома не покажу“.

IV.

Большая перемѣна. Тихонъ вытаскиваетъ изъ пестраго узелка свой тощій бутербродикъ, и съѣвъ его въ два глотка, остальное время ходитъ вдоль холодныхъ стѣнъ корридора. Вездѣ видны завтракающіе гимназисты. Вотъ пробѣжали пансіонеры съ жирными пирожками въ рукахъ. Одинъ умудрился стащить у служителей два,—любопытно посмотрѣть, какъ будетъ ѣсть этотъ счастливецъ.

Тихонъ осторожно идетъ за нимъ, стараясь дѣлать это незамѣтно. Тотъ сѣлъ у окна на свою парту. Садится къ себѣ и Тихонъ, и все искоса поглядываетъ, какъ онъ ѣстъ, самъ раскрывая ротъ въ

то время, какъ раскрываетъ тотъ. А чтобы не было замѣтно и стыдно, онъ кладетъ передъ собою книгу и дѣлаетъ видъ, будто репетируетъ урокъ.

— „Какіе они счастливые, эти пансіонеры“,— думаетъ онъ.— „Живутъ на всемъ готовомъ. Въ двѣнадцать часовъ завтракъ, въ три—обѣдъ, да еще чай пьютъ два раза, да ужинаютъ на ночь“... Тихонъ въ подробности знаетъ все, что касается ѣды пансіонеровъ. Вотъ одинъ приходящій, изъ нѣмцевъ, ѣстъ икру. Однако, пансіонеръ съѣлъ оба пирожка и, вытерши масленые пальцы о казенную занавѣску окна, равнодушно отходитъ, щурясь, какъ сытый котъ. Если бы не было совѣстно, Тихонъ, кажется, пожевалъ бы занавѣску, какъ, онъ видѣлъ, жевали на заборахъ бѣлье деревенскіе телята. Удаляясь отъ соблазна, снова идетъ по корридору Тихонъ. Вотъ за загородкой жена смотрителя гимназіи продаетъ розовыя булочки и въ жестяныхъ кружкахъ молоко. Громадный жбанъ, полный молока, стоитъ подлѣ. Вотъ, если есть на свѣтѣ счастливые, то ужъ это, конечно, жена смотрителя. Около толпятся богатенькіе гимназисты. Одинъ „приготовишка“ высоко вздернулъ носъ кверху и пьетъ изъ кружки молоко, которое течетъ у него за шею по пухлому подбородку.—„У, дура“!—Тихону хочется его толкнуть не изъ одного того, что тотъ проливаетъ молоко: прислаивается еще неясное, но уже знакомое не впервые чувство.

Около продавщицы толпится такъ много народу, что можно бы, кажется, просто стащить одну булку. Глаза у Тихона дѣлаются зоркими, лицо блѣднѣетъ. Разъ такъ было,—Тихонъ протянулъ сквозь рѣшетку руку и совсѣмъ было схватилъ одинъ хлѣбецъ,—но въ это мгновенье юркіе глаза смотрительши подозрительно остановились на немъ.

— Тебѣ чего?—

— Я купить,—угрюмо сказалъ Тихонъ и подалъ ей три копѣйки.

Тогда у него на счастье были въ карманѣ деньги: онъ получилъ отъ нѣмчика гривенникъ за то, что провозилъ его на себѣ три раза по двору гимназіи во время большой перемѣны... Теперь же можетъ выйти непріятность. Тихонъ отходитъ.

Вспоминается, что еще не зачинена на спинѣ рубакша. Быстро идетъ онъ въ раздѣвальную. У дверей перваго класса его встрѣчаетъ толстый гимназистъ Тарасевичъ и предлагаетъ ему:

— Пойдемъ въ швейцарскую драться!

Тихонъ пугливо сторонится. Онъ не знаетъ, почему Тарасевичъ его такъ возненавидѣлъ,—только всегда, завидя его, этотъ черномазый хохолъ съ широкимъ треугольнымъ носомъ вызываетъ его на драку. И не то, чтобы былъ Тарасевичъ очень силенъ, и не дѣлалъ ему Тихонъ ничего непріятнаго,—но не проходитъ дня, чтобы гдѣ либо его не подстерегъ Тарасевичъ и не предложилъ бы ему:

— Пойдемъ въ швейцарскую драться!

Злоба распираетъ душу, становится тѣсно въ груди,—такъ бы и пошелъ въ самомъ дѣлѣ драться и билъ бы кулаками по губамъ, по треугольному носу, но—еще больше разорвешь блузу,—что тогда?..— Торопливо онъ заходитъ въ раздѣвальную.

— Арсеній Ильичъ, зачините, позалуста!—проситъ онъ дряблымъ голосомъ, ненавидя за что то и сторожа.

„Трегубый“ солдатъ Арсеній лѣниво сидитъ на клѣткахъ съ калошами, выставивъ спину на солнце. Ему тепло, у него не будетъ завтра математики,—тупая зависть бередитъ сердце.

— Искромсалъ блузу сызнова!—ворчливо говоритъ солдатъ и не движется. -Нутка,—принесь еголку. Вона—въ стѣнѣ. Скидавай.

Тихонъ приноситъ изъ угла иголку, похожую на шило, и въ ней навощенную „для крѣпости“ нитку. Снимаетъ блузу и стоитъ около ожиданіи. Арсеній, шевеля разсѣченной губою, лѣниво дѣйствуетъ иглой. Шьетъ онъ, если и не красиво, то крѣпко. Во всякомъ случаѣ, отецъ не замѣтитъ.

— Скажи своему отцу, чтобы принесъ сороковку... обвязательно!-съ шутливой строгостью говоритъ Арсеній, возвращая блузу. Тихонъ одѣвается, вспоминаетъ, что у дверей класса стоятъ съ „тукманкой“ товарищи и блѣднѣетъ отъ злости.

— Арсеній Ильичъ, дайте нозичекъ!—проситъ онъ. Мутные глаза солдата лѣниво обращаются на него.—Карандашъ починить,— объясняетъ Тихонъ.

— Смотри, не сломай! – предупреждаетъ сторожъ.

Съ замирающимъ сердцемъ идетъ къ классу Тихонъ. „Такъ и пырну. Пусть только толкнутъ“.

— Господа,—у Тишки ножикъ!—кричитъ кто то. Всѣ разсыпаются въ стороны, какъ горохъ. Угрюмо показывая зубы, какъ волченокъ затравленый идетъ къ своей партѣ Тихонъ.

— „Рябчикъ, рябчикъ!“—шепчутъ за спиной. Въ затылокъ летятъ бумажки.

Только этимъ и спасается Тихонъ, что беретъ ножикъ, ручку или изъ дому гвоздь.

V.

Было и свѣтлое въ жизни Тихона, но было оно давно.

Тогда еще Тихонъ только что поступилъ въ гимназію и не зналъ, что тамъ есть „два купца“, надъ которыми такъ страшно замираетъ сердце,—что есть злой учитель арифметики и такіе товарищи. Онъ не считалъ себя тогда такимъ некрасивымъ, а думалъ, что онъ—какъ всѣ. Поэтому онъ очень обрадовался, когда мать сказала ему, что барыня пожелала, чтобы онъ шелъ къ ней на елку.

О елкахъ Тихонъ слышалъ многое. Даже у нихъ въ деревнѣ была какъ-то въ школѣ елка, и подвыпившій дьячокъ опалилъ о нее себѣ бороду. Но здѣсь было совсѣмъ другое, интересное,—отчего вмѣстѣ съ радостнымъ ощущеніемъ въ сердце закрадывался страхъ.

Мать мыла его передъ елкою часа два, надѣла чистое бѣлье и, провожая въ господскій домъ, все шипѣла дрожащимъ голосомъ:

— Смотри, подлецъ,—всѣмъ подрядъ цѣлуй ручку.

Когда дѣтей заперли въ столовой, Тихонъ сначала сконфузился. Ему не понравилось уже то, что лакей барыни встрѣтилъ его сурово, что съ насмѣшкой взглянула горничная. Но архитекторша приняла его хорошо: она лишь нахмурилась, когда Тихонъ бросился къ ручкѣ.

— Я не люблю этого,—важно сказала она.—Тебя, кажется, зовутъ Тихономъ? Дѣти, подойдите!

Тихона обступила толпа нарядныхъ дѣтей, и среди нихъ была та дѣвочка, которая впослѣдствіи пришивала для бѣдныхъ пуговицы, и мальчикъ, что умеръ затѣмъ отъ скарлатины. Это были дѣти хозяйки,—но съ ними была масса и другихъ, чистенькихъ и красивыхъ.

— Вотъ, непремѣнно подружитесь,—проговорила архитекторша, уходя.—Тоже гимназистъ.

Тихона закидали вопросами.

— Есть ли у тебя куклы?—спросила дѣвочка.—Какія? Сколько? Какъ ихъ зовутъ?

— Нѣтъ,—сконфуженно отвѣтилъ Тихонъ, и потомъ смущался все больше и больше, когда ему приходилось на всѣ вопросы отвѣчать: нѣтъ и нѣтъ.

— Сейчасъ будетъ елка!—сказали дѣти Тихону.—А тебѣ дѣлали елку?

— Дѣлали,—отвѣтилъ Тихонъ и обрадовался, что наконецъ можетъ сказать „да“.

— А кто дѣлалъ?

Тихонъ вспыхнулъ.

— Дьячокъ!—сказалъ онъ, заморгалъ глазами и отошелъ къ сторонкѣ. Такъ было обидно ему, что елку устраивалъ не отецъ, а чужой дьячокъ! Онъ смотрѣлъ изъ за угла на нарядную дѣвочку, которой дѣлали елку мать а отецъ, видѣлъ, какая она красивая, и вмѣстѣ съ завистью странное чувство всплывало на душѣ. Показалось Тихону, что впервые онъ „влюбился“ въ эту дочь хозяйки именно на елкѣ.

Когда раскрыли настежъ дверь гостинной, Тихонъ остановился въ восхищеніи. Все горѣло вверху и внизу, все блистало, искрилось и проплывало передъ взглядомъ огненнымъ пожаромъ.

Онъ стоялъ не двигаясь и надъ нимъ склонялась благосклонно улыбавшаяся хозяйка, а вокругъ, въ тактъ неслыханной музыкѣ,

кружились маленкія нарядныя парочки изъ обнявшихся съ дѣвочками мальчиковъ.

Тихонъ смотрѣлъ какъ остолбенѣлый, когда къ нему подбѣжала Нелли, дочь архитектора.

— А умѣешь ты танцовать?—радостно крикнула она.

— Какъ, танцовать? — непонимая, спросилъ Тихонъ.

— А вотъ!—Нелли вскрикнула, разставила тонкія ручки и закружилась на паркетѣ,—только взлетывалэ легкая короткая юбочка.

— Нѣтъ, не умѣю,—уныло скасалъ Тихонъ. Нелли казалась ему кѣмъ то бо́льшимъ, чѣмъ человѣкъ, и рядомъ съ мучительной завистью по душѣ расплывалось чувство восторга.

— Господа! Давайте его учить!—крикнула она другимъ дѣтямъ и всѣ обступили его, и каждый наперерывъ предлагалъ ему танцовать съ нимъ, и сразу сдѣлалось просто, довѣрчиво и мило, и оживился самъ Тихонъ, и хотя дѣло ученья шло неудачно и онъ вертѣлся какъ медвѣженокъ, но никто надъ нимъ не смѣялся и всѣ радовались.

„Вѣдь вотъ же, не всѣ злые!“—думалъ въ тотъ вечеръ Тихонъ.

Но день счастья этимъ не кончился. Можетъ быть, самое лучшее еще было затѣмъ, когда погасили на елкѣ свѣчи и хозяйка стала одѣлять дѣтей подарками. Тихонъ получилъ въ ту ночь не мало невиданно—блестящихъ вещей. У него появились игрушки и книжки, золотые орѣхи и пряники... Замирая отъ счастья, онъ уносилъ все домой и когда, прощаясь съ хозяйкой, вновь уже вполнѣ искренно, поцѣловалъ ея руку, архитекторша показалась ему такой прекрасной, какъ королева изъ сказки.

Уходя онъ прощался и съ Нелли.

— Спасибо вамъ!—радостно сказалъ онъ, и вдругъ его что то потянуло къ ней, онъ подошелъ, нагнулся и прежде чѣмъ та успѣла двинуться, поцѣловалъ у нея ея розовую тонкую руку.

— Такъ не дѣлаютъ!—сказала Нелли и вся вспыхнула.

VI.

Онъ пришелъ домой и долго разсказывалъ матери о бывшемъ на елкѣ, долго показывалъ игрушки и пряники. Но и не въ этомъ оказалось самое хорошее. Самое хорошее нашлось въ книжкѣ, гдѣ были нарисованы раскрашенные бараны, кошки и ослы, гдѣ было много стиховъ и пѣсенъ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ книжка становилась дороже, потому что все, въ ней написанное, такъ облегчало душу, такъ наполняло ее чистымъ смѣхомъ и гнало печаль. Съ свѣтлой улыбкой читалъ Тихонъ.

Именинника барана
Поздравляя утромъ рано

Собрались къ нему звѣрюшки:
Заяцъ, котикъ и три хрюшки.

Въ деревнѣ онъ видалъ и барановъ, и кошекъ, и свиней, но всѣ они были такіе обыкновенные. Изъ книжки же оказывалось, что баранъ бываетъ именинникомъ, что къ нему ходятъ гости. Баранъ—и именинникъ!... Объ этомъ какъ то не думалось никогда. Это такъ забавно, такъ мило—смѣшно, что губы невольно раздвигаются въ улыбку, хотя на дворѣ дождикъ, а въ углу лежитъ хмурый отецъ.

Цѣлый міръ невиданныхъ дѣтскихъ радостей открываетъ каждая страница книги. Перелистываешь ее и видишь, какъ кошки, о которыхъ всегда думалось такъ обыденно—сѣро, сидятъ въ передничкахъ и чепчикахъ и у каждой кошки—ложка, и у каждой—тарелка съ кашей. А тамъ еще толстый котъ—Морданъ, который поставилъ въ рядъ нѣсколько стульевъ и прыгаетъ по нимъ на потѣху куколъ. Отчего объ этомъ никогда йе думалось раньше?... Отчего теперь радуешься такъ, точно видѣлъ все это, точно это въ самомъ дѣлѣ было, все прошло передъ глазами,—и передъ Тихономъ—не только закопченная стѣна, кривое окно и угрюмо вздыхающій отецъ...

Но потомъ,—все это кончилось. Все прошло и кончилось, потому что гимназія показала прежде всего страхъ, прежде всего—злобное лицо инспектора, товарищей, бьющихъ тайкомъ по спинѣ, кущовъ изъ учебника, надъ которыми такъ больно думать подъ взглядомъ учителя. И самая книжка съ чудесными украшающими жизнь сказками пропала изъ глазъ такъ просто, обидно и пошло: ее разорвалъ пьяный отецъ, когда Тихонъ принесъ ему въ своемъ бальникѣ первую единицу. Тихонъ думаетъ: ужъ не сномъ ли было, что когда то онъ поцѣловалъ тонкую ручки розовой барышни, и та вся сконфузилась и сказала, уходя звенящимъ голосомъ:

— Такъ не дѣлаютъ!

VII.

Снова насталъ урокъ ненавистной математики и снова на черную доску выѣхали изъ городовъ А и Б два купца, и Тихонъ обязанъ былъ подъ пронзительнымъ взглядомъ учителя, думать о томъ, который изъ нихъ пріѣдетъ раньше. Онъ бы пожалуй даже и думалъ; но отчего учитель смотритъ на него съ такой ненавистью?

„Одинъ дѣлаетъ 8 верстъ въ часъ,—угрюмо высчитываетъ Тихонъ,“—другой...

— Поди сюда!—злобно обрываетъ учитель.

Еле передвигая ноги, идетъ къ инспектору Тихонъ.

— Руку давай!—инспекторъ злобно схватываетъ его за руку, точно желаетъ ее оторвать, и загибаетъ ему на ней пальцы.—Два да три... пять?—Семь у тебя пальцевъ, болванъ?

Товарищи хохочутъ.

— „Рябчикъ, рябчикъ!“—пищатъ въ углахъ. Учитель снисходительно улыбается.—„Ужъ именно, что рябчикъ“...

— Ну,—понялъ?—сейчасъ же злобно спрашиваетъ онъ Тихона. А тотъ не понялъ ничего. Онъ все смотритъ на свою руку, на которой немного ломитъ отъ усердія учителя пальцы, и глотаетъ слезы. „Зачѣмъ загнулъ онъ пальцы и такъ больно?...“ думаетъ онъ.—„При чемъ тутъ и 5 и 7?“

— Вотъ тупица-то!—яростно вздыхаетъ инспекторъ. Онъ склоняется къ нему и вскидываетъ голову.—Фу, какъ отъ тебя пахнетъ!—съ отвращеніемъ говоритъ онъ, и Тихону видно, какъ съ каждой минутой возростаетъ злоба учителя, но параллельно съ нею ростетъ бѣшенство и въ душѣ Тихона.

— Мѣняешь ты бѣлье то?—насмѣшливо спрашиваетъ инспекторъ. Тихонъ смотритъ: повисли надъ мутными глазами синія вѣки... Лицо старое, сухое, точно вываренное.

— Мѣняю,—злобно говоритъ онъ.

— А, такъ ты еще грубить?...—учитель вскакиваетъ, и дряблый голосъ его переходитъ въ визгъ.—Къ расписанью въ инспекторской! На часъ послѣ уроковъ! Тихонъ угрюмо поворачивается и подъ смѣшки класса выходитъ въ корридоръ. „Придешь, значитъ, позже. Мать скажетъ отцу... будутъ бить“... холодно и отдаленно думаетъ онъ, ставши лицомъ къ расписанію уроковъ, испещренному ненавистнымъ словомъ „математика“. Такъ бы взялъ, да ударилъ кулакомъ по стеклу рамки, чтобы попадали, звеня, осколки и стерлись бы презрѣнныя буквы. „Развѣ ударить?“—рука Тихона скребетъ каменную стѣну.—„Еще услышатъ, пожалуй“.—

— Ступай, учитель зоветъ въ классъ!—говоритъ Тихону подошедшій гимназистъ. Тихонъ смотритъ: Ильинъ поворачивается и, глядя ему въ упоръ въ розовый затылокъ, идетъ въ классъ.

— Ну, ворона!—встрѣчаетъ его инспекторъ. Тихонъ видитъ, что его опять подзываютъ на издѣвательство къ доскѣ. „Два раза въ день!“—онъ вздрагиваетъ, вскрикиваетъ и внезапно, не понимая себя, разражается на весь классъ произительнымъ визгомъ.

— Не хочу, не хочу!—кричитъ онъ, утирая глаза сморщенными кулачками. Отъ ѣдкихъ слезъ чернила съ пальцевъ размазываются по щекамъ и подбородку. Тихонъ вдругъ начинаетъ топотать ногами и кричитъ:

— Невозможно! Невозможно!..

— Ахъ ты, злое животное!—голосъ инспектора звучитъ какъ громъ, но уже не страшенъ онъ, только ненавистенъ. Невозможно Невозможно!..—визгливо выкрикиваетъ Тихонъ. Онъ видитъ, какъ дергающееся лицо учителя склонилось надъ нимъ, костлявая рукъ впилась въ плечо...

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ

— Ты что же: хочешь вонъ изъ гимназіи?

И сейчасъ же становится смертельно тихо въ классѣ. И среди молчанія ярко врѣзывается въ слухъ звонокъ. Въ зловѣщемъ молчаньи проходитъ мимо учитель. Робко выбираются съ своихъ скамеекъ товарищи. Уже не кричатъ: „рябчикъ, рябчикъ“,—всѣ сторонятся отъ Тихона и смотрятъ на него, онъ видитъ, впервые—съ какимъ то пугливымъ уваженіемъ.

VIII.

Тихонъ вышелъ изъ гимназіи и побрелъ по пыльному тротуару. Странно: на перекресткѣ двухъ улицъ не было отца. Тихонъ перешелъ черезъ улицу, повернулъ деревянный „иксъ“,—такъ называли гимназисты вертушку, загораживавшую входъ въ городской садикъ. Въ саду было тихо. Присѣлъ на скамейку. На желтомъ пескѣ прыгали воробьи. Онъ зналъ, почему воробьи не могутъ ходить, а только прыгаютъ; ихъ ноги связаны невидимыми путами въ наказанье за то, что, когда распинали Христа, они бѣгали по площадкѣ и кричали „такъ, такъ“. Тихонъ думаетъ о воробьяхъ, потомъ о домѣ, о томъ, почему нѣтъ на посту отца, о томъ, какъ онъ скажетъ, что его рѣшили выгнать изъ гимназіи. Отецъ навѣрное схватитъ ремень и будетъ стегать такъ, какъ никогда еще не билъ. Вѣроятно, синяки будутъ долго болѣть,- но думать объ этомъ не страшно: что то новое зацѣпилось за душу и съ нимъ какъ то не проникаетъ туда страхъ. Что оно, Тихонъ еще не понимаетъ, но въ самомъ дѣлѣ не страшно,—точно его, Тихона, ужъ не будутъ бить. Онъ такъ устроитъ, что бить его не будутъ. Какъ же надо сдѣлать,—пока еще не видать.

— Мор-рожено хор-рошая!—дребезжитъ въ ушахъ Тихона здоровенный голосъ. Вотъ онъ и самъ, широкоплечій мужикъ, съ краснымъ носомъ, съ пыльными волосами, видимо пьяница и балагуръ.

— Ну ка, эмназистъ, мор-рожено?—предлагаетъ онъ.

— У меня нѣтъ денегъ...—хочетъ отвѣтить Тихонъ и внезапно новая мысль освѣщаетъ его окаменѣвшее лицо. „Можно заплатить ему книжкой. Товарищи такъ дѣлали“, -проносится въ умѣ.—„Все равно, книжка теперь не нужна“. Почему не нужна.—еще неясно. Вѣроятно, потому, что выгонятъ изъ гимназіи... Но опять таки прислаивается въ душѣ еще что то, что сидитъ твердо, какъ гвоздь. Тихонъ мучительно напрягаетъ мозгъ,—и разомъ все разъясняется.

— „Я утоплюсь“,—успокоительно говоритъ онъ себѣ и сейчасъ же обращается къ мороженщику.—А что, дадите морозенаго за книзку?

Разносчикъ вскидываетъ на него глаза. Трясущимися руками

роется въ пестромъ узелкѣ Тихонъ и вынимаетъ ненавистную ариѳметику.—Вотъ, за эту. Вы продадите ее на толкучкѣ за двадцать.

— Аяй?—недовѣрчиво спрашиваетъ мужикъ и задумчиво перелистываетъ книжку. Тихонъ видитъ, что онъ щупаетъ листы, не годятся ли они на „цыгарки“, и съ наслажденіемъ думаетъ о томъ, что подлыя, ненавидимыя задачи будутъ стерты въ пепелъ табачнымъ огнемъ.—Хочется смѣяться.

— А нешто тебѣ не надобны?—спрашиваетъ мороженщикъ, видимо колеблясь.

— „Да вѣдь я же утоплюсь!“—хочется сказать Тихону, но онъ понимаетъ, что это неприлично, и говоритъ громко, съ убѣжденіемъ:

— Нѣтъ, не понадобится. Я кончилъ ученье.

— Ну, файда,—разносчикъ развертываетъ грязное полотенце и вынимаетъ оттуда сѣрые немытые стаканы.—Который же тебѣ? спрашиваетъ онъ Тихона, инстинктивно прикрывая широкой ладонью стаканы побольше.

— Да самый большой давайте!—рѣшительно говоритъ Тихонъ.—„Вѣдь я еще никогда не ѣлъ мороженаго!“—проносится въ умѣ. Но признаться въ этомъ совѣстно, и быстрымъ напряженіемъ мозга Тихонъ придумываетъ благовидную причину:—Вѣдь за книжку двугривенный получите!

— А чудной же ты, паренекъ, — участливо замѣчаетъ торговецъ. Онъ снялъ съ жестянки крышку и, зацѣпивъ ложкой желтоватой массы, начинаетъ затолкивать ее въ стаканчикъ. Тихонъ смотритъ на мороженщика съ благоговѣніемъ. Какой онъ богатый и счастливый! Онъ видитъ, что разносчикъ жалѣетъ его, потому что тщательно уминаетъ мороженое въ стаканѣ, чтобы влѣзло больше.

— Нате вотъ, отвѣдайте! —внезапно переходя на „вы“, предлагаетъ торговецъ. Трясущимися руками Тихонъ схватываетъ стаканчикъ и желтую костяную ложечку и начинаетъ ѣсть, поглядывая разносчику въ самые глаза. Новое морозное ощущеніе сладостью растекается по груди и пятится внизъ, наполняя все существо сладкимъ трепетомъ.—„Такъ вотъ оно какое, мороженое-то!“ — съ восторгомъ шепчетъ онъ и невольно думаетъ о купцахъ изъ городовъ А и Б, которые, навѣрное, ѣдятъ мороженое каждый день. „Ну, да теперь скоро!“—радостно думаетъ онъ, поглядывая на мозолистыя руки продавца, который скоро надѣлаетъ изъ учебника цыгарки. — „Я утоплюсь“.—Мужикъ тоже глядитъ въ глаза Тихону, затѣмъ облизываетъ „для чистоты“ его ложку и прячетъ ее за пазуху.

— Да ты, парень, ужъ не сирота ли?—сощуривъ глаза, вдругъ строго спрашиваетъ онъ. Тихонъ вздрагиваетъ,—но странно, холодокъ мороженаго словно приморозилъ всѣ ощущенія. Внутри такъ гладко, точно тамъ снѣгъ, ровная снѣжная скатерть, по которой можно кататься, и ни отъ чего не будетъ больно.

— А почему вы думаете, что я сирота?—равнодушно спрашиваетъ онъ.

— Да такъ... мороженщикъ отворачивается. — Чудной ты какой то, малецъ,—словно поросеночекъ.

— Я же кончилъ ученье!—убѣжденно говоритъ Тихонъ и облизываетъ стаканчикъ.—Вотъ и арифметика.

Торговецъ внезапно смущается, на его деревянныя щеки вспрыгнули пятна.

— Да нѣту, не возьму,—несмѣло говоритъ онъ.—Ну, съѣлъ,—и ладно. А книжку оставь себѣ...—Голосъ разносчика начинаетъ путаться.—Книжка, братъ, начало. Она видитъ, кто и куда,.. Да и ты чудной... Нѣту, не возьму... — Торопливо заматываетъ онъ въ полотенце стаканы.

— Какъ, не возьмете?—блѣднѣя, спрашиваетъ Тихонъ. — Вѣдь мнѣ же не понадобится!..—„Я же утоплюсь!“— хочется добавить,—и опять совѣстно.

— А такъ и не возьму,—строго говоритъ мужикъ и глаза его дѣлаются злыми.—Сказалъ: книжка—начало,—ну и учись... А ты—брось!..—вдругъ пугливо-странно выкрикиваетъ онъ и, погрозивъ пальцемъ, торопливо идетъ прочь.—Мор-рожено хор-рошая!—уже неувѣренно звучитъ его здоровенный ярославскій голосъ.

— „Странно!“—думаетъ Тихонъ.—„Не взялъ“—...Долго смотритъ на книжку и все думаетъ о томъ. что она не нужна.

— Да она чужая!—вслухъ говоритъ онъ.—Мнѣ ужъ не надо...

Осторожно, почти съ уваженіемъ кладетъ учебникъ на скамью и тихо отходитъ. Онъ знаетъ куда: къ рѣчкѣ, и все кажется новымъ, точно невиданнымъ. Улица какая-то необыкновенно чистая, пыль—мягкая, какъ весенняя трава. Вотъ спитъ на козлахъ старый извозчикъ Трофимычъ, мимо котораго проходитъ, по дорогѣ въ гимназію, Тихонъ каждый день. Ласково взмахиваетъ на Тихона головой плѣшивая Чалка, и Тихонъ видитъ, какъ изъ сизыхъ глазъ лошади двумя ручейками текутъ слезы. „Отчего она плачетъ, когда кругомъ такъ хорошо?“—удивленно спрашиваетъ Тихонъ, вступая на бульваръ. Весело блеститъ внизу рѣчка. Жиденькій, „живой мостикъ“ точно дрожитъ отъ радости, купаясь столбами въ водѣ. Торопливыми прыжками сбѣгаетъ внизъ по стертымъ плитамъ Тихонъ.—„Ну, такъ легко, такъ легко!.. Еслибы знать, что все это такъ легко, развѣ онъ сталъ бы изо дня въ день ходить въ гимназію??“... Что то свѣжо вздрагиваетъ внутри, словно сейчасъ засмѣешься... „Вѣдь вотъ же. Чарыковъ, двухклассникъ, о Пасхѣ утопился!“—весело думаетъ Тихонъ.—„Прыгнулъ—и все... Потомъ его вытащили. Синенькій такой, щуплый. Зато на экзамены не ходилъ“... — Стой, песъ! Задрожавъ, оборачивается Тихонъ.

— Что это ты, песъ, задумалъ?..—Въ упоръ уставились на Тихона свѣтлые водянистые глаза. Пахнетъ табакомъ, но не такъ, какъ отъ учителя... махоркой. Тихонъ чувствуетъ боль въ плечѣ. Здоровенная мужицкая лапа впилась въ плечо.—“Я, дяденька, ничего! — пискливо говоритъ Тихонъ и вдругъ узнаетъ: мороженщикъ! ...Отступаетъ, смотритъ во всѣ глаза. Да. Это онъ. Вотъ его носъ, красный и круглый какъ яблоко. Вотъ кудрявится жидкая бородка. Онъ стоитъ передъ Тихономъ безъ рубашки, въ синихъ штанахъ, видимо приготовившись купаться.

— Такъ это вы, дяденька?—радостно спрашиваетъ Тихонъ.

— Я вотъ дамъ тебѣ дяденьку!—возьму, да къ бутарю!—сурово отвѣчаетъ мороженщикъ. Одною рукой онъ все держитъ Тихона за плечо, а другою пытается накинуть на себя рубашку. — Песъ ты мошенный, экое дѣло задумалъ.—Плетью бы тебя, плетью. Тоже,—добавляетъ онъ съ презрѣніемъ и обидой,—еще морожено ѣлъ.

— Да я, дяденька, ничего, — ежась, говоритъ Тихонъ. — Я только такъ... посмотрѣть... Я пойду домой.

— Гдѣ домъ-то?—все еще злобно спрашиваетъ торговецъ. Онъ забираетъ свою кадушку и, крѣпко вцѣпившись, тащитъ Тихона наверхъ.—Иди, иди,—чего?.. Еще морожено ѣлъ!

— Вы, дяденька, не ходите!—испуганно проситъ Тихонъ, дѣлая усилія уравняться по улицѣ съ верстами великана.—Я ничего...—Онъ все подпрыгиваетъ, все забѣгаетъ, а около все мѣряетъ версты красноносый бородачъ, и такъ лежитъ на плечѣ его рука, словно пудовикъ.

Н. Крашенинниковъ.

Послѣ грозы.

Гроза улетѣла со свитой
Толпящихся тучъ
И воздухъ дождями омытый
И свѣжъ и пахучъ.
Съ чарующимъ лепетомъ льются,
Блестятъ ручейки,
И слезы роняя смѣются
Во ржи васильки.

А. Сергѣевъ.

Нарушеный сонъ.

Въ лѣсную уснувшую тьму
Лучъ солнца пробрался
И весело стало ему
И онъ разыгрался.
По сморщеннымъ старымъ стволамъ
Скользнулъ онъ стрѣлою
И брызнулъ по темнымъ вѣтвямъ
Горячей струею.
Кудрявыя купы березъ,
Мохнатыя ели
Подъ ласкою солнечныхъ грезъ
Сквозь сонъ зашумѣли.
Проснувшійся вѣтеръ вздохнулъ,
И эхо вздохнуло.
. . . . . .
Но лучъ въ поднебесье скользнулъ
И вновь все уснуло.

А. Серпьевъ.

*
* *

Мнѣ не понятна грусть на молодомъ лицѣ . .
Когда душа свободна и крылата,
Когда, какъ дѣтскій сонъ, жизнь сказками богата
И нѣтъ безумныхъ думъ о будущемъ концѣ, —
Мнѣ не понятна грусть на молодомъ лицѣ . . .
Мнѣ не знакомъ предѣлъ свободы и любви . . .
Жизнь это—день, Смерть—ночи покрывало,
И я спѣшу любить, какъ лезвіе кинжала
Спѣшитъ окраситься въ дымящейся крови . . .
Мнѣ не знакомъ предѣлъ свободы и любви . . .
Кто видитъ радости сквозь жизненную тьму,
Кто грезитъ о веснѣ въ осеннее ненастье,
Тотъ побѣждаетъ грусть, находитъ въ жизни счастье . . .
Восторгъ любви понятенъ лишь тому,
Кто видитъ радости сквозь жизненную тьму . . .

В. Александровскій.

За стѣной.

Бѣлыя снѣжинки, легкія пушистыя,
Вьются беззаботно, нѣжныя, лучистыя,
Рѣютъ, плавно катятся и къ рѣшоткѣ ластятся,
Словно мотыльки въ ночь на огоньки.
Хочется забыться; хочется быть птицею
И летать—кружиться надъ большой темницею,
И путемъ хоть сказочнымъ, за окномъ загадочнымъ
Вѣсти разузнать—свѣту разсказать.

Чу, кругомъ темницы робкіе, не вѣрные
Раздаются тихо чьи—то стуки мѣрные . . .
Съ ними—ненасытные взгляды странно—скрытые
Все кого—то ждутъ, зорко стерегутъ.
Этой ночью темной, надъ стѣной упорною,
Что пугливо встала глыбой мертво черною,
Призраки закружатся и огни потушатся . . .
Будетъ грезить тьма, не уснетъ тюрьма.

Ал. Б—овъ.

Вокругъ Галицко-Украинскаго вопроса.

I. Русинская Галиція наканунѣ войны.

Галиція, значительная часть которой занята теперь русскими войсками, издавна была тѣмъ кускомъ Австро-Венгріи, за который особенно опасалось австро-венгерское правительство. Достаточно указать на составъ галиційскаго населенія, чтобы ясно представить себѣ—въ *какую* сторону направлялись эти опасенія.

По переписи 1910 года говорящихъ на *польскомъ языкѣ* въ Галиціи насчитывается—4.672.500 чел. На *русинско-малорусскомъ языкѣ*—3.208.092 чел. На нѣмецкомъ—90.114 чел. При этомъ надо имѣть въ виду, что Галиційскіе евреи говорятъ частью на польскомъ, частью на нѣмецкомъ языкѣ. Всѣ прочіе, говорящіе на иныхъ языкахъ, составляютъ около 55.000 чел.

По вѣроисповѣданію населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ: римско-католиковъ, по преимуществу поляковъ,—3.736.961 чел.; уніатовъ, главн. образомъ русиновъ—3.379.613 чел.; евреевъ—871.895 чел. Остальныхъ, въ большинствѣ протестантовъ,—41.206 чел. По статистикѣ 1900 года *православныхъ* въ Галиціи насчитывалось всего—2.235 (0,02%) чел.

Однимъ словомъ, Галиція наполовину населена русинами, сплошь говорящими на украинскомъ языкѣ и по вѣроисповѣдованію почти столь-же сплошь принадлежащими къ греко-католикамъ, т.-е. къ уніатамъ. Русинская Галиція—это Восточная Галиція, Западная—населена главнымъ образомъ поляками.

Чтобы обезопасить себя отъ сосѣдней родственной галиційскому населенію Россіи и такъ или иначе связать съ собою эту чужеродную землю, Австрійское правительство приблизительно съ 60-хъ годовъ (XIX в.) вступаетъ въ отношеніи къ ней на путь либеральной политики. Болѣе либеральной въ сторону поляковъ, съ землевладѣльческимъ классомъ которыхъ австрійская власть тѣсно связала себя, и менѣе либеральной въ сторону русинскаго, попреимуществу крестьянскаго, населенія.

Что касается еврейства, то положеніе его въ Галиціи значительно лучше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Съ конца 60-хъ годовъ австрійское еврейство стало пользоваться гражданскимъ равноправіемъ, на основѣ котораго оно въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни—и въ свободныхъ профессіяхъ, и въ администраціи, и въ муниципалитетахъ—заняло въ Галиціи выдающееся положеніе.

Такъ, среди галиційскаго чиновничества евреевъ насчитывается не менѣе 13%. Во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ Галиціи, имѣющихъ самоуправленіе, число гласныхъ евреевъ, по статистикѣ 1907 г., равнялось 36,3%. Въ Пшемышлѣ изъ 35 гласныхъ евреевъ—20. Въ Бродахъ изъ 36—29; въ Тарнополѣ изъ 36—18; въ Станиславовѣ изъ 33 гласныхъ 17 евреевъ и т. д. Торговыя палаты въ наиболѣе крупныхъ городахъ Галиціи—въ Краковѣ, въ Львовѣ, въ Бродахъ почти сполна въ рукахъ купцовъ—евреевъ. И даже въ земледѣліи (и не только рабочими) занято до 20% евреевъ.

Съ начала 60-хъ годовъ Галиція, въ цѣляхъ скрѣпленія съ Австріей, получаетъ рядъ національно правовыхъ уступокъ—въ языкѣ, въ школѣ и проч. Учреждается областной сеймъ, правда, съ куріальной системой. Однимъ словомъ вводится конституція, точнѣе сказать, областная автономія, хотя и весьма урѣзанная и односторонняя, особенно по отношенію къ русинамъ, но все-же открывающая возможность для борьбы, не только полякамъ, но и русинамъ, за ихъ культурно-національное развитіе.

Національно-культурное развитіе, развернувшееся на этой основѣ, ярче всего сказалось въ ростѣ школъ, но тутъ-же сразу обнаруживается и разница въ правовомъ положеніи между поляками и русинами.

Съ 1871 года по 1903 г. т.-е. за 32 года число учащихся въ низшихъ школахъ съ 156.015 чел. выросло и даже превысило мильонъ. Въ 1903 г. народныя школы (общественныя и частныя) *по языку* распредѣлялись слѣд. образомъ: польскихъ—2.340; малорусскихъ, т.-е. русинскихъ—2090; нѣмецкихъ—126. Но большинство польскихъ школъ—двухъ и трехклассныя, малорусскія-же въ большинствѣ одноклассныя.

Число учащихся въ мужскихъ гимназіяхъ съ 7.258 въ 1878 году къ 1908 году выросло до 25.286 чел. Но изъ всѣхъ 38 восьмиклассныхъ гимназій въ 1904 г. на малорусскомъ языкѣ преподаваніе велось только въ 4-хъ; въ 32-хъ на польскомъ, въ 2-хъ на нѣмецкомъ. Одна польская гимназія приходилась на 120.000 чел. польскаго населенія, одна малорусская на 800.000 чел.

По переписи 1901 года всѣхъ *неграмотныхъ* въ Галиціи числилось 3.437.844 т.-е. 56½%. Поляковъ—1.413.349 (41,4%), русинъ—2.098.584 (67%). Среди-же молодежи обоего пола въ возрастѣ отъ 13 до 21 года число безграмотныхъ русинъ было вдвое больше, чѣмъ поляковъ.

Различіе это объясняется, конечно, не столько большей отсталостью русинъ, сколько особо привилегированнымъ положеніемъ въ Галиціи представителей польскаго землевладѣнія и буржуазіи—и въ лицѣ галиційскаго намѣстника—*поляка* и въ куріальномъ сеймѣ, и въ др. оффиціальныхъ учрежденіяхъ.

Національно-политическое господство поляковъ особенно ярко и грубо обнаруживается при ассигновкахъ средствъ на культурно-просвѣтительныя цѣли, отпускаемыя сеймомъ,

Въ 1905 году, напр., на *польскія* частныя школы и воспитательныя заведенія сеймомъ было ассигновано 60.490 кронъ; на русинскія—12.200 кронъ, хотя по численности польское и *русинское* населеніе почти одинаково. *Польскія* просвѣтительныя и научныя общества получили 118.400 кр., *русинскія*—32.900 кр. Въ общемъ для *поляковъ* субсидіи сейма въ 1905 г. на просвѣтительныя цѣли

равнялись 456.326 кр., для русинъ-же всего—64.100 кр., т. е. въ 7 разъ менѣе!

Въ Львовскомъ университетѣ, который наряду съ Краковскимъ находится въ рукахъ поляковъ, послѣ 1905 г. имѣлись 5—6 каѳедръ (теперь 9) съ чтеніемъ лекцій на малорусскомъ языкѣ.

— „Даже въ настоящее время русинская нація—пишетъ Отто Бауэръ, австрійскій писатель и знатокъ національныхъ отношеній въ Австріи, въ своей книгѣ о національномъ вопросѣ—не только не имѣетъ своего университета, но и ея средняя школа находится въ зачаточномъ состояніи. Какъ ничтожно ея политическое значеніе, показываетъ несправедливость, причиненная ей новой избирательной системой! Такова судьба неисторической, чисто-крестьянской націи. И все таки—продолжаетъ Бауэръ—не подлежитъ сомнѣнію, что и русины вступили на тотъ путь, который чехи уже прошли, на который славяны давно вступили. Народная школа, всеобщая воинская повинность, всеобщее избирательное право, газеты и народныя собранія подвергаютъ массы русинскаго народа однородному культурному вліянію"...

Это національное возрожденіе, для котораго, кстати сказать, „1905 годъ" въ Россіи послужилъ сильнымъ и живительнымъ толчкомъ, прежде всего проявилось въ движеніи интеллигенціи за свой малорусскій университетъ или—что все равно—за права малорусскаго языка, вылившись въ неоднократныя (въ 1901 г., въ 1903—4 г., въ 1906 г. и особенно въ 1907 г.) и бурныя, съ арестами и голодовками, студенческія волненія. Но и народная (полупролетаризованная крестьянская) масса не осталась въ сторонѣ. Чувство національной неудовлетворенности дало себя знать въ широкомъ аграрно-стачечномъ движеніи (395 лѣтнихъ забастовокъ въ 1902 г.), направленномъ противъ польскихъ помѣщиковъ. Во всѣхъ случаяхъ борьба имѣла ярко-выраженный національный характеръ и направлялась не столько противъ центральнаго Вѣнскаго правительства, сколько противъ безгранично-господствующей въ Галиціи польской шляхты и буржуазіи. Въ борьбѣ за расширеніе избирательныхъ правъ, какъ въ сеймъ, такъ и въ парламентъ, польскіе господствующіе классы, опасавшіеся потерять свои привиллегіи въ Галиціи, были горячими охранителями и всячески воздѣйствовали на центральную власть въ смыслѣ урѣзыванія избирательной реформы.

Жизнеспособность національной украинской культуры сказались въ быстротѣ ея темпа развитія и въ той сравнительно широкой и богатой созидательно-творческой работѣ, которая вылилась въ организаціи цѣлаго ряда культурно-просвѣтительныхъ, научныхъ и хозяйственно-экономическихъ учрежденій. И это не смотря на ту относительную узость рамокъ, которыя были предоставлены для ея развитія австро-польской автономіей Галиціи.

Одной изъ очень важныхъ для народнаго просвѣщенія организацій являлось дѣйствующее среди русинъ съ 1868 года научно-просвѣтительное общество „Просвіта". По всей странѣ раскинута цѣлая сѣть его отдѣленій, распространяющихъ среди народа мильоны научно-популярныхъ, беллетристическихъ и популярно-техническихъ изданій. Общество имѣетъ свой печатный органъ, до 150.000 членовъ, главнымъ образомъ среди сельскаго населенія, и за время своей дѣятельности

организовало отъ 2.000—3.000 читаленъ, болѣе 500 магазиновъ, нѣсколько сотъ кассъ мелкаго кредита и т. п. Просвѣтительная дѣятельность его и экономическая помощь распространяется также и на различныя отрасли сельск.-хозяйства.

Особенно внушительно въ русинской Галиціи кооперативное движеніе.

— „Вѣдь, тамъ, на пространствѣ одной нашей губерніи — говорится въ журналѣ „Украинская Жизнь“ (Авг.—Окт. 1914 г.)—дѣйствуютъ до 4.000 кооперативовъ разнаго типа, въ томъ числѣ крупныя кредитныя, торговыя и сельско-хозяйственныя ассоціаціи съ тысячами отдѣленій и десятками тысячъ членовъ“...

Центромъ научнаго русинско-украинскаго движенія, своего рода зачаткомъ украинской академіи наукъ служитъ „Научное товарищество имени Шевченка“, издающее свои научныя записки и занимающееся изслѣдованіемъ и разработкой украинской исторіи, археологіи, этнографіи, украинскаго языка и литературы. Однимъ изъ видныхъ дѣятелей этого общества считается Кіевскій и Львовскій проф. М. Грушевскій. Еще однимъ изъ крупныхъ просвѣтительныхъ обществъ слѣдуетъ признать основанное въ 1881 г. „Педагогическое товарищество“ въ Львовѣ, имѣющее свой педагогическій и научный журналы и издавшее за послѣдній десятокъ лѣтъ не менѣе мильона различныхъ книгъ.

Въ самое послѣднее время въ Галиціи издавалось до 30 украинскихъ газетъ и журналовъ. Украинско-русинская литература выростила цѣлый рядъ довольно значительныхъ литературныхъ именъ, среди которыхъ наиболѣе крупной извѣстностью пользуется имя Ивана Франко.

Можно себѣ представить послѣ этого—какое впечатлѣніе и какія настроенія къ Россіи должны были воспитывать въ Галиціи программы дѣйствій по отношенію къ россійскимъ украинцамъ со стороны такихъ, напр., украинофобовъ-реакціонеровъ, какъ чл. Г. Думы гр. В. Бобринскій или, напр., г-нъ С. Щеголевъ. Программа г. Щеголева гласитъ: „націонализація малорусскихъ народныхъ училищъ... необходима для федеративнаго распада Россіи, для уничтоженія единства и сплоченности русскаго народа, какъ великодержавной единицы въ Европѣ“... Или: „всякой малорусской книгѣ или газетѣ, печатанной безъ соблюденія общерусской орѳографіи, правительство немедленно должно преградить доступъ въ деревню: въ библіотеки и кооперативы“ *).

Узелъ партійно-политическихъ группировокъ и ихъ взаимныхъ отношеній среди галиційскихъ русинъ довольно сложенъ. Подъ давленіемъ и въ борьбѣ съ польско-шляхетскимъ національнымъ господствомъ тамъ обнаружились въ свое время двѣ тенденціи: одна искала національнаго освобожденія русинской Галиціи на пути сближенія съ Россіей; внѣшняя сила, Россія, должна была принести свободу; другая—надежды національнаго освобожденія русинъ связывала съ внутреннимъ развитіемъ національно-политической самодѣятельности народа.

На почвѣ этихъ двухъ тенденцій образовались двѣ наиболѣе старыя по происхожденію и въ то же время наиболѣе интересныя

*) *С. Щеголевъ.* Современное украинство, стр. 155.

для даннаго момента партіи: 1) „Старорусская“ или „москалефильская“, разбившаяся въ послѣднее время на двѣ фракціи. 2) національно-демократическая или украинофильская, самая значительная и сильная среди русинскихъ партій.

„Старорусская“, или какъ она сама себя называетъ „русско-народная партія“, по своему направленію консервативно-клерикальная, (изъ чиновниковъ и священниковъ) образовавшаяся еще до 60-хъ годовъ, на почвѣ австрійской реакціи послѣ 48 года, ставитъ своей цѣлью сліяніе русинъ-малороссовъ съ россійскими великороссами и считаетъ естественнымъ раствореніе малорусовъ въ русскихъ и обращеніе украинско-русинскаго языка въ обще-русскій языкъ. Цѣли и стремленія этой старой „москалефильской“ партіи въ свое время формулированы были приблизительно такъ: она стремится къ національному и культурному единству всего *русскаго* народа на историческихъ, традиціонныхъ началахъ. Для русинскаго населенія Австріи она считаетъ необходимымъ не только защищать его отъ „національныхъ противниковъ и отъ убійственнаго для русской народности и церкви соціализма, но и путемъ просвѣщенія самой себя и народа въ духѣ и направленіи, указанныхъ исторіей, развить его національныя силы“... Принимая-же во вниманіе, что русинское населеніе принадлежитъ „къ малорусской отрасли русскаго народа“ партія признаетъ цѣлесообразнымъ пользоваться *въ Галиціи для народа* малорусско-русинскимъ языкомъ, не отказываясь и отъ общерусскаго языка и общерусской литературы.

Въ жизни эта партія, хотя и не переставала теоретически тянуть къ Россіи, но всегда была въ своихъ требованіяхъ умѣренной: съ народомъ говорила на малорусскомъ языкѣ, въ своей-же средѣ, т.-е. среди интелигенціи, пользовалась какой-то уродливой помѣсью русскаго съ малорусскимъ. По мѣрѣ развитія въ Австріи гражданскихъ свободъ, и вмѣстѣ съ повышеніемъ національной культуры русинскаго народа, партія эта шагъ за шагомъ лишалась почвы и соотвѣтственно этому становилось все болѣе лойяльной, компромисной и сговорчивой, и съ поляками и съ вѣнскимъ правительствомъ (Ея органомъ былъ „Галичанинъ“).

Но ослабленіе и постепенное схожденіе со сцены старыхъ „москалефильскихъ“ элементовъ вызвало къ жизни, въ значительной степени съ помощью искуственной поддержки россійскихъ націоналистовъ, фракцію такъ наз. „радикальныхъ“ русофиловъ или „москвофиловъ“ подъ предводительствомъ пріятеля гр. В. Бобриискаго, адвоката Дудыкевича, прозваннаго въ Галиціи „галиційскимъ Пуришкевичемъ“. Эти „радикалы“ желаютъ узаконенія русскаго языка *наравнѣ* съ господствующими въ Галиціи польскимъ, украинскимъ и нѣмецкимъ и настроены противъ уніатства за православіе. Фракція г. Дудыкевича—фракція воинствующей демагогіи—и находится въ ожесточенной враждѣ со старыми „москалефилами“, во враждѣ, *нѣкоторыми* чертами напоминающей собой борьбу нашихъ „дубровинцевъ“ и „марковцевъ“. (Ихъ органъ—„Прикарпатская Русь“).

Самая сильная среди русиновъ „украинофильская“ или „національно-демократическая“ партія ставитъ своей цѣлью сохранить и развить украинско-русинскую культуру и отстаиваетъ поэтому всюду народный украинскій языкъ. Формулируя свою программу въ концѣ 90-хъ г.г., она заявляла, что ставитъ своей цѣлью—возсоединить всѣ

части украинской націи въ одну „культурную державу“ („въ одну новочасну культурну державу“). „Нашъ націонализмъ—говорилось въ программѣ—долженъ быть насквозь демократиченъ“. Но пока-что, пока не достигнута главная цѣль: „Русь—Украйна“ „безъ хлопа и безъ пана“, до тѣхъ поръ, еще въ рамкахъ австрійскаго государства, слѣдуетъ добиваться возможно болѣе широкой автономіи. По отношенію къ россійской Украйнѣ партія считаетъ нужнымъ укрѣплять и развивать чувство національно-культурнаго единства съ россійскими украинцами и поддерживать въ нихъ стремленіе въ сторону преобразованія Россіи „въ державу конституціонно-федералистическую, опирающуюся на автономію народностей“... *).

Характеризуя взгляды этой партіи въ настоящее время, видный украинскій дѣятель проф. Грушевскій опредѣляетъ ихъ слѣд. образомъ:

— „Съ одной стороны она ставитъ своей задачей—пишетъ онъ—улучшеніе положенія и расширеніе правъ украинскаго народа путемъ реформъ общегосударственнаго строя въ демократическомъ направленіи... Съ другой стороны она выдвигаетъ и чисто-національныя требованія, общаго и спеціальнаго характера: нормированіе національныхъ отношеній законодательнымъ путемъ, переустройство государства на началахъ національно-территоріальной автономіи, вмѣсто нынѣшней автономіи коронныхъ земель, отдѣленія восточной, украинской территоріи Галиціи отъ западной и соединенія ея съ украинской территоріей Буковины... Впредь до переустройства областной организаціи—пишетъ далѣе проф. Грушевскій—въ противовѣсъ стремленіямъ польскихъ правящихъ партій къ полному обособленію Галиціи... украинскія національныя партіи, при существующемъ положеніи вещей, *отстаиваютъ наоборотъ возможно болѣе тѣсную связь галицкой жизни съ центромъ и требуютъ устраненія системы невмѣшательства центральнаго правительства въ галицкія дѣла и отношенія* (курс. мой *Е. М.*).

Иными словами, при нынѣшней ненормальной системѣ областныхъ автономій, уираинскіе (въ Галиціи. *Е М.*) прогрессисты *являются сторонниками централизма, а не автономизма.* (курс. мой. *Е. М.*), поддерживаемаго націями, находящимися въ положеніи правящаго большинства (поляки, чехи) ...“ **),

Кромѣ выше-охарактеризованныхъ двухъ болѣе старыхъ партій имѣется еще радикальная крестьянская (тоже украинофильская) партія, близкая націоналъ-демократической (украина „хлопа, попа и пана“) и, наконецъ, менѣе другихъ подверженная націоналистическимъ увлеченіемъ, партія соціалъ-демократическая.

Самыми послѣдними и наиболѣе крупными эпизодами въ общественно-политической жизни Галиціи, ярче другихъ обрисовавшими распредѣленіе и соотношеніе общественныхъ силъ, являются выборы 1911 года въ австрійскій парламентъ и затѣмъ борьба за реформу Галиційскаго Сейма въ 1913 г.

По новому избирательному закону 1907 г., давшему Австріи всеобщее избирательное право, Галиція получила 108 депутатскихъ мѣстъ (на 30 болѣе прежняго), но русины изъ нихъ имѣютъ всего 33, т. е. не смотря почти на одночисленность поляковъ и русиновъ въ два раза меньше, чѣмъ поляки. Но не смотря на это неравноправіе, всеобщее избирательное право чрезвычайно оживило борьбу, и въ 1907 году дало возможность, не смотря на ужасныя выборныя злоупотребленія и насилія, даже русинскимъ с.-д. провести въ рейхстагъ двухъ своихъ кандидатовъ.

*) „Діло“ 1899 г.

**) *Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ.* Стр. 170—171.

Въ 1911 году русинскія буржуазныя партіи уже не стояли, какъ это было въ прошлыхъ выборахъ, сплоченной стѣной противъ польскихъ буржуазныхъ партій. На этотъ разъ русинскіе „москалефилы“, не смотря, казалось-бы, на свою вражду ко всему связанному съ Австріей, голосовали за поляковъ противъ украинско-русинскихъ націоналъ-демократовъ, а польскіе націоналисты и консерваторы всюду поддерживали „москалефиловъ“ противъ „украинофиловъ“, т. е. противъ націоналъ-демократовъ и радикаловъ. Въ результатѣ число голосовъ сельскихъ округахъ Восточной Галиціи (гдѣ русины живутъ главнымъ образомъ), подданное за русинскихъ кандидатовъ уменьшилось сравнительно съ 1907 годомъ на 12%, а число польскихъ увеличилось на 10%. Однако „москалефилы“, не смотря на свое заигрываніе съ польскими націоналистами, не выиграли, а проиграли. Въ то время, какъ число голосовъ, отданныхъ „украинофиламъ“ (нар.-дем.) уменьшилось всего на 1% (съ 334,225 въ 1907 г. до 351.548 въ 1911 г.), число голосовъ „москалефиловъ“ упало на 3% (съ 159.988 въ 1907 г. до 118.470 въ 1911 г.), т. е. *вліятельность „москалефильскихъ“ идей находилась ясно въ процессѣ упадка.* Представители-же боевого русофильства „дудыкевичевцы“, не смотря на большія денежныя средства, которыя они имѣли въ своемъ распоряженіи, потерпѣли большой крахъ, потерявъ въ пользу „украинофиловъ“ 3 своихъ мандата. Лидеръ ихъ г. Дудыкевичъ былъ также проваленъ.

Борьба вокругъ реформы Галиційскаго Сейма была еще болѣе ожесточенной и яркой. Сеймъ, организованный по куріальной системѣ, давалъ огромное преимущество, съ одной стороны господствующимъ классамъ противъ демократіи, съ другой полякамъ противъ русинъ. Послѣ введенія всеобщаго избирательнаго права для выборовъ въ парламентъ безобразная избирательная система въ сеймъ дѣлалась нелѣпой и нестерпимой. Кромѣ того, къ реформѣ была склонна и центральная австрійская власть желая, въ значительной степени подъ вліяніемъ осложненій, начавшихся между Австріей и Россіей на Ближнемъ Востокѣ, усилить и закрѣпить за собой симпатіи русинскаго народа. Борьба за реформу, помимо всего прочаго, вылилась въ упорную и систематическую обструкцію той группки (въ 16 чел.) руссинскихъ представителей, которымъ удалось на предпослѣднихъ выборахъ проникнуть въ сеймъ. Обструкція перекинулась и въ Вѣнскій парламентъ. Польская демократія не противодѣйствовала ей. Противъ сеймовой реформы боролись главнымъ образомъ, польская „напіоналъ-демократическая“ партія (основанная лидеромъ польско-русскихъ народовцевъ г. Дмовскимъ и его соратникомъ Заморскимъ), выставляя въ Западной Галиціи антисемитскія, а въ Восточной антирусинскій аргументы.

Но не смотря на сопротивленіе польскихъ народовцевъ и клерикаловъ, борьба привела къ побѣдѣ, правда, далеко не полной, къ частичной уступкѣ, на почвѣ компромисснаго соглашенія польскихъ и русинскихъ прогрессистовъ. Только такой урѣзанный проэктъ—какъ они надѣялись—и могъ пройти въ сеймъ, гдѣ требовалось по закону, 2/3 голосовъ. Куріальная система по этому проэкту сохранялась, оставались по старому и назначенцы („вирилисты“); онъ только умножилъ число курій, и ввелъ въ нихъ всеобщее голосованіе. Число депутатскихъ мѣстъ для русиновъ теперь удваивалось. (Вмѣсто 30—62).

Но надо было эту реформу провести еще черезъ старый сеймъ, въ который предстояли (въ 1913 г.) выборы. Вокругъ этихъ выборовъ и разыгралась *послѣдняя* борьба, характеризирующая русинскую Галицію *послѣднихъ* дней.

Въ этой борьбѣ русины опять раздѣлились: на одной сторонѣ оказались двѣ самыя многочисленныя украинскія партіи—національ-демократическая и радикальная крестьянская, поддерживаемыя всѣми польскими прогрессивными элементами, съ другой—реакціонная польская шляхта и партія Галиційскаго намѣстника *вмѣстѣ* съ „дудыквичевцами", за которыми на этотъ разъ не послѣдовали даже старые „москалефилы". Въ прошлый сеймъ Дудыкевичъ былъ проведенъ той-же шляхтой и намѣстникомъ, пообѣщавъ имъ быть скромнымъ и не изображать изъ себя *русскаго*.

На этотъ разъ, скомпроментированный разными „исторіями" *), онъ не рѣшился даже выставить своей кандидатуры.

И вотъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ „москвофилы" - „дудыкевичевцы", еще разъ, *подтверждая полную свою нежизненность и непопулярность въ народѣ*, потерпѣли рѣшительное пораженіе. —„Украинофилы" (нац.-демократы и радикалы) провели 31 представителя вмѣсто прежнихъ 16; у „дудыкевичевцевъ"—же вмѣсто прежнихъ 5-ти едва остался *одинъ*.

Изъ 161 члена сейма 58—59 оказались сторонниками реформы. Предстояла еще борьба, но ей уже не суждено было закончиться...

Судя по тому соотношенію политическихъ силъ, которое обнаружилось при выборахъ въ парламентъ и въ сеймъ и принимая во вниманіе все-же 118000 голосовъ, поданныхъ за „москвофиловъ" при выборахъ въ 1911 г., необходимо признать, что австрійская политика хотя и ослабляла шагъ за шагомъ *центробѣжныя* въ сторону Россіи силы среди галиційскихъ русинъ, но оказалась не способной уничтожить ихъ вовсе...

Еще въ 1905 году, анализируя различныя тенденціи австрійскихъ національностей, такой знатокъ національнаго вопроса, какъ Отто Бауэръ, писалъ:

— „Если бы чехамъ пришлось жить,—въ Австріи-ли, или въ великой Германской имперіи,—подъ нѣмецкимъ господствомъ, то они конечно, предпочли-бы принадлежать къ русской имперіи. Но пока монархія (т. е. Астро-Венгрія *Е. М.*) существуетъ и по мѣрѣ того, какъ она все ближе подвигается къ національной автономіи, они все больше будутъ заинтересованы въ ея существованіи... Другое дѣло, если народы Россіи пріобрѣтутъ свою національную свободу. Монархія (т. е. Австро-Венгрія. *Е. М.*) и Россія имѣютъ двѣ общія націи: поляковъ и русинъ. Если эти націи въ Россіи пріобрѣтутъ свою *свободу*, то является вопросъ, не захотятъ-ли онѣ начать борьбу и за свое національное *единство*"... Далѣе Бауэръ указываетъ чрезвычайно характерный фактъ, что первые же успѣхи преобразованій 1905 г. въ Россіи „измѣнили отношеніе руссинъ въ Автсріи". „Пока украинская нація въ Россіи не имѣла надеждъ на свое освобожденіе, русины являлись сильной опорой австрійской государственной власти"... *)

Этотъ-то процессъ сближенія и скрѣпленія, на почвѣ устанавливающихся въ Австріи національныхъ автономій различныхъ австрійскихъ славянъ съ австро-венгерскимъ центромъ, оборванъ теперь грандіозной міровой войной.

*) Знаменитое дѣло Бендасюка и т. п.

*) *Отто Бауэръ*. „Нац. вопросъ". стр. 467.

II. Вокругъ галицко-русинскихъ дѣлъ.

Послѣ сказаннаго, надо думать, будетъ совершенно понятно,—почему англійскіе и другіе политическіе дѣятели союзныхъ Россіи государствъ встрѣтили извѣстныя воззванія Верховнаго Главнокомандующаго „Къ полякамъ" и „Къ народамъ Австро-Венгріи" съ величайшимъ одобреніемъ, назвавъ ихъ (какъ передавало П. Т. А.) мастерскимъ политическимъ шагомъ.

Воззваніе къ народамъ Австро-Венгріи наносило ударъ именно въ самое слабое мѣсто, когда заявляло:

„Россія, напротивъ, стремится только къ одному, чтобы каждый изъ васъ могъ развиваться, храня драгоцѣнное достояніе отцовъ—языкъ и вѣру, и объединенный съ родными братьями, жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдями, уважая ихъ самобытность"...

Дальнѣйшая исторія галицко-украинскаго вопроса—послѣ оккупаціи русскими Восточной Галиціи, движется и развивается уже вокругъ этихъ положеній, одними воспринятыхъ *такъ*, другими *иначе*.

Въ первой половинѣ сентября корреспондентъ газеты „Русское Слово", извѣщая о прибытіи въ Львовъ только что назначеннаго отъ русскаго правительства военнымъ ген.-губернаторомъ Галиціи гр. Г. А. Бобринскаго, сообщилъ:

— „Гр. Г. А. Бобринскій, слѣдуя своимъ убѣжденіямъ и согласно указаніямъ высшихъ властей, намѣренъ твердо держаться политики свободы совѣсти. Русскіе въ Галиціи сплошь уніаты. Поэтому намѣстникъ считаетъ совершенно неумѣстнымъ проводить планы воинственныхъ русскихъ іерарховъ Евлогія и Антонія и русско-галиційскаго общества, о которыхъ заговорили въ русской, въ частности, въ кіевской печати. Разговоры эти внесли сильнѣйшее смущеніе среди галичанъ, русскихъ и поляковъ".

Позже получились болѣе подробныя свѣдѣнія о прибытіи новаго ген.-губернатора въ Галицію и о пріемѣ имъ уполномоченныхъ отъ „галицко-русскихъ" культурно-просвѣтительныхъ и экономическихъ обществъ.

На пріемѣ отъ имени „Галицкой Руси" произнесъ привѣтственную рѣчь г. Дудыкевичъ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь ген.-губернаторъ, указавъ, что „нынѣ надлежитъ приложить всѣ усилія къ духовному и матеріальному объединенію Галицкой Руси съ остальной Россіей", сказалъ г-ну Дудыкевичу и др. „галицко-русскимъ" представителямъ слѣдующее:

„Но прошу васъ, помнить только одно: великое это дѣло должно вестись не только съ любовью и энергіей, но постепенно, съ терпѣніемъ, разумомъ и государственнымъ смысломъ. Никакой ломки производить не слѣдуетъ, надо остерегаться вполнѣ естественнаго чувства мести, а, главное, не допускать даже мысли о религіозной распрѣ".

На слѣдующій день были приняты представители поляковъ, и также—какъ передаетъ „Прикарп. Русь"—„мірской и духовной интеллигенціи".

Президентъ (гор. голова) гор. Львова, представляя президіумъ и указавши между прочимъ на тяжелое положеніе города, въ которомъ война пріостановила всякую живую культурную работу, говорилъ:

— „Со всѣхъ сторонъ доходятъ къ намъ извѣстія, и мы увѣрены въ ихъ правдивости, что въ высокой культурѣ, въ благородствѣ чувствъ и опытѣ вашего высокопревосходительства найдемъ ходатая, въ руки котораго съ полнымъ довѣріемъ вручаемъ судьбу нашего города. Въ сей моментъ на семъ мѣстѣ обращаемся къ вашему высокопревосходительству съ горячей просьбой сдѣлать скоро возможнымъ правильное дѣйствіе управленія городомъ, его хозяйственныхъ, культурныхъ и гуманитарныхъ учрежденій, этой административной организаціи, которая одна только пережила послѣдній кризисъ, когда мы были оставлены на произволъ судьбы“...

Отвѣчая, ген.-губернаторъ ознакомилъ депутацію съ руководящими началами будущей своей дѣятельности, съ одной стороны—въ Восточной Галиціи, съ другой—въ Западной, которыя онъ рѣзко раздѣлилъ.

Восточная Галиція—сказалъ онъ:

„— искони коренная часть единой Руси Великой. Въ этихъ земляхъ коренное населеніе всегда было русское. Устройство ихъ должно быть основано на русскихъ началахъ. Я буду здѣсь вводить русскій языкъ, законъ и строй. Начала эти будутъ проводиться, очевидно, въ жизнь съ должной постепенностью. Я считаю необходимымъ, въ интересахъ всего населенія, не нарушать нормальнаго теченія жизни края. Поэтому я ограничусь на первое время назначеніемъ русскихъ губернаторовъ, уѣздныхъ начальниковъ и русской полиціи. Всѣ же чины мѣстнаго самоуправленія, какъ, напримѣръ, городскія управы, волостные старшины, будутъ мною временно допущены къ исполненію обязанностей, конечно, при условіи, что они окажутся для русской власти благонадежными. Сеймъ не подлежитъ созыву; засѣданія земскихъ собраній, городскихъ думъ, волостныхъ сходовъ запрещены до окончанія военныхъ дѣйствій. Закрыты также всѣ безъ исключенія общества, собранія, союзы и клубы. Открытіе вновь таковыхъ можетъ состоятьоя лишь съ особаго на то моего разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“...

Западная Галиція—дѣло другое. Ея историческое прошлое иное. Поэтому, когда она будетъ завоевана—

„— я съ радостью—заявилъ гр. Бобринскій—примѣню тамъ начала, объявленныя въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича къ польскому народу, конечно, при условіи, что польское населеніе проявитъ къ русскимъ войскамъ и русской власти доброжелательныя отношенія“.

Коснувшись вѣроисповѣднаго вопроса и обращаясь къ представителямъ уніатскаго и католическаго духовенства, генер.-губернаторъ сказалъ:

„Въ вопросѣ религіозномъ, ваши преосвященства, я не дѣлаю никакого различія между обѣими частями Галиціи. Мой лозунгъ—уваженіе ко всѣмъ религіямъ и полная вѣротерпимость. Вліяніе священнослужителей на народъ, слава Богу, велико. Отъ васъ зависитъ внести духовное успокоеніе въ потрясенное бѣдствіемъ населеніе края, но я, конечно, не потерплю никакихъ явныхъ или скрытыхъ выступленій противъ православной церкви“...

Этотъ первый по времени крупный эпизодъ новаго, подъ властью Россіи, управленія Галиціей былъ видимо, какъ и извѣстное воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, понятъ и истолкованъ различными общественными кругами весьма разно. Такъ, „Рѣчь“, говоря о программѣ гр. Бобринскаго для Восточной Галиціи, полагаетъ:

— „Очевидно, гр. Бобринскій хорошо понимаетъ, что немедленное осуществленіе приведенной выше программы именно и привело-бы къ „нарушенію нормальнаго теченія жизни“...

Ссылаясь на слова ген.-губернатора о невозможности „ломки“ и о необходимости „постепенности“, „Рѣчь“ поясняетъ:

— „Необходимо, очевидно, понимать лишь какъ временныя, вызываемыя военнымъ положеніемъ, тѣ мѣры, которыя носятъ характеръ подобный „ломки“ въ заявленіяхъ гр. Бобринскаго“... И въ концѣ концовъ, цитируя слова „никакой ломки производить не слѣдуетъ“, съ горячностью заявляетъ: „подъ этимъ золотымъ правиломъ гр. Бобринскаго мы подписываемся обѣими руками“.

Но вотъ „Галицко-русское Общество“ (состоящее изъ русскихъ націоналистовъ) въ вынесенной имъ 21 сентября резолюціи смотритъ нѣсколько иначе; оно совѣтуетъ—„положить предѣлъ агитаціи противъ православія „мазепинцевъ“ (такъ называютъ г.г. націоналисты „украинофиловъ“), партіи, основанной на (якобы) нѣмецкія деньги. „Нельзя и незачѣмъ оставлять уніатскихъ священниковъ въ тѣхъ селахъ, которыя цѣликомъ перейдутъ въ православіе“; если уніатскій священникъ принадлежалъ во время австрійскаго владычества къ русской народной организаціи (т. е. къ „дудыкевичевцамъ“. *Е. М.*), то его слѣдуетъ оставить на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ такіе священники, конечно, перейдутъ въ православіе“...

Подъ этой программой, надо думать, тоже считающейся — и съ воззваніемъ къ народамъ Австро-Венгріи и съ рѣчами галиційскаго ген.-губернатора, кадетская «Рѣчь», безъ сомнѣнія, не подпишется даже и одной рукой.

Но расхожденіе въ пониманіи и толкованіи галиційскаго вопроса между кадетской „Рѣчью“ и націоналистами не представляетъ собой чего-нибудь необычайнаго,—такъ и слѣдовало быть. Иное дѣло, когда, казалось-бы, такіе близкіе другъ другу органы, какъ „Колоколъ“, съ одной стороны, и „Русское Знамя“ съ „Земщиной“, съ другой толкуютъ галиційское положеніе вещей одинъ *такъ*, а другія совсѣмъ *иначе*. И „Колоколъ“ оказывается на этотъ разъ до того либераленъ, что его въ серьезъ и даже любовно цитируетъ „Рѣчь“ въ своихъ передовицахъ. По мнѣнію „Колокола“, и „Русское Знамя“ и „Земщина“—„истолковываютъ весьма произвольно смыслъ воззванія Верховнаго Главнокомандующаго. Онѣ какъ будто (!) пугаются возвѣщаемой въ этомъ воззваніи свободы національнаго самоопредѣленія“... Самъ-же «Колоколъ» находитъ, что политика гоненій („прижимокъ“) противъ національностей покоится „на устарѣлыхъ понятіяхъ и что они должны быть значительно освѣжены, если не совсѣмъ сданы въ архивъ“... „Еще большей несуразностью—говоритъ далѣе „Колоколъ“—было-бы ограниченіе свободы малорусскаго языка въ самой Малороссіи“... Что касается собственныхъ толкованій „Рус. Знамени“ и „Земщины“, то о нихъ нечего и говорить—«Колоколъ» имъ долженъ казаться органомъ революціоннымъ.

Такая-же разноголосица въ пониманіи и толкованіи обнаружилась между П.Т.А. и «Нов. Временемъ». П.Т.А. сообщило о предполагаемыхъ въ Галиціи мѣрахъ въ вѣроисповѣдной сферѣ, при чемъ подчеркивало, что *насильственнаго обращенія въ православіе допускаться не будетъ*.—Православный священникъ будетъ посылаться въ селеніе только тогда, когда не менѣе $^3/_4$ жителей въ немъ этого пожелаютъ, и т. д. Тѣ же священники, которые, при занятіи Галиціи русскими, скрылись, обратно не допускаются. Для назначенія-же новыхъ нужно разрѣшеніе.

Такое сообщеніе показалось «Нов. Времени» недопустимымъ либерализмомъ и оно гласно выразило свое сомнѣніе въ достовѣрности

источниковъ П.Т.А. Хотя начала вѣротерпимости—заявляетъ Суворинскій органъ—„заслуживаютъ всякаго сочувствія", однако «нѣсколько страннымъ является... подчеркиваніе, что насильственное обращеніе въ православіе недопустимо...» Нѣсколько страннымъ!.. И, дѣйствительно, «Нов. Время» усумнилось въ освѣдомленности П.Т.А., повидимому, не безъ основаній: *его* („Нов. Времени") толкованія были ближе къ истинѣ. По крайней мѣрѣ въ интервью по этому поводу съ сотрудникомъ «Бирж. Вѣд.» такое компетентное лицо, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, заявлялъ: что, конечно,—„Никакого насилія надъ совѣстью и религіозными воззрѣніями галичанъ не будетъ и никогда не предполагалось. Насиліе вообще чуждо православію"... Что же касается агентской телеграммы, то о содержаніи ея по существу—сказалъ оберъ-прокуроръ—„мнѣ стало извѣстно лишь по прочтеніи этой телеграммы и я не знаю, откуда, изъ какого источника наше оффиціозное агентство почерпнуло свои свѣдѣнія!.." Но на ряду съ этимъ телеграфныя извѣстія, сообщающія, что дѣйствія уѣхавшихъ въ Галицію еп. Евлонія и гр. В. А. Бобринскаго вызываютъ въ галиційскомъ населеніи «сильнѣйшее смущеніе», дополнялись сообщеніемъ о томъ, что новый галиційскій ген.-губернаторъ дѣйствительно показалъ себя противникомъ «плановъ воинствующихъ русскихъ іерарховъ»... Разберись, кто можетъ!..

Изъ всего этого разнорѣчиваго хаоса, нагромоздившагося вокругъ галиційскаго вопроса, намъ, памятующимъ о значеніи реальнаго соотношенія силъ, все же кажется болѣе жизненно-достовѣрной для даннаго момента программа, или «система общественной жизни въ завоеванномъ краѣ», принадлежащая націоналисту Чихачеву. Программа—не такъ, чтобы горячо, но и такъ, чтобы холодно... Передаемъ ее, за исключеніемъ, разумѣется, бѣлыхъ мѣстъ, въ изложеніи газеты „Рѣчь".

Національная программа Д. Н. Чихачева—говоритъ «Рѣчь»—состоитъ во «введеніи русскаго языка въ т. н. русинской школѣ и въ подготовкѣ кадра учителей». Въ народной школѣ онъ допускаетъ, однако, что „*придется* (курс. мой. *Е. М.*) пользоваться малорусскимъ нарѣчіемъ". На счетъ суда онъ тоже вынужденъ оговориться, что „*пришлось-бы* (курс. опять мой. *Е. М.*) временно разрѣшить сторонамъ при судоговореніи пользоваться и другими языками, кромѣ русскаго"... Въ основу всей политики г. Чихачевъ предлагаетъ положить «заботу о сельскомъ населеніи края»,—но «преимущественно русскомъ". О «русскомъ», *но* не о польскомъ? Или—о „русскомъ», *но* не о томъ, который считаетъ себя украинскимъ и составляетъ, по сравненію съ „русскими"—дудыкевичевцами, огромное большинство русинскаго народа? Это противопоставленіе—какъ справедливо замѣчаетъ «Рѣчь»—у г. Чихачева не ясно, хотя, скажемъ отъ себя, по *качеству* былобы одинаково.

Что г. Чихачеву «придется» терпѣть въ завоеванной области и другіе языки, кромѣ русскаго, убѣдительнымъ доказательствомъ этому служатъ образцы русскаго языка, который пытается употреблять въ Галиціи русинское населеніе.

Дудыкевичевская «Прикарпатская Русь» приводитъ кинематографическія объявленія, писанныя въ Галиціи „русскимъ" языкомъ. Они гласятъ:

„Арцивеселая, актуальная снимка съ природы!"

„Лилія надъ багномъ (?), весьма печальная драма, выиграный черезъ найлучшихъ итальянскихъ артистовъ".

„Маленькій Вилюсъ дѣлается спящимъ".

„Любезная дѣвушка, сензаціонная драма изъ Генты Портенъ въ главной ролѣ".

„Что милость (?!) докажетъ, фарса изъ Максомъ Линдеромъ въ главной ролѣ".

Но идемъ далѣе. Есть помимо всего этого еще одинъ „галиційскій вопросъ" и быть можетъ самый трудный, тѣмъ болѣе, что въ немъ между такими братьями по духу, какъ „Рус. Знамя", «Земщина», «Колоколъ» и «Прикарпатская Русь» разногласій уже нѣтъ и, пожалуй, не будетъ. Это—еврейскій вопросъ.

Недаромъ г-нъ Крупенскій (членъ Гос. Думы и націоналистъ), бесѣдовавшій въ Львовѣ съ ген.-губернаторомъ, и увѣрявшій по своемъ возвращеніи интервьюера «Бирж. Вѣд.», что „слухи о насильственной русификаціи Галиціи—только слухи", добавлялъ при этомъ:

„— Есть лишь одинъ вопросъ, который можетъ вызвать осложненія. Я имѣю въ виду еврейскій вопросъ. Мѣстные евреи естественно недовольны, ибо прекрасно сознаютъ, что подъ владычествомъ Россіи они потеряютъ тѣ права и ту свободу, которыми они пользовались до сихъ поръ. Это, конечно, заставляетъ ихъ быть недовольными, что естественно вызываетъ противъ нихъ извѣстныя нареканія".

Возможность такихъ, о которыхъ говоритъ г-нъ Крупенскій, „осложненій" подтверждается и съ другой стороны.

„Изъ авторитетнаго источника—пишетъ Нов. Восходъ"—насъ-*русскихъ*, евреевъ освѣдомляютъ, что *галиційскіе* евреи своимъ отношеніемъ къ Россіи озлобляютъ русскихъ людей, а это обстоятельство въ глазахъ русскаго населенія ухудшаетъ *наше* положеніе, положеніе русскаго еврейства"... И затѣмъ идутъ цитары изъ „Колокола", изъ „Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей" и изъ первоисточника этихъ свѣдѣній дудыкевичевской „Прикарпатской Руси", рисующія антирусскія (маловѣроятныя) выступленія галиційскихъ евреевъ. На эту антисемитскую агитацію, казалось-бы, идущую нѣсколько вразрѣзъ съ воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, обращеннаго, какъ извѣстно, „Ко *всѣмъ* народамъ Австро-Венгріи, „Нов. Восходъ" резоно возражаетъ

— „Надо же понять слѣдующее говорятъ онъ—Если мы, русскіе евреи, не смотря на наше нынѣшее правовое положеніе *вѣримъ* въ наше будущее равноправіе, то галиційскіе евреи, которые еще вчера были равноправны, не могутъ жить нашей *вѣрой*, имъ нужна *увѣренность* въ устойчивости ихъ положенія. И—повторяемъ—не мы можемъ сказать имъ то, что и намъ и имъ могло-бы придать бодрости и вѣру въ лучшіе дни"... *)

Помимо всего прочаго возвратившійся изъ Львова П. Н. Крупенскій увѣрялъ интервьюера „Б. В." еще и въ томъ, что „т. наз. русская группа" (дудыкевичевцы? *Е. М.*) остается внѣ всякаго вліянія.

Не знаемъ, о какомъ вліяніи говорилъ г.-нъ Крупенскій, но, факты самаго недавняго происхожденія какъ будто говорятъ о другомъ, о томъ, что „галиційской Пуришкевичъ" чувствуетъ себя большимъ „завоевателемъ", чѣмъ самые подлинные завоеватели.

Въ „Львовскомъ Военномъ Словѣ", издаваемомъ штабомъ Главнокомандующаго, помѣщено недавно заявленіе-протестъ редакціи противъ происковъ г-на Дудыкевича, стремящагося всяческими способами, вплоть до разгона отъ типографіи мальчишекъ—разносчиковъ, помѣшать изданію *военной газеты*, являющейся конкурентомъ его „Прикарпатской Руси". Этотъ органъ, во имя своихъ „русскихъ" заслугъ претендуетъ повидимому, быть (какъ когда то въ Петроградѣ дубровинскій

*) „Н. В." № 40

органъ!) единственной въ Львовѣ русской оффиціозной и монопольной газетой.

Пригрозивъ г-ну Дудыкевичу крупными мѣрами, выведенная изъ себя военная газета пишетъ:

— „Искреннія побужденія нашей Военной газеты ни въ коемъ случаѣ не заслужили враждебнаго отношенія со стороны тѣхъ автократовъ, которые, къ сожалѣнію, не въ состояніи до сей поры освободиться отъ „рабской“ морали и, чувствуя себя нынѣ „завоевателями“, не могутъ, или, вѣрнѣе, не желаютъ взять надлежащій тонъ въ отношеніи русскихъ офицеровъ, ведущихъ скромное и непритязательное дѣло изданія Военной газеты на пользу общему дѣлу...“

Фирура „галиційскаго Пуришкевича“, друга нашего націоналиста и чл. Гос. Думы В. Бобринскаго, послѣ этой цитаты какъ на ладони. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскому читателю нетрудно представить себѣ и ту обстановку, при которой такой господинъ, какъ г-нъ Дудыкевичъ, имѣетъ достаточно смѣлости для того, чтобы рѣшаться подставлять ножку дѣлу, являющемуся дѣломъ штаба Главнокомандующаго.

Впрочемъ, въ самое послѣднее время получилось косвенное доказательство того, что г-нъ Дудыковичъ, видимо, и въ самомъ дѣлѣ не въ фаворѣ, ужъ очень... надоѣлъ.

Доказательствомъ служитъ статья въ „Нов. Времени“ за подписью *Д. В.* представляющая собой жалобу, похожую очень на доносъ, на то... будто-бы русскія военныя и гражданскія власти г. Львова, въ частности Ген. губернаторъ гр. Бобринскій, „мирволятъ“ полякомъ, уніатамъ и даже евреямъ.

— „Въ области церковной, судебной и административной въ Галиціи — доноситъ „Нов. Время“—происходятъ явленія, которыя доказываютъ скорѣе принципъ „непротивленія злу“, чѣмъ исполненіе какой-либо программы. Оставленіе во Львовѣ прежняго польскаго и еврейскаго магистрата и снабженіе его изъ русской казны крупными средствами на прокормленіе пострадавшаго отъ войны мѣстнаго населенія... Актъ великодушія, почти безпримѣрнаго. Къ той же области можно отнести и разрѣшеніе бывшимъ австрійскимъ судамъ вершить свои дѣла отъ имени императора Франца-Іосифа и мягкость по отношенію той части уніатскаго духовенства, которая до сихъ поръ за обѣдней на великомъ выходѣ поминаетъ австрійскаго императора и молится въ эктеніи „о еже покорити ему пдъ нози его всякаго врага и супостата“!..

„Тамъ (т. е. въ Львовѣ) стали мирволить уніатскимъ мазепинцамъ до того, что они безпрепятственно собирались на тайныя совѣщанія и выработали даже проектъ автономіи объединенной „московскими“ войсками Украины „отъ Карпатъ по Кавказъ“

Нѣтъ сомнѣнія, что все это—величайшая чепуха чисто нововременское измышленіе. „Нов. Времени“ нужна націоналистическая политика строго въ его духѣ... Но не приходится закрывать глаза на то, что если въ защиту „дудыкевичевщины“ выступаетъ и ведетъ кампанію суворинскій органъ, г-нъ Дудыкевичъ, не смотря на отпоръ Военной газеты, будетъ и впредъ чувствовать себя „завоевателемъ“...

Впрочемъ, въ самое послѣднее время все болѣе опредѣленно выясняющаяся русско-галиційская программа, по всѣмъ видимостямъ сгладитъ эту первоначальную разногласицу и это первоначальное непониманіе и недовольство.

„Нов. Время“ передаетъ правила о *частныхъ* учебныхъ заведеніяхъ, изданныхъ галиційскимъ ген.-губернаторомъ и входящихъ въ силу съ 1 января 1915 года. Открытіе такихъ учебныхъ заведеній возможно при соблюденіи слѣдующихъ условій:

1) особое разрѣшеніе генералъ-губернатора въ отвѣтъ на соотвѣтствующее ходатайство съ приложеніемъ списка преподавателей; 2) всякое измѣненіе въ составѣ преподавателей происходитъ съ вѣдома и разрѣшенія генералъ-губернатора, по требованію котораго преподаватели увольняются отъ исполненія обязанностей; 3) преподаванію оощерусскаго литературнаго языка посвящается не менѣе пяти часовъ въ недѣлю въ каждомъ каассѣ; 4) исторія, географія, а равно польскій языхъ, словесность преподаются лишь по учебникамъ, допущеннымъ въ Россіи или по особому разрѣшенію генералъ-губернатора; 6) Законъ Божій преподается законоучителями вѣроисповѣданій, къ котсрымъ принадлежатъ учащіеся, и др.

Совсѣмъ недавно въ газетахъ было сообщено, о томъ что архіеп. волынскій Евлогій доносилъ синоду о 50-ти приходахъ въ Галиціи, зарегистрированныхъ, какъ *православные*, и въ которыхъ поэтому, съ новаго года на ассигнованныя Синодомъ деньги откроются церковно-приходскія школы.

Для того, чтобы обслужить эти и другія предполагаемыя къ открытію школъ новаго русско-галиційскаго типа петроградское русско-галиційское общество усиленно вербуетъ среди галичанъ кандидатовъ въ учителя. Съ этой цѣлью въ Петроградѣ извѣстной г-жей Лохвицкой открыты особаго рода подготовительные курсы, на которые 8-го января привезена изъ Львова уже вторая партія (въ 91 чел.) слушателей и слушательницъ. Они были торжественно встрѣчены на вокзалѣ делегатами славянскихъ обществъ и кое-кѣмъ изъ городскихъ гласныхъ. Въ заключеніе. послѣ обмѣна рѣчами—передаетъ „Бирж. Вѣд.“

учителя и учительницы хоромъ пропѣли русскій гимнъ, покрытый единодушнымъ „ура“, и отправили вѣрно-подпанническую телеграмму Государю Императору...

Что для такой вербовки учителей отъ иниціаторовъ требуются большія усилія, это ясно хотя-бы изъ того замѣчательнаго объявленія, въ „Прикарп. Руси“, которое недавно привелъ г. Танъ въ „Бирж. Вѣдомостяхъ“. Вотъ оно:

Мѣстные русскіе люди съ высшимъ образованіемъ, мужчины или женщины желающіе получить занятіе, постоянное или временное, могутъ свои предложенія труда, составленныя и написанныя собственноручно (съ описаніемъ жизни и со свидѣтельствами), подавать лично въ „Народную Контору“.

Далѣе идетъ адресъ и подпись: *Русскій Народный Совѣтъ*.

— „Я встрѣчалъ—добавляетъ г. Танъ—экземпляры созываемыхъ охотниковъ до выгодныхъ занятій съ высшимъ или низшимъ образованіемъ или даже безъ всякаго образованія. Для „временныхъ“ занятій они, пожалуй, подходятъ, для „постоянныхъ“—едва-ли“...

Прибытіе этихъ галиційскихъ курсистовъ послужило поводомъ къ весьма характерной полемикѣ, вспыхнувшей 9 января въ Петроградской Гор. Думѣ.—Гласные г. Васильевъ и нѣкоторые другіе потребовали отъ Гор. думы ассигновки 7500 руб. на помощь прибывшимъ „для изученія русскаго языка“ галицкимъ курсистамъ. И хотя рѣшенія, изъ-за отсутствія кворума, не было принято Думой, но гласные А. И. Шингаревъ и С. С. Григорьевъ успѣли ясно высказать свое отношеніе.

Гласный А. И. Шингаревъ заявилъ, что въ данномъ случаѣ гадицко-русское общество преслѣдуетъ политическія цѣли, осуществленіе которыхъ лежитъ на обязанности государства, и петроградское городское управленіе не можетъ давать на это средства.

Гласные Н. Н. Шнитниковъ и С. С. Григорьевъ выразили предположеніе, не является ли организація указанныхъ курсовъ властью того плана руссификаціи, который преслѣдуетъ галицко-русское общество.

— Если рѣчь идетъ о руссификаціи, то необходимо еще выяснить, полезно это или вредно, — заявилъ, между прочимъ, Н. Н. Шнитниковъ. — И потому петроградской думѣ слѣдуетъ весьма осторожно относиться къ ассигнованію средствъ на осуществленіе такихъ задачъ.

— Съ какой цѣлью учреждаются курсы — спрашивалъ гласный С. С. Григорьевъ. — Если съ цѣлью пропаганды, то слѣдуетъ всѣми мѣрами протествовать, потому что мы знаемъ, съ какой непріязнью встрѣчается на окраинахъ насильственная руссификація. Но если галицко-русское общество преслѣдуетъ исключительно просвѣтительныя цѣли, то я готовъ присоединиться къ ходатайству объ оказаніи помощи курсамъ.

Это послѣдній по времени эпизодъ, являющійся отраженіемъ галицко-русинскаго дѣлъ, каковы они есть теперь.

III. Г-нъ Петръ Струве—г-нъ Дудыкевичъ.

,При такомъ остромъ положеніи Галицко-русинскаго вопроса на страницахъ различныхъ русскихъ газетъ завязался споръ, но уже въ болѣе широкомъ объемѣ—объ украинско-русскомъ вопросѣ. Застрѣльщикомъ былъ г-нъ Петръ Струве, откровенностью своихъ великороссійскихъ стремленій еще разъ (который уже?) всполошившій всю прогрессивно-либеральную печать.

Г-нъ Петръ Струве *отрицаетъ*, „чтобы въ предѣлахъ Россійской имперіи малороссійская (или „украинская“) стихія сложилась въ національность“. Онъ *не доказываетъ* этого своего основного положенія, онъ просто его *утверждаетъ*. Исходя дальше изъ этого ничѣмъ имъ недоказаннаго положенія г. Соруве *считаетъ*, что „ни русское государство, ни русская интеллигенція не должны ни въ коемъ случаѣ содѣйствовать (или „сочувствовать“. *Е. М.*) движенію, которое стремится къ превращенію малороссійской стихіи въ предѣлахъ Россійской имперіи въ національность“.

„Центръ тяжести всего спора—варьируя ту же мысль—говоритъ г. Стуве въ другомъ мѣстѣ—въ томъ, что „украинцы“, какъ украинскіе націоналисты, отрицаютъ фактъ и идею общерусской національной кутьтуры, а ни русская власть, ни русское общество такого отрицанія и соотвѣтствующаго ему поведенія признать и *допустить* (курс. мой *Е. М.*) не могутъ. Это значило бы зачеркнуть русскую исторію“.

Уже изъ этихъ кратко формулированныхъ положеній совершенно ясно, что г. Струве далекъ здѣсь отъ какой-либо *исторической* тсчки зрѣнія. Для него—*пожелай* украинцы и, не получая отъ общества и отъ власти должнаго противодѣйствія, *начни отрицать* „идею общерусской національной культура“ и русская исторія будетъ... „зачеркнута“. Или *пожелай* русская интеллигенція посодѣйствовать украинскому движенію и малорусскаяи „стихія“ обратится въ національность. И наоборотъ. Стоитъ русской государственной власти и русскому обществу *захотѣть* и... „зачеркнуты“ будутъ украинцы вмѣстѣ со всѣмъ ихъ движеніемъ.

Иначе никакъ невозможно понять разсужденій г-на Струве, въ которыхъ совершенно отсутствуетъ *главное*, то главное, что опредѣляетъ такое или иное общественно-сознательное отношеніе, утверждающее или отрицающее подлежащій оцѣнкѣ фактъ. Во всѣхъ утвержденіяхъ и отрицаніяхъ г-нъ Струве нѣтъ ни малѣйшей попытки

какого-либо *историческаго анализа* того явленія—въ данномъ случаѣ культурно-національнаго и украинскаго движенія—которое „зачеркнуть“, какъ выдуманное, онъ рекомендуетъ.

Между тѣмъ, передъ нами имѣется безспорный *историческій фактъ*, на который г-ну Струве не разъ указывали его опоненты и къ которому невозможно такъ просто подойти и „зачеркнуть“. Я имѣю въ виду то весьма богатое и многообразное національно-культурное движеніе, которое превратило украинско-русинскую Галицію въ духовный центръ возрожденія всего украинскаго народа.

Какой-же отвѣтъ на этотъ фактъ исторіи даетъ г-нъ Струве? Отвѣтъ у него готовъ. И онъ такъ-же *простъ*, какъ и всѣ другіе отрицанія и утвержденія г. Струве.

Такъ какъ—„по спеціально-культурнымъ причинамъ Галиційскіе „русины“ не могли стать поляками, по государственнымъ причинамъ они не могли прислониться къ общерусской культурѣ и ее воспринимать“, пишетъ г. Струве—„этимъ было обусловлено то особое положеніе, которое въ Галиціи получила малорусская стихія“.

Но можно сказать—чѣмъ бы ни было обусловлено возрожденіе украинской культуры—все-же фактъ на лицо? Какъ-же слѣдуетъ отнестись къ этому факту? Однако, г. Струве, надо полагать, не безъ намѣренія, называетъ это возрожденіе, не возрожденіемъ, а „особымъ положеніемъ“. Иначе говоря—фактъ развитія украинской національной культуры въ Галиціи—для г. Струве—своего рода историческая случайность, и какъ случайность явленіе незакономѣрное.

Такова та аргументація, которая *замѣщаетъ* у г. Струве во всѣхъ его писаніяхъ объ украинствѣ *историческое изслѣдованіе*. Эта характерная для г. Струве черта отчасти отмѣчена и оппонентами, близкими ему по ихъ партійно-политической принадлежности.

„Одна изъ основныхъ ошибокъ П. Б. Струве въ украинскомъ вопросѣ, на которую между прочимъ справедливо указываетъ Н. А. Гредескулъ,—пишетъ въ „Рус. В.“ г. Кокошкинъ—заключается въ томъ, что онъ очень много говоритъ о томъ, что съ его точки зрѣнія *должно быть*, и очень мало считается съ тѣмъ, что *есть*“.

Г-на Струве, повидимому, ни мало не смущаетъ вопросъ о томъ, что если русское украинство исторически „прислонено“ къ Россіи и *потому* сплошь и безыскуственно проникнуто тѣмъ, чѣмъ въ Галиціи проникнуты искусственно „москвофилы“, (т. е. тяготѣніемъ къ сліянію съ Россіей) то спрашивается—почему-бы такъ *опасаться* столь мощной и будто бы поглощающей русское украинство общерусской культурѣ свободнаго развитія галицко-русинскаго движенія? Вѣдь, *слабое* будетъ совершенно естественно поглощено болѣе *сильнымъ*? Или онъ боится того, что галиційское украинство—эта, по его опредѣленію, незакономѣрная случайность — при своемъ сближеніи—побѣдитъ и притянетъ къ себѣ закономѣрно растворяющуюся въ общерусской культурѣ русскую украинскую „стихію“? Русскіе украинцы, зараженные галиційскимъ украинствомъ, измѣнятъ свой исторически-закономѣрный путь и искуственно будутъ оттянуты отъ процесса своего сліянія съ Россіей?

И почему-бы г. Струве не предположить, что тѣ своеобразныя условія, въ которыя исторія поставила галиційскихъ русинъ и являются тѣми, болѣе или менѣе нормальными, условіями, при которыхъ украинская „стихія“ получаетъ возможность обнаружить себя какъ національность? И съ другой стороны—почему-бы въ Мало-

россіи, прислоненной къ Россіи, именно потому что она прислонена *къ Россіи*, таже національная „стихія“ еще не въ состояніи была самостоятельно пробудиться? Такихъ и подобныхъ вопросовъ, вопросовъ *по существу* можно было бы задать еще десятки.

Но на всѣ эти вопросы читатель не найдетъ во всѣхъ многочисленныхъ писаніяхъ объ украинствѣ г-на Струве ни малѣйшаго намека на отвѣтъ. Они проходятъ мимо его вниманія, ибо все его вниманіе занято другимъ.

Исходной, руководящей и все опредѣляющей *идеей*, заставляющей г, Струве не затруднять себя историческимъ анализомъ, а лишь *утверждать, считать* или *отрицать*, является *идея* великой и сильной имперіи, какъ онъ ее себѣ прсдставляетъ. Великой и сильной—въ смыслѣ государственной силы и капиталистической внушительности. По его мнѣнію такая страна не можетъ существовать безъ основного и, главное, *господствующаго* надъ другими ее населяющими національностями „національнаго ядра“. Онъ не мыслитъ себѣ—какъ не можетъ не мыслить ни одинъ современный націоналистъ—великую, и даже въ капиталистически-государственномъ смыслѣ сильную страну, какъ свободный культурно-національный союзъ многихъ равныхъ въ своихъ правахъ національностей.

Въ одной изъ своихъ статей онъ заявлялъ, что никогда не былъ стооонникомъ австрійскаго пути развитія. Фактъ поразительной слабости Австрійскаго государства, обнаруженный войной, слабости, повидимому, дѣйствительно, въ значительной степени обусловленной относительной непрочностью спайки между разнородными составляющими ее національностями, возводится имъ въ правило, въ принципъ, въ непреложный законъ. Такая-де страна, состоящая изъ многихъ національностей, имѣющихъ тенденцію къ національно-культурному равноправію, по самому своему существу *должна* быть слабой. И опять онъ не ставитъ и не изслѣдуетъ вопроса о дѣйствительныхъ причинахъ вызвавшихъ явленіе такой слабости. Онъ не спрашиваетъ себя,—не потому-ли «государственное тѣло“ Австріи оказалось столь малосильнымъ, что развивающійся тамъ процессъ свободнаго сочетанія различныхъ національностей ко времени войны далеко не былъ еще *законченъ*, или, что все равно, былъ еще далекъ отъ своего завершенія? И не объясняется-ли слабость „государственнаго тѣла“ Австріи имѣнно тѣмъ, что въ ней съ еще достаточнымъ упорствомъ *господствовало* надъ различными національностями, порождая сепаратистскія теченія, то самое „національное ядро“, о которомъ мечтаетъ теперь г. Струве?

Понятно поэтому, что съ точки зрѣнія струвевской „великой“ имперіи или „Великой Россіи“ пробужденіе и развитіе украинской культуры представляется „раздвоеніемъ“ единой русской культуры, ея ослабленіемъ, а слѣдовательно ослабленіемъ страны. Отсюда задача: исправить исторію,—*ограничить* развитіе галицко-украинской культуры, свести ее съ національныхъ рамокъ къ рамкамъ „областнымъ“, иначе говоря, направить развитіе національной культуры по тому пути, который считаютъ соотвѣтствующимъ своей *идеѣ*, г-нъ-ли Струве, г-нъ-ли В. Бобринскій или г. Дудыкевичъ.

Для человѣка, остающагося на исторической почвѣ, вопросъ объ украинской національной культурѣ, даже если считать его *спорнымъ*, принимаетъ, конечно, совсѣмъ другое направленіе. Разъ на

лицо фактъ широкаго національно-культурнаго движенія, его искуственность или естественность можетъ быть установлена лишь однимъ путемъ: предоставленіемъ ему такихъ (въ сферѣ культурно-національной) свободныхъ условій, при которыхъ оно—или обнаружитъ свою историческую несостоятельность и исчезнетъ, или-же, по мѣрѣ развитія своихъ культурныхъ цѣнностей и *особенностей*—сольется со всей страной уже не на почвѣ искусственно созданнаго формальнаго *сходства*, а на почвѣ внутренняго *сознанія* и фактическаго присущаго ей *своеобразія*.

Но для г. Струве исторической почвы не существуетъ, имъ владѣетъ *идея*, впрочемъ, также взросшая на землѣ и изъ земли выросшая и отвѣчающая реальнымъ интересамъ весьма реально-существующихъ общественныхъ классовъ. Г-нъ Струве—реальный политикъ. Поэтому, какъ не старается онъ быть вѣрнымъ старой либеральной закваскѣ, это ему никакъ не удается: туманныя, иногда парадоксальныя, но пока все еще въ либеральныхъ тонахъ выраженныя положенія его обостряющаяся жизнь все настоятельнѣе обязываетъ къ выводамъ; теорію—къ практикѣ. И вполнѣ понятно, что, при нынѣшнихъ условіяхъ, встревожившаяся либеральная критика прежде всего набросилась на опасные выводы. Напрасно г. Струве протестовалъ и возмущался противъ „киванія“ въ спорѣ на то, что онъ своей постановкой украинскаго вопроса санкціонируетъ „полицейскія мѣропріятіи“. Его *идея*, какъ это ясно, не только, такъ сказать, объективно санкціонируетъ эти мѣропріятія, но послѣдовательно и до конца продуманная и развитая, она дастъ ему смѣлость и *проповѣдывать* ихъ.

Русскій націоналъ-либерализмъ, которымъ русская исторія хочетъ, наконецъ, разрѣшиться, на одномъ концѣ, на мѣстѣ головы—будетъ имѣть г. Петра Струве, на другомъ, на мѣстѣ ногъ—г-на Дудыкевича.

Это еще одно изъ многочисленныхъ намѣчающихся послѣдствій великаго и сложнаго узла, завязаннаго исторіей, того узла, одной изъ частей котораго является украинско-галиційскій вопросъ.

Евг. Маевскій.

Философско-публицистическія замѣтки.

1) Русскій мессіанизмъ. 2) Кантъ и Круппъ. 3) „Безбожіе въ политикѣ“).

Наши новославянофилы—мистики соловьевскаго толка, умолкнувшіе было во время начинавшагося подъема, снова подняли голову. Война 1914 г. окрылила ихъ сверхчеловѣческія мечты. Идея русскаго мессіанизма воскресла, получивъ въ глазахъ мистиковъ подкрѣпленіе на поляхъ сраженія. Вотъ что пишетъ г. Бердяевъ:

„Россія является носительницей всемірнаго духа, сверхнаціональнаго универсализма, который только и соединимъ съ бытіемъ національныхъ индувидуальностей. Въ священномъ имперіализмѣ была заложена идея всемірнаго братства. Но она должна быть окончательно освобождена отъ матеріальнаго государства, должна дать свободную жизнь индувидуальностямъ національнымъ и индувидуальностямъ человѣческимъ. Шелуха священнаго имперіализма спадаетъ, и въ этомъ великая правда прог-

ресса секуляризаціи. Всемірный духъ ушелъ изъ старыхъ формъ, онъ не вмѣщается въ историческія тѣла, онъ свободенъ отъ всякой матеріальности. Все исторически тѣлесное-ограничено, партикулярно и не можетъ претендовать на всемірную власть. Эту освобождающую правду должна нести въ міръ Россія".

„Западъ уже сказалъ все, что имѣлъ сказать. Ex oriente lux. [1]). Теперь Россія призвана духовно вести европейскіе народы, на нее возложена страшная отвѣтственность за духовныя судьбы человѣчества", проповѣдуетъ С. Булгаковъ. А г. Эрнъ такъ пророчествуетъ:

„Занимается новый, быть можетъ, послѣдній день всемірной исторіи. По предвѣчному плану Создателя міра, съ внезапностью чуда Россія вдругъ заняла едва-ли не первое мѣсто въ начавшемся катаклизмѣ (т. е. въ „послѣднемъ днѣ", въ кончинѣ міра). Она выступаетъ въ роли вершительницы судебъ исторіи. Она должна склониться передъ Промысломъ и Ангелу-благовѣстителю отвѣтитъ: Се раба Господня, да будетъ мнѣ по слову твоему!"

Въ нѣсколько менѣе напыщенной формѣ и болѣе свѣтскимъ языкомъ выражаетъ по существу ту же мысль кн. Е. Трубецкой. Сопоставляя картину нашей общественной жизни до войны съ общественнымъ настроеніемъ настоящаго момента, кн. Трубецкой пишетъ:

„Мы видѣли передъ собой враждующія партіи, классы, племенныя группы; но Россіи мы не видѣли, не знали, гдѣ ея воля, мысль и чувство. Въ сопоставленіи того, что было съ тѣмъ, что есть теперь, открывается одна великая тайна нашего національнаго бытія. Вотъ уже второй разъ на моей памяти *Россія обрѣтаетъ свое духовное единство и цѣлость въ освободительной войнѣ*. Именно тогда она исцѣляется, когда она забывая о себѣ, служитъ *общечеловѣческому* дѣлу культуры: именно тогда, когда она, освобождаетъ другихъ,—она стоитъ на вершинѣ собственнаго своего могущества и величія".

Такъ говорятъ, пишутъ, возвѣщаютъ и пророчествуютъ московскіе мистики, ученики Вл. Соловьева, или выражаясь сильнымъ словомъ Мережковскаго, такъ поютъ „Соловьи надъ кровью".

При чтеніи этихъ рѣчей нельзя не вспомнить печальной участи русскаго мессіанизма въ ученіи Соловьева. Да позволитъ намъ читатель, въ интересахъ ясности, сдѣлать отступленіе и напомнить объ этой участи.

Въ системѣ Соловьева русскій мессіанизмъ былъ политическимъ завершеніемъ его общаго философскаго настроенія. Намъ приходится поэтому начать изъ краткаго и, скажемъ прямо, до чрезвычайности упрощеннаго и грубаго резюме философскихъ предпосылокъ сложнаго и въ извѣстномъ смыслѣ и тонко глубоко продуманнаго метафизическаго міросозерцанія.

Вл. Соловьевъ спиритуалистъ. Сущность мірозданія съ этой его спиритуалистической точки зрѣнія есть духъ или, что одно и тоже, божество. Чувственно воспринимаемая нами окружающая тѣлесная природа есть форма проявленія этой духовной сущности. Человѣкъ существо двойственное. Онъ гражданинъ двухъ міровъ. Съ одной стороны, онъ часть духа, Божества, съ другой онъ примыкаетъ къ природѣ, онъ богочеловѣкъ. Высшее, божественное начало ведетъ въ человѣкѣ постоянную борьбу съ низкимъ, природнымъ началомъ. Цѣль и смыслъ жизни человѣка, а также существованія всего человѣчества, состоитъ въ совершенствованіи и освобожденій духовнаго начала

[1]) съ Востока свѣтъ.

отъ власти тѣлесной природы и въ конечномъ итогѣ въ сближеніи съ божествомъ.

Эта міровая цѣль движется къ своему осуществленію не только индивидуальнымъ путемъ внутренней нравственной работы отдѣльной личности, но черезъ посредство коллектива, основаннаго на чисто духовномъ фундаментѣ, чуждаго какихъ бы то ни было матеріальныхъ задачъ и являющагося критеріемъ высшей, безусловной истины.

Такимъ коллективомъ была церковь. Но до настоящаго времени церковь носила партикулярный характеръ и не чуждалась матеріальныхъ стремленій и земныхъ задачъ. Идеаломъ Соловьева является поэтому общечеловѣческая церковь или, что одно и то же, вселенская теократія съ первосвященникомъ, носителемъ безусловнаго духовнаго авторитета во главѣ.

Это ученіе, по существу аскетическое, не отвергаетъ, однако, положительнаго значенія тѣлеснаго міра. Природный міръ самъ по себѣ взятый, какъ самоцѣль, есть зло, обманъ и страданіе, но разсматриваемый въ положительномъ отношеніи къ безусловному началу, т. е. къ Божеству, онъ, этотъ природный міръ, становится необходимымъ орудіемъ, раздражающимъ и плодотворнымъ противодѣйствіемъ на пути къ полному осуществленію и окончательной реализаціи самаго божественнаго начала. Проще говоря. природный міръ составляетъ необходимую степень въ качествѣ соблазна, безъ котораго невозможно духовное совершенствованіе и сближеніе съ Божествомъ.

Съ этой общей спиритуалистической точки зрѣнія подходитъ философъ къ оцѣнкѣ исторической роли Россіи и Западной Европы.

Западной Европѣ было написано въ книгѣ судебъ интенсивное, мощное раввитіе матеріальной, языческой культуры, являющейся неизбѣжной антитезой въ процессѣ реализаціи царства Божьяго. Россіи же Божьимъ промысломъ предначертано выступить на міровую сцену въ роли выразительницы послѣдней завершающей стадіи всемірнаго духа. Ея религіозное смиреніе, восточное благочестіе и самодержавный государственный строй обезпечили за ней возможность иниціативы въ священномъ дѣлѣ реализаціи вселенскій теократіи, начало которой положитъ союзъ русскаго императора съ римскимъ папой.

Вотъ въ краткихъ и, повторяемъ, въ упрощенныхъ и грубыхъ чертахъ схема русскаго философа.

Очень не трудно, думается намъ, замѣтить глубокореакціонный характеръ какъ философскихъ предпосылокъ, такъ и практическихъ выводовъ. Идеалъ философа вселенской теократіи или, если угодно религіозный интернаціоналъ, есть не болѣе, какъ возрожденіе идеи средневѣковой католической церкви. Поправки, дополненія и видоизмѣненія, внесенныя философомъ въ ученіе о теократіи, есть—какъ и во всѣхъ случаяхъ возрожденія идеологіи отжившаго общественнаго порядка — слѣдствіе отвлеченія отъ конкретной дѣйствительности, вызвавшей къ жизни эту идеологію. Иначе говоря, Соловьевъ раціонализировалъ религіозную организацію средневѣковья, представляя ее себѣ въ очищенномъ отъ конкретности, отвлеченномъ видѣ. А что касается мессіанизма Россіи, то реакціонная сущность очевидна сама собою безъ всякихъ поясненій.

Но Вл. Соловьевъ не былъ цѣльной натурой. Онъ страдалъ раздвоенностью еще въ гораздо большей степени, нежели Л. Н. Толстой. Весь проникнутый крайней плотиновской мистикой и стремленіемъ къ мрачному аскетизму, философъ въ то же время страстный поклонникъ

западно-европейской культуры. И эта языческая матеріальная культура интересуетъ его не какъ антитеза въ осуществленіи божественнаго плана, а влечетъ его къ себѣ и дорога ему, какъ таковая. Вл. Соловьевъ слишкомъ европеецъ, слишкомъ образованный человѣкъ, онъ слишкомъ вкусилъ отъ многихъ плодовъ европейскаго древа познанія, чтобы чувствовать себя удовлетвореннымъ райскимъ состояніемъ восточнаго *благочестія*, т. е. россійской отсталостью.

Отсюда его неистовый бунтъ противъ своихъ же духовныхъ отцовъ и единомышленниковъ—славянофиловъ.

Статья „Россія и Европа", напоминая собою во многихъ отношеніяхъ знаменитое философическое письмо Чаадаева, исполнена глубокой горечи и безисходнаго пессимизма насчетъ грядущей судьбы русскаго развитія. Горячо доказывая ошибочное и пагубное дѣйствіе славянофильскихъ оцѣнокъ Россіи и Европы, обнаруживая великія преимущества соціально—политическихъ формъ жизни и дисциплины мысли послѣдней, философъ самъ того не замѣчаетъ, какъ его излюбленная вселенская теократія стушевывается, уходитъ все дальше и дальше на задній планъ, увлекая съ собою и русскій мессіанизмъ. При свѣтѣ трезвой научной мысли и обширной эрудиціи реакціонное мистическое ученіе таетъ постепенно, какъ ледъ на солнцѣ.

И совершенно тотъ же ходъ и исходъ критическаго сопоставленія Россіи и Европы мы видимъ во всѣхъ политическихъ статьяхъ философа, посвященныхъ славянофильскимъ утопіямъ. Серьезныя размышленія надъ ходомъ историческаго развитія Россіи ведутъ философа съ силою рока къ разочарованію въ идеѣ теократіи и мессіанизма, обоснованію которой было посвящено столько мѣста въ произведеніяхъ и столько напряженныхъ усилій мысли въ его недолголѣтней жизни. И въ концѣ концовъ вселенская теократія, а съ ней вмѣстѣ и русскій мессіанизмъ, рухнули. Въ написанномъ въ 1894 г. стихотвореніи „Панмонголизмъ" Соловьевъ приписываетъ „льстецамъ Россіи" ту самую мечту о будущемъ Россіи, которую передъ тѣмъ лелѣялъ онъ самъ:

„Примѣромъ древней Византіи
Мы научиться не хотимъ,
И все твердятъ льстецы Россіи
Ты древній Римъ, ты древній Римъ".

Отмѣчая на основаніи этого стихотворенія рѣзкій поворотъ въ воззрѣніяхъ философа, кн. Е. Трубецкой констатируетъ: „Крушеніе теократіи было здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и крушеніемъ славянофильства въ его *новой Соловьевской формѣ*"[1])

Двадцать лѣтъ прошло со времени появленія указаннаго стихотворенія. Нельзя сказать, что историческій ходъ развитія Россіи выявилъ за этотъ историческій промежутокъ новыя доказательства въ пользу стараго или Соловьевскаго славянофильства. Наоборотъ, за этотъ періодъ Россія сдѣлала безъ сомнѣнія крупные шаги по пути западно-европейской культуры, не смотря на то, что она благодаря нашему азіатскому наслѣдію идетъ далеко не полнымъ ходомъ.

Кн. Е. Трубецкой, а также г. Бердяевъ, стараются увѣрить своихъ читателей, что Россія лишь тогда выполняетъ истинное свое предначертаніе, когда она, возвышаясь надъ собственными своими интересами, выступаетъ самоотверженно на защиту универсальной справедливости. Вопроса о защитѣ универсальной справедливости мы теперь касаться не будемъ; но скажемъ кратко, что если-бы общественно-политическій аскетизмъ дѣйствительно составлялъ сущность русской исторіи, тогда Россія походила бы на идеальное, но до чрезвычайности скучное толстовское царство дураковъ и не могла бы въ этомъ неприглядномъ качествѣ играть той роли въ международныхъ отношеніяхъ, которую она играетъ въ настоящее время.

[1]) „Міросозерцаніе Вл. Соловьева". Томъ II, стр. 5. Курсивъ автора.

Какъ бы бѣдна ни была русская исторія драматизмомъ, борьба классовъ, политическихъ партій и направленій не является въ ней чѣмъ то чуждымъ, наноснымъ и искусственнымъ, какъ это проповѣдуютъ кн. Е. Трубецкой и Г. Бердяевъ, а вытекаютъ, какъ и въ западно-европейскихъ государствахъ, изъ общественнаго бытія.

Однимъ словомъ, мистики Соловьевскаго толка, возрождающіе русскій мессіанизмъ, *обязаны* представить новую аргументацію въ защиту старыхъ идеаловъ славянофильства, тѣмъ болѣе обязаны сдѣлать это, что самъ учитель былъ вынужденъ неумолимой силою вещей измѣнить своей излюбленной мечтѣ. Но не чувствуя ни малѣйшей почвы подъ ногами, Соловьевцы закрываютъ глаза на эту свою обязанность, предпочитая вѣщать, пророчествовать и гипнотизировать читателя, стараясь вызвать соотвѣтствующія настроенія.

Такой способъ проповѣди гарантируетъ проповѣдника отъ принципіальной критики, и въ другое время можно было совершенно оставить безъ вниманія шовинисчтическую лирику эпигоновъ Соловьева.

Но мы переживаемъ тяжкій и грозный часъ мучительныхъ испытаній, часъ, внушающій то опасеніе, то надежду, то надежду, то опасеніе... При такихъ условіяхъ молчать нѣтъ возможности, да и не слѣдуетъ молчать. Даже Мережковскій, человѣкъ той же школы, тѣхъ же мистическихъ настроеній, и онъ не вытерпѣлъ, выступивъ съ рѣзкой статьей противъ своихъ братьевъ по духу. Въ статьѣ, названной „Соловьи надъ кровью", Мережковскій обрушивается съ глубочайшимъ негодованіемъ противъ проповѣди московскихъ мистиковъ. Ихъ чудовищный шовинизмъ представляется ему очевиднымъ признакомъ грядущаго всеобщаго ликованія и успокоенія на лаврахъ.

Справедливо нападая на своихъ товарищей, Мережковскій, привыкшій оперировать настроеніями интеллигентскихъ группъ, преувеличиваетъ на нашъ взглядъ общую опасность. Въ низшихъ слояхъ не имѣется объективной почвы для головокружительнаго, убаюкивающаго восторга. Намъ думается, наоборотъ, что тамъ, на низахъ успѣхъ какъ ясное слѣдствіе собственныхъ усилій долженъ будетъ поднять человѣческое достоинство и возбудить энергію къ внутренней дѣятельности . . . . . .

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ нашемъ либеральномъ лагерѣ. Хотя открываемые побѣдоноснымъ исходомъ заманчивые для буржуазіи экономическія перспективы сугубо потребуютъ внутренняго простора, нашъ либерализмъ все таки не внушаетъ полнаго довѣрія. Чуждые героическихъ порывовъ и настойчивости, не избалованные побѣдами, наши либералы всегда готовы къ отступленію.

Поэтому успѣхъ во внѣшнемъ мірѣ можетъ послужить имъ чѣмъ то въ родѣ суррогата. А не либеральные круги обладаютъ достаточной степенью гибкости, чтобы учитывать полезныя для нихъ настроенія, откуда они бы не исходили.

На всемъ этомъ фонѣ шумное ликованіе московскихъ мистиковъ, причисляющихъ себя къ оппозиціоному лагерю, можетъ оказаться поддержкой тѣмъ элементамъ, которые, говоря словами Вл. Соловьева, всегда готовы къ *„организаціи для устройства дѣлъ вредныхъ и сомнительныхъ“*. Розановъ изъ „Новаго Времени“ уже съ энтузіазмомъ привѣтствуетъ г. С. Булгакова.

Старая лиса хорошо знаетъ, кого слѣдуетъ привѣтствовать.

II.

Передъ грознымъ судомъ славянофила г-на Эрна Кантъ оказался учителемъ Круппа, а сорока двухъ сантиметровыя орудія чѣмъ то вродѣ практическаго приложенія къ „Критикѣ частаго разума“.

Это, конечно, форма и весьма циничная форма, въ которую г-нъ Эрнъ вкладываетъ опредѣленное содержаніе, состоящее вопервыхъ въ томъ, что теоретическая философія Канта есть доподлинное выраженіе нѣмецкаго національнаго духа, вовторыхъ, что она послужила научной основой для развитія индустріальной и технической дѣятельности.

Спрашивается прежде всего, правда ли это, что теоретическая философія Канта можетъ быть признана исключительнымъ продуктомъ такъ называемаго нѣмецкаго національнаго духа? Каждый, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ исторіей философской мысли, отвѣтитъ на этотъ вопросъ безъ всякаго колебанія отрицательно.

Въ составъ философской системы основателя критицизма вошли элементы англійскаго эмпиризма, французскаго просвѣщенія XVIII столѣтія, платонизмъ и нѣкоторые моменты протестантизма. Очевидно, слѣдовательно, сразу, что теоретическія начала, могущія быть поставлены въ историческую связь съ современнымъ техническимъ прогресомъ, восприняты Кантомъ въ англійской и французской философіи. Національно-нѣмецкимъ элементомъ въ системѣ великаго мыслителя является практическая философія, т. е. категорическій императивъ. И вотъ этотъ самый категорическій императивъ, имѣющій по справедливому сужденію Маркса, свои корни въ тогдашней отсталости Германіи, оказалъ на зло г-на Эрну огромное вліяніе на міросозерцаніе Вл. Соловьева. Какъ у Канта, такъ и у В. Соловьева нравственность есть единственный путь сближенія съ абсолютомъ. А путь къ абсолюту дѣло первостепенное въ мистическихъ воззрѣніяхъ. Такъ что русскій мистицизмъ новѣйшей формаціи сильно зараженъ нѣмецкимъ національнымъ духомъ. Это однако мимоходомъ; а имѣетъ для насъ значеніе то коварное обстоятельство, что г-ну Эрну, какъ яростному противнику западно-европейскаго опытнаго мышленія, слѣдовало бы обратить свой гнѣвъ противъ англійскаго эмпризма и французскаго просвѣщенія, т. е. совершить нападеніе непосредственно на тѣ источники, изъ которыхъ черпалъ Кантъ элементы для построенія своей теоріи опыта.

Спору нѣтъ, — съ точки зрѣнія г-на Эрна Кантъ совершилъ большое преступленіе. Преступленіе философа въ томъ, что онъ былъ новаторомъ своего времени.

Въ Германіи Кантъ первый поднялъ знамя возстанія противъ старой мистики и метафизики, прокладывая пути къ опытному точному познанію. Но въ сравненіи, напримѣръ, съ Бэкономъ, Гоббсомъ или Спинозой Кантъ благодаря своему дуализму и непослѣдовательности, можетъ считаться въ то же время и спасителемъ и той и другой, такъ какъ онъ имъ придалъ новыя формы.

Какъ видите, краткая историческая справка ясно говоритъ за то, что Кантъ имѣетъ право требовать у г-на Эрна снисхожденія. Но право существуетъ тамъ, гдѣ есть законъ. Для г-на же Эрна законъ, повидимому, не писанъ. Кромѣ того, теперь время военное, а на полѣ битвы, понятное дѣло, нѣтъ возможности справляться съ исторіей философіи, тѣмъ болѣе съ исторіей философіи непріятеля. Требуется предать проклятію нѣмецкую духовную культуру, Кантъ великая культурная цѣнность, такъ отчего бы не соединить Канта съ Круппомъ? Вѣдь необходимой для такого патріотическаго дѣла логической распущенности не занимать стать современному импрессіонисту!?

И досталось бы г-ну Эрну отъ Вл. Соловьева за такое, выражаясь въ духѣ русскаго философа, кощунственное соединеніе, будь онъ въ живыхъ! Право подчасъ кажется, что самая трагическая сторона въ смерти крупнаго человѣка, — это невозможность остановить зарвавшихся послѣдователей.

Пойдемъ дальше.

Хотя поводъ пустой и незначительный, но разъ была произнесена парадоксальная формула „отъ Канта къ Круппу“ и разъ эта формула появилась въ печати, нельзя, въ особенности въ переживаемый нами моментъ, обойти молчаніемъ страстной и благородной мечты кенигсбергскаго философа о вѣчномъ мирѣ.

Подобно своему геніальному предшественнику Лейбницу, а также своимъ великимъ современникамъ, Кантъ былъ весь охваченъ идеей универсализма.

Ненавидѣть и презирать чужое и отклоняющееся отъ своего есть признакъ дикости, а понимать и уважать то и другое является признакомъ культурнаго начала. Это сказалъ Гете, выразивъ не только личный взглядъ на взаимноотношенія человѣчества, но и общую тенденцію идеологіи боровшейся буржуазіи. И въ самомъ дѣлѣ. Кантъ и Гердеръ энергично работаютъ надъ раскрытіемъ общаго смысла исторіи человѣчества. Лессингъ ведетъ рѣшительную борьбу противъ старой національной драмы, являясь горячимъ проповѣдникомъ Софокла и Шекспира. Онъ вмѣстѣ съ Гете и Гердеромъ воскрешаетъ философію геніальнаго голландскаго еврея Баруха Спинозы. Винкельманъ публикуетъ свою замѣчательную исторію элинскаго пластическаго искусства, закладывая фундаментъ общимъ научнымъ законамъ эстетики. Мужественная героическая муза Шиллера диктуетъ поэту—философу сюжеты изъ исторіи всѣхъ культурныхъ странъ. А Бетховенъ воплощаетъ въ девятой симфоніи братство и свободу человѣчества. Однимъ словомъ передъ духовнымъ взоромъ величайшихъ сыновъ Германіи 18 столѣтія раскрылась истина, та несомнѣнная и великая истина, что отдѣльные народы также, какъ и отдѣльныя личности, не являются безусловно самодовлѣющими величинами, что они плоть отъ плоти и кость отъ кости всего человѣчества, что каждый народъ сталъ тѣмъ, что онъ есть, въ историческомъ взаимномъ общеніи съ другими народами, что духовная и матеріальная культура данной національности не есть продуктъ исключительно этой національности, и что, наконецъ, философія, наука, литература, искуство, государство, право, религія и т. д. были созданы не однимъ какимъ нибудь народомъ, а совокупностью усилій всего культурнаго человѣчества, въ составъ котораго входятъ и современные европейскіе народы и народы древняго міра.

Отчетливое сознаніе универсальнаго характера культуры нашло себѣ политически правовое выраженіе въ знаменитомъ трактатѣ Канта „Къ вѣчному міру“. Какъ и всѣ произведенія Канта трактатъ написанъ съ блестящей сухостью, но подъ ледянымъ покровомъ отвлеченныхъ понятій чувствуется глубокая нравственная сосредоточенность и жгучая мечта о братствѣ народовъ.

Въ основу трактата положено метафизическое ученіе о нравственности. Центральный нравственный законъ Кантовской этики, повелѣвающій, чтобы человѣкъ относился къ другому человѣку всегда какъ къ цѣли и никогда какъ къ средству, простирается и на націю. Нація автономна, самостоятельна и неприкосновенна. *„Насильственное вмѣшательство какого либо государства въ конституцію или правленіе другого государства недопустимо“* *)

Итакъ требованіе свободы и неприкосновенности личности поставлено Кантомъ въ тѣснѣйшую связь съ требованіемъ самоопредѣленія и неприкосновенности націи.

Первое требованіе было идеологическимъ выраженіемъ замѣны феодализма наемнымъ робочимъ трудомъ, а второе отражало назрѣвшую необходимость свободной міровой экономической конкуренціи. Теперь мы знаемъ, „что честь и достоинство человѣческой личности буржуазія сдѣлала простой мѣновой цѣнностью и многочисленныя свободы пріобрѣтеныя дорогой цѣной замѣнила одной свободой—безстрастной свободой торговли“.

Это обстоятельство не умаляетъ однако ни на іоту глубоко прогрессивнаго значенія буржуазнаго универсализма 18 столѣтія вообще и въ часности идеала вѣчнаго мира у Канта.

Идея вѣчнаго мира въ ея общей религіозной и этической постановкѣ весьма почтеннаго возраста. Она возникла въ глубокой древности. Еще древне-персидская религія считаетъ высшей цѣлью человѣчества вѣчный миръ.

Живетъ эта идея и въ древне-греческихъ философскихъ школахъ киниковъ и стоиковъ, гуманные принципы изъ которыхъ вошли впослѣдствіи въ христіанское міросозерцаніе. Въ началѣ 17 столѣтія вѣчный миръ находитъ себѣ спеціальнаго защитника въ лицѣ аббата С. Пьера. Почти одновременно съ Кантомъ выступаетъ съ горячей проповѣдью мира среди народовъ Гердеръ. Высказывался въ этомъ смыслѣ Жанъ Жакъ Руссо. Но какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Куно Фишеръ, никто изъ предшественниковъ Канта не ставилъ и нерѣшалъ вопроса съ такой рѣшительной опредѣленностью, какъ это сдѣлано Кантомъ.

Несмотря на метафизическія предпосылки и даже въ противорѣчіе къ нимъ Кантъ обнаруживаетъ упорное стремленіе найти для обоснованія вѣчнаго мира объективно реальную почву. Солидарность среди народовъ земного шара, думаетъ философъ, достигнетъ современемъ такой высокой степени, что ударъ, нанесенный международному праву въ одномъ концѣ земного шара, вызоветъ чувствительное отраженіе въ другомъ концѣ его. Въ этой тѣсной, органической и все болѣе и болѣе возрастающей *связи общности* реальныхъ интересовъ культуры всего человѣчества, философъ видѣлъ прочный фундаментъ и вѣрнѣйшій залогъ грядущаго вѣчнаго мира.

*) *Kein Staat soll sich in die Vewaltung und. Regierung eines andern Staates gewaltthätig eimmischen.* „Zum ewigen Friend“ S. 8 Ausgabe Karl Kehlbach курсивъ Канта.

Мы видимъ такимъ образомъ, что самой надежной гарантіей осуществленія братства народовъ выступаетъ не нравственный, метафизическій законъ, а *объективная историческая необходимость.*

Ставъ на эту точку зрѣнія, Кантъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ громадный шагъ впередъ. Тѣмъ не менѣе проблема не была исчерпана.

Ошибка Канта, какъ и всѣхъ почти просвѣтителей той эпохи, состояла въ убѣжденіи, что въ правовомъ гражданскомъ буржуазномъ обществѣ реализируется единство и германія интересовъ всей націи. Философъ не видалъ того, что экономическія противорѣчія и борьба различныхъ соціальныхъ образованій внутри каждый націи создаютъ враждебныя отношенія одной націи къ другой.

Раскрытіе зависимости международныхъ отношеній отъ внутренняго устройства государства принадлежитъ основателямъ діалектическаго матеріализма, составляющаго теоретическую основу международной демократіи.

Ярко выраженныя демократическія тенденціи геніальнаго автора „Къ вѣчному миру“, его несомнѣнныя симпатіи къ соціальной гармоніи, его упорное исканіе объективнаго базиса для своихъ идеаловъ позволяютъ намъ думать, что живи онъ въ наше время, онъ не былъ бы противникомъ международной демократіи, а напротивъ видѣлъ бы въ ея дѣятельности единственный вѣрный путь къ осуществленію высшаго идеала и вообще вѣчнаго мира въ частности. А насколько позволительно ставить имя Канта въ связь съ прусскимъ милитаризмомъ, можно судить безъ гипотезъ на основаніи слѣдующаго требованія философа: *„Постоянныя арміи должны быть современемъ совершенно устранены“* *).

III.

Со времени начавшейся войны наша журнальная, а также и газетная литература не перестаетъ заниматься идеалистическимъ объясненіемъ завоевательныхъ стремленій Германіи. Слова—„германская культура“, германскій національный воинствующій духъ, поворотъ въ германскомъ историческомъ развитіи, „трагедія германизма“ и т. п. склоняются на различные лады, принимая подчасъ самыя неожиданныя, причудливыя сочетанія. То виновникомъ войны оказываесся Бисмаркъ, то Нитше, что Марксъ, то всѣ три вмѣстѣ взятые, а нѣкоторые еще болѣе глубокосмысленные люди добираются до самаго Лютера, дѣлая отвѣтственнымъ за нарушеніе нейтралитета Бельгіи и уничтоженіе Лувена нѣмецкаго реформатора.

Но среди всѣхъ идеалистическихъ объясненій выдѣляется религіозный моментъ.

Подобно богомольнымъ старушкамъ твердятъ наши идеалисты одинъ за другимъ, что Германія Бога забыла, черту душу продала, оттого и двинулась съ варварской жестокостью громить и истреблять миролюбивые народы. Словомъ, по ихъ толкованію двигательной причиной кошмарныхъ событій оказывается атеизмъ, которымъ питается мысль современной Германіи. Необходимо, философствуетъ на эту тему г. Струве, ставить вопросъ о причинахъ теперешнихъ дѣйствій Германіи „и шире и глубже“, а ширь и глубина сводится къ тому, что

*) *„Stehenale Heere (miles perpetuus) sollen mit der Zeitgang aufhören“ dbid. S. 6,* курсивъ Канта.

въ Германіи „поражаетъ полное отсутствіе всякой религіозной подкладки, она по питающему ея духу позитивна и позивистична". Въ ея политикѣ „совершенно отсутствуетъ ощущеніе и сознаніе сверхчеловѣческихъ силъ, дѣйствующихъ въ исторіи, словомъ отсутствуетъ религіозное начало". И далѣе: „въ ней (все въ той же Германіи, Ор.) сказалось то, что можно назвать „безбожіемъ въ политикѣ". Кратко и выразительно формулируетъ Мережковскій свой взглядъ на причину нѣмецкаго милитаризма „нѣмецкій милитаризмъ, говоритъ онъ, отъ нѣмецкаго матеріализма". Въ томъ же духѣ разсуждаетъ пр. Э. Д. Гриммъ и многіе, многіе другіе.

Всѣ эти разсужденія, поражая своей крайней поверхностностью, не только не соотвѣтствуютъ истинѣ, но прямо противоположны ей.

Въ дѣйствительности именно въ Германіи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сохраняются религіозныя традиціи и мистическія настроенія. Нѣмецкая буржуазная идеологія послѣдняго тридцатилѣтія обнаружила напряженное и до чрезвычайности настойчивое стремленіе къ возрожденію метафизики и религіи. Подавляющее большинство нѣмецкихъ мыслителей потратили не мало умственныхъ усилій на то, чтобы ограничить компетенцію науки и дать якобы новое обоснованіе субъективной необходимости и объективной состоятельности религіознаго міросозерцанія. И тѣ же самые мыслители третировали каждыя по своему матеріализмъ и матеріалистовъ съ не меньшимъ усердіемъ, неужели это дѣлаетъ Мережковскій, прочіе мистики и богомольная старушка г. Струве *).

Отвлеченная, ни къ чему не обязывающая этика Канта, а испытавшая жестокую критику со стороны философовъ XVIII столѣтія и ѣдко высмѣянная даже кантіанцемъ Шиллеромъ, получила въ современной буржуазной нѣмецкой идеологіи господствующее значеніе благодаря ея религіозной основѣ.

И сами идеалисты въ томъ числѣ и г. Струве заявляли безпрестанно и съ большой энергіей о кризисѣ матеріализма и о полномъ возрожденіи и торжествѣ идеалистическихъ и мистическихъ теченій. Такъ что не безвѣріемъ, не атеизмомъ объясняются теперешнія дѣйствія современной буржуазной Германіи, а причинами иного порядка.

Нравится или не нравится идеалистамъ матеріалистическое объясненіе историческихъ событій, а суть дѣла въ экономическомъ положеніи современной буржуазіи.

Нѣмецкая буржуазія—какъ и вся западно-европейская буржуазія—достигла высшей стадіи своего развитія. Объективно исторически ей дальше идти некуда; ея творческая роль кончена, нѣтъ у нея больше историческихъ идеаловъ, способныхъ вдохновить нравственную волю и вызвать благородные, гуманные порывы. какъ это имѣло мѣсто въ эпоху бурныхъ стремленій боровшагося противъ феодализма третьяго сословья. Ей ничего не осталось больше, какъ охранять существующій порядокъ внутри государства, а за предѣлами его добиваться, путемъ за воеванія, новыхъ рынковъ.

Сохранившаяся въ силу особыхъ условій общественнаго развитія Германіи военная каста является отличнымъ и устрашающимъ орудіемъ для достиженія той и другой цѣли.

По существу это же самое матеріалистическое объясненіе тепе-

*) Кстати интересно было бы узнать, въ чемъ проявляется „божья политика" г. Струве въ его взглядахъ на украинскій вопросъ.

решнимъ дѣйствіямъ Германіи даютъ невольно и безсознательно въ своей знаменитой декларації нѣмецкіе мыслители идеалисты и теологи (Вундтъ, Виндельбандъ, Риккертъ, Эйкенъ, Гарнакъ и др), взявъ нѣмецкій милитаризмъ подъ свою защиту и поставивъ его въ неразрывную связь съ нѣмецкой культурой.

И не станутъ же г.г. Гриммъ, Струве и даже крайній мистикъ Мережковскій обвинять главныхъ міровыхъ теологовъ Эйкена и Гарнака въ атеизмѣ и матеріализмѣ!

Но намъ ставятъ на видъ матеріализмъ, исповѣдуемый нѣмецкой соціальдемократіей и городскими рабочими массами. На эту тему упражняются многіе и въ числѣ ихъ г. пр. Э. Д. Гриммъ и неугомонный г. Струве. Послѣдній пишетъ: „Катастрофа 1914 г. есть крушеніе того овладѣвшаго Германіей позитивизма, который всего полнѣе захватилъ въ ней именно городскія народныя массы, находящіяся въ духовномъ подданствѣ у соціальдемократовъ". Въ этомъ же смыслѣ высказывается и пр. Э. Д. Гриммъ. Да позвольте г.г. ученые мужи спросить васъ, кто объявилъ войну, нѣмецкая соціалдемократія и находящіяся въ ея „духовномъ подданствѣ" рабочія массы? Развѣ вамъ неизвѣстно, что наканунѣ объявленія войны нѣмецкая с. д. организовола цѣлый рядъ грандіозныхъ и внушительныхъ манифистацій противъ войны и милитаризма? И чьи имена красуются подъ декларацією, оправдывающей дѣйствія и устремленіи нѣмецкаго милитаризма, имена матеріалистовъ соціалдемократовъ Каутскаго, Меринга, Карла Либкнехта? Нѣтъ воинственную декларацію подписали міровые теологи, краснорѣчивые и пламенные защитники вмѣшательства сверхчеловѣческихъ силъ въ исторію, Эйкенъ и Гарнакъ!

Если какая нибудь идеологія посрамлена войной, то это идеологія идеалистическая.

Правда, голосованіе соціалдемократической фракціи за военные кредиты есть нѣчто больше, чѣмъ ошибка. Это прискорбное событіе, надъ которымъ даже будущее невластно, ибо врядъ ли его сгладитъ изъ исторической памяти палачъ всѣхъ воспоминаній—безпощадное время.

Несмотря однако на это несчастье, которое безъ сомнѣнія послужитъ поучительнымъ урокомъ для международной демократіи, нѣмецкая с. д. продолжаетъ идти своимъ путемъ, нисколько не солидаризуясь съ воинственнымъ націонализмомъ буржуазнаго общества. Она и только она высказывается опредѣленно рѣшительно противъ аннексіи; ея органы печати, посколько это возможно при теперешнихъ стѣснительныхъ условіяхъ, выразили протестъ противъ нарушенія нейтралитета Бельгіи, разрушенія Лувена и проще противъ доблестныхъ подвиговъ прусскаго юнкерства.

Выходитъ такимъ образомъ, что въ противоположенность утвержденіямъ Мережковскаго, пр. Э. Д. Гримма и г. Струве нѣмецкая с. д., исповѣдующая матеріалистическую философію, какъ была, такъ и осталась принципіальной противницей прусскаго милитаризма, а нѣмецкіе идеалисты и теологи, какъ были такъ и остались, принципіальными защитниками этой надежной опоры капиталистической культуры. Такъ зачѣмъ же, спрашивается, искажать очевидные для всѣхъ факты? зачѣмъ клеветать на матеріализмъ и матеріалистовъ? проще, зачѣмъ писать и печатать явную неправду?

Впрочемъ есть гг. ученые мужи другой матеріализмъ, матеріализмъ практическій, исповѣдуемый господствующими германскими соціальными группами.

Этотъ жестокій и безпощадный матеріализмъ дѣйствуетъ теперь въ своей бѣшенной погонѣ за рынками, превращая города и села въ поля, на которыхъ не остается ничего, кромѣ труповъ да коршуновъ...

Благословляющіе и практикующіе этотъ родъ матеріализма являются въ теоріи усердными поборниками вмѣшательства „сверхчеловѣческихъ силъ“ и горячими послѣдователями философскаго идеализма.

Страшная и мучительная міровая трагедія 1914 г. служитъ новымъ, убѣдительнымъ, но увы слишкомъ дорогою цѣной купленнымъ доказательствомъ этой лукавой игры исторической діалектики.

Л. О-съ.

Городъ и безработица.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

По собраннымъ даннымъ фабричной инспекціи, къ сожалѣнію, опубликованнымъ въ газетахъ въ очень неполномъ видѣ, безработица въ періодъ съ 20 іюля по 1 сентября характеризуется слѣдующими данными. Закрылись 502 фабрики, занимавшія 46.586 рабочихъ, сократили свое производство 1.034 фабрики, въ которыхъ число рабочихъ сократилось на 115.000 человѣкъ. Если принять во вниманіе, что 125 фабрикъ расширили свое производство, набравъ 17.000 новыхъ рабочихъ, мы получимъ крупную цифру безработныхъ - **144.000** *человѣкъ*.

Эти данныя касаются только предпріятій, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. Разумѣется, по нимъ невозможно судить, какъ объ общемъ количествѣ оставшихся безъ работы рабочихъ, такъ и объ ихъ распредѣленіи по городамъ и районамъ. Въ тѣхъ районахъ, гдѣ разыгрываются всѣ ужасы военной борьбы, съ переходомъ городовъ и мѣстечекъ по нѣсколько разъ изъ рукъ одной арміи въ руки другой, безработица имѣетъ едва ли не поголовный въ рабочей средѣ характеръ. Въ Варшавѣ, спасенной отъ ужасовъ враждебнаго нашествія, но слышавшей у своихъ стѣнъ тяжелое дыханіе боя, по даннымъ фабричнаго инспектора, сообщеннымъ С. Н. Прокоповичемъ въ докладѣ ее въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, *) изъ 40.413 ф.-з. рабочихъ, 20 октября 23.315 человѣкъ ($57^1/_2\%$) не имѣли работы. Изъ 223 предпріятій — 79 совершенно закрыты и 11.232 рабочихъ, работавшихъ въ нихъ, потеряли заработокъ; 51 предпріятіе сократило рабочіе комплекты и расчитало 7.486 рабочихъ; 35 предпріятій сократили рабочую недѣлю до 2—3, иногда до $^1/_2$ дня въ недѣлю, и 58 предпріятій, сокративъ число дней работы, въ тоже время уменьшили составъ своихъ рабочихъ, расчитавъ 4.597 человѣкъ. Эти 23 тысячи безработныхъ относятся только къ ф.-з. промышленности. Позднѣе положеніе ухудшилось и на 1 ноября во всей восточной половинѣ Варшавской губ. число имѣющихъ работу равнялось—23.915 чел., а число безработныхъ—40,870 чел. По словамъ С. Н. Прокоповича если сосчитать безработныхъ ремесленниковъ, офиціантовъ, прислугу и пр., если принять во вниманіе не только самихъ безработныхъ, но и ихъ семьи, то должно получиться не менѣе **150.000** *человѣкъ*, потерявшихъ источникъ существованія въ связи съ безработицей населенія.

*) „Извѣстія И. Вольнаго Экономическаго Об-ва“ № 6—7, стр. 36.

Въ тылу района военныхъ дѣйствій потрясеніе промышленной и торговой жизни не могло имѣть такихъ тяжелыхъ послѣдствій, но число безработныхъ здѣсь все же велико. Въ Вильно, напр., по даннымъ анкеты проведенной рабочими представителями въ Комиссіи для помощи безработнымъ при Городской Думѣ, число безработныхъ въ городѣ равно 8.000 чел. (не считая семей). Въ нѣкоторыхъ профессіяхъ, по даннымъ этого опроса, число безработныхъ достигало 63 и 69%.

По сравненію съ этими городами, Петроградъ, конечно, долженъ быть признанъ счастливымъ городомъ. Такой обостренной безработицы онъ, повидимому, не знаетъ еще. Однако и для него не могло пройти безслѣдно общее потрясеніе хозяйственной жизни въ странѣ.

За время войны по 1 октября, среди предпріятій города, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, закрыты 34 предпріятія съ 4087 рабоч.; 53 заведенія съ 44.357 рабочихъ увеличили производство, набравъ новыхъ 9.455 раб., а сократили производство 96 предпріятій съ 58.116 раб., расчитавъ 15.839 рабочихъ. Въ теченіе октября 20 предпріятій съ 14.687 раб. увеличили контингентъ на 1.427 рабочихъ, а 32 предпріятія съ составомъ 12.173 рабочихъ расчитали 3.085 чел. и, кромѣ того, 7 заведеній закрылись совсѣмъ, распустивъ 1.357 рабочихъ. Иначе говоря, на 1 ноября было расчитано 24.368 чел., а вновь набрано 10.882, или осталось безъ работы **13.486** чел. На 208 тыс. рабочихъ подчиненныхъ къ началу года фабричному надзору—$13^1/_2$ тыс. безработныхъ составляютъ $6^1/_2$, цифру не бьющую въ глаза своей величиной. При томъ, въ число подчиненныхъ надзору не входятъ казенные заводы, сильно увеличившіе производство. Но надо помнить, что въ это число не входятъ и всѣ мелкія предпріятія, неквалифицированные рабочіе и пр. Между тѣмъ среди этого рода труда, наиболѣе, повидимому, сильна безработица.

Текстильныя фабрики сократили число дней работы до 4 дней въ недѣлю. Кое-гдѣ сокращены и комплекты. О томъ же сообщаютъ съ нѣкоторыхъ кожевенныхъ заводовъ. Такъ фабрика Бехли вскорѣ послѣ войны расчитала до 300 чел. Распустили свои штаты винные склады, тоже дѣлаютъ пивоваренные заводы. Такъ, заводъ Баварія распустилъ болѣе 800 чел. вслѣдствіе пріостановки работы изъ

1.100 общаго числа рабочихъ. Повидимому, сильно пострадали мелкіе механическіе заводы, не имѣющіе казенныхъ заказовъ, золотосеребряныя, часовыя, ювелирныя и пр. мастерскія, вслѣдствіе, уменьшившагося спроса. Въ одномъ изъ номеровъ „Нашего Печатнаго Дѣла“ число безработныхъ рабочихъ печатнаго дѣла опредѣляется для книжныхъ типографій въ 50% всего занятаго въ нихъ числа рабочихъ.

Когда 11-е Городское Попечительство открыло регистрацію безработныхъ, то въ теченіе нѣсколькихъ дней въ одномъ только районѣ (Рождественскомъ; всего городъ раздѣленъ на 20 районовъ, въ каждомъ особое попечительство) записалось болѣе 150 человѣкъ рабочихъ печатнаго дѣла. Война оборвала, повидимому, раньше времени строительный сезонъ и связанныя съ нимъ производства. На подчиненныхъ фабричному надзору 50 кирпичныхъ заводахъ, занимавшихъ 12.430 раб,, производство остановилось на мѣсяцъ раньше и послѣ 20 іюля здѣсь осталось всего 750 раб. Преждевременно пресѣкла война и портовыя работы и транспортныя, въ виду прекращенія экспорта и дезорганизаціи товаропровоза.

Сокращеніе коммерческаго оборота не могло не отразиться на числѣ безработныхъ конторскихъ служащихъ и приказчиковъ; но кого особенно сильно ударила безработица—это офиціантовъ и другихъ труженниковъ трактирнаго, ресторанаго и пр. дѣла, сильно сократившагося и въ виду вообще военнаго времени и гл. обр. вслѣдствіе запрещенія торговли спиртными напитками. Въ „Бирж. Вѣдомостяхъ“ сообщалось, что изъ 42.000 офиціантовъ, работавшихъ въ Петроградѣ, 25 тыс. человѣкъ осталось безъ работы. Мы не представляемъ, можно ли вѣрить этимъ цифрамъ, т. к. совершенно не знаемъ ихъ источника. Къ этимъ ратникамъ вольнаго питейнаго дѣла надо присоединить распускаемую армію служащихъ монополіи, складскихъ служащихъ, сидѣльцевъ, ихъ подручныхъ и др.

Надо думать, что на женскомъ трудѣ тяжелѣе всего отразилась безработица. Вѣдь болѣе другихъ пострадала текстильная промышленность, винные склады, пивоваренные и пр. заводы, гдѣ женщины были главной частью рабочаго состава. На металлическихъ заводахъ, развившихъ работу по казеннымъ заказамъ, ихъ процентъ не великъ. Къ тому же въ ихъ исконныя профессіи: швейное, прачешное дѣло, домашнее услуженіе двинулась новая армія нуждающихся въ трудѣ солдатскихъ женъ, сестеръ и матерей. Какъ велика эта армія, мы не знаемъ, извѣстно только, что при первой выдачѣ казеннаго пайка, послѣ первой мобилизаціи, было зарегистрировано для выдачи пайка—52.916 семей, Можетъ быть не каждая семья выслала изъ своей среды новыхъ ищущихъ работы труженицъ, но можно быть увѣреннымъ, значительная ихъ часть. Между тѣмъ потрясенная въ основахъ своего хозяйственнаго благополучія деревня продолжаетъ выбрасывать на рынки города—спрута своихъ ищущихъ труда и заработка дѣтей. 14-е Городское Попечительство (Выборгск. сторона), зарегистрировавшее къ 1 октября 421 безработную, сообщаетъ, что послѣ фабричныхъ работницъ, сравнительно большая доля безработныхъ приходится на только что прибывшихъ изъ деревни.

Возможно мнѣніе, что безработица въ своемъ развитіи встрѣтила нѣкоторыя задерживающія стремленія, повліявшія на сокращеніе рабочаго рынка. Во первыхъ, мобилизація, поглотившая значительное число рабочей молодежи, во вторыхъ развитіе военныхъ земляныхъ и пр. работъ, и особенно ростъ работы казенныхъ заводовъ и вообще предпріятій, работающихъ на казну. Несомнѣнно, всѣ эти обстоятельства имѣютъ свое значеніе, но, во первыхъ, уводя изъ города безработныхъ, мобилизація захватываетъ и опытныхъ мастеровъ, спеціалистовъ, инженеровъ, владѣльцевъ собственныхъ мелкихъ предпріятій и пр., что въ свою очередь вноситъ дезорганизацію въ производство. Что касается земляныхъ и пр. работъ, то онѣ, конечно. могли занять извѣстное число, какъ разъ выброшенныхъ на улицу строительныхъ и пр. рабочихъ, но надо имѣть въ виду ихъ временный характеръ. Что касается казенныхъ заказовъ, то они заставили заводы увеличить свои комплекты, но и предпринимательная выгода и техническое удобство понудили заводчиковъ въ большинствѣ случаевъ прибѣгнуть не къ увеличенію числа рабочихъ, не къ введенію смѣнной работы, а къ усиленной практикѣ сверхурочныхъ работъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Во время безработицы 1906—1907 гг. одинъ изъ гласныхъ говорилъ въ засѣданіи СПБ. Городской Думы: „Если теперь Петербургскому Общественному Управленію придется пожертвовать милліонъ, то это будетъ небольшая уплата въ сравненіи съ тѣмъ, что городъ получилъ раньше отъ рабочихъ“. Теперь мы, конечно, не услышимъ такихъ рѣчей отъ Гор. Думы.

Безработица остается внѣ круга зрѣнія, Ее не видятъ и не хотятъ видѣть. Періодическая печать безъ различія направленій безучастно проходитъ мимо бѣдствія. За все время войны мы только въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 59) нашли коротенькую статью, посвященную вопросу, въ которой рекомендуется „въ самомъ ближайшемъ времени выяснить число безработныхъ, степень ихъ нужды и принять мѣры къ подысканію имъ другой работы или оказать имъ матеріальную помощь, пока они не найдутъ заработка“.

Выясненіе числа безработныхъ, ихъ распредѣленія по профес-

сіямъ, степени интенсивности безработицы въ отдѣльныхъ районахъ, несомнѣнно, должно явиться первымъ шагомъ въ борьбѣ съ бѣдствіемъ.

По этому пути и пошли Виленскіе рабочіе, предложившіе Комиссіи Городской Думы провести анкету и произведшіе её для того, чтобы выяснить, какъ велико число нуждающихся въ помощи и какого характера помощь нужна въ отдѣльныхъ случаяхъ. Очевидно, первымъ шагомъ Городской Думы должно быть образованіе спеціальной комиссіи для помощи безработнымъ, которая должна привлечь въ свой составъ представителей заинтересованной стороны и произвести всесторонній учетъ размѣровъ и характера безработицы.

При Петроградской Думѣ, въ качествѣ временнаго учрежденія и была создана аналогичная комиссія, но она сразу же сузила свою задачу до вопроса объ организаціи Биржи Труда, ограничила свой составъ нѣсколькими гласными, думскими чиновниками, да 2—3 случайными работниками Город. Попечительствъ.

Такимъ образомъ, первая задача—учета безработныхъ даже не была поставлена.

Выше мы видѣли, какъ трудно оріентироваться въ состояніи рабочаго рынка при полномъ отсутствіи учитывающихъ его колебаніе органовъ. На самомъ дѣлѣ откуда черпаются свѣдѣнія о безработицѣ на Западѣ? Изъ сообщеній биржъ труда, больничныхъ классъ, профессіональныхъ союзовъ. Послѣдніе являются пока наиболѣе точнымъ и признаннымъ освѣдомителемъ о состояніи рабочаго рынка. Въ дни наиболѣе острой безработицы выдвигается болѣе рѣшительная мѣра—перепись безработныхъ. Именно эта мѣра была проведена Берлинскими профессіональными союзами въ дни тяжелой безработицы 1908—1909 г.

Какими свѣдѣніями можемъ располагать мы здѣсь въ Петроградѣ? Данныя фабричной инспекціи о распредѣленіи по городамъ и районамъ неопубликованы. Какъ извѣстно, матеріалы и свѣдѣнія фабричной испекціи вообще у насъ держатся въ тайнѣ. При томъ, они могли бы освѣдомить насъ только о той части промышленнаго міра, которая находится въ веденіи фабричнаго надзора. Наконецъ, и по существу свѣдѣнія фабричной инспекціи совершенно непригодны для учета рабочаго рынка. На рынокъ труда толпы безработныхъ вливаются цѣлымъ рядомъ каналовъ: они идутъ изъ крупной промышленности, изъ ремесла, изъ міра неквелифицированнаго труда, изъ деревни, изъ пролетаризирующихся городскихъ слоевъ населенія, и мн. др. И освобождается рынокъ отливомъ безработныхъ черезъ рядъ другихъ каналовъ, ведущихъ на заводы, въ ремесло, въ торговлю, въ деревню, въ армію и много еще. Только одинъ вводящій и одинъ выводящій изъ этихъ каналовъ можетъ держать на учетѣ фабричная инспекція. Понятно, что ея свѣдѣнія для характеристики состоянія рабочаго рынка совершенно фиктивны.

Данныхъ, собираемыхъ посредническими учрежденіями у насъ нѣтъ, по той простой причинѣ, что у насъ нѣтъ и посредническихъ

организацій общественнаго характера. Городская Биржа Труда за Московской заставой обслуживаетъ, главнымъ образомъ, чернорабочихъ, затѣмъ огородниковъ и черную прислугу и лишь въ очень небольшой степени строительныхъ рабочихъ. Наша попытка воспользоваться данными Биржи Труда хотя бы для того, чтобы подмѣтить самыя общія колебанія, вызванныя войной на рабочемъ рынкѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Въ „Еженедѣльникахъ Статичес. Отдѣленія Петр. Гор. Думы“, гдѣ публикуются понедѣльно свѣдѣнія о дѣятельности Биржи Труда, въ теченіе цѣлаго мѣсяца послѣ объявленія войны съ 19 іюля по 17 августа данныхъ не печаталось. Да и при наличности свѣдѣній, они, конечно, не могутъ имѣть серьезнаго значенія. Число посѣтителей Биржи настолько незначительно, что всякія колебанія въ немъ объясняются чисто случайными причинами. Такъ, начиная съ 1 іюня до объявленія войны (до 19 іюля), въ теченіе 7 недѣль число посѣтившихъ Биржу чернорабочихъ и др. было послѣдовательно 1530, 1380, 1209, 1437, 1586, 1180, 989 чел., а въ теченіе 7 недѣль съ 17 августа по 4 октября, когда свѣдѣнія снова начали публиковаться эти цифры, были 764, 982, 1128, 635, 708, 881, 889 чел. Нѣкоторое сокращеніе посѣщеній Биржи, повидимому, имѣло мѣсто, вызвано ли оно мобилизаціей, временнымъ развитіемъ земляныхъ работъ внѣ города, совершенно не подлежащихъ учету, общимъ сокращеніемъ посѣщаемости Биржи къ осени, трудно сказать.

Для женщинъ тѣ же первые 7 недѣль даютъ такія цифры посѣщеній: 641, 487, 374, 481, 490, 442, 392 а другія семь недѣль: 453, 559, 826, 598, 553, 518, 519. Цифры слишкомъ ничтожны, чтобы въ нихъ искать отраженія общаго поворота въ промышленной жизни страны. Къ тому же у насъ совершенно нѣтъ увѣренности, что зарегистрированны всѣ посѣтители Биржи, что вообще эти данныя—точны и правильны даже въ своемъ маленькомъ масштабѣ.

На ряду съ Биржей Труда послѣднее время пытаются организовать посредническую дѣятельность Бюро Труда при городскихъ попечительствахъ. Но ихъ дѣятельность началась не сразу послѣ войны; цѣлый рядъ попечительствъ не имѣетъ сколько-нибудь упорядоченной регистраціи. Большинство изъ нихъ, кромѣ того, вообще боится предпринять даже простую регистрацію безработныхъ, опасаясь съ одной стороны внутреннихъ треній и другихъ препятствій, а съ другой, боясь оказаться не въ состояніи хотя чемъ либо удовлетворить широкую массу нуждающихся въ случаѣ, если бы послѣдняя хлынула въ попечительства за помощью. Надо замѣтить, что хотя большая часть попечительствъ оказываетъ помощь лишь семьямъ запасныхъ, формальное право на оказаніе помощи безработнымъ, какъ всѣмъ вообще нуждающимся, у нихъ есть. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они и приступили къ регистраціи всѣхъ безработныхъ и къ обсужденію вопроса о по-

мощи имъ. Понятно, что сейчасъ эта регистрація, какъ и посредническая ихъ дѣятельность, имѣетъ карликовый характеръ. По отдѣльнымъ имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, 11-е попечительство (Рождественскій районъ) до 1 октября со дня открытія въ концѣ іюля зарегистрировало лишь 1478 безработныхъ женщинъ и всего только 9 мужчинъ. Съ начала октября притокъ мужчинъ—безработныхъ увеличился; и на ихъ регистрацію и доставленіе имъ работы обращено болѣе серьезное вниманіе. Таково положеніе въ наиболѣе дѣятельномъ попечительствѣ. 14-е попечительство (Выборг. сторона, т. е. районъ текстильныхъ фабрикъ) по 1 октября зарегистрировало всего 421 чел., 19-е попечительство (Петерб. стор.) менѣе двухсотъ. Главный контингентъ зарегистрированныхъ жены запасныхъ, прислуга, работницы складовъ и пр. Какъ видимъ, только значительное усиленіе притока безработныхъ за помощью въ попечительства можетъ вызвать съ ихъ стороны усиленіе вниманія къ нуждамъ безработныхъ. Тогда въ ихъ распоряженіи будутъ и большія данныя о размѣрахъ безработицы.

Больничныя кассъ, публикуя данныя о движеніи членовъ, могли бы дать матеріалъ для сужденія о количествѣ занятыхъ рабочихъ. Но во первыхъ у насъ до сихъ поръ въ цѣломъ рядѣ предпріятій не организованы кассы, во вторыхъ на огромное количество рабочихъ, въ настоящее время особенно страдающихъ отъ безработицы, вообще не распространяется страхованіе.

Понятно, что данныя кассы, свидѣтельствуя лишь объ уходѣ рабочихъ изъ предпріятій, но не прослѣживая дальнѣйшей судьбы рабочаго, могутъ дать лишь нѣкоторыя иллюстраціи къ свѣдѣніямъ о безработицѣ, для точнаго же учета совершенно не достаточны.

Профессіональные союзы были и остаются лучшими источниками информаціи въ этой области. Именно на ихъ данныхъ базируются сейчасъ при учетѣ безработицы и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи. Конечно, для опредѣленія процента безработныхъ въ отдѣльныхъ профессіяхъ наши союзы, не смогшіе еще получить широкаго развитія, не въ состояніи, за отдѣльными исключеніями, дать данныхъ. Для этого они должны получить прежде возможность широкаго распространенія. То цѣнное, что ими давалось въ рабочей жизни, это обычное сообщеніе отдѣльныхъ фактовъ расчета, безработицы и пр., которое давало возможность составить ясное представленіе объ общемъ положеніи.

Мы можемъ привести здѣсь примѣръ, подтверждающій, что путь къ созданію правильнаго учета безработныхъ и у насъ, какъ заграницей, лежитъ чрезъ профессіональные союзы. Къ нимъ обратилось съ своей анкетой Вольное Экономическое Общество. Вотъ, напримѣръ, отвѣты Юрьевскихъ профес. об—въ. О—во рабочихъ по дереву сообщило, что изъ 154 членовъ къ концу 1914 года было безработныхъ въ декабрѣ

*) „Общественные работы г. С.-Петербурга". 1912 г. т. 1.

120 чел; об—во рабочихъ по обработкѣ камня,—что изъ 82 член—потеряло работу 60; об—во рабочихъ портняжнаго ремесла, что при 103 членахъ—безработныхъ нѣтъ, но количество работы уменьшилось на 75%. Эти свѣдѣнія еще отрывочны и не полны, но они даютъ уже возможность оріентироватся въ профессіональномъ характерѣ безработицы городѣ и даже подойти къ установленію процента безработныхъ по профессіямъ.

Предлагая Гор. Думѣ серьезно обратить вниманіе на положеніе безработныхъ, надо указать, что всестороннее использованіе всѣхъ указанныхъ источниковъ, и ихъ пополненіе данными спеціальнаго учета должно быть первымъ шагомъ по пути помощи жертвами хозяйственнаго кризиса.

Но неправильно было бы думать, что до того момента, пока точныя свѣдѣнія о числѣ и распредѣленіи безработныхъ не будутъ получены, Гор. Дума не должна предпринимать никакихъ мѣръ помощи.

Пока мы слышали объ одномъ такомъ мѣропріятіи, объ организаціи *Городской Биржи Труда*. Въ предпріятіи этомъ много страннаго. Страннымъ прежде всего является самая идея организаціи Биржи Труда на ряду съ уже существующей Городской Биржей Труда (за Московской Заставой). Послѣдняя существуетъ, не особенно важно, правда, но работаетъ, фигурируя всюду подъ громкимъ именемъ Городской Биржи Труда. Теперь рядъ городскихъ дѣятелей организуетъ новую Биржу Труда, совершенно независимо отъ первой и совершенно, добавимъ, независимою отъ Бюро Труда городскихъ же попечительствъ.

Что за неожиданное богатство! Мы всегда жаловались на неорганизованность рабочаго рынка и инертность въ этомъ отношеніи нашего муниципалитета, а теперь сразу получаемъ вдругъ—двѣ Биржи Труда и почти 20 районныхъ Бюро Труда при попечительствахъ. Такое embarras de richesse заставитъ съ удивленіемъ отступить любой изъ самыхъ прогрессивныхъ германскихъ муниципалитетовъ. Гдѣ зарыта собака въ этомъ неожиданномъ соревнованіи, въ чьихъ жаждующихъ самостоятельности самолюбіяхъ или *какихъ* трудно опредѣляемыхъ интересахъ, мы не знаемъ. Нельзя все же не признать страннымъ и уже сразу вызывающимъ сомнѣніе въ серьезности такой приступъ къ дѣлу.

Добро бы новые организаторы клали въ основу своего дѣла иные принципы, иныя организаціонныя начала. Хотя бы хотѣли они создать дѣйствительную *организацію* посредничества, вмѣсто пустой формы ея, въ видѣ огороженнаго поля съ холодными навѣсами, какой является такъ называемая Биржа Труда за Московскою Заставой. Но ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности.

Они предполагаютъ регистрировать тѣхъ же чернорабочихъ и

прислугу. Они предполагаютъ организовать биржу также бюрократически, передавъ все дѣло въ руки завѣдующаго подъ надзоромъ думскихъ дѣятелей. Также, какъ тамъ, они намѣчаютъ для нея ничтожный бюджетъ, который, конечно, не дастъ сколько-нибудь серьезно развернуть работу. Въ защиту своей затѣи, организаторы указываютъ на то, что они сами понимаютъ ея сравнительно ничтожное значеніе, но цѣнятъ въ ней лишь начало, лишь зачатокъ дѣйствительной и широкой посреднической организаціи. Намъ вспоминается, какъ такіе же рѣчи раздавались при организаціи старой Биржи. Какъ видимъ, она не оказалась евангельскимъ горчичнымъ зерномъ и, несмотря на продолжительное уже существованіе, болѣе напоминаетъ евангельскую же смоковницу.

Лишь *участіе въ управленіи Биржей представителей наиболѣе заинтересованной стороны* можетъ завоевать ей необходимое поле дѣятельности. Руководящіе круги трудовыхъ слоевъ столицы всегда помнили объ этомъ. Еще въ 1908 и 1909 г.г. когда только подготовлялось открытіе первой Петерб. Биржи въ „Профессіональномъ Вѣстникѣ“ и „Металлистѣ“ и его преемникахъ былъ всесторонне разсмотрѣнъ вопросъ о значеніи и формахъ рабочаго посредничества. Тогда однако въ массѣ вопросъ не встрѣтилъ широкаго интереса. Теперь надо думать положеніе иное.

Конечно, нѣтъ необходимости чуждаться городской организаціи посредничества. Бойкотистскія настроенія здѣсь также опасны и вредны, какъ и въ ряду другихъ извѣстныхъ всѣмъ случаевъ. Если кто заинтересованъ въ регулированіи посредничества, въ томъ, чтобы сдѣлать излишнею бѣготню по мастерскимъ и стояніе подъ воротами, протекцію земляковъ и эксплоатацію разныхъ рекомендательныхъ конторъ, то это прежде всего рабочій. И поэтому можно быть весьма довольнымъ, если Дума берется за организацію этого дѣла. Но необходимымъ условіемъ серьезной и полезной для рабочихъ организаціи городского посредническаго учрежденія должно быть участіе рабочихъ въ его управленіи.

Только участвуя въ послѣднемъ, представители заинтересованныхъ могутъ быть увѣрены, что Биржа будетъ служить дѣлу посредничества, а не какимъ либо постороннимъ интересамъ.

Можетъ быть высказано мнѣніе, что не лучше ли тогда цѣликомъ взять въ руки рабочихъ дѣло посредничества. Мы здѣсь не предполагаемъ разсматривать этого большого и для западноевропейскаго движенія довольно стараго вопроса съ разныхъ его сторонъ. Скажемъ только, что конечно желательно полное господство на рабочемъ рынкѣ. Для достиженія его необходима организація и всемѣрное укрѣпленіе собственныхъ бюро труда при союзахъ отдѣльныхъ профессій. И въ тѣхъ профессіяхъ, гдѣ рабочія бюро будутъ руководить дѣломъ посредничества, разумѣется, не будутъ пользоваться городскими учрежденіями. Но такъ какъ такихъ профессій очень немного, такъ какъ на огромную часть рабочаго рынка союзы даже при ихъ прекрасной германской организаціи своего вліянія, не могутъ распространить, то должно быть использовано и городское посредничество. И надо добиваться при этомъ, чтобы предприниматели также соглашались на пользованіе городской организаціей. Лучшей организаціей такого посредничества является типъ *нейтральныхъ биржъ труда*, распространяющійся въ послѣдніе годы на западѣ и основанный на *равномъ участіи въ управленіи Биржей представителей рабочихъ и предпринимателей*. Схематическій проектъ такой организаціи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деталей, заслуживающій поддержки, былъ принятъ недавно однимъ изъ отдѣловъ Вольнаго Экономическаго О-ва *) и представленъ въ Гор. Думу.

Къ организаціи Биржи не указанныхъ этимъ проектомъ началахъ надо всемѣрно стремиться. Но, понятно, что для того, чтобы она была проведена въ жизнь надо настойчивое стремленіе со стороны самыхъ заинтересованныхъ круговъ.

Созданіе Биржи Труда, конечно, на исчерпываетъ необходимыхъ для борьбы съ послѣдствіями безработицы мѣропріятій. При современной безработицѣ, когда одни предпріятія сокращаютъ комплектъ, другія вводятъ сверхурочные часы, когда изъ однихъ городовъ льются волны голоднаго люда, въ другихъ чувствуется недостатокъ въ рабочихъ, широко поставленныя посредническія организація имѣли бы свое довольно крупное значеніе. Но конечно, ихъ роль въ борьбѣ съ безработицей весьма ограничена.

Въ рабочихъ кругахъ пользуется вниманіемъ другое изъ возможныхъ городскихъ мѣропріятій—*общественныя работы*.

Такія работы Пб. Думой уже организовывались въ дни острой безработицы 1906- 7 г.г. На ихъ организацію было израсходовано тогда до 3 милл. руб. Была оказана помощь работой 3—4 тыс. рабочихъ. Работы состояли въ сооруженіи Пантелеймоновскаго, Михайловскаго, Введенскаго, Аларчина, Силина, Каменноостровскаго, Строганова, и Лештукова мостовъ, работахъ по поднятію мѣстности Галерной гавани, приспособленіи подъ мастерскія зданія на Гагаринскомъ буянѣ, постройки Лоцманскаго рынка, въ устройствѣ торговой площадки у Лоцманскаго рынка и постройкѣ зданія поминавшейся выше Биржи Труда за Московской заставой.

Какъ видимъ, по своему характеру, это по большой части были или земляныя работы (поднятіе Галерной гавани, стоившее больше 1 мил. руб.) или крупныя городскія сооруженія, требовавшія большихъ расходовъ и большого участія спеціалистовъ. Надо замѣтить, что безра-

*) „Извѣстія И. В. Э. О“ № 6—7. 1914.

ботица того времени имѣла, повидимому, совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ современная. Изъ 13.002 безработныхъ зарегистрированныхъ въ связи съ организаціей работъ къ 17 іюля 1906 г. было металлистовъ 7.111 или больше половины, строительныхъ рабочихъ 1.179, текстильщиковъ—808, кожевенниковъ, типографовъ и др.—370, чертежниковъ, конторщиковъ и пр.—284, разныхъ ремесленниковъ—461 и чернорабочихъ—2.789 *).

Если даже не настаивать на безусловной показательности этихъ цифръ, то все же надо сказать, что въ нашей теперешней безработицѣ нѣтъ такой доли металлистовъ и другихъ спеціальныхъ рабочихъ. Недостатокъ матеріаловъ также затрудняетъ для настоящаго времени организацію такого рода работъ. Подыскать подходящія работы для печатниковъ или офиціантовъ гораздо труднѣе. Въ Либавѣ, напр., гдѣ Гор. Дума въ качествѣ мѣры для борьбы съ безработицей намѣтила производство общественныхъ работъ (въ Либавѣ, кстати, какъ и въ г. Вильно, при Думѣ работаетъ особая комиссія по вопросу о борьбѣ съ безработицей, въ составъ которой входятъ и представители рабочихъ) возбудила ходотайство передъ казной объ отпускѣ пособія или ссуды въ 50.0000р., работы эти проектировались также въ видѣ земляныхъ и дренажныхъ работъ. Это, конечно, не говоритъ противъ того, чтобы для неквалифицированныхъ рабочихъ и, конечно, нѣкоторыхъ профессіоналовъ, хотя бы строителей, деревообдѣлочниковъ и пр. было примѣнено и это средство помощи. Необходимо широкое выясненіе характера безработицы и соотвѣтствующая выработка плана подходящихъ общественныхъ работъ. Ни въ коемъ случаѣ не допустимы пріостановка работъ самимъ городомъ, что вызываетъ еще большее переполненіе рабочаго рынка и что, повидимому, практикуется.

Подъ общественными работами нельзя понимать исключительно земляныя или строительныя работы, по городскому благоустройству. Эти работы наиболѣе часты въ западно-европейской практикѣ. Въ Германіи во время безработицы 1902—3 г. изъ 46 городовъ практиковали земляныя работы—41 городъ, разбиваніе камня—25 городовъ, очистку улицъ—11 городовъ, сломку зданій—5 городовъ, колку дровъ—3 города, лѣсныя работы—2 города, работы по замощенію—1 городъ, плетеніе матовъ—1 городъ, письмоводство—1 городъ **). Какъ видимъ мыслимы и другія работы, какъ плетеніе, и даже конторскія работы.

Но при всемъ томъ, нельзя отнести къ общественнымъ работамъ то сравнительно большое дѣло *трудовой помощи*, которое развивается сейчасъ городомъ, попечительствами и рядомъ другихъ общественныхъ и городскихъ учрежденій. Оно состоитъ въ полученіи

*) „Общ. работы г. СПБ." 1912 г. Т I.
**) Dr Paul Meier. „Die Notstandsarbeiten und ihre Probleme". Iena, 1914 стр 7.

заказовъ на шитье бѣлья, платья и пр. для воиновъ отъ интендантства, госпиталей и др. учрежденій и раздачу ихъ безработнымъ. На этотъ путь вступили и нѣкоторыя кооперативныя учрежденія, какъ напр. Московскій Союзъ Потребительныхъ Обществъ, также организовавшій раздачу шитья безработнымъ.

Интендантскіе заказы носятъ грандіозный характеръ. Недавно, напр., поминалось въ печати о томъ, что городъ предполагалъ взять заказъ на шитье на 360 тыс. рубахъ и кальсонъ, 150 тыс. мѣшковъ и т. д. Попечительства, особенно энергично принявшіяся за это дѣло, имѣли въ виду сначала только женъ запасныхъ и имъ и предоставляли работу. Теперь какъ будто бы кое-гдѣ и другіе нуждающіеся въ работѣ получаютъ ее. Работа раздается на домъ, но нѣкоторыя попечительства организуютъ и собственныя мастерскія. Швейныя мастерскія существуютъ при очень многихъ попечительствахъ, при 11-мъ открыта мастерская туфель и т. д.

Несомнѣнно кооперативы, городъ и, какъ мелкія муниципальныя ячейки, попечительства, беря на себя это дѣло, приносятъ пользу рабочимъ. Безъ ихъ участія, огромная доля работъ попала бы въ руки подрядчиковъ, частныхъ посредниковъ, которые дорого бы обошлись занятымъ у нихъ рабочимъ. Въ печати уже были сообщенія, какую роль играютъ посредники въ этой работѣ на интендантство. Городъ же, не извлекая никакой прибыли, съ своей стороны ассигновалъ 33.935 руб. (на 4 мѣсяца съ 1 сент. по 31 декабря) на дѣло т. наз. трудовой помощи (организаціонные, квартирные и пр. расходы).

Разумѣется, необходимо самое внимательное участіе въ этомъ дѣлѣ организованной части профессіональныхъ дѣятелей, ихъ контроль, чтобы условія труда были нормальны, чтобы подъ знакомъ благотворительности не сбивались расцѣнки, чтобы распредѣленіе работы имѣло сколько-нибудь организованный характеръ. Возстановленіе профессіональнаго объединенія представителей портновскаго, сапожнаго промысла и другихъ поэтому сейчасъ особенно необходимо.

Но, помимо всего этого, описанная выше такъ называемая трудовая помощь не можетъ трактоваться, какъ мѣра борьбы съ безработицей. Вѣдь общественныя работы предполагаютъ предоставленіе безработнымъ новой работы, которая безъ того не была бы сдѣлана, которая не замѣщаетъ никакой рыночной потребности, вообще работы не на рынокъ. Предоставляя нѣсколькимъ тысячамъ безработныхъ постройку мостовъ, Дума тѣмъ уменьшала абсолютное число безработныхъ. Предоставляя имъ шитье солдатскихъ рубахъ, она не дѣлаетъ этого. Если бы попечительства не взяли заказа, его взяли бы частные подрядчики, передали бы его тѣмъ же или другимъ рабочимъ. Можетъ быть условія труда тамъ были бы хуже, можетъ эксплоатація тамъ была бы интенсивнѣе, можетъ быть сообразно этому

число рабочихъ даже нѣсколько было бы меньше тамъ, но въ общемъ разъ есть работа, она будетъ сдѣлана. А вопросъ идетъ о безработицѣ, о томъ, чтобы помочь тѣмъ, на кого не хватаетъ работы.

Въ частности по поводу чрезмѣрнаго напряженія труда у рабочихъ занятыхъ у подрядчиковъ, и частныхъ нанимателей, исполняющихъ спѣшные заказы (въ портняжныхъ, сапожныхъ, булочныхъ и др. предпріятіяхъ), въ рукахъ думы есть средство, которое, ограничивая это чрезмѣрное использованіе рабочей силы, въ тоже время можетъ быть трактовано, какъ мѣра борьбы съ безработицей. Мы имѣемъ въ виду право Думы *обязательными постановленіями сокращать рабочее время, и ограничивать сверхурочныя работы.* На эту сторону дѣла тоже должно быть обращено вниманіе

Разсматривая рядъ мѣропріятій, примѣненіе которыхъ въ борьбѣ съ бѣдствіемъ возможно со стороны Гор. Думы, мы придемъ все же къ заключенію, что ни распредѣленіе по другимъ отраслямъ и районамъ чрезъ дѣятельность посредническихъ учрежденій, ни трудовая помощь въ видѣ муниципальныхъ общественныхъ работъ не окажутъ своего быстраго благодѣтельнаго дѣйствія для очень и очень многихъ жертвъ безработицы. Какъ вы размѣстите, напр., по какимъ другимъ профессіямъ тысячи труженниковъ трактирнаго промысла или какими общественными работами займете наборщиковъ?

Очевидно, на ряду съ другими мѣропріятіями необходима и просто *матеріальная помощь.* И въ свое время городъ ее оказывалъ; во время безработицы 1906—07 года городомъ расходовались нѣкоторыя суммы и на квартирную, и на продовольственную помощь и на спасеніе заложенныхъ вещей безработныхъ отъ продажи въ ломбардахъ. Городомъ была даже испрошена для продовольственной помощи нѣкоторая сумма изъ Государ. казны.

На этотъ путь и должно вступить. Московскія профессіональныя организаціи, настаивавшія въ рядѣ резолюцій передъ Городской Думой, чтобы она немедля пришла на помощь офиціантамъ, пострадавшимъ въ связи съ отмѣной торговли спиртными напитками и указывающіе въ числѣ другихъ мѣръ и на необходимость простой матеріальной поддержки, стоятъ на вѣрномъ пути.

Намъ передавали, что въ нѣкоторыхъ попечительствахъ Петрограда поставленъ вопросъ о столовыхъ для безработныхъ. Это, несомнѣнно, наиболѣе скорая помощь. Но, понятно, и она должна быть обставлена рядомъ гарантій; центральная изъ нихъ—принципъ самодѣятельности и самоуправленія. Въ Вильно рабочіе организуютъ столовыя при союзахъ. Самоуправляющіяся столовыя существуютъ сейчасъ въ Польшѣ. Могли бы въ организаціи этого рода помощи сыграть роль рабочія потребительныя общества, на организацію и развитіе которыхъ должно быть обращено вниманіе.

Въ нашемъ изложеніи къ вопросу о помощи безработнымъ мы

подошли съ точки зрѣнія запросовъ, предъявляемыхъ жизнью къ современному городскомууправленію. Потому и считали болѣе наглядным его разсмотрѣніе въ мѣстныхъ рынкахъ, ибо въ разныхъ городахъ и районахъ, мѣропріятія будутъ неизбѣжно варіироваться и соотношеніе ихъ измѣняться. Но это, конечно, не значитъ, что исключительно на муниципальныя плечи должно упасть дѣло борьбы съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ. Роль государства и въ дѣлѣ матеріальной помощи, и въ дѣлѣ помощи посреднической работѣ и въ дѣлѣ законодательнаго регулированія вопроса о рабочемъ времени или сверхурочныхъ работахъ очень велика.

Одно лишь условіе неизбѣжно необходимо для осуществленія, какъ широкихъ общегосударственныхъ мѣропріятій, такъ и детализированныхъ мѣръ помощи мѣстныхъ учрежденій—это широкая самодѣятельная работа самихъ заинтересованныхъ.

Созданіе профессіональныхъ объединеній, является первой и самой серьезной, задачей и въ дѣлѣ борьбы съ безработицей.

Гр. Петровичъ.

На рубежѣ двухъ эпохъ.

Въ настоящее время еще трудно подсчитать всѣ возможныя и вѣроятныя послѣдствія европейской катастрофы. Одни уже отчетливо намѣтились, но другія скрыты въ туманѣ грядущаго. Ясно только одно: однимъ изъ крупнѣйшихъ послѣдствій катастрофы окажется, внѣ всякаго сомнѣнія, ея дѣйствіе на демократію, на современную демократію, которая ставитъ себѣ міровыя задачи.

Міровыя задачи современная демократія ставитъ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ живетъ на политической сценѣ, съ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, она ихъ ставитъ по примѣру старой демократіи конца 18-го и начала 19-го вѣка, тоже — по своему — задававшейся общеевропейскими цѣлями, и эту свою международность оказавшейся вынужденной передать не своимъ, по соціальной принадлежности, законнымъ преемникамъ — позднѣйшей демократической буржуазіи, а именно демократіи новаго типа, зачатой въ буряхъ февральскихъ и мартовскихъ дней.

Съ послѣдними могиканами и, пожалуй, эпигонами этой старой европейской демократіи Россія знакома по Герцену. Большой художникъ далъ намъ рядъ ихъ портретовъ, нарисованныхъ широкими мазками, немного иронически, но все же часто любовно. Мадзини, Ледрю-Ролленъ, поляки, венгерцы... Въ ихъ лицѣ угасала волна, имѣвшая своимъ отправнымъ толчкомъ размахъ великой французской революціи. Но только то, что играючи легко

давалось стихіи первоначальнаго подъема, къ эпохѣ упадка успѣло превратиться въ потуги фантастовъ, въ безсильные планы „европейскихъ“ и иныхъ „комитетовъ“.

Международность декларації правъ человѣка, французскихъ освободительныхъ идей, являлась реальной силой, которая была засвидѣтельствована коалиціонной борьбой тогдашнихъ европейскихъ монархій. На поляхъ битвъ она получила свой кровавый дипломъ и, когда наполеоновская эпопея завершила, наконецъ, свой путь чрезъ Европу,—и свое самое торжественное признаніе устами враговъ: неписанному международному союзу освободительныхъ идей былъ противопоставленъ по всей формѣ заключенный договоръ на Вѣнскомъ конгрессѣ — „священный союзъ“ охранителей.

Такой или отдаленно подобной реальной силы уже не было у международности либеральной и радикальной демократіи половины 19-го вѣка. Да и тощей къ тому же, опустошенной по содержанію, стала эта международность. По мѣрѣ того, какъ на горизонтѣ вырисовывался въ международномъ масштабѣ соціальный вопросъ—тускнѣли принципы 89-го года въ своей общезначимости, республиканизмъ терялъ прежнее обаяніе универсальной идеи и вся общественно-политическая идеологія, что дальше, то больше, націонализировалась.

И любопытно: именно вопросъ національнаго объединенія (какъ въ Италіи и Германіи) и національнаго освобожденія болѣе мелкихъ народностей былъ послѣднимъ вопросомъ, сохранявшимся еще нѣкоторое время въ видѣ отголоска изъ того періода буржуазнаго развитія, когда у буржуазіи имѣлись задачи и цѣли, не умѣщавшіяся на прокрустовомъ ложѣ національно-государственнаго индивидуализма. Но какъ разъ эти годы распада стародавней международности—съ конца 40-хъ и до начала 70-хъ годовъ 19-го вѣка—были временемъ, когда закладывалась международность демократіи новаго типа, когда эта демократія подхватила упадавшее знамя всечеловѣчности изъ рукъ политически-регрессирующаго общества и, подхвативъ, его крѣпко держала въ рукахъ всѣ послѣдніе полвѣка. Оно было ея вѣрнѣйшимъ залогомъ грядущаго, наглядымъ подтвержденіемъ морально-политическаго превосходства ея надъ всѣми противниками.

И вотъ этому то гордому самосознанію нанесенъ ударъ катастрофой 1914 года. Тамъ, гдѣ прежде была непоколебимость гранита, зіяетъ трещина и въ трещину вползаетъ сомнѣніе, вопрошающее: гдѣ истина? у столѣтней ли традиціи или у національнаго индивидуализма? Одна ли правда для всѣхъ или правда смѣняется вмѣстѣ съ государственнымъ организмомъ народа и у каждаго народа своя домашняя правда, какъ когда то у каждаго очага былъ свой домашній богъ-покровитель?

Развитіемъ событій вопросъ поставленъ передъ демократіей во всей его обнаженности и во всемъ значеніи для дальнѣйшихъ судебъ ея идеологіи.

Это хорошо понимаютъ представители буржуазной общественно-политической мысли, особенно тѣ, которые сами продѣлали путь отъ вселенскаго идеала къ національной домашности. Неудивительно, поэтому, что г. П. Струве спѣшитъ зарегистрировать, что и современная демократія многихъ европейскихъ государствъ, и германская, въ первую очередь, какъ будто утверждается въ данный моментъ на той же стезѣ и упраздняетъ свою международность.

„Ихъ (т. е. германскихъ демократовъ) положеніе трудно тѣмъ, что они должны на кровавомъ дѣлѣ оправдывать тотъ буржуазный націоналистическій лозунгъ, съ которымъ они на словахъ такъ яростно боролись: right or wrong, my country—хорошо ли, скверно ли поступаетъ моя страна, я ее защищаю. Имъ, столько разъ выступавшимъ противъ справедливыхъ и законныхъ примѣненій національнаго принципа, какъ якобы буржуазныхъ, приходится теперь своей кровью и безчисленными жертвами своихъ семей, во имя національнаго принципа, отстаивать и оплачивать скверное дѣло, начатое ихъ правительствомъ. Изъ такого положенія не можетъ быть хорошаго выхода“.

Такъ, бывшій марксистъ, бывшій демократъ, а сейчасъ наполовину уже бывшій либералъ . . . . . .

. . . . . .

. . . изливаетъ на столбцахъ „Биржев. Вѣдом.“ (см. № отъ 9-го сентября 1914 г.) свою радость: радость грѣшника, что добродѣтель подмочена и самая незапятнанная репутація оказалась съ изъяномъ...

Но что положеніе демократіи, дѣйствительно, трагично, что ея международность подверглась испытанію, какого не приходилось еще переживать ей когда либо, объ этомъ свидѣтельствуетъ еще въ большей степени, чѣмъ ликованіе враговъ, растерянность передъ тѣмъ, что случилось, лучшихъ представителей этой демократіи, знаменоносцевъ ея международности.

Если вѣрить тому, что пишетъ Копенгагенскій корреспондентъ газеты „Кіевская Мысль“—а мы не имѣемъ основанія не довѣрять его реферированію,—то Карлъ Каутскій въ одномъ изъ номеровъ „Neue Zeit“, для насъ, къ сожалѣнію, недоступныхъ, пришелъ къ выводу, который при всемъ желаніи невозможно согласовать съ началами международности. Исходя изъ той мысли, что настоящій международный конфликтъ получаетъ діаметрально противоположное освѣщеніе въ оцѣнкѣ Вандервельде, Гэда и другихъ съ одной стороны, въ оцѣнкѣ германской демократіи—съ другой, онъ заключаетъ отсюда, что общій анализъ международнаго положенія приходится отбросить и что существуютъ въ наличности равнозначныя силы, заставляющія демократію каждой страны съ одинаковымъ правомъ защищать свое національное цѣлое и противоборствовать другимъ.

Иначе говоря—что международности съ момента, когда вспыхнулъ конфликтъ, больше не существуетъ и міровая демократія представляетъ изъ себя такой же конгломератъ тяготѣющихъ въ разныя стороны силъ съ противоположными интересами, какъ и господствующіе классы, какъ и тотъ старый міръ, которому привыкла противополагать себя демократія.

Хуже того: что эти противоположные, противорѣчивые интересы внутри міровой демократіи не находятъ себѣ примиренія въ какомъ либо высшемъ принципѣ, что высшаго принципа нѣтъ, установляющаго общеобязательныя нормы для всѣхъ безъ различія членовъ міровой демократіи.

Но и на этомъ нельзя остановиться; если нѣтъ высшаго объ-

единяющаго принципа на періодъ конфликта, то откуда демократіи взять этотъ принципъ и для обычнаго, неконфликтнаго, мирнаго времени? Нельзя же создавать двойную бухгалтерію и признавать по пятницамъ то, что по средамъ отвергаешь. Принципъ не дѣлится, и его можно либо цѣликомъ отвергнуть, либо такъ же цѣликомъ принять. А нѣтъ принципа, нѣтъ и международности, нѣтъ и единаго мірового движенія къ единой поставленной цѣли....

Выводъ Каутскаго закрѣпляетъ небытіе, въ которомъ — въ годину конфликта оказалась міровая демократія. Каутскій ставитъ штемпель принципіальнаго обоснованія на практикѣ, вышедшей совсѣмъ не изъ принципа, а изъ отсутствія, недостаточности принципа, изъ того, что демократическая мысль и психика благодаря цѣлому ряду причинъ безпомощно капитулировали передъ силой стихіи. И потому, выводъ Каутскаго былъ бы, пожалуй, хуже этой практики если-бы только объяснялся, какъ пароксизмъ психологической потребности защитить во что бы то ни стало въ глазахъ международнаго общественнаго мнѣнія поведеніе того партійнаго цѣлаго, которое такъ дорого Каутскому.

Какъ бы тамъ ни было я долженъ сказать: я не согасенъ съ декларацією Гаазе; я полагаю, что въ 1914 году уже немыслимо централизовать вниманіе германской демократіи на восточной опасности, и германская же демократическая литература послѣднихъ лѣтъ это доказала съ достаточной убѣдительностью. Но я все же предпочитаю аргументацію Гаазе защитительной аргументаціи Каутскаго. Худо ли, хорошо ли, — по моему худо— аргументація Гаазе пытается оправдать демократію не только моментомъ самозащиты, но и международнымъ положеніемъ, опредѣленной оцѣнкой даннаго сочетанія силъ. Она на свой манеръ прислоняется къ международности. Она слабо, но къ ней апеллируетъ. Наоборотъ, аргументація Каутскою апеллируетъ не къ международности, а къ отсутствію этой международности, и этому отсутствію даетъ свою санкцію, свое отпущеніе грѣховъ,— и тѣмъ покрываетъ то состояніе современной міровой демократіи, которое должно вызывать величайшую тревогу, по поводу котораго надо бить въ набатъ и кричать: демократія въ опасности!....

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, Ганнибалъ у воротъ! Міровой конфликтъ внесъ въ ряды демократіи смуту, какой еще не было за всю исторію ея сознательнаго, организованнаго существованія. Передъ лицомъ грандіозныхъ событій демократія оказалась не внѣшне, а внутренне несостоятельной, несостоятельной не потому, что событія явились сильнѣе ея и она не смогла съ ними справиться— это было бы еще съ полгоря, а потому, что она событіямъ дала справиться съ собою, съ своимъ внутреннимъ міромъ, ...

. . . . . .

. . . . . .

Дѣло, очевидно, въ чемъ то другомъ, чѣмъ въ одной германской ошибкѣ, если процессъ, такъ сказать, національзаціи

демократіи могъ съ такой быстротой и такъ безпрепятственно охватить и демократіи другихъ государствъ, ...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Существовали, стало быть, какія то общія причины, которыя вызвали это общее слѣдствіе, которыя не однихъ германцевъ, но и французовъ, итальянцевъ, англичанъ равно поставили передъ проблемой конфликта, для разрѣшенія которой въ духѣ старыхъ традицій у нихъ не оказалось ключа. Ибо надо же прямо сказать: даже и тогда, когда эти демократіи поступали такъ, какъ надлежитъ поступать демократіямъ, онѣ дѣйствовали правильно не въ силу сознательнаго выбора, не съ полнымъ разумѣніемъ проблемы во всей ея сложности, а движимыя тою же стихіей, которая германской демократіи подсказала роковое рѣшеніе. Онѣ воспользовались тѣмъ, что ихъ хорошее въ общемъ рѣшеніе въ извѣстной мѣрѣ въ силу счастливой случайности (я не разбираю сейчасъ его частностей) совпадаетъ съ „національнымъ“ рѣшеніемъ и что онѣ могутъ, до поры до времени, плыть по теченію, въ противоложность германцамъ не совершая завѣдомой измѣны своему собственному прошлому.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Какъ же, спрашивается, могло случиться, что хаосъ эмпирики воцарился тамъ, гдѣ, казалось, была планомѣрность хорошо налаженнаго—въ результатѣ многолѣтняго развитія—организма или, точнѣе, комплекса организмовъ, гдѣ былъ огромный накопленный капиталъ стройныхъ принциповъ, богатѣйшая и разнообразнѣйшая практика. Почему такъ много изъ всего этого развѣялось, какъ дымъ, при первой же встрѣчѣ съ давно жданнымъ конфликтомъ? И что развѣяно? И что осталось?

Я бы сказалъ: остались,—остались нетронутыми на высотахъ теоріи исконные принципы демократіи, какъ и основныя начала ея практики—они переживутъ катастрофу. Но получило сильнѣйшій ударъ осуществленіе этихъ принциповъ и этой практики демократіи въ жизни. Оно стало жертвой катастрофическаго конца цѣлой большой полосы въ исторіи развитія новѣйшей Европы, ибо эта полоса наложила свою характерную окраску на все современное движеніе демократіи, на всѣ проявленія ея общественнаго „я“.

Поэтому, чтобы понять то столкновеніе принциповъ съ жизнью, которое составляетъ сейчасъ содержаніе трагедіи, и образчикъ котораго мы только что могли наблюдать на судьбѣ демократической международности, необходимо предварительно разобраться въ специфической окраскѣ, въ особенностяхъ этой полосы, сыгравшихъ такую фатальную роль въ моментъ наступленія мірового катаклизма.

Полоса, о которой идетъ рѣчь, это затяжной антрактъ въ четыре съ половиною десятка лѣтъ, расположившійся между двухъ періодовъ неустойчиваго равновѣсія и повышенной активности. Къ 70-мъ годамъ прошедшаго столѣтія закончилась эра между-

народной и внутригосударственной отстройки современнаго буржуазнаго общества, и человѣческое море, бурлившее когда то въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вѣковъ, вошло постепенно въ свои берега; мятущаяся и вѣчно мѣняющая свои очертанія стихія нашла,наконецъ, свое болѣе или менѣе постоянное ложе, свои-до поры до времени—законченныя формы. Въ противоположность эпохѣ, когда создавались новыя государственныя образованія, слагались національности и буржуазія вела тяжбу съ господствующими силами феодально-абсолютистскаго строя, воцарился относительный покой заключеннаго компромисса, и жизнь застыла на время въ унаслѣдованныхъ ею комбинаціяхъ.

Впрочемъ, о застываніи жизни можно говорить лишь очень условно. На самомъ дѣлѣ, какъ разъ за этотъ періодъ будто-бы застоя внутри каждой данной страны протекали огромные молекулярные процессы, да и международная обстановка исподволь перерождалась, ибо въ ней опредѣляющимъ моментомъ все явственнѣе становилась политика колоніальныхъ пріобрѣтеній, воинствующаго имперіализма, и соотвѣтственно этому совершалась перегруппировка державъ. Но эти молекулярные процессы, но эта перегруппировка не приводили пока что къ результатамъ, для всѣхъ осязательнымъ, не складывались въ попытки мѣняющихся силъ подвести этимъ измѣненіямъ итоги. Шла, можно сказать, подготовка, но не было реализаціи, или была реализація минимальная, частичная, не идущая въ сравненіе съ тѣми скачкообразными перемѣнами, съ тѣми коренными сдвигами, которыми наполнена исторія предъидущихъ десятилѣтій.

Ни революцій, ни войнъ! Если предыдущая эпоха стояла подъ знакомъ періодическихъ потрясеній во Франціи, откуда какъ изъ центра расходились воздѣйствія на всю остальную Европу, если за то время не только мѣнялись формы правленія государствъ, но и образовывались новыя, начиная съ маленькой Бельгіи и кончая такими крупными формаціями, какъ объединенная Италія, объединенная Германія, или дуалистическая монархія Габсбурговъ, это подновленный обломокъ старины, датирующій съ конца 60-хъ годовъ прошедшаго столѣтія,—то, обратно, занимающее насъ сорокапятилѣтіе представляетъ картину почти совершенной пріостановки этихъ процессовъ формированія, и вся средняя Европа, точно завороженная, останавливается на полпути въ метаморфозѣ своихъ взаимоотношеній между народомъ и властью, на промежуточной станціи или на тѣхъ промежуточныхъ станціяхъ, на которыхъ каждую изъ входящихъ въ нее странъ засталъ историческій процессъ у порога этого сорокапятилѣтія.

Правда, кое-гдѣ въ этихъ странахъ—и въ особенности въ Австріи—демократизировалось избирательное право, но существо, но типъ государственнаго властвованія остался все таки старый; и рейхстагъ, и рейхсратъ пребывали, какъ прежде, безвластными; и именно прусскій псевдоконституціонализмъ, этотъ шедевръ реакціи 50-хъ годовъ, сохранившійся во всей своей цѣлости до настоящихъ дней мірового конфликта, именно его неизмѣнность среди всѣхъ превратностей капиталистическаго развитія, служитъ такимъ же символомъ только что пройденной нами эпохи,

какимъ когда то являлись для эпохи предшествующей знаменательныя даты 89, 30, 48 годовъ.

Глубокому же консерватизму во внутригосударственныхъ отношеніяхъ отвѣчаетъ такой же консерватизмъ въ отношеніяхъ междунаціональныхъ. Здѣсь тотъ же принципъ охраненія statu quo—существующаго положенія вещей, и во имя этого принципа—миръ до послѣдней возможности, несмотря на постоянно ростущую волну вооруженій. Войны ведутся лишь на окраинахъ, по преимуществу въ колоніяхъ, а основное ядро европейской территоріи не затрагивается и границы государствъ не „исправляются“ усиліями стратеговъ на поляхъ кровавыхъ сраженій. За исключеніемъ Балканскаго полуострова политическая карта Европы начала 70-хъ годовъ могла бы съ успѣхомъ быть использована и въ настоящемъ 1914 году.

Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что буржуазная Европа стала консервативной. Она остановилась въ своемъ домогательствѣ власти, какъ и въ своей реформирующей дѣятельности, на тѣхъ позиціяхъ, на какихъ застала ее перемѣна настроенія или вѣрнѣе—перемѣна фронта, когда движеніе противъ остатковъ феодализма окончательно смѣнилось—выражаясь языкомъ военнаго времени,—„позиціонной борьбой“ противъ идущей на буржуазную Европу новой опасности, когда въ различныхъ странахъ различно, но всюду произошло сближеніе прежнихъ противниковъ, и власть, поддержанная буржуазіей, такъ сказать, „окопалась“ отъ наступающей на нее демократіи.

Демократія, съ своей стороны, должна была тоже уйти, при наличномъ состояніи силъ, въ кропотливую саперную работу и для ближайшаго предвидимаго времени не смѣла расчитывать на иные успѣхи, чѣмъ на взятіе отдѣльныхъ траншей, чѣмъ на тотъ или другой удачный обходъ, заставляющій противника податься на шагъ, но еще отнюдь не могущій принудить его капитулировать.

Создалось, такимъ образомъ, положеніе особаго рода съ ему свойственной логикой, во многихъ отношеніяхъ общей для обоихъ антагонистовъ, какъ ни различны они во всемъ остальномъ, общей, ибо вытекающей изъ нѣкоторыхъ общихъ условій данной стадіи развитія. Детализованная отграниченность работы и борьбы и всепроникающая постепеновщина, эти знаменія эпохи, возведенныя одними въ принципъ, для другихъ стали привычнымъ фактомъ ихъ бытія и, какъ таковой, вошли элементомъ въ ихъ психику, оттѣнкомъ въ ихъ идеологію.

Закрѣплять за собою позиціи вездѣ, гдѣ можно,—въ парламентахъ, въ муниципалитетахъ, въ промысловыхъ судахъ, въ организаціяхъ страхованія и иныхъ; зубами держаться за данный, достигнутый уровень жизни, подпирая его грандіозными сооруженіями кооперативовъ и профессіональныхъ союзовъ,—во всемъ этомъ былъ свой паѳосъ, своеобразная красота неукротимой, цѣпкой, почвенной энергіи. Это были цвѣты, взрощенные эпохой, несомнѣнныя пріобрѣтенія ея, которыми она могла справедливо гордиться передъ своими предшественницами, ибо никогда еще міръ не присутствовалъ при зрѣлищѣ чего либо отдаленно похожаго на эти—пусть дробные, но въ своемъ цѣломъ. великіе процессы массовой консолидаціи.

Однако, chacun a les défauts de ses qualités—справедливо говоритъ французская пословица: каждый имѣетъ недостатки своихъ достоинствъ, и у этой массовой консолидаціи въ данную эпоху ея огромная способность къ проникновенію во всѣ поры общественности, ея талантъ планомѣрно-выдержанной и осторожной продвижки впередъ имѣли своей оборотной стороной ярко выраженную неприспособленность къ моментамъ нарушенія постепенности—къ катастрофическимъ явленіямъ всякаго рода, во первыхъ, и во вторыхъ—исключительную замкнутость въ кругѣ національнаго дѣйствія—національной среды.

Вѣдь, сорокъ пять лѣтъ жизнь учила только одному и не давала матеріала для другого; вѣдь, сорокъ пять лѣтъ содержаніе движенія непрерывно обогащалось лишь тѣмъ, что этому движенію могли дать готовыя рамки существующихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій, и больше всего тѣмъ, что давала та совокупность общественно-политическихъ условій каждой страны, которая выражала ея національно-государственную индивидуальность. И эти же сорокъ пять лѣтъ, т. е. какъ разъ все время, въ теченіе котораго безсильные прежде эмбріоны демократическихъ организацій превратились въ цвѣтущіе жизнеспособные и вліятельные организмы демократій европейскихъ государствъ, эти же сорокъ пять лѣтъ нисколько не помогли отвѣтить на вопросъ, какъ быть, когда дѣло пойдетъ о нарушенныхъ или разрушенныхъ рамкахъ и когда будетъ фигурировать не одна только „своя“ государственность, съ которой демократія искони оперировала, а комбинаціи этихъ государственностей расположатся, какъ шахматы, на доскѣ всемірной исторіи и потребуютъ отъ демократіи такого же участія въ междугосударственномъ рѣшеніи, какое она обычно принимала въ рѣшеніяхъ въ масштабѣ своей государственности.

Но можно ли было бы отсюда заключить, что демократія объ этихъ—въ предположеніи—нарушенныхъ рамкахъ и объ этихъ проблемахъ междугосударственнаго значенія совсѣмъ и не думала. Нѣтъ, она думала. Скажемъ болѣе: она къ нимъ постоянно возвращалась, какъ въ литературѣ, такъ и на совѣщаніяхъ своего международнаго представительства. Но ея мысль, такая отчетливая въ своей конкретности, теряла тотчасъ же свои обычныя свойства, какъ только пыталась прикасаться къ этимъ двумъ порядкамъ явленій. Въ этомъ легко убѣдиться, если сопоставить, какъ много достигнуто демократіей въ искусствѣ работать на основѣ каждой данной государственности съ ея многообразнымъ механизмомъ законодательствованія и управленія, съ ея внутриполитическими и междуклассовыми отношеніями, и наоборотъ, какъ безконечно мало-даже въ умѣніи ставить проблемы, предполагающія отсутствіе этой основы въ силу какихъ бы то ни было причинъ. Въ одномъ случаѣ несомнѣнный и огромный прогрессъ по сравненію съ предыдущей исходной полосой демократическаго движенія, въ другомъ—не только не прогрессъ, но я бы сказалъ—совершенно очевидное попятное развитіе.

Марксу и особенно ранѣе умершему Лассалю—воскресни они въ настоящее время—предстали бы цѣлыя области вѣдѣнія, при ихъ жизни имъ совершенно неизвѣстныя... „Профессіоналисты“, „страховики“, кооператоры, парламентаріи, муниципальные дѣятели, словомъ—спеціалисты всѣхъ родовъ оружія въ дѣлѣ позиціонной борьбы, свободно заткнули бы за поясъ и Лассаля, и Маркса, каждый въ своей спеціальности: ибо спеціальность каждаго въ настоящее время покоится на фундаментальной основѣ изъ откристаллизовавшейся многолѣтней демократической практики—практики массъ. Но Марксъ, и Лассаль, какъ и вообще демократы ихъ поколѣнія, въ свою очередь, могли бы сказать: и вамъ, господа демократы начала XX вѣка, есть чему поучиться у насъ: у насъ не было вашей практики, но и у васъ нѣтъ практики, которая была въ высокой степени свойственна нашему времени, безъ которой—на худой конецъ—вы, пожалуй, могли обойтись въ истекшую историческую полосу, но за отсутствіе которой вы и платитесь теперь дорогою цѣной разгрома вашей международности...

Въ самомъ дѣлѣ, поколѣніе Маркса, было напрактиковано, если можно такъ выразиться, въ расцѣниваніи международныхъ конфликтовъ. Оно жило въ эпоху, когда борьбу государствъ приходилось брать, какъ фактъ текущей дѣйствительности, а не только какъ угрожающую въ будущемъ опасность, и съ этимъ фактомъ такъ же оперировать, какъ и со всякимъ другимъ, прилагая къ нему обычную мѣрку демократіи—общіе интересы развитія.

Ни во время крымской кампаніи, ни въ итальяно—франко-австрійскую войну 59 года, ни въ тѣ войны, которыя слѣдовали одна за другой въ 64, 66 и 70-мъ годахъ и по своему на бисмарковско-гогенцоллерновскій ладъ осуществляли объединеніе Германіи, Марксу и всѣмъ его товарищамъ не приходило и въ голову, что они, ведя споры объ этихъ событіяхъ, привлекавшихъ тогда всеобщее вниманіе, и занимая въ отношеніи къ нимъ различныя, часто противоположныя позиціи, дѣлаютъ, будто бы, что-то неподлежащее, несоотвѣтствующее ихъ демократическому званію. Наоборотъ, со всѣмъ свойственнымъ имъ темпераментомъ они бросались на преодолѣніе проблемы, какъ бы сложна она ни была, они ставили діагнозъ конфликту, они пытались, опредѣлить успѣхъ какой стороны открываетъ больше простора желательнымъ съ ихъ точки зрѣнія возможностямъ, и устанавливали, такимъ образомъ, извѣстную базу для постройки своей тактики.

Я не буду касаться сейчасъ всѣхъ случаевъ приложенія этой Марксовой методологіи; я остановлюсь на одномъ лишь примѣрѣ, имѣющемъ для насъ въ силу нѣкоторыхъ его особенностей спеціальный интересъ,—какъ, надѣюсь, читатель пойметъ. Это вопросъ объ итальянской кампаніи 1859 года, въ которомъ Энгельсъ и Марксъ разошлись въ своихъ взглядахъ съ Лассалемъ. Въ своихъ династическихъ цѣляхъ поддерживая итальянскую борьбу за объединеніе и независимость, Наполеонъ III объявилъ войну Австріи.

Изъ за спины Наполеона вырисовывалась фигура Горчакова, только что передъ тѣмъ заключившаго секретное соглашеніе съ императоромъ французовъ. Пруссія и прочая Германія оставались нейтральными, хотя въ наличности въ этихъ странахъ и было большое движеніе за войну съ Наполеономъ, а-буде нужно и за войну на два фронта.

Какъ же, спрашивается, должна была реагировать демок-

ратія того времени на этотъ клубокъ противорѣчій? Вѣдь, на одной сторонѣ вмѣстѣ съ возставшей Италіей Гарибальди и Кавура находились герой 2-го декабря и съ нимъ заодно наиболѣе вѣрные хранители завѣтовъ „Священнаго Союза" 1815 года, а на другой—такое воплощеніе реакціи, какъ тогдашняя монархія Габсбурговъ. Не проще ли было отойти отъ грѣха, сказавъ „оба хуже"? Однако, ни Энгельсъ, ни Марксъ, ни Лассаль не соблазнились „простотой" такого рѣшенія, а принялись за изысканіе вопроса, какой исходъ столкновенія можетъ представить наибольшіе шансы тому дѣлу, которое дорого всѣмъ имъ.

Конкретно ихъ споръ упирался въ проблемму: вмѣшаться ли Пруссіи въ конфликтъ и тѣмъ вызвать вмѣшательство ея восточнаго сосѣда, или оставить Австрію на произволъ ея собственной судьбы? Энгельсъ и Марксъ говорили: вмѣшаться. Лассаль отстаивалъ противоположное мнѣніе. Намъ нѣтъ надобности входить сейчасъ въ обсужденіе всѣхъ деталей этой контраверзы. Ея элементами были соображенія самаго различнаго порядка: и о возможномъ—въ результатѣ столкновенія съ враждебной коалиціей—національномъ движеніи въ Германіи, которое разовьется черезъ головы ея многочисленныхъ властителей, и о томъ, какая держава въ европейскомъ концертѣ представляетъ центральное зло—реакціонная придунайская имперія или другіе выдающіеся представители этого концерта. Намъ такъ же неважно, кто изъ споривщихъ—въ перспективѣ наступившей теперь для спора исторіи—оказался болѣе правымъ,—лучшій историкъ демократіи, Францъ Мерингъ, полагаетъ, что правъ былъ Лассаль. Но намъ важно другое.

Намъ важно, что всѣ три главные спорщика—и къ нимъ на придачу и Мерингъ, который разбираетъ ихъ взгляды, расходясь въ конкретныхъ оцѣнкахъ, всѣ сходятся въ одномъ—конфликтъ необходимо использовать. Всѣ согласны, что демократіи не безразлично, какъ будетъ протекать его развитіе, чѣмъ оно кончится. Всѣ согласны, что должно быть оказано давленіе на это развитіе со стороны демократическаго общественнаго мнѣнія; и всѣ согласны, наконецъ, что направленіе и характеръ этого давленія опредѣляются тѣмъ, какъ оцѣнить конфликтъ, его участниковъ, его вѣроятныя послѣдствія—съ точки зрѣнія демократіи въ ея цѣломъ. И всѣ понимаютъ, что если одна оцѣнка приводила Маркса и Энгельса къ желательности поддержанія намѣчавшагося въ Германіи движенія противъ Бонапарта, то, наоборотъ, другая—заставляла Лассаля формулировать свою тактику депопуляризаціи конфликта, котораго демократія не въ силахъ предотвратить....

Всѣ понимаютъ, ибо всѣ они привыкли себя чувствовать въ атмосферѣ международнаго дѣйствія, которое творится, правда, враждебными силами, но силами чрезвычайно разнородными, разнородность которыхъ сознается ими, какъ существенный моментъ при ихъ собственномъ—демократическомъ—продвиганіи впередъ.

И вотъ это то все, что Марксу, Лассалю, Энгельсу представлялось такимъ естественнымъ, безъ дальнѣйшихъ поясненій вытекающимъ изъ всего ихъ общественно-политическаго міросозерцанія, что казалось органически связаннымъ съ основными элементами ихъ новаторски-реалистической практики, все это

точно проваливается, исчезаетъ изъ сознанія демократіи — въ послѣдующія десятилѣтія. Исчезаетъ не въ результатѣ борьбы, не какъ замѣна одной методологіи другой, не потому, что кто либо доказалъ или пытался доказать ошибочность подхода къ вопросу Энгельса, Маркса, Лассаля, а скорѣе какъ будто — за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ поводовъ для проявленія такого подхода: отъ неупражненія произошла, такъ сказать, атрофія соотвѣтствующихъ мышцъ въ идейной мускулатурѣ демократіи.

Индивидуально демократамъ еще случалось иногда откликаться на немногочисленные международные конфликты позднѣйшихъ десятилѣтій, и, откликаясь, они отнюдь не старались соблюсти нейтралитета, откровенно подавая свой голосъ въ пользу опредѣленнаго исхода конфликта. мы видимъ Либкнехта въ 1878 году—во время русско-турецкой кампаніи—туркофильствующимъ; мы знаемъ о спорѣ девяностыхъ годовъ въ германской демократической литературѣ, вращавшемся вокругъ столкновенія Греціи съ Турціей; намъ извѣстно, что и за время англо-бурской войны, какъ и за время Японской, симпатіи не распредѣлялись равномѣрно между воюющими сторонами; наконецъ, мы помнимъ, что и Энгельсъ—въ духѣ традицій всей своей долгой совмѣстной работы съ Марксомъ, еще въ самомъ концѣ своей жизни, въ началѣ 90-хъ годовъ, успѣлъ опредѣленно занять позицію въ томъ предполагавшемся конфликтѣ державъ, который казался приблизившимся съ заключеніемъ франко-русскаго союза.

Но эти отдѣльные отклики были поверхностною рябью, мертвою зыбью отъ прошлаго, не нарушавшей общаго тона эпохи и не задѣвавшей собою глубинъ демократіи — демократическихъ массъ. а съ ними вмѣстѣ, и демократическихъ коллективовъ, какъ таковыхъ, демократическаго представительства во всѣхъ его видахъ. Въ общемъ и цѣломъ демократія не знала этихъ вопросовъ, остававшихся въ рамкахъ личныхъ высказываній, литературной полемики. Турція воюетъ съ Грецією, Англія съ бурами—демократія спокойно отъ этихъ извѣстій переходила къ очереднымъ дѣламъ, предоставляя писателямъ описывать, но сама оставаясь въ высокой мѣрѣ равнодушной, ибо, вѣдь, Трансвааль и Греція непосредственно не касаются ея—европейской демократіи. Ну, а разъ не касаются, то можно и не безпокоиться. И она и въ самомъ дѣлѣ не безпокоилась, если не считать мимоходныхъ резолюцій протеста, которыя время отъ времени она принимала на засѣданіяхъ своихъ представительствъ—среди прочаго дѣла. Ея же собственнымъ дѣломъ, дѣломъ par excellence, на которомъ демократія окрѣпла, расширилась и стала массовой, словомъ стала всѣмъ тѣмъ, что она есть въ настоящее время, было дѣло, въ первую очередь опредѣлявшееся національной обстановкой страны, содержаніемъ жизни каждаго даннаго государства—со всей этой жизни свойственной индивидуальностью, со всѣми присущими ей экономическими, государственно-правовыми и междуклассовыми особенностями.

Все, чѣмъ исторія десятилѣтіями обогащала политическую и экономическую дѣятельность любой европейской—да и всякой другой—демократіи, шло отсюда, изъ этого источника, носило національную марку. И демократія тѣмъ успѣшнѣе національнизировалась, чѣмъ больше затягивался періодъ ея „позиціонной

борьбы", чѣмъ дольше не уходила со сцены та полоса европейской исторіи, которая, какъ я уже раньше отмѣтилъ—была полосой, не знавшей въ сердцѣ Европы международныхъ конфликтовъ, а, стало быть, и не переживавшей волненій, выходящихъ за предѣлы національно-государственныхъ территорій, не ощутившей остро интересовъ обще-европейскаго или мірового масштаба.

Конечно, идеологія движенія была міровая; конечно, капиталистическое развитіе на свой ладъ нивеллировало, приводило къ одному знаменателю страны, заостряя въ нихъ основную группировку двухъ лагерей и выдвигая общую всѣмъ демократіямъ конечную цѣль. Но этотъ основополагающій, главный процессъ современной цивилизаціи осложнялся другимъ—второго порядка для даннаго періода, однако, не менѣе существеннымъ, чѣмъ основной,—процессомъ національной индивидуализаціи движеній.

Національная индивидуализація движеній и была тѣмъ факторомъ, который—на общемъ фонѣ эпохи—сыгралъ рѣшающую роль въ измѣненіи самаго подхода демократіи къ вопросамъ о международныхъ конфликтахъ; это она незамѣтно устранила изъ кругозора демократіи марксовскую постановку вопроса и на мѣсто прежняго идейнаго размаха осторожно и скупо опредѣлила вообще возможныя для настоящаго времени границы демократической международности.

Сюда-же надо прибавить и еще обстоятельство, заслуживающее нашего вниманія: рука объ руку съ національной индивидуализаціей движенія шелъ также и процессъ превращенія его изъ движенія передовыхъ круговъ демократіи, т.-е. ея сравнительно незначительнаго слоя, въ движеніе организованныхъ и организующихся массъ, а это означало, иначе говоря, что чѣмъ больше демократія становилась массовой, тѣмъ больше давала себя чувствовать — особенно въ условіяхъ охарактеризованной нами исторической полосы — національная почвенность въ противоположность психологическому и идейному универсализму демократіи перваго призыва, піонеровъ 40 и 60-хъ годовъ прошедшаго столѣтія. Возможная для этихъ піонеровъ степень международности оказалась уже невозможной и непріемлемой для демократіи позднѣйшей формаціи.

Что это дѣйствительно такъ, легко убѣдиться изъ сопоставленія самой структуры этихъ двухъ демократій: если первоначальная демократія „союза коммунистовъ" (40-хъ) и „международной ассоціаціи" (60-хъ годовъ) отправной точкой своей организаціи брала международность, то демократія, въ 1889 году прошедшаго вѣка возстановившая свою международную связь, оказалась построенной по принципу территоріально-государственному или національному; международность являлась лишь слабымъ федеративнымъ привѣскомъ къ этому основному началу, проникавшему всю жизнь демократіи. И характерно: первоначально, при этомъ возстановленіи международной связи, не создалось даже и постояннаго органа этой международности въ какихъ-либо формахъ; установлены были однѣ лишь повторныя встрѣчи; и только много позже образовалось „бюро"—однако, почти исключительно декларативно-информаціоннаго характера,

безъ какой-либо реальной власти надъ своими національными членами.

Національные коллективы, и только они, вели подлинное, не эфемерное существованіе. И не было коллектива наднаціональнаго, международнаго, съ его самостоятельнымъ бытіемъ, не было единой высшей воли, которая воплощала бы въ себѣ, какъ верховный принципъ, дѣйствительную международность, подобно тому какъ — правда, весьма несовершенно, въ эмбріональномъ видѣ—ее все же пыталась воплотить приснопамятная шестидесятница—„Ассоціація" Маркса.

Этотъ то — если не de jure, то de facto, — суверенитетъ національныхъ коллективовъ и предопредѣлилъ весь характеръ постановки вопросовъ въ международномъ масштабѣ. Постановка вопросовъ—какъ общее правило— не выходила за предѣлы національныхъ единицъ, и вся ея международность ограничивалась исключительно нормировкой единообразныхъ способовъ дѣятельности національныхъ демократическихъ коллективовъ въ ихъ воздѣйствіи на соотвѣтствующія имъ національно-государственныя организаціи. Можно сказать, за всѣ двадцать пять лѣтъ функціонированія такъ называемаго второго международнаго общенія рѣчь шла лишь о томъ, чтобы, договорившись объ общихъ предпосылкахъ, условиться всѣмъ, какъ каждому дѣйствовать у себя дома—въ его собственномъ дѣлѣ,—иначе говоря, какъ путемъ международнаго обмѣна идей, упорядочить, поднять до высшаго уровня не международную, а ту же ограниченную національно-государственными рамками дѣятельность, которая и составляла существо національной работы каждой данной демократіи. И это направленіе международнаго общенія было въ высокой степени плодотворно и цѣлесообразно въ предѣлахъ этой имъ себѣ поставленной задачи. Амстердамскія рѣшенія 1904 года, установившія, подтвержденіемъ рѣшеній Дрезденскихъ, международныя правила демократической тактики и провозгласившія настоятельную необходимость единства демократіи каждой страны, служатъ наилучшимъ образчикомъ достигнутыхъ успѣховъ въ этого рода работѣ.

Но, какъ я уже сказалъ, направленіе международнаго общенія было плодотворно и цѣлесообразно только въ указанныхъ предѣлахъ. Стоило международному общенію попытаться перейти эти предѣлы, чтобы обнаружилась вся недостаточность этого общенія, чтобы со всей силой сказалась несостоятельность—для постановки дѣйствительно международныхъ задачъ — этой сѣти однѣхъ національныхъ ячеекъ, ибо и совокупность подобныхъ ячеекъ, и сумма національно-ограниченныхъ сознаній и воль, еще не даетъ въ результатѣ того, что необходимо, какъ предварительное условіе для этихъ задачъ,—единаго международнаго сознанія и единой соотвѣтствующей воли.

Для постановки вопроса о международныхъ конфликтахъ во всей ширѣ, которая давалась методологіей Маркса, именно и не доставало этого необходимаго условія. Ограниченность національнаго, хотя бы и демократическаго и полнаго самыхъ благихъ пожеланій и сознанія стояла на пути къ тому, чтобы международное общеніе второго призыва могло, дѣйствительно, подхватить, конкретизировать—сообразно новымъ условіямъ—линію аргумен-

таціи, намѣчавшуюся Марксомъ. Поэтому, международное общеніе и не подхватило и не продолжило Марксовской линіи, а пошло по тому направленію, которое указывалось ему содержаніемъ его прочихъ работъ. Оно и проблемму международныхъ конфликтовъ попыталось приноровить къ ограниченности національнаго сознанія; оно и ее захотѣло рѣшить по способу, имъ обычно практиковавшемуся, т. е. не какъ проблему международнаго дѣйствія, а какъ только международнымъ путемъ нормированную индивидуальную задачу для національнаго дѣйствія демократіи.

И если рѣшеніе проблемы на этой основѣ до поры до времени не представлялось обреченнымъ заранѣе на неудачу, то исключительно потому, что международнымъ общеніемъ незамѣтно для его же собственнаго сознанія одна проблема подмѣнялась другой.

Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе четверти вѣка, съ тѣхъ поръ какъ это международное общеніе конституировалось, проблема международныхъ конфликтовъ маскировалась и отодвигалась проблемой тѣхъ требованій, которыя всякая демократія—въ границахъ своей территоріи—должна предъявлять своей власти на предметъ преодолѣванія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія современной системы вооруженнаго мира. И каждый разъ, при международной встрѣчѣ въ тѣхъ или другихъ варіантахъ, но неизмѣнно проходили длинной чередой эти требованія—третейскихъ судовъ, референдума, народной милиціи; позже—въ формѣ такъ называемаго разоруженія. Все это было хорошо; все это удобно укладывалось въ программу занятій для національно-отграниченныхъ партій. Но если спросить, подвигала ли сколько нибудь программа этихъ требованій проблему конфликта, какъ такового, то безъ всякаго сомнѣнія отвѣтить придется рѣшительнымъ нѣтъ! Такъ же не подвигала, какъ не подвигалъ ее и вопросъ, казалось бы, болѣе близкій къ проблемѣ,—о средствахъ противодѣйствія возникновенію конфликта.

Конечно, еслибы съ рѣшеніемъ послѣдняго вопроса конфликты стали, дѣйствительно, неповторяемымъ достояніемъ прошлаго, то тѣмъ самымъ была бы рѣшена и вся проблема конфликтовъ. Но, вѣдь, съ самаго начала постановки вопроса объ ихъ предупрежденіи, для международнаго общенія было ясно, что дѣло обстоитъ много хуже, что—говоря по совѣсти—демократія не знаетъ такихъ способовъ предупрежденія и что ея обычное орудіе—проповѣдь представляетъ, словъ нѣтъ, почтенное средство, но въ случаяхъ подобнаго рода не достигаетъ соотвѣтствующей цѣли—безъ надлежащаго къ нему дополненія.

Ну, а что касается этого дополненія, то о немъ толковали еще въ Брюсселѣ въ 1891 г. (когда покойный Либкнехтъ далъ на этой почвѣ сраженіе утопизму Вальяна) и въ Цюрихѣ, въ 1893 году (когда Плехановъ выступалъ противъ предложеній извѣстнаго голландскаго дѣятеля, Домелы Ньювенгайса). Послѣ этого на нѣкоторое время разговоры о дополненіи затихли, и только въ половинѣ 1900-хъ годовъ они вновь оживились, ибо, казалось, исторія принесла подкрѣпленіе этой мысли о дополнительныхъ способахъ. Но и подновленные дебаты не привели къ реальному экспериментированію. Отъ реальнаго экспериментированія было далеко. И вѣроятнѣе всего, именно потому, что дебаты продолжали вращаться въ сферахъ не конкретной дѣйствительности, а только абстракціи, жизнь не дала еще въ достаточной степени почувствовать, что и этотъ вопросъ приводитъ къ той же самой международности, которая не можетъ быть разрѣшена, исходя изъ національно—отграниченной основы.

Тѣмъ не менѣе, и въ этихъ дебатахъ прозвучали уже невзначай ноты опасенія, что страна съ сильно развитой и дѣеспособной демократіей не находится въ равныхъ условіяхъ съ той, въ которой такой демократіи нѣтъ, что она непремѣнно проигрываетъ. Т. е. вставалъ уже призракъ грядущихъ трудностей, устраненіе которыхъ возможно въ одномъ только международномъ масштабѣ... Какъ бы тамъ ни было, однако, этотъ вопросъ о предупрежденіи конфликтовъ при всей своей вынужденной недоговоренности, прикрывалъ собою центральный вопросъ о конфликтѣ непредупрежденномъ, а имѣющемся уже на лицо, осуществившемся въ жизни; прикрывалъ, пока историческая полоса застойнаго равновѣсія въ соотвѣтствіи своему общему характеру помогала сузить вниманіе на частномъ моментѣ и тѣмъ заставляла позабыть—какъ не актуальную—сердцевину вопроса.

Но какъ только эта историческая полоса изжила себя и привела къ катастрофѣ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофически рухнула и международная форма общенія, явившаяся дѣтищемъ этой полосы; такъ сразу обнаружилась наличность непримиримаго противорѣчія между проблемой, поставленной міровой катастрофой, и той привычной колеей, по которой до сихъ поръ подвигалось развитіе международнаго общенія. Идя по этой колеѣ, международное общеніе только и сумѣло придти, что къ однимъ пожеланіямъ, провозглашеннымъ въ 1907 году въ Штутгартѣ и приглашавшимъ демократію каждой страны послѣ наступленія конфликта содѣйствовать всѣми мѣрами его прекращенію.

Міровая катастрофа, къ сожалѣнію, показала чрезвычайно наглядно, что это наслѣдье застойной полосы не имѣетъ какой бы то ни было цѣнности, что оно пустопорожне въ своемъ абстрактномъ единообразіи, что невозможно—не насилуя здраваго смысла и непосредственнаго чувства демократіи—прилагать безъ разбора единую мѣрку все того же требованія о прекращеніи—и къ демократіи страны, конфликтъ провоцировавшей, и къ той, которая живетъ въ государствѣ, на которое напали, которое подвергли разгрому и которому въ дальнѣйшемъ грозятъ лишеніемъ его самостоятельности... Но міровая катастрофа показала и нѣчто большее, чѣмъ принципіальную несостоятельность штутгартской формулы; она показала, что штутгатская формула отброшена не потому, что въ ней заключено неудачное выраженіе принципа международности, а потому, что дѣйствительнымъ наслѣдіемъ предъидущей полосы является отнюдь не формула международности, а неформулированныя, но увы! гораздо болѣе реальныя сознаніе и чувствъ, продиктованныя демократіи каждой страны ея національной отграниченностью. Ихъ то и выявила, ихъ то и обнаружила міровая катастрофа, когда ребромъ поставила передъ демократіей вопросъ: національный индивидуализмъ или международность—и заставила демократію подать свой голосъ безъ оговорковъ и безъ обиняковъ—въ пользу индивидуа-

лизма. Ибо только въ эпоху застоя были допустимы еще ублюдочныя формы и можно было не различать *національное сознаніе, регулируемое международными правилами* и, по существу глубоко несходное съ нимъ, принципіально иное—*международное сознаніе, считающееся съ національными особенностями и правами каждой данной страны*.

Міровая катастрофа разорвала, шутя, эти международныя правила, которыми въ теченіе десятилѣтій украшало себя національное сознаніе, и оставила національное сознаніе въ его чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, въ его убійственной или — если угодно— самоубійственной оголенности. Это былъ крахъ ублюдочной формы; это былъ крахъ международнаго общенія второго созыва; но это совсѣмъ не былъ крахъ международнаго принципа— международнаго сознанія. Вѣдь, этого сознанія было до сихъ поръ, какъ мы видимъ, не избыточно много, а наоборотъ, недостаточно. И этотъ недостатокъ и сыгралъ фатальную игру съ демократіей, когда демократія оказалась лицомъ къ лицу съ катастрофой... Крахъ межеумочныхъ формъ застойной полосы, приведя къ оголенному индивидуализму, привелъ демократію къ старозавѣтному принципу современныхъ господствующихъ силъ, къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, И тѣмъ самымъ онъ сказалъ демократіи: если хочешь остаться собой со всей твоей индивидуальностью, съ твоими завѣтными идеями, съ твоими самыми дорогими мечтами, если хочешь сохранить свое право на историческое существованіе,—иди не назадъ, а впередъ. Отъ межеумочныхъ формъ не къ индивидуализму, а къ международному сознанію во всей его цѣлостности и во всей его силѣ.

Впередъ! т.-е. въ извѣстномъ смыслѣ и назадъ: назадъ къ Энгельсу, Марксу, Лассалю, къ ихъ методу оцѣнки международныхъ конфликтовъ; къ ихъ включенію и международнаго дѣйствія государствъ въ общій кругъ демократическаго использованія, въ которомъ находятся въ настоящее время всѣ сферы государственной и общественной жизни внутри каждой страны и въ которомъ такого искусства достигла какъ разъ предыдущая застойная полоса современной исторіи. Нуженъ *синтезъ* метода Маркса и всѣхъ пріобрѣтеній послѣдующихъ лѣтъ. И тогда затрудненія, вызываемыя конфликтами, непреоборимыя для національнаго сознанія и національной воли, смогутъ найти свое разрѣшеніе, достойное демократіи и ея конечныхъ задачъ; они будутъ побѣждены международнымъ сознаніемъ.

Это, разумѣется, длинный и мучительный процессъ восхожденія, который предстоитъ демократіи. Было бы бредной наивностью думать, что можно какими бы то ни было логическими формулами свести на нѣтъ результаты полувѣкового развитія, чтобы существовала панацея и стоило сказать: „Сезамъ, отворись!“ и отверзлись бы какія то невѣдомыя хляби и разомъ поглотили бы національный индивидуализмъ предыдущей эпохи. Нѣтъ! Мы подобныхъ иллюзій не питаемъ и больше всего боимся сейчасъ той истерики, которая грозитъ отдѣльнымъ кругамъ демократіи повтореніемъ многихъ ошибокъ, имѣющихъ почти десятилѣтнюю давность, истерики, готовой въ своемъ непризнаніи прошедшей полосы дойти и до отрицанія того, что въ этой полосѣ является ея безсмертной заслугой. Но мы въ то же время и оптимисты и смѣемъ думать—оптимисты не безъ нѣкотораго основанія; оптимисты не въ смыслѣ сроковъ, которыхъ не вѣдаетъ никто, а въ другомъ—гораздо болѣе существенномъ смыслѣ. Мы полагаемъ, что застойная полоса исторіи, дѣйствительно, кончилась, и мы стоимъ на порогѣ къ конфликтной эпохѣ, къ эпохѣ которая не логикой отдѣльныхъ писателей, а силою вещей внесетъ радикальный переломъ въ то направленіе демократическаго развитія, которое до настоящаго дня въ ней господствовало.

Конфликтное время принудитъ демократію отказаться отъ національнаго индивидуализма и такъ или иначе, болѣе раціональными методами или исключительно горькой цѣной многочисленныхъ разочарованій и длительныхъ мукъ, но приведетъ къ международности. За это поручусь весь уже сейчасъ намѣчающійся обликъ конфликтнаго времени, о которомъ когда нибудь въ другой разъ.

А. П—въ.

P. S. Моя статья была уже въ существенныхъ частяхъ своихъ написана, когда я получилъ возможность ознакомиться съ подлиннымъ содержаніемъ какъ той статьи Каутскаго, которую (см. выше) реферировала корреспонденція „Кіевской мысли“, такъ и другихъ его статей на ту же тему, появившихся въ послѣднихъ номерахъ „Neue Zeit“, въ особенности же статьи „Die Internationalität und der Krieg“.

Само собою разумѣется, я не имѣю возможности въ рамкахъ постскриптума дать разборъ или хотя бы обстоятельную оцѣнку этихъ статей. Я могу говорить лишь о своемъ впечатлѣніи.

И вотъ, резюмируя его, я скажу: я, пожалуй формально готовъ подтвердить свое замѣчаніе о Каутскомъ, которое сдѣлано выше въ статьѣ, но я уже не могу ограничится этимъ своимъ замѣчаніемъ. Ибо Каутскій послѣднихъ статей воистину рисуется мнѣ какимъ то двуликимъ Янусомъ. Если одно его лицо, обращенное къ тому, что случилось, носитъ на себѣ характерныя черты адвоката, ведущаго процессъ и старающагося представить всѣ тѣ обстоятельства дѣла, которыя могли бы послужить къ оправданію кліента, то другое лицо, обращенное къ теоріи, является лицомъ судіи, творящимъ судъ, не зная пристрастія. И мнѣ представляется, когда я вдумываюсь въ эти статьи, что Каутскій—судья плохо ладитъ съ Каутскимъ-адвокатомъ, что анализъ судьи, представляющій замѣчательнѣйшее приложеніе метода Маркса, много выше уже характеризованнаго по вопросу о международныхъ конфликтахъ, стоитъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ выводами, къ которымъ приходитъ адвокатъ.

Анализъ вращается въ плоскости международности. Выводъ упирается въ эмпирически неподлежащій сомнѣнію фактъ національнаго сознанія, національной заинтересованности. Въ результатѣ: хорошая, но безсильная теорія и печальная, но всесильная, практика, и между ними нѣтъ смычки, нѣтъ какого бы то ни было моста, нѣтъ выхода изъ не выносимаго раздвоенія.

Мнѣ кажется, впрочемъ, что Каутскій не договариваетъ, что его статьи заканчиваются сейчасъ публицитическимъ мно-

готочіемъ, объяснимымъ изъ такъ называемыхъ независимыхъ обстоятельствъ всевозможнаго рода. Мнѣ кажется,—и я даже увѣренъ—Каутскій-судья одержитъ въ концѣ концевъ верхъ надъ Каутскимъ-адвокатомъ, и теорія одолѣетъ торжествующую практику...

Справедливость требуетъ при этомъ сказать: даже и тогда, когда Каутскій адвокатствуетъ, онъ не только адвокатствуетъ; онъ дѣйствительно считается съ наличностью національной заинтересованности народныхъ массъ и въ раздумьѣ останавливается передъ невозможностью примиренія этой заинтересованноети съ тѣмъ, что могло бы быть правильнымъ съ точки зрѣнія интересовъ международныхъ, съ высоты мірового развитія. Онъ подлинно бьется надъ противорѣчіями настоящаго момента и ощущаетъ его глубоко уходящій въ почву трагизмъ.

Вотъ почему, даже ошибки Каутскаго, даже звуки, которыя исторгли событія изъ его публицистической лиры, заставляютъ задуматься, подымаютъ вопросы и несутъ въ самихъ себѣ свое собственное противоядіе.

А. П.

Письма изъ заграницы.

Безработица и профессіональныя организаціи въ Германіи.

Міровая война нанесла серьезный ударъ экономической жизни Германіи, странѣ, производящей главнымъ образомъ на міровой рынокъ. Отрѣзанная отъ моря агнлійскимъ флотомъ, сдавленная съ востока и запада вражескими войсками, Германія должна была прекратить почти всю свою внѣшнюю торговлю, а вмѣстѣ съ послѣдней остановились колеса фабрикъ и заводовъ; некуда вывозить произведенные товары, не хватаетъ матеріаловъ для новаго производства. Безработица достигаетъ въ Германіи значительныхъ размѣровъ.

Къ сожалѣнію, не имѣется общихъ статистическихъ данныхъ о размѣрахъ безработицы во всей странѣ. Но данныя, собранныя профессіональными союзами, хотя и касаются только организованныхъ въ нихъ членовъ, т. е. только части всѣхъ рабочихъ, даютъ однако довольно ясное представленіе объ общемъ положеніи рабочаго рынка. Особенно сильна была безработица въ первый мѣсяцъ войны. Тутъ, кромѣ общихъ причинъ, дѣйствовали и частныя. Временное нарушеніе желѣзнодорожнаго сообщенія благодаря мобилизаціи, общая паника, явившаяся слѣдствіемъ объявленія войны, затрудненія на денежномъ рынкѣ, все это усугубляло промышленный кризисъ. Затѣмъ мало-помалу жизнь начала входить въ норму, желѣзнодорожное сообщеніе возобновились, урегулировались и денежныя и кредитныя отношенія, нѣкоторыя отрасли промышленности начали усиленно работать для удовлетворенія нуждъ войны, кромѣ того предприняты были государствомъ и городами общественныя работы; все это повело къ смягченію безработицы, но все-таки размѣры ея и до сихъ поръ велики.

Такъ, по даннымъ профессіональныхъ союзовъ въ августѣ число безработныхъ ихъ членовъ равнялось 22,4%, въ сентябрѣ 16%, въ октябрѣ оно спустилось до 10%. Размѣры безработицы станутъ еще яснѣе,

если мы сравнимъ съ соотвѣтствующими мѣсяцами прошлаго года: въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1913 г. процентъ безработныхъ былъ 2,8,—2,7—2,8. Январь и февраль 1914 были мало благопріятны для рабочихъ, остро чувствовался начинающійся промышленный кризисъ, но и тогда процентъ безработныхъ не превышалъ 4, 5%. Затѣмъ въ лѣтніе мѣсяцы кривая спустилась до 2,5%, а въ августѣ, т. е. въ первый мѣсяцъ войны, она поднялась до 22%. Размѣры безработицы были бы еще значительнѣе, если бы война не поглотила милліоновъ рабочихъ рукъ, призванныхъ въ ряды сражающихся въ качествѣ резервистовъ и ополченцевъ. По даннымъ тѣхъ же профессіональныхъ союзовъ 589 тысячъ, т. е. 27% ихъ членовъ, призваны подъ ружье. Для правильнаго представленія о настоящихъ размѣрахъ промышленнаго кризиса нужно принять еще во вниманіе, что многіе, числящіеся въ рубрикѣ имѣющихъ заработокъ, работаютъ не полное число дней въ недѣлю и такимъ образомъ частично страдаютъ отъ безработицы. Наиболѣе потерпѣли отъ кризиса отрасли труда, производящія предметы роскоши. Много безработныхъ среди печатниковъ, деревообдѣлочниковъ, металлистовъ и текстильщиковъ, хотя въ настоящее время положеніе труда въ послѣднихъ двухъ отрасляхъ улучшилось благодаря военнымъ заказамъ. Нужны новые пушки, снаряды и ружья, нужна одежда для воиновъ. Хорошо зарабатываютъ и портные. Но въ отрасляхъ графическаго искусства дѣло обстоитъ не важно. Процентъ безработныхъ у литографовъ 49,3%, у печатниковъ 30% и у переплетчиковъ 36% и т. д.

Тяжелыя обязанности выпали на долю германскихъ профессіональныхъ союзовъ, имъ приходится на своихъ плечахъ выдерживать всю тяжесть внезапно надвинувшейся нужды рабочаго класса и только благодаря своей предшествующей кропотливой и долгой работѣ, приведшей въ ихъ ряды болѣе двухъ съ половиной милліоновъ рабочихъ и значительно увеличившей ихъ кассовые запасы, только благодаря привычкѣ къ дисциплинѣ и организаціоннымъ навыкамъ нѣмецкихъ рабочихъ, профессіональнымъ союзамъ удается справляться съ стоящими передъ ними трудными задачами. И нужно сказать, что особенно въ началѣ войны они были единственнымъ прибѣжищемъ застигнутаго бѣдствіемъ рабочаго класса, такъ какъ города и государство только теперь начинаютъ мало-по-малу принимать мѣры къ борьбѣ съ безработицей.

Изъ всѣхъ функцій союзовъ въ настоящее время самой важной является поддержка безработныхъ членовъ; чтобы имѣть возможность выполнить эту функцію, союзамъ пришлось временно отмѣнить другія формы взаимопомощи. Нѣкоторыя организаціи оказывали въ началѣ войны помощь семьямъ запасныхъ, состоявшихъ членами ихъ союза, но вскорѣ выяснилась непосильность взятой ими на себя задачи, и изъ боязни окончательно истощить свои кассы многіе изъ нихъ принуждены были прекратить эту форму пособія. Союзы всѣ вмѣстѣ тратятъ въ недѣлю на безработныхъ до 1½милл. марокъ, (750 тыч. р.), а за первые три мѣсяца войны выплатили уже 20 милл. марокъ (9½ милл. рубл.). Одинъ союзъ печатниковъ израсходовалъ за мѣсяцъ 260 тыс. руб., а металлисты истратили за первыя девять недѣль 3.173. 429 марокъ. Особенно трудно приходится болѣе мелкимъ союзамъ и сильно пострадавшимъ отъ безработицы. Только общая солидарность, связывающая между собой организаціи, поддержка, оказываемая ими другъ другу даетъ возможность болѣе слабымъ союзамъ выноситъ непосиль-

ные расходы. Нѣкоторые изъ нихъ принуждены были все-таки сократить размѣры выдаваемаго пособія. Такъ литографы уменьшили недѣльный паекъ для семейныхъ съ 6 до 5 марокъ, а для холостыхъ съ 4 до 3-хъ марокъ.

Дѣятельность союзовъ не ограничивается только выдачей пособій Бѣдствіе, постигшее рабочій классъ, настолько велико, что борьба съ нимъ не по силамъ отдѣльнымъ организаціямъ, съ нимъ можетъ справиться только государство. И потому представители профессіональныхъ союзовъ вмѣстѣ съ рабочей партіей стремятся воздѣйствовать на правительство и на городскія самоуправленія, побуждая ихъ принять мѣры, необходимыя для смягченія народной нужды. Правленіе рабочей партіи выработало цѣлый рядъ требованій, обращенныхъ къ городскимъ думамъ, и обязало гласныхъ соціалъ-демократовъ, засѣдающихъ въ городскихъ самоуправленіяхъ, проводить ихъ въ жизнь. Упомянемъ наиболѣе важныя изъ требованій: 1) Организація городомъ общественныхъ работъ и денежное пособіе безработнымъ изъ городскихъ суммъ, 2) Попеченіе о дѣтяхъ запасныхъ и безработныхъ. Устройство съ этой цѣлью дѣтскихъ садовъ, пріютовъ, дѣтскихъ столовыхъ и яслей для грудныхъ младенцевъ. 3) Забота о снабженіи населенія дешевыми съѣстными продуктами. Для этого необходимо установленіе максимальныхъ цѣнъ. Въ случаѣ нужды городъ долженъ взять въ свои руки подвозъ и продажу важнѣйшихъ жизненныхъ припасовъ, а также устроить городскія пекарни. 4) Организація безплатныхъ столовыхъ. 5) Помощь роженицамъ и т. д.

Но и городъ со своими ограниченными средствами одинъ не въ силахъ справиться съ царящей нуждой; необходимо вмѣшательство государства. Поэтому генеральная комиссія профессіональныхъ союзовъ обратилась въ имперское министерство внутреннихъ дѣлъ, побуждая его принять энергичныя мѣры помощи населенію и между прочимъ внесла предложеніе ввести общественное страхованіе отъ безработицы по гентской системѣ. Сущность этой системы сводится къ тому, что городъ, субсидируемый государствомъ, оказываетъ матеріальную поддержку рабочимъ организаціямъ, введшимъ у себя страхованіе отъ безработицы. Для неорганизованныхъ рабочихъ устраиваются особыя коммунальныя кассы.

Привилегированныя массы неохотно идутъ на уступки рабочимъ и дѣлаютъ это только подъ давленіемъ необходимости. Но война затрагиваетъ слишкомъ сильно интересы германской буржуазіи. Въ ней буржуазія поставила на карту свое будущее существованіе, и успѣхъ на войнѣ зависитъ не только отъ силы оружія, но и отъ финансоваго и экономическаго положенія внутри страны и отъ духа и настроенія, царящаго среди населенія.

Многіе города ввели у себя помощь безработнымъ, хотя далеко не совершенную. Городское самоуправленіе Берлина ассигнуетъ ежемѣсячно 250,000 рублей на эти цѣли.

Пособіе должны получать оставшіеся безъ работы служащіе и рабочіе и разорившіеся мелкіе ремесленники. Паекъ, правда, очень небольшой: онъ равняется 2р 50к въ недѣлю для семейныхъ и 2рубл. для одиночекъ. Организованные рабочіе, получающіе поддержку отъ своихъ союзовъ, могутъ разсчитывать на коммунальное пособіе въ размѣрѣ 50% получаемой ими суммы съ тѣмъ, чтобы общая величина помощи не превышала 6 рубл. въ недѣлю. Нѣкоторыя общины выдаютъ субсидіи въ большихъ размѣрахъ, такъ напр. Кепеникъ, одно изъ предмѣстій

Берлина, выдаетъ семейнымъ по 3руб., прибавляя по 50коп. на каждаго ребенка, съ максимальной суммой въ недѣлю до 4р 50к. Организованные рабочіе получаютъ здѣсь тоже 50% всего союзнаго пособія. Многія другія предмѣстья Берлина тоже ввели у себя помощь безработнымъ, но на иныхъ началахъ. Такъ нѣкоторыя городскія самоуправленія, враждебно настроенныя къ рабочимъ организаціямъ, или совсѣмъ отказываютъ организованнымъ рабочимъ въ помощи на основаніи того, что они получаютъ ее въ другомъ мѣстѣ, или уплачиваютъ только разницу, если союзное пособіе ниже коммунальнаго. Эта мѣра вызвала отпоръ со стороны профессіональныхъ союзовъ. Послѣдніе требуютъ участія своихъ представителей въ городскихъ комиссіяхъ и помощи безработнымъ рабочимъ по крайней мѣрѣ въ половинномъ размѣрѣ. Въ противномъ случаѣ они обѣщаютъ совсѣмъ пріостановить свою помощь безработнымъ въ этихъ общинахъ и, такимъ образомъ, взвалить всю тяжесть расходовъ на плечи городского самоуправленія. До сихъ поръ союзы оказывали очень важную услугу городамъ, принимая на себя часть расходовъ, которые, собственно говоря, должны нести города и государство.

Заслуги рабочихъ организацій начали понимать и правящія сферы. Эту мысль высказалъ предсѣдатель генеральной комиссіи Легинъ на одномъ собраніи. Онъ говорилъ, что въ началѣ войны ходили слухи о намѣреніи правительства закрыть всѣ профессіональные союзы и эти слухи имѣли нѣкоторое основаніе, но теперь правительство начинаетъ оцѣнивать роль рабочихъ организацій при современныхъ условіяхъ и начинаетъ прислушиваться къ ихъ голосу.

Подводя итоги существующему попеченію о безработныхъ, приходится сказать, что въ этой области сдѣлано еще не много. Многіе города, не обладающіе достаточными средствами, совсѣмъ ничего не дѣлаютъ въ этомъ направленіи, другіе дѣлаютъ очень мало и ведутъ враждебную профессіональнымъ союзамъ политику. Работа ведется городами разрозненно, каждымъ на свой ладъ и рискъ. Нужно надѣяться, что послѣднее рѣшеніе рейхстага внесетъ въ это дѣло нѣкоторый объединяющій элементъ. Рейхстагъ постановилъ выдать изъ принятыхъ военныхъ кредитовъ 100милл. рублей на поддержку городскихъ самоуправленій для пособія безработнымъ и на другія нужды населенія. Многіе парламенты отдѣльныхъ государствъ Германіи (Пруссія, Саксонія и др.) вотировали субсидіи городамъ для этихъ же цѣлей. Кромѣ того, имперское министерство внутреннихъ дѣлъ выработало руководящую линію, которая должна лечь въ основу городского попеченія о безработныхъ. Нужно упомянуть, что въ выработкѣ этого руководства дѣятельное участіе принимали приглашенные министерствомъ представители профессіональныхъ союзовъ. По ихъ настоянію внесены были слѣдующіе пункты: 1) городское самоуправленіе должно привлекать въ комиссіи для безработныхъ представителей профессіональныхъ союзовъ и другихъ рабочихъ организацій. 2) помощь, оказываемая частными кассами, должна приниматься въ расчетъ при выдачѣ городского пособія только въ половинномъ размѣрѣ, т. е. изъ городского пайка можно вычитывать только половину суммы, получаемой рабочимъ изъ какого либо частнаго учрежденія. Послѣдній пунктъ устраняетъ вышеупомянутый конфликтъ между общинами и союзами, признавая обязательность коммунальной помощи и для организованныхъ рабочихъ.

Въ эти печальные дни женщины—пролетарки тоже не сидѣли сложа руки. Въ началѣ войны въ Берлинѣ созваны были закрытыя

собранія организованныхъ работницъ и здѣсь вмѣстѣ съ представителями партій и союзовъ женщины выработали планъ своей вспомогательной дѣятельности на пользу пострадавшаго населенія. Я хочу познакомить читателя съ той массой кропотливой работы, которую ведутъ организованныя работницы въ подсобныхъ комиссіяхъ, устроенныхъ при берлинскихъ городскихъ кассахъ, вѣдающихъ выдачу пособія семьямъ запасныхъ. Здѣсь занято около 600 пролетарокъ, а также много женщинъ изъ другихъ слоевъ общества. Во главѣ каждой комиссіи стоятъ двѣ руководительницы, одна избирается изъ женщинъ буржуазнаго круга, другая изъ среды пролетарокъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена дѣятельницъ женскаго пролетарскаго движенія и женъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ: Гаазе, Конъ, Линдеманъ, Вурмъ и др. Кромѣ чисто технической работы — давать совѣты и разъясненія, писать прошенія,— на обязанности комиссіи лежитъ опредѣленіе степени нужды просящихъ пособіе. Женщины, сами вышедшія изъ народа и близко знакомыя съ его нуждой, являются въ данномъ случаѣ незамѣнимыми помощницами.

Въ Германіи помощь запаснымъ выдается государствомъ и городомъ Первое въ размѣрѣ 9 марокъ въ мѣсяцъ для жены и 6 марокъ на каждаго ребенка. Выдача пособія производится городскими кассами присоединяющими сюда еще и городской паекъ. Въ Берлинѣ онъ равняется государственному пособію. Кромѣ того, имѣется еще запасной фондъ, образованный изъ частныхъ пожертвованій, но находящійся подъ управленіемъ города. Изъ него выдаются вспомоществованія или деньгами или натурой въ случаѣ особой нужды. Здѣсь и важна работа пролетарокъ; онѣ обходятъ квартиры, опредѣляютъ степень нужды, раздаютъ марки на даровые обѣды или на полученіе дарового молока для дѣтей и т. д.

Женщины—контролерши имѣются также въ комиссіяхъ для безработныхъ. Организованнымъ рабочимъ, какъ уже выше упоминалось, берлинское городское самоуправленіе оказываетъ пособіе черезъ профессіональные союзы, выдавая имъ приплату въ размѣрѣ 50%, и уже обязанность союзовъ контролировать своихъ безработныхъ. Неорганизованные рабочіе получаютъ пособіе непосредственно изъ магистрата, и женщины—пролетарки здѣсь также оказываютъ услуги въ качествѣ контролершъ, посѣщая квартиры безработныхъ и изслѣдуя справедливость поданныхъ заявленій. Онѣ пользуются правомъ голоса въ комиссіяхъ, рѣшающихъ вопросъ о выдачѣ пособія.

Берлинскія пролетарки, работающія въ городскихъ комиссіяхъ, произвели всестороннее обслѣдованіе степени нужды берлинскаго рабочаго населенія и представили подробный докладъ объ этомъ городской управѣ. Описавъ въ яркихъ краскахъ серьезные размѣры этой, нужды, онѣ требовали самыхъ энергичныхъ мѣръ для смягченія ея какъ со стороны городского самоуправленія, такъ и со стороны государства.

М. Н—на.

Вопросы внутренней жизни.

1. Антиалкогольное движеніе, его причины и его перспективы.

Антиалкогольное движеніе, широкой волной прокатившееся по всей странѣ,—представляетъ собой самый крупный фактъ общественный жизни во время войны. Толчекъ этому движенію дало правительство. По случаю мобилизаціи 18 іюля была воспрещена временно до особаго распоряженія всякая продажа на выносъ всѣхъ спиртныхъ напитковъ, а распивочно разрѣшена была только въ ресторанахъ 1-го разряда. Эта была временная мѣра, и предполагалось вначалѣ, что когда мобилизація закончится, снова будетъ допущена продажа всѣхъ спиртныхъ напитковъ. Но этотъ первоначальный актъ правительства былъ встрѣченъ горячимъ сочувствіемъ широкихъ слоевъ населенія, и общественное движеніе побудило вскорѣ правительство пойти дальше. Посыпались ходатайства отъ городскихъ и земскихъ самоуправленій, отъ торгово-промышленныхъ организацій, отъ кооперативовъ и пр. сначала о воспрещеніи на время войны продажи водки, а нѣкоторыя ходатайства—и всѣхъ спиртныхъ напитковъ. . . . . правительство очень скоро пришло къ рѣшенію прекратить продажу водки, за исключеніемъ ресторановъ 1-го разряда, на все время войны.

Но движеніе общественное на этомъ не остановилось. Начались ходатайства о прекращеніи продажи водки навсегда. Часть ходатайствъ добивалась также запрещенія продажи навсегда всѣхъ спиртныхъ напитковъ. Другія ходатайства шли менѣе далеко, добиваясь запрещенія водки навсегда, а виноградныхъ винъ и пива на время войны.

Съ этими ходатайствами выступали городскія думы и земскія собранія, профессора университета (кіевскаго), отдѣленія императорскаго техническаго общества, съѣзды кредитныхъ товариществъ и кооперативовъ и пр. Въ рядѣ сессій окружныхъ судовъ присяжные засѣдатели также считали необходимымъ подчеркнуть связь преступленій съ пьянствомъ и ходатайствовать со своей стороны о воспрещеніи продажи спиртныхъ напитковъ.

Въ отвѣтъ на это движеніе правительствомъ было заявлено о полномъ прекращеніи монопольной продажи водки на выносъ. Водку было рѣшено оставить только въ ресторанахъ 1-го разряда. Во всѣхъ же мѣстахъ, гдѣ объявлено военное положеніе, водка, а также крѣпкія вина устранены были совершенно изъ продажи.

Послѣ долгихъ колебаній и совѣщаній правительство рѣшило съ 1 ноября допустить повсемѣстную продажу пива, но съ значительнымъ сокращеніемъ мѣстъ его продажи и съ постепеннымъ доведеніемъ его крѣпости до 3,7% алкоголя.

Но въ это рѣшеніе о повсемѣстной продажѣ пива вскорѣ

было внесено существеное ограниченіе—воспрещена была продажа пива во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ было объявлено военное положеніе.

Итакъ полное устраненіе навсегда водки изъ продажи, кромѣ ресторановъ перваго разряда и допущеніе продажи пива съ ослабленной крѣпостью, съ небольшимъ процентомъ алкоголя, въ мѣстахъ же близкихъ къ войнѣ, гдѣ объявлено военное положеніе, полное прекращеніе на время войны продажи водки и всѣхъ крѣпкихъ напитковъ, въ предѣлахъ же театра войны абсолютная трезвость, вотъ та программа борьбы съ алкоголизмомъ, которую . . . . . начало осуществлять правительство.

Въ то же время правительство рѣшило предоставить общественной самодѣятельности идти въ этомъ направленіи и дальше. 10 октября было опубликовоно постановленіе совѣта министровъ, коимъ рѣшено было удовлетворять ходатайства сельскихъ и общественныхъ сходовъ и городскихъ думъ о полномъ прекращеніи продажи всѣхъ спиртныхъ напитковъ.

На основаніи этого постановленія прекратилась продажа всѣхъ спиртныхъ напитковъ въ цѣломъ рядѣ городовъ и губерній.

Въ числѣ городскихъ самоуправленій, ходатайствовавшихъ о прекращеніи продажи водки и крѣпкихъ винъ навсегда, а легкихъ виноградныхъ винъ и пива на время войны фигурировали также Петроградская и Московская городскія думы. Петроградская дума приняла это постановленіе значительнымъ большинствомъ голосовъ, а Московская даже единогласно.

Постановленіе Московской думы вскорѣ послѣ его принятія было приведено Московскимъ Градоначальникомъ въ исполненіе. Всякіе спиртные напитки были изгнаны совершенно изъ продажи. Закрылись ренсковые погреба и опустѣли рестораны.

Въ результатѣ вскорѣ началась реакція. Началось движеніе противъ суроваго постановленія Московской думы. Подняли это движеніе, конечно, прежде всего виноторговцы и содержатели ресторановъ, но движеніе это нашло, судя по газетамъ, замѣтный откликъ и въ обществѣ.

Посыпались ходатайства въ думу о пересмотрѣ прежняго постановленія въ сторону разрѣшенія продажи легкихъ виноградныхъ винъ. На встрѣчу же имъ шли еще болѣе многочисленныя ходатайства объ оставленіи въ силѣ прежняго рѣшенія. Вся Москва пришла въ движеніе.

Въ рядахъ сторонниковъ и противниковъ прежняго постановленія думы смѣшались представители различныхъ партій. При этомъ интересно отмѣтить, что рабочія организаціи, металлистовъ, приказчиковъ, поваровъ и даже официантовъ, которые должны сильно пострадать отъ запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ, единодушно высказались за сохраненіе въ силѣ прежняго постановленія думы.

Не смотря на сильное теченіе въ верхахъ общества въ пользу отмѣны прежняго постановленія думы, Московская городская дума

— „при громадномъ стеченіи публики подавляющимъ большинствомъ

голосовъ противъ 26 постановило оставить въ силѣ постановленіе о полномъ воспрещеніи продажи спиртныхъ напитковъ".

Постановленіе Петроградской думы было приведено въ исполненіе 15 декабря. А 17 декабря Петроградская дума, слѣдуя за Московской, большинствомъ 56 противъ 39 голосовъ, постановила оставить въ силѣ свое первоначальное рѣшеніе (28 авг.) о полномъ воспрещеніи продажи всѣхъ алкогольныхъ напитковъ въ Петроградѣ на все время военныхъ дѣйствій.

Постановленія Петроградской и Московской думъ будутъ имѣть моральное значеніе для всей остальной Россіи, но было бы ошибочно слишкомъ переоцѣнивать значеніе этихъ постановленій для будущаго. Постановленія столичныхъ думъ, подтвержденныя теперь, имѣютъ въ виду воспрещеніе виноградныхъ винъ только во время войны, и рядъ московскихъ городскихъ дѣятелей, опрошенныхъ „Русскими Вѣдомостями", высказываясь противъ отмѣны принятаго постановленія, то же время считали само сабою разумѣющимся, что послѣ войны продажа виноградныхъ винъ будетъ допущена. И если теперь, при чрезвычайно благопріятномъ настроеніи въ населеніи для крайнихъ запретительныхъ мѣръ, трактирщикамъ и виноторговцамъ удалось вызвать въ Москвѣ довольно сильное движеніе въ пользу допущенія виноградныхъ винъ, то послѣ войны ожидать новаго постановленія думы въ пользу воспрещенія навсегда продажи виноградныхъ винъ врядъ ли есть основанія.

Продажа легкихъ виноградныхъ винъ въ Москвѣ и остальной Россіи вѣроятно сохранится. Весьма также вѣроятно, что пиво, допущенное и теперь въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ военнаго положенія или запретительныхъ постановленій органовъ самоуправленія, удержится повсемѣстно и послѣ войны, съ ослабленной только крѣпостью.

Оставленіе изъ спиртныхъ напитковъ только пива съ небольшимъ содержаніемъ алкоголя и легкихъ виноградныхъ винъ, было бы тоже блестящимъ результатомъ антиалкаголнаго движенія, результатомъ, о которомъ до войны даже и грезиться не могло самому ярому противнику алкоголизма.

Но еще большой вопросъ, будетъ ли достигнутъ хотя бы этотъ результатъ.

Роспись 1915 года строится уже почти на отсутствіи продажи водки, но все таки еще не совсѣмъ. Небольшой доходъ отъ винной монополіи въ роспись внесенъ и онъ ожидается не только отъ предполагаемой продажи денатурированнаго спирта, но и отъ продажи водки въ ресторанахъ 1-го разряда. Одна укрѣпленная позиція за водкой можетъ сохраниться и, опираясь на эту позицію, можетъ начаться борьба за ея дальнѣйшее распространеніе.

И чтобы устранить водку изъ народнаго потребленія, антиалкогольному движенію нужно будетъ взятъ и эту позицію, нужно будетъ добиться воспрещенія продажи водки и въ ресторанахъ 1-го разряда.

Борьба такимъ образомъ еще далеко не кончилась въ самомъ главномъ пунктѣ, въ вопросѣ о продажѣ водки.

Убѣдительнымъ мотивомъ для допущенія ея въ продажу можетъ оказаться широкое распространеніе всякихъ суррогатовъ водки, если оно будетъ имѣть мѣсто. А насчетъ возможности

широкаго распространенія одурманивающихъ напитковъ, замѣняющихъ водку, имѣются уже несомнѣнные угрожающіе признаки. Потребность въ алкоголѣ за неимѣніемъ водки и пива начала искать себѣ другого выхода. Бѣднота начала потреблять лакъ, политуру и кажется больше всего денатурированный спиртъ.

По субботамъ около казенныхъ лавокъ, продающихъ денатурированный спиртъ, наблюдается длинная очередь. Покупается этотъ спиртъ, очевидно, не для производительнаго потребленія, не для того, чтобы наполнять имъ спиртовки. Въ Москвѣ защитники допущенія продажи виноградныхъ винъ указывали, что потребленіе денатурированнаго спирта успѣло подняться уже на 40%. Очевидно, денатуратъ получаетъ распространеніе. Населеніе только приспособилось къ нему, потребляетъ его болѣе осторожно и благодаря этому смертные случаи отъ его употребленія стали гораздо рѣже.

Въ итогѣ не смотря на всѣ успѣхи антиалкогольнаго движенія пьяные все таки появляются на улицахъ. Въ „Вѣдомостяхъ Петроградскаго Градоначальства“ ежедневно печатаются свѣдѣнія о наложеніи штрафа, или ареста за появленіе на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ. Газета „День“ подвела итоги этимъ свѣдѣніямъ за ноябрь мѣсяцъ, и оказалось, что въ связи съ пьянствомъ подверглось взысканію 3129 человѣкъ. Изъ нихъ аресту на одинъ мѣсяцъ или штрафу въ размѣрѣ 100 рублей подверглось 2048 чел.; аресту на 2 мѣсяца безъ замѣны штрафомъ—49 человѣкъ; аресту на три мѣсяца безъ замѣны штрафомъ—32 чел.

Постановленія градоначальника по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ пьяницъ разнообразны: одни подвергнуты аресту „за приставаніе къ прохожимъ въ нетрезвомъ видѣ“; другіе—„за буйство, учиненное въ нетрезвомъ видѣ“; третьи „за распитье спирта на улицѣ“ и т. д.

Напиваются, констатируетъ авторъ этой замѣтки, больше всего денатурированнымъ спиртомъ. Техника обезвреженія денатурата и пр. продуктовъ значительно подвинулась впередъ. „Теперь любой обыватель Обводнаго канала, Гавани или Охты знаетъ, что нужно сдѣлать для того, чтобы денатуратъ потерялъ свой сильный запахъ“.

Это въ столицѣ. Что касается, провинціи, по словамъ „Рѣчи“, изъ Пензенской, Тамбовской, Симбирской губерній сообщаютъ, что въ базарные дни въ чайныхъ и трактирахъ, а также и подъ открытымъ небомъ слышались такого рода призывы: „Эй, дойди, довались, у кого деньги завелись! Въ носъ шибаетъ, въ головѣ играетъ! Ай—да брага — все отдашь и мало!“ Пойло, которое рекламируется такимъ образомъ, состоитъ изъ кваса съ дикимъ хмѣлемъ и сухими дрожжами съ прибавкой денатурированнаго спирта и нюхательнаго табаку и носитъ невинно—шутливое названіе „квасокъ“. Среднее село потребляетъ такого напитка въ базарный день до тысячи ведеръ!“

Въ общемъ деревня пожалуй даже легче сможетъ справиться со всякими антиалкогольными запретами, чѣмъ городъ. Деревня владѣетъ тѣмъ, чѣмъ не владѣетъ городъ, элементами для производства спиртныхъ напитковъ и можетъ производить ихъ доморощеннымъ способомъ. Крестьяне и теперь варятъ брагу, крѣпость этой браги можетъ быть усилена и она можетъ быть сдобрена денатуратомъ, политурой и пр.

Было бы ошибочно, конечно, уже для настоящаго момента преувеличивать распространеніе различныхъ суррогатовъ прежнихъ спиртныхъ напитковъ. Въ многочисленныхъ свѣдѣніяхъ, идущихъ изъ деревень и городовъ, преобладаютъ пока болѣе утѣшительныя ноты. Населеніе стало болѣе трезвымъ. Не замѣтно пьяницъ и проявленій пьянства, различные эксцессы, связанные съ пьянствомъ, исчезли и пр.

Но вѣдь мы переживаемъ еще самые первые моменты вынужденной трезвости и при томъ теперешняя война должна была и безъ всякихъ запретительныхъ мѣръ сильно уменьшить пьянство. Цифры потребленія вина за прошлые годы говорятъ о томъ, что неурожайные года, кромѣ 1905 и 1906 гг., всегда вызывали паденіе потребленія алкоголя. Такъ напр. въ урожайный 1899 годъ потребленіе достигло 0,56 ведра на душу, а въ голодный 1901 годъ, послѣ малоудовлетворительнаго урожая 1900-гогода, потребленіе упало до 0,45, или понизилось на 20%.

. . . . . урожай этого года былъ ниже средняго. Потребленіе вина, также какъ и предлоги для него, въ видѣ свадебъ напр., должны были поэтому и безъ всякихъ запретовъ сильно уменьшиться. Кромѣ того и настроеніе города и деревни, ... врядъ ли во время войны было особенно благопріятно для развитія пьянства.

При такихъ условіяхъ умножающіеся признаки, что пьянство все также и сейчасъ, во время войны не исчезаетъ, не смотря на запретительныя мѣры, а ищетъ и находитъ для себя всякіе окольные пути, эти признаки должны вызывать несомнѣнную тревогу за будущее антиалкогольнаго движенія, за тѣ успѣхи, которые оно сможетъ закрѣпить за собой.

И извѣстный тѣмъ не менѣе оптимизмъ въ этомъ отношеніи можетъ черпаться . . . . . изъ того широкаго общественнаго движенія, которое привело къ этимъ запретительнымъ мѣрамъ.

Россія въ этомъ отношеніи составила несомнѣнное исключеніе изъ среды воюющихъ державъ.

Среднее потребленіе алкоголя въ Западной Европѣ не ниже, а выше, чѣмъ у насъ. Алкоголизмъ и тамъ является несомнѣннымъ зломъ, отравляющимъ населеніе, подтачивающимъ его силы. Противъ этого общественнаго недуга и тамъ ведется агитація, и еще недавно на одномъ изъ германскихъ соціалъ-демократическихъ конгрессовъ было принято рѣшеніе бойкотировать водку. Рѣшеніе это имѣло въ виду протестъ противъ новой налоговой тяжести, которую путемъ обложенія водки хотѣли возложить на народъ, но отказъ отъ потребленія водки въ то же время рекомендовался и въ виду огромнаго вреда, который оно приноситъ. Много и другихъ проявленій борьбы съ алкоголизмомъ можно было бы привести изъ западно-европейской жизни послѣдняго времени. Но ничего похожаго на то широкое общественное движеніе противъ алкоголизма, которое возникло сейчасъ у насъ, тамъ не наблюдалась. Въ настоящее же время, во время войны ни въ одной изъ воюющихъ странъ кромѣ Россіи борьба съ алкоголизмомъ не привлекла къ себѣ обществен-

наго вниманія и не стала лозунгомъ общественнаго движенія. Во Франціи, правда, была запрещена во время войны продажа самаго свирѣпаго напитка, абсента, но запрещена исключительно по иниціативѣ правительства, никакимъ общественнымъ движеніемъ не была поддержана, и нѣтъ никакихъ основаній думать, что абсентъ не вернется снова въ народное потребленіе по окончаніи войны. Самая же мощная наша противница, Германія никакихъ мѣръ противъ алкоголя не принимала. Напротивъ наши соотечественники, бывшіе въ это время въ Германіи, разсказываютъ, что тамъ были употреблены всѣ усилія для того, чтобы внѣшній обликъ жизни остался тѣмъ же, какимъ былъ до войны. Рестораны открыты также какъ театры, все, что въ нихъ продавалось, продается и теперь, и торговля въ нихъ, также какъ и прежде, идетъ до глубокой ночи. Очевидно въ Россіи дѣйствовали какія то особенныя условія, породившія широкое антиалкогольное движеніе, и очевидно, что эти условія должны были съ особенной силой дѣйствовать во время войны.

Въ агитаціи противъ спиртныхъ напитковъ, которая велась въ послѣднее время въ Москвѣ, очень много говорилось о гибельномъ вліяніи этихъ напитковъ на здоровье. Съ этимъ доводомъ энергично выступали врачи, а за врачами его повторяли общественные дѣятели.

Но если бы борьба съ алкоголизмомъ у насъ могла опираться только на этотъ доводъ, только на вредное вліяніе, которое спиртные напитки оказываютъ на здоровье, то было бы непонятно, почему врачи съ этимъ своимъ доводомъ пріобрѣли такое огромное вліяніе въ Россіи, а не завоевали болѣе культурныя страны. Очевидно соображенія о вредѣ алкоголя для здоровья въ нашемъ теперешнемъ антиалкогольномъ движеніи играли совершенно второстепенную роль.

Въ дѣйствительности Западная Европа не стала ареной широкаго алкогольнаго движенія именно потому, что за него были тамъ только соображенія о гибельномъ вліяніи алкоголя на здоровье и ничего больше. А у насъ было нѣчто большее—тѣ дикія, некультурныя формы потребленія алкоголя, отъ которыхъ Западная Европа болѣе или менѣе отдѣлалась.

Западная Европа потребляетъ въ среднемъ не меньше, а больше на душу населенія, алкоголя, чѣмъ мы, но пьяные на улицѣ тамъ попадаются гораздо рѣже, гораздо рѣже и тѣ дикія проявленія пьянаго дебоширства и разгула, которыя у насъ являются въ полномъ смыслѣ слова бытовымъ явленіемъ.

Съ медицинской точки зрѣнія болѣе частое потребленіе алкоголя, но въ болѣе умѣренныхъ дозахъ для здоровья не лучше, а скорѣе даже хуже, чѣмъ неумѣренное, но болѣе рѣдкое пьянство. Но иначе обстоятъ дѣла для жизненнаго обихода, для общей культурной обстановки.

Пьянство у насъ выступаетъ какъ факторъ, который отъ времени до времени рѣзко нарушаетъ нормальный ходъ жизни. Понедѣльникъ не даромъ у насъ считается тяжелымъ днемъ. Въ понедѣльникъ производительность труда рабочихъ ниже, а частота прогуловъ въ этотъ день выше, чѣмъ въ другіе дни. Въ типографіяхъ срочную работу часто боятся отложить до понедѣльника, хотя бы ее и можно было отложить, вмѣсто

этого предпочитаютъ оставлять рабочихъ въ субботу на ночь за повышенную плату, потому что за понедѣльникъ нельзя ручаться.

Когда Москва осталась безъ водки, Общество фабрикантовъ и заводчиковъ при участіи Чупровкаго общества предприняло анкету среди московскихъ рабочихъ о послѣдствіяхъ прекращенія потребленія водки. Анкета еще не закончена, но о нѣкоторыхъ интересныхъ намѣтившихся ея результатахъ сообщаютъ „Русскія Вѣдомости“. И что же оказывается? Получилось интересное измѣненіе въ практикѣ больничныхъ кассъ, охватывающихъ десятки тысячъ московскихъ рабочихъ. „Въ этихъ кассахъ вошло въ твердую практику, что за первый день болѣзни плата не выдается. Очень часто этотъ первый день болѣзни оказывался и единственнымъ, и приходились такіе случаи почти исключительно на понедѣльникъ или послѣпраздничный день. Болѣзнь была только похмѣльемъ, прогуломъ послѣ жестокаго праздничнаго пьянства. Водка была отмѣнена,—и такая „однодневная болѣзнь“ сразу вышла изъ практики“.

Или изъ той же области, но уже на почвѣ фабричной работы. „Какъ только была запрещена водка, началось очень замѣтное и быстрое пониженіе штрафного капитала. Львиная доля штрафовъ на нашихъ фабрикахъ всегда приходилась на долю прогуловъ, а львиная доля этихъ прогуловъ—на долю пьянства и похмѣлья. Теперь такіе штрафы почти вышли изъ практики“. При этомъ „понизился замѣтно и средній штрафъ на рабочаго, если сравнить цифры за іюль—октябрь прошлаго водочнаго года и за тѣ же мѣсяца этого, безводочнаго года“.

Рядомъ съ этимъ анкета констатируетъ замѣтное пониженіе и количества несчастныхъ случаевъ при работахъ на машинахъ.

Удивительно ли при такихъ условіяхъ, что борьба съ пьянствомъ встрѣчаетъ сочувствіе одинаково и у капиталистовъ и у рабочихъ . . . . . Тутъ, въ этомъ вопросѣ, имъ нѣтъ основаній спорить другъ съ другомъ. Пьянство, наше русское пьянство, стоитъ тутъ въ явномъ противорѣчіи съ нормальнымъ ходомъ производственной жизни и одинаково бьетъ и хозяина и рабочаго.

Мы познакомились съ результатами прекращенія пьянства въ центрѣ промышленной жизни, въ Москвѣ, а вотъ наблюденія объ этихъ результатахъ въ деревняхъ Симбирской губерніи по описанію земскихъ кореспондентовъ въ результатѣ организованной по этому вопросу анкеты (въ изложеніи „Русскихъ Вѣдомостей“).

„По описанію кореспондентовъ деревня стала неузнаваемой, нѣтъ теперь въ ней пьянаго разгула, ни ругани, ни дракъ: прекратилось *хулиганство, кражи, деревенскіе пожары; разсѣялись и почти совсѣмъ исчезли бродяги* или „волчки“, по мѣстному выраженію. Привычные пьяницы, ходившіе раньше раздѣтыми и растрепанными, потерявшими обликъ человѣческій, теперь пріодѣлись, пріумылись, „приняли приличный видъ“, „воспрянули духомъ“ отъ одного сознанія, что они тоже могутъ „быть какъ всѣ“, и принялись за работу, за честный трудъ“... „Женщины и дѣти перестали быть свидѣтелями невыносимо

грубыхъ сценъ съ пьяницей — мужемъ и отцомъ". Жены пьяницъ не ходятъ больше съ подбитыми глазами и „служатъ благодарственные молебны".

Яркая картина того, что было и что временно по крайней мѣрѣ исчезло. Картина, говорящая съ полной очевидностью, что у насъ въ массѣ случаевъ не человѣкъ владѣлъ спиртными напитками, а спиртные напитки владѣли имъ. Благодаря низкому культурному уровню водка была у насъ страшной опасностью, подстерегающею постоянно массоваго крестьянина, массоваго рабочаго. Въ лучшемъ случаѣ она вносила разстройство въ его жизнь на время: день, два изъяты изъ производительной жизни, наполнены пьянымъ угаромъ, истрачена значительная сумма денегъ, давшаяся съ большимъ трудомъ, избиты жестоко жена и дѣти и пр.. Въ худшемъ же случаѣ она означала тину, въ которой совсѣмъ увязалъ человѣкъ. Въ результатѣ временной неудачи, временнаго разстройства въ хозяйственномъ положеніи или потери заработка, неудачи, отъ которой можно было бы оправиться, человѣкъ запивалъ и спускался со ступеньки на ступеньку, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше отрѣзывая себѣ возможность возвращенія къ нормальной жизни.

Низкій культурный уровень мѣшаетъ нашему рабочему и нашему крестьянину владѣть сабой и сдерживать себя въ потребленіи спиртныхъ напитковъ такъ, какъ это въ огромномъ большинствѣ случаевъ умѣетъ дѣлать западно—европейскій рабочій, и пьянство при такихъ условіяхъ разнуздываетъ самые темные, самые дикіе инстинкты человѣка.

Россія выступила позднѣе на арену экономическаго развитія и пользуясь завоеваніями, достигнутыми у сосѣдей, движется гораздо быстрѣе, чѣмъ двигались они. Въ итогѣ противорѣчія выступаютъ у насъ рѣзче и непримиримѣе. Медленный культурный ростъ въ Западной Европѣ помогалъ бюргерамъ, рабочимъ, крестьянамъ постепенно овладѣвать ихъ старымъ порокомъ, пьянствомъ, ограничивать его, вводить въ норму, пріучать себя владѣть собой въ процессѣ опьяненія. Введеніе потребленія спиртныхъ напитковъ въ извѣстныя культурныя нормы шло тамъ рука объ руку съ общимъ экономическимъ развитіемъ, между тѣмъ и другимъ создавалась и создалась извѣстная гармонія. Россія движется гораздо быстрѣе. Высшія экономическія формы создаются сразу при общемъ очень низкомъ культурномъ уровнѣ населенія. И это противорѣчіе получаетъ наиболѣе яркое выраженіе въ рѣзкомъ проявленіи нашей некультурности, въ нашемъ русскомъ пьянствѣ.

Этому пьянству противорѣчитъ и тотъ уровень производительныхъ силъ, до котораго стремится подняться Россія, и вырастающія на почвѣ этаго развитія производительныхъ силъ новыя культурныя образованія—самодѣятельность рабочихъ, ихъ союзы и клубы, ихъ работа по самообразованію.

Благодаря быстротѣ развитія, свѣтъ и тѣни такъ причудливо перемѣшиваются у насъ, какъ нигдѣ. Идетъ стремительная борьба между новымъ и старымъ, въ которой новое не успѣло еще побѣдить, а тамъ гдѣ побѣдило, не успѣло достаточно закрѣпить результаты своей побѣды. Для ставшаго культурнымъ рабочаго сплошь и рядомъ недавнее прошлое говоритъ о дикости и некультурности, и эту дикость и некультурность онъ видитъ вокругъ,

когда ищетъ себѣ товарищей. Водка и пьянство при такихъ условіяхъ является для него той враждебной стихіей, на которую онъ натыкается въ своихъ порывахъ и стремленіяхъ.

Въ Германіи и Франціи общественныя собранія происходятъ обычно въ ресторанахъ, за кружкой пива и стаканомъ вина, у насъ же ресторанъ и общественное собраніе для рабочихъ два непримѣримыя понятія. Когда интелегентные рабочіе у насъ устраиваютъ вечеръ, они сами изгоняютъ оттуда спиртные напитки, потому что при наличности этихъ напитковъ не ручаются, не могутъ поручиться за человѣческое времяпрепровожденіе со стороны всѣхъ явившихся на вечеръ.

Первый толчекъ къ антиалкогольному движенію, какъ мы указывали, дало воспрещеніе продажи водки во время мобилизаціи. И это не случайно. Западноевропейскія страны въ подобномъ запрещеніи во время мобилизаціи не нуждались. У западноевропейскаго рабочаго не было . . . . . потребности напиться до безчувствія въ честь отправленія на войну. А у насъ . . . . . въ какихъ огромныхъ размѣрахъ она могла бы проявиться, показываетъ та же симбирская анкета, на которую я уже ссылался.

„Если бы не была запрещена продажа водки, пишетъ крестьянинъ изъ Буинскаго уѣзда,—мы потерпѣли бы страшное разореніе! Каждымъ изъ взятыхъ въ мобилизацію было бы истрачено на это негодное питье не меньше 10 рублей. У насъ въ деревнѣ такихъ оказалось всего 32 чел.; на водку у нихъ ушло бы не менѣе 320-ти рублей. Кромѣ того надо положить, что родственники взятыхъ истратили бы на угощеніе" съ горя не менѣе 2—3-хъ рублей на дворъ. На всю нашу деревню расхода было бы 500-800 руб. Это для деревни громадный расходъ. Мужикъ солдатъ не станетъ считаться, что онъ раззоряется, а продать послѣднюю овцу, чтобы погулять напослѣдокъ. А сколько было бы шуму ругани дракъ и побоищъ.

Изъ того же уѣзда, многія волости котораго населены чувашами, другой корресподентъ—крестьянинъ пишетъ: „Въ случаѣ, если бы во время мобилизаціи не запретили продавать вино, то наше село сгорѣло бы до-тла, т. е. до основанія, и другъ друга перебили бы, были бы убійства немалыя".

Такія же сообщенія получены и изъ другихъ мѣстностей губерніи и притомъ изъ населенныхъ чисто русскимъ населеніемъ.

Мы видимъ изъ этой анкеты, что безпрепятственная продажа означала бы для нашей страны добавочное сильное экономическое потрясеніе помимо того, которое вызывала война.

А значеніе ея для самой мобилизаціи и для успѣшности военныхъ дѣйствій? Пьяная мобилизація во время японской войны, памятная всѣмъ, говоритъ съ полной очевидностью о томъ, какіе печальные результаты должна была бы дать такая же мобилизація теперь, когда она должна была въ грандіозныхъ размѣрахъ происходитъ передъ лицомъ уже наступающаго и вторгающагося въ нашу страну врага.

Для того, чтобы побѣдить врага, нужно было уравнять до извѣстной степени разницу въ культурныхъ условіяхъ, а это можно было сдѣлать только громаднымъ усиліемъ, только преодолѣніемъ яркаго проявленія нашей некультурности, нашего русскаго пьянства. Это усиліе было подготовлено начавшимся у насъ уже до войны движеніемъ противъ пьянства, и

въ свою очередь оно дало мощный толчекъ къ дальнѣйшему антиалкогольному движенію.

Это движеніе выросло изъ слишкомъ глубокихъ потребностей нашего общественаго развитія, его вызвало къ жизни противорѣчіе между быстрымъ развитіемъ производительныхъ силъ и общей нашей некультурностью, тормозящей это развитіе, и надо думать поэтому, что оно не пройдетъ безслѣдно. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

2. О новомъ безалкогольномъ бюджетѣ.

Возникшая война потребовала прямо колоссальныхъ средствъ. За прошедшее уже время войны расходовалось у насъ на войну въ среднемъ болѣе 500 милл. рублей въ мѣсяцъ. Если война продлится 9—10 мѣсяцевъ, что вполнѣ возможно, то общій расходъ на войну у насъ достигнетъ 5 милліардовъ рублей, или даже будетъ выше его. Ясно, что силами обыкновеннаго бюджета съ такимъ колоссальнымъ расходомъ справиться нѣтъ никакой возможности.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно напомнить, что по проекту росписи на 1914 годъ общая сумма нашихъ обыкновенныхъ расходовъ, за вычетомъ операціонныхъ, предполагалась министерствомъ финансовъ въ суммѣ 2.246 милл. рубл., т. е. самый наименьшій мыслимый расходъ на войну будетъ болѣе, чѣмъ въ 2 раза выше нашего обыкновеннаго расходнаго бюджета.

Въ началѣ войны въ печати и въ Вольно-экономическомъ О-вѣ серьезно обсуждался вопросъ о пополненіи военныхъ расходовъ хоть частью путемъ усиленія налоговой тяжести, путемъ введенія въ дѣйствіе новыхъ налоговъ. Но ясно было съ самого начала, что этимъ путемъ можетъ быть пополнена только совершенно ничтожная часть военныхъ расходовъ. А затѣмъ смѣшно было вообще обращаться къ налоговой области для пополненія расходовъ на войну, когда необходимо было думать о заполненіи въ обыкновенномъ бюджетѣ огромнаго дефицита, образующагося отъ пониженія общей плотежеспособности населенія въ связи съ войной и еще болѣе отъ уничтоженія винной монополіи. Ясно было, что сюда, въ сторону заполненія этого дефицита должны были направиться всѣ усилія въ налоговой области.

Въ самомъ дѣлѣ по расчетамъ министерства финансовъ во вторую половину 1914 г. благодаря прекращенію продажи водки и сокращенію ряда поступленій будетъ недополучено по сравненію съ предположеніями росписи 725,1 милл. рублей. Послѣ всякаго рода сокращеній въ расходахъ, дефицитъ для 1914 года остается въ огромной суммѣ 565 мил. рублей. На покрытіе его пришлось употребить всю свободную наличность въ суммѣ 514,2 мил. и тѣмъ не менѣе еще остается нѣкоторый дефицитъ.

Что касается 1915 года, то по расчету министерства финансовъ, благодаря прекращенію продажи водки и сокращенію платежеспособности населенія, при прежнихъ бюджетныхъ и налоговыхъ ставкахъ можно было бы ожидать пониженія обыкновенныхъ доходовъ по сравненію съ 1914 г. болѣе, чѣмъ на милльярдъ рублей (1.028.803.159 р.).

При такихъ условіяхъ совершенно понятно полное выдѣленіе расходовъ на войну изъ проекта росписи. Средства на войну предполагается покрыть единственнымъ возможнымъ путемъ, путемъ займовъ и кредитныхъ операцій.

Этимъ путемъ до конца октября было добыто 1850 милл. рублей и въ этомъ же направленіи придется направлять свои усилія министерству финансовъ и дальше.

Рядомъ же съ этимъ совершенно самостоятельно стояла задача справиться въ бюджетѣ сь тѣмъ пониженіемъ доходовъ на миллъярдъ рублей, которое при прежнихъ бюджетныхъ ставкахъ можно было ожидать въ будущемъ году. Для того, чтобы устранить этотъ угрожающій миллъярдный дефицитъ, министерство финансовъ предлагаетъ съ одной стороны значительно сократить расходы, съ другой увеличить доходы путемъ главнымъ образомъ повышенія налоговыхъ ставокъ.

Расходы по сравненію съ утвержденнымъ проектомъ росписи на 1914 годъ уменьшены: обыкновенные на 230.709 тыс. рублей и чрезвычайные на 148.552 т. р., а всего на 379.261 т. р.

Самое крупное уменьшеніе расходовъ, если не считать уменьшенія военныхъ расходовъ (помимо войны), приходится на пути сообщенія. Всего на усиленіе и улучшеніе каз. жел. дорогъ, на пріобрѣтеніе для нихъ подвижного состава, на пути сообщенія, кромѣ каз. жел. дорогъ и по чрезвычайному бюджету на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ предполагалось въ 1914 году истратить 279,4 м. рублей, теперь на всѣ эти расходы предлагается ассигновать только 192,2 м. р., меньше на 87,1 м. р., или на 31,2 %.

Замѣтное абсолютное и относительное уменьшеніе даютъ также предполагаемые расходы на просвѣщеніе, науки и искусства на 24,2 м. р.. или на 9,6% и на землеустройство, переселеніе и сельское хозяйство—10,7 м. р., или на 10,1%.

Но за всѣмъ этимъ, чувствительнымъ для культурныхъ задачъ сокращеніемъ расходовъ, оставалось покрыть огромный дефицитъ, который создавало въ бюджетѣ прекращеніе продажи водки. По проекту росписи на 1914 годъ чистый доходъ отъ винной монополіи ожидался въ суммѣ 689,3 м. р., по проекту же росписи на 1915 годъ министерство финансовъ ожидаетъ чистаго дохода отъ винной монополіи только въ суммѣ 37,8 м. р., или меньше на 651,5 м. р. Для покрытія этого дефицита и были пущены въ ходъ новые налоги и повышеніе старыхъ.

Повышены были налоги на недвижимыя имущества въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, повышена кибиточная подать съ кочевого населенія, повышенъ квартирный налогъ, повышены основный и дополнительный промысловый налоги (на 50%), замѣтно повышенъ рядъ косвенныхъ налоговъ, на табакъ, спички, сахаръ, пиво, спиртъ и пр.; еще болѣе замѣтно, чѣмъ прямые и косвенные налоги, повышены налоги на обращеніе (пошлины)—установленъ временный сборъ съ пассажировъ и грузовъ, отъ котораго ожидается крупная сумма въ 228 м. р., установленъ временный налогъ на перевозимый хлопокъ, повышенъ рядъ другихъ пошлинъ, наконецъ повышены почтовый и телеграфный тарифы (отъ этого повышенія ожидается 27,5 м. р.).

Всего отъ повышенія старыхъ и введенія новыхъ налоговъ ожидается поступленій на сумму въ 502 милл. рублей.

Въ итогѣ отъ отмѣны продажи водки и измѣненія налоговъ, вся налоговая система наша потерпѣла чрезвычайно существенныя измѣненія.

Косвенные налоги въ общей суммѣ налоговъ составляютъ теперь меньшую долю, прямые налоги и пошлины большую.

Причисляя къ косвеннымъ налогамъ и чистый доходъ отъ винной монополіи, мы получимъ слѣдующую картину распредѣленія налоговъ между главными ихъ подраздѣленіями по проектамъ росписи на 1914 и 1915 г.г.

	Въ милл. рублей.		Въ %%.	
	1914 г.	1915 г.	1914 г.	1915 г.
Косв. налоги . .	1420,7	732,0	73,4	46,2
Прямые налоги .	276,0	342,5	14,3	21,6
Пошлины	237,9	508,9	12,3	32,2
Всего . .	1934,6	1583,4	100	100

Косвенные налоги въ росписи 1915 г. перестаютъ такимъ образомъ играть ту рѣзко преобладающую роль, которую они играли до сихъ поръ: вмѣсто 3/4 налогового бюджета они составляютъ теперь меньше 1/2 его.

Уничтоженіе продажи водки несетъ съ собой такимъ образомъ настоящій переворотъ въ нашей налоговой системѣ. Мы оцѣнимъ этотъ переворотъ еще больше, если воспользовавшись расчетами г. Куна („Вѣстн. фин.“ за 1913 г. №№ 3 и 4), сопоставимъ распредѣленіе налоговъ между ихъ главными подраздѣленіями въ Россіи и другихъ странахъ.

Налоги распредѣлялись въ %%.

Въ 1911 г.	Косвенные.	Прямые.	Налоги на обращеніе.
Великобританія .	45,0	31,5	23,5
Франція	47,1	19,5	33,4
Италія	52,6	29,8	17,6
Германія	56,8	28,3	14,9
Австрія	58,1	28,2	13,7
Россія	76,8	13,7	9,5
Россія въ 1915 г.	46,2	21,6	32,2

Мы видимъ изъ этой таблицы, что въ 1911 году налоговая система Россіи рѣзко отличалась отъ налоговой системы другихъ странъ: косвенные налоги пользовались такимъ исключительнымъ преобладаніемъ, а прямые налоги и налоги на обращеніе играли такую ничтожную роль, какъ нигдѣ. Это положеніе медленно измѣнялось и до 1915 года, прямые налоги и особенно налоги на обращеніе нѣсколько росли на счетъ косвенныхъ, но и въ 1914 году налоговая система оставалась почти той же, что раньше. Только антиалкогольное движеніе внесло въ эту систему радикальное измѣненіе.

Вмѣсто 3/4 общей суммы налоговъ косвенные налоги занимаютъ теперь меньше половины ихъ; косвенные налоги въ нашей налоговой системѣ заняли теперь меньшую роль, чѣмъ они занимаютъ въ налоговой системѣ Австріи, Германіи, Италіи, Франціи. Только въ Великобританіи косвенные налоги играютъ меньшую роль, но и тутъ разница не велика: въ 1911 г. косвенные налоги въ Великобританіи составляли 45% общей суммы налоговъ, а въ нашемъ бюджетѣ на будущій годъ они составятъ 46,2%.

Но если прежнее основное различіе налоговой системы отъ налоговой системы другихъ странъ исчезло, то появилось новое различіе. Повысилась роль и прямыхъ налоговъ и налоговъ на обращеніе, но роль послѣднихъ повысилась значительно сильнѣе. Въ 1911 году налоги на обращеніе составляли менѣе 1/10 всей суммы налоговъ, въ 1914 г. менѣе 1/8, а въ 1915 г. они составятъ около одной трети. Наша налоговая система въ ея главныхъ подраздѣленіяхъ начала походить на налоговую систему Франціи, какъ извѣстно до сихъ поръ наиболѣе устарѣлую въ Зап. Европѣ. Налоги на обращеніе заняли у насъ приблизительно такую же роль, какую они заняли во Франціи, по сравненію же съ другими странами—Великобританіей, Италіей, Германіей, Австріей--прямые налоги играютъ у насъ и теперь замѣтно меньшую роль, а налоги на обращеніе замѣтно большую.

Пониженіе роли косвенныхъ налоговъ само по себѣ означаетъ ослабленіе налоговой тяжести лежащей на неимущихъ классахъ населенія, но это ослабленіе значительно парализуется въ новомъ бюджетѣ усиленіемъ налоговъ на обращеніе, (пошлинъ).

Громадное увеличеніе налоговъ на обращеніе въ новомъ бюджетѣ связано съ временнымъ налогомъ на пасажировъ и грузы, и этотъ налогъ имѣетъ настолько общій характеръ, что заставитъ себя сильно почувствовать неимущую массу населенія. Помимо пассажирскаго движенія, онъ захватываетъ продукты самого широкаго потребленія, какъ хлѣбъ, соль, хлопокъ, кам. уголь и

пр. замѣтно удорожая ихъ. Замѣтной тяжестью этотъ налогъ упадетъ и на промышленность, удорожая производство.

Удорожая рядъ продуктовъ массоваго потребленія, временный налогъ на грузы въ извѣстный степени играетъ ту роль, которую играли до сихъ поръ косвенные налоги. Но то облегченіе налоговой тяжести, которое несетъ съ собой пониженіе роли косвенныхъ налоговъ, этимъ только ослабляется, но не уничтожается.

Въ самомъ дѣлѣ весь временный налогъ на грузы вмѣстѣ съ налогомъ на пасажировъ долженъ дать по предположеніямъ министерства финансовъ 258 милл. рублей. Въ общей суммѣ налоговъ это составитъ 16,3%. Если мы даже предположимъ, что вся эта сумма падаетъ цѣликомъ на неимущую массу населенія и отнесемъ ее къ косвеннымъ налогамъ, то и тогда процентъ, который косвенные налоги займутъ въ общей суммѣ обложенія, будетъ 62,5, т. е. все таки замѣтно меньше % косвенныхъ налоговъ въ утвержденномъ проектѣ росписи на 1914 годъ 73, 4 %. Но добрая половина временного налога на грузы и пасажировъ минуетъ неимущую массу населенія, и ослабленіе налоговой тяжести лежащей на массѣ населенія, какъ неизбѣжное слѣдствіе водочной реформы, дѣлается по этому несомнѣннымъ.

Нужно сказать, что и до водочной реформы налоговая тяжесть, падающая на массу населенія, хотя и усиливалась, но еще сильнѣе росло обложеніе промышленности и торговли.

Такъ сравнивая обложеніе по проекту росписи на 1914 годъ съ обложеніемъ въ 1885 году, мы получимъ. что за этотъ періодъ косвенные налоги увеличились почти въ четыре раза—(на 294%) но пошлины возросли почти въ пять разъ (на 381%), промысловый налогъ возросъ въ шесть разъ (на 508%), а сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ болѣе чѣмъ въ девять разъ (на 839%).

Рядомъ съ этимъ налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подати за это время не только не возросли, но упали—на 17%.

Мы видимъ такимъ образомъ, что огромный ростъ нашего бюджета не въ состояніи былъ опереться на одно только обложеніе неимущей массы населенія, по необходимости приходилось привлекать къ обложенію зажиточные слои населенія. При этомъ наблюдалась явная тенденція привлекать къ обложенію промышленность и торговлю, минуя землевладѣніе.

Водочная реформа тенденцію къ обложенію промышленности и торговли сразу двинула колоссальнымъ образомъ впередъ.

Ариѳметически легко разсуждать: 600-700 милл. рублей остается въ карманѣ населенія отъ прекращенія потребленія водки, слѣдовательно можно взять ихъ другими способами. Въ дѣйствительности взять ихъ цѣликомъ другими способами чрезвычайно трудно, почти невозможно. Нужно имѣть въ виду, что водочный налогъ настигалъ массу населенія чрезвычайно неравномѣрно: у меньшинства онъ отнималъ огромную часть дохода, доводя отдѣльныхъ лицъ до гибели, у большинства же, болѣе умѣренно потреблявшаго водку, онъ отнималъ сравнительно скромную часть дохода. Взять у большинства эту часть дохода можетъ быть и возможно другими способами, но какъ вознаградить се-

бя бюджету за тѣ суммы, которыя брались съ меньшинства, того меньшинства, которое отъ потребленія водки болѣе или менѣе раззорялась, или терпѣло отъ нея значительный матерьяльный ущербъ? Эти суммы въ большей своей части должны очевидно погибнуть для бюджета. А потомъ какъ услѣдить, куда въ большей своей части уйдутъ у населенія тѣ суммы, которыя освободятся отъ потребленія водки?

И затѣмъ такъ много говорится о раззореніи населенія отъ потребленія водки, что неловко при такихъ условіяхъ вводить явно раззорительные или явно задерживающіе земледѣльческій прогрессъ налоги.

Водочная реформа такимъ образомъ ребромъ ставитъ вопросъ о необходимости усиленнаго обложенія имущихъ классовъ населенія. Это уже не просто пожеланія болѣе демократическихъ слоевъ населенія, а прямо неотвратимая государственная необходимость. Весь вопросъ только въ томъ, какъ и какіе имущіе слои будутъ привлечены къ обложенію. Проектъ государственной росписи на 1915 г. разрѣшаетъ этотъ вопросъ исключительно въ сторону усиленнаго обложенія торговли и промышленности.

Первое подраздѣленіе прямыхъ налоговъ въ росписи—„налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подати“, какъ мы видѣли за послѣдніе 30 лѣтъ не возросли, а даже упали въ своей абсолютной величинѣ. Теперь по росписи 1915 г. не смотря на ослабленіе платежныхъ силъ населенія отъ этого подраздѣленія прямыхъ налоговъ ожидается увеличеніе на 13,7%. Но въ связи съ чѣмъ ожидается это увеличеніе? Въ связи съ повышеніемъ налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ на 6-8% и повышенія ставокъ государственнаго квартирнаго налога—на 50%. Поземельный же налогъ остался нетронутымъ. Такимъ образомъ даже въ этомъ подраздѣленіи прямыхъ налоговъ, усиленіе обложенія въ извѣстной степени настигаетъ промышленность и торговлю, касается и другихъ слоевъ городского населенія и почти совершенно минуетъ землевладѣльцевъ.

А между тѣмъ рядомъ съ этимъ ставки промысловаго налога повышены на 50% и несмотря на пониженіе платежеспособности населенія отъ государственнаго промысловаго налога ожидается увеличеніе поступленій по сравненію съ росписью 1914 г.—на 34,2%.

И наконецъ въ связи съ временнымъ налогомъ на грузы и пассажировъ ожидается по сравненію съ росписью 1914 г. увеличеніе поступленій по отдѣлу пошлинъ болѣе, чѣмъ въ 2 раза—на 113,9%.

Вообще всѣ налоги, въ подавляющей своей массѣ непосредственно затрагивающіе интересы промышленности и торговли, а именно госуд. промысл. налогъ, сборы съ денежныхъ капиталовъ и пошлины по сравненію съ росписью 1914 года возросли съ 430,4 милл. рублей до 756,5 м. р., или *увеличились* на 75,7%, между тѣмъ всѣ остальные налоги должны дать теперь 826,9 м. р. вмѣсто 1504,2 м. р., или *понизились* на 45,1%.

При такихъ условіяхъ дѣлается психологически понятнымъ тотъ рѣшительный шагъ, на который новыя налоговыя измѣне-

нія подвинули совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли. Совѣтъ съѣздовъ выдвинулъ проектъ временнаго военнаго подоходнаго налога, въ которомъ для личнаго труда процентъ обложенія начинается съ 3,5% (при доходѣ въ 1000 руб.) и кончается 25% (при доходѣ въ 100000 р.). Для доходовъ фундированныхъ та же прогрессія начинается съ 7% и кончается 50%. Правда, налогъ этотъ выдвинутъ въ качествѣ временнаго и притомъ съ разсрочкой на три года, но и въ такомъ видѣ онъ можетъ показаться чѣмъ то страннымъ и необычнымъ для центральной организаціи промышленниковъ.

Въ дѣйствительности при создавшейся обстановкѣ онъ не представляетъ собой ничего страннаго.

Россія благодаря тому, что она позднѣе вступила на путь капиталистическаго развитія, страдаетъ извѣстнымъ несоотвѣтствіемъ между платежными силами населенія и государственнымъ бюджетомъ. Только очень быстрое экономическое развитіе можетъ устранить это несоотвѣтствіе. Для самого ускоренія этого развитія необходимо болѣе равномѣрное распредѣленіе налоговъ. Но того же требуетъ и прямо—неотвратимый ростъ государственнаго бюджета. Обложеніе имущихъ классовъ съ необходимостью поэтому усиливалось и раньше, теперь водочная реформа дала толчокъ къ новому значительному его усиленію. Усиленіе это настигаетъ промышленниковъ и торговцевъ, но въ то же время минуетъ землевладѣльцевъ. Естественно при такихъ условіяхъ, что промышленники и торговцы приходятъ къ необходимости общаго подоходнаго налога, который неизбѣжное налоговое бремя распредѣлитъ по крайней мѣрѣ равномѣрно между имущими классами.

Въ этомъ, чрезвычайно важномъ и крупномъ вопросѣ, своеобразныя русскія условія создаютъ нѣкоторую солидарность между интересами демократіи и интересами крупной буржуазіи. Водочная реформа ставитъ такимъ образомъ въ порядокъ дня введеніе въ крупныхъ размѣрахъ прогрессивнаго подоходнаго налога въ нашу налоговую систему и создаетъ благопріятныя условія для проведенія этой важной реформы въ жизнь.

Н. Череванинъ.

Вопросы внутренней жизни.

Внутреннія отношенія въ Польшѣ.

I.

Война поставила Польшу въ центрѣ всеобщаго вниманія. Не только потому, что она стала главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій на восточномъ фронтѣ, что на поляхъ ея разыгрываются кровопролитнѣйшія сраженія, какія до сихъ поръ знало человѣчество, что ея города подвергаются непріятельской бомбардировкѣ, что ея населеніе разорено и тысячами покидаетъ свои насиженныя мѣста. Но и потому, что вмѣстѣ съ войной вновь выдвинулся вопросъ о соединеніи въ одно цѣлое раздробленной на три части Польши и съ новой силой пробудились вѣковыя стремленія польскаго народа къ единству.

Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, обѣщавшее возрожденіе „Польши, свободной въ вѣрѣ, языкѣ и самоуправленіи“, заявлявшее, что будутъ стерты „границы, разрѣзавшія на части польскій народъ“, вызвало подъемъ національно-патріотическихъ чувствъ въ населеніи русской Польши, пробудивъ его вѣру въ то, что, говоря словами того же воззванія, „пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ дѣдовъ и отцовъ можетъ осуществиться“.

Для населенія Польши и ея различныхъ политическихъ партій всталъ съ самаго начала войны вопросъ объ ихъ „оріентаціи“, т. е. объ опредѣленіи своего отношенія къ тремъ государствамъ, участвующимъ въ войнѣ—Россіи, Австріи и Германіи (Пруссіи), къ которымъ до сихъ поръ принадлежали отдѣльныя части „растерзаннаго на куски живого тѣла Польши“. [1])

Въ вопросѣ объ оріентаціи наиболѣе вліятельныя группы и организаціи русской Польши послѣ недолгихъ колебаній высказались опредѣленно въ пользу Россіи. Большинство органовъ польской печати привѣтствовало воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго. Несмотря на старые счеты, существующіе между польскимъ населеніемъ и русскими властями, руководящіе органы официальнаго польскаго общественнаго мнѣнія „оріентировались“ на Россію. Это не трудно понять: хотя австрійскіе, напр., поляки пользуются значительно большими политическими, гражданскими и національными правами, чѣмъ поляки, живущіе въ Пруссіи и Россіи, но при данной исторической комбинаціи только побѣда державъ Тройственнаго Согласія надъ коалиціей Австрія—Германія—Турція даетъ надежду на возстановленіе единой Польши. Въ случаѣ побѣды Германіи и Австріи вопросъ о соединеніи Польши даже не встанетъ, ибо для одной изъ этихъ

[1]) По приблизительнымъ даннымъ въ русской Польшѣ въ настоящее время насчитывается болѣе 9½ милл. поляковъ, въ Австро-Венгріи—3 милл., въ Пруссіи около 4 милліоновъ.

странъ объединеніе Польши означало бы утрату части территоріи. Этимъ чисто практическимъ соображеніемъ объясняется ориентировка русскихъ поляковъ на Россію и ихъ возмущеніе дѣятельностью національнаго Польскаго Комитета Галиціи, организовавшаго польскіе добровольческіе легіоны („соколовъ"), сражающіеся въ рядахъ австро-венгерской арміи.

Отношеніе вліятельныхъ круговъ польскаго общественнаго мнѣнія въ русской части Польши къ государственной ориентировкѣ лучше всего видно изъ заявленій въ прессѣ. Одинъ изъ видныхъ польскихъ публицистовъ, прежній лидеръ прогрессизма, а нынѣ одинъ изъ идеологовъ польскаго „культурнаго" антисемитизма, Ал. Свентоховскій писалъ, напр., въ газетѣ „Польскій Гуманистъ": „я предпочелъ бы видѣть Польшу въ цѣлости, объединенную даже при самомъ жестокомъ деспотизмѣ, чѣмъ раздѣленную при трехъ конституціяхъ". Въ такомъ же духѣ высказался въ безпартійномъ „Курьерѣ Варшавскомъ", публицистъ Вейсенгофъ:

„Идея соединенія Польши, столь ненавистная и грозная Германіи, воскресла изъ мертвыхъ, провозглашенная Россіей. Огромное большинство поляковъ поняло, что первымъ шагомъ по пути къ ихъ будущему является завоеваніе Россій у Германіи и Австріи всѣхъ польскихъ земель . . . . Для того, чтобы въ будущемъ стать дѣйствительной Польшей, здоровымъ политическимъ организмомъ, способнымъ развиваться, намъ нужно сперва объединить польскія земли подъ одной какой-либо властью. Этой власти намъ не дано выбирать,—она пока одна, русская". [1])

Такую же позицію заняли четыре польскія политическія партіи: 1) Партія реальной политики; 2) Народовая (національная) демократія; 3) Польская партія прогрессистовъ и 4) Польскій прогрессивный Союзъ.

Реалисты и народовцы въ общей резолюціи привѣтствуютъ возваніе Верховнаго Главнокомандующаго и рѣзко осуждаютъ политику Національнаго Комитета въ Галиціи, призывая его „немедленно прекратить всякія дѣйствія, программа которыхъ намѣчена въ его циркулярѣ".

Польскіе прогрессисты, партія болѣе выдержанная въ конституціонномъ направленіи, чѣмъ реалисты и народовцы, въ которой націонализмъ не вытравилъ, какъ у этихъ послѣднихъ, либеральныхъ стремленій, тоже признаютъ въ своей резолюціи „пагубной для польскаго дѣла агитацію, предпринятую комитетомъ въ Галиціи" и „требуютъ ея прекращенія", но мотивируютъ это такъ:

„мы твердо увѣрены, что побѣда тройственнаго согласія будетъ содѣйствовать развитію конституціонализма въ Россіи, что, въ свою очередь, можетъ быть только залогомъ будущаго свободнаго строя нашего отечества, равно какъ и достойнаго польскихъ традицій разрѣшенія національнаго вопроса въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ въ духѣ лозунга терпимости и равноправія, столь дорогого польской демократической мысли".

[1]) Цит. по книгѣ „Война и Польша" съ предисл. и подъ ред. Л. Козловскаго, изд. книгоизд. писат. въ Москвѣ, стр. 11, 15, 16.

Какъ видимъ, въ данномъ случаѣ аргументація носитъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ статьяхъ Свентоховскаго и Вейсенгофа и въ резолюціи реалистовъ и народовцевъ.

Подобныя же соображенія развиваетъ и „польскій прогрессивный союзъ"—партія, близкая по направленію къ прогрессистамъ. Резолюція его признаетъ, что „непремѣннымъ условіемъ политическаго возрожденія польскаго народа является соединеніе въ нераздѣльное цѣлое всѣхъ польскихъ земель; что

„Лозунгъ объединенія польскихъ земель и возрожденія Польши можетъ разсчитывать на полное вниманіе и сильную поддержку государствъ, которыя стоятъ во главѣ коалиціи противъ военнаго деспотизма Пруссіи, что побѣда великихъ западныхъ демократій должна быть сама по себѣ тріумфомъ идеи свободы народовъ въ международныхъ отношеніяхъ. Побѣда же Пруссіи была бы пораженіемъ гуманитарной цивилизаціи, поэтому нашъ національный интересъ очень тѣсно связанъ съ разгромомъ нынѣшняго нѣмецкаго государства".

Польскій прогрессивный союзъ признается, что ему

„понятны опасенія, какъ бы политическія и національныя свободы, которыми пользуются поляки въ Галиціи, не были уменьшены";

онъ констатируетъ, что

„положеніе поляковъ въ русскомъ государствѣ до сихъ поръ не подверглось никакой перемѣнѣ и понимаетъ, что патріотическій порывъ былъ причиною желанія использовать національныя силы Галиціи въ союзѣ съ Австріей". *)

Стремленіе къ осуществленію національнаго идеала—единой и нераздѣльной Польшѣ—охватило даже дѣйствующія въ русской Польшѣ соціалистическія партіи (польскую соціалистическую—„лѣвицу" и польскую соціальдемократическую), которыя, не высказываясь за ту или иную государственную „ориентировку", выдвигаютъ снова идею независимой Польши, отъ которой они давно отказались. **)

Національный подъемъ, охватившій русскую Польшу въ связи съ войной, не могъ не повести къ организаціи и консолидаціи ея общественныхъ силъ. По условіямъ, вполнѣ понятнымъ для даннаго времени, въ этомъ отношеніи наиболѣе проявили себя средніе круги населенія (буржуазія).

Этой организаціи не только не помѣшало, но даже помогало то, что Польша оказалась въ самомъ пеклѣ артиллерійскихъ боевъ и пѣхотныхъ атакъ. Необходимость прійти на помощь прямо или косвенно

*) цит. по той же книгѣ стр. 13—24.

**) Необходимо отмѣтить, что не всѣ русскіе поляки „ориентируются" на Россію. Среди нихъ есть и такіе, которые симпатизируютъ Австріи. Недавно газеты сообщали объ арестѣ въ Варшавѣ нѣкоторыхъ видныхъ польскихъ общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ писателя А. Немоевскаго, по подозрѣнію въ австрофильствѣ. Но эти элементы, повидимому, составляютъ меньшинство среди польскаго общества.

пострадавшимъ отъ войны: семьямъ запасныхъ, тысячамъ безработныхъ и голодныхъ, многочисленнымъ бѣженцамъ изъ занятыхъ непріятелемъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, толкала польское общество къ организаціи, и его стремленія въ этомъ направленіи по той же причинѣ встрѣчали меньшее противодѣйствіе, чѣмъ подобныя стремленія въ коренной Россіи.

По всей Польшѣ раскинулись густой сѣтью губернскіе и уѣздные обывательскіе комитеты, объединенные въ центральномъ Варшавскомъ обывательскомъ комитетѣ. Комитеты эти, ставящіе себѣ цѣлью помощь населенію, пострадавшему отъ войны, развили энергичную дѣятельность и сдѣлались почти офиціальными органами власти. Будучи по своему назначенію чисто хозяйственными организаціями, обывательскіе комитеты фактически превратились въ центры польской общественной самодѣятельности, въ которыхъ стали концентрироваться польскія національныя стремленія.

Двѣ основныя черты характеризуютъ дѣятельность обывательскхъ комитетовъ. Первая черта—это проникающій ихъ національный, даже *національстическій* характеръ.

Обывательскіе комитеты—это прежде всего *польскія* организаціи. Хотя они дѣйствуютъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ имѣется значительное еврейское, литовское и иное меньшинство, одинаково и даже больше, чѣмъ польское населеніе, пострадавшее отъ войны, однако, въ большинствѣ комитетовъ всѣ члены принадлежатъ къ польской національности; тамъ же, гдѣ въ меньшинствѣ присутствуютъ евреи, послѣдніе допускаются не въ качествѣ выборныхъ еврейскимъ населеніемъ, а по приглашенію со стороны поляковъ и притомъ по большею частью изъ числа такъ называемыхъ „поляковъ моисеева закона“, которые не связаны съ еврейскими массами, непріязненно относятся къ національнымъ стремленіямъ евреевъ, представляя собой евреевъ, ассимилированныхъ польской культурой и сохранившихъ съ еврействомъ только религіозную связь *).

Представители польскихъ организацій, правда, утверждаютъ, что въ обывательскихъ комитетахъ *случайно* не оказалось евреевъ, но всѣ мало-мальски знакомые съ картиной польско-еврейскихъ отношеній въ русской Польшѣ прекрасно понимаютъ, что эта мнимая „случайность“ представляетъ собой вполнѣ послѣдовательный и закономѣрный выводъ изъ общей антисемитской политики польскихъ націоналистовъ. Но дѣло не столько въ составѣ обывательскихъ организацій, сколько въ общемъ характерѣ ихъ дѣятельности. Послѣдняя явно пропитана антисемитскимъ духомъ. Если бы не засвидѣтельствованные заслуживающей довѣрія *русской* печатью факты, можно было бы думать, что обвиненія обывательскихъ комитетовъ въ одностороннемъ характерѣ ихъ дѣятельности есть плодъ порожденной атмосферой національной борьбы въ Польшѣ фантазіи со стороны еврейскихъ націоналистовъ. Но эти факты остаются неопровергнутыми. Корреспондентъ газ. „День“ г. Кобецкій въ № 306 писалъ изъ Варшавы со словъ еврейскихъ бѣженцевъ:

„когда въ лавкахъ соль стоила полторы копѣйки фунтъ, мы должны были платить за нее для этой самой куклы по семи копѣекъ, т. к. обывательскій комитетъ намъ соли не отпускалъ . . . . то же съ хлѣбомъ . . . то же съ углемъ . . . . то же со всѣмъ“.

О томъ же повѣствовала г-жа Кускова, отправившаяся по порученію Имп. Вольно-Экон. общ. въ Варшаву, въ своемъ докладѣ въ родительскомъ клубѣ въ Москвѣ. Г-жа Кускова утверждала въ своемъ докладѣ, что

„Центральный Обывательскій Комитетъ и остальныя польскія организаціи бойкотируютъ евреевъ. При такомъ отношеніи о справедливомъ распредѣленіи ими помощи между поляками и евреями говорить не приходится. Еврейскія благотворительныя организаціи до сихъ поръ были предоставлены самимъ себѣ и всецѣло на своихъ плечахъ вынесли всю помощь евреямъ—бѣженцамъ“.

Въ „Одесскомъ Листкѣ“ въ ноябрѣ 1914 г. было напечатано письмо Варшавскаго „об-ва распространенія правильныхъ свѣдѣній о евреяхъ и еврействѣ“, въ которомъ сообщалось, что

„когда Варшавскій Обывательскій Комитетъ сталъ открывать свои лавки, чтобы не допустить до вздорожанія предметовъ первой необходимости, возникла мысль открыть такія же лавки и въ еврейскомъ районѣ съ еврейскимъ персоналомъ. Когда еврейскіе дѣятели пришли съ заявленіемъ, что они могутъ уже открыть три такихъ лавки подъ фирмой Обывательскаго Комитета, имъ было сказано отъ имени Комитета, что въ такомъ случаѣ всѣ еврейскіе покупатели будутъ направляться въ еврейскія лавки, а въ *не—еврейскихъ имъ ничего продавать не будутъ*. На такую своеобразную черту осѣдлости евреи, понятно, согласиться не могли и лавки въ еврейскомъ районѣ не открылись, и до сихъ поръ не открыты“. *)

Въ томъ же письмѣ говорится, что до 8-го ноября „евреи—жертвы войны въ Польшѣ—не получили ни одной копѣйки“.

Въ инструкціи центральнаго обывательскаго комитета провинціальнымъ отъ 13 янв., подъ несомнѣннымъ давленіемъ русскаго общественнаго мнѣнія и жертвователей изъ Россіи, рекомендуется распредѣлять получаемыя извнѣ суммы „между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ, въ зависимости отъ степени нужды и размѣровъ

*) По даннымъ центральнаго обывательскаго комитета о національномъ составѣ 71 провинціальнаго обывательскаго комитета, въ 52-хъ вовсе нѣтъ евреевъ, и всего въ 19 есть члены евреи. Въ большинствѣ этихъ 19 обывательскихъ комитетовъ не больше одного члена—еврея, хотя во многихъ изъ этихъ городовъ евреи составляютъ болѣе 40 и даже 60% всего населенія; въ обывательскихъ комитетахъ Радома и Ловича по 2 еврея; въ Плоцкѣ—3; въ Лодзи 4 (изъ 17 членовъ), въ Томашовѣ 8 (изъ 29). Въ центральномъ обывательскомъ комитетѣ нѣтъ ни одного еврея. (См. „Рѣчь“ отъ 17 января 1915 года).

*) См. „Нов. Восходъ“ 1914 г. № 46 стр. 25.

спеціальныхъ средствъ, которыми располагаетъ данная вѣроисповѣдная группа". При оказаніи этой помощи евреямъ слѣдуетъ привлекать „спеціально приглашенныхъ лицъ Моисеева вѣроисповѣданія, если въ комитетѣ нѣтъ членовъ—евреевъ, а *обращаться же къ еврейскимъ общинамъ лишь въ случаѣ полной невозможности обойтись безъ ихъ содѣйствія*" (курс. нашъ).

Далѣе при оказаніи помощи евреямъ рекомендуется принимать въ разсчетъ всѣ пожертвованія, которыя евреи получаютъ изъ другихъ источниковъ, чтобы „христіанское населеніе не было обижено, а евреи не получали бы двойную помощь".

Итакъ, считаясь съ неоднократно выраженными желаніями жертвователей изъ Россіи, руководители Центр. Обыв. комитета соглашаются на помощь евреямъ, тщательно оговаривая различныя ограниченія въ оказаніи этой помощи (вычеты въ размѣрѣ суммъ, выдаваемыхъ еврейскими организаціями, раздача пособій евреямъ только изъ суммъ, получаемыхъ *извнѣ*), и въ организаціонномъ отношеніи только въ *крайнихъ случаяхъ* прибѣгая къ содѣйствію еврейскихъ благотворительныхъ организацій.

Лучшую характеристику отношеній польскихъ антисемитовъ къ участію евреевъ въ общемъ дѣлѣ помощи жертвамъ войны даетъ краткая, но поучительная исторія такъ называемой „секціи для потребностей еврейскаго населенія", образованной при центральномъ обывательскомъ комитетѣ. Когда въ русской печати въ связи съ массовыми сборами во многихъ городахъ Россіи въ пользу разоренной Польши былъ поднятъ вопросъ о необходимости распредѣлять собираемыя средства между всѣми пострадавшими жителями Польши, *безъ различія вѣроисповѣданія и національности*, и выражено удивленіе по поводу того, что заправилы польскихъ обывательскихъ комитетовъ отстраняютъ отъ дѣла помощи населенію евреевъ, центральный обывательскій комитетъ, въ видѣ уступки общественному мнѣнію русскихъ прогрессивныхъ круговъ, постановилъ образовать при себѣ еврейскую секцію, которая должна была служить для русскихъ жертвователей гарантіей въ томъ, что доставляемыя ими средства доходятъ и до евреевъ. Но эта еврейская секція въ дѣйствительности оказалась чистой фикціей. Начать съ того, что въ составѣ этой секціи изъ 10 человѣкъ оказалось всего 4 еврея, да и то изъ числа т. наз. „поляковъ моисеева закона", остальные шестеро—поляки. Но не это самое главное. Когда секція единогласно выработала для Цент. Обыв. Комитета проэктъ организаціи помощи еврейскому населенію при провинціальныхъ обывательскихъ комитетахъ, путемъ образованія еврейскихъ секцій при нихъ, центр. комитетъ безъ всякой мотивировки отклонилъ этотъ проектъ. Послѣ переговоровъ, длившихся цѣлый мѣсяцъ и ни къ чему не приведшихъ, четверо еврейскихъ членовъ секціи вышли изъ нея, считая невозможнымъ дальнѣйшую работу при

условіи отстраненія отъ дѣла помощи населенію еврейскихъ общественныхъ элементовъ. Надо помнить, что эти четыре еврея принадлежатъ къ числу той группы польскихъ евреевъ, которые склонны итти на всякіе компромиссы съ польскими націоналистами. Но и имъ стало не въ моготу работать на такихъ унизительныхъ условіяхъ. Послѣ выхода этихъ четырехъ лицъ еврейская секція прекратила свое существованіе, будучи распущена Центр. Обыв. Комитетомъ.

Приведенныхъ фактивъ достаточно—а ихъ можно было бы привести въ гораздо большемъ количествѣ,—чтобы убѣдиться въ націоналистически—антисемитскомъ направленіи обывательскихъ комитетовъ *).

Другая отличительная черта польскихъ обывательскихъ комитетовъ, до извѣстной степени опредѣляющая ихъ націонализмъ,—это ихъ узкій въ соціальномъ отношеніи составъ и проникающія ихъ антидемократическія тенденціи. Послѣднія особенно ярко сказались въ ихъ отношеніи къ демократическимъ организаціямъ, возникшимъ параллельно съ обывательскими комитетами для оказанія помощи пострадавшимъ отъ войны. Въ Польшѣ, какъ извѣстно, въ связи съ военными дѣйствіями, экономическая жизнь пришла въ разстройство въ гораздо большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Россіи.

И однако обывательскіе комитеты не пришли сразу на помощь потерявшимъ вслѣдствіе войны работу безработнымъ. По крайней мѣрѣ, какъ сообщалъ въ свое время корреспондентъ газ. „Рѣчь", рабочіе строительнаго производства г. Варшавы, члены проф. союза (см. отд. „По Россіи и заграницей") приняли резолюцію, въ которой говорилось между прочимъ:

„принимая во вниманіе, что существующія учрежденія по оказанію помощи безработнымъ, равно какъ и „обывательскіе комитеты", въ виду ихъ оторванности отъ рабочихъ и филантропическаго характера, не въ состояніи бороться съ ростущей нуждой среди безработныхъ, собраніе приходитъ къ выводу, что только учрежденіе, созданное самими рабочими, могло бы хотя бы частично помочь растущей нуждѣ".

Мы не знаемъ, удалось ли варшавскимъ строительнымъ рабочимъ добиться разрѣшенія рабочаго комитета по оказанію помощи пострадавшимъ отъ войны и, въ частности, безработнымъ. Но газеты сообщали объ энергичной работѣ другихъ варшавскихъ профессіональныхъ союзовъ, организовавшихъ рядъ „кухонь"—столовыхъ, въ которыхъ безработные безплатно или за дешевую плату получаютъ обѣды. Въ виду недостатка матеріальныхъ средствъ представители этихъ са-

*) Какъ распространенъ антисемитизмъ въ польскомъ обществѣ, видно изъ того, что въ Варшавѣ образовался еврейскій санитарный комитетъ, т. к. „польскій санитарный комитетъ, по соображеніямъ политич. характера, отказался принимать еврейскихъ санитаровъ. Сотни евр. молодежи обоего пола, предложившихъ свои услуги польск. санит. комитету, получили отказъ". („Н. Восх." № 48 стр. 20).

моуправляющихся кухонь вступили въ переговоры съ варшавскимъ обывательскимъ комитетамъ объ оказаніи матеріальной помощи кухнямъ. Комитетъ согласился на матеріальную помощь, но отказался принять условія, предложенныя кухнями, т. е. представительство послѣднихъ въ организаціяхъ обывательскаго комитета. Какъ сообщали варшавскія газеты, „соглашеніе не достигнуто. Переговоры прекращены". Между буржуазнымъ обывательскимъ комитетомъ и самоуправляющимися рабочими кухнями возникъ на этой почвѣ рѣзкій конфликтъ. Въ отвѣтъ на обвиненія народовской антисемитской газеты „Газета Поранняя" („Два гроша"), делегаты рабочихъ кухонь въ газетѣ „Гонецъ" писали, что они во время переговоровъ стремились не къ „установленію связи съ обывательскимъ комитетомъ, а къ полученію отъ него средствъ для рабочихъ". Въ глазахъ широкихъ слоевъ населенія варшавскій обыв. комитетъ „дискредитированъ съ самаго начала". Обвиненія организаторовъ рабочихъ кухонь въ прислуживаніи еврейскимъ націоналистамъ есть „продолженіе постоянныхъ и напрасныхъ усилій опозорить въ глазахъ зараженнаго антисемитизмомъ общества работу рабочихъ" (См. газ. „Рѣчь").

Недавно въ польскихъ и русскихъ газетахъ было напечатано воззваніе „Польскаго Національнаго Комитета" въ Варшавѣ, поставившаго себѣ въ тяжелый историческій моментъ, переживаемый краемъ, быть политическимъ представителемъ польскаго народа. И содержаніе воззванія, и составъ комитета говорятъ о томъ, что онъ не только не представляетъ интересовъ всей польской національности, но, даже въ предѣлахъ польскаго буржуазнаго общества, объединяетъ только его самую правую, крайне націоналистическую часть, группирующуюся вокругъ партій реальной политики и народовой демократіи.

Характерно, между прочимъ, что во всемъ воззваніи, говорящемъ о возрожденіи польской націи, ни слова ни упоминается о такомъ жгучемъ и остромъ вопросѣ, какъ еврейскій.

Въ составѣ національнаго комитета мы встрѣчаемъ имена бывшихъ и настоящихъ депутатовъ: Дмовскаго, Грабскаго, Гарусевича, Яронскагои т. д., извѣстныхъ своимъ антисемитизмомъ и узкимъ націонализмомъ; въ немъ отсутствуютъ даже такіе умѣренные и видные польскіе общественные дѣятели, какъ депутатъ Парчевскій, Жуковскій и т п.

Не удивительно, что воззваніе національнаго комитета было встрѣчено болѣе, чѣмъ сдержанно, польской прессой различныхъ оттѣнковъ. Привѣтствуя самую идею организаціи комитета, всѣ органы, не принадлежащіе къ партіямъ реалистовъ и народовцевъ, критикуютъ способъ его образованія и выражаютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ станетъ, чѣмъ долженъ былъ быть. Такъ, прогрессивный „Курьеръ Поранній" „съ искреннимъ сожалѣніемъ" констатируетъ, что этотъ серьезный шагъ

„предпринятъ на собственный рискъ и страхъ двумя партіями, съ дѣятельностью которыхъ онъ въ теченіи 10 лѣтъ велъ рѣшительную и принципіальную борьбу. Не время въ настоящій моментъ разбираться въ томъ, почему такъ случилось и почему оказалось невозможнымъ собрать подъ воззваніемъ имена представителей всѣхъ теченій польской политической мысли . . . Народу предстоитъ оцѣнить, сможетъ ли онъ принять на свой счетъ дѣятельность комитета или же придется поставить ее исключительно въ счетъ комитета. Болѣе, чѣмъ правдоподобно, что намъ придется занять по отношенію къ этой дѣятельности оппозиціонное положеніе".

Другой прогрессивный органъ „Новая Газета" заявилъ:

„Мы считаемъ долгомъ указать, что, вопреки первоначальнымъ намѣреніямъ иниціаторовъ, комитетъ является не широкій консолидаціей, а исключительно образованіемъ группъ, близко стоящихъ къ народовой демократіи и партіи реальной политики".

Остальные прогрессивные польскіе органы высказались въ подобномъ же смыслѣ. Даже близко стоящій къ народовцамъ, безпартійный „Курьеръ Варшавскій" писалъ:

„Нашимъ желаніемъ было, однако, видѣть составъ этого руководящаго органа болѣе полнымъ. Къ сожалѣнію, мы знаемъ, что этого добиться не удалось . . Мы не желаемъ еще терять надежды на то, что наши ожиданія сбудутся".

Наконецъ, въ варшавской газетѣ „Goniec" (номеръ отъ 30 ноября) опубликовано слѣдующее заявленіе:

„Мы узнали изъ газетъ, что 27 князей, графовъ и разныхъ пановъ націоналъ-демократовъ или партіи реалистовъ образовали 12 ноября какой-то комитетъ, названный „національнымъ", заявившій въ своемъ воззваніи, что считаетъ себя общенаціональной организаціей, „выражающей общее стремленіе народа въ мысли и дѣйствіи". Принимая во вниманіе, что несчастьемъ нашего народа всегда было то, что горсть князей, графовъ и пановъ считала себя отвѣтственной за политику страны и представляла „верховныя стремленія народа въ мысли и дѣйствіи", что политическая и общественная организація народа должна быть глубоко и искренно демократической, ибо только это можетъ обезпечить развитіе нашей общественной и національной жизни; что, наконецъ, лица, подписавшіяся подъ воззваніемъ самозваннаго комитета, своей прежней дѣятельностью не даютъ наименьшей гарантіи въ томъ, что смогутъ повести національныя дѣла въ желательномъ для народа духѣ,—крестьяне-людовцы изъ разныхъ концовъ края поручили нижеподписавшимся заявить публично, что сознательные крестьяне-людовцы не признаютъ за народово-демократически-панскимъ комитетомъ права говорить отъ имени всего польскаго народа и не считаютъ этотъ комитетъ національнымъ представительствомъ".

Подъ изложеннымъ заявленіемъ имѣется 22 подписи, принадлежащія руководителямъ крестьянскаго движенія въ Польшѣ, объединеннаго вокругъ органа „людовцевъ" „Zaranie".

Относительно слабый откликъ, какой встрѣтило предпріятіе поляка Горчинскаго, предложившаго сформировать польскіе добровольческіе отряды, въ противовѣсъ ориентирующимся на Австрію легіонамъ польскихъ „соколовъ", тоже объясняется тѣмъ, что оно исходило отъ небольшой группы лицъ, близкихъ къ дѣятелямъ „Національнаго Комитета", не пользующихся довѣріемъ въ массахъ польскаго населенія.

Окрыленные мечтой о возсозданіи единой Польши польскіе реалисты и народовцы, своимъ узкимъ націонализмомъ и политической исключительностью, направленными противъ евреевъ и противъ польской демо-

кратіи, изолируютъ себя отъ болѣе широкихъ народныхъ массъ Польши и ея болѣе прогрессивныхъ элементовъ, подрубая тотъ сукъ, на которомъ они, благодаря благопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, такъ горделиво усѣлись.

Ниже мы увидимъ, что ихъ политика и тактика въ вопросѣ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ въ такой же степени изолируетъ ихъ отъ лучшихъ элементовъ русскаго общества.

II.

Однимъ изъ самыхъ злыхъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ современная Польша, является національная вражда и развивающаяся на ея почвѣ борьба между ея польскимъ и еврейскимъ населеніемъ.

Вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ имѣетъ свою длинную исторію. Война не впервые поставила его; она лишь обострила эти отношенія и обратила на нихъ всеобщее вниманіе.

Въ настоящей статьѣ мы не можемъ касаться историческихъ корней происходящей въ современной русской Польшѣ національной борьбы между евреями и поляками; укажемъ только на то, что эта *національная* борьба, какъ и всякая національная борьба, находитъ себѣ объясненіе въ соціально—экономическихъ противорѣчіяхъ различныхъ группъ обоихъ народовъ, только обостряемыхъ, но не порождаемыхъ принадлежностью ихъ къ двумъ различнымъ національностямъ или даже расамъ *Не* національные корни этой національной борьбы со стороны поляковъ, видны какъ изъ того, что, напр. антисемитизмъ, какъ идеологическое вырожденіе этой борьбы, охватилъ далеко не всѣ слои польскаго общества, оставивъ почти внѣ своего вліянія часть городскихъ массъ, такъ и изъ того, что характерной формой борьбы поляковъ съ евреями сталъ въ послѣдніе годы экономическій бойкотъ, преслѣдующій чисто экономическія цѣли—парализованіе еврейской торговли.

Антисемитскія настроенія преобладаютъ послѣ 1905 года въ средѣ польскаго „общества“ и польской интеллигенціи. Но особенно ярко они сказались во время выборовъ въ IV Гос. Думу и послѣ нихъ. Польскія политическія партіи, не считая невліятельныхъ на выборахъ соціалистовъ, дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы не пропустить въ Думу отъ губерній Царства Польскаго евреевъ. Это имъ, однако, не вездѣ удалось. Въ Лодзи, гдѣ большинство выборщиковъ оказалось евреями, въ Думу былъ избранъ еврей Бомашъ. Въ Варшавѣ въ коллегіи выборщиковъ евреи тоже оказались въ небольшомъ большинствѣ. Но выбрать отъ столицы Польши еврея еврейскія партіи не рѣшались, боясь этимъ оскорбить польское національное чувство и обострить и безъ того враждебныя чувства поляковъ къ евреямъ. Тщетно искали они въ средѣ польскихъ выборщиковъ Варшавы хоть одного поляка—не антисемита. Ни въ одной изъ польскихъ партій, даже изъ числа „прогрессивныхъ“, они не нашли ни одного кандидата, который согласился бы взять на себя обязательство отстаивать въ Думѣ равноправіе евреевъ. Такого выборщика они нашли лишь въ лицѣ кандидата рабочихъ—польскаго соціалиста Ягелло, который, послѣ нѣкоторыхъ колебаній еврейскихъ выборщиковъ, и былъ избранъ депутатомъ отъ Варшавы.

Избраніе отъ Лодзи еврея, а отъ Варшавы рабочаго—соціалиста вызвало ярость среди польскихъ націоналистовъ и антисемитовъ. Съ этихъ поръ въ Польшѣ начинается вакханалія антисемитизма, какой она раньше не знала. Открыто провозглашается лозунгъ экономическаго бойкота евреевъ. „Не покупайте въ еврейскихъ лавкахъ и еврейскихъ издѣлій“—таковъ боевой кличъ польскихъ антисемитовъ. Экономическій бойкотъ сталъ широко примѣняться въ Польшѣ, и антисемитская агитація среди темныхъ крестьянскихъ и городскихъ массъ кое гдѣ привела къ погромамъ еврейскаго населенія.

Въ этотъ именно періодъ популярный прогрессивный польскій беллетристъ и публицистъ А. Свентоховскій бросаетъ крылатое выраженіе „евреи—это бродячія крысы, которыхъ нужно уничтожать“.

Узко націоналистическая политика проводилась польскимъ коло и въ IV Гос. Думѣ, гдѣ они рѣшительно отстаивали ограниченіе правъ евреевъ въ городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ и на этой почвѣ устами депутата Гарусевича открыто разрываютъ съ представителями оппозиціонныхъ русскихъ партій. *)

Такое настроеніе среди поляковъ наблюдается до самой войны, вызывая въ видѣ реакціи, усиленіе націоналистическихъ теченій среди польскаго еврейства.

Война, породивъ взрывъ національныхъ чувствъ среди поляковъ, не могла не обострить нхъ національной вражды къ евреямъ. Почувствовавъ себя до нѣкоторой степени господами положенія въ краѣ, имянниниками сегодняшняго дня, польскіе націоналисты съ еще большею энергіей, чѣмъ до сихъ поръ, повели антисемитскую кампанію.

Экономическій бойкотъ во время почти полной пріостановки экономической жизни въ краѣ показался недостаточнымъ. Противъ евреевъ былъ выдвинутъ новый „навѣтъ“—обвиненіе ихъ въ нелояльности по отношенію къ русской арміи, пособничествѣ нѣмцамъ, шпіонажѣ и т. п. Понятно, какую благодарную почву могли найти эти сѣмена національной вражды въ той обстановкѣ и условіяхъ, какія имѣются на лицо въ Польшѣ, часть которой находится въ рукахъ непріятеля, многіе города которой послѣ ужасныхъ боевъ по нѣсколько разъ переходили отъ русскихъ къ нѣмцамъ и обратно, а другіе превратились въ груды развалинъ, въ „мертвые“ города.

*) Его слова по адресу русской оппозиціи „Безъ радости была любовь, разлука будетъ безъ печали“.

Тщетно еврейское населеніе и его офиціальныя организаціи обнаруживали свою полную лояльность и патріотизмъ *).

Это не задѣвало сознанія охваченныхъ націоналистическимъ антисемитизмомъ широкихъ круговъ польскаго населенія, вѣрившихъ каждому вздорному слуху, пущенному какой ниб. демагогической „Двухгрошвкой“ или подобнымъ уличнымъ листкомъ.

Евреи сигнализируютъ нѣмцамъ; евреи выдаютъ нѣмецкимъ офицерамъ расположеніе русскихъ войскъ; евреи при занятіи непріятелемъ русскихъ городовъ всячески угождаютъ завоевателямъ. Такія и тому подобныя обвиненія по адресу евреевъ раздавались и раздаются со столбцовъ польской націоналистической прессы и доносятся представителямъ русской власти и арміи при возвращеніи ихъ во вновь отвоеванныя отъ нѣмцевъ города и мѣстечки Польши.

Въ большинствѣ случаевъ еврейскому населенію удавалось безъ особеннаго труда установить лживость всѣхъ этихъ доносовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этого не удалось сдѣлать и многіе евреи заплатили за это своей жизнью и состояніемъ. Но хуже еще было то, что, даже если отдѣльныя обвиненія падали, какъ ни на чѣмъ не обоснованныя, въ сознаніи польскаго населенія все глубже укоренялась мысль о предательствѣ евреевъ, какъ націи. Навѣтъ воспринимался легко и цѣлая нація оказалась заподозрѣнной въ гнуснѣйшемъ преступленіи.

Эту антисемитскую кампанію, которую съ особенной энергіей повела пресса народовой демократіи, еврейскій органъ (на рус. яз.) „Новый Восходъ“ характеризовалъ слѣд. образомъ: (№ 35 стр. 5)

„Шляхетско—клерикальная Польша всю свою политическую дѣятельность направляетъ исключительно къ тому, чтобы во чтобы то ни стало дискредитировать лояльность еврейскаго населенія и этимъ прикрыть тяжелыя прорѣхи въ своей собственной позиціи. . . . . Агенты народовой демократіи изо дня въ день повсемѣстно распространятъ самые невозможные слухи о еврейской якобы нелояльности. Такими инсинуаціями эти господа пытаются, съ одной стороны, вызвать подозрительное отношеніе къ евреямъ со стороны администраціи и арміи, а съ другой, погромное отношеніе со стороны польскихъ темныхъ массъ. И, повидимому, эта пропаганда начинаетъ приносить плоды“.

*) Лояльность еврейскаго населенія засвидѣтельствована, кромѣ многихъ офиціальныхъ представителей власти, такими не склонными симпатизировать евреямъ лицами, какъ А. И. Гучковъ и В. М. Пуришкевичъ. Гучковъ въ разговорѣ съ представителями лодзинской еврейской общины заявилъ:

„Сильное выраженіе патріотическаго чувства мнѣ пришлось наблюдать у еврейскаго населенія, общее воодушевленіе и грандіозныя манифестаціи въ синагогѣ произвели на меня сильное, незабываемое воечатлѣніе. Я не представлялъ себѣ ничего подобнаго. Я вижу здѣсь такое самоотверженіе еврейскаго населенія, которое заслуживаетъ полнѣйшаго признанія. Что касается слуховъ, которые распространяются относительно евреевъ и нѣмцевъ, то я убѣдился, что въ нихъ нѣтъ ни слова правды“.

В. М. Пуришкевичъ въ своемъ докладѣ „русскому собранію“ въ Петроградѣ говорилъ:

„Евреи живо откликнулись на потребности войны. Въ Бѣлостокѣ они организовали отрядъ санитаровъ съ повязками краснаго креста на рукахъ; они работаютъ весьма усердно“.

За словомъ послѣдовало „дѣло“.

Картина преслѣдованій евреевъ въ связи съ обвиненіемъ ихъ въ нелояльности рисуется въ слѣд. видѣ (приводимъ рядъ фактовъ, напечатанныхъ въ „Разсвѣтѣ“, „Новомъ Восходѣ“ и др. органахъ печати).

Радомъ. Какъ только городъ оказался снова въ русскихъ рукахъ „доносчики принялись указывать на невинныхъ евреевъ, которые якобы спрятали у себя нѣмцевъ и агитировали по этому поводу въ городѣ съ цѣлью вызвать негромъ“. „Начался грабежъ еврейскихъ лавокъ. Ни милиція, ни ксендзы, сопутствовавшіе ей, не могли остановить погромъ“. По указанію одного изъ драгунъ, раненыхъ неизвѣстно кѣмъ изъ-за угла, Сокольскаго, что „евреи показали нѣмцамъ, гдѣ онъ спрятался, были арестованы три еврея, Ф. Данцигеръ, Г. Санкевичъ, и Эйзманъ и по приговору военно-полевого суда повѣшены въ ближайшемъ лѣсу . . . . 9-го сент. прибылъ въ Радомъ начальникъ гарнизона; казацкій войсковой старшина принялъ еврейскую депутацію, и съ его пріѣздомъ въ городѣ воцарилось полное спокойствіе“. Послѣ этого еврейская депутація представлялось вернувшемуся губернатору и обратила его вниманіе „на фатальное недорозумѣніе, происшедшее при повѣшеніи вышеупомянутыхъ трехъ евреевъ“. Губернаторъ заявилъ депутаціи, что имъ приняты всѣ мѣры для защиты евреевъ и что „лояльность евреевъ ему вполнѣ извѣстна“.

На ст. *Горшковицы* нѣсколько обывателей извѣстили русскаго генерала о предательствѣ евреевъ „и тотъ не пожелалъ принять еврейской депутаціи, хотѣвшей выразить свою радость по поводу возвращенія русскихъ войскъ“ *).

Въ *Петроковѣ* „Пострадало нѣсколько еврейскаго лавокъ, а мѣстная (польская) печать дошла до того, что подверглась даже карамъ со стороны администраціи“ **).

Въ пограничроиъ городѣ *Бродахъ* по словамъ корреспондента умѣренно-націоналистическаго „Кіевлянина“ разыгралась слѣд. исторія: „Когда наши казаки, никого не трогая, вошли въ Броды, кто-то выстрѣлилъ изъ окна и убилъ казачьяго офицера. Затѣмъ, говорятъ, посыпались еще выстрѣлы. Тогда приказано было войскамъ выйти изъ города и заработали гранаты. Въ полчаса кварталъ былъ снесенъ. Въ убійствѣ нашего офицера обвиняли дочь хозяйки гостинницы „Бристоль“ дѣвушку 19 лѣтъ, еврейку. Ее и ея двухъ братьевъ тогда же убили. Старуха-мать осталась въ живыхъ—ее не тронули. Она клянется, что дочь ея не виновата. Можно себѣ представить состояніе несчастной

*) См. „Нов. Восходъ“ № 36 стр. 11, „Разсвѣтъ“ № 61 и ст. „Ларскаго“ въ „Совр. Мірѣ“ Ноябрь стр. 154-55.

**) „Нов. Восходъ“ № 36 стр. 14.

матери. При видѣ ея нечеловѣческихъ страданій становится ясной ужасная правда невиновности ея дочери".

Изъ *Друскеникъ* корреспондентъ „Нов. Восхода" (№ 42 стр. 13—14.) сообщаетъ: „8 сентября вступилъ въ городъ отрядъ русскаго войска. Еврейское населеніе съ полной готовностью уступило свой праздничный обѣдъ . . . . Отношеніе солдатъ къ евреямъ было не вполнѣ дружественное. Вечеромъ въ среду во дворѣ дома Куксеса раздался револьверный выстрѣлъ. Дочь Куксеса вышла въ дворъ справится, и узнала, что это стрѣлялъ, вѣроятно нечаянно, офицеръ, который съ нѣсколькими сотнями солдатъ квартировалъ въ ея дворѣ. Между тѣмъ нашлись люди, которые „объяснили" выстрѣлъ тѣмъ, что де Куксесъ укрываетъ нѣмцевъ, которые стрѣляютъ. На этомъ основаніи окружили домъ и обыскали всѣхъ живущихъ-разумѣется, безразультатно".

Когда непріятель приближался къ городу и еврейское населеніе бѣжало, „дворникъ-полякъ, вкупѣ съ многими, оставшимися неизвѣстными, занялись „реквизиціей" еврейскаго имущества".

„Въ интересныхъ „Письмахъ съ пути" Х. Израэля, помѣщенныхъ въ 43—49 №№ „Нов. Восхода" читаемъ о слѣд. фактахъ:

въ *Вольковышкахъ* послѣ занятія города русскими войсками „вылѣзла изъ своихъ норъ мѣстная чернь и стала натравливать на евреевъ солдатъ и вернувшееся начальство. Для еврейскаго населенія настали дни неизбѣжной нравственной муки". ("Н. В." № 43.)

въ *Маріамполѣ* Сувалк. губ. во время встрѣчи русскихъ войскъ еврейской депутаціей съ хлѣбомъ-солью санитаръ-полякъ Боровскій заявилъ, что евреи хлѣбомъ и солью встрѣчали и германцевъ. Въ отвѣтъ на протесты членовъ депутаціи Боровскій заявилъ; „я это докажу". „На солдатъ и офицеровъ это произвело огромное впечатлѣніе". Въ результатѣ изъ Маріамполя масса евреевъ выселялось въ качествѣ бѣженцевъ, хотя въ городѣ оставались русскія войска („Н. Вос." № 43).

Въ мѣстечкѣ *Рачка* солдаты, по навѣту поляковъ, говорили евреямъ, у которыхъ нѣмцы передъ уходомъ изъ мѣстечка отобрали весь хлѣбъ и табакъ: „для нѣмцевъ хватило, а для насъ у васъ ничего нѣтъ". Нѣсколько еврейскихъ купцовъ арестовано по обвиненію въ доставкѣ нѣмцамъ керосину, помощи въ собираніи контрибуціи съ крестьянъ, держаніи у себя на постоѣ нѣмцевъ и т. п.

Въ г. *Шучинѣ* Ломжинск. губ., „изъ евреевъ арестованныхъ и сосланныхъ въ Вятскую губ. (на основаніи подобныхъ же подозрѣній) относительно 5 уже состоялось распоряженіе о возвращеніи ихъ изъ ссылки". Одинъ изъ нихъ старикъ Іосель Бернштейнъ былъ сосланъ за то, что онъ „угостилъ нѣмецкаго солдата сигарой", Его дочери удалось доказать неосновательность обвиненія и онъ былъ возвращенъ изъ ссылки. („Н. Восходъ" № 45 стр. 15—16).

Въ *Граевѣ* „поляки, когда наши войска, по мановеніи 13 ужаснѣйшихъ дней (хозяйничанья въ городѣ нѣмцевъ) вытѣснили нѣмцевъ, стали всячески услуживать нашимъ солдатикамъ, убѣждая, что евреи радушно приняли нѣмцевъ. Кончилось тѣмъ, что нѣкоторыхъ евреевъ арестовали ни за что". А между тѣмъ послѣ вторичнаго занятія города нѣмцами городъ былъ сожженъ и евреямъ пришлось бѣжать въ Бѣлостокъ. („Н. В." № 46).

Въ *Юзефово* Люблинск. губ. вскорѣ послѣ занятія его русскими войсками поляки стали призывать къ еврейскому погрому: „24 авг. по городу стали раздаваться крики избиваемыхъ и разворяемыхъ евреевъ",

Раввинъ обратился за содѣйствіемъ къ властямъ. Комендантъ заявилъ ему, что согласно доносу евреи спрятали въ погребахъ австрійское оружіе, но „обѣщалъ принять мѣры для возстановленія порядка". Но „пока велись переговоры, погромъ продолжался. Въ тотъ же день евреи Юзефова разбѣжались. Нищіе и голодные бродятъ они по уцѣлѣвшимъ селеніямъ Люблинской губ." (Н. Восходъ" № 48 стр. 23-24).

Въ *Красникъ*, 2 сент. вступили русскія войска, послѣ ухода австрійцевъ. Въ городѣ ощущалась сильная дороговизна на продукты первой необходимости и на этой почвѣ начались обвиненія евревъ въ возвышеніи цѣнъ. „Въ самомъ городѣ, благодаря мѣрамъ военныхъ властей, эксцессы на почвѣ дороговизны были подавлены, но на окраинахъ послѣдовалъ жестокій разгромъ лавокъ, частныхъ квартиръ".

Другіе корроспонденты „Н. Восхода", сообщаютъ факты, подобные тѣмъ, которые мы только что привели со словъ Х. Израэля, лично говорившаго съ многочисленными еврейскими бѣженцами.

Въ *Таурогенѣ* Ковенск. губ, евреи Гиткинъ, Рабиновичъ и Шерешевскій были арестованы „по обвиненію въ содѣйствіи непріятелю", выразившемся въ доставкѣ нѣмцамъ фуража. „За отсутствіемъ объективныхъ данныхъ ихъ не предали суду, а подвергли первыхъ двухъ тѣлесному наказанію (по 25—35 ударовъ). Старикъ Шерешевскій избѣгъ унизительнаго наказанія. Всѣ трое по распоряженію властей высланы изъ Таурогена на время военныхъ дѣйствій" (см „Н. Вос." №43).

„Въ одно изъ мѣстечекъ Люблинской губ. пишетъ въ 50-51 № „Н. Вос." солдатъ-еврей послѣ отступленія австрійцевъ первымъ вступилъ казачій разъѣздъ, а потомъ вошли и мы. И когда мнѣ передали о повѣшенныхъ евреяхъ, и вслѣдъ за тѣмъ я встрѣтилъ шатающихся безъ цѣли по улицѣ ихъ женъ и дѣтей, запуганныхъ, согбенныхъ, съ какимъ то страннымъ звѣринымъ огонькомъ въ глазахъ, сердце мое не выдержало, и я страшно разрыдался".

А вотъ что происходило въ Лодзи. Въ № 246 газеты „Lodzer Tageblatt" отъ 27 окт. 1914 г. съ разрѣшенія военной цензуры напечатано: „Въ продолженіи вчерашняго дня, какъ и сегодня, толпа хулигановъ и подростковъ ходила по улицамъ и грабила еврейскіе магазины. Хулиганы почти совсѣмъ очистили еврейскіе магазины; многіе магазины были закрыты владѣльцами изъ страха.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ за грабежа произошли драки, и евреи были также ранены. Сегодня въ разныхъ улицахъ въ центрѣ города тоже происходили ограбленія еврейскихъ магазиновъ". Въ №248 та же газета сообщаетъ:

„Вчера въ обѣденное время въ районѣ рынка Гаера опять начались ограбленія еврейскихъ лавокъ. Полиція, которой сообщали объ этомъ, немедленно выслала въ упомянутый рынокъ болѣе значительные конные полицейскіе отряды, которые разогнали толпу и арестовали агитаторовъ". Въ №284 газеты сообщается о погромѣ на Николаевской улицѣ, причемъ нѣкоторые торговцы были ранены громилами и нуждались въ вызовѣ каретъ „скорой помощи". Вызванная помощь и милиціонеры разогнали и арестовали четырехъ агитаторовъ. Военный комендантъ города, принявшій еврейскую депутацію, просилъ успокоить еврейское населеніе, обѣщавъ наказать виновниковъ разгрома по законамъ военнаго времени.

И этотъ разгромъ былъ произведенъ, не смотря на то, что обвиняемые поляками въ томъ, что они портятъ телеграфные и телефонные провода, евреи выхлопотали у губернатора разрѣшеніе организовать

охрану телеграфнаго и телефоннаго сообщенія, взявъ на себя всю отвѣтственность за его цѣлость; въ организаціи этой охраны приняло участіе около 500 евреевъ. Въ составѣ лодзинской милиціи, взявшей на себя охрану города въ тяжелые для него дни, евреи составляли около 40%.

Всѣ перечисленные выше факты блѣднѣютъ однако передъ тѣмъ, что пришлось перенести еврейскому населенію Гродзиска, Скерневицъ, Новой Александріи и другихъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ происходилъ полный „исходъ" еврейскаго населенія изъ насиженныхъ мѣстъ, въ результатѣ антиеврейской агитаціи поляковъ.

Вотъ что происходило въ этихъ, ставшихъ историческими, мѣстахъ черты *) Послѣ изгнанія изъ *Гродзиска* нѣмцевъ въ городъ вступили казаки. „7-го октября въ сопровожденіи мѣстныхъ поляковъ, преимущественно юнцевъ и женщинъ, солдаты наши стали искать по домамъ и глав. обр. лавкамъ скрывающихся будто бы тамъ нѣмцевъ. При этомъ хозяевъ удаляли, а помѣщеніе тщательно обыскивали и при этомъ, надо сказать, мѣстные поляки, не оставались въ накладѣ...". „14 октября, неожиданно для всѣхъ насъ, стражники стали обѣгать евреевъ и требовать, чтобъ черезъ 3 часа всѣ мы покинули Гродзискъ. Бросились къ властямъ, но оказалось, что это распоряженіе отмѣнѣ не подлежитъ". За неимѣніемъ повозокъ евреямъ въ числѣ 1500 сем. пришлось итти пѣшкомъ десятки верстъ. „Старъ и младъ, женщины и дѣти, беременныя и родильницы, больные, калѣки—всѣ мы столпились на шоссе за городомъ. Толпа поляковъ провожала криками „до Бейлиса!" до „Палестины" . . . Попытка остановится въ мѣст. Блонѣ бѣженцамъ не удалась и имъ пришлось итти пѣшкомъ до Варшавы, куда они пришли лишь подъ утро.

„Женщины находились въ такомъ необъятномъ страхѣ, что теряли своихъ дѣтей, преждевременно разрѣшались отъ бремени. Уже подъ Варшавой одна женщина обнаружила, что несетъ на рукахъ пустую подушку, а ребенка она выронила гдѣ-то въ полѣ, въ грязи". Многіе не вынесли потрясенія, сошли съ ума. Въ числѣ этихъ бѣженцевъ была старуха 110 лѣтъ. Впослѣдствіи въ виду хлопотъ варшавскаго губернатора, лично ббесѣдовавшаго съ гродзискими бѣженцами въ варшавскихъ пріютахъ, имъ было разрѣшено вернуться домой, гдѣ многіе нашли совершенно разграбленными и разоренными свои жилища.

Та же картина повторилась черезъ нѣсколько дней въ *Скерневицахъ*. Послѣ вступленія русскихъ войскъ комендантъ заявилъ еврейской депутаціи, что у него имѣется множество доносовъ на евреевъ. 17 окт. „магистратъ барабаннымъ боемъ извѣщалъ, что евреи должны покинуть Скерневицы въ 24 часа и направиться по шоссе къ Варшавѣ. Имущество евреевъ съ этой же минуты превратилось въ res nullius (ничье). О подводахъ и думать не могли . . . 18 утромъ Скерневицкіе евреи выступили въ путь. Улюлюканье толпы поляковъ провожало ихъ. По дорогѣ ихъ избили, лишали и тѣхъ не многихъ денегъ, какія они имѣли при себѣ. И 6000 человѣкъ всѣхъ возрастовъ, больные, несчастные, пошли по единственной, разрѣшенной имъ дорогѣ". Такъ какъ Скерневицкимъ бѣженцамъ, подобно гродзискимъ, не разрѣшили остаться въ ближайшихъ городахъ и мѣстечкахъ, имъ пришлось итти до самой Варшавы пѣшкомъ, причемъ въ теченіе двухъ недѣль тянулась

*) См. „Н. Восх" №47 стр. 17-18; № 44 стр. 16.

вереница выселенныхъ евреевъ. По дорогѣ многіе погибли или тяжело заболѣли.

Такой же „исходъ" евреевъ былъ и изъ Мышинца. Ломжинс. губ. Здѣсь было выселено 300 семействъ, которымъ первую ночь пришлось провести на сырой землѣ въ полѣ. „Всѣ мышенецкіе евреи—пишетъ Х Израэль („Н. Восх. №46 стр. 18) запомнятъ эту ночь изгнанія, когда они, дрожа отъ холода, стуча зубами, читая псалмы, съ грудными дѣтьми на рукахъ нетерпѣливо ждали появленія зари, чтобы двинуться дальше".

Впослѣдствіи въ судьбѣ мышенецкихъ евреевъ принялъ участіе ломжинскій губернаторъ. Онъ выхлопоталъ для нихъ разрѣшеніе вернуться обратно, но было уже поздно, т. к. все мѣстечко къ тому времени было сожжено и имущество разграблено.

Кромѣ Скерневицъ, Градзиска, и Мышинца евреи были также выселены изъ *Сохачева, Ново-Александріи*, посада *Ирена, Козеницъ, Гнивашова, Мщолова, Хоржеле* и нѣкоторыхъ другихъ мѣстечекъ „черты осѣдлости"

Приводя выше факты погромовъ, насилій и выселенія евреевъ, мы неоднократно указывали, что во многихъ случаяхъ мѣстныя власти заступались за евреевъ и что *главными иниціаторами и вдохновителями всего того, что дѣлалось съ евреями, а иногда и непосредственными физическими виновниками были польскіе антисемиты* *). Еще въ началѣ сентября варшавскій губернаторъ издалъ слѣд. постановленіе:

„До моего свѣдѣнія дошло, что въ настоящее тяжелое время, когда передъ нашими глазами разыгрываются кровавыя дѣйствія великой войны, нѣкоторые злые люди стараются посѣять ненависть среди разныхъ сферъ населенія на почвѣ религіи и національности. Особенная агитація ведется противъ евреевъ. Теперь, передъ лицомъ страшной борьбы съ общимъ врагомъ, переживаемой всѣмъ нашимъ государствомъ, вообще, и нашимъ краемъ, въ частности, должны замолкнуть личные и національные раздоры. Объявляю населенію ввѣренной мнѣ губерніи, что всякія попытки вызвать безпорядки и насилія противъ личности, возбужденіе одной части населенія противъ другой и всякія проявленія насилія противъ личности и имущества будутъ наказываться строго, по законамъ военнаго времени".

Подобное же заявленіе сдѣлалъ гродненскій комендантъ. Петроковскій и радомскій губернаторы принимали еврейскія депутаціи и обѣщали принять мѣры противъ клеветниковъ, распространяющихъ въ народѣ и среди солдатъ слухи объ измѣнничествѣ евреевъ; ломжинскій губернаторъ хлопоталъ о мышенецкихъ бѣженцахъ—евреяхъ, какъ варшавскій о гродзискихъ и т. д.

*) Разумѣется, польскіе антисемиты были только *главными* и *непосредственными* виновниками преслѣдованій евреевъ. Ихъ агитація не имѣла бы успѣха, если бы она не нашла благопріятной почвы, тщательно распаханной всей исторіей еврейскаво вопроса и антисемитизма въ Россіи. Какъ и всегда бываетъ въ подобнихъ случаяхъ, въ борьбѣ поляковъ и евреевъ выгадываетъ только „третій радующійся". Не даромъ русскіе антисемиты изъ „Рус. Знамени" „Земщины", „Новаго Времени" и др. органовъ печати используютъ польско-еврейскій конфликтъ въ интересахъ своихъ и тѣхъ, кому они служатъ.

Внѣ общаго положенія евреевъ въ Россіи агитація польскихъ антисемитовъ не имѣла бы такого значенія и такихъ послѣдствій.

А вотъ фактъ изъ другой области, показывающій, какъ использовали въ своихъ интересахъ польскіе антисемиты преслѣдованіе евреевъ.

Послѣ „исхода“ евреевъ изъ Гродзиска народовская погромная газета „Два гроша“ писала:

„Тѣ мѣста, которыя оставлены теперь евреями, должны немедленно занять христіанскіе купцы и, ведя честную торговлю, добиться того, что всѣ покупатели перейдутъ къ нимъ. Когда же бѣглецы вернутся въ тѣ мѣста, гдѣ раньше вели торговлю, тогда имъ ничего не останется дѣлать“.

Въ написанной съ сильнымъ чувствомъ статьѣ г-на І. К. „Не угашайте вѣры“ въ 44 № „Нов. Восхода“ мы читаемъ такія строки, несомнѣнно отражающія настроеніе еврейскаго населенія въ связи съ вышеописанными нами событіями въ городахъ и мѣстечкахъ черты осѣдлости:

„Если на алтарь родины должны быть принесены наши жертвы жизнью,—берите эти жизни, ибо мы—граждане. Свыше двухсотъ тысячъ еврейскихъ воиновъ выставлены противъ враговъ Россіи; свыше двухсотъ тысячъ евреевъ явились по первому зову. Если нужно больше жертвъ, больше нашихъ жизней—берите: евреи ни отъ какого призыва не уклонятся. Но такихъ жертвъ, какъ скерневицкія, гродзискія и т. п. мы приносить не въ силахъ. Ибо они никому не нужны, не нужны, для цѣлей борьбы за родину. не нужны никому—развѣ только польскимъ клеветникамъ, спекулирующимъ на лжесвидѣтельствѣ.

Мы въ правѣ напомнить всѣмъ тѣмъ, кому дорогъ побѣдный исходъ борьбы, что мы кровью запечатлѣваемъ наше стремленіе къ побѣдѣ на поляхъ битвъ, и что не слѣдуетъ топтать чувства тысячъ людей, въ средѣ которыхъ много отцовъ и братьевъ, матерей и дѣтей тѣхъ же или такихъ же евреевъ Скерневицъ и Гродзиска, какіе геройскіи пали въ сраженіяхъ или сражаются за общее дѣло“.

Таковы взаимныя отношенія, сложившіяся въ ходѣ войны, какъ результатъ національной борьбы между поляками и евреями въ Польшѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г. Ракитинъ.

Международность и война.

Статья К. Каутскаго (перев. съ нѣмецк.) *).

1. Международность и нейтралитетъ.

Съ различныхъ сторонъ, даже со стороны отдѣльныхъ нашихъ единомышленниковъ, раздаются голоса, что соціалдемократія потерпѣла въ настоящей войнѣ тяжелое пораженіе. Конечно, въ оцѣнкѣ пораженія эти критики расходятся: одни полагаютъ, что наша программа и наша тактика оказались ошибочными, что нужна „новая оріентировка“ („Neuorientierung“) партіи. Другіе,

*) „Zeue Neit“ № 8 отъ 7 ноября 1914 г.

наоборотъ, полагаютъ, что наша программа и основы нашей тактики были правильными, но партія своими дѣйствіями во время войны отошла отъ нихъ.

Объ этомъ многое можно будетъ сказать послѣ окончанія войны, когда станетъ возможной открытая дискуссія. Но уже и сейчасъ было бы небезполезно констатировать, что эта критика далеко не всѣми раздѣляется.

Въ самомъ дѣлѣ не вполнѣ ясно, почему наша партія нуждается въ новой оріентировкѣ. Наступленіе войны означаетъ не *банкротство*, но *подтвержденіе* нашихъ теоретическихъ взглядовъ. Именно они побудили насъ признать міровую войну неизбѣжной необходимостью, при условіи, что міровая политика великихъ державъ останется неизмѣненной . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Намъ не въ чемъ раскаиваться, нечего пересматривать. Мы чувствуемъ себя значительно окрѣпшими въ тѣхъ взглядахъ, которые мы раздѣляли до войны.

Серьезнѣе другое обвиненіе: не то, что наши основные взгляды оказались неправильными, но то, что многіе въ нашихъ рядахъ послѣ наступленія войны измѣнили (preisgegeben) этимъ правильнымъ основнымъ взглядамъ. Поведеніе соціалистовъ въ различныхъ воюющихъ странахъ несоединимо де съ основами международной солидарности и убило международное объединеніе.

И объ этомъ мы должны отложить дискуссію до окончанія войны, поскольку она касается отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ. Но теоретическое изслѣдованіе, которое не имѣетъ въ виду какую-нибудь опредѣленную страну, но исходитъ изъ условій, общихъ всѣмъ капиталистическимъ великимъ державамъ, можетъ уже и сейчасъ помочь устранить многія недоразумѣнія, уменьшить многія тренія.

Нѣкоторые полагаютъ, что Интернаціоналъ оказался несостоятельнымъ потому, что ему не удалось помѣшать войнѣ. Эти строгіе критики требуютъ отъ Интернаціонала такого поступка, который до сихъ поръ никѣмъ въ міровой исторіи совершенъ не былъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Не такъ просто обстоитъ дѣло съ другимъ требованіемъ, которымъ мы въ дальнѣйшемъ изложеніи займемся подробнѣе, съ требованіемъ, не принимать участія въ войнѣ (im Kriege nicht Partei ergreifen). Утверждаютъ: кто былъ противъ наступленія войны изъ соображеній международной солидарности, тотъ, послѣ ея наступленія, не долженъ содѣйствовать (Partei ergreifen) той или иной воюющей сторонѣ. Ибо такое содѣйствіе означаетъ признаніе самой войны, посягательство на международную солидарность, которая одинаково цѣнитъ всѣ народы и осуждаетъ всякое враждебное отношеніе къ какому либо народу.

Если бы это было вѣрно, то международная солидарность дѣйствительно была бы окончательно убита войной; но тогда врядъ ли нашелся бы хоть одинъ соціалистъ, который бы могъ

сказать, что онъ стоитъ на почвѣ международной солидарности. Ибо, если есть вообще событіе, по отношенію къ которому нельзя оставаться равнодушнымъ, которое буквально заставляетъ активно и страстно вмѣшаться (Partei ergreifen), такъ это именно война. Даже въ нейтральныхъ странахъ большинство соціалистовъ вѣроятно высказались въ пользу той или другой борющейся стороны. Нейтралитетъ означаетъ только обязанность воздержаться отъ всякой партійности (Parteinahme) посредствомъ практическихъ дѣйствій, но вовсе не обязанность воздерживаться отъ всякой партійности посредствомъ сужденій и пожеланій.

Нѣтъ сомнѣнія: вполнѣ мыслима такая партійность въ войнѣ, которая несоединима съ международностью. Но къ счастью, это относится не ко всякой партійности. Рѣшающимъ здѣсь являются тѣ *мотивы*, на основаніи которыхъ высказываются въ пользу той или другой стороны (Partei ergreift). Кто руководствуется положеніемъ: Riht or wrongg, my country—право или не право мое отечество, я во всякомъ случаѣ стою на его сторонѣ тотъ несомнѣнно не считается съ международной солидарностью, если онъ вообще когда либо ее признавалъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло, если, высказываясь въ пользу той или другой воюющей стороны исходитъ не изъ интересовъ государства, а изъ интересовъ всего рабочаго класса, спрашивая себя: чья побѣда открываетъ лучшія перспективы для прогресса нашего дѣла не только въ собственномъ государствѣ, но и во всемъ мірѣ? Какимъ бы ни былъ отвѣтъ, онъ никогда не посягнетъ на основные принципы международной солидарности, которая заключается въ томъ, что интересы рабочаго класса одной страны равнозначущи интересамъ рабочаго класса другой; что его движеніе не можетъ длительно развиваться въ одной странѣ, въ то время, какъ въ другой странѣ оно регрессируетъ.

Но международная солидарность не требуетъ безусловно, чтобы отвѣтъ вездѣ былъ одинъ и тотъ же. Наоборотъ, согласный приговоръ всей соціалдемократіи въ случаѣ войны до сихъ поръ достигался только чрезвычайно рѣдко.

Это показываетъ ясно даже бѣглый обзоръ предыдущихъ войнъ.

2. *Разногласія во время войнъ.*

а) *1854—1866 г.г.*

Первая европейская война со времени перваго Наполеона была крымская кампанія (1854/56). Въ этой войнѣ окончательно распался священный союзъ: союзъ правительствъ Россіи, Пруссіи и Австріи въ цѣляхъ обузданія демократіи всей Европы, опредѣлявшій политику Европы съ 1815 г. вплоть до революціи 1848 г. и далѣе. Пруссія осталась во время крымской кампаніи вѣрной Россіи, Австрія занимала колеблющееся положеніе, приближаясь болѣе къ Англіи и Франціи, которыя выступили вмѣстѣ съ Турціей противъ Россіи.

Поведеніе для соціалъ-демократовъ тогда не возбуждало сом-

нѣнія: противъ Россіи, которая только что передъ тѣмъ играла роль несокрушимаго противника революціи. Несмотря на это, уже тогда въ зародышѣ проявились достойныя вниманія разногласія между Лассалемъ, съ одной стороны, и Марксомъ и Энгельсомъ съ другой, разногласія, которыя въ разнообразныхъ варіаціяхъ и до сихъ поръ имѣются въ Интернаціоналѣ. Лассаль видѣлъ въ Австріи величайшее препятствіе для развитія демократіи въ Европѣ, въ то время какъ Марксъ и Энгельсъ видѣли его въ Россіи.

Въ 1854 г. это разногласіе обнаружилось лишь въ ихъ перепискѣ, но зато въ 1859 г., (во время австро-итало-французской войны. *Перев.*) оно нашло себѣ выраженіе въ брошюрахъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ Лассалю, а двѣ Энгельсу. Правда въ то время Россія не выступала открыто противъ Австріи, но Наполеонъ дѣйствовалъ въ согласіи съ ней, объявляя войну Францу Іосифу *).

Марксъ и Энгельсъ рѣшительно стали на сторону Австріи. Они ни на минуту не заблуждались насчетъ слабости дунайской монархіи, которую они отлично знали. Но какъ заслонъ противъ Россіи она казалась имъ незамѣнимой. Въ брошюрѣ „Господинъ Фогтъ“ (1860 г.) Карлъ Марксъ призналъ единственнымъ основаніемъ, „оправдывающимъ государственное существованіе Авст-

*) *Примѣч. переводч.* Война 1859 г. внесла въ итальянское движеніе за національное единство и освобожденіе своихъ сѣверныхъ провинцій изъ подъ австрійскаго господства національный элементъ. Наполеонъ для поддержанія своего внутренняго положенія искалъ популярной войны, съ „цивилизаторской окраской“. Такой войной представлялась ему война съ Австріей за „освобожденіе“ Италіи, тѣмъ болѣе, что въ награду за то онъ выговорилъ себѣ Савойю и Ниццу, которыя Франція, послѣ окончанія войны, дѣйствительно и получила. Для вящшей популярности Наполеонъ произвелъ въ этихъ провинціяхъ референдумъ, причемъ народъ, конечно, высказался въ пользу французскаго господства. „Освобожденныя“ же отъ австрійскаго гнета Ломбардія и Венеція послѣ войны отошли къ Пьемонту (тогда еще не объединенной Италіи).

Во время этой войны и послѣдующихъ (1864, 1866, 1870) для Германіи особенно остро стоялъ вопросъ объ единствѣ. Германское единство было въ то время вопросомъ экономической необходимости. Раздробленная на множество самостоятельныхъ, крупныхъ и мелкихъ княжествъ, лишь слабо связанныхъ реакціоннымъ „союзомъ“, Германія не была въ состояніи нормально, экономически и политически развиваться. Но на пути къ объединенію, помимо „заграницы“, боявшейся появленія новой силы въ средней Европѣ, стояли двѣ крупныя конкурировавшія между собой монархіи, Пруссія и Австрія. Практически вопросъ стоялъ такъ: или Великая Германія, т.-е. объединеніе всѣхъ нѣмецкихъ земель, или Малая Германія, т. е. объединеніе значительной части этихъ земель подъ главенствомъ Пруссіи. Исторія пошла по послѣднему пути. Но въ то время еще шла борьба партій. Сторонники малой Германіи, прусскіе крупные и средніе буржуа, охотно смотрѣли на ослабленіе Австріи, видя въ этомъ залогъ приближенія желанной ими гегемоніи Пруссіи, открывающей имъ широкія перспективы экономическаго развитія. На сторонѣ Великой Германіи, рядомъ съ немногочисленными въ то время демократами, стремившимися къ объединенію всѣхъ нѣмецкихъ земель на основѣ народовластія, находились и всевозможные клерикалы—католики, боявшіеся протестантской Пруссіи, партикуляристы и патріоты мелкихъ княжествъ и пр.

„Само собою разумѣется, пишетъ Мерингъ въ своихъ замѣткахъ къ литературному наслѣдству Маркса, Энгельса и Лассаля, они и ихъ единомышленники рыли совершенно чужды этимъ чисто буржуазнымъ разногласіямъ. Въ хорошемъ смыслѣ этого слова, они были единственными сторонниками Великой Германіи и правильно признавали, что охватывающее всѣ нѣмецкія земли единство возможно только на почвѣ народнаго движенія. Лассаль формулировалъ эту программу: „Великая Германія безъ династіи“. Но о путяхъ къ этому они спорили. Ихъ раздѣляло то, что Марксъ назвалъ „различной оцѣнкой фактическихъ предпосылокъ“

ріи съ середины 18 столѣтія, ея сопротивленіе расширенію Россіи на востокѣ Европы—сопротивленіе безпомощное, непослѣдовательное, трусливое, но постоянное" (Стр. 77). Въ своей брошюрѣ „По и Рейнъ" (1859) Энгельсъ писалъ, что дѣло объединенія и независимости Италіи заслуживаетъ самыхъ горячихъ симпатій. Господство Австріи въ Италіи не можетъ быть длительнымъ. Но всетаки необходимо стать на сторону Австріи, если она борется не съ одной только Италіей, но и съ прислужникомъ Россіи — Наполеономъ, который хочетъ освободить Италію для того, чтобы затѣмъ захватить лѣвый берегъ Рейна. При такихъ условіяхъ владѣнія Австріи въ Италіи получаютъ значеніе „военной позиціи, которую очищаютъ только тогда, когда нельзя болѣе ее удержать. Политичесій вопросъ въ этомъ случаѣ отступаетъ на задній планъ по сравненію съ военнымъ; если на насъ нападаютъ, то мы защищаемся" (стр. 62).

Вскорѣ послѣ войны Энгельсъ опубликовалъ брошюру „Савойя, Ницца и Рейнъ", въ которой защита солидарности Германіи и Австріи противъ Наполеона и Россіи оправдывалась какъ „національное движеніе":

„На одного изъ насъ напалъ тотъ, кто не имѣлъ съ Италіей ничего общаго, но зато имѣлъ тѣмъ большій интересъ въ завоеваніи лѣваго берега Рейна—и противъ этого—Луи Наполеона, противъ традицій первой французской имперіи—мы всѣ должны противостоять вмѣстѣ. Народный инстинктъ почувствовалъ это и онъ былъ правъ.

Но готско-либеральное (gothaisch—liberale) филистерство уже въ теченіи многихъ лѣтъ не считаетъ болѣе нѣмецкую Австрію „однимъ изъ насъ". Для него война была желательной, ибо она могла ослабить Австрію и наконецъ расчистить путь мало-германской или велико-прусской имперіи. Съ нимъ связалась вся масса сѣверо-германской вульгарной демократіи, которая спекулировала на то, что Луи Наполеонъ разгромитъ Австрію и, тѣмъ самымъ, поможетъ ей объединить всю Германію подъ главенствомъ Пруссіи" (Стр. 4,5,)-*).

*) *Примѣч. переводчика.*

Иное было поведеніе Маркса и Энгельса во время австро-италіанской войны въ 1848 г., когда въ атмосферѣ общаго возбужденія Италія поднялась на борьбу за свое національное объединеніе и освобожденіе своихъ сѣверныхъ провинцій отъ господства Австріи. Марксъ кегодовалъ въ то время на поведеніе германскаго національнаго собранія (франкфуртскаго парламента) за его отношеніе къ этой войнѣ. Въ „Новой Рейнской Газетѣ" онъ писалъ:

„Наконецъ нѣмецкое національное собраніе опредѣлило свое отношеніе къ австро-итальянской войнѣ. Какимъ образомъ? Оно провозгласило независимость Италіи? Оно послало курьера въ Вѣну съ приказаніемъ, чтобы Радецкій и Вельденъ немедленно отошли за Изонцо? Оно выразило свои симпатіи Миланскому временному правительству? Нисколько, оно объявило всякое нападеніе на Тріестъ поводомъ войны . . . . . Нѣмецкое національное собраніе не могло вести себя трусливѣе, чѣмъ принимая это рѣшеніе. Оно не имѣло мужества открыто санкціонировать войну съ Италіей. Но еще менѣе у него хватило смѣлости запретить эту войну австрійскому правительству . . . . . Это рѣшеніе косвенное, а, потому, для 40 милліонной націи, какъ германская, вдвойнѣ позорно объявленіе войны Италіи. Это рѣшеніе вызоветъ бурю негодованія въ Италіи . . . . . Но франкфуртскій парламентъ думаетъ, а французскій народъ дѣйствуетъ. Венеція уже обратилась къ французской помощи; послѣ этого призыва французы скоро перейдутъ Альпы, а, затѣмъ, не много пройдетъ времени и они будутъ у Рейна . . . . . Мы очутимся въ счастливомъ положеніи вести войну одновременнно съ Россіей и съ французской республикой . . . . . Если Пруссія боится „временной потери Рейнской провинціи, то Рейнская провинція совсѣмъ уже не боится „постоянной потери" прусскаго госпоцства. Если пруссаки соединятся съ русскими, то нѣмцы сдѣлаютъ это съ французами и вмѣстѣ съ ними поведутъ войну Запада съ Востокомъ . . . .

Совѣмъ иначе смотрѣлъ на этотъ вопросъ Лассаль въ своемъ сочиненіи „Итальянская война и задачи Пруссіи". Онъ относился значительно болѣе враждебно къ Австріи, чѣмъ къ Россіи и Наполеоновскому деспотизму.

„Австрія? Россія естественно варварская страна . . . . . правительство которой стремится цивилизовать ее постолько, посколько это совмѣстимо съ его . . . . . интересами. Варварство имѣетъ здѣсь то оправданіе, что оно является *національнымъ элементомъ*. Совсѣмъ другое дѣло Австрія. Здѣсь *правительство* представляетъ варварскій принципъ *противъ* своихъ народовъ, искусственно и насильственно пригнетая подъ этотъ принципъ свои культурные народы". (Изд, Бернштейна рѣчей и сочиненій Лассаля (I стр.306).

И далѣе.

„Австрія это *реакціонный принципъ*, крѣпкій и послѣдовательный. Поэтому она была всегда опаснѣйшимъ врагомъ освободительныхъ идей. Луи Наполеонъ, какъ личность, деспотъ и тиранъ. Но *принципы*, которыми онъ поддерживаетъ свое правительство, которые онъ всегда и всегда долженъ провозглашать вновь, демократичны" (стр. 310).

Наступательная война Германіи противъ Франціи, даже если бы она была прежде всего направлена противъ бонапартизма, представлялась Лассалю какъ „культурно-историческое несчастіе":

Доброе согласіе между обоими великими культурными народами—нѣмцами и французами—вотъ пунктъ, отъ котораго безусловно зависятъ всѣ политическія свободы, все цивилизованное развитіе Европы, весь ростъ и осуществленіе духовной массы идей, все демократическое развитіе и, поэтому, все развитіе культуры.

Въ этомъ пунктѣ не только судьба одной опредѣленной націи—это вопросъ всей европейской демократіи". (стр. 349). *)

Эта международная точка зрѣнія однако вовсе не побуждала Лассаля осуждать всякую войну. Въ его брошюрѣ заключалось требованіе, чтобы Пруссія объявила войну Даніи для завладѣнія Шлезвигомъ и Гольштиніей. Что Наполеонъ дѣлаетъ въ Италіи, то Пруссія должна сдѣлать на сѣверѣ.

Мы хотимъ единства Германіи, но только при разгромѣ нѣмецкихъ большихъ монархій образуются элементы этого единства. И только въ буряхъ войны и революцій эти элементы смогутъ спаяться". Такимъ образомъ, въ 1848 г. позиція Маркса была за Италію и Францію, противъ Австріи и Пруссіи, за спиной которыхъ стояла Россія.

*) *Прим. переводчика.*

Лассаль считалъ войну 1859 г. безусловно *прогрессивной* и съ точки зрѣнія единства Италіи, и съ точки зрѣнія единства Германіи. По мнѣнію Лассаля, развиваемому имъ въ цитированной Каутскимъ брошюрѣ, и для германской демократіи ни на одинъ моментъ не могло бы возникнуть сомнѣній, къ кому она должна адресовать свои симпатіи. Италія ведетъ справедливѣйшую и священнѣйшую войну, какую когда либо вообще народъ можетъ вести, за свою національную независимость и существованіе . . . . . Но, если задача—освободить Италію отъ австрійскаго ига—великая и цивилизаторская, то она не *менѣе* отвѣчаетъ интересамъ цивилизаціи на томъ основаніи, что Луи Бонапартъ, хотя бы изъ самыхъ жалкихъ побужденій, рѣшился помогать осуществленію этой задачи . . . Мы утверждаемъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, что проповѣдывать сейчасъ войну противъ Италіи и Франціи, съ *де-*

Не сейчасъ, но нѣсколько лѣтъ спустя Пруссія выполнила ту задачу, которую передъ ней ставилъ Лассаль въ 1859 г. Изъ аннексіи Шлезвига и Гольштиніи выросла война 1866 г., до которой Лассаль уже не дожилъ. И въ этой войнѣ позицію Лассаля противъ Австріи защищалъ Швейцеръ. Въ своемъ докладѣ 16 іюня 1866 г. Швейцеръ заявилъ: рабочіе должны принять сторону того государства, которое дало всеобщее избирательное право, а такомъ государствомъ является не Австрія:

„Австрія, господа, Австрія! Слыханное ли дѣло, что право и свобода могутъ быть въ Австріи? Лжецы и обманщики тѣ, которые вамъ говорятъ, что въ Австріи право и свобода... Если намъ удастся побудить прусское правительство итти дальше по пути уступокъ намъ—если обстоятельства сложатся такъ, что базисъ нашихъ дѣйствій окажется только въ Пруссіи, а въ Австріи у насъ, какъ и прежде, будутъ связаны руки, тогда, господа, да тогда мы выскажемся не противъ права и свободы націи, какъ намъ говорятъ лжецы и самонадѣянные болтуны, а противъ австрійскаго правительства и союзнаго хозяйничанія; тогда мы будемъ надѣяться и желать, чтобы побѣда была не у знаменъ Австріи, а у знаменъ Пруссіи, не у знаменъ Бенедека, а у знаменъ Бисмарка и Гарибальди". (Изданіе Меринга политическихъ сочиненій и рѣчей І. В. фонъ-Швейцера стр. 155).

монратической точки врѣнія немыслимо, не совершая сознательной или безсознательной *измѣны* своимъ принципамъ . . . . Принципъ свободныхъ, неза висимыхъ національностей—базисъ и источникъ, мать и корень понятія демократіи.

И, наконецъ, почему, оставляя въ сторонѣ Италію, война противъ Франціи? Опять таки потому, что она взяла въ свои руки италіанское дѣло, слѣдовательно великое и справедливое, цивилизаторское и въ высшей степени демократическое, слѣдовательно, всѣмъ народамъ близкое дѣло!

. . . Какой другой упрекъ мы могли бы направить по ея адресу, какой другой ультиматумъ мы могли бы ей предъявить, кромѣ того, чтобы она оставила итальянскій народъ на произволъ судьбы.

Замѣтьте хорошо! Крикъ: „война съ Бонопартомъ и бонапартизмомъ", которыми вначалѣ скрывали истинныя тенденціи, для виду отдѣляя Францію отъ Бонапарте и спекулируя на ненависть нашего народа противъ послѣдняго, уже сбрасываетъ свою маску, становится открытой французофобіей, громкимъ крикомъ: „война съ Франціей"... Наполеонъ на этотъ разъ дѣйствительно осуществляетъ въ Италіи дѣло и волю французскаго народа... Такъ что раздѣлить въ *настоящій* моментъ Бонапарте и Францію невозможно, это ложь".

Такъ объ Италіи. Теперь о Германіи.

„Неужели никто не видитъ, что практически-политическія послѣдствія, (этой войны. *Пер.*) никому въ большей степени не идутъ на пользу, какъ именно *Германіи*? Неужели никто не видитъ, что Наполеонъ... осуществляетъ этой войной ничто иное, какъ... *устраненіе препятствій, на которыя разбилась нѣмецкая революція 1848 г. и всѣ стремленія къ германскому единству?*

Если есть вообще прочно установленный фактъ, такъ это именно то, что на пути германскаго единства стоитъ дуализмъ Пруссіи и Австріи... *Самостоятельное міровое положеніе, которое занимаетъ Австрія, опираясь на свои не-нѣмецкія владѣнія*, вотъ неизбѣжная, неустранимая никакими палліативными средствами причина германскаго дуализма и *невозможности германскаго единства*. Съ раздѣломъ Австріи падаетъ и *особая* Пруссіи само собой... съ этого дня только *германское единство реальнымъ соотношеніемъ силъ государствъ дѣлается реально возможнымъ и потому неизбѣжнымъ*".

Лассаль, однако, не боялся войны, вмѣшательства Пруссіи въ австро-итальянскую войну. Онъ даже желалъ этого, но только при одномъ условіи, а именно: что изъ этой войны произойдетъ народное движеніе.

„Но это возможно *только* тогда, писалъ онъ Марксу... если войну *сдѣлаетъ*, правительство, а народъ ея не будетъ желать. Только въ популярной войнѣ противъ Франціи... я вижу несчастіе. Но въ *непопулярной* среди народа—большое счастье для нашего движенія... Задача распредѣляется, слѣдовательно, такъ: правительства наши должны будутъ дѣлать войну, а мы ее депопулярнзировать"

Конечно это не вполнѣ отвѣчало той политикѣ, которой требовалъ Лассаль въ 1859 г. Онъ требовалъ тогда, чтобы „Австрія была лишена своихъ не-нѣмецкихъ провинцій, Италіи и Венгріи; чтобы она была сведена къ границамъ, обнимающимъ 12.900.000 жителей, принадлежащихъ къ (германскому) Союзу, и, такимъ путемъ, была поставлена въ положеніе, въ которомъ уже не могла болѣе конкурировать съ Пруссіей ни количествомъ населенія, ни интеллигентностью, ни вліяніемъ и т. д.", чтобы, слѣдовательно, „Австрія была превращена просто въ нѣмецкую провинцію" (изданіе Бернштенна, І стр. 325).

Въ 1866 году дѣло шло уже не объ этомъ, а о возстановленіи германской имперіи, изъ которой Австрія должна была быть исключенной.

Подъ „лжецами", „обманщиками" и „самонадѣянными болтунами" Швейцеръ разумѣлъ, конечно, Бебеля и Либкнехта, такъ какъ именно они энергично возражали противъ поддержки политики Бисмарка. Уже 8 мая они предложили народному собранію слѣдующую резолюцію:

1. Современное угрожающее положеніе Германіи провоцировано поведеніемъ и дѣйствіями прусскаго правительства въ шлезвигъ—гольштинскомъ. вопросѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественное послѣдствіе политики національнаго ферейна и сторонниковъ готской программы въ защиту прусскаго главенства.

2. Прямую или косвенную поддержку этой не-нѣмецкой политики мы считаемъ вредомъ для интересовъ нѣмецкаго народа. 3. Эти интересы могутъ быть только охранены парламентомъ, избраннымъ на основаніи всеобщаго равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ, опирающимся на народную милицію. 4. Мы ожидаемъ, что германскій народъ изберетъ своими представителями только такихъ людей, которые отвергнутъ всякую наслѣдственную центральную власть. 5. Мы ожидаемъ, что въ случаѣ германской братоубійственной войны, которая можетъ послужить лишь къ тому, что германская земля станетъ игрушкой въ рукахъ заграницы, германскій народъ встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою собственность и свою честь".

Резолюція была принята единогласно, не исключая и присутствовавшихъ лассалеанцевъ, изъ которыхъ одинъ предсѣдательствовалъ (Бебель „Изъ моей жизни" І стр. 146).

Что война подастъ поводъ Франціи вмѣшаться въ германскія дѣла и аннектировать германскія земли, опасался и Энгельсъ, который въ письмѣ къ Марксу (2 апрѣля) самымъ рѣзкимъ образомъ высказался противъ Пруссіи и въ пользу Австріи:

„Что то скажешь о Бисмаркѣ? Сейчасъ уже почти ясно, къ чему онъ клонитъ война и, тѣмъ самимъ даетъ прекраснѣйшую возможность Луи Бонапарту безъ всякаго труда захватить кусокъ лѣваго берега Рейна и этимъ укрѣпить свою власть на всю свою жизнь. Если вообще всякій, кто только виновенъ въ войнѣ, если дѣло только дойдетъ до войны—заслуживаетъ быть повѣшеннымъ и я съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ не желалъ бы въ этомъ отношеніи никакого исключенія для австрійцевъ, то всетаки мое главное желаніе заключается въ томъ, чтобы Пруссія получила жесточайшія колотушки (heillose Prügel). Тогда будетъ одно или двухъ; или 1. Австрійцы продиктуютъ миръ въ Италіи въ теченіе 14 дней въ Берлинѣ и, такимъ путемъ, будетъ избѣгнуто непосредственное вмѣшательство заграницы и одновременно сдѣлается невозможнымъ и теперешній режимъ въ Берлинѣ и настанетъ чередъ другому движенію, которое съ самого начала отвергнетъ специфическое пруссачество; или же 2) въ Берлинѣ произойдетъ переворотъ, ранѣе чѣмъ австрійцы придутъ и тогда также начнется движеніе. Переписка Энгельса съ Марксомъ Т. ІІІ. стр. 306).

Изъ этого письма ясно видно, что осужденіе войны вовсе не исключаетъ, какъ это часто думаютъ, того, что осуждающій войну послѣ ея наступленія высказывается въ пользу одного изъ комбатантовъ (Parteinahme). Энгельсъ въ этомъ письмѣ дѣлаетъ то и другое. Онъ считаетъ, что государственные мужи какъ Пруссіи, такъ и Австріи за свою вину въ этой войнѣ заслуживаютъ самыхъ жестокихъ скорпіоновъ, но одновременно съ этимъ онъ все таки желаетъ побѣды австрійцамъ.

Какъ извѣстно, на дѣлѣ вышло иначе. Черезъ нѣсколько дней послѣ написанія Энгельсомъ этого письма, Пруссія заключила союзъ съ Италіей, благодаря чему соотношеніе силъ измѣнилось значительно къ невыгодѣ Австріи.

б) 1870 годъ.

Результатъ этой войны (т.-е. франко-прусской; *пер.*) былъ не тотъ, какой желали Марксъ и Энгельсъ. Они также, какъ Бебель и Либкнехтъ, предпочитали демократическую Великую Германію полуабсолютистской Малой Германіи*). Но они не принадлежали къ числу тѣхъ людей, которые удаляются въ заоблачную высь тогда, когда міровая исторія идетъ не по тому пути, котораго они желали. Они понимали необходимость продолжать организацію рабочаго движенія на фактически данномъ базисѣ. Либкнехтъ же съ трудомъ примирялся съ новымъ положеніемъ, онъ все еще продолжалъ разсчитывать на паденіе прусскаго режима и возлагалъ большія надежды на враговъ Пруссіи.

Анархисты истолковывали докладъ Либкнехта 1869 года „О политическомъ положеніи соціалъ-демократіи и ея отношеніи къ рейхстагу“ въ смыслѣ принципіальнаго отрицанія имъ парламентаризма. Само собою разумѣется, что отдѣльныя мѣста этого доклада могутъ быть такъ поняты. Но если читать эту брошюру, имѣя въ виду историческую обстановку ея появленія, то станетъ яснымъ, что Либкнехтъ, хотя временами и высказываясь въ слишкомъ общей формѣ, относился отрицательно только къ участію въ работѣ сѣверо-германскаго рейхстага, который представлялся ему не прочнымъ и не долговѣчнымъ.

И именно поэтому позиція Либкнехта въ 1870 году въ началѣ франко-прусской войны оказалась совершенно одинокой. Онъ требовалъ, чтобы депутаты голосовали противъ военныхъ кредитовъ, которые правительство испрашивало у рейхстага. Бебель считалъ отказъ въ кредитахъошибкой, такъ какъ это означало бы голососованіе въ пользу Наполеона. Но высказаться за политику Бисмарка онъ также не могъ рѣшиться. Воздержаніе при голосованіи военныхъ кредитовъ представлялось ему поэтому наиболѣе подходящей тактикой и ему удалось убѣдить въ этомъ Либкнехта.

Въ составленной Бебелемъ мотивировкѣ воздержанія, между прочимъ, было сказано:

*) Подъ Великой Германіей подразумѣвается здѣсь объединеніе всѣхъ нѣмецкихъ земель со включеніемъ Австріи, подъ Малой—исключеніе Австріи изъ объединенной Германіи, что при тогдашнихъ условіяхъ означало главенство Пруссіи. *Перев.*

„Настоящая война является войной династической, предпринятой въ интересахъ династіи Бонапарта, подобно тому, какъ война 1866 года (т. е. австро-прусская), велась въ интересахъ Гогенцоллерновъ.

Мы не можемъ *голосовать за кредиты*, испрашиваемые у рейхстага для веденія войны, такъ какъ это означало бы выраженіе довѣріе прусскому правительству, которое своими дѣйствіями въ 1866 году подготовило настоящую войну.

Но точно также мы не можемъ и *голосовать противъ кредитовъ* такъ какъ это можетъ быть понято, какъ одобреніе нами наглой и преступной политики Бонапарта“.

Такимъ образомъ, отказъ отъ голосованія за кредиты опредѣленно мотивируется событіями 1866 года.

Однако, правленію партіи (комитету) даже и это воздержаніе показалось слишкомъ далеко идущимъ. Браке пишетъ объ этомъ:

„Это заявленіе (Бебеля и Либкнехта) испортило много крови. Я долженъ признать, что тогдашній комитетъ рабочей партіи, къ числу членовъ котораго я имѣлъ честь принадлежать, считалъ это тактической ошибкой . . . . . При началѣ войны намъ приходилось считаться только съ двумя обстоятельствами: 1) что французская демократія должна получить большую свободу дѣйствій, если война съ германской стороны будетъ вестись съ максимальной энергіей и повлечетъ за собой крушеніе французской имперіи; 2) что при громадномъ подъемѣ, который, благодаря войнѣ, должна будетъ испытать національная идея въ Германіи, можетъ осуществиться единство Германіи. При этомъ не исключена возможность, что это единство осуществится при участіи народа и подъ вліяніемъ соціалдемократическихъ рабочихъ; такое же разрѣшеніе „національнаго вопроса“ откроетъ широкій просторъ освободительному соціалдемократическому движенію.

Преисполненные такихъ мыслей, мы считали ошибкой заявленіе нашихъ товарищей. И это тѣмъ болѣе, что національное движеніе обнаруживало исключительную силу и глубину, и мы имѣли основаніе опасаться, что соціалдемократическое движеніе, противодѣйствуя національному, можетъ быть поглощено послѣднимъ“. (В. Браке, Брауншвейгскій комитетъ и пр. въ Леценѣ и передъ судомъ, стр. 2).

Разногласія приняли вскорѣ чрезвычайно обостренный характеръ. Такъ Бебель въ своихъ мемуарахъ приводитъ слѣдующее письмо отъ 13 августа 1870 г., которое играло роль въ судебныхъ преніяхъ на процессѣ о государственной измѣнѣ въ Лейпцигѣ. Тамъ сказано:

„Если комитетъ выступитъ противъ Либкнехта, то мы откажемся отъ дальнѣйшаго сотрудничества въ „Народномъ Государствѣ“ *). Судя по Вашему письму, Вы впали въ какой-то національный пароксизмъ и, повидимому, во что бы то ни стало стремитесь къ скандалу и расколу въ партіи“.

Бебель и Либкнехтъ впадали въ преувеличеніе, называя войну чисто династической. Правленіе партіи, въ отличіе отъ нихъ было право въ томъ, что ожидало образованія германской имперіи въ результатѣ войны. Но оно ошибалось въ своихъ расчетахъ, что событія 1866 года могутъ остаться безъ вліянія на это образованіе, что новое германское государство объединитъ всѣхъ нѣмцевъ и что оно образуется даже „при участіи народа и подъ вліяніемъ соціалдемократическихъ рабочихъ“.

Эта надежда была высказана въ манифестѣ, составленномъ

*) Газета „Айзенахцевъ“ (*пер.*).

правленімъ партіи 24 іюля и опубликованномъ 30 іюля въ „Народномъ государствѣ“. Такъ сказано, между прочимъ:

„Пока злой духъ приковываетъ солдатъ Франціи къ стопамъ Наполеона и угрожаетъ нашимъ нѣмецкимъ землямъ войной и опустошеніемъ, до тѣхъ поръ мы со всей рѣшительностью будемъ помогать защитѣ неприкосновенности германской земли противъ наполеоновскаго и вообще всякаго произвола. Точно также вполнѣ законно стремленіе германскаго народа къ національному единству; если сейчасъ, въ моментъ общей опасности, всѣ нѣмцы сплотились какъ *одинъ* человѣкъ, то общая борьба будетъ связывать ихъ все тѣснѣе и тѣснѣе; поэтому возможно, что еще въ ближайшемъ будущемъ, изъ переживаемыхъ сейчасъ большихъ потрясеній, возникнетъ, къ нашей общей радости, германское государство.

Задача нашихъ заключается въ томъ, чтобы рѣшительно содѣйствовать рожденію этого, какъ мы надѣемся, объединяющаго всю Германію государства. Благодаря этому можетъ быть образуется не династическое государство, а соціалдемократическое народное. Наша задача,—если новое государство въ моментъ своего рожденія еще будетъ окрашено въ династическій цвѣтъ,—въ тяжелой и серьезной борьбѣ наложить на него отпечатокъ нашихъ идей“.

Разногласія, которыя въ связи съ такими радужными надеждами и „національнымъ пароксизмомъ“ разрывали партію, очень многихъ ея дѣятелей настраивали на весьма пессимистическій ладъ.

Браке, напр. смотрѣлъ очень мрачно. 29 іюля онъ писалъ Гейбу:

„Правда, Гейбъ, съ партіей обстоитъ чрезвычайно плохо. Все, что мы могли бы завоевать въ этой сумятицѣ, идетъ на пользу другимъ. Не достаетъ только того, чтобы нѣкіе господа съумѣли приласкать рабочихъ соціалистическими уступками—потребности момента многое дѣлаютъ возможнымъ. Это буквально уничтожитъ наше существованіе . . . . . Либкнехту мы написали, что, если въ будущемъ онъ не будетъ редактировать газету такъ, какъ мы этого хотимъ, или если контрольная комиссія не принудитъ его къ этому,мы—во всякомъ случаѣ Ширъ и я—сложимъ наши полномочія, такъ какъ мы не желаемъ нести отвѣтственность за *гибель партіи*“. (Браке, Брауншвейгскій комитетъ, стр. 6).

Съ другой стороны еще 1 сентября Либкнехтъ писалъ Браке, что онъ желаетъ эмигрировать въ Америку „изъ отвращенія къ патріотическому угару“ (Бебель, Мемуары II стр. 181).

Но логика фактовъ неожиданно быстро сгладила всѣ разногласія. Послѣ побѣды при Седанѣ, когда всякая опасность для Германіи исчезла, но зато возникла новая опасность, что оборонительная война превратится въ завоевательную, партія быстра нашла общую линію поведенія.

5 сентября Комитетъ выпустилъ манифестъ, опубликованный въ „Народномъ Государствѣ“ 11 сентября. Въ немъ прежде всего привѣтствовалась вновь образованная французская республика; послѣ этого было подтверждено, что обязанностью всѣхъ нѣмцевъ было вести оборонительную войну противъ наполеоновскихъ войскъ, войну за независимость Германіи.

„Радостью наполняли наши сердца со славой достигнутыя побѣды, обязанныя неслыханной храбрости и величественному презрѣнію къ смерти нашихъ германскихъ братьевъ. Мы можемъ гордиться своей принадлежностью къ такому народу героевъ. Но именно теперь, болѣе, чѣмъ когда либо въ другое время, въ сознаніи славныхъ побѣдъ, нашей обязанностью является не дать увлечь себя въ дикое неистовство, которое такъ легко заражаетъ человѣческій духъ, но хладнокровно и обдуманно спросить себя, что мы должны теперь дѣлать. Это вдвойнѣ наша обязанность въ виду новаго оборота событій“.

Манифестъ изслѣдуетъ этотъ оборотъ и его послѣдствія и объявляетъ.

„Нѣмеціе рабочіе во всей своей массѣ должны поэтому поднять свой голосъ за почетный миръ съ французкимъ народомъ“

Таковымъ онъ признаетъ миръ безъ аннексіи. По этому поводу подробно приводятся соображенія Маркса, сдѣланныя имъ въ одномъ письмѣ, въ которомъ онъ изслѣдуетъ всѣ послѣдствія аннексіи Эльзаса и Лотарингіи. Въ заключеніе комитетъ заявляетъ:

„Безусловно необходимо, чтобы партія, въ согласіи въ нашимъ манифестомъ повсемѣстно организовала возможно болѣе внушительныя народныя манифестаціи противъ аннексіи Эльзаса и Лотарингіи и за почетный миръ съ французской республикой.

Всѣ разногласія по поводу вотированія военныхъ кредитовъ, по поводу націонализма и соціалистическаго народнаго государства, все было немедленно забыто. Партія объединилась. Но немедленно же появились и преслѣдованія. Уже 9 сентября правленія партіи было арестовано и, въ концѣ концовъ, предано суду.

Это измѣненіе въ настроеніи было обусловлено превращеніемъ войны съ германской стороны изъ оборонительной въ завоевательную. Но облегчено это сближеніе правленія партіи, Бебеля и Либкнехта было вмѣшательствомъ Карла Маркса, который, подобно Энгельсу, безъ всякаго слѣда какого-либо „національнаго пароксизма“, все таки не вполнѣ одобрилъ поведеніе нашихъ обоихъ депутатовъ (т. е. Бебеля и Либкнехта, *пер.*)- И Марксъ и Энгельсъ въ началѣ войны опредѣленно высказались противъ Наполеона. Уже 20 Іюля Марксъ писалъ Энгельсу: „французы нуждаются въ колотушкахъ“.

Рѣшающимъ въ его позиціи былъ пролетарскій интересъ. Такъ онъ писалъ:

„Если побѣдятъ пруссаки, то централизація государственной власти окажется полезной германскому рабочему классу. Германское преобладаніе (übergewicht) перенесетъ далѣе центръ тяжести западно-европейскаго рабочего движенія изъ Франціи въ Германію. Слѣдуетъ только сравнить движеніе съ 1866 г. до сего времени въ обѣихъ странахъ, чтобы увидѣть, что германскій рабочій классъ теоретически и организаціонно стоитъ выше французскаго. Его преобладаніе на міровомъ театрѣ означало бы одновременно и преобладаніе нашей теоріи надъ Прудономъ и т. д.“ *)

*) *Прим. переводчика.* Чрезвычайно характернымъ для позиціи Маркса и Энгельса во время перваго періода, т. е до Седана, франко-прусской войны и ихъ отношенія къ Либкнехту является слѣдующее письмо отъ 15 авг. Энгельса къ Марксу:

„Дѣло цо моему мнѣнію заключается въ слѣдующемъ: Германія втянута Бадингэ (Бонапартомъ) въ войну за свое національное существованіе. Если побѣдитъ Бадингэ, то бонапартизмъ будетъ на годы укрѣпленъ, а Германіи на годы, можетъ быть на рядъ поколѣній, крышка. О самостоятельномъ германскомъ рабочемъ движеніи тогда не придется и говорить; борьба за національное существованіе захватитъ тогда все, въ лучшемъ случаѣ нѣмецкіе рабочіе станутъ прихвостнемъ французскихъ. Побѣдитъ же Германія, то французскому бонапартизму во всякомъ случаѣ

Было бы совершенно не въ духѣ Маркса, если бы нѣмецкіе

кружка; постоянной склокѣ по поводу возстановленія германскаго единства настанетъ конецъ, а нѣмецкіе рабочіе смогутъ организоваться въ совершенно иномъ національномъ масштабѣ, чѣмъ теперь. Что же касается до французскихъ, то каково бы ни было тамъ правительство, они, конечно, получатъ большій просторъ, чѣмъ при бонапартизмѣ. Вся масса германскаго народа всѣхъ классовъ поняла, что дѣло идетъ прежде всего о національномъ существованіи, и поэтому немедленно приняла участіе въ событіяхъ (ist sofort eingesprungen). Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы нѣмецкая политическая партія при подобныхъ условіяхъ проповѣдывала бы, подобно Вильгельму (т. е. Либкнехту), полную обструкцію и руководствовалась всяческими побочными соображеніями, упуская изъ виду это главное".

Тѣ „побочныя соображенія" о которыхъ здѣсь говоритъ Энгельсъ, относятся къ роли въ этой войнѣ Бисмарка и прусской націи, что именно и побудило Либкнехта занять то рѣзко отрицательное отношеніе къ войнѣ (между прочимъ голосованіе противъ военныхъ кредитовъ), о которомъ говоритъ Каутскій.

По этому поводу Энгельсъ пишетъ: „то что въ этой войнѣ командуютъ Леманъ, Бисмаркъ и К° и что она дастъ имъ временную славу, если они ее счастливо проведутъ, этимъ мы обязаны ничтожеству нѣмецкой буржуазіи. Это, конечно, весьма противно, но ничего съ этимъ не подѣлаешь. Но возводить поэтому антибисмаркизмъ въ единственно руководящій принципъ—глупо. Во первыхъ, Бисмаркъ, какъ и въ 1866 г., дѣлаетъ кусочекъ нашей работы, *по своему* и не желая того, но всетаки дѣлаетъ. Онъ расчищаетъ намъ почву. Затѣмъ, мы не находимся болѣе въ 1815 г.: южные нѣмцы неизбѣжно войдутъ въ рейхстагъ и, такимъ путемъ создастся противовѣсъ пруссачеству... Вообще, подобно Вильгельму, желать повернуть всю исторію съ 1866 г. назадъ, такъ какъ она ему не нравится, глупо.

Я думаю люди могутъ дѣлать слѣдующее:

1) примкнутъ къ національному движенію—насколько оно сильно, ты видишь изъ письма Кугельмана—постольку и до тѣхъ поръ, пока оно ограничивается защитой Германіи (что не исключаетъ при извѣстныхъ условіяхъ до заключенія мира наступленія)

2) при этомъ подчеркивать различіе германско-національныхъ интересовъ отъ династическо-прусскихъ.

3) противиться всякой аннексіи Эльзаса и Лотарингіи—Бисмаркъ даетъ понять, что онъ хочетъ присоединить ихъ къ Баваріи и Бадену.

4) какъ только въ Парижѣ у власти окажется республиканское, не шовинистическое правительство, добиваться заключенія съ нимъ почетнаго мира.

5) постоянно выдвигать на первый планъ единство интересовъ германскихъ и французскихъ рабочихъ, которые не хотѣли войны и другъ съ другомъ не воюютъ.

6) о Россіи такъ, какъ въ адресѣ Международнаго Общества".

Такова была позиція Маркса и Энгельса въ первой стадіи франко - прусской войны. Послѣ Седана и провозглашенія въ Парижѣ республики, когда, слѣдовательно, Германіи, какъ національному цѣлому, уже ничего болѣе не угрожало и, наоборотъ, такая угроза стала передъ лицомъ Франціи, Марксъ и Энгельсъ требуютъ отъ Германіи—заключенія мира и отказа отъ всякой аннексіи, а отъ Франціи—энергичной защиты своей территоріи. Объ этомъ читатель можетъ найти въ переведенной на русскій языкъ брошюрѣ Маркса. „Гражданская война во Франціи".

Въ этой брошюрѣ, между прочимъ, приводится написанное Марксомъ 9 сентября 1870 г. воззваніе отъ имени Международнаго общества. Въ этомъ воззваніи Марксъ критикуетъ временное правительство Франціи, въ которомъ было сильно представлены монархическіе (орлеанистскіе) элементы и въ которое соціалисты (Бланки, Делеклюзъ) тщетно добивались доступа. „Нѣкоторыя дѣйствія его показываютъ достаточно ясно, что оно унаслѣдовало отъ имперіи не только груду развалинъ, но также и боязнь передъ рабочими". Именно эта боязнь, какъ показали впослѣдствіи событія, помѣшали правительству „національной обороны" Франціи вести энергичную борьбу съ Бисмаркомъ и сдѣлали его правительствомъ „національной измѣны". 9 сентября Марксъ это предвидѣлъ. Поэтому онъ писалъ въ своемъ воззваніи „Французскій рабочій классъ находится въ чрезвычайно тяжеломъ положеніи. Всякая попытка свергнуть новое правительство, когда врагъ почти что стучится въ ворота Парижа, была бы отчаянной глупостью. Французскіе рабочіе должны исполнить свой долгъ гражданъ; но они не должны увлекаться національными воспоминаніями 1792 г. (т. е. выросшей изъ обороны страны противъ европейской коалиціи идеологіи воинствующаго буржуазнаго республикализма. *Пер.*). Они должны спокойно и рѣшительно использовать всѣ средства, которыя имъ даетъ республиканская свобода для основательной организаціи".

рабочіе стали бы теперь думать, что ихъ тогдашнее превосходство должно продолжаться на всѣ времена, что это превосходство не обусловлено опредѣленными историческими обстоятельствами; равнымъ образомъ, если бы кто - либо изъ этихъ словъ пожелалъ сдѣлать выводъ, что Марксъ желалъ для нѣмецкихъ рабочихъ руководящей роли въ международномъ движеніи. И онъ и Энгельсъ въ подобномъ домогательствѣ какой бы то ни было націи видѣли только опасность для него. Такъ Энгельсъ писалъ мнѣ въ одномъ письмѣ 15 февраля 1882 г.:

„Международное движеніе рабочаго класса возможно только между самостоятельными народами. Крупица республикатского интернаціонализма 1830-48г. была достояніемъ Франціи, которая хотѣла освободить Европу, и тѣмъ самымъ усиливала французскій шовинизмъ въ такой степени что еще до сего времени освобождающее міръ призваніе Франціи, а, поэтому, и ея прирожденное право на руководительство, виситъ гирей на нашихъ ногахъ (какъ каррикатура у бланкистовъ, но довольно сильно, напр. у Малона и К°.). И въ международномъ обществѣ это было почти что само собою разумѣющимся. Только ходъ событій привилъ имъ а также и остальнымъ, и долженъ это дѣлать еще ежедневно, сознаніе того, что международное сотрудничество возможно только среди равныхъ и даже primus inter pares (первый среди равныхъ)—допустимо лишь самое большее для непосредственнаго дѣйствія"

Изъ этихъ словъ видно, что домогательства Маркса на преобладаніе германскаго рабочаго класса не должны быть истолковываемо въ шовинистическомъ смыслѣ. Конечно, въ 1870 г. это преобладаніе можно было подчеркивать, такъ какъ распознать его могъ только болѣе дальновидный и вздумчивый наблюдатель, благодаря тому, что съ внѣшней стороны дѣла англійскаго и французскаго рабочаго класса были болѣе блестящи.

Въ настоящее время между рабочими различныхъ народовъ гораздо болѣе равенства, чѣмъ въ 1870 г. Теоретически и тактически всѣ они стоятъ теперь на общей почвѣ, за исключеніемъ англо-саксонскаго міра, который вообще мало удѣляетъ вниманія теоріямъ. И въ организаціонномъ отношеніи они все болѣе и болѣе приближаются другъ къ другу.

Такимъ образомъ, отношенія теперь совершенно иные, чѣмъ въ 1870 г. Указать на это намъ казалось необходимымъ, ибо перепиской Маркса и Энгельса того времени часто пытаются разрѣшать проблемы настоящей войны, не принимая во вниманіе всего различія положенія.

Несмотря на то, что Марксъ Энгельсъ желали побѣды Германіи, всетаки поведеніе Либкнехта и Бебеля въ вопросѣ о военныхъ кредитахъ представлялось имъ, какъ „мужественный поступокъ" *) Останавливаться далѣе на позиціи Маркса и Энгельса не будемъ: Главное уже изложено Бернштейномъ въ 3 книжкѣ «Новаго Времени" въ статьѣ „Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ въ второмъ періодѣ войны 1870—71".

*) *Прим. переводчика.* Вотъ соотвѣтствующее мѣсто изъ письма Маркса къ Энгельсу отъ 17 августа 70 г. „Либкнехтъ заключаетъ о своемъ согласіи со мной изъ возванія международнаго общества и 2) изъ того обстоятельства, что я одобрилъ его и Бебеля заявленіе въ рейхстагѣ (при голосованіи военныхъ кридитовъ, *пер.*). Это былъ „моментъ", когда принципіальность была acte de courage (мужественнымъ поступкомъ), изъ чего, однако, вовсе

Тѣ крупныя разногласія, о которыхъ мы говорили выше, происходили среди эйзенахцевъ. Въ значительно болѣе сильной степени проявилось то, что Бебель назвалъ „національнымъ пароксизмомъ“, у лассальянцевъ. Мерингъ пишетъ объ этомъ въ своей исторіи партіи (стр. 5, 6):

„Демонстративное выступленіе (воздержаніе Бебеля и Либкнехта отъ подачи голоса за военные кредиты), какъ таковое было вполнѣ логично, ибо сами по собѣ интриги Бисмарка были столь же достойны осужденія, какъ и интриги Бонапарта. Но практической политикой эта моральная демонстрація была бы лишь въ томъ случаѣ, если бы представлялась возможность парализовать работу господъ Бисмарковъ и Бонапартовъ. Пока эта возможность отсутствовала до тѣхъ поръ вопросъ шелъ о томъ, какая изъ сторонъ болѣе неправа и чья побѣда будетъ имѣть болѣе роковыя послѣдствія. На этотъ счетъ не могло быть сомнѣній. „Соціалдемократъ“ (органъ лассальянцевъ) справедливо писалъ: „Побѣда Наполеона означаетъ пораженіе соціалистическихъ рабочихъ во Франціи, всемогущество бонапартистской военщины въ Европѣ, полное раздробленіе Германіи“. Поэтому парламентскіе представители лассальянцевъ голосовали за разрѣшеніе военнаго займа, притомъ не только Швейцеръ и Газенклеверъ, но и присоединившійся къ эйзенахцамъ Фрицше“.

Эти разногласія мы разобрали подробнѣе, потому что ситуація 1870 г. представляется болѣе всего подходящей для сравненія съ современной, что, однако, какъ уже было замѣчено выше, легко можетъ привести къ ошибочнымъ выводамъ, если не принимать во вниманіе особенностей той и другой. Сравненіе же ихъ показываетъ, насколько ситуація 1870 г. было проще современной, и то, сколько разногласій въ моментъ начала войны!

в) Послѣ 1870 года.

Подобныя же разногласія возникли и при послѣдующей войнѣ, русско-турецкой, которой предшествовало возстаніе балканскихъ народовъ противъ Турціи въ 1876 г.

Ситуація напоминала таковую при крымской кампаніи и все-таки была иной. Балканскіе народы сдѣлали значительные успѣхи за два десятилѣтія, протекшія со времени парижскаго мира, и требовали своей самостоятельности и отдѣленія отъ Турціи. За ихъ спиной стояла Россія.

На чью сторону должна была стать соціалъ-демократія? На сторону угнетенныхъ, какъ это ей свойственно? Но не значило ли это оказать содѣйствіе Россіи? Нисколько, отвѣчали защитники балканскихъ народовъ. Послѣдніе настроены руссофильски до тѣхъ поръ, пока ни одна другая европейская великая держава ихъ не поддерживаетъ. Сильныя демократическія національныя государства на юго-востокѣ Европы явятся лучшей преградой Россіи, чѣмъ безсильный деспотизмъ продажнаго, раздираемаго

скаго рабочаго класса въ войнѣ, которая стала національной, сводится къ антипатіи Вильгельма къ Пруссіи. Это было бы то же самое, если бы мы на томъ основаніи, что въ подходящій моментъ возвышали свой голосъ противъ „бонапартистскаго“ освобожденія Италіи, стали бы оспаривать теперь ту относительную независимость, которую, она получила вслѣдствіе этой войны“. Цитируемое письмо интересно также и для выясненія указаннаго уже Каутскимъ разногласія между Марксомъ и Энгельсомъ, съ одной стороны, и Лассалемъ съ другой во время войны 1859 г.

внутренними распрями государства національностей (Турція). И то, чего добивались балканскіе народы, національной независимости, — эта идея, усиливающаяся въ процессѣ экономическаго развитія, идея, которой принадлежитъ будущее. Дѣлая Россію единственнымъ защитникомъ балканскихъ государствъ, сообщаютъ ей только ту силу, которая свойственна тому, кто дѣйствуетъ въ направленіи необходимаго развитія. Именно для того, чтобы парилизовать вліяніе Россіи на Балканахъ, Европа должна защищать балканскіе государства противъ Турціи.

Въ партійной прессѣ по этому поводу происходила оживленная дискуссія На сторонѣ друзей Турціи были старые и самые уважаемые дѣятели: Либкнехъ, Марксъ, Энгельсъ*), на другой — только молодые люди безъ вліянія. Въ то время я велъ свою первую полемику въ партійной печати о внѣшней политикѣ—

Прим. переводчика. Въ своихъ статьяхъ въ 1853 г. Марксъ развивалъ по существу ту же самую точку зрѣнія, которую развивали впослѣдствіи, по словамъ Каутскаго, „защитники балканскихъ народовъ“.

„Великой силой, толкающей Россію къ Константинополю, является именно то средство, при помощи котораго его хотятъ недопустить туда, пустая, никогда не осуществимая теорія поддержаніе status quo.

Въ чемъ состоитъ этотъ status quo? Для христіанскихъ подданныхъ Порты ничто иное, какъ увѣковѣченіе ихъ подавленія Турціей... Поскольку эта традиція (поддержаніе status quo) будетъ оставаться лейтъ мотивомъ дипломатіи великихъ державъ, постольку девять десятыхъ населенія европейской Турціи будутъ видѣть въ Россіи свою опору, свою поддержку, своего освободителя, своего мессію“. Въ то же время Марксъ видѣлъ въ европейской Турціи „естественное наслѣдство южнославянской расы“, которая, по сравненію со своими соперниками турецкими и арнаутскими варварами“ является „исключительнымъ цивилизаторомъ внутри страны“. „Если бы турки не завладѣли государственной и военной монополіей, они бы давно исчезли... Отъ нихъ нужно непремѣнно освободиться“. Мѣсто же ихъ должны занять не Россія и не Австрія, а освобожденные балканскіе народы. „Исторія и факты нашего времени указываютъ на необходимость образованія свободнаго независимаго, христіанскаго государства на развалинахъ Турціи въ Европѣ“. Здѣсь, между прочимъ, Марксъ усматривалъ возможность конфликта между Россіей и европейской демократіей, къ которому „Англія непремѣнно должна была занять опердѣленнное отношеніе“.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ опубликованныхъ Н. Рязановымъ статей Маркса. „Туркофиломъ и противникомъ балканскихъ народовъ онъ во всякомъ случаѣ не являлся. И, если во время русско-турецкой войны, онъ занялъ позицію „сочувственную“ Турціи, то это объясняется только тѣмъ, что въ то время, въ отличіе отъ 50-ыхъ годовъ, когда онъ желалъ общаго европейскаго конфликта, какъ начала общечеловѣческаго освобожденія, онъ считалъ такой конфликтъ вреднымъ для интересовъ рабочаго класса. Между тѣмъ, вмѣшательство европейской демократіи въ эту войну означало именно міровую войну. Поэтому, „туркофильство“ Маркса въ то время было совершенно „особаго рода“: его мысль была—если рабочій классъ ждетъ часа своего освобожденія, то и балканскіе славяне могутъ подождать его. Что же касается, до „глупой сентиментальности“, то таковой онъ считалъ не сочувствіе балканскимъ славянамъ. Эту мысль опредѣленно высказываетъ Энгельсъ въ письмѣ къ Бернштейну, сочувствовашему въ 80-ыхъ г. возстанію герцеговинцевъ: „Задача наша—содѣйствовать освобожденію западно-европейскаго рабочаго класса и этой задачѣ подчинять всѣ остальныя. Какъ бы не были сами по себѣ интересны балканскіе славяне и пр., какъ только ихъ стремленіе къ освобожденію вступаетъ въ коллизію съ интересами рабочаго класса, они могутъ быть для меня украдены.

Эльзасцы также угнетены. Но если они наканунѣ ясно приближающагося освобожденія провоцируютъ войну между Франціей и Германіей, обострятъ отношеніе между этими народами и, тѣмъ самымъ, отсрочатъ освобожденіе, то я скажу: стой здѣсь! Вы можете имѣть столько же терпѣнія, сколько и европейскій рабочій классъ.... изъ за пары герцеговинцевъ возбудить міровую войну, которая будетъ стоить въ тысячу разъ больше людей, чѣмъ сколько ихъ живетъ въ Герцеговинѣ. Это не мое мнѣніе о политикѣ рабочаго класса“.

противъ взглядовъ стариковъ. Объ точки зрѣнія нашли выраженіе въ брошюрахъ, самое заглавіе которыхъ весьма краснорѣчиво. Одна, принадлежавшая перу Либкнехта, называлась: „Къ восточному вопросу или: должна ли Европа стать казацкой? Предупрежденіе германскому народу". Другая, анонимная, была написана однимъ чрезвычайно талантливымъ берлинскимъ банковскимъ служащимъ, Леви, исчезнувшимъ впослѣдствіи изъ партіи. Она называлась: „Къ восточному вопросу или: должна ли соціалистическая рабочая партія стать турецкой? Предупрежденіе германской соціалъ-демократіи".

Эти разногласія снова возобновились, когда въ 1896 и 1897 гг. Турція вступила въ конфликтъ съ одной стороны съ армянами, съ другой—съ Грецією. Снова турецкая точка зрѣнія отстаивалась Либкнехтомъ, противоположная Бернштейномъ, Розой Люксембургъ и мною. Въ октябрѣ 1896 г. Бернштейнъ написалъ статью въ „Новомъ Времени": „германская соціалъ-демократія и Турецкія волненія", которую онъ началъ слѣдующими замѣчиніями:

„Ни отъ одного внимательнаго наблюдателя не ускользнуло, что отношеніе соц.-дем. прессы къ борьбѣ турецкихъ армянъ противъ турецкаго правительства Султана и его союзниковъ, отнюдь не было единодушнымъ. Статьи въ пользу первыхъ чередовались съ такими, которые болѣе или менѣе открыто становились на сторону оттоманскаго правительства и сводили движеніе армянъ къ происками агентовъ Россіи. Только въ одномъ пунктѣ господствовало опредѣленное единодушіе: во всякомъ случаѣ избѣгать яснаго м недвусмысленнаго высказыванія о томъ, въ чью пользу при существовавшей смутѣ соціальдемократія должна вмѣшаться или бросить свой голосъ на чашку вѣсовъ" „№ Z" XV, 1, S. 108.

Это отсутствіе партійности въ этомъ вопросѣ представлялось Бернштейну большой ошибкой. Онъ рѣшительно сталъ на сторону противниковъ султана и съ радостью привѣтствовалъ „прекрасную работу", которую одновременно съ нимъ и въ томъ же смыслѣ опубликовала Люксембургъ въ „Саксонской рабочей газ.". Въ мартѣ 1897 г. я написалъ длинную статью для „Впередъ", въ которой я защищалъ ту же точку зрѣнія. Либкнехтъ подробно отвѣчалъ.

Такимъ образомъ врядъ ли найдется хотя бы одна война, которая бы не побудила соціалъ-демократію, часто съ большой страстью, защищать ту или другую воюющую сторону и которая бы, въ то же время, не вызывала въ ихъ средѣ серьезныхъ разногласій. Но никому еще не приходило въ голову видѣть въ этой партійности нарушеніе заповѣди международной солидарности или оправданіе войны.

(Окончаніе слѣдуетъ)

По Россіи и Заграницей.

(Факты и матеріалы).

Безработица въ Польшѣ.

Въ „Рус. Вѣд." извѣстный писатель Л. Кржвицкій рисуетъ на основаніи данныхъ анкеты промышленниковъ Царства Польскаго состояніе промышленности въ Варшавѣ. Анкета захватила 81 предпріятіе Варшавы и ея окрестностей и относится къ половинѣ сентября. На мелкихъ *механическихъ* заводахъ въ нормальное время работало 7.400 рабоч., теперь 5.000; количество рабочихъ дней въ недѣлю понизилось съ 44 тыс. до 29 тыс. Крупные механическіе заводы (23) жалуются на недостатокъ каменнаго угля: число рабочихъ сократилось съ 8 тыс. до 2,200; число рабочихъ дней въ недѣлѣ съ 48,500 до 7,900. *Текстильная* промышленность (10 фабрикъ, включая огромную Жирардовскую мануфактуру): число рабочихъ сократилось съ 12.300 до 9,700, число раб. дней въ недѣлю съ 80 тыс. на 27 тыс. На *кожевенныхъ* заводахъ (5) число рабочихъ съ 1.200 уменьшилось до 1.000; число рабочихъ дней—съ 8.000 до 4.800. Двѣ *фабрики механической обуви*, сохранивъ то же число рабочихъ, сократили число рабочихъ дней въ недѣлю съ 4.300 до 1.800. *Химическіе заводы* (7) сократили число рабочихъ съ 720 до 180 и число рабочихъ дней въ недѣлю съ 2.500 до 570. Число рабочихъ въ 5 самыхъ крупныхъ заводахъ, обрабатывающихъ минеральныя вещества, сократилось съ 1.050 до 240; число рабочихъ дней съ 6.300 до 1.320. На *табачныхъ* фабрикахъ при сохраненіи прежняго количества рабочихъ (1.290) количество рабочихъ дней въ недѣлю уменьшилось съ 7.700 до 4.100. На *конфектныхъ* и *шоколадныхъ* фабрикахъ (4) число рабочихъ уменьшилось съ 540 до 160; число рабочихъ дней въ недѣлю—съ 3.040 до 480. Фабрики, *обрабатывающія дерево* уменьшили число рабочихъ съ 560 до 320; число рабоч. дней—съ 3.300 до 1.170. *Писчебумажныя фабрики* сократили число рабочихъ съ 2.100 до 530; рабочихъ дней съ 12.170 до 1.730. *Строительныя предпріятія* пріостановились почти совсѣмъ вслѣдствіе недостатка въ извести и цементѣ. Четыре самыхъ большихъ фирмы сократили число рабочихъ съ 2.700 до 550; число рабочихъ дней съ 16 тыс. до 2,400. Всего въ 81 крупнѣйшихъ предпріятіяхъ Варшавы и ея окрестностей работало въ половинѣ сентября только 22 тыс. рабочихъ, вмѣсто обычнаго числа—38,900, т. е. всего 56%. Но если принять въ разсчетъ уменьшеніе числа рабочихъ дней въ недѣлю, то получимъ вмѣсто 137.000 рабоч. дней въ недѣлю только 82.500, т. е. крупныя фабрики потребуютъ только 34% того количества труда, которое онѣ потребляли до войны.

Еще хуже обстоитъ дѣло въ мелкой промышленности въ распространеніи въ Варшавѣ домашней промышленности. „Здѣсь полнѣйшій недостатокъ заработка". Всего по даннымъ домашней инспекціи при варшавскомъ обывательскомъ комитетѣ насчитывается около 70 тыс. нуждающихся въ Варшавѣ и около 10 тыс. въ предмѣстьи Прага.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Рабочіе строительнаго производства г. Варшавы, члены профессіональнаго союза послѣ ряда совѣщаній вынесли слѣдующее рѣшеніе опубликованное Варшавской печатью

„Собраніе констатируетъ, что около 98% рабочихъ строительнаго производства съ момента объявленія войны лишились заработка и находятся въ настоящее время въ очень критическомъ положеніи.

Малочисленность организованныхъ рабочихъ и связанная съ этимъ скудость средствъ союза не позволяютъ успѣшно бороться съ растущей нуждой Въ такомъ же положеніи находятся и рабочіе другихъ

отраслей нашей промышленности.

Принимая во вниманіе, что существующія учрежденія по оказанію помощи безработнымъ, равно какъ и „обывательскіе комитеты“, въ виду ихъ оторванности отъ рабочихъ и филантропическаго характера, не въ состояніи бороться съ растущей нуждой среди безработныхъ, собраніе приходитъ къ выводу, что только учрежденіе, созданное самими рабочими, могло бы хотя бы частично помочь растущей нуждѣ“.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣшеніемъ, рабочіе строительна о производства обратились къ мѣстнымъ властямъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи обсужденія вопроса совмѣстно съ другими союзами и просвѣтительными учрежденіями. Рабочіе желали бы создать легальный рабочій комитетъ, который могъ бы широко поставить дѣло помощи безработнымъ.

Запрещеніе вина и московскіе рабочіе.

Правленіемъ профессіональнаго Общества торговыхъ служащихъ подано въ городскую Думу заявленіе, въ которомъ указывается, что разсматриваемый соединенной комиссіей вопросъ о пересмотрѣ постановленія Думы о полномъ запрещеніи торговли спиртными напитками затрагиваетъ самые существенные интересы всего рабочаго класса, въ томъ числѣ торгово-промышленныхъ служащихъ; комиссія въ предыдущемъ засѣданіи выслушала наряду съ представителями науки и мнѣніе представителей торговцевъ виномъ и владѣльцевъ заведеній трактирнаго промысла. Въ виду указаннаго правленіе Общества взаимопомощи торговыхъ служащихъ считаетъ необходимымъ указать Думѣ и соединенной комиссіи на необходимость выслушать по этому вопросу и мнѣніе рабочихъ организацій. Въ случаѣ допущенія на ближайшее засѣданіе комиссіи представителей рабочихъ профессіональныхъ Обществъ г. Москвы, правленіе проситъ комиссію извѣстить его о днѣ засѣданія комиссіи, въ которомъ могъ бы принять участіе представитель профессіональнаго Общества торговыхъ служащихъ.

Правленіе профессіональнаго Общества поваровъ подало въ городскую Думу заявленіе, въ которомъ проситъ Думу о допущеніи представителей Общества на засѣданіе комиссіи. Правленіе увѣрено, что комиссія въ интересахъ правильнаго и всесторонняго освѣщенія вопроса пойдетъ навстрѣчу ходатайству.

Такое же заявленіе подано въ Думу совѣтомъ профессіональнаго Общества оффиціантовъ.

„Р. Вѣд.“ № 276.

— Правленіе профессіональнаго общества рабочихъ по обработкѣ металловъ „Единеніе“ подало въ Городскую Думу заявленіе, въ которомъ отъ имени общества привѣтствуетъ постановленіе Думы о полномъ воспрещеніи продажи спиртныхъ напитковъ и выражаетъ надежду, что это постановленіе останется въ силѣ и на будущее время и не будетъ допущено никакихъ изъятій, которыя въ конечномъ счетѣ сведутъ на нѣтъ общее постановленіе о воспрещеніи продажи питей. Вмѣстѣ съ тѣмъ правленіе обращаетъ вниманіе Думы на необходимость принятія экстренныхъ мѣръ для оказанія помощи тѣмъ многочисленнымъ рабочимъ, которые лишены всякихъ средствъ существованія вслѣдствіе воспрещенія производства и торговли виномъ и подобными напитками. Необходимо организовать для нихъ общественныя работы, устроить столовыя для безработныхъ, учредить бюро по пріисканію имъ работы и т. п. („Р. Вѣд.“).

Австрійскіе соціалисты.

Въ одномъ изъ номеровъ стокгольмскаго „Соціалъ-демократа“ помѣщена бесѣда одного шведскаго соціалиста съ лидерами австрійской соціалъ-демократіи.

Авторъ письма бесѣдовалъ съ Дейтшомъ (секретарь партіи и видный дѣятель профессіональнаго движенія), Аделаидой Поппъ и Викторомъ Адлеромъ.

„Быть можетъ, сейчасъ,—сказалъ между прочимъ, Дейтшъ, — когда русскіе угрожаютъ Кракову, кое-кто изъ вѣнцевъ и пошатнулся въ своей вѣрѣ; но особаго значенія это не имѣетъ: населеніе относится къ событіямъ спокойно и съ довѣріемъ“.

По словамъ Аделаиды Поппъ, въ Вѣнѣ сильно поднялись цѣны на яйца и масло. Цѣны на другіе предметы первой небходимости держатся почти обычнаго въ Вѣнѣ уровня. Послѣ занятія русскими Галиціи вздорожалъ керосинъ.

Викторъ Адлеръ предпочитаетъ не говорить ничего „интервьюерамъ“ о внутреннемъ положеніи Австріи, но въ бесѣдѣ со шведомъ онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Что такое для насъ война? Несчастье и преступленіе. Мы боролись противъ нея всѣми силами. Но послѣ введенія военнаго положенія мы должны были сложить оружіе... Намъ пришлось считаться съ фактомъ и стараться по возможности ослабить ужасныя послѣдствія войны, организуя помощь раненымъ, борясь съ повышеніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости, облегчая нужду безработныхъ и. т. д. Въ этомъ отношеніи мы дѣлаемъ то, же что и нѣмцы, но, понятно, въ меньшихъ размѣрахъ: мы слабѣе и бѣднѣе ихъ... Колебаніе цѣнъ на предметы первой необходимости происходитъ только въ опредѣленныхъ предѣлахъ и мы противодѣйствуемъ ихъ повышенію. Естественно, что мы недовольны, когда наши солдаты бѣгутъ съ поля битвы: война—чреватое тяжелыми послѣдствіями несчастье, но еще хуже пораженіе...

Теперь установились болѣе нормальныя отношенія, и народъ начинаетъ успокаиваться. Безработица, которая въ августѣ достигала огромныхъ размѣровъ, теперь не такъ велика, какъ можно было ожидать, въ августѣ она, очевидно, дошла до предѣльнаго пункта. Говорятъ, что нашей многолѣтней работѣ угрожаетъ разрушеніе... О, это было бы слишкомъ тяжелымъ послѣдствіемъ войны.

Причины войны? Онѣ лежатъ въ экономическихъ противорѣчіяхъ сосѣднихъ государствъ, Затѣмъ, надо имѣть въ виду запутанность національныхъ вопросовъ на Балканахъ, благодаря которымъ славянскіе интересы сталкиваются съ австрійскими и нѣмецкими. Сейчасъ не время говорить о томъ, на комъ лежитъ самая тяжелая отвѣтственность за войну; выясненіе этого вопроса нужно отложить до заключенія мира.

Совершенно безполезно строить предположенія о судьбахъ Австріи послѣ войны: ничего опредѣленнаго сейчасъ никто знать не можетъ“...

Затѣмъ Адлеръ перешелъ къ Швеціи... „Мы не хотимъ предпочтенія; жы хотимъ только осторожности въ дѣлахъ и объективности въ сужденіяхъ... Если вы, стоящіе внѣ событій, не можете проявить должной объективности, то какъ же можно требовать этого отъ насъ, стоящихъ въ центрѣ войны“...

Министры-соціалисты о войнѣ [1]).

„На этихъ дняхъ, пишетъ корреспондентъ „К. М. во время своего пребыванія въ Бордо, я былъ принятъ Марселемъ Самба, министромъ общественныхъ работъ въ кабинетѣ національной обороны и Жюлемъ Гедомъ, занимающимъ въ томъ-же кабинетѣ постъ министра безъ портфеля. Само собой разумѣется, что моя бесѣда съ этими выдающимися лидерами французскаго соціализма вращалась исключительно вокругъ вопроса объ ихъ отношеніи къ войнѣ.

Марсель Самба продиктовалъ мнѣ слѣдующія слова для сообщенія русской читающей публикѣ:

„Я-бы хотѣлъ, чтобы вы сказали нашимъ русскимъ друзьямъ, что мы вступили въ борьбу, которую мы должны вести всѣ вмѣстѣ безъ колебаній и слабости. Жюль Гедъ и я представляемъ въ правительствѣ соціалистическую партію. Съ тѣхъ поръ, какъ мы оказались у власти, мы все время сохраняли внутреннюю связь съ товарищами и вполнѣ увѣрены въ ихъ одобреніи. Такимъ образомъ, когда я вамъ предлагаю призывать сдѣлать все возможное для сокрушенія Германіи и Австріи, побѣда которыхъ означала бы торжество грубой силы,—то я это говорю отъ имени партіи.

„Союзники, — продолжалъ Марсель Самба, — представляютъ дѣло права, и ихъ побѣда приведетъ къ освобжденію Европы. Цѣль эта настолько благородна, что стоитъ ради нея забыть всѣ другія требованія. Я увѣренъ, что русскіе, такъ-же какъ и французы, хранятъ въ глубинѣ души своей идеалистическую вѣру въ право, часто столь осмѣиваемое нѣмцами. Я ощущаю, что наша побѣда не только послужитъ дѣлу прогресса, но что она окажется просто драгоцѣнной для насъ самихъ, для достоинства личности. Ибо и послѣ побѣды союзники будутъ сохранять между собой тѣсную связь, и праву будетъ продоставлена возможность опредѣлять у каждаго народа его культурное развитіе.

„Что касается въ частности меня,—сказалъ въ заключеніе Марсель Самба,—то я возлагаю много надеждъ на тѣ сокровища

[1]) „Кіев. мысль“ № 326.

что таятся въ славянской душѣ. Достаточно почитать вашихъ писателей, чтобы научиться цѣнить эти дары, чтобы познакомиться съ той симпатической солидарностью, которая раскрываетъ сердце каждаго русскаго для воспріятія великихъ чувствъ".

Жюль Гедъ заявилъ мнѣ:

„Я питаю непоколебимую вѣру въ то, что война эта повлечетъ за собой очень благопріятныя послѣдствія съ точки зрѣнія прогресса. Побѣда союзниковъ откроетъ новую эру, въ особенности въ области національнаго вопроса. Если-бы я въ этомъ сомнѣвался, я бы никогда не рѣшился занять свой нынѣшній постъ. Прошу васъ подчеркнуть, что для меня настоящая война является борьбой съ оффиціальной Германіей.

Союзныя страны исполняютъ свой долгъ и, понятно, ничто не можетъ имъ помѣшать получить въ результатѣ войны справедливое вознагражденіе".

Гедъ говорилъ со страстью, напоминая подчасъ апостола, воодушевленнаго великимъ идеаломъ.

Бесѣда съ Жюлемъ Гэдомъ.

Въ „Vorwaerts'ѣ" подробно изложена бесѣда итальянскаго синдикалиста Де-Амбриса съ „революціонымъ соціалистомъ и теперешнимъ министромъ", какъ называетъ его „Vorwaerts", Жюлемъ Гэдомъ.

Бесѣда коснулась, прежде всего, поведенія итальянской соціалистической партіи. Гэдъ сказалъ, что онъ не собирается предписывать итальянскимъ товарищамъ ихъ поведенія, но онъ сожалѣетъ лишь о томъ, что итальянскіе соціалисты полагаютъ, будто они нарушатъ ученіе и принципы соціалистовъ, если они вмѣшаются въ войну. По мнѣнію Гэда, обязанностью итальянскихъ соціалистовъ является агитировать за вмѣшательство Италіи въ войну на сторонѣ тройственнаго согласія. Прежде всего вмѣшательство Италіи поведетъ къ сокращенію времени военныхъ дѣйствій, что въ свою очередь поведетъ за собою сохраненіе десятковъ тысячъ человѣческихъ жизней и если итальянскіе соціалисты называютъ себя противниками войны, то ихъ обязанность уменьшить кровопролитіе путемъ участія въ войнѣ, если же они этого не дѣлаютъ, то не вслѣдствіе вѣрности какимъ-либо принципамъ, а исключительно заботясь о своихъ удобствахъ. „Конечно,—продолжалъ Гэдъ—война соціальнаго вопроса не разрѣшитъ, но она разрѣшитъ національный вопросъ, безъ разрѣшенія котораго невозможно дальнѣйшее прогрессивное развитіе человѣчества. Думать иначе нельзя. Вѣдь рабочій „Интернаціоналъ" разлетѣлся въ прахъ при первой серьезной угрозѣ со стороны германцевъ независимости свободныхъ народовъ".

Во-вторыхъ, Гэдъ считаетъ вмѣшательство Италіи потому необходимымъ, что въ случаѣ побѣды державъ согласія, каковую побѣду Гэдъ считаетъ безусловной, Италія укрѣпитъ вліяніе демократическихъ странъ и вмѣстѣ съ Англіей, Франціей и Бельгіей составитъ противовѣсъ вліянію Россіи. По мнѣнію Гэда, на Россію вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на реакціонный элементъ. Благодаря войнѣ русская политика подвергнется прогрессивнымъ вліяніемъ; кромѣ того, побѣда державъ согласія освободитъ Россію отъ экономической зависимости отъ Германіи. Этомъ для нея откроется свободный путь для гражданскаго развитія и русская буржуазія, какъ и буржуазія во всѣхъ остальныхъ европейскихъ странахъ, станетъ добиваться либеральныхъ формъ управленія.

Въ заключеніе бесѣды Де-Амбрисъ выразилъ отъ имени итальянскихъ соціалистовъ удивленіе по поводу участія Гэда въ буржуазномъ министерствѣ.

Гэдъ отвѣтилъ, что радикализмъ не слѣдуетъ смѣшивать съ „твердокаменностью". Въ данный моментъ, когда вопросъ идетъ о защитѣ страны, Гэдъ счелъ своимъ долгомъ обезпечить правительству свое сотрудничество. Правда, классовая борьба продолжается и во время войны, но теперь правительство скорѣе является комитетомъ національной защиты, чѣмъ средствомъ для защиты интересовъ предпринимателей. Если пролетарій живетъ въ 5 этажѣ, а домовладѣлецъ въ первомъ, то вѣдь пролетарій не откажется помочь, когда дѣло дойдетъ до спасенія дома отъ пожара. Онъ изъ чувства человѣческой солидарности бросится на помощь съ цѣлью спасти мебель своей мансарды. Онъ это сдѣлаетъ съ тѣмъ большей охотой, въ томъ случаѣ, если онъ будетъ убѣжденъ, что обитаемый имъ домъ всетаки лучше и болѣе подходитъ для него, чѣмъ всѣ остальные дома.

(„Рѣчь").

Разногласія въ германской соціальдемократіи.

Уже вскорѣ послѣ знаменитаго голосованія соц.-демократическихъ депутатовъ за военные кредиты отъ 4 авг. стало извѣстно, что далеко не вся партія раздѣляетъ позицію партіи, выраженную въ прочитанной въ этомъ засѣданіи предсѣдателемъ ея правленія Гаазе деклараціи. Внутри парламентской фракціи нашлось 14 депутатовъ (въ томъ числѣ Либкнехтъ, Ледебуръ, Лэнчъ и самъ Гаазе), которые настаивали на голосованіи противъ кредитовъ, но, оставшись въ меньшинствѣ, подчинились дисциплинѣ и голосовали вмѣстѣ съ большинствомъ. Недовольство, однако продолжало сохраняться и, по мѣрѣ развертыванія военныхъ событій, принимало все большіе размѣры. Въ газетахъ помѣщенъ былъ текстъ заявленія меньшинства германской соц.-демократіи, напечатаннаго въ иностранныхъ газетахъ, а также протестъ Р. Люксембургъ, Либкнехта, К. Цеткиной и Ф. Меринга противъ выступленій въ нейтральныхъ странахъ ревизіонистовъ Зюдекума и Р. Фишера, оправдывающихъ какъ голосованіе с.-д такъ и дѣйствія германскаго правительства. О все растущемъ недовольствѣ поведеніемъ оффиціальныхъ представителей партіи внутри партіи свидѣтельствуетъ рядъ недавно опубликованныхъ фактовъ. Такъ Эд. Бернштейнъ, который былъ сторонникомъ голосованія за бюджетъ 4 авг., теперь значительно измѣнилъ свою позицію и въ цѣломъ рядѣ выступленій, за одно изъ которыхъ былъ посаженъ подъ арестъ военными властями Берлина на 3 дня, высказывается въ прямо противоположномъ духѣ. Теперь онъ ставитъ вопросъ, насколько война въ политическомъ отношеніи сохранила свой прежній характеръ, изображенный канцлеромъ Бетманъ-Гольвегомъ въ засѣданіи 4 авг. Тогда канцлеръ рисовалъ войну, какъ чисто оборонительную, а между тѣмъ германское правительство начало стремительнымъ наступленіемъ противъ Бельгіи и Франціи. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько разгромъ Бельгіи требовался стратегическими соображеніями, Бернштейнъ утверждаетъ, что политическимъ послѣдствіемъ подобной стратегіи было недовольство германской демократіи, вынужденной задуматься надъ вопросомъ, насколько подобная война соотвѣтствуетъ ея желаніямъ. Въ виду этого Бернштейнъ склонялся къ голосованію противъ военнаго займа при вторичномъ созывѣ рейхстага. Въ интервью съ голландскимъ соціалистомъ Трульстрой, Бернштейнъ высказался противъ распространяемой германской печатью ненависти къ Англіи: „Въ рядахъ германской с.-д.—сказалъ онъ—существуютъ большія разногласія насчетъ мотивовъ, которыми руководились англійское правительство и парламентъ, когда въ русско-австрійскомъ конфликтѣ стали на сторону Россіи вмѣсто того, чтобы остаться нейтральными. Часть товарищей полагаетъ, что стремленіе Англіи сохранить единовластіе на морѣ и освободиться отъ докучливой нѣмецкой конкурренціи было причиной ея присоединенія къ Россіи и Франціи. По ихъ мнѣнію, главнымъ образомъ, Англія несетъ отвѣтственность за настоящую войну, и ослабленіе ея міровой позиціи является для нихъ одной изъ важнѣйшихъ цѣлей послѣдней. Я считаю это неправильнымъ. Англія въ настоящее время не является единственнымъ хозяиномъ на морѣ и таковымъ не будетъ. Если даже весь германскій флотъ будетъ уничтоженъ, что мнѣ представляется совершенно невозможнымъ, то и тогда слѣдствіемъ этого факта будетъ только другое раздѣленіе власти, а не единовластіе Англіи. Мы, соціалисты, должны бороться съ чрезмѣрными требованіями, которыя Англія предъявляетъ на морѣ, путемъ развитія международнаго права, и это намъ не трудно сдѣлать, потому что уже въ настоящее время она отказалась отъ многихъ требованій, и въ самой Англіи существуетъ сильное движеніе въ пользу того, чтобы и остальныя признать устарѣвшими. Точно также мысль объ освобожденіи отъ нѣмецкой конкурренціи посредствомъ войны громаднымъ большинствомъ англійскихъ промышленниковъ оставлена. Германія не является ни единственнымъ, ни самымъ опаснымъ конкуррентомъ Англіи на міровомъ рынкѣ, Начиная съ текущаго столѣтія. внѣшняя торговля Англіи, въ сравненіи съ количествомъ жителей, возросла на много больше, чѣмъ внѣшняя торговля Германіи. Совмѣстное выступленіе Англіи и Россіи слѣдуетъ объяснить всецѣло существованіемъ тройственнаго союза и тройственнаго соглашенія

сообразно съ этимъ оцѣнить".

Трульстра бесѣдовалъ также съ Каутскимъ и Гаазе (послѣдній, хотя и выступаетъ въ рейхстагѣ отъ имени партіи, но не раздѣляетъ позиціи большинства). Каутскій сказалъ: „Нѣтъ ничего новаго въ томъ, что пролетарская партія, какъ вообще всякая оппозиціонная партія, въ началѣ войны слабѣетъ. Это старое положеніе, и мы уже до войны много разъ на него указывали... Еще меньше можно предвидѣть формы, которыя примутъ усилившіяся оппозиціонныя теченія, выдвинутъ ли они парламентскіе или экономическіе методы борьбы, и на какую точку зрѣнія станетъ наша партія по окончаніи войны". Гаазе заявилъ Трульстрѣ, что декларація фракціи была составлена до того, что стало извѣстно о нарушеніи нейтралитета Бельгіи; когда же послѣднее стало извѣстно, фракція была лишена возможности протестовать, а въ печати партія не смогла этого сдѣлать въ виду введенія военной цензуры. Что касается германскихъ „звѣрствъ", то Гаазе высказался за образованіе по окончаніи войны „нейтральной международной комиссіи", которая должна выяснить факты, „установить виновныхъ, которые должны быть наказаны".

Заслуживаетъ вниманія поведеніе во время войны центральнаго органа партіи Vorwärtsa". Насколько это возможно въ условіяхъ военной цензуры, онъ, за рѣдкими отклоненіями въ сторону, ведетъ оппозиціонную линію. Такъ онъ напечаталъ разоблаченія К. Либкнехта по поводу ужасовъ, творящихся въ завоеванной нѣмцами Бельгіи; онъ вмѣстѣ съ правленіемъ партіи борется съ шовинистическимъ настроеніемъ нѣкоторыхъ соціалистическихъ органовъ; онъ рѣшительно высказывался противъ присоединенія Бельгія къ Германіи.

Несмотря, однако, на эти настроенія, большинство партіи продолжаетъ стоять на прежней точкѣ зрѣнія, что война со стороны Германіи носитъ оборонительный характеръ. Этимъ объясняется, что при новомъ созывѣ рейхстага фракція опять голосовала за военный заемъ, хотя въ свою декларацію внесла слабый протестъ противъ дѣйствій Германіи по отношенію къ Бельгіи и противъ строгостей военной цензуры. Правленіе партіи сочло себя вынужденнымъ выразить публичное порицаніе депутату К. Либкнехту, имѣвшему мужество выступить противъ всей партіи и голосовать (единственный голосъ въ рейхстагѣ!) противъ военнаго займа. Но Либкнехтъ оказался одинокъ: многіе депутаты, голосовавшіе въ рейхстагѣ изъ дисциплины за заемъ, въ душѣ сочувствовали Либкнехту, а на собраніи с.-д. въ Вюртембергѣ и въ другихъ городахъ большинство высказало свое сочувствіе и одобреніе Либкнехту.

Правое крыло партіи, въ лицѣ такихъ своихъ представителей, какъ В. Гейне, Давидъ, Зюдекумъ и Р. Фишеръ энергично отстаиваетъ національную точку зрѣнія, доказывая въ полемикѣ съ Бернштейномъ и др., что война на западномъ фронтѣ неразрывно связана съ войною на восточномъ фронтѣ, оправдывая нарушеніе нейтралитета Бельгіи, высказываясь за то, что всѣ партіи должны поддерживать правительство въ войнѣ, которая угрожаетъ единству Германіи. Націолистически настроенная часть партійной печати настаиваетъ даже на исключеніи изъ партіи Либкнехта, Ледебура, Р. Люксембургъ и К. Цеткиной. Въ особенности духомъ націонализма заражены руководители профессіональныхъ союзовъ. Недавно Генеральная Комиссія Герм. проф- союзовъ потребовало Vorwärts'a", чтобы онъ болѣе энергично защищалъ нѣмцевъ отъ обвиненій иностранной соціалистической печати. Генеральная Комиссія выражала далѣе свое недовольство тѣмъ, что „Vorwärts", отмѣчая случаи германскихъ жестокостей, защищаетъ бельгійцевъ, французовъ и англичанъ отъ обвиненія въ подобныхъ же жестокостяхъ. Vorwärts въ отвѣтъ упрекалъ комиссію въ томъ, что она своей тактикой содѣйствуетъ проникновенію въ партію націоналистическихъ тенденцій.

Борясь съ послѣдними „Vorwärts" между прочимъ, недавно напечаталъ переводъ разказа Гаршина „Четыре Дня", демонстрируя этимъ свои симпатіи къ прогрессивнымъ теченіямъ въ Россіи.

Настроеніе большинства германской с.д. партіи выражено въ интервью депутата парламента с.д. Носке съ корреспондентомъ французскаго соціалистическа гооргана „Humanite" Носке сказалъ, что война очень популярна въ Германіи, что ее считаютъ оборонительной войной. Россія является врагомъ Германіи и демократіи. Если бы Германія не начала теперь войны, то она упустила бы моментъ, и сама Россія напала бы на нее. Германія увѣрена, что война окончится въ ея пользу; она сожалѣетъ, что благодаря стратегическимъ соображеніямъ, она оказалась вынужденной нарушить нейтралитетъ Бельгіи. Нѣмцы не ожидали сопротивленія со стороны Бельгіи. Теперь Германія считаетъ Бельгію аннексированной. Нѣмецкіе соціалисты, даже принадлежащіе къ крайней лѣвой, понимаютъ, что при данныхъ обстоятельствахъ Самба, Гэдъ и Вандервельдъ были вынуждены вступить въ министерство. Большинство с.д. оправдываетъ этотъ поступокъ".

Такое настроеніе большинство с.д. партіи вызвало рѣшительную перемѣну отношенія къ ней правительства соц.-дем. органы допущены въ армію и въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ, правительство всячески заигрываетъ съ соціалистами; такъ оно аминстировало нѣкоторыхъ вліятельныхъ соціалистовъ (Ледебура, Либкнехта (послѣдній отказался воспользоваться этой амнистіей), осужденныхъ по литературнымъ и др. процесамъ; его представители совѣщаются съ членами партіи по вопросу о безработицѣ, посѣщали помѣщенія профес. союзовъ и т. д.; баденское правительство выразило свои соболѣзнованія партіи по случаюсмерти въ бою подъ Люнневилемъ баденкаго с.-д. депутата Л. Франка, виднаго дѣятеля партіи (ея праваго крыла), пошедшаго добровольцемъ на войну и т. д.

Таковы настроенія среди германскихъ соціалдемократовъ, насколько можно о нихъ судить по случайнымъ и отрывочнымъ свѣдѣніямъ, доходящимъ въ Россію.

Соціалисты и война.

На рождественскомъ собраніи голландскихъ соціалъ-демократовъ въ Амстердамѣ лидеръ ихъ, депутатъ *Трѣльстра* выступилъ съ рѣчью о войнѣ. Сущность ея сводилась къ слѣд.: стихійный ураганъ, вызванный войной, увлекъ съ собою и интернаціональный пасифизмъ пролетаріата. То, что произошло, является слѣдствіемъ нынѣшней соціальной и политической системы. Война, съ одной стороны, является однимъ изъ послѣдствій присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи, а съ другой—она объясняется экономическими противорѣчіями между Англіей и Германіей. Побѣда германскаго имперіализма повлекла бы за собою образованіе таможеннаго союза средней Европы, къ которому была бы вынуждена присоединиться Голландія, а, можетъ быть, и Скандинавія. Остріе средне-европейскаго союза было бы направлено противъ Россіи и противъ Англіи, лишенной владычества на морѣ и ея прежняго мірового рынка. Мысль о средне-европейскомъ таможенномъ союзѣ мало привлекательна. Соціалисты нейтральныхъ странъ не могутъ опредѣлить, когда придетъ подходящій моментъ для заключенія мира, но они могутъ подготовить посредничество. Этой цѣли можетъ послужить копенгагенская конференція. Представленныя въ этой конференціи соціалистическія партіи нейтральныхъ странъ должны подготовлять свои правительства къ посредничеству въ подходящій моментъ. Роль соціалистическихъ партій нейтральныхъ государствъ тѣмъ значительнѣе, что соціалисты воюющихъ странъ въ этомъ отношеніи ничего сдѣлать не могутъ.

Трельстра попутно отмѣтилъ. что при заключеніи мира нужно будетъ беречься такого мира, который заключалъ бы въ себѣ зародыши будущихъ новыхъ конфликтовъ. Какъ всего этого достигнуть? Демонстраціи имѣютъ свою цѣну, но онѣ недостаточны. Трельстра гораздо большаго ждетъ отъ парламентской политической борьбы соціалъ-демократовъ. Параллельно съ переговорами дипломатовъ., можно было бы созвать европейскій междупарламентскій конгрессъ. Участники его обсудили бы программу мира, которая б ла бы затѣмъ представлена на разсмотрѣніе правительствъ. Такому движенію могли бы оказать содѣйствіе и буржуазные пасифисты.

На этомъ собраніи въ качествѣ гостя присутствовалъ секретарь международнаго соціалистическаго бюро бельгіецъ *Гюисмансъ*, которому публика устроила овацію. Манифестація эта, по словамъ „Vorwärts'a" сопровождалась пѣніемъ международнаго гимна и должна была подчеркуть идею общности рабочаго класса, идею, которая стойко перенесла и военную бурю и событія послѣднихъ дней („Рѣчь" № 354).

Въ одной Копенгагенской газетѣ появилось письмо англійскаго соціалдемократа, вождя британской соціалистической партіи *Гайндмана*.

— Не будетъ, говоритъ Гайндманъ преувеличеніемъ сказать, что весь организованный рабочій классъ въ странѣ за войну съ Германіей и Австро-Венгріей. Меньшинство, которое противъ нея, настолько ничтожно и невліятельно, что въ сущности не играетъ никакой роли. Я ни разу еще въ теченіе своей долгой жизни не видѣлъ ничего, сколько-нибудь приближающагося къ подобному единодушію. И что еще болѣе дѣлаетъ его поразительнымъ, это тотъ фактъ, что почти всѣ „рабочіе вожди" въ нижней палатѣ и внѣ ея были въ теченіе многихъ лѣтъ до войны рѣшительными сторонниками мира: они дѣлали все, что только были въ состояніи, чтобы препятствовать усиленію британскаго флота и были всегда абсолютными противниками созданія національной арміи. Теперь эти самые люди подписываютъ энергичныя прокламаціи за „борьбу до конца" противъ Германіи и сами принимаютъ участіе въ систематическомъ рекрутированіи состава для регулярной арміи!

— Эта перемѣна настроенія тѣмъ болѣе замѣчательна, что въ тотъ самый день, когда Германія посягнула на нейтралитетъ Бельгіи и положила начало разгрому этой славной маленькой націи,—въ этотъ самый день наши „лабуристы", „тредъюніонисты" и „соціалисты" организовали самый значительный митингъ, какой когда-либо собирался въ Трафальгаръ-скверѣ, въ пользу мира... Я былъ президентомъ на одной изъ трехъ ораторскихъ трибунъ; и нельзя было впасть въ ошибку въ оцѣнкѣ настроенія собравшихся; наша резолюція въ пользу мира была принята единогласно со всѣхъ трибунъ съ воодушевленіемъ.

— И вотъ, продолжаетъ Гайндманъ, не можетъ быть спора въ томъ, что въ этомъ настроеніи рабочихъ произвело столь рѣшительное измѣненіе ни что иное, какъ вторженіе германцевъ въ Бельгію и тѣ жестокости, которыми оно сопровождалось съ самаго же начала. Рабочіе начали вдумываться и вглядываться въ германскую политику, и убѣдились, что они жестоко заблуждались относительно дѣйствительныхъ стремленій, которыми руководятся господствующіе классы этой страны. Германскій „прорывъ" черезъ трактаты и гарантіи, черезъ бельгійскіе университеты и соборы—это, какъ поняли рабочіе, только введеніе къ разгрому Франціи, подчиненію Англіи, обезсиленію Россіи и осуществленію дикой мечты о военномъ владычествѣ на сушѣ и на морѣ сначала въ центральной и западной Европѣ, а потомъ надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ: „Deutschland über Alles!".

— Я не скажу,—оговаривается онъ,—что, если бы германцы вторглись во Францію, и этой странѣ грозила бы опасность, безъ нарушенія бельгійскаго нейтралитета, то англійскій рабочій классъ не считалъ бы нужнымъ наше вмѣшательство, какъ націи и міровой державы, въ защиту Франціи. Но я утверждаю, что никогда рабочій классъ не поддержалъ бы такъ энергично англійское правительство, если-бы не это гнусное и варварское поведеніе по отношенію къ безвинной Бельгіи. Гайндманъ отмѣчаетъ, что рабочій классъ вовсе не питаетъ ненависти къ нѣмцамъ ,какъ націи. Напротивъ, онъ искренно готовъ привѣтствовать демократическую, богатую и счасливую Германію. У него нѣтъ никакой злобы противъ нѣмецкихъ пролетаріевъ, онъ борется лишь противъ стремленія Германіи къ міровому господству и подчиненію другихъ націй военной силѣ... Всякій англійскій государственный дѣятель, который на европейской конференціи потребуетъ права для Эльзаса—Лотарингіи, Шлезига-Гольштиніи и др. самимъ устраивать свою судьбу, можетъ быть увѣренъ въ поддержкѣ нашей націей этихъ требованій. (см. „День" отъ 15 дек. 1914 г.)

Французская соціалистическая партія выпустила воззваніе къ рабочимъ, къ которомъ, между прочимъ, говорится: „Мы обращаемся ко всѣмъ съ призывомъ къ большей увѣренности. Борьба можетъ оказаться очень продолжительной, но она не утомительна. Мы, соціалисты, знаемъ, за что боремся. Мы боремся за то, чтобы впредь единство и независимость Франціи не стали подъ вопросомъ, чтобы провинціи, отторгнутыя противъ ихъ воли, получили возможность вернуться къ свободно избранному ими отечеству, чтобы право народа распоряжаться собой было признано всѣми и всюду и чтобы прусскій милитаризмъ пересталъ угнетать свободное развитіе. Мы боремся за то, чтобы эта война была послѣдней и чтобы миръ, но истинный миръ между свободными народами воцарился въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Мы боремся за то, чтобы рабочіе, выносящіе на своихъ плечахъ все бремя вооруженій, могли, наконецъ, вздохнуть свободно, и за то, чтобы въ мірѣ появилась, наконецъ, справедливость и чтобы наши внуки могли не опасаться возвращенія насилій и варварства.

Редакторъ А. Е. Сучатовъ. Издатель Н. И. Рикъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1915** годъ (3-й годъ изданія) на ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ

„Сѣверныя Записки",

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ въ отдѣлахъ художественной литературы (беллетристика, стихи), литературной критики, искусства, театра, науки, философіи, религіи, политики, народнаго хозяйства.

Всестороннее разсмотрѣніе проблемъ, выдвигаемыхъ міровой борьбой—вотъ задача, которую поставилъ себѣ журналъ съ самаго возникновенія войны. Согласно этой задачѣ, „Сѣв. Зап." и въ 1915 г. особое вниманіе будутъ удѣлять великимъ потрясеніямъ и испытаніямъ, переживаемымъ въ настоящее время человѣчествомъ, освѣщая въ рядѣ статей политическую, соціальную, психологическую, культурную и др. стороны развертывающихся событій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: на годъ—**4** р. на 6 мѣс.—**2** р **50** к., на 3 мѣс.—**1** р. **25** к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА: въ Главной конторѣ журнала: **Петроградъ, Загородный пр., 21/10;** въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ **почтовыхъ учрежденіяхъ.**

Книжные магазины за комиссію удерживаютъ 10%.

Открыта подписка на 1915 г.

на журналъ

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

(3-ій годъ изданія).

За предыдущій годъ были помѣщены, между прочимъ, статьи и корреспонденціи слѣдующихъ сотрудниковъ: М. Азовскій, Антъ, Г. Батурскій, К. Вариченковъ, Б. Веніаминовъ, д-ръ Н. Вигдорчикъ, М. Вильнеръ, Вій, Г. Габе, Н, Гарви, Гвоздикъ, Гласная Буква, П. Грибковъ, П. Динаринъ, К. Дм—въ, А. Дюбуа, В. Ежовъ, В. Земляковъ, А. Коллонтай, Д. Кольцовъ, Комаровъ, З. Миндменъ, д-ръ Магула, Н. Морозовъ, Моръ, Н. Р. В., Н. Ог—овъ, Г. Осиповъ, Е. Осиповъ, А. Петровъ, П—въ, А. Рабиновичъ, А. Ройзманъ, С. О. Финъ, д-ръ Хейсинъ, С. Шварцъ, Эль и др.

Условія подписки: На 1 годъ—2 р., на 6 мѣсяцевъ—1 р. съ доставкой. Для рабочнхъ 1 годъ—1 р. 50 к., 6 мѣсяцевъ—75 к. Комплекты за 1913 г. (безъ №№ 1 и 4) продаются по 75 к.; за 1914 г.—55 коп. (безъ пересылки),

Адр. конторы и редакціи: **Загородный пр., д. 12, кв. 40.**

Контора открыта по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 8 до 10 вечера, въ остальные дни отъ 12 до 2 час. дня.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

еженедѣльную общественно-политическую газету

„Сѣверный Голосъ".

Кромѣ обычныхъ отдѣловъ большихъ ежедневныхъгазетъ, въ **„Сѣверномъ Голосѣ"** особое вниманіе будетъ обращено на освѣщеніе различныхъ сторонъ жизни рабочихъ (вопросъ о самопомощи въ связи съ войной, вопросы профессіональнаго, кооперативнаго движенія, страхованія рабочихъ и т. д.).

Условія подписки: на 1 годъ—2 р.; на ½ года—1 р. 10 к.; на 3 мѣс.—60 к. Номеръ въ розничной продажѣ—5 к.

Издатель **А. Е. Казуковъ.**

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 ч. до 3 ч. дня и отъ 7 ч. до 9½ ч. вечера.

Адресъ: Петроградъ, Надеждинская, д. 6, кв. 8.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежемѣсячный профессіональный журналъ

„ЖИЗНЬ ФАРМАЦЕВТА"

посвященный защитѣ интересовъ служащихъ фармацевтовъ и дѣлу правильной постановки лекарственной помощи населенію.

„Жизнь Фармацевта" издается при ближайшемъ участіи дѣятелей Петроградскаго Общества служащихъ фармацевтовъ, Проф. общества служащихъ фармацевтовъ, г.г. Ростова н/Д. и Нахичевани, Общества взаимопомощи служащихъ фармацевтовъ г. Одессы и др., а также бывшихъ сотрудниковъ журналовъ „Фармацевтическій Трудъ", „Южный Фармацевтъ" и „Жизнь Фармацевта".

Подписная цѣна на 1 годъ—**1** р. **50** к.; на ½ года—**75** к.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

Петроградъ, 7-ая Рождественская № 4, кв. 29, телефонъ № 252-08.

Пріемъ въ конторѣ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 5 до 7 часовъ вечера.

1-й годъ изданія.

КН
Б10
Н 523

НАШЕ ДѢЛО

Ежемѣсячный журналъ.

№ 2.

Петроградъ, 1915 годъ.

Цѣна книжки 40 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Коммерческая Типографія", Столярный, 9. Тел. 520-32.
1915.

Содержаніе.

1. **А. Землянская** Маринка и Іоська, разсказъ . . . 3
2. **Стихотворенія** Л. Нечая и К. Хохловой 18
3. **Каутскій**, Международность и война (оконч.). . . 19
4. **Л. Яковлевъ**, Объ одной изъ иллюзій. 35
5. **Энзисъ**, Германская соціалъ-демокр. во время войны. 43
6. **Масловъ**, Налоги и демократія. 61
7. **Г. Наумовъ**, Экономическіе факторы войны. . . . 68

Письма изъ-за границы.

8. **Ю. Ларинъ**, Страхов. рабочихъ въ Германіи и война. 82

Вопросы внутренней жизни.

9. **Н. Череванинъ**, 1. Думская сессія въ концѣ января. 2. Процессъ рабоч. депутатовъ. 3. Раскрытіе шпіонской организаціи 89
10. **Г. Ракитинъ**, Внутреннія отношенія въ Польшѣ (окон.). 96

11. **ПО РОССІИ и ЗАГРАНИЦЕЙ**. (Г. В. Плехановъ и П. Б. Аксельродъ о войнѣ и др.). 103

12. **ОБЪЯВЛЕНІЯ** . . . . . —

Открыта подписка на 1915 г. на новый ежемѣсячный литературный и общественно-политическій журналъ

„НАШЕ ДѢЛО“,

издаваемый въ г. Петроградѣ и **выходящій въ размѣрѣ 6—9 печатныхъ листовъ.**

Условія подписки: на 1 г.—4 р., на 1/2 г.—2 р. 25 к., на 1/4 г. (3 м.) —1 р. 50 к. на 1 м.—50 к. Отд. книжка въ розн. продажѣ 40 к.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій пр. д. № 104, кв. 88.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресеній и праздниковъ, отъ 2 до 5 ч. дня, по вторникамъ отъ 6 до 9 ч. вечера.

Ред. **А. Е. Сучатовъ.** Изд. **К. И. Рикъ.**

I-й годъ изданія.

АРХИВ БУНДА

Наше Дѣло

Ежемѣсячный журналъ

Петроградъ 1915 г.

№ 2.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Коммерческая Типографія“, Столярный пер., 9. Тел. 520-32.
1915.

Р.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

Маринка и Іоська.

(Разсказъ)

Сколько лѣтъ дѣду-никто не зналъ. Онъ самъ забылъ. Давно когда-то было и у него хозяйство, работящая жена, дѣти и злая судьба. Бываетъ злая судьба: какъ кого взлюбитъ—а къ нему какъ піявка присосалась.

Какое несчастье по селу ни ходитъ-его воротъ не минетъ Надежъ-кобыла сдохнетъ. Волки-корову задерутъ. Градъ полосой пройдетъ-въ первый чередъ ихъ ниву выбьетъ. Дѣти умирали. Одного сына вырастилъ и думалъ, что отошла недоля, отпустила.

Оженили сына и внучку Богъ послалъ. Совсѣмъ, какъ люди зажили.

Да оказалось-на время недоля возжи изъ рукъ выпустила,—только съ силами собиралась.

Спали всѣ, будто сонымъ зельемъ опоены, когда хата загорѣлась. Какъ былъ-едва выскочилъ: жену за руку, внучку на руки: съ ними на печкѣ спала. А сынъ въ эту ночь съ женой въ коморѣ легли. Оттуда вѣрно и огонь начался-какъ свѣча запылала. Только трупы обгорѣлые на утро вытащили. Старуха обезумѣла, въ огонь бросалась, дымъ глаза ей выѣлъ. Ослѣпла.

И, слѣпая, увидѣла духовными очами весь міръ во мракѣ, познала тьму грѣховъ человѣческихъ и бездну мерзости.

И нашло на нее юродство, которое многіе за безуміе считали, и сошелъ даръ прорицанія.

Покинули они пепелище, взяли внучку съ собой и пошли по чужимъ полямъ и соламъ, по деревнямъ и городамъ, по большимъ и малымъ дорогамъ, по церквамъ и святымъ обителямъ. И всюду видѣли мерзость запустѣнія, и повсюду пророчествовала старуха о скоромъ концѣ міра и пришествіи князя тьмы-Антихриста.

И трепетали отъ страха и скорби сердца человѣческія, когда уставивъ слѣпые глаза въ невидимую точку, облекала она все, о чемъ ни говорили люди, чѣмъ ни жили, что ни любили въ мірѣ, въ зловѣщее предсказаніе: „исполняются времена и пророки, наступаетъ царство князя тьмы-Антихриста“.

Такъ ходили они изъ конца въ конецъ, безкровные, какъ птицы небесныя, пока не столкнула ихъ жизнь со старцемъ Іоною. Увидѣлъ

старецъ слѣпую пророчицу и сказалъ ей коротко: „Иди за мной, жена“. И закричала слѣпая радостно: „Отче, давно я ждала слова твоего“.

Такъ разсказывалъ дѣдъ Архипъ о встрѣчѣ со старцемъ.—И внучкѣ Маринкѣ и людямъ разсказывалъ. И пошли они дальше всѣ вмѣстѣ, говорили о близкомъ концѣ и собирали повсюду братство-людей благочестивыхъ, о спасеніи души больше, чѣмъ о пресыщеніи плоти пекущихся. Объясняли Писаніе и Житія, и сны вѣщіе, и давали заповѣдь впредь собираться для душевныхъ бесѣдъ, для воздыханія о грѣхахъ и святыхъ пѣснопѣній. А сами дальше шли.

Такъ добрались они до Кавказа, до слободы Нальчанской, и здѣсь благословилъ старчикъ рыть въ горахъ „пещорки“, повелѣлъ старухѣ съ дѣдомъ пасти братію, а самъ покинулъ ихъ и пошелъ опять одинъ, какъ было ему въ сонномъ видѣніи указано.

И получила братія только извѣстіе о тихой его кончинѣ. А потомъ и слѣпой было сонное видѣніе: явился ей старчикъ, свѣтлый и радостный, прикоснулся перстомъ къ ея глазамъ и сказалъ: „Прозри и увидишь красоту райскую“. И черезъ три дня предстала и ея душа предъ Господомъ.

Остались Маринка съ дѣдомъ одни на свѣтѣ, и когда высѣкли въ горахъ первую келью, перешли они на жительство въ „пещорки“.

Такъ и росла Маринка въ лѣсу, какъ горная коза. Слушала шопотъ старыхъ чинаръ, да шумливыя пѣсни горной рѣчки Урваненка, дѣдовы разсказы, да священные стишки. И въ душѣ ея было тихое, ясное утро.

По праздникамъ стекалась въ „пещорки“ братія и оживлялись холодныя стѣны поющими человѣческими голосами.

Любила Маринка братскія бесѣды и звенѣлъ ея молодой голосъ ясною радостью, когда тянула она въ хорѣ первый голосъ:

„Тамъ источники живые
И небесные цвѣты.
Мы идемъ за Іисусомъ
Въ царство вѣчной красоты“...

Закрывала глаза и видѣла садъ райскій, благоуханный, красоты несказанной. И не тѣсныя кругомъ были стѣны съ низкими сводами, голубѣло надъ ней хрустальною чашей безбрежное небо. И не Урваненокъ-рѣчка шумѣла тамъ внизу подъ кручей, а шелестѣли золотою листвою невиданныя деревья, разносился ароматъ райскихъ цвѣтовъ. И не братья и сестры кругомъ сидѣли съ сѣрыми, жизнью поношенными лицами, а дивной красоты дѣвушки и отроки въ сіяющихъ лучахъ и бѣлоснѣжныхъ неземныхъ одѣяніяхъ.

И закрывши глаза пѣла Маринка:

„Странникъ, въ чемъ твоя надежда.
Во странѣ твоей родной.
Бѣлоснѣжная одежда
И вѣнецъ весь золотой“ . . .

И не одной Маринкѣ золотые сны на яву грезились; забывала здѣсь братія жизнь свою малую, тѣсную, грязную.: нужду и злобу жизни забывала.

У каждаго въ душѣ была червоточина и каждому надежда на рай свѣтлый, какъ ключевая вода въ лютый зной, была надобна.

И чѣмъ хуже въ міру было, тѣмъ на сердцѣ становилось радостнѣй: „исполняются времена и пророки, исполняются времена и пророки: не сегодня-завтра грянетъ небесный громъ“ . . . И закрывали глаза отъ темныхъ видѣній мірской жизни и оживляли каменные своды радостнымъ пѣніемъ:

„Мы путники въ рай Ханаана,
Тамъ вѣчнаго счастья разсвѣтъ.
Сквозь сумракъ и тьму урагана
Мы видимъ спасительный свѣтъ.“

. . . . . .
. . . . . .

И какимъ вѣтромъ сюда Іоську, занесло? Некрещенаго еврея къ христіанамъ, безбожника къ благочестивымъ?

Шатался Іоська по всей землѣ, а чего? мало кто понималъ. Происходилъ онъ изъ благочестивой еврейской семьи и съ дѣтства былъ мальчикомъ умнымъ и вдумчивымъ. А какъ были у нихъ въ роду извѣстные ученые евреи, знаменитые раввины, то сдѣлали и его „ешиботникомъ“, засадили за талмудъ и за библію.

Но вышло совсѣмъ неожиданное.

Занимался Іоська усердно, но вопросами своими учителей въ тупикъ ставилъ и, когда не отвѣтили такъ, какъ ему хотѣлось, онъ набросился на свѣтскія русскія книги, и ревность его къ еврейской учености, какъ вѣтромъ сдуло.

Потомъ пошли разные знакомые, разговоры да споры, въ которыхъ родители ничего понять не могли. А главное русскія знакомства и посѣщеніе русскихъ домовъ и трефная пища. Все зданіе оказалось на пескѣ выстроеннымъ.

Ни попреки, ни споры не помогали. Іоська на своемъ стоялъ. Грозили изъ дома выгнать, проклясть, безъ куска хлѣба оставить, но все-таки любили Іоську, какъ только евреи умѣютъ любить дѣтей своихъ, и все выходило, какъ онъ хотѣлъ-уступали.

И зажилъ Іоська своей особой жизнью, новыми людьми, новыми

книгами и новыми неслыханными мыслями. Виталъ въ своемъ мірѣ, какъ птица на крыльяхъ, а въ повседневную жизнь, которой всѣ люди жили, не вникалъ и вникать не хотѣлъ. И, конечно, до добра это не довело и кончилось страшнымъ несчастьемъ: забрали Іоську въ тюрьму. Просидѣлъ онъ полгода. И когда вышелъ, будто остепенился: согласился взять на себя какое-нибудь дѣло, чтобы уѣхать изъ города. Думали тутъ женить Іоську. Пусть ужъ себѣ на комъ хочетъ женится, только-бъ женился. Будетъ жена, будутъ дѣти, возьмется за умъ, привяжется къ дѣлу.

„Тебѣ, Іоська, жениться надо“, повторяли отецъ и мать.

Господи Боже мой. Мнѣ да жениться-а? Ну на что мнѣ жена нужна?

Какъ это на что? Жена всякому человѣку нужна.

И совсѣмъ не всякому. Какъ разъ мнѣ и не нужна. Что значитъ жена? Жена значитъ—домъ, жена—значитъ дѣти, жена значитъ путы на ноги.

„Мишугинэ“ (сумасшедшій), пожимали плечами отецъ съ матерью.

И пошелъ Іоська колесить по свѣту. Посидитъ въ одномъ мѣстѣ, поживетъ, посмотритъ—ужъ его въ другое тянетъ.

Такъ вотъ и очутился онъ въ слободѣ Нальчанской, открылъ торговлю краснымъ товаромъ. И когда услыхалъ о „хлыстахъ“ и о пещоркахъ ихъ, захотѣлось ему съ этими людьми поближе сойтись. Пришелъ и сказалъ: „Такъ молъ и такъ, еврей вотъ я, но правдой христіанской интересуюсь. И хочу, чтобы мнѣ разъяснили“.

Что-жъ отвѣтили ему; въ писаніи сказано: спасутся отъ всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ.

Сталъ Іоська ходить на братскія бесѣды, прислушивался ко всему внимательно, да изрѣдка вопросы задавалъ:

„Какъ объ этомъ, да объ этомъ понимаете?“

И радовалась братія, что обратитъ его на путь истинный. И только когда встрѣтился Іоська съ дѣдомъ, не могъ молчать, и пошли у нихъ жаркіе споры. Двѣ правды, какъ кинжалы клинками, скрестились.

Одна правда земная была, на землѣ радость видѣла, и въ людей вѣрила, что идутъ они все къ лучшему и свѣтлому, къ раю на землѣ.

А другая правда—дѣдова, старая правда—небесная. И на землѣ видѣла она одну только тьму, да грязь, да разрушеніе, и кромѣ небесной радости другой не хотѣла знать.

И оба въ свою правду вѣрили, а Маринка стояла между ними и не знала, что думать ей, какъ двѣ правды въ одну слить? Или которая изъ двухъ единая, вѣрная?

Дѣдъ Іоську всѣми силами вразумить старался и когда начиналъ съ нимъ Іоська спорить, онъ на помощь Маринку призывалъ: „Ты стой Іоська. Мы тебѣ вотъ стишокъ пропоемъ. Давай-ка Маринка ему: „нѣтъ мѣста, нѣтъ“ „пускай восчувствуетъ“.

И запѣваетъ радостно звонкій Маринкинъ голосокъ:

„Есть мѣсто, есть . . .

—Есть мѣсто, есть, вторитъ сй старческій басъ дѣда: „Господь въ чертогъ зоветъ“.

„Тебя зовутъ, ты зовъ не отклони“, уговариваетъ Маринка.

—Тебя тамъ ждутъ, туда, туда войди.—приказываетъ сурово дѣдъ.

„Есть мѣсто есть, о поспѣши войти,—умоляетъ Маринка.

—Поспѣши войти,—торопитъ дѣдъ.

„Все небо тамъ, все радость, о входи“. Звенитъ она радостью.

И опять приказываетъ дѣдъ: „Господь зоветъ, ты голосу внемли“.

„Свѣтилу дня не долго ужъ сіять,“ пугливо вздрагиваетъ Маринка.

„Ночная тьма готова все обьять“, жалуется она.

„Настанетъ ночь, закроются врата“, сурово предупреждаетъ дѣдъ.

—Ужасный вопль услышишь ты тогда“.

„Нѣтъ мѣста, нѣтъ“, рыдаетъ Маринкинъ голосъ и навертываются на ея глаза слезы.

„Затворены ворота.—безпощадно заявляетъ дѣдъ, словно у него въ рукахъ ключи отъ царствія небеснаго.

„Нѣтъ мѣста, нѣтъ“, обнимаются оба голоса, рыдающій и суровый. И сидятъ они всѣ минуту молча, тишину спугнуть боятся.

Но Іоська встряхиваетъ головой, отгоняетъ непрошенные чары и говоритъ насмѣшливо:

«Здорово, дѣдъ. Этакъ пугливаго и напугать можно“.

Маринка отходитъ въ тѣнь чинары, переводитъ глаза тревожно съ одного на другого—видитъ, опять двѣ правды скрестились.

— „А ты не пугливъ?“ спрашиваетъ дѣдъ.

„Нѣтъ, дѣдъ“ еще задорнѣй отвѣчаетъ Іоська. Онъ всегда задорнымъ становится, когда дѣдова правда до души его дойдетъ—вытолкнуть его старается: „Нѣтъ, не пугливъ. Меня воротами запертыми не запугаешь, у меня, братъ, у самого ключи отъ радости. И ворота мои широко распахнуты, кто хочешь иди.

— „А отъ рая отказываешься?“ спрашиваетъ дѣдъ: „отъ небеснаго вѣчнаго“?.

— „Отъ сказокъ отказываюсь. Отъ дурмана Вашего отказываюсь“.

— „Отказываешься отъ рая, попробуешь въ аду сладко-ли“, смѣется дѣдъ.

— „Сказки“, кричитъ Іоська, такъ что вздрагиваютъ въ испугѣ чинаровые упругіе листья: „дѣтей пугать“.

„А если-жъ неба нѣту, ада нѣту, рая нѣту-такъ зачѣмъ-жить?“—застѣнчиво отзывается Маринка изъ густой темно-синей тѣни съ золотыми просвѣтами: „зачѣмъ-же мучатся люди, когда никто имъ за это ничего не воздастъ?“.

— „Хе—хе—хе“,—смѣется дѣдъ тихимъ смѣхомъ:—„ай да

внученька, ай да умница, такъ его безбожника, катай его нехристя. А Іоська, вотъ тебѣ устами младенцевъ истина-прижалъ тебя къ стѣнѣ?“.—

„Ахъ и пустяки“, кричитъ Іоська Маринкѣ, подвигаясь къ ней въ тѣнь: „вотъ пустяки. Ангеловъ нѣту, неба нѣту? А люди есть, земля есть. Люди грязные, земля черная? А? Да на черной землѣ цвѣты цвѣтутъ, не видала? Лѣса растутъ, луга зеленѣютъ. Для кого все? Для человѣка! Да, ему здѣсь рай будетъ. Какой рай? Вся земля-садъ прекрасный. И ходятъ въ немъ люди въ свѣтлой одеждѣ и со свѣтлыми лицами, ходятъ и пѣсни поютъ, землю славятъ, рай свой, что сами насадили, себя славятъ“...

„Это ты изъ пѣсенъ нашихъ, да все навыворотъ“.

„Изъ пѣсенъ, да не изъ вашихъ. А что слова ваши, такъ ты другихъ не поймешь“.

„Такъ всѣхъ и пустишь въ рай? — отзывается опять Маринка.

— „Ни у кого никакой власти нѣтъ пускать-не пускать“. Откуда власть-а? Сами рай садили, кто садилъ, того и рай.

„Заплюютъ твой рай, загадятъ“, смѣется дѣдъ.

— „Загадятъ“,—отзывается Маринка, какъ струна дрожитъ. Будто видитъ уже прекрасный садъ и боится, чтобы кто красоту его не испортилъ. „Кто заплюетъ, кто загадитъ“? спрашиваетъ Іоська и закипаетъ весь: „какъ говорить такъ, зачѣмъ говорить“?.

— „Люди загадятъ“, скрипитъ дѣдъ: „вотъ и загадятъ. Ты имъ что не дай, все загадятъ“

„Ну-да“, дрожатъ у Маринки струны—„Ну-да“...

— Люди-а? вскакиваетъ Іоська во весь свой длинный ростъ, будто земля его отъ себя отбросила: „да ты человѣка-то настоящаго видѣлъ-ли?“.

— „Ну ужъ я, братъ, столько народу на своемъ вѣку перевидалъ—не тебѣ меня учить. Молоко-то на губахъ оботри“.

„Да кто знаетъ человѣка, настоящаго человѣка? Никто не видѣлъ потому что онъ еще не народился“...

— „Всѣ люди, братъ, сначала не родятся, а потомъ родятся. И ты не иначе на свѣтъ пришелъ“,—смѣется дѣдъ.

„Ты не смѣйся, дѣдъ“, горячится Іоська: не смѣйся, что за привычка надо всѣмъ смѣяться, а?

„Постой, дѣдъ, нехай онъ скажетъ“, проситъ Маринка.

„Людей много, а человѣка настоящаго нѣтъ еще“, говоритъ Іоська: да настоящій можетъ и родится тамъ уже, въ раю. А теперь у каждаго по кусочку человѣка: у этого одно, у того другое. А вотъ собрать у всякого, что у него лучшаго, да въ кучу сложить—вотъ это и будетъ человѣкъ: у одного умъ его взять, у другого волю, у третьяго красоту, у четвертаго сердце, какъ огонь яркое. Вотъ подходишь къ человѣку и видишь-мусору у него на душѣ навалено, копоти накопчено: хочется рукой махнуть, да мимо и пройти. Анъ нѣтъ не проходи. Вдругъ повернется къ тебѣ человѣкъ по иному, и видишь огонь блеснулъ. Огонь-а? Ты покажи ему цѣль, куда огонь направить, ты на копоть не смотри, а искру и вотъ эту раздуй... Да милліоны такихъ искръ, такъ они пожаръ зажгутъ, да какой пожаръ-а? Всякая эта дрянь на землѣ погоритъ, а изъ пепла новый человѣкъ встанетъ. Весь изъ искръ, весь изъ огня. Онъ идетъ танцуетъ, говоритъ—пѣсни поетъ... У него подъ ногами цвѣты цвѣтутъ“.

И забывалъ Іоська, что переъ нимъ полувыжившій изъ ума старикъ и суевѣрная, пугливая монашка. Казалось—слушаетъ его великое множество людей, и открываетъ онъ имъ правду о нихъ самихъ.

„Стойте“ говоритъ онъ „стойте“. Вы бросьте-ка этихъ Ивановъ да Петровъ, Семеновъ да Кондратовъ. Ахъ, развѣ въ нихъ дѣло? Вы смотрите человѣка-вотъ онъ человѣкъ, какой онъ долженъ быть, какой онъ будетъ. Вотъ это человѣкъ, это человѣкъ, да“...

Когда не понималъ дѣдъ, его клонило ко сну, онъ не зналъ, къ чему придраться, и говорилъ скрипучимъ голосомъ:

— Мели Емеля, твоя недѣля. Пошелъ-поѣхалъ, языкъ безъ костей, голова безъ разума, можетъ ты бы помолчалъ, а мы бы послушали“.

Но Маринка не могла такъ. Поднимали въ душѣ ея тревогу Іоськины слова. И понимала она его будто и не понимала; и знала, чего хочетъ и не знала. И какъ нарочно тамъ, гдѣ казалась ей, долженъ онъ самое важное и убѣдительное сказать—что за рай на землѣ ожидаетъ, откуда и какихъ такихъ людей необыкновенныхъ, свѣтлыхъ увидѣлъ, гдѣ и какъ?—тамъ ничиналъ онъ говорить совсѣмъ не понятно и путанно. Слышишь слова, а понять не можешь, будто про звѣриное число читаетъ.

И не могла такъ Маринка.

„Постой, дѣду“, проситъ она: „постой“. Ты про какой дворецъ Іоська говоришь? спрашивала она, обрадовавшись, хоть слову понятному.

И Іоська несся, какъ на крыльяхъ.

— „Дворецъ-человѣку жить, вольному человѣку жить, свободному человѣку, царю. Я въ своей жизни о-о сколько исходилъ, сколько людей перевидѣлъ, городовъ всякихъ, народу разнаго. И много суеты въ жизни, и много еще людей безъ пониманія живетъ, такъ только прожилъ, да померъ, и ничего не останется-навозъ для земли. Но видалъ я и другихъ людей... Видѣлъ я—понимаешь-а? Тѣ ужъ знаютъ, зачѣмъ живутъ, тѣ ужъ впередъ смотрятъ, все другъ къ дружкѣ льнутъ, ближе, тѣснѣй, грудь съ грудью. Тѣ ужъ знаютъ—рай будетъ, настоящій человѣкъ придетъ, хозяинъ на землѣ—и дворецъ ему строятъ. Кому что подъ силу: кирпичи таскаютъ, камни ворочаютъ. Кому не подъ силу—песчинку принесетъ, а посмот-

ришь тысячи да по песчинкѣ—гора выростаетъ. Такъ пока камни да глина, матеріалъ сырой, да землю расчищаютъ. А имъ-ли строить придется, еще неизвѣстно. Но и то работа и много работы и хороша работа и весела. Камень несешь—а передъ глазами уже дворецъ встаетъ чудесный-расчудесный, прекрасный-распрекрасный, какого еще земля не видала, сколько стоитъ. И такъ хорошо да радостно, что крылья вырастаютъ. Гдѣ твоя работа; гдѣ не твоя—ничего не различаешь, одно знаешь—наша. Какую ни принесешь малость, все къ общей кучѣ прибавишь, и растетъ она вверхъ, не остановишь".

— „Ты не хвастай",—скрипитъ дѣдъ досадливо: мы больше свѣта видѣли, чуть не всѣ города по всей Россіи обходили. Тоже выискался: отъ горшка три вершка, а людей—учитъ, сказками стариковъ морочитъ. Видѣли мы дворцы Ваши писанные...

Но Іоську теперь никакая сила остановить не могла.

— „Эй, что вы тамъ видали, дѣдъ, махалъ онъ рукой": ну что видали-а? По задворкамъ лазили, да грязь нюхали. По монастырямъ и про рай рѣчи вели. Того-то и жизнь настоящую проглядѣли.

И опять двѣ правды встрѣчались, дѣлили между собой жизнь и не могли помирить.

Сидѣла въ сторонѣ Маринка и думала, что ей съ тревогою дѣлать, что въ душѣ отъ Іоськиныхъ словъ поднималась?.

Билось сердце въ груди у нея, стучало частыми, сильными ударами; и думала она потомъ, часто всю ночь напролетъ думала: какъ случилось, что обошли они всѣ дороги по всей землѣ, всѣ города, всѣ села, а главнаго не примѣтили? Видѣли царство діавола и грязь человѣческую, суету, тѣсноту и тьму непроглядную видѣли-а свѣта не замѣтили. Ночлежки и грязь, голодъ и холодъ, страхъ видѣли, а радость да красоту? Мимо прошли. Какъ быть могло? Гдѣ дворецъ чудесный строился, гдѣ работа кипѣла радостная, веселая? Была красота въ высокихъ церквахъ, въ золоченыхъ иконахъ, въ мерцаніи свѣчей, въ благолѣпіи святого служенія. Но изъ церквей шли люди въ кабакъ и на базаръ, шли въ грязь, въ мерзость непролазную. Пѣли „слава въ вышнихъ", а на землѣ не было ни мира, ни благоволенія. Гдѣ Іоська другое видѣлъ и почему они не замѣтили? И какая-же это красота, что ничто передъ ней даже церковное пѣніе и райское блаженство?.

Не смыкала часто Маринка напролетъ всю ночь глазъ и вздыхала и думала: какъ быть могло, какъ быть могло?

И можетъ быть потому, что никто въ жизни его такъ еще не слушалъ, полюбилъ Іоська бывать въ пещоркахъ. И полюбилъ Маринкинъ голосъ и вопросы ея дѣтскіе, а хорошіе. И самъ не замѣчалъ, что говорилъ такъ, чтобы понимала, хоть по своему, а понимала,—говорилъ сердцу ея, свои мысли въ сказочныя слова вкладывалъ, и

будто одну большую, волшебную сказку разсказывалъ про чудесное тридесятое царство.

И вѣрила Маринка все больше въ рай земной и хотѣлось ей обернуться быстролетною птицею и облетѣть весь міръ, увидѣть его по новому. Вѣрила она уже каждому слову его и не думала уже больше о монастырской кельѣ, и тѣсны становились родныя пещорки. Не понимала она, чего кипятился дѣдъ все больше въ спорахъ съ Іоськой и, чѣмъ больше хвалилъ Іоська міръ, тѣмъ больше хулилъ его дѣдъ.

Слушалъ Іоська разсказы дѣдовы, какъ онъ жизнь ямой зловонной размалевывалъ, изо всѣхъ угловъ да закоулковъ грязь да соръ выволакивалъ, весь свѣтъ наизнанку выворачивалъ—и кричалъ потомъ дѣду задорно:

„Ну ладно, ты все на свѣтѣ своими старыми руками запачкалъ. А разскажи-ка теперь про святыя мѣста твои, что отъ міра загородились? Про монастыри, что хорошаго знаешь-а? Не знаешь развѣ, что тамъ и развратъ и жадность, злоба и благочестіе лицемѣрное"...

— „Постой, постой",—замахалъ дѣдъ морщинистымъ кулакомъ: „ты этого трогать не смѣй. Вонъ она у меня есть-кивнулъ онъ головой на Маринку:—ей надо на землѣ святое мѣсто оставить, Вотъ! Пока я живъ—не надо лучше, какъ пещорки наши, я ихъ ни на какой монастырь не промѣняю. Знаю я ихъ, монастыри святые. Да вѣку моего немного осталось. Я уже годамъ счетъ потерялъ, не сегодня-завтра призоветъ Господь. Ты, братъ, за сказками души человѣческой не забывай, живой души. Да. Ей мѣсто на землѣ нужно, а ты его отнять хочешь. Нѣтъ, братъ, ты этого не смѣй. Вотъ"...

И пугала Іоську суровость его, смолкалъ онъ и смотрѣлъ на Маринку не то жалѣя, не то утѣшая.

Такъ не давалъ дѣдъ Іоськѣ слова сказать въ осужденіе своей правдѣ, а когда расписывалъ Іоська міръ по своему,—города всѣ, гдѣ бывалъ, море, что вѣчно пѣсни поетъ, и людей, добрыхъ и радостныхъ, смѣялся дѣлъ тихимъ смѣхомъ и говорилъ, качая головой: „ну и языкъ безъ костей. И кто это тебѣ столько сказокъ наразсказывалъ"?

Только не помогалъ Маринкѣ дѣдовъ смѣхъ и чаровали душу ея, какъ и раньше Іоськины рѣчи.

. . . . . .

Прошло лѣто, пришла золотая осень, напоенная ароматомъ зрѣлаго плода. Настали заморозки. Замело порошею дорожки и тропинки, осклизли ступеньки въ балкѣ и рѣдко кто изъ братіи „усердствовалъ" перевалить черезъ гору.

Въ зимніе „кашары" перебрались со скотомъ азіаты изъ горныхъ ауловъ. Съ дѣдомъ они пріятелями были-приносили ему бараньи ноги и молоко ведрами.

„Пей ваша“—говорили: „наша не жалко. Наша айранъ дѣлалъ, хорошій молоко дѣдъ тащилъ. Дѣдъ, спасибо, Богу молитъ. Одна наша Богъ, ваша Богъ. Все видитъ. Спасибо дѣдъ“. И кланялись ему въ поясъ.

Но Маринку дѣдъ отъ глазъ ихъ пряталъ: хоть смирный, хорошій народъ, а лучше подальше отъ грѣха. И когда спрашивалъ кто-нибудь изъ горцевъ, кто зналъ про внучку его:

„Куда твой Марушка пошелъ“?

Онъ показывалъ за Сарай-гору и говорилъ:

„Далеко пошелъ, слобода пошелъ“.

„Замушъ пошелъ“?

„Замужъ“, сочинялъ дѣдъ. „Мужъ у нея вотъ, братъ, какой аграмадный. И кинжалъ у него во-отъ“, зачѣмъ-то пугалъ онъ.

„Хорошъ мужъ? улыбались горцы: „спасибо“?

Всѣ двери на желѣзныхъ засовахъ держали. И рѣдко осмѣливалась Маринка даже къ источнику за водой спуститься. Развѣ дѣду занеможется.

Іоська тоже съ осени глазъ не казалъ. Но въ затворѣ своемъ не переставала Маринка о немъ думать и жили въ душѣ ея любимыя рѣчи рядомъ со стишками и святымъ писаніемъ. И ждала она тепла, вмѣстѣ съ теплыми днями Іоську ждала...

. . . . . .

Какъ всегда переспорила зиму весна-задержала солнце на небѣ, заиграла свѣтлыми лучами. Опять стала навѣдываться братія и принесла разъ изъ слободы новость, отъ которой у Маринки ноги подкосились. Говорили, что продаетъ Іоська лавочку и собирается уѣзжать куда-то изъ слободы. Дѣдъ смѣялся: Нехристь то хе-хе-хе. Не усидитъ- все ему по свѣту шататься. Правду на землѣ найти хочетъ“.

А у Маринки сердце захолонуло, и цѣлый день сама не своя ходила. Обернется, посмотритъ кругомъ и подступитъ дума, какъ змѣя вокругъ сердца обернется. Вотъ останутся они съ дѣдомъ навсегда одни-одинешеньки.

Темныя пещеры, да тишина жуткая, да люди съ душами калѣчными и съ проклятіемъ міру на устахъ. Словно солнце зашло навсегда, словно яма бездонная подъ ногами открылась. Вотъ такъ, какъ сегодня, такъ и завтра-ни свѣта, ни радости, все одно, все одно. Какъ вѣтеръ въ трубѣ гудитъ, такъ жизнь ихъ осенняя, заунывная. Вошелъ онъ къ нимъ изъ другого міра, райскія пѣсни принесъ о свѣтѣ, да о радости, о просторѣ, да о жизни вольной. Заворожилъ, зачаровалъ душу, навѣялъ мечты несбыточныя, золотые сны наяву, а что-жъ теперь будетъ, какъ уйдетъ? Такъ и броситъ ее, такъ и оставитъ ее, какъ будто о другой жизни никогда и слыхомъ не слыхала.

Не спала Маринка всю ночь и отъ лютой тоски не находила

себѣ мѣста. Бросалась на колѣни на холодный полъ и молилась скорбящимъ сердцемъ. Не шли молитвы на память и одни только слова твердила со слезами: „Не дай Господи, не дай Господи“... и замирала въ земномъ поклонѣ.

Только къ утру забылась короткимъ крѣпкимъ сномъ, а проснулась съ ясной радостью: ея сердце чуяло, что придетъ сегодня Іоська. А что дальше-не спрашивала. Просто вѣрило ея дѣвичье сердце какой-то новой радости.

Утро было ясное и свѣтлое. Солнце праздникъ почуяло—заиграло и зарадовалось какъ ни разу за всю весну. Заливало небо и землю теплыми, но не горячими еще лучами.

Запоздала немного весна и теперь торопилась со своей работой, какъ радивая хозяйка. Пухли и лопались почки на деревьяхъ, дышала паромъ земля и поднимались зеленые травяные стебли все выше и выше, словно подгонялъ ихъ кто съ корня. Бѣлѣли вишни въ цвѣту и съ зависти розовѣли на яблоняхъ бутоны, обѣщали перещеголять красотою и медвянымъ сладкимъ запахомъ.

Взобралась Маринка на чинаровый пень, сняла платокъ съ головы, перекинула за спину косы и зажмурилась-занѣжилась на солнцѣ.

Любила Маринка солнце. Еще когда бродили они по большимъ и малымъ дорогамъ, садилась она въ сторонѣ отъ богомольцевъ и подставляла лице свое горячимъ лучамъ. Закрывала глаза и наполняло ихъ золотое сіяніе съ многоцвѣтной радугой. И нѣжило солнце теплыми материнскими ласками и переносило въ страну волшебную, чистую и радостную. Такъ и теперь сѣла она на солнцѣ, закрыла глаза и чарамъ его отдалась. Только проникло ей въ грудь что-то другое, новое невѣдомое... Чуяла-кто-то родной, любимый близко былъ. Кто онъ-не знала. Только стоялъ и смѣялся, въ душу ей смотрѣлъ глубокими, какъ ночь глазами, а радостный и свѣтлый былъ, какъ день. И знала, зачѣмъ пришелъ. Сказалъ, что свѣтелъ и великъ міръ и чудесенъ, какъ сказка. Сказать, что счастье есть и что итти къ нему надо, а не прятаться въ сумрачной кельѣ. Пришелъ могучій и радостный, чтобы съ ней жизнь благословить.

Кто былъ онъ? Можетъ самъ Христосъ. Ея Христосъ. Много она иконъ перевидѣла-богатыхъ и блестящихъ, въ золотыхъ ризахъ, въ яркомъ сіяніи. А только одинъ образъ въ душу запалъ. Въ бѣдной полутемной церкви, въ бѣдной безъ позолоты кивотѣ. Такой простой, какъ человѣкъ, стоялъ только улыбка на губахъ неземная, да тонкій вѣнецъ вокругъ головы. И простиралъ руки впередъ, благословлялъ всѣхъ и вся, хотѣлъ міръ одѣлить радостью, неземною радостью, что свѣтилась на его устахъ.

Такой Христосъ ей въ душу запалъ. О такомъ Христѣ думала, когда тяжело становилось, когда тоска къ душѣ подступала. Къ нему

уйти хотѣла-туда, въ келью, чтобы всегда передъ собой видѣть свѣтлый и родной его образъ.

И не онъ-ли теперь пришелъ? Близко-близко. Вотъ беретъ она его руки и прячетъ въ нихъ свое лицо. Чувствуетъ, какъ теплота отъ его тѣла идетъ.

Наклонился надъ нею и шепчетъ-тихо, неслышно шепчетъ. О чемъ это онъ? Все о томъ-же-о жизни и радости и о яркомъ лучистомъ солнцѣ. Про широкую жизнь говоритъ, про людей свѣтлыхъ, какъ ангелы.

Кто это-Христосъ ей о своемъ раѣ разсказываетъ или Іоська о своемъ? . . . . . .

Что она? Какъ кощунственной мысли не пугается?

Заворожило солнце—навѣяло золотыя сны на яву. Грѣшные сны? Не знаетъ. Близко онъ—родной, любимый, могучій, радостный. И она ему слова шепчетъ, какихъ никогда еще никому не говорила: „Солнце мое золотое, свѣтъ мой ясный, дорогой любимый мой! Какъ-же я жила, какъ-же это жила я до той поры, пока тебя не узнала? Какъ-же это жила я безъ свѣта и радости?

Открыла глаза Маринка и осмотрѣлась. Заливало все солнце лучами своими яркими, на скамеечкѣ дѣдъ сидѣлъ, корзинку плелъ, стишокъ въ полголоса тянулъ:

„Скажите мнѣ, братья и сестры,
Куда вы хотите итти“ . . .

Смотрѣла внизъ, въ балку и знала-придетъ сегодня Іоська, не можетъ не притти. И увѣренной радостью екнуло ея сердце, когда увидала издали его высокую фигуру.

„Ну, что, бродяга неугомонная, опять, люди говорятъ, въ дорогу?“ встрѣтилъ его дѣдъ.

Въ дорогу—отвѣтилъ Іоська звонкимъ отъ радости голосомъ: завтра солнце встанетъ и я съ нимъ. Такъ вмѣстѣ и пойдемъ. По дорогѣ намъ вонъ туда“—ткнулъ онъ пальцемъ на закатную сторону.

„Не сидится?“

„Не сидится. Далеко-далеко, дѣдъ, пойду, въ чужія страны. Давно меня туда тянетъ, да все отецъ не пускалъ“. . .

„Что-жъ тамъ люди лучше нашихъ? Дворецъ все строятъ?“ смѣялся дѣдъ.

„Дворецъ. Смѣйся себѣ. А тамъ плотниковъ этихъ-милліоны!“

Слушала Маринка, вся раскраснѣвшись отъ солнца весенняго и отъ тревоги. Смотрѣла туда-за Сарай—гору, куда садится каждый день солнце-далеко, далеко—и онъ туда уйдетъ? На самый край свѣта. . А она-же какъ?

„Ну что Маринка“, обратился къ ней Іоська ласково: „скоротали съ дѣдомъ зиму?“

„Скоротали“ . . . отвѣтила она тихо.

„Я ее тутъ замужъ выдалъ“ разсказывалъ дѣдъ, какъ онъ мужемъ ея азіатовъ пугалъ.

Іоська залился смѣхомъ.

„Ай да дѣдъ, молодчина. Такъ и разсказалъ: книжалища во-отъ какой-а. Берегись-молъ. . . . “

Смѣялся и дѣдъ самъ своей выдумкѣ и смѣхъ тревогу прогонялъ и прояснялъ душу. Еще скажетъ ей Іоська, еще скажетъ радостное...

А Іоська все обошелъ, со всѣмъ попрощался. Зашелъ въ пещорки, на обрывъ взглянулъ.

„Никогда въ жизни, можетъ, этого не увижу. А оттуда все это мнѣ сномъ покажется. И разсказать кому-не повѣрятъ. Въ наше время отшельники по пещерамъ спасаются . . . .

Говорилъ такъ, будто не здѣсь уже душа его была и будто ихъ съ дѣдомъ онъ сквозь туманъ видѣлъ. Не имъ говорилъ, а самъ съ собой рѣчь велъ. И не старался больше, чтобы она его поняла. Да и ее видѣлъ-ли? Такъ полна была душа его далекой закатной стороною.

А она все ждала—все ждала—вотъ скажетъ радостное. . . . Не ее ли съ собой позоветъ, гдѣ дворецъ строится?

Ничего не сказалъ, никуда не позвалъ.

Облобызался съ дѣдомъ на прощанье три раза: „Прощай, дѣдъ, не поминай лихомъ. Я хоть и безбожникъ, а тебя люблю и жизнь твою уважаю.“

Растрогался дѣдъ: „Нѣтъ Іоська, я, братъ, душу вижу твою: она правды ищетъ. Пока молодъ-блукаешь. Постой, много еще дорогъ обойдешь, а на единую истинную вернешься. Помяни мое слово. Сказки то твои вѣтромъ раздуетъ.“

„Ну, ладно, дѣдъ: сказалъ ласково Іоська: на прощанье-то не будемъ ссорнться—приду такъ приду—твоя правда будетъ.“

Подошелъ къ Маринкѣ:

„Ну, прощай Маринка. Не поминай и ты лихомъ. Будь счастлива. . . . . “

Она его у спуска въ балку догнала.

„Іоська“—окликнула.

Онъ остановился.

„Что тебѣ, Маринка?“

Да видно на ней лица не было, что спросилъ онъ съ тревогою: „Да что съ тобой“?

Она мелкой дрожью, какъ въ лихорадкѣ, дрожала.

Что-жъ она скажетъ ему, что скажетъ? Бѣжала—не думала, одно знала—не можетъ его такъ отпустить-навсегда.

„Какъ—же я . . . Что-же мнѣ? . . . Куда-же я дѣнусь?“, шептала она чуть слышно больше губами, чѣмъ голосомъ.

Но по глазамъ понялъ Іоська тревогу ея и жалостью защемило

его сердце. И сказалъ себѣ съ упрекомъ: „Что—же ты сдѣлалъ, э-эхъ, что сдѣлалъ“.

Взялъ ласково ея руку и услышалъ дрожь ея тѣла.

„Да ты успокойся, Маринка, успокойся, мы твое горе сейчасъ обсудимъ“ . . .

Но вдругъ загорѣлось сердце ея, яркимъ огнемъ вспыхнуло и заговорила она, какъ пѣсню запѣла-свободно и складно.

„Какъ-же такъ, Іоська? Вотъ жила я до тебя и думала-такъ и надо жить, и есть жизнь наша самая лучшая. Ушли мы отъ суеты, ушли отъ грѣха, ушли отъ міра—это и есть жизнь праведная. Пришелъ ты и душу перевернулъ, жизнь по иному росписалъ. Разсказалъ про міръ такъ, что наша жизнь стала малая да сѣрая, а вѣра наша-утѣшеніе для калѣкъ и убогихъ. Какъ-же теперь мнѣ быть? Какъ-же оставляешь меня по прежнему жить, когда новѣрно это все, когда не къ гибели міра идетъ, а къ радости, и не на томъ, а на этомъ свѣтѣ всѣмъ будетъ воздаяніе. Что же мнѣ дѣлать теперь? . . . “

Стоялъ Іоська, мялъ въ рукѣ кустъ какой-то, что подъ руку подвернулся, и не зналъ, что отвѣтить, что сказать, какъ растолковать?.

И началъ говорить, что хоть царство земное и идетъ, да далеко еще. Пока придетъ—много людей за него головы сложатъ. Каждую пядь въ бою надо брать, у непріятеля отвоевывать: много работы и тяжкой работы, не у всякаго на такую работу силъ хватитъ...

И такъ долго говорилъ Іоська—и про нужду и про голодъ, и про злобу и гоненія.

Слушала Маринка, слушала—и не узнавала Іоськиныхъ словъ: гдѣ-же міръ его дѣлся, свѣтлый да радостный.

И подступила ей къ сердцу обида жгучая. Сама своего голоса не узнала, какъ ему крикнула:

„Такъ что-же ты про міръ плелъ: писаный—мазаный, прекрасный—распрекрасный! И музыка играетъ и море пѣсни поетъ и люди камни носятъ, дворецъ строятъ, чтобы всѣмъ людямъ жить! Думала и меня возьмешь во дворецъ—то съ собой. А оказалось тоже—сказки однѣ“...

И жаль было Іоськѣ Маринку, жаль было, что исчезъ изъ ея глазъ прекрасный образъ великаго міра, что онъ словами своими запечатлѣлъ. И жаль было, что воцарятся опять въ молодой душѣ *сѣрыя* копотныя слова, клевета на жизнь людей съ калѣчными душами. И пришла нежданная мысль въ голову—не взять-ли и впрямь Маринку съ собой—не попытаться-ли человѣка сдѣлать?.

Но разстилалась передъ нимъ, какъ широкая степь, свободная вольная жизнь. Отъ всѣхъ цѣпей себя освободилъ, черезъ родныхъ перешагнулъ, отъ уюта, отъ теплаго угла отказался, все за свободу отдалъ.

И теперь обузу на себя брать, когда на порогѣ стоитъ къ давно-жданному. Нѣтъ, нѣтъ...

„Что-же ты молчишь, Іоська?—спросила она.

„Ахъ, Маринка, ну что-же я тебѣ скажу?. Что-же я тебѣ скажу, Боже мой“—тихо отвѣтилъ онъ.

И поняла она, что жалѣетъ ее, а сдѣлать ничего не можетъ. Что изъ жалости и царство свое разрушилъ. И, повернувшись, пошла отъ него назадъ въ пещорки, какъ въ могилу.

А онъ сталъ спускаться въ балку и поднялся потомъ на Сарай—гору и съ вершины оглянулся вокругъ.

Тамъ—степь на западъ убѣгала далеко-далеко-до самаго неба, И притаились на ней хутора и слободы, а тамъ дальше маячили уже трубы заводовъ.

Жизнь, жизнь...

Убѣгая манила степь—туда, туда, все дальше и дальше...

И глубокое небо поднималось синей хрустальной чашей, опиралось краями на землю.

И звенѣла въ душѣ его пѣсня—волшебная пѣсня раздолья жизни:

„Высота-ль, высота поднебесная,
Широта-ль—широта-ль, океанъ море“...

Поднялся изъ балки бѣлый туманъ, закрылъ скатъ горы, зеленую поляну и черный ходъ въ пещеры.

— „Эхъ, Маринка, отплатимъ мы и за твои слезы. За все посчитаемся“—погрозилъ кому-то Іоська, и опять запѣлъ громко и радостно:

„Поѣдешь въ дальніе края,
Увидишь синія моря“ . . . . . .

И будто крылья бились въ груди у него и унести хотѣли—далеко—далеко.

. . . . . .

Если будете на Кавказѣ—побывайте въ слободѣ Нальчанской и взберитесь на Сарай—Гору, что поднимаетъ надъ слободой свою зеленую вершину. И внизъ, съ вершины, по ту сторону поищите узкую, едва примѣтную тропку. Идите по ней и смотрите—знаки будутъ то по правой, то по лѣвой сторонѣ на толстыхъ чинаровыхъ стволахъ. И приведутъ они Васъ къ крутой балкѣ и къ черному ходу вглубь горы.

Навѣстите святыя пещерки—и если живъ еще дѣдъ—передайте

ему земной поклонъ отъ Іоськи. Скажите, что все еще бродитъ онъ по мірскимъ дорогамъ и все дальше уходитъ отъ дѣдовой. И про внучку спросите—про пугливую чернобровую Маринку. Гдѣ она? Что съ ней? И нашла-ли миръ ея встревоженная душа.

Л. Землянская.

Стихотворенія.

* * *

Буранъ кружитъ въ степи безбрежной,
Буранъ кружитъ, мететъ, бурлитъ.....
Покровъ холодный, бѣлоснѣжный
Съ налета рветъ, съ налета мчитъ.

Дороги нѣтъ—одинъ я въ полѣ.
Дороги нѣтъ—и стынетъ кровь...
Но сердце радо бурной волѣ,
Но въ сердцѣ сумрачномъ любовь.

Борьбы хочу я съ вѣтромъ дикимъ,
Борьбы хочу съ ордой снѣговъ.
Овѣянъ гимномъ я великимъ,
За чудный мигъ я пасть готовъ.

И что мнѣ вихрь сѣдой, гнетущій,
И что мнѣ вихрь метели злой,
Когда въ душѣ—разсвѣтъ грядущій,
Когда мечта моя со мной!

Лео Нечай.

---

* * *

Какъ безбрежная степь,
Растянулася цѣпь
Облаковъ, озаренныхъ холодной луной,
И небесъ глубина—
Эта пропасть безъ дна
Весь окутала міръ серебристою мглой.
И желѣзной рукой,
Горизонта чертой
Опоясала землю и свѣтлую даль.
Все замкнула въ себѣ,
Въ неприступной чертѣ
И желанья людей, и печаль.
Тихо звѣзды зажгла,
Съ луннымъ свѣтомъ слила,
Облака всколыхнула въ лазурной дали...
И въ серебряной мглѣ,
Въ этомъ сказочномъ снѣ
Затерялася скорбь одинокой земли.

Клавдія Хохлова.

Международность и война.

ст. **К. Каутскаго.** *(Перев. съ нѣмецк.)*

(окончаніе). [1])

Отъ редакціи:

Заканчивая въ настоящей книжкѣ журнала печатаніе замѣчательной во многихъ отношеніяхъ статьи Каутскаго, мы считаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ отмѣтить наше несогласіе съ цѣлымъ рядомъ положеній этой статьи.

Каутскій блестяще показалъ и на фактахъ исторіи послѣдняго полувѣка, и теоретическимъ разборомъ, что одно дѣло принципіальное отрицаніе войны, какъ метода разрѣшенія національно—государственныхъ противорѣчій, и другое—отношеніе къ войнѣ, какъ къ уже имѣющемуся на лицо явленію дѣйствительности. Разъ война началась, соціалисты меньше, чѣмъ кто либо, имѣютъ возможность оставаться безразличными къ тому, кто въ войнѣ побѣдитъ, они вынуждаются — какъ говоритъ Каутскій—im Kriege Partei ergreifen . . . .

Но исчерпывающая вопросъ аргументація Каутскаго, но утвержденіе Каутскаго интернаціональной основы для сужденія о событіяхъ войны обрывается вдругъ—съ появленіемъ на сцену вопроса о національной оборонѣ страны и со ссылкой на трудности правильной ориентировки въ международномъ положеніи. Вмѣсто того, чтобы признавъ эту трудность, провозгласить необходимость ея преодолѣнія, Каутскій передъ ней капитулируетъ; и вмѣсто того, чтобы поставить проблемму о томъ, какъ примирить интернаціонализмъ съ моментомъ національной самообороны, Каутскій позволяетъ моменту національной самообороны поглотить и свести совершенно на нѣтъ интернаціонализмъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

[1]) См. „Наше Дѣло" 1915 г. № 1 стр. 120—136.

Это величайшій грѣхъ статьи Каутскаго; грѣхъ, совершаемый имъ во имя защиты поведенія германской соціалдемократіи. Онъ значительно ослабляетъ дѣйственный смыслъ его интересной работы, но не можетъ уничтожить ея теоретитическую цѣнность.

Вотъ почему, при всемъ нашемъ несогласіи съ Каутскимъ въ этой части его аргументаціи, мы, тѣмъ не менѣе, самымъ настоятельнымъ образомъ рекомендуемъ статью вниманію читателей.

---

3. *Разногласія во время мира и разногласія во время войны.*

Нѣкоторые пытаются въ разногласіяхъ въ нашихъ рядахъ, вызванныхъ войной, видѣть только продолженіе различія въ мнѣніяхъ, которыя существуютъ среди насъ по вопросамъ теоретическимъ или тактическимъ въ мирное время. Въ дѣйствительности же эти разногласія имѣютъ совершенно другой характеръ. Перенесеніе на нихъ понятій мирнаго времени можетъ повести только къ путаницѣ.

Исходнымъ пунктомъ нашего міровоззрѣнія и дѣйствія, въ качествѣ соціалистовъ, является . . . . . движеніе пролетаріата. Мы сдѣлали свой выборъ, прежде чѣмъ стали соціалистами. Мы стали на защиту интересовъ рабочихъ и ихъ освобожденіе сдѣлали задачей своей жизни; благодаря этому мы сдѣлались соціалистами. Поскольку же мы ими стали, для насъ уже не возникаетъ вопроса, на чью сторону мы должны стать въ соціальной борьбѣ. Во время мира насъ, какъ соціалистовъ, занимаетъ другая проблема: какая тактика, какія средства больше способны помочь рабочему классу въ его движеніи и вести его къ побѣдѣ. Проблема эта ни въ коемъ случаѣ не является разрѣшенной разъ на всегда. Чѣмъ больше наши теоретическія познанія, сумма нашего практическаго опыта, тѣмъ больше мы можемъ примѣнять вмѣсто постояннаго экспериментированія и нащупыванія испытанные и продуманные до конца принципы. Но мѣняющаяся ситуація каждый разъ снова создаетъ постоянно измѣняющуюся и вѣчно новую проблему правильной оцѣнки любого положенія и наиболѣе цѣлесообразнаго примѣненія къ ней нашихъ принциповъ.

Поэтому не бываетъ новой ситуаціи, которая не вызывала бы въ партіи новыхъ разногласій.

Само собой понятно, что міровая война, создающая для насъ не бывшія никогда ситуаціи, вызываетъ благодаря этому новыя проблемы тактическаго характера и возможность новыхъ разногласій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ война порождаетъ для насъ особенную, только ей свойственную, проблему.

Война представляетъ собой борьбу не классовъ, но прежде всего правительствъ, даже въ демократическихъ государствахъ, даже тамъ, гдѣ народная масса воодушевлена въ пользу войны. Война объявляется правительствами правительствамъ и руководится правительствами. Правда, послѣднія служатъ представителями или орудіями опредѣленныхъ соціальныхъ группъ, но тамъ, гдѣ въ конфликтъ вступаютъ между собой государства съ одинаковой экономической структурой, съ той и съ другой стороны борьбой руководитъ одинъ и тотъ же классъ, и этимъ классомъ нигдѣ не является пролетаріатъ. Тѣмъ не менѣе, послѣдній заинтересованъ въ исходѣ войны. Хотя при этомъ никакіе интересы пролетаріата непосредственно не ставятся на карту, но косвенно условіямъ его развитія и движенія можетъ благопріятствовать побѣда однихъ правительствъ и вредить побѣда другихъ. Поэтому приходится во время войны принимать какую-либо сторону (Partei ergreifen), какъ ни осуждать самую войну. Чью именно сторону принимать—именно и составляетъ особую проблемму, которую война приноситъ съ собой соціалистамъ; именно эту проблемму, а не вопросъ о цѣлесообразной тактикѣ ведущихъ войну сторонъ, представляющій военно-технический вопросъ, до котораго соціалистамъ, какъ таковымъ, нѣтъ никакого дѣла.

Характеръ такого участія въ борьбѣ націй, въ отличіе отъ борьбы классовъ, не данъ заранѣе для соціалистовъ; этимъ именно, а не голыми протестами или избѣжаніемъ всякаго участія въ войнѣ, международная точка зрѣнія отличается отъ націоналистической. Исходя какъ изъ одной, такъ и изъ другой точекъ зрѣнія можно приходить къ одинаковому участію, къ поддержкѣ своего правительства. Различіе состоитъ въ томъ, что для націоналистовъ этотъ выводъ, безъ всякаго размышленія, существуетъ въ качествѣ аксіомы; для человѣка, стоящаго на международной точкѣ зрѣнія, напротивъ, онъ является результатомъ взвѣшиванія всѣхъ возможныхъ послѣдствій исхода войны для международнаго цѣлаго.

Но это значитъ, что интернаціоналисты могутъ при этомъ прійти къ самымъ различнымъ взглядамъ въ зависимости уже отъ того различнаго фактическаго матеріала, на основаніи котораго каждый изъ нихъ выводитъ свое рѣшеніе. Соціалисты различныхъ націй могутъ при этомъ разойтись въ своихъ взглядахъ, какъ и соціалисты внутри одной націи. Дѣло идетъ при этомъ о въ высшей степени сложныхъ отношеніяхъ, напр. объ отношеніяхъ чужихъ національностей, съ которыми часто бываютъ плохо знакомы. Нерѣдко приходятъ къ быстрому рѣшенію стать на одну сторону на основаніи одностороннихъ или недостаточныхъ сообщеній. Наконецъ, дѣло идетъ о возможностяхъ, при которыхъ полетъ фантазіи имѣетъ почти не ограниченныя рамки. Если во время мирнаго состоянія наблюдается постоянное повтореніе тѣхъ же самыхъ процессовъ, такъ что требуется большое умственное напряженіе, чтобы представить себѣ въ абстракціи отношенія, значительно отъ этихъ процессовъ отклоняющіяся, то съ войной рушится всякій прочный базисъ существующаго и наступаетъ царство неограниченныхъ возможностей. Никто не знаетъ, какъ велики могутъ быть побѣда или пораженіе; никто не можетъ предвидѣть степени ужасныхъ бѣдствій послѣдняго и подъема въ результатѣ перваго. Удержаться во время войны и особенно при ея возникновеніи отъ фантистическихъ преувеличеній столь

же трудно, какъ во время мира преодолѣть болѣе дальновиднымъ взоромъ не привыкшую къ мысли рутину.

Даже когда снова возстановляется миръ и вмѣстѣ съ нимъ болѣе спокойное размышленіе, все еще трудно настолько рѣзко отграничить всѣ возможности, которыя скрывала война, чтобы стало возможно безусловное сужденіе о ней. Мы, напримѣръ, можемъ установить, къ какимъ послѣдствіямъ повела быстрая побѣда Пруссіи въ 1866 году. Но каковы были бы послѣдствія для Германіи и всего мира, если бы Пруссаки побѣдили не съ такой стремительностью или даже если бы они были разбиты, если бы поведеніе Бебеля и Либкнехта, Маркса и Энгельса было тогда обратнымъ тому, каково оно было; объ этомъ можно безъ конца спорить и въ настоящее время, не приходя ни къ какому опредѣленному результату.

Безполезно заниматься спорами о подобныхъ возможностяхъ. Практически важно слѣдующее: поведеніе интернаціоналистовъ, въ отличіе отъ націоналистовъ, не дано съ самаго начала и на все время войны. Оно основывается на оцѣнкѣ извѣстныхъ положеній и возможностей и можетъ измѣняться, если перемѣнится ситуація или, если на мѣсто абстрактныхъ возможностей выплывутъ реальные факты. Чѣмъ яснѣе и недвусмысленнѣе станетъ положеніе, тѣмъ раньше наступитъ возможность исчезновенія разногласій, которыя обнаружились при возникновеніи войны, и возможность единой позиціи соціалистовъ.

Послѣднее станетъ возможнымъ тѣмъ легче, чѣмъ больше въ начальной стадіи войны съ ея неопредѣленными возможностями они остерегутся превратить свои внутреннія разногласія въ публичную распрю, и чѣмъ въ большей степени они впослѣдствіи откажутся отъ оправданій и обвиненій по поводу разногласій изъ временъ первой неувѣренности.

Примѣромъ могла бы служить германская соціальдемократія въ 1870 году.

Уже 26 іюля 1870 г. Либкнехтъ писалъ Браке.:

„Третій пунктъ—касательно поведенія по отношенію къ прусскому правительству во время furor teutonicus (тевтонской ярости)—лишаетъ насъ единства, такъ какъ члены партіи въ сѣверной и южной Германіи, въ зависимости отъ своего мѣстожительства, подъ вліяніемъ мѣстныхъ настроеній, различно смотрятъ на вопросъ. Трудно освободиться отъ этихъ мѣстныхъ настроеній во времена возбужденія, подобнаго нынѣшнему. Поэтому я не слишкомъ сержусь на васъ за ваше патріотическое рвеніе: но будьте же и вы, со своей стороны, терпимы. Если вы несоглаены съ поведеніемъ Бебеля и моимъ въ рейхстагѣ, то какой угодно цѣной необходимо теперь устранить этотъ споръ или, по крайней мѣрѣ, избѣгнуть открытаго разрыва. Въ моментъ, подобный настоящему, небходимо, чтобы внутри партіи не происходило ничего, что выглядѣло бы, какъ отсутствіе единства, и я заклинаю васъ оставить все, что можетъ обострить разногласія".

Въ такомъ духѣ тогда и поступали, и партійныя разногласія того времени не стали бы достояніемъ гласности, если бы обыски и судебные процессы не сдѣлали извѣстными всѣмъ письма, вродѣ только что цитированнаго.

Когда же положеніе выяснилось, всякая возможность пораженія Германіи исчезла и война продолжалась только ради аннексіи Эльзаса и Лотарингіи, соціальдемократы всѣхъ направленій получили общую почву и, не задаваясь вопросомъ о томъ,

какъ они голосовали при возникновеніи войны, и идя дальше простого воздержанія, за которое такъ упрекали Бебеля и Либкнехта послѣ 21-го іюля, всѣ соціалистическіе депутаты: лассальянцы и эйзенахцы—Фритцше, Газенклеверъ, Менде, Шрапсъ, Швейцеръ, въ согласіи съ Бебелемъ и Либкнехтомъ, отклонили 28 ноября вновь требуемые кредиты.

Обратное положеніе было во Франціи. Въ началѣ войны, когда она казалась чисто династической, противъ нея протестовали не только соціалистическіе рабочіе, но даже и буржуазная оппозиція голосовала въ законодательномъ корпусѣ противъ военныхъ кредитовъ. Она ни за что не хотѣла поддерживать наполеоновскаго режима. Но послѣ учрежденія республики и въ виду угрозы аннексіи Эльзаса и Лотарингіи именно пролетарскіе и соціалистическіе элементы требовали продолженія войны съ настойчивой энергіей и обвиняли буржуазные элементы въ томъ, что они недостаточно энергично дѣйствуютъ въ этомъ направленіи.

Въ опредѣленныхъ положеніяхъ отношеніе къ войнѣ можетъ быть одинаковымъ какъ съ международной, такъ и съ націоналистической точки зрѣнія. Изъ этого могутъ возникнуть нѣкоторыя недоразумѣнія, а при нѣкоторыхъ условіяхъ даже укрѣпленіе націоналистическаго чувства. Послѣднее тѣмъ возможнѣе, чѣмъ неопредѣленнѣе положеніе, чѣмъ шире и многочисленнѣе возможности, которыя оно скрываетъ въ себѣ, особенно, слѣдовательно, въ началѣ войны, поскольку не произошло еще соразмѣренія силъ.

Въ какой степени рабочій классъ какой либо страны дѣйствительно проникнется націоналистическимъ мышленіемъ и станетъ чуждъ международности, можно установить съ нѣкоторой опредѣленностью только тогда, когда на лицо имѣется ясное положеніе и война приняла рѣшительный оборотъ. Тогда, но не ранѣе этого, можетъ обнаружиться, по какимъ мотивамъ послѣдовало участіе различныхъ соціалистическихъ партій въ войнѣ (что очень отличается отъ ихъ отношенія къ войнѣ), и ослабѣлъ ли дѣйствительно, и въ какой мѣрѣ Интернаціоналъ. Въ настоящее время еще очень преждевременно объявлять его мертвымъ

4. *Единство среди соціалистовъ со времени бурской войны.*

Участіе въ войнѣ (Parteinahme im Kriege) не всегда политически, но всегда психологически, необходимый процессъ. И, однако, война всегда ставитъ международныхъ соціалистовъ передъ труднѣйшей проблемой. До того столь прочная руководящая нить классовыхъ интересовъ пролетаріата теперь запутывается. При этомъ хорошо обоснованная партійность для одной изъ сторонъ ведущихъ войну требуетъ точнаго знанія заграничныхъ условій, которое очень рѣдко имѣется на лицо. На мѣсто установленнаго опыта выступаютъ неожиданныя возможности. И, наконецъ, во время войны отношенія мирнаго времени становятся прямо на голову.

Во время мира естественное положеніе соціальдемократіи, въ качествѣ представительницы низшаго слоя народа—быть въ оппозиціи къ всякому правительству . . . . . .
. . . . . Во время войны она попадаетъ въ необходимость, во всякомъ случаѣ поскольку она принимаетъ сторону одного изъ борющихся государствъ, встать на сторону одного изъ правительствъ. Если это есть собственное правительство, это значитъ давать средства для введенія войны . . . . . .
. . . . . .

Тотъ, кто ни понимаетъ, что война такъ много ставитъ на голову, видитъ въ этомъ отказъ отъ прежней практики. Одни оплакиваютъ это, какъ позорную измѣну, другіе видятъ въ этомъ начало новой тактики и признаніе того, что прежняя тактика была ошибочной.

И то и другое совершенно неправильно.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Мы выступаемъ противъ военной системы не потому, что хотимъ сдѣлать беззащитной свою родину, но потому что этимъ хотимъ замѣнить существующую систему обороны другой, которую мы считаемъ лучшей, ибо она, будучи немилитаристична, выполняетъ тѣ же функціи, меньше стѣсняетъ развитіе производительныхъ силъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Всѣ эти вопросы даже не поднимаются во время войны, даже въ томъ случаѣ, если прежняя военная система терпитъ крушеніе, какъ это случилось во Франціи въ 1792 г. въ 1870 г. Послѣ войны всѣ эти проблемы станутъ еще важнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и наша прежняя тактика снова окажется необходимой.

Новизна, сложность, а часто и кажущаяся обратная постановка вопросовъ, которыя ставитъ передъ нами война, вовсе не означаютъ пересмотра принциповъ нашей тактики во время мира. Они говорятъ только, что война вноситъ съ собой неожиданно чревычайныя трудности для международнаго движенія, къ которымъ его не подготовило мирное время.

Если мы не дооцѣнивали этихъ трудностей и жили въ ожиданіи, что во время войны, какъ и во время мира, интернаціоналъ будетъ функціонировать въ полномъ единствѣ, безъ малѣйшаго раскола, то отчасти это происходило благодаря смѣшенію, на которое мы уже указывали, отношенія къ войнѣ и участія въ войнѣ. Такъ какъ мы всѣ были едины въ осужденіи войны,

такъ какъ мы всѣ знали, что европейская война въ настоящее время въ своей конечной основѣ имѣетъ только имперіалистскія тенденціи, то казалось, что этимъ достигается полное единство въ интернаціоналѣ относительно всѣхъ проблемъ войны.

Но даже у тѣхъ, кто умѣлъ различать между отношеніемъ къ войнѣ и участіемъ въ войнѣ, былъ сильный оптимизмъ по отношенію къ единству интернаціонала въ будущей войнѣ. Причина этого отчасти заключается въ томъ, что во время послѣднихъ войнъ не было замѣтно тѣхъ крупныхъ разногласій, которыя раньше порождались международными конфликтами.

Такъ, напр., интернаціоналъ оказался фактически единымъ, когда на рубежѣ XX столѣтія разразилась война между Англіей и бурскими республиками. Весь Интернаціоналъ, даже огромное большинство всего цивилизованнаго міра, встало тогда на сторону буровъ.

Никогда Англія не была такъ изолирована, какъ во время бурской войны. Она была еще болѣе изолированна и ненавидима даже своими теперешними союзниками, чѣмъ въ настоящее время Германія. Симпатіи пролетаріата опредѣлялись прежде всего непосредственнымъ чувствомъ: буры были слабѣйшей стороной, на нихъ напали. Но и доводы разума толкали пролетаріевъ на сторону буровъ. Какъ ни враждебны пролетаріату были послѣдніе сами по себѣ, болѣе могущественнымъ и опаснымъ врагомъ всего рабочаго класса были противники буровъ—англійскіе имперіалисты.

Съ другой стороны, симпатіи къ бурамъ буржуазныхъ круговъ внѣ Англіи объясняются имперіалистическими мотивами. Имперіалисты Германіи и Франціи видѣли въ бурахъ силу, способную ослабить конкуррирующій имперіализмъ Англіи.

Правда, значительная часть англійскихъ рабочихъ выступила противъ буровъ: многіе изъ нихъ были увлечены націоналистически—имперіалистскимъ потокомъ, которому очень содѣйствовала подкупленная финансовыми магнатами пресса; нѣкоторая часть ихъ руководилась соображеніемъ, что господство буровъ представляетъ препятствіе для прогресса южной Африки.

Рабочее движеніе Англіи раскололось по бурскому вопросу, но огромное большинство англійскихъ соціалистовъ стало на сторону буровъ.

Когда на международномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1900 г. англійское правительство было въ разныхъ выраженіяхъ осуждено за южно—африканскую войну, ни одинъ голосъ не раздался противъ этого. Единогласно была принята резолюція, осуждавшая подавленіе . . . . . ,
буровъ Англіей и армянъ Турціей.

Интернаціоналъ оказался единымъ.

Еще рѣшительнѣе обнаружилось его единство во время русско—японской войны на слѣдующемъ, амстердамскомъ, съѣздѣ 1904 г. На немъ трогательной манифестаціей былъ моментъ, когда Плехановъ и Катаяма появились рука объ руку на трибунѣ и высказывались противъ войны.

И, однако, во время этой войны имѣлись уже въ зародышѣ трудности, которыя не вставали для трансваальскихъ республикъ, такъ какъ тамъ не было соціалистовъ, но эти трудности не про-

явились открыто для Японіи, такъ какъ ея соціалисты были немногочислены.

Интернаціоналъ оказался единымъ въ своей „партійности“ по отношенію къ войнѣ 1904 г. Но если бы эта партійность могла проявиться практически, она должна была бы повести къ моральной поддержкѣ японскаго правительства во время войны. Японскіе соціалисты считали, однако, своей обязанностью протестовать противъ своего правительства. Этого, казалось имъ, требовало ихъ принципіальное отрицаніе войны. Но фактически ихъ поведеніе могло дѣйствовать въ смыслѣ такого отрицанія только потому, что оно практически не могло оказать никакого вліянія на исходъ войны. Если бы партія была велика и сильна, ея оппозиція, не по своимъ цѣлямъ, но по ея послѣдствіямъ, была бы не демонстраціей въ пользу мира, но поддержкой противоположной стороны.

Послѣдняя война, съ которой Интернаціоналу пришлось имѣть дѣло, была балканская война. И она вызвала единое отношеніе на базельскомъ конгрессѣ мира въ 1912 г. Задача послѣдняго заключалась, однако, не въ томъ, чтобы занять свою позицію по отношенію къ войнѣ балканскихъ державъ, но въ томъ, чтобы не допустить, чтобы она превратилась въ міровую войну. Интернаціоналъ всегда былъ единъ, поскольку рѣчь шла о препятствіи возникновенію войны и о сохраненіи мира.

Манифестъ базельскаго конгресса устанавливалъ, что соціалисты всѣхъ странъ едины относительно принциповъ внѣшней политики. Въ немъ, между прочимъ, мы читаемъ такія строки:

„Важнѣйшей опасностью для мира Европы конгрессъ считаетъ искусственно питаемую вражду между Великобританіей и Германской Имперіей. Конгрессъ привѣтствуетъ поэтому усилія рабочаго класса обѣихъ странъ преодолѣть это противорѣчіе. Лучшимъ средствомъ для этого онъ считаетъ заключеніе соглашенія между Германіей и Англіей относительно сокращенія морскихъ вооруженій и уничтоженія права каперства, (захвата торговыхъ судовъ во время войны). Конгрессъ требуетъ, чтобы рабочіе Англіи и Германіи продолжали кампанію въ пользу такого соглашенія.

Преодолѣніе противорѣчій между Германіей, съ одной стороны, Франціей и Англіей, съ другой, уничтожило бы величайшую опасность для всеобщаго мира, ... ,
сдѣлало бы невозможнымъ нападенія Австро—Венгріи на Сербію и обезпечило бы человѣчеству миръ. Къ достиженію этой цѣли должны быть поэтому прежде веего направлены всѣ усилія“.

Представители рабочихъ всѣхъ странъ единогласно, съ воодушевленіемъ, одобрили эту политику мира. Принимать участіе въ балканской войнѣ было не необходимо, даже прямо вредно, такъ какъ всякое вмѣшательство Европы въ противорѣчія на Балканахъ означало угрозу общему миру. Лозунгомъ во время этой войны было: Балканы—балканскимъ народамъ; послѣдніе должны быть представлены самимъ себѣ и не должно быть допущено никакое вмѣшательство извнѣ. Это могло быть достигнуто тѣмъ легче, что цѣлью каждой изъ воюющихъ сторонъ было установленіе національнаго государства, цѣль, которая вполнѣ совпадала съ пролетарскими интересами. Спорный же вопросъ о границахъ государственныхъ областей на Балканахъ не составлялъ жизненнаго интереса для международнаго пролетаріата.

Балканскій вопросъ очень упростился во время послѣдней

войны благодаря невмѣшательству Россіи, и этимъ объясняется единодушіе интернаціонала. Однако, даже и тогда тутъ и тамъ звучали слабые голоса предпочтенія къ Турціи противъ славянскихъ завоевателей. Въ особенности французскіе соціалисты обнаружили сильныя симпатіи къ младотуркамъ, революціонное офицерство которыхъ, низвергшее въ Турціи старыхъ правителей и введшее парламентъ, казалось имъ орудіемъ возрожденія страны. Ослабленіе новаго режима казалось имъ препятствіемъ къ прогрессу. Но эти симпатіи во всякомъ случаѣ не оказали никакого вліянія въ Базелѣ.

5. *Трудности настоящаго положенія.*

Полное и безъ труда достигнутое единство во всѣхъ военныхъ конфликтахъ послѣдняго десятилѣтія позволяло ожидать, что оно обнаружится и во всякой новой войнѣ. Разногласія въ нашихъ рядахъ, которыя раньше сопровождали возникновеніе всякой войны, казались уже пройденной стадей развитія, признакомъ младенчества движенія.

Казалось, что въ настоящее время гораздо болѣе широкіе круги народа интересуются политикой и, слѣдовательно, яснѣе могутъ видѣть событія, чѣмъ въ 1870, въ 1866 или въ 1859 году. Но надо не забывать, что во время тѣхъ войнъ даже самые умные и наилучше образованные дѣятели были несогласны между собой. Никто не будетъ утверждать, что мы въ настоящее время располагаемъ большими интеллектуальными силами, чѣмъ тогда, когда жили Бебель, Либкнехтъ, Лассаль, Марксъ и Энгельсъ.

Съ другой стороны, мы, конечно, стали сильнѣе, но это не только не облегчаетъ принятія рѣшенія, а скорѣе дѣлаетъ его гораздо болѣе труднымъ.

Пока партія была слаба, всякій протестъ противъ войны дѣйствовалъ въ пропагандисткомъ отношеніи ободряюще. Какъ геройскій поступокъ Марксъ хвалилъ поведеніе Бебеля и Либкнехта, несмотря на нѣкоторыя сомнѣнія по существу. Почти также поведеніе японскихъ соціалистовъ, а недавно сербскихъ и . . . . . встрѣтило вообще сочувствіе.

Чѣмъ сильнѣе становится партія, тѣмъ больше въ обоснованіи ея рѣшеній пропагандистскія соображенія перемѣшиваются съ соображеніями о практическихъ послѣдствіяхъ, тѣмъ труднѣе отдать въ одинаковой степени должное мотивамъ того и другого характера, и однако ни однихъ, ни другихъ не слѣдуетъ упускать изъ вида. Поэтому, чѣмъ мы сильнѣе, тѣмъ легче возникаютъ между нами разногласія при всякомъ новомъ сложномъ положеніи.

Міровая война поставила насъ передъ такимъ положеніемъ, какого еще никогда не было. Въ 1870 году между собой боролись только двѣ державы. Во время Наполеона перваго на одной сторонѣ была коалиція державъ, на другой только одна держава—Франція. На этотъ разъ мы съ обѣихъ сторонъ имѣемъ коалиціи въ высшей степени неодинаковыхъ государствъ и при этомъ кругъ борющихся гораздо широ. Въ 1870 г. война въ те-

ченіе 5 недѣль была рѣшена въ пользу Германіи; ея продолженіе преслѣдовало исключительную цѣль—завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи. Въ настоящее время, спустя четыре мѣсяца войны (статья написана 27 ноября 1914 г. по нов. ст.—*прим. перев.*), еще не наступило рѣшительнаго поворота, но зато появилось новое осложненіе благодаря вступленію Турціи въ кругъ сражающихся, шагъ, таящій въ себѣ дальнѣйшія усложненія. Если со временъ 16-го столѣтія до сихъ поръ европейскія арміи рѣшали судьбу Азіи, то теперь Азіатскія арміи начинаютъ рѣшать судьбы Европы. Это означаетъ для европейской имперіалистической войны роковой поворотъ, который можетъ повести къ непредвидимымъ послѣдствіямъ.

Положеніе дѣлъ въ настоящее время настолько сложно, что, напр. два такіе знатока Россіи, такіе марксистски образованные мыслители, какъ Плехановъ и Ленинъ, въ вопросѣ о послѣдствіяхъ того или иного исхода войны, приходятъ къ прямо противоположнымъ выводамъ.

Какъ же можно послѣ этого ожидать, чтобы въ интернаціоналѣ могло существовать единство по вопросу о томъ, какъ можетъ повліять . . . . . побѣда одной или другой коалиціи на развитіе міра.

Рѣшеніе вопроса затрудняется не только тѣмъ, что положеніе такъ сложно, какъ никогда еще не было, но и тѣмъ, что военная страсть достигла никогда еще не виданной степени и что, слѣдовательно, объективное безпристрастіе труднѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Ибо какъ бы противорѣчивы ни казались цѣли борющихся, для всякаго ясно одно: на карту поставлено много. Небольшія государства, участвующія въ войнѣ, и не меньше ихъ большія государства національностей борятся просто за свое существованіе. Иначе обстоитъ съ крупными, прочно спаянными, національными государствами. [1]) Конечно, ни ихъ самостоятельности, ни, повидимому, ихъ цѣлости ничто не угрожаетъ. Демократія и участіе народныхъ массъ въ политикѣ слишкомъ въ нихъ развиты, чтобы отторженіе части одного изъ нихъ и насильственное присоединеніе къ другому, чуждому по національности, государству не стало бы постояннымъ источникомъ слабости и смуты для послѣдняго. Поэтому требованіе отдѣленія части націи будетъ подогрѣвать ее къ упорнѣйшему сопротивленію, которое значительно удлинитъ время войны, въ огромной степени увеличить ея стоимость и жертвы для цѣли, которая завоевателю принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

Поэтому едва ли можно ожидать ущерба цѣлости и самостоятельности большихъ національныхъ государствъ, хотя, конечно, побѣжденный долженъ считаться съ возможностью, что имѣющійся въ настоящее время матеріальный базисъ его существованія будетъ значительно съуженъ и государство будетъ вынуждено устраиваться на совершенно измѣненномъ, новомъ базисѣ.

Это при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ заставить перейти къ новымъ высшимъ формамъ производства, но разореніе, которое несетъ съ собой война и нужда побѣжденныхъ будутъ такъ велики, что даже самый смѣлый соціалистическій новаторъ сочтетъ весьма трудной задачей строить новую соціальную жизнь изъ такихъ печальныхъ развалинъ. Поэтому не только собственники, но и пролетаріи, чувствуютъ повсюду угрозу своему существованію въ случаѣ пораженія и стремятся сдѣлать все, чтобы избѣгнуть его.

Спокойное безстрастное взвѣшиваніе послѣдствій, которыя обѣщаетъ побѣда какъ одной, такъ и другой стороны, съ точки зрѣнія международнаго прогресса, можетъ теперь имѣть мѣсто еще въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, чѣмъ раньше.

При такихъ условіяхъ не только массы, но даже многіе изъ руководящихъ дѣятелей проникаются примитивнѣйшимъ, непосредственнымъ отношеніемъ къ войнѣ, которое рѣшающимъ образомъ вліяло на поведеніе народныхъ массъ во всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ войнахъ; это отношеніе—страхъ передъ непріятельскимъ вторженіемъ, настоятельная потребность не допустить врага въ страну, которая можетъ стать поводомъ, объектомъ и результатомъ войны. Никогда еще этотъ страхъ не былъ больше и обоснованнѣе, чѣмъ теперь, никогда ужасы нашествія не были страшнѣе: объ этомъ говорятъ ясно Бельгія и восточная Пруссія. Величина армій, которая придаетъ неизбѣжнымъ опустошеніямъ войны столь огромные размѣры, прибавляетъ къ страху передъ нашествіемъ еще второй сильный популярный мотивъ въ отношеніи къ войнѣ: заинтересованность всего народа въ судьбѣ арміи, въ которой представлена каждая семья.

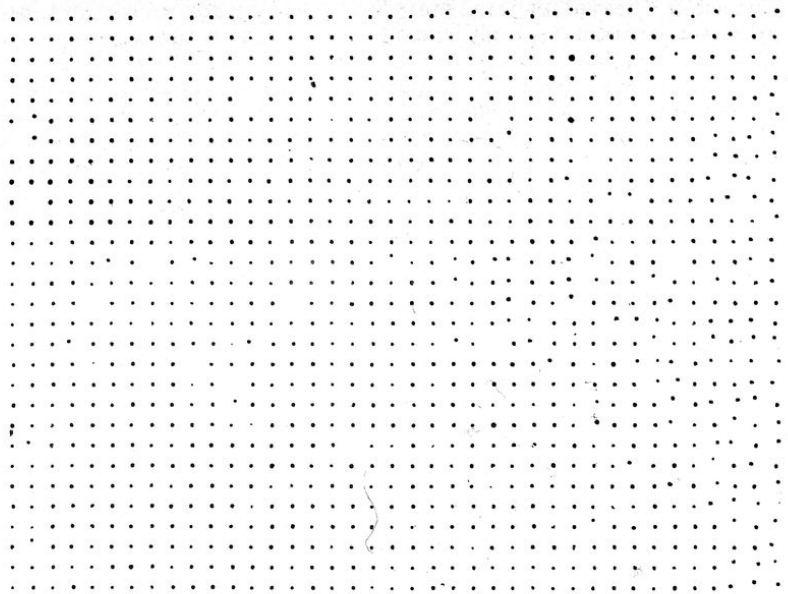
6. *Ужасы нашествія.*

Если на этотъ разъ было трудно установить съ несомнѣнностью, какая сторона представляетъ для международнаго пролетаріата лучшіе шансы, то легко было предвидѣть, какъ будутъ держать себя пролетаріи ведущихъ войну государствъ послѣ возникновенія міровой войны.

Болѣе, чѣмъ три года тому назадъ, весной 1911 г., я разбиралъ мнѣніе о противодѣйствіи войнѣ посредствомъ политической стачки. Я высказался противъ предложенія помѣшать войнѣ прекращеніемъ работы въ производствахъ, которыя изготовляютъ военные матеріалы . . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

[1]) *Примѣч. переводчика.* Государствомъ національностей (Nationalitätenstaat) называется государство, населенное различными національностями, изъ которыхъ ни одна не является сколько-ниб. преобладающей, какъ, напр., современная Австрія или Турція. Напротивъ того, подъ національнымъ государствомъ (Nationalstaat) понимаютъ обыкновенно государство, въ предѣлахъ котораго живетъ одна національность или гдѣ она по крайней мѣрѣ составляетъ подавляющее большинство населенія, какъ напр. Франція, Италія, Германія.



Эти взгляды встрѣтили рѣзкія возраженія со стороны того кружка, къ которому принадлежитъ Антонъ Паннекукъ. Самъ онъ заявилъ, что мой взглядъ настолько нелѣпъ, что не нуждается въ опроверженіи.

Паннекукъ приходитъ . . . . къ выводу, что при данныхъ условіяхъ не подлежитъ сомнѣнію, что пролетаріатъ при возникновеніи войны выступитъ противъ правительства . . . . . .

Начало войны должно было принести жесточайшее разочарованіе такимъ ожиданіямъ именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ соціальдемократія сильна и взаимодѣйстіе между ней и массой особенно велико. Всюду массы и соціалистическія организаціи взяли сторону своихъ правительствъ.

До сихъ поръ почти всякая война вызывала въ нашихъ рядахъ разногласія по вопросу о „партійности“, о томъ, на сторону кого изъ борющихся должна становиться партія. Но никогда еще эти разногласія не имѣли столь опредѣленно выраженнаго національнаго характера, какъ въ настоящую войну.

7. *Опасность для Интернаціонала.*

Въ „партійности“, исходящей изъ національной точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, есть значительная опасность для Интернаціонала, хотя участіе въ войнѣ для отраженія непріятельскаго нашествія вполнѣ соединимо съ нашими принципами. Рѣшеніе согласно этому послѣднему критеріуму, конечно, въ теоретическомъ отношеніи стоитъ гораздо ниже рѣшенія согласно критерію международныхъ пролетарскихъ интересевъ. Но разъ въ настоящей войнѣ этотъ послѣдній почти совершенно отсутствуетъ, то какъ бы онъ не былъ важенъ для отдѣльныхъ теоретиковъ и вождей партіи, которымъ не полагается быть увлеченными общимъ потокомъ, онъ до настоящаго времени едва ли былъ пригоденъ, чтобы вызывать историческое дѣйствіе. На массы онъ никогда не могъ вліять рѣшающимъ образомъ. Для нихъ была болѣе ощутимой, понятной и настоятельной защита ихъ жизни и ея источниковъ.... Было бы очень плохо для интернаціонализма современнаго пролетаріата, если бы онъ былъ несовмѣстимъ съ этой защитой.

Этого и нѣтъ въ дѣйствительности. Интернаціонализмъ, напротивъ, санкціонируетъ эту національную защиту. Но это не значитъ, что послѣдняя въ свою очередь не можетъ повредить международнымъ чувствамъ. . . . . .

. . . . . .

Интернаціональный патріотизмъ въ его проявленіяхъ трудно отличить отъ націоналистическаго и шовинистическаго. И это тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше военное положеніе мѣшаетъ открытому размежеванію обоихъ. Непосвященные, какъ въ непріятельской, такъ, и въ собственной странѣ, легко могутъ прійти къ представленію, что въ данномъ случаѣ на лицо отклоненіе въ сторону дѣйствительнаго націонализма, что является водой на мельницу послѣдняго.

Благодаря этому создается несомнѣнная и большая опасность для интернаціонализма. При такихъ условіяхъ въ войнѣ настоятельна обязанность вооружиться противъ нея, избѣгать всякаго выраженія, могущаго быть истолкованнымъ въ націоналистическомъ смыслѣ, и выступать противъ всякаго дѣйствительнаго проявленія шовинизма въ нашихъ собственныхъ рядахъ.

Только при сугубой осторожности и тщательномъ выполненіи своихъ обязанностей можно парализовать эту опасность. Она не такъ велика, чтобы давать поводъ къ отчаянію. Для этого нѣтъ никакихъ основаній.

Правда отдѣльные члены партіи дали себя увлечь минутвымъ потокомъ до серьезныхъ нарушеній международнаго мировоззрѣнія. Но ни въ однойстранѣ я не знаю ни одного товарища, занимающаго руководящее положеніе, который бы совершилъ поступокъ, противорѣчащій принципомъ международности.

Конечно, если понимать выраженіе товарища Семба о томъ, что въ случаѣ побѣды Франціи, она будетъ требовать отдѣленія Эльзаса—Лотарингіи, какъ требованіе, чтобы Эльзасъ былъ уступленъ Франціи по праву завоевателя, то въ немъ заклю-

чалось бы нарушеніе принципа международности. Но мы должны допустить, что оно вытекаетъ только изъ ложнаго представленія о желаніяхъ эльзасскаго населенія. Семба предполагаетъ, что настроеніе въ Эльзасѣ все еще такое, какимъ оно было въ 1870 году, что страна во что бы то ни стало снова хочетъ стать французской и только насильно удерживается германской Имперіей. Мы убѣждены, что товарищъ Семба призналъ бы свое требованіе несправедливымъ въ тотъ моментъ, когда онъ убѣдился бы, что огромное большинство эльзасцевъ не чувствуетъ ни малѣйшей потребности снова сдѣлаться французами.

Послѣ итальянской войны 1859 года Викторъ Эммануилъ и Наполеонъ III считали необходимымъ подкрѣпить свои аннексіи народнымъ голосованіемъ. . . . . .

. . . . . Въ Тосканѣ за присоединеніе къ итальянскому королевству голосовало въ 1860 г. 366 тыс. и только 15 тыс. противъ, въ Эмиліи 426 тыс. за и только 750 противъ. Такое же подавляющее число голосовъ получилъ и Наполеонъ: 25700—да противъ 160—нѣтъ въ Ниццѣ (изъ 30700 имѣвшихъ право голоса) и 130500 да—противъ 235 нѣтъ въ Савойѣ изъ 135 тыс., имѣвшихъ право голоса.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Семба не захочетъ показаться менѣе демократичнымъ, чѣмъ Наполеонъ и не будетъ требовать аннексіи противъ воли населенія.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Очень корректно высказался по вопросу о требованіяхъ побѣдителей Вандервельде, что особенно поразительно въ виду того факта, что именно Бельгія пострадала отъ непріятельскаго нашествія, въ которомъ оно не повинно, не объявивъ войны. Въ американскомъ интервью, напечатанномъ въ ньюіоркскомъ соціалистическомъ органѣ „The Call“ отъ 1-го октября, Вандервельде высказался по поводу голосованія германской соціальдемократіи за военные кредиты въ томъ смыслѣ, что нѣмцы находились въ очень щекотливомъ положеніи. Если бы они не голосовали за

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

кредиты, они подверглись бы упреку въ томъ, что помогли русскому нашествію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ, что французское правительство въ случаѣ побѣды не намѣрено требовать никакого присоединенія нѣмецкой территоріи, за исключеніемъ возстановленія Эльзаса—Лотарингіи. Что касается военнаго вознагражденія, то онъ ничего не можетъ сказать объ этомъ. Но относительно Бельгіи онъ можетъ заявить, что въ настоящее время она не имѣетъ намѣренія въ случаѣ побѣды союзниковъ требовать военнаго вознагражденія. Бельгія желаетъ только возстановленія своей независимости въ своихъ прежнихъ границахъ. Самъ Вандервельде будетъ рѣшительно противиться всякой аннексіи нѣмецкой территоріи, такъ какъ онъ придерживается того мнѣнія, что завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи Германіей полъвѣка тому назадъ создало обостренныя отношенія и въ значительной степени послужило причиной настоящей войны.

Такъ думаетъ Вандервельде. Въ подобномъ же смыслѣ высказались и англійскіе соціалисты. Ни съ одной стороны до сихъ поръ не извѣстны сколько-ниб. серьезныя указанія, заставлющія опасаться, что интернаціоналъ можетъ оказаться не единымъ по вопросу объ условіяхъ мира, которыя будутъ выставлены, какъ только придетъ время мирныхъ переговоровъ. Несмотря на всю противоположность партійнаго участія въ войнѣ, *послѣ* войны Интернаціоналъ будетъ столь же единъ и сплоченъ, какъ и *до* войны.

8. *Границы Интернаціонала*

Война не убьетъ Интернаціонала, но приведетъ только къ лучшему пониманію границъ его вліянія, чѣмъ то, которое было у насъ до войны.

Работоспособность человѣка не въ послѣдней степени зависитъ отъ того, насколько онъ хорошо сознаетъ предѣлы своихъ силъ и не ставитъ себѣ задачъ, превосходящихъ эти силы, не возбуждая надеждъ, которыя онъ не можетъ выполнить. Онъ достигнетъ максимальныхъ результатовъ, концентрируя свои усилія на томъ, что ему отмѣрено.

„Кто хочетъ большого, долженъ ограничивать себя,
Только въ самоограниченіи обнаруживается талантъ“.

Конечно, не въ ограниченіи конечной цѣли. Чѣмъ выше послѣдняя, чѣмъ большаго хочешь, тѣмъ больше по необходимости ограниченная дѣятельность сегодняшнаго дня будетъ подготовлять великое будущее. Безъ такой цѣли ограниченность ведетъ только къ ограниченности и къ безцѣльному топтанію на одномъ мѣстѣ.

Это относится въ одинаковой степени и къ общественнымъ организаціямъ и къ отдѣльнымъ людямъ. Кажется естественнымъ возлагать огромныя ожиданія на организацію, которая совершила многое. Къ этому въ особенности склоненъ пролетаріатъ, классовое положеніе котораго таково, что онъ можетъ быть удовлетворенъ только огромнѣйшими соціальными преобразованіями. Каждый успѣхъ одного изъ его средствъ борьбы

легко вызываетъ поэтому радостныя надежды,—будь то профессіональные союзы, партія, кооперативы или международное объединеніе.

Каждое изъ этихъ средствъ дѣйствительно можетъ сдѣлать многое и подготовить еще большее, но только въ опредѣленныхъ границахъ. Если же на одно изъ этихъ средствъ возложить задачу, которой оно не въ состояніи выполнить, то это приведетъ къ разочарованіямъ и напрасной растратѣ силъ.

Неправильно видѣть въ установленіи границъ одного изъ упомянутыхъ средствъ признаніе банкротства, доказательство его непригодности и необходимость замѣны его какимъ--нибудь другимъ. Всякое такое установленіе границъ ведетъ лишь къ болѣе цѣлесообразному примѣненію средства и тѣмъ самымъ къ усиленію движенія.

Подобнымъ же образомъ нынѣшняя война указала границы дѣятельности Интернаціонала. Мы ошибались, если ожидали, что во время міровой войны окажется возможной единая позиція соціалистическаго пролетаріара всего міра. Подобная позиція была возможна только въ единичныхъ, особенно простыхъ, случаяхъ. Міровая война раскодола соціалистовъ на различные лагеря и преимущественно на различные національные лагеря. Интернаціоналъ неспособенъ помѣшать этому.

Это значитъ, что онъ не является дѣйствительнымъ орудіемъ во время войны и *въ сущности есть только орудіе мира*. И при томъ въ двоякомъ смыслѣ. Онъ можетъ развернуть вполнѣ свои силы только во время мира. И поскольку онъ можетъ вполнѣ развернуть свои силы, онъ дѣйствуетъ всегда въ пользу мира.

Интернаціоналъ—продуктъ пролетарской классовой борьбы и международныхъ сношеній, которыя ведутъ къ тому, что классовое положеніе пролетаріевъ какой-нибудь одной страны находится въ полнѣйшей зависимости отъ положенія пролетаріевъ другихъ странъ; которыя имѣютъ тенденцію подниматься и падать вмѣстѣ съ этой зависимостью, такъ что только самая тѣсная связь пролетаріевъ между собой предохраняетъ ихъ отъ того, чтобы одни изъ нихъ не были использованы противъ другихъ . . . . .

. . . .

Поскольку соціализмъ является духовнымъ наслѣдникомъ идеализма революціонной буржуазной демократіи и международныхъ мирныхъ тенденцій индустріализма эпохи свободной торговли, наслѣдство которыхъ онъ, конечно, перенимаетъ не въ неизмѣнномъ видѣ, онъ съ самаго начала стремится къ международному объединенію противъ международной солидарности реакціи и монопольной политики сторонниковъ охранительныхъ пошлинъ. Но это объединеніе получаетъ прочный матеріальный базисъ талько благодаря познанію того, какъ мало результаты классовой борьбы въ рамкахъ національности могутъ быть обезпечены безъ международнаго объединенія. Даже тѣ профессіональные союзы, которые оставались внѣ вліянія какой-либо соціалистической идеологіи, оказывались вынужденными примыкать къ международной организаціи.

Тамъ, гдѣ война ведетъ къ тому, что классовая борьба оттѣсняется на задній планъ и ослабляетъ международныя сношенія, тамъ временно изсякаютъ важнѣйшіе жизненные источники международности; послѣдняя ослабляется именно въ тотъ моментъ, когда она должна была бы проявляться наиболѣе сильно, когда громче всего бушуютъ національныя противорѣчія, уничтожая всякое противодѣйствіе.

Интернаціоналъ сильнѣе всего во время мира и слабѣе всего во время войны. Объ этомъ, конечно, приходится сожалѣть; но это ни въ малѣйшей степени не уменьшаетъ его значенія во время мира, т. е. во время нормальнаго общественнаго развитія.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

К. Каутскій.

Объ одной изъ иллюзій.

(***Историческая справка***).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что переживаемое нами время на долгіе годы опредѣлитъ судьбы государствъ и отдѣльныхъ народностей, не только тѣхъ, которыя являются активными участниками развертывающихся событій, но и тѣхъ, которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, остались пока пассивными зрителями ихъ. Самому пытливому взору не дано, конечно, прозрѣть таящееся во мглѣ порохового дыма грядущее

и очертить болѣе или менѣе ясно характеръ ожидаемыхъ измѣненій, границы и предѣлы ихъ. Несмотря однако на это, опредѣленныя чаянія инадежды стали удѣломъ какъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, такъ и цѣлыхъ народовъ. Неожиданность и грандіозный масштабъ событій привели къ психологической разрыхленности и обостренной воспріимчивости ко всякимъ даже необоснованнымъ мечтаніямъ, и не удивительно поэтому, что въ области путей и средствъ, которыми эти надежды могутъ быть реализованы, умами владѣютъ разнообразныя иллюзіи, вредныя всегда и при всякихъ условіяхъ, а тѣмъ болѣе въ настоящее время...

Одной изъ такихъ, сильно распространенныхъ, иллюзій являются надежды, возлагаемыя на великія державы въ дѣлѣ коренного измѣненія положенія евреевъ вообще и русскаго еврейства въ частности. Не лишне будетъ поэтому раскрыть страницы исторіи и прослѣдить, какъ осуществлялась и къ чему привела ужъ однажды такая попытка. Мы имѣемъ въ виду постановленіе Берлинскаго Конгресса о полномъ уравненіе въ правахъ евреевъ Румыніи.

На этомъ конгрессѣ (іюнь-іюль 1878 г.) признаніе независимости вновь создавшихся на Балканскомъ полуостровѣ государствъ было обусловлено предоставленіемъ полной религіозной свободы и гражданскихъ правъ различнымъ группамъ населенія. Условіе это было впервые выдвинуто, когда зашла рѣчь о признаніи Сербіи самостоятельнымъ государствомъ. Оно исходило отъ представителя Франціи, Ваддингтона, и нашло горячую поддержку со стороны всѣхъ членовъ конгресса. Представители Россіи (Горчаковъ), признавшіе въ принципѣ необходимость полнаго гражданскаго равноправія всѣхъ жителей страны, и тѣмъ не менѣе высказавшіеся противъ распространенія его на евреевъ, голосовали все же за предложеніе Вадингтона, и, т. о., пунктъ о свободѣ вѣроисповѣданія и полнаго гражданскаго равноправія, какъ условія признанія независимости Сербіи и Болгаріи, былъ принятъ единогласно. Когда 1 іюля Ваддингтонъ обусловилъ признаніемъ этихъ же принциповъ и независимость Румыніи (до 78 г, султанъ считался суверенным властителемъ Румыніи), члены конгресса единодушно согласились съ этимъ предложеніемъ, а противодѣйствіе представителей Румыніи встрѣтило дружный отпоръ. Требованія, предъявленныя великими державами Румыніи, изложены въ ст. 44 Берлинскаго Трактата. Ст. эта гласитъ:

„различіе религіознаго вѣроисповѣданія и убѣжденій не можетъ служить въ Румыніи мотивомъ исключенія или недопущенія къ пользованію гражданскими и политическими правами, къ занятію государственныхъ или общественныхъ должностей и почетныхъ мѣстъ, и выполненію различныхъ профессій и видовъ труда на всемъ протяженіи страны . . . . .“.

Статья эта, въ случаѣ принятія Румыніей изложенныхъ въ ней принциповъ, должна была, согласно рѣшенію конгресса, быть включена въ румынскую конституцію.

Несмотря на ясность и опредѣленность высказанныхъ въ ст. 44 условій независимости Румыніи, эти требованія великихъ державъ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ въ смыслѣ перемѣны политики румынскаго правительства въ отношеніи евреевъ. Послѣдовавшій за Берлинскимъ Конгрессомъ періодъ, вплоть до нашихъ дней, чрезвычайно богатъ разнаго рода ограничительнными законодательнымъ актами, а этому творчеству спеціально-помѣщичьихъ круговъ сопутствовали, какъ извѣстно, вполнѣ опредѣленная антисемитская практика, изумляющая весь культурный міръ своей жестокостью и издѣвательствомъ надъ сотнями тысячъ беззащитныхъ людей, и попирающая элементарныя понятія права и справедливости по отношенію къ многочисленной группѣ населенія, которая несетъ повинность наравнѣ съ „кореннымъ“ населеніемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ большей степени. При сравненіи правоваго положенія евреевъ въ Румыніи до и послѣ Берлинскаго конгресса нельзя не прійти къ заключенію, что старое румынское законодательство о евреяхъ, не смотря на отразившійся на немъ духъ средневѣковаго варварства и религіознаго фанатизма, далеко не содержитъ столько кровавыхъ страницъ, сколько ихъ умудрились придумать румынскіе юристы XIX и XX столѣтій. Т. о, настойчивое и рѣшительное заступничество въ пользу румынскихъ евреевъ шести великихъ державъ, создававшихъ на конгрессѣ новыя государства и перекраивавшихъ границы Европы, встрѣтило отпоръ со стороны ими же созданной маленькой Румыніи и не привело ни къ чему положительному. Больше того—общественный антесемитизмъ въ Румыніи пріобрѣлъ своеобразныя черты благодаря тому, что члены правительства различныхъ румынскихъ министерствъ играли въ немъ руководящую роль. Такъ, напр., въ вѣнской газетѣ. „Oesterreichische Wochenschrift“ удалось въ 1900 г. докказать, что засѣданія Великаго совѣта антисемитской лиги, основанной въ 1895 г., происходили въ министерствѣ народн. просвѣщенія и что въ составъ этого совѣта входили три румынскихъ министра, президентъ и 2 вице—президента парламента. Небезинтересно поэтому прослѣдить, почему и какъ румынскому правительству удалось свести на нѣтъ рѣшеніе конгресса.

Слѣдуетъ отмѣтить, что вмѣшательство державъ въ цѣляхъ прекращенія дикихъ гоненій на евреевъ Румыніи и предоставленія имъ гражданскихъ и политическихъ правъ имѣло мѣсто еще до войны 1877-78 г.

Еще въ 61 г. послѣ притѣсненій и изгнанія евреевъ изъ селеній Валахіи румынскіе евреи обратились къ совѣту депутатовъ англійскихъ евреевъ съ просьбой содѣйствовать улучшенію ихъ положенія. Послѣдніе представили по этому поводу подробный меморандумъ графу Росселю, который обѣщалъ принять во вниманіе безвыходное положеніе гонимыхъ. Послѣ избранія королемъ Карла Гогенцолерна командующія группы Румыніи занялись организаціей расправъ съ

евреями, которыя завершились въ 1867 г. кошмарнымъ событіемъ—потопленіемъ галацкихъ евреевъ въ Дунаѣ. Дипломатическіе представители Англіи, Франціи, Россіи и Австро-Венгріи выступили съ рѣшительнымъ протестомъ противъ этихъ варварствъ. Въ 1868 г. правительство внесло въ парламентъ законопроектъ, запрещавшій румынскимъ евреямъ владѣть движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, занимать государственныя и общественныя должности, и устанавливавшій для евреевъ необходимость испрашивать особыя разрѣшенія для проживанія въ городахъ и занятія торговлей и др. дѣлами. Общественное мнѣніе Европы опредѣленнымъ образомъ встрѣтило проектируемыя ограниченія, и, въ виду возможнаго иностраннаго вмѣшательства, правительство Голеско вынуждено было взять обратно этотъ законопроектъ. За этимъ послѣдовалъ рядъ погромовъ и иныя формы проявленія „недовольства“ населенія. Попытка правительства оправдать свое поведеніе въ глазахъ европ. державъ привела къ запросу въ англійской палатѣ, и оно подало въ отставку. Въ 71 г. началась новая полоса преслѣдованій и погромовъ, и по иниціативѣ Америки былъ поднятъ вопросъ о вмѣшательствѣ, которое предполагалось въ слѣд. видѣ: турецкій султанъ, какъ суверенный властитель, долженъ былъ заявить, что если румын. правительтсво само не сможетъ положить конецъ кровавымъ эксецессамъ, это возьметъ на себя Турція. Угроза подѣйствовала, и вплоть до 77 г. кровавыя преслѣдованія почти не имѣли мѣста, но зато послѣдовалъ рядъ законодательныхъ актовъ, ограничивавшихъ румын. евреевъ въ свободѣ промысловъ и занятій. Т. о., внушительное давленіе европейскихъ державъ на румынское правительство привело лишь къ временному прекращенію наиболѣе жестокихъ формъ преслѣдованій.

Такъ продолжалось до Берлинскаго Конгресса. Какъ ужъ упоминалось выше, представители всѣхъ великихъ державъ, въ томъ числѣ и представители Россіи,единогласно приняли 44 ст. Берлинск. трактата. Саніель Маркусъ, видный дѣятель румынскихъ евреевъ, защищавшій неоднократно ихъ интересы предъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ Румыніи, свидѣтельствуетъ, на основаніи анализа дипломатическихъ документовъ, относящихся къ этому періоду, что 44-ой статьей участники конгресса имѣли въ виду именно румынскихъ *евреевъ*. Это подтверждается обращеніемъ Бюлова къ румынскому дипломатическому агенту въ Берлинѣ, Блюменау отъ 12 мая 1879 г., въ которомъ говорилось:

„Европа прежде всего ждетъ законодательныхъ мѣръ, въ которыхъ обнаружилось бы серьезное намѣреніе улучшить положеніе евреевъ. Удовлетворятся только такими законами, которые дѣйствительно обезпечатъ имъ пользованіе правами“.

Провести въ жизнь и воплотить въ законодательнные акты указанія Берл. конгресса Румынское правительство не имѣло, конечно, ни

малѣйшаго желанія, но игнорировать эти постановленія также было невозможно, т. к. осуществленіемъ ихъ было обусловлено признаніе самостоятельности Румыніи. Поэтому оно пыталось объяснить свое упорство тѣмъ, что выполненіе требованія Берл. конг. вызоветъ „неизбѣжный переворотъ въ поземельныхъ отношеніяхъ и имущественныхъ правахъ крупнаго землевладѣнія“ и предлагало ст. 44 замѣнить видоизмѣненнымъ п. 7 румынской конституціи.

„Если послѣ пересмотра п. 7. и послѣ изданія новаго закона о натурализаціи, который сейчасъ же будетъ изданъ, захотятъ сравнить прежнее положеніе евреевъ съ новымъ, то найдутъ значительную разницу къ лучшему. Они будутъ пользоваться большими правами, чѣмъ иностранцы, они будутъ пользоваться тѣми же правами, что румыны.

Такъ писалъ тогда министръ Бореско въ нотѣ, разосланной великимъ державамъ. Обѣщанія были подтверждены затѣмъ тэлеграммой къ иностраннымъ державамъ отъ 3 декабря 1879 г. и др. Правительство также нашло нужнымъ оффиціально обязаться предъ избраннымъ румынскими евреями Исполнительнымъ Комитетомъ, что оно будетъ обращаться къ нему за содѣйствіемъ въ отдѣльныхъ вопросахъ натурализаціи. (Въ измѣненномъ п. 7 говорилось о натурализаціи иностранцевъ). Всѣ эти обѣщанія не были исполнены, и правительство внесло лишь законопроектъ о натурализаціи по категоріямъ. Такихъ категорій было намѣчено 6. Въ первую вошли служащіе и служившіе въ румынской арміи, потомъ слѣдовали получившіе высшее образованіе, владѣющіе торговымъ или промышленнымъ предпріятіемъ, написавшіе и опубликовавшіе свои произведенія на *румынскомъ* языкѣ.

Англія уже готова была довольствоваться такимъ разрѣшеніемъ вопроса, но румынскій парламентъ рѣшительно отвергъ этотъ законопроектъ и взамѣнъ его выдвинулъ новый—индивидуальную натурализацію. Въ Европѣ отнеслись къ этому проекту скептически и недовѣрчиво: слишкомъ било въ глаза плохо прикрытое желаніе командующихъ группъ Румыніи совершенно игнорировать требованіе берлинскаго конгресса. Тогда съ цѣлью разъяснить европейскимъ правительствамъ отношеніе румынскаго кабинета къ еврейскому вопросу два министра Стурдза и Розети предприняли дипломатическое путешествіе по Европѣ. Когда поѣздка эта не увѣнчалась успѣхомъ, самъ Бореско рѣшился посѣтить европейскія столицы. Но предварительно ему необходимо было тѣмъ или инымъ способомъ парализовать дѣятельность Исполнительнаго Комитета румынскихъ евреевъ, который находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вліятельными организаціями въ З. Европѣ. Бореско былъ щедръ на обѣщанія и добивался отъ Исполнит. К-та разсылки увѣдомленія о томъ, что предложенный правительстоомъ способъ разрѣшенія еврейскаго вопроса удовлетворяетъ румынскихъ евреевъ. Когда Исполнительный Комитетъ не пошелъ навстрѣчу этому желанію Бореско, онъ не постѣснялся самъ отправить

подложныя телеграммы желательнаго ему содержанія. Однако, несмотря на неразборчивость въ средствахъ, онъ не добился никакого успѣха ни въ Петербургѣ и Вѣнѣ, ни въ Парижѣ и Римѣ. Но въ Берлинѣ ему удалось нащупать почву для переговоровъ. Дѣло въ томъ, что въ ту пору начала уже вырисовываться и намѣчаться политика Германіи и Австріи на Балканахъ, политика, направленная къ экономическому господству въ этихъ отсталыхъ странахъ. Другія государства спѣшили не отставать отъ нихъ и т. д., завязался тотъ узелъ переплетающихся противоположныхъ интересовъ, которые привели европейскія государства къ дипломатическимъ и вооруженнымъ столкновеніямъ... Румынія какъ разъ въ это время оказала Германіи крупную услугу, гарантировавъ заемъ на извѣстную Штрусбергскую желѣзнодорожную концессію,—заемъ, сдѣланный главнымъ образомъ въ Германіи. Встревоженный надеждами румынскаго правительства на попустительство Германіи, Исполнительный Комитетъ созвалъ съѣздъ виднѣйшихъ представителей всѣхъ румынскихъ еврейскихъ общинъ для обсужденія создавшагося положенія и выработки мѣръ и пріемовъ борьбы. Этотъ съѣздъ состоялся 15 окт. 1879 г. Румынскому правительству необходимо было, для облегченія нѣкоторымъ европейскимъ кабинетамъ возможности отказаться отъ ими же провозглашенныхъ на Берлинскомъ конгрессѣ принциповъ, идти на нѣкоторую уступку, конечно, весьма и весьма скромную, чтобъ создать этимъ хоть нѣкоторую видимость согласія на компромиссъ со стороны румынскихъ евреевъ. На одно изъ первыхъ засѣданій упомянутаго съѣзда явился въ качествѣ делегата отъ антисемитской партіи, членъ антисемитскаго клуба въ парламентѣ, Гераклиди. Онъ заявилъ, что въ порядкѣ проведенія индивидуальной натурализаціи правительство намѣрено предложить списокъ евреевъ въ 1000 чел., его же политическіе единомышленники готовы принять списокъ въ 3000 чел. при условіи, если съѣздъ признаетъ принципъ индивидуальной натурализаціи, т. е. равноправія для тѣхъ немногихъ, ходатайства которыхъ будутъ удовлетворены, но не на основаніи кореного происхожденія. Послѣ того, какъ Гераклиди обѣщалъ, что его партія склонна пріостановить преслѣдованія евреевъ и отмѣнить ограничительные законы, съѣздъ, повѣривъ обѣщаніямъ, принялъ предложеніе антисемитской партіи избрать комиссію для сообщенія правительству о состоявшемся соглашеніи. Представители общинъ, согласившись на индивидуальную натурализацію, что рѣшительно до сихъ поръ отвергалось Исполнит. Комитетомъ, какъ вредный, деморализующій и опасный шагъ, и возложивъ свои надежды на обѣщанія антисемитской партіи и правительства, сошли съ твердой принципальной почвы, разстроили собственные ряды и тѣмъ самымъ облегчили правительству возможность создать до крайности нужный ему для европейскихъ державъ нѣкоторый декорумъ.

Вѣсть о рѣшеніи съѣзда вызвала сильное возбужденіе и возмущеніе среди еврейскаго населенія. Были созваны многолюдныя народныя собранія для протеста противъ „измѣны“ делегатовъ съѣзда. На одномъ изъ этихъ собраній, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Гастера, было рѣшено устроить уличныя демоостраціи протеста. Но успокоить возмущенную толпу явился Маркусъ, который нѣсколько раньше, какъ членъ Исполнительнаго Комитета, называлъ публично измѣнникомъ всякаго, кто согласится на индивидуальную натурализацію, а теперь, въ качествѣ члена избранной съѣздамъ комиссіи, приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобъ толпа своимъ вмѣшательствомъ не нарушила налаженнаго съѣздомъ соглашенія. Комиссіи вполнѣ удалось предотвратить шумное выраженіе протеста румынскихъ евреевъ противъ рѣшенія съѣзда, но получить отъ радушно принявшаго ихъ правительства хотя бы то мизерное, что было офиціально обѣщано, какъ условіе соглашенія, такъ и не привелось...

Вмѣсто натурализаціи 1000 и 3000 евреевъ (министръ даже говорилъ комиссіи съѣзда на пріемѣ, что онъ ничего не будетъ имѣть противъ натурализаціи и 30.000!), Боереско представилъ парламенту списокъ 50 молодыхъ евреевъ, которыхъ агентъ правительства склонилъ подать прошенія о личной натурализаціи, и 838 солдатъ—участниковъ войны 77—78 г. Одновременно съ этимъ онъ внесъ законопроектъ (измѣнный п. 7 румынской конституціи), по которому остальные румынскіе евреи признавались „иностранцами безъ національности“. Парламентъ принялъ предложенные ему акты.

Какъ велико было количество натурализованныхъ евреевъ въ послѣдующіе годы на основаніи упомянутаго акта, видно изъ слѣдующихъ даиныхъ: въ 80 г. натурализовано 17 евр., въ 81 г.—6, въ 82 г.—2, въ 83 г.—2, а за 21 годъ (1880—1900) всего 85 человѣкъ. Въ 1899 г. изъ жившихъ въ Румыніи 266.652 евреевъ было лишь 4272 еврея—румына, 5859—иностранцевъ и 256,588 evrei, т. е. находящихся подъ покровительствомъ Румыніи. Среди тѣхъ изъ жителей этой страны, которые считаются подъ покровительствомъ государства, евреи составляли тогда 92, 11%!

Таковы результаты соглашенія для одной изъ договарившихся сторонъ, для румынскихъ евреевъ. А другая сторона—румынское правительство,—очень легко добилось послѣ этого отъ европейскихъ державъ признанія самостоятельности и независимости Румыніи, какъ государства. Первой дала свое согласіе Россія; къ ней присоединилась Австрія, потребовавшая равноправія лишь для евреевъ австрійскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Румыніи. Италія, опасаясь усиленія австрійскаго вліянія на Балканахъ, тоже поспѣшила дать свое согласіе. А 20-го февраля 1880 г. правительства Англіи, Франціи и Германіи признали независимость Румыніи подъ условіемъ соблюденія видоизмѣненнаго 7 п.

Т. о., почва, на которой протекала борьба румынскихъ евреевъ

за гражданскія и политическія права, ускользнула изъ подъ ихъ ногъ и оружіе, казавшее столь хорошо отточеннымъ, выбито было изъ ихъ рукъ. Слѣдуетъ все же признать, что ошибочный шагъ съѣзда представителей румынскихъ евреевъ лишь облегчилъ правительству найти выходъ и нѣсколько ускорилъ наступленіе этого момента. Поскольку надежды руководящихъ круговъ румынскихъ евреевъ на эмансипацію основывались только на Берлинскомъ трактатѣ, на вмѣшательствѣ и давленіи на Румынію европейскихъ великихъ державъ, неблагопріятный исходъ былъ, собственно, предрѣшенъ, когда румынское правительство обрѣло возможность не тотчасъ подчиниться, подобно Сербіи и Болгаріи, рѣшеніямъ Берлинскаго конгресса, а вести нѣкоторое время ту сложную, полную лицемѣрія и обмана политику, на которой мы выше остановились. За протекшіе послѣ Берлинскаго конгресса 2 года международныя отношенія сложились такъ, что нѣкоторыя державы въ цѣляхъ политическихъ и экономическихъ были ужъ заинтересованы въ установленіи добрососѣдскихъ отношеній съ Румыніей и не имѣли ни желанія, ни готовности создавать конфликтъ и этимъ допустить усиленіе вліянія своего конкурента изъ-за какихъ-то высокихъ принциповъ гуманности, равенства и вѣротерпимости, изъ-за какого-то, нѣкогда подписаннаго „клочка бумаги“... и когда делегація обманутыхъ румынскихъ евреевъ обратилась въ ноябрѣ 1879 г. за содѣйствіемъ къ Блейхредеру, много сдѣлавшему для румынскихъ евреевъ во время Берлинскаго конгресса, но теперь заинтересованному въ дѣлахъ Штрусбергской желѣзнодорожной концессіи, то онъ отвѣтилъ, что:

„для каждаго правительства непосредственные интересы страны стоятъ все же выше гуманитарнаго идеала, а въ Штрусбергской желѣзнодорожной концессіи Германское правительство усматриваетъ именно такіе непосредственные интересы для своей страны. Понятно трудно ожидать, чтобы оно пожертвовало этими интересами въ интересахъ румынскихъ евреевъ“.

А отвѣтъ одного изъ главнѣйшихъ участниковъ Берлинскаго конгресса, представителя страны, предсѣдательствовавшей на этомъ конгроссѣ, именно Бисмарка, гласилъ:

„Чтобы предохранить германскія сбереженія отъ значительныхъ потерь, я вижу себя вынужденнымъ пока принять эту румынскую форму рѣшенія еврейскаго вопроса“. Само собой разумѣется, что Бисмаркъ тутъ же прибавилъ, что этотъ вопросъ о сотняхъ тысячъ румынскихъ евреевъ, защитѣ интересовъ которыхъ Берл. конгрессъ посвятилъ цѣлую статью, онъ „кладетъ подъ зеленое сукно лишь на время, чтобъ затѣмъ при первомъ удобномъ случаѣ опять извлечь его оттуда“.

Прошло уже 36 лѣтъ и, какъ извѣстно, этотъ „удобный случай“ такъ и не представился ни для Германіи, ни для Англіи и Франціи, которыя свое согласіе на фактическую отмѣну 44 ст. Берлинскаго трактата тоже сопроводили выраженіемъ надежды, что Румынія выполнитъ возложенныя на нее этой статьей обязанности.

Л. Яковлевъ.

Германская соціалъ-демократія во время войны.

То, что сейчасъ происходитъ въ политической жизни Германіи, оцѣнивается самими нѣмцами, какъ полное перерожденіе всего нѣмецкаго народа. Такъ смотрятъ люди самыхъ различныхъ лагерей. Консерваторы, либералы, соціалисты—всѣ они постоянно повторяютъ: „мы переродились“, „мы переучились“ или „намъ нужно переучиться“, „мы начинаемъ переучиваться“. Когда такая фразеологія устанавливается въ самыхъ различныхъ общественныхъ слояхъ и различныхъ партіяхъ, она можетъ считаться симптомомъ дѣйствительно большихъ измѣненій. Говоря нѣмецкимъ терминомъ, эти измѣненія находятся im Werden (въ процессѣ развитія). Это процессъ не законченный, далеко еще не во всемъ ясный. Но уже и теперь можно опредѣлить его границы: онъ захватилъ всю толщу націи и онъ идетъ особенно сильно въ самыхъ низахъ ея.

Война для германской соціалъ-демократіи не была неожиданностью. Можно сказать, что германскіе соціалдемократы постоянно ждали міровой войны со времени балканскихъ войнъ и именно какъ ихъ послѣдствія Они не переставали повторять, что пробужденіе національнаго самосознанія балканскихъ славянъ, ихъ стремленіе къ національной независимости — явленіе естественнаго развитія, что политика Австро-Венгріи, не желающей такой самостоятельности, грозитъ опасными послѣдствіями для нея самой. Сочувствіе „Vorwärts'а“, центральнаго органа германской соціалъ-демократіи, было не на сторонѣ Австро-Венгріи. Такъ 3-го іюля 1914 года „Vorwärts“, обсуждая убійство эрцгерцога Франца-Фердинанда, писалъ:

„Семь съ половиной милліоновъ сербовъ теперь смѣлѣе, чѣмъ когда-либо, со времени побѣдъ южныхъ славянъ, требуютъ своего политическаго права и, если австрійскій тронъ будетъ долго противиться этой войнѣ, онъ рухнетъ и имперія, съ которой мы связали свою судьбу, распадется на части...“

А еще нѣсколькими днями раньше, 29 іюня, та-же газета писала:

„Наша никуда негодная политика связала судьбы нашего народа съ Австріей. Союзъ съ Австріей наше правительство сдѣлало основой всей своей иностранной политики. Но все болѣе и болѣе становится яснымъ, что этотъ союзъ — источникъ не силы, а слабости. Австрійская проблема становится грозной опасностью для европейскаго мира“.

И, наконецъ, передъ самой войной „Vorwärts“ заявилъ, что нѣмецкій пролетаріатъ „конечно, нисколько не заинтересованъ въ сохраненіи въ неприкосновенности австрійскаго національнаго хаоса“.

Но если въ частномъ конфликтѣ Сербіи и Австро-Венгріи „Vorwärts“ отнюдь не воодушевлялся германской политикой и прямо требовалъ отказать Австріи въ поддержкѣ, то по отношенію къ возможному распространенію этого конфликта до размѣровъ міровой войны позиція германской соціалъ-демократіи теоретически была опредѣлена еще раньше и еще яснѣе. Со времени Бебеля въ многочисленныхъ брошюрахъ и книгахъ, въ прессѣ, съ трибуны рейхстага и на международныхъ съѣздахъ германскіе соціалъ-демократы не уставали повторять, что источникъ всѣхъ современныхъ войнъ и грозящей міровой войны — имперіализмъ, борьба за господство между великими державами. Это соревнованіе великихъ державъ соціалъ-демократы не только не поддерживали, но считали борьбу съ нимъ своимъ долгомъ. Извѣстныя слова Бебеля о томъ, что онъ самъ возьметъ ружье и пойдетъ защищать Германію, если на нее нападутъ—это единственное заключеніе изо всѣхъ заявленій о войнѣ самого же Бебеля и всейпартіи—не имѣютъ никакого отношенія къ теперешней войнѣ, какъ къ послѣдствію міровой политики всѣхъ державъ, въ томъ числѣ и Германіи. Бебель имѣлъ въ виду случай прямого нападенія на Германію со стороны Россіи и притомъ нападенія, ничѣмъ не вызваннаго. Самыя слова эти, на которыя теперь ссылаются, какъ на программное заявленіе, были сказаны въ отвѣтъ на полемическое замѣчаніе одного изъ слушателей. Наоборотъ, совершенно противоположное, безусловно отрицательное, отношеніе къ войнѣ, было выработано во многочисленныхъ резолюціяхъ, заявленіяхъ фракціи въ рейхстагѣ и манифестахъ партіи. Когда призракъ общеевропейской войны впервые ясно намѣтился, на Базельскомъ конгрессѣ въ 1912 году Гаазе отъ имени германской делегаціи заявилъ:

„Всѣми средствами какія только возможны, какія при нашихъ условіяхъ могутъ быть примѣнены нашими политическими и профессіональными организаціями, мы со всѣмъ напряженіемъ нашихъ силъ постараемся обезпечить то, что мы хотимъ себѣ обезпечить—сохраненіе всенароднаго мира“.

Это заявленіе Гаазе, сдѣланное на торжественномъ собраніи, когда былъ уже яснымъ назрѣвающій конфликтъ между тройственнымъ согласіемъ и тройственнымъ союзомъ, нельзя не разсматривать какъ нарочито предопредѣленное отношеніе партіи именно къ такому случаю мірового конфликта, какой въ дѣйствительности имѣлъ мѣсто въ 1914 г. Теоретически же въ германской партіи ходячимъ мнѣніемъ былъ взглядъ Каутскаго, формулированный имъ въ не допускающихъ никакого лжетолкованія словахъ:

„Теперешнія противорѣчія между государствами не могутъ привести ни къ какой войнѣ, противъ которой патріотизмъ пролетарія не долженъ былъ бы бороться самымъ рѣшительнымъ образомъ“.

Правда, германская соціалъ-демократія не ручалась за то, что

ей удастся не допустить войны, поскольку дѣло касается Германіи; она обѣщала только употребить всѣ силы и средства для предотвращенія войны. Если же успѣхъ все-таки достигнутъ не будетъ и война разразится, она обѣщала, по крайней мѣрѣ, не участвовать въ этой войнѣ моральной поддержкой ея. На томъ же Базельскомъ конгрессѣ Гаазе отъ имени своей партіи заявилъ (и это заявленіе нужно считать направленнымъ прямо по адресу германскаго правительства):

„Пусть знаютъ, что пролетаріатъ отъ всей души питаетъ отвращеніе къ войнѣ, что никогда нельзя будетъ заставить его съ воодушевленіемъ идти на войну и стрѣлять въ тѣхъ, кого онъ цѣнитъ, кого онъ любитъ—въ своихъ братьевъ“.

Міровой конфликтъ разразился въ той самой обстановкѣ, какую мыслили себѣ германскіе соціалъдемократы. Но когда этотъ конфликтъ пришелъ, германская соціалъдемократія вела себя совершенно обратно тому, чему она раньше учила, что торжественно обѣщала на международныхъ конгрессахъ. Правда, до объявленія военнаго положенія были созваны митинги протеста, на которыхъ ораторы порицали балканскую политику Австро-Венгріи. Въ Берлинѣ была сдѣлана слабая попытка уличной демонстраціи ночью во вторникъ 28 іюля (нов. стиля). Это былъ очень слабый противовѣсъ шумной шовинистической демонстраціи передъ зданіемъ австрійскаго посольства наканунѣ. Во всякомъ случаѣ и эти митинги, созванные только одинъ разъ, и единственная неудачная демонстрація очень мало была похожа на исполненіе обѣщанія примѣнить всѣ силы и средства политическихъ и профессіональныхъ организацій для предотвращенія войны. Обратное тому, что обѣщалъ Гаазе въ Базелѣ имѣло мѣсто въ дѣйствительности.

Что же случилось, что заставило германскую соціалъдемократію отказаться отъ всѣхъ своихъ торжественныхъ обѣщаній? Военное положеніе, но еще не война, было объявлено въ пятницу 31 іюля. Въ субботу 1 авг. была объявлена мобилизація. Въ этотъ же день „Vorwärts“ заявилъ, что онъ не можетъ давать больше свое освѣщаніе событіямъ и ограничивается простой информаціей. Всякая политическая дѣятельность соціалъдемократіи остановилась. Улица была очищена безъ бою для патріотическихъ и шовинистическихъ демонстрацій.

Потомъ стало извѣстно, что всю эту недѣлю происходили тайныя совѣщанія между канцлеромъ и правленіемъ соціалъдемократической партіи. Объ этихъ тайныхъ совѣщаніяхъ не было сдѣлано до сихъ поръ никакого сообщенія ни въ оффиціальной, ни въ соціалъдемократической прессѣ, фактъ этотъ, однако, надо считать установленнымъ, такъ какъ онъ былъ печатно отмѣченъ въ брошюрѣ Борхардта („До и послѣ 4 августа“) и остался неопровергнутымъ. Несомнѣнно, что эти совѣщанія съ канцлеромъ повліяли на поведеніе партійныхъ верховъ—это сказалось въ измѣненіи тона, въ какомъ „Vorwärts“ сталъ говорить о правительствѣ. Но было бы смѣшно объяснять пози-

цію, занятую всей германской соціалъдемократіей или хотя бы только ея вождями, личнымъ вліяніемъ канцлера, того самаго канцлера, о которомъ до того времени нѣмецкая соціалъдемократическая и даже лѣво—либеральная пресса привыкла отзываться не иначе, какъ въ насмѣшливомъ тонѣ.

Также несправедливо было бы объяснять дѣло, „измѣной“ вождей ради сохраненія партійныхъ и профессіональныхъ организацій. Борхардтъ въ упомянутой брошюрѣ говоритъ, что на конференціи 28 сентября, когда обсуждалось закрытіе „Vorwärtsa“, было отмѣчено кассиромъ правленія партіи, что въ партійныя предпріятія вложено 20 милліоновъ марокъ. Страхъ за эти милліоны, за фонды профессіональныхъ союзовъ (80 милліоновъ?), боязнь распущенія всѣхъ организацій, закрытія газетъ и другихъ репрессій, перечень которыхъ при военномъ положеніи можетъ быть очень длиннымъ, все это, по мнѣнію Борхардта, оказало рѣшительное дѣйствіе на поведеніе вождей. Въ соціалъдемократической фракціи рейхстага есть, конечно, много людей самаго средняго калибра. На такихъ людей могли вліять подобныя соображенія. Но нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительные вожди были выше такихъ соображеній. В. Гейне говорилъ потомъ, что „было бы низостью“, если бы соціалъдемократія опредѣляла свое поведеніе въ такомъ важномъ вопросѣ въ зависимости отъ матеріальныхъ расчетовъ. Въ этомъ безусловно нужно повѣрить Гейне: исторія не объясняется такъ просто. Важно не то, что вожди измѣнили своему прежнему отношенію къ войнѣ, важно то, что ихъ измѣна была санкціонирована массой.

Итакъ что же произошло? За объясненіемъ приходится обратиться прежде всего къ объясненію самихъ вождей германской соціалъдемократіи. Но тутъ мы сразу встрѣчаемся съ полнымъ разногласіемъ. Оффиціальнымъ пока остается объясненіе Гаазе, данное въ историческомъ засѣданіи рейхстага 4 авг., когда соціалъдемократы голосовали единогласно, (*видимо* единогласно, объ этомъ послѣ) военные кредиты. Гаазе сказалъ:

„Мы стоимъ передъ совершившимся фактомъ войны. Намъ грозятъ ужасы непріятельскаго вторженія. Не за или противъ войны намъ приходится теперь голосовать, намъ приходится теперь рѣшать вопросъ о средствахъ для защиты страны . . . При побѣдѣ Россіи подвергается опасности будущее нашего свободнаго развитія. Нужно отразить эту опасность, нужно защитить культуру и независимость нашей страны. Мы при этомъ дѣйствуемъ въ полномъ согласіи съ Интернаціоналомъ, который всегда признавалъ право на національное самоопредѣленіе и самозащиту“ .

Съ точки зрѣнія программы германской соціалъдемократіи голосованіе за кредиты и рѣчь Гаазе были полнѣйшей неожиданностью. Достаточно указать на то, что нѣмецкія консервативныя газеты прямо признавались, что они изумлены патріотическимъ поведеніемъ соціалъдемократіи.

Изумительнымъ въ этой рѣчи было то, что Гаазе, повторивъ старое ученіе соціалъдемократіи о томъ, что война—послѣдствіе имперіалистической политики, совершенно не коснулся конкретнаго случая этой политики Австріи и Германіи на Балканахъ. Еще изумительнѣе было то, что Гаазе ни однимъ словомъ не обмолвился по поводу нарушенія нейтралитета Бельгіи, о чемъ только что объявилъ канцлеръ. Все это могло имѣть только тотъ смыслъ, что, разъ война началась, соціалъдемократія временно откладываетъ свою борьбу (даже парламентскую) противъ правительства, иначе сказать, она морально поддерживаетъ правительство въ этой войнѣ. Такъ, конечно, рѣчь и была понята, и это истолкованіе фактически было подтверждено тѣмъ, что соціальдемократія съ этого момента приняла такъ наз. „Burgfrieden“—внутренній міръ между партіями, обязующій ихъ воздерживаться отъ политической борьбы.

Заявленіе Гаазе вызвало цѣлый рядъ вопросовъ. Прежде всего Бельгія. Какъ совмѣстить попустительство насилія по отношенію къ ней съ признаніемъ права на національное самоопредѣленіе и самозащиту? Затѣмъ: если соціалъдемократія морально поддерживаетъ въ войнѣ германское правительство, не потребовавъ отъ него никакихъ гарантій того, что война имѣетъ исключительно цѣли обороны, то не подвергается ли она опасности поддержать объективно совершенно иныя цѣли войны? Въ самомъ дѣлѣ, Гаазе самъ сказалъ, что война—послѣдствіе имперіалистической политики. Эта политика—завоевательная. Нѣмецкіе имперіалисты не скрывали завоевательныхъ цѣлей, ни до войны, ни послѣ ея начала. Гаазе это зналъ. Зналъ онъ и то, что нѣмецкіе правящіе круги всецѣло на сторонѣ этой имперіалистической политики. Слѣдовательно, если бы война была для Германіи счастливой, она непремѣнно привела бы къ осуществленію этихъ завоевательныхъ плановъ, т. е. къ нарушенію права самоопредѣленія другихъ націй, напр. Бельгіи. Вѣдь еще Клаузевицъ говорилъ (и нѣмецкая соціалистичеекая пресса постоянно цитируетъ эти слова), что „война есть продолженіе политики мирнаго времени, только иными средствами“.

Читатель, конечно, понимаетъ, что, какъ бы ни голосовали германскіе соціальдемократы въ рейхстагѣ, средства на войну все равно были бы ассигнованы бюргерскимъ большинствомъ. Рѣчь шла тутъ дѣйствительно не о фактѣ войны а только о *политической поддержкѣ* правительства въ войнѣ.

Соціальдемократы оказали германскому правительству эту поддержку безъ всякихъ условій и гарантій. Впослѣдствіи они говорили, что въ такой моментъ было бы безчестнымъ ставить какія либо условія. Они оказали эту поддержку. потому что этого требовало ихъ національное чувство. Но при этомъ имъ пришлось столкнуться съ дилеммой: если поддержать правительство безъ всякихъ политическихъ

гарантій и условій, то это значитъ поддержать войну объективно внѣ зависимости отъ ея цѣлей, это значитъ стать на національную точку зрѣнія такъ, какъ она понимается руководящей политикой, если же отказать въ поддержкѣ, то это значитъ признать національные интересы не стоющими жертвъ войны. Въ этотъ моментъ въ груди германской соціальдемократіи боролись два чувства: національное и интернаціональное. Первое—прирожденное всякому, постоянно подкрѣпляемое господствующей въ политикѣ атмосферой, тѣсно связанное съ представленіемъ о своемъ очагѣ, своемъ городѣ или деревнѣ, своей цивилизаціи настоящаго времени. Второе—внушенное проповѣдниками будущаго, завѣщанное только недавними сравнительно традиціями, не связанное въ настоящемъ ни съ какими земными благами. Говоря грубо: первое—синица въ рукахъ, второе—журавль въ небѣ. Соціальдемократическая фракція рейхстага предпочла синицу.

Дѣло, однако, повторяемъ, не въ томъ, что вожди предпочли синицу, а въ томъ, что масса этотъ выборъ одобрила. Въ первое время не было никакихъ протестовъ противъ голосованія со стороны партійныхъ низовъ. Рабочіе на улицахъ привѣтствовали депутатовъ рейхстага и одобряли ихъ поведеніе. Оно соотвѣтствовало ихъ настроенію. Мобилизація призвала въ ряды дѣйствующей арміи 25—30% членовъ партійныхъ и профессіональныхъ организацій, и мобилизація прошла безъ малѣйшаго замѣшательства. По единогласному отзыву всѣхъ, рабочіе—соціалисты пошли сражаться съ не меньшей готовностью, чѣмъ всѣ другіе. Франкъ и Вендель вступили добровольцами. Мангеймская соціальдемократическая организація устроила Франку овацію, когда его воинская часть отправлялась на театръ военныхъ дѣйствій. А когда онъ былъ убитъ, вся соціальдемократическая пресса отозвалась о немъ, какъ о героѣ, гордилась имъ. Профессіональные союзы всѣ безъ исключенія рука объ руку съ католическими союзами, съ городскими коммунами и съ правительствомъ стали работать для преодолѣнія внутреннихъ экономичекихъ затрудненій. Стачки прекратились совершенно. Соціальдемократическая пресса въ большинствѣ охотно подчинилась военной цензурѣ и прекратила всякую критику правительственныхъ распоряженій. Женская соціалистическая организаціи объединилась съ бюргерскими организаціями для благотворительной дѣятельности въ одной національной организаціи. Одимъ словомъ „внутренній миръ“ былъ осуществленъ не за страхъ, а за совѣсть. Заявленіе Гаазе 4 августа было реализовано дѣйствительно въ видѣ полной моральной поддержки войны.

Для идеологовъ партіи явилась задача дать рѣчь Гаазе такіе комментаріи и поясненія, которыя освободили бы эту оффиціальную мотивировку отъ скрытыхъ въ ней противорѣчій. По условіямъ военнаго времени литературная работа естественно не шла слишкомъ быстро. Только постепенно стала высказываться соціальдемократическая пресса,

но, чѣмъ больше она высказывалась, тѣмъ болѣе намѣчалась недостаточность оффиціальной мотивировки, несоотвѣтствіе ея съ сознаніемъ и чувствомъ большинства и въ то же время наличность очень большихъ расхожденій въ этомъ вопросѣ.

Въ первые мѣсяцы войны въ соціальдемократической печати господствовали два взгляда на данную войну: Бернштейиа и Каутскаго. Оба эти взгляда могутъ быть названы теоріями переходнаго времени, въ февралѣ ихъ уже почти забыли.

Эдуардъ Бернштейнъ выступилъ въ “Vorwärts’ѣ“ съ тремя длинными статья, доказывающими, будто бы германскія арміи объективно являются носителями европейскаго прогресса. Это открытіе Бернштейнъ обосновалъ тѣмъ, что война напрвлена прежде всего противъ Россіи, война же противъ Франціи и Бельгіи имѣетъ чисто военный, но не политическій характеръ. Въ Россію по мнѣнію Бернштейна прусскіе штыки несутъ свободу прежде всего угнетеннымъ національностямъ. Канцлеръ фонъ Бетманнъ—Гольвегъ старался поддержать въ общественномъ сознаніи германской демократіи концепцію Бернштейна и написалъ даже спеціальную прокламацію въ этомъ духѣ, а „Vorwärts“ въ редакціонной передовицѣ *привѣтствовалъ* это выступленіе канцлера. *).

Берлинская комендатура подхватила эту мысль честной и заслуженной въ Германіи, но въ достаточной мѣрѣ нутанной головы Эд. Бернштейна и стала раздавать отъѣзжающимъ изъ Берлина русскимъ смѣхотворныя и безграмотныя прокламаціи, въ которыхъ говорилось, что Германія не хотѣла войны, что доказывается дѣйствіями „состоящаго при германской амбассадѣ военнаго“ (атташэ) и что Пруссія борется за свободу. Не знаю, стали ли эти прокламаціи извѣстны Бернштейну. Но ему навѣрное стало извѣстно, что въ Россіи никто не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія получить свободу изъ рукъ императора Вильгельма. Въ политической брошюрѣ, вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ въ Цюрихѣ подъ заглавіемъ, „Der Krieg und die Internationale“ концепція Борнштейна была подвергнута безпощадно—мѣткой, убійственной критикѣ:

„Да здравствуетъ Гинденбургъ, великій безсознательный рычагъ русскаго освободительнаго движенія! Да здравствуетъ кронпринцъ—тоже довольно таки безсознательный рычагъ! Да здравствуетъ турецкій султанъ, который теперь, состоя на службѣ русскаго освобод. движенія, отдаетъ приказъ бомбардировать города черноморскаго побережья! Счастливое русское освободительное движеніе—какъ быстро увеличились ряды его борцовъ!“

Бернштейнъ, впрочемъ, пересталъ скоро говорить объ „освободительной“ борьбѣ и теперь развѣ только въ какомъ нибудь лубочномъ провин-

*) Теперь „Vowarts отказался отъ этой точки зрѣнія и никогда не упоминаетъ о ней.

ціальномъ листкѣ можно встрѣтить повтореніе сказанной когда-то сгоряча Бернштейновской фразы.

Другое объясненіе позиціи, занятой германской соціалъ-демократіей, попытался дать Каутскій. Въ „Die Neue Zeit“ Каутскій писалъ, что, такъ какъ при быстротѣ кризиса и сложности международныхъ отношеній не было никакой возможности безспорно установить, кто именно явился виновникомъ войны и въ какой степени, и такъ какъ, далѣе, невозможно предусмотрѣть, насколько тотъ или иной исходъ войны будетъ полезенъ или вреденъ европейской культурѣ и европейской демократіи, то у соціалъ-демократіи не было и нѣтъ никакого объективнаго критерія для того, чтобы занять въ отношеніи къ войнѣ вполнѣ опредѣленно чью-нибудь сторону. Предотвратить войну она была не въ силахъ. Приходится признать, что объективныя условія развитія различныхъ странъ создаютъ между ними противорѣчія, приводящія къ войнѣ. Въ такомъ положеніи соціалъ-демократамъ различныхъ странъ не остается дѣлать ничего другого, какъ каждому защищать свое отечество. „Интернаціоналъ- это организація для мирнаго, а не для военнаго времени“. Отказываясь обвинять кого бы то ни было, оправдывая одинаково какъ германскихъ соціалъ-демократовъ, такъ и Вандервельде, Гэда и Самба, Каутскій такъ сказать путемъ всеобщей амнистіи для прошлаго и всеобщаго попустительства для будущаго, пытался спасти интернаціональную солидарность и оправдать германскихъ соціалъ-демократовъ. Статья Каутскаго была, однако, только защитой, а не полнымъ оправданіемъ голосованія 4 августа. Онъ указывалъ на запутанность положенія, на невозможность отрѣшиться совсѣмъ отъ національнаго чувства, но никакого воодушевленія успѣхами германскаго оружія Каутскій не обнаружилъ. Тономъ статьи было раздумье и сомнѣніе. Каутскій изрекалъ приговоръ: „невиновны“. Но это еще не значитъ, что онъ солидаризировался вполнѣ съ голосованіемъ 4 августа. Онъ оставлялъ, наоборотъ, этотъ вопросъ открытымъ. Онъ выступалъ, какъ защитникъ фракціи рейхстага передъ общественнымъ мнѣніемъ другихъ странъ, но не какъ апологетъ національной точки зрѣнія. Употребляя военную терминологію, можно сказать, что Каутскій занялъ позицію теоретической обороны, закопался въ траншеи, созданныя изъ цитатъ, психологическихъ соображеній о сложности политической ситуаціи для разныхъ странъ. Но онъ не пытался переходить въ наступленіе и навязывать точку зрѣнія, занятую фракціей рейхстага, какъ единственно правильную. Въ одномъ пунктѣ—относительно Бельгіи,—Каутскій прямо заявилъ о необходимости пересмотра. Хотя и въ не вполнѣ ясныхъ выраженіяхъ (по условіямъ германской военной цензуры), онъ указалъ на необходимость протеста противъ разгрома Бельгіи и выражалъ надежду на то, что германская демократія будетъ защищать противъ германскаго правительства права Бельгіи на независимость. Разумѣется, такого рода защита фракціи рейхстага вовсе не была моральной поддержкой войны, и сторонники войны читали, вѣроятно, статью Каутскаго съ довольно кислой миной.

Взглядъ Каутскаго и по другимъ причинамъ не могъ удержаться въ жизни. Онъ былъ никуда негоднымъ объясненіемъ въ двухъ отношеніяхъ. Мерингъ очень остроумно посмѣялся надъ интернаціоналомъ Каутскаго, какъ надъ машиной, которая перестаетъ работать именно въ самое нужное время. Рабочія партіи нейтральныхъ странъ совершенно не согласились съ амнистіей, которую Каутскій хотѣлъ дать соціалъ-демократическимъ вождямъ Онъ имени итальянскихъ соціалъ-демократовъ Делла-Сета заявилъ Зюдекуму.

„Точка зрѣнія германскихъ соціалъ-демократовъ очень похожа на точку зрѣнія германскихъ имперіалистовъ.. вы говорите о германской цивилизаціи, которая находится въ опасности, но мы не видимъ ничего культурнаго въ нападеніи на нейтральную Бельгію, въ разрушеніи Лувэна“.

Такой же отпоръ встрѣтилъ Зюдекумъ въ Румыніи. Въ Швейцаріи Рихардъ Фишеръ имѣлъ не болѣе успѣха. Всѣ вожди голландской соціалъ-демократіи всѣми своими симпатіями были на сторонѣ бельгійцевъ. Ванъ-Коль увѣщевалъ Гаазе голосовать противъ бюджета. Вѣнская „Arbeiterzeitung“, наконецъ нашла себѣ сочувствіе въ Норвегіи, но едва она успѣла оповѣстить объ этомъ событіи своихъ читателей, какъ въ норвежскомъ „Sozialdemokraten“ сейчасъ же появилась поправка:

„По поводу этихъ замѣтокъ (въ „Arbeiterzeitung“) мы имѣемъ честь сообщить нашему уважаемому вѣнскому собрату, что мы всегда такъ же дружественно относились къ нѣмцамъ, какъ къ англичанамъ, т. е. ко всѣмъ народамъ относились одинаково дружественно. Что же касается симпатій и антипатій къ воюющимъ странамъ, то мы можемъ только сказать, что Германія сама позаботилась въ Бельгіи о томъ, чтобы пробудить въ насъ всѣ другія чувства, кромѣ чувства симпатіи. 99 % норвежскаго народа ни въ коемъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не симпатизируютъ Германіи...“

Въ Швеціи и Даніи симпатіи рабочихъ оказались также не на сторонѣ Германіи. Такимъ образомъ, вопреки утвержденію Каутскаго о невозможности судить о войнѣ съ точки зрѣнія будущихъ интересовъ европейской демократіи, широкія массы этой демократіи стали постепенно создавать себѣ такое сужденіе. Этотъ процессъ выработки своего взгляда оцѣнки войны съ точки зрѣнія интересовъ будущаго начался и въ Германіи. Только въ первыя недѣли войны можно еще было на вопросы, почему и зачѣмъ, отвѣчать: ignoramus (не знаемъ). Но остаться на этой позиціи было невозможно. Когда-то проф. Оствальдъ въ своихъ „монистическихъ проповѣдяхъ“ вѣрно замѣтилъ, что въ современной западно-европейской культурѣ знаніе стало нравственнымъ долгомъ каждаго: научно мыслящій человѣкъ не можетъ успокоиться на формулѣ „ignoramus“, онъ будетъ трудиться надъ разрѣшеніемъ вопроса, собирать матерьялы, критиковать, созда-

вать гипотезы и т. д., пока не дастъ себѣ какого либо отвѣта, болѣе или менѣе удовлетворительно подводящаго данный случай въ общую систему его міровоззрѣнія. Формула Каутскаго, объясняющая поддержку войны необходимостью защищать отечество отъ вторженія непріятеля безъ всякаго отвѣта на вопросы, права ли Германія въ этой войнѣ и совпадаютъ ли ея цѣли въ войнѣ съ интересами обще-европейскаго прогресса, эта формула Каутскаго постепенно теряла значеніе въ самой Германіи по мѣрѣ того, какъ мысли и симпатіи массъ принимали все болѣе и болѣе опредѣленную форму.

Тѣ, кто относился къ войнѣ съ воодушевленіемъ, кто отдавалъ свою жизнь или, оставаясь дома, всѣ свои силы на поддержку своего Vaterland'a (родины) въ войнѣ, тѣ не могли морально удовольствоваться позиціей Каутскаго. Имъ нужно было не прощеніе ихъ дѣйствій, а полное и безусловное оправданіе, имъ нужна была теорія, которая укрѣпила бы ихъ въ вѣрѣ, что ихъ жертвы приносятся не на алтарь Ваала, а на алтарь высшихъ человѣческихъ идеаловъ. Тѣ же, чьи заявленія не могли мириться съ войной, кто не переставалъ видѣть въ нѣмецкихъ арміяхъ систему ненавистнаго милитаризма, а въ командирахъ этихъ армій представителей прусскаго юнкерства, тѣ не могли надолго оставаться на примирительной позиціи Каутскаго; молчаніе и бездѣйствіе въ эпоху такихъ потрясающихъ событій, изъ какихъ складывается міровая война, нравственно невозможны, тѣмъ болѣе для людей, привыкшихъ къ активному участію въ жизни своей страны. Такимъ образомъ въ дальнѣйшемъ теченіи войны начали намѣчаться въ германской соціалъдемократіи два теченія: сторонниковъ и противниковъ войны. Теперь, въ концѣ февраля, эти два направленія сложились уже вполнѣ опредѣленно, и ихъ борьба принимаетъ все болѣ и болѣе ожесточенныя формы.

Сторонники войны вышли главнымъ образомъ изъ среды ревизіонистовъ. „Sozialistische Monatshefte“ являются идейнымъ центромъ этого направленія, а изъ сотрудниковъ этого журнала извѣстный берлинскій адвокатъ Вольфгангъ Гейне далъ наиболѣе законченное обоснованіе позиціи націоналъ—соціализма. Въ брошюрѣ „Kultur und Nation“ Гейне заявляетъ, что основной ячейкой культурной жизни по прежнему есть и остается нація, а не классъ. При этомъ—чрезвычайно характерно для эпохи имперіализма!—нація понимается имъ не въ этнологическомъ смыслѣ. „Общія культурныя стремленія дѣлаютъ изъ народа и *конгломерата народовъ* націи“. Нѣмецкіе націоналисты изъ бюргерскаго лагеря и особенно имперіалисты (напр. Францъ Листъ) тщательно отдѣляютъ новый націонализмъ отъ стараго. Современное государство переростаетъ рамки націи въ этнографическомъ смыслѣ. Въ венгерскую націю напр., по мнѣнію графа Андраши, „должны входить“ и румыны Трансильваніи, и кроаты, и сербы, которыхъ такъ жестого преслѣдуетъ основное ядро этой націи—мадьяры.

Въ „австрійскую націю“ по этимъ же понятіямъ также должны входить и чехи, и поляки и южные славяне, а въ германскую націю поляки Познани, и французы Лотарингіи и датчане Шлезвига. Понятіе націи здѣсь расширено до границъ государства и присоединеніе Лотарингіи къ Франціи будетъ разсматриваться этими націоналистами, какъ нарушеніе ихъ національной неприкосновенности. Понятіе націи у Гейне совпадаетъ съ такимъ же понятіемъ у теоретиковъ нѣмецкаго имперіализма.

Итакъ основное культурное объединеніе—„нація“, и интернаціональное объединеніе есть явленіе производное. Сохраненіе культуры невозможно безъ сохраненія ея основы—„націи“ (этнографическо единой или составленной изъ различныхъ этнографическихъ элементовъ)—защищать эту націю есть высшій долгъ. Поэтому Гейне (въ № 1 „Soz Monatshefte“ 1915 говоритъ:

„Если бы даже на германское правительство падала вся вина въ войнѣ, если бы нѣмецкое правительство и на самомъ дѣлѣ вызвало войну, какъ это утверждаютъ наши враги, то и въ этомъ случаѣ мы не могли бы дѣйствовать иначе, чѣмъ мы дѣйствовали“.

Т. е. оказать правительству полную политическую поддержку. Въ этихъ словахъ Гейне сторонники войны могутъ найти наконецъ то, чего имъ недоставало: абсолютное обоснованіе своей точки зрѣнія. Тутъ провозглашается категорическій императивъ, заранѣе отвергающій всякую критику, Отдавшись всей душой прусскимъ арміямъ, Гейне, естественно, примиряется и съ ея вождями, и не находитъ ничего страннаго въ томъ, чтобы „привѣтствовать“ національный нѣмецкій флагъ, какъ символъ „нашего общаго дѣла“.

Депутатъ прусскаго ландмага Конрадъ Генишъ пытался въ „Hamburger Echo“ дать соціологическое обоснованіе этого націоналъсоціализма. Такъ какъ Германія въ техническомъ отношеніи наиболѣе передовая страна, то ея пораженіе, по мнѣнію Гениша, будетъ равносильно пораженію наиболѣе розвитыхъ формъ капитализма, а ея побѣда означала бы торжество этихъ формъ во всемъ мірѣ. Въ каждой странѣ рабочіе защищаютъ свое національное дѣло, но нѣмецкіе рабочіе, защищая свою націю, защищаютъ наиболѣе развитыя капиталистическія отношенія и, тѣмъ самымъ, имѣютъ большее право на національную самозащиту, чѣмъ всѣ другіе. Здѣсь мы подходимъ къ слѣдующей ступени національной эволюціи нѣмецкой соціалъдемократіи: національное теченіе переходитъ въ націоналистическое. Ибо чѣмъ отличается національный образъ мыслей отъ націоналистическаго? Первый признаетъ за всѣми націями одинаковое право на существованіе и развитіе, второй считаетъ свою націю лучше всѣхъ, требуетъ подчиненія ей другихъ и не останавливается передъ національной ненавистью, гоненіями и т. д.—степень и формы угнетенія другихъ національностей могутъ быть различны въ различныхъ куль-

турныхъ и государственныхъ условіяхъ, но постояннымъ является основное положеніе: „моя нація лучше всѣхъ“. У многихъ этотъ переходъ отъ національнаго къ націонастическому уже совершился или совершается. Такъ Квессель въ „Soz Monatshefte“ (№ 16) писалъ: „будущее человѣчества, это—соціализмъ, его главный носитель—нѣмецкій народъ“. Особенно быстро входитъ въ націоналистмческій фарватеръ Филиппъ Шейдеманъ, второй предсѣдатель соціалъдемократической фракціи рейхстага. Онъ также подчеркиваетъ превосходство Германіи, страны „наиболѣе развитой соціалъдемократіи“ и не стѣсняется по отношенію къ другимъ странамъ въ выборѣ выраженій. Англичанъ онъ называетъ „самымъ противнымъ и самымъ лживымъ народомъ на свѣтѣ“. Развѣ это не языкъ шовинизма?

Логически можно представлять себѣ отношеніе къ войнѣ не связаннымъ со всей остальной системой политическихъ взглядовъ. Психологически это невозможно: слишкомъ глубоко это переживаніе и потому оно неизбѣжно связано съ пересмотромъ всей системы прежнихъ политическихъ убѣжденій. Пересмотръ этотъ идетъ по линіи прежняго ревизіонизма, только теперь онъ совершается быстрѣе и радикальнѣе, чѣмъ прежде. Сторонники войны естественно отодвигаютъ на второстепенное мѣсто то, что отдѣляетъ ихъ отъ всей остальной воюющей Германіи, и наоборотъ, охотно останавливаются на томъ, что объединяетъ; они ищутъ сближенія съ правящими кругами и со всѣми бюргерскими партіями. Императоръ Вильгельмъ провозгласилъ „внутренній миръ“ въ словахъ: „ich Kenne keine Parteien mehr, ich kenne nur noch Deutsche“, („я не знаю болѣе партій, я знаю только нѣмцевъ“). Эта фраза повторяется ежедневно безчисленное число разъ и соціалъдемократическимя сторонниками войны; она стала ихъ символомъ вѣры. И она начинаетъ уже цѣниться ими, какъ абсолютное благо, которое нужно сохранить на всѣ времена. Депутатъ рейхстага Ландсбергъ, впервые высказалъ эту мысль въ началѣ ноября на большомъ митингѣ въ Магдебургѣ и былъ за это награжденъ аплодисментами всей германской прессы, не исключая и консервативной. Въ болѣе холодной, чѣмъ на митингахъ, атмосферѣ дѣловыхъ собраній и прессы, мысль эта выражается въ видѣ надежды, что правительство и бюргерскія партіи перестанутъ относиться къ соціалъ-демократіи съ прежнимъ недовѣріемъ. Поскольку дѣло касается патріотически настроенной части соціалъ-демократіи, правительство идетъ на встрѣчу этому теченію: въ Баваріи, въ Баденѣ, въ Саксоніи и даже въ Пруссіи соціалъ-демократовъ стали утверждать въ должностяхъ членовъ магистратовъ, школьныхъ попечителей; командующіе военными округами генералы стали принимать представителей профессіональныхъ союзовъ, входить съ ними въ переговоры, привлекать ихъ къ разнаго рода благотворительнымъ организаціямъ военнаго времени; соціалъ-демократическія газеты были допущены въ казармы и на вокзалы, даже на боевыя

позиціи. Разумѣется, правительство особенно прусское, реваншировалось сугубо строгой цензурой газетъ, оставшихся при старыхъ понятіяхъ запрещеніемъ собраній и др. стѣсненіями конституціонныхъ правъ тамъ, гдѣ замѣчалось иное настроеніе рабочихъ. Сближеніе съ національно настроенными соціалъ-демократами и одновременныя репрессіи противъ другой части соціалъ-демократіи шли и идутъ все время рука объ руку, Но въ этомъ случаѣ, кажется, лѣвая рука германскаго правительства прекрасно знаетъ, что дѣлаетъ правая. Противорѣчія этого не замѣчаютъ только сами націоналъ-соціалисты. Благоволеніе властей къ отдѣльнымъ лицамъ и отдѣльнымъ организаціямъ или органамъ печати они расхваливаютъ, какъ измѣненіе курса внутренней политики Пруссіи и другихъ государствъ и отплачиваютъ за него монархическими демонстраціями. какъ это, напр.. имѣло мѣсто въ Баденѣ, при открытіи ландтага, гдѣ соціалъ-демократическій депутатъ Гейсъ съ большимъ воодушевленіемъ провозгласилъ „hoch“ въ честь баденскаго великаго герцога, послѣ чего соціалъ-демократы были, разумѣется, приглашены къ герцогскому двору и удостоились милостивой бесѣды. Во многихъ другихъ случаяхъ имѣли мѣсто подобныя же демонстраціи взаимнаго довѣрія.

Важнѣе, чѣмъ эта салонная политика, измѣненіе взглядовъ въ области политики экономической. Профессіональная борьба по многимъ причинамъ во время войны невозможна. Профессіональные союзы перемѣнили тактику стачечной борьбы на тактику соглашенія при посредничествѣ военныхъ властей. Заинтересованное въ сохраненіи „внутренняго мира“ германское правительство пошло на встрѣчу интересамъ рабочихъ, и было не мало случаевъ, когда командующіе округами генералы прямымъ приказомъ или давленіемъ на предпринимателей оказывали поддержку профессіональнымъ союзамъ — конечно, только въ ихъ оборонѣ, а не въ наступленіи, противъ тенденціи къ пониженію заработной платы. Нѣкоторые успѣхи, достигнутые такимъ путемъ искусными вождями профессіональныхъ союзовъ, въ общей атмосферѣ примиренія съ правящими классами породили утопическія представленія о томъ, что послѣ войны классовая борьба замѣнится сотрудничествомъ классовъ. Адольфъ Браунъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ германскаго профессіональнаго движенія, писалъ въ „Vorwärts'ѣ“ 7 февраля:

„Мысль о томъ, что экономическая политика пролетаріата стоитъ въ принципіальномъ противорѣчіи съ такой же политикой капиталистовъ, повидимому, совершенно унесена изъ многихъ головъ патріотическимъ наводненіемъ“.

Такую же перемѣну въ умахъ многихъ дѣятелей профессіональнаго движенія констатируетъ профессіональный журналъ фабричныхъ рабочихъ.

„Никогда прежде не переучивались такъ старательно и охотно, какъ теперь... Многіе изъ этихъ самокритиковъ не только нашли свой Дамаскъ, но и открыли въ себѣ апостольское призваніе. Съ обычной горячностью новообращенныхъ они проповѣдуютъ сегодня, какъ явную истину, то, что вчера еще казалось имъ мрачнымъ заблужденіемъ, они теперь всенародно сжигаютъ то, что чему они вчера еще поклонялись..."

Статья, остроумно озаглавленная „Слишкомъ спѣшное покаяніе", кончается вопросомъ: „Не смѣшиваютъ ли эти современные Савлы оглушеніе отъ пушечной канонады съ просвѣтленіемъ ихъ ума?" Какъ одинъ изъ примѣровъ такого слишкомъ быстрого просвѣтлѣнія можетъ служить статья Калискаго въ „Sozial Monatshefte" въ защиту высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ въ Германіи: по военныхъ соображеніямъ Германія должна и на будущее время сохранить въ широкихъ размѣрахъ зерновое хозяйство.

Къ только что охарактеризованному теченію, которое всего лучше будетъ назвать націоналъ-соціализмъ, принадлежатъ всѣ ревизіонисты за исключеніемъ Эд. Бернштейна *), Давидъ, Гейне, Шиппель, Кольбъ и др. Къ нимъ въ націоналистическихъ уклоненіяхъ отъ прежней программы всецѣло примыкаетъ Ф. Шейдеманъ, въ лицѣ котораго націоналъ-соціалисты получаютъ агитаціонную силу перваго ранга. Депутаты прусскаго ландтага Генишъ и Гиршъ также активно работаютъ въ пользу этого теченія. Вся генеральная комиссія профессіональныхъ союзовъ съ Легиномъ и Бауэромъ во главѣ и большинство дѣятелей профессіональнаго движенія тоже на сторонѣ этого теченія. Въ этомъ духѣ редактируется теперь „Korrespondenzblatt" и органы союзовъ металлистовъ и каменьщиковъ „Metallarbeiterzeitung" и „Grundstein". Изъ общей прессы цѣликомъ въ распоряженіи націоналъ-соціалистовъ находятся, кромѣ „Soz. Monatshefte" крупнѣйшая провинціальная газета „Hamburger Echo" и большинство другихъ провинціальныхъ газетъ, изъ которыхъ Хемницкая „Volksstimme" пріобрѣла уже печальную популярность ярко шовинистическаго органа. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что добрая половина соціалъ-демократической партіи и большинство профессіональныхъ союзовъ цѣликомъ вошли въ новый фарватеръ націоналъ-соціализма.

* * *

Оппозиція противъ націоналъ-соціализма, какъ и само это направленіе, складывалась въ Германіи постепенно. Противники поддержки войны имѣлись, конечно, въ рядахъ нѣмецкой соціалъдемократіи съ самаго начала: передъ засѣданіемъ рейхстага 4 августа въ частномъ собраніи соціалъдемократической фракціи 14 депутатовъ голосовало противъ военнаго бюджета. Въ рейхстагѣ же они не рѣшились высказать свое мнѣніе и вопреки своему убѣжденію голосовали согласно рѣшенію большинства. Изъ всей прессы только въ статьяхъ „Bremer Bürgerztung" можно было прочитать (и то лишь между строкъ) отрицательное отношеніе къ позиціи, занятой фракціей рейхстага 4 августа. Было извѣстно еще, что Клара Цеткинъ является горячей противницей войны, но въ ея органѣ „Die Gleichheit" это высказывалось такимъ эзоповскимъ языкомъ, что только очень искусные читатели могли составить на основаніи этихъ статей опредѣленное мнѣніе о ея взглядахъ.

*) Стараго дѣятеля Бернштейна очевидно шокируютъ націоналистическіе аллюры его послѣдователей, и онъ уже неоднократно выступалъ въ печати противъ наиболѣе ярыхъ націоналъ-соціалистовъ.

Первые голоса критики раздались изъ-за границы. Кромѣ упомянутаго памфлета, изданнаго на нѣмецкомъ языкѣ въ Цюрихѣ и нашедшаго себѣ распространеніе въ Германіи, обратили на себя вниманіе статьи Панекука въ швейцарской и голландской прессѣ. Что заграничная критика не осталась безъ вниманія и въ Германіи, видно изъ того факта, что нѣмецкіе націоналъ-соціалисты реагировали на нее горячо и часто весьма недостойнымъ образомъ.

Въ самой Германіи, насколько мнѣ извѣстно, въ печати съ открытой оппозиціей противъ господствующаго теченія выступилъ впервые небольшой берлинскій журналъ „Lichtstrahlen" („Лучъ свѣта"), издаваемый депутатомъ прусскаго ландтага Юліаномъ Борхардтомъ. Борхардтъ принадлежалъ къ лѣвому крылу соціалъдемократіи и давно уже фрондировалъ противъ партійныхъ вождей. Въ своей оппозиціи противъ голосованія 4 августа въ рейхстагѣ Борхардтъ настаивалъ на прежнихъ взглядахъ партіи. Онъ требовалъ отъ депутатовъ рейхстага, чтобы они по крайней мѣрѣ открыто признались въ томъ, что они отказываются отъ прежней программы и отъ прежней тактики, и справедливо замѣчалъ, что „вѣрность своимъ убѣжденіямъ стала въ настоящее время чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ". Въ отдѣльной брошюркѣ „До и послѣ 4 августа"—Борхардтъ удачно подобранными цитатами изъ прежнихъ рѣчей, заявленій и постановленій конгрессовъ доказывалъ, что „4 августа нѣмецкая соціалъдемократія вышла въ тоставку".

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ оппозиція успѣла уже довольно прочно укрѣпиться въ берлинскихъ избирательныхъ округахъ. Въ ея распоряженіи не было прессы, не было возможности открытыхъ собраній вслѣдствіе цензуры собраній со стороны берлинской комендатуры; единственная возможность пропагандировать свои взгляды было дана въ видѣ разнаго рода организаціонныхъ собраній. Но собранія эти въ обыкновенное время рѣдки и мало посѣщаемы. Все это конечно ставило противниковъ въ очень непріятныя условія дѣятельности войны. Тѣмъ не менѣе въ скоромъ времени выяснилось, что нѣкоторые берлинскіе округа настроены рѣшительно противъ войны.

Одновременно съ Берлиномъ такое же движеніе обнаружилось и

въ Гамбургѣ, гдѣ во главѣ его сталъ Лауфенбергъ, бывшій воспитанникъ іезуитской коллегіи, перешедшій въ соціалъдемократію и успѣвшій пріобрѣсти себѣ довольно видное литературное имя въ Германіи. Въ брошюрѣ „Имперіализмъ и демократія“ Лауфенбергъ разоблачалъ истинныя цѣли Германіи въ войнѣ, цѣли отнюдь не мирныя и не культурныя. Онъ указывалъ на то, что ультиматумъ Австро-Венгріи былъ вызванъ вовсе не покушеніями на ея безопасность со стороны Сербіи, а жадными стремленіями австрійскихъ и особенно венгерскихъ имперіалистовъ. Поддержка же этого ультиматума Германіей была поддержкой германскаго имперіализма, который по соображеніямъ своей собственной завоевательной политики шелъ къ конфликту съ державами тройственнаго согласія. Такъ какъ война была начата въ результатѣ имперіалистической политики и ведется въ ея цѣляхъ, то Лауфенбергъ и не предвидитъ послѣ нея для Германіи ничего, кромѣ торжества того же имперіализма, который политически поддерживается реакціонными и умѣренными партіями и въ свою очередь усиливаетъ ихъ. Лауфенбергъ отмѣчаетъ, что эта имперіализма въ Германіи совпала не только по времени, но и причинно съ отказомъ нѣмецкаго либерализма отъ всякихъ широкихъ политическихъ реформъ. Отсюда само собой вытекаетъ, что Лауфенбергъ ни въ какой мѣрѣ не можетъ раздѣлять охватившаго всю Германію національнаго и націоналистическаго подъема.

Къ противникамъ войны изъ извѣстныхъ въ Россіи дѣятелей германской соціалъдемократіи принадлежатъ, кромѣ Клары Цеткинъ, еще Роза Люксембургъ, Мерингъ. Либкнехтъ, Мерингъ, Цеткинъ. Люксембургъ печатно заявили въ швейцарскихъ газетахъ о своей несолидарности съ позиціей, занятой соціалъдемократической фракціей рейхстага.

Послѣ того какъ Либкнехтъ во второй военной сессіи рейхстага 2 декабря голосовалъ противъ военныхъ кредитовъ, разногласія внутри партіи приняли очень бурный характеръ. Въ прессѣ завязалась полемика, по своему тону напоминавшая худшія времена внутрипартійныхъ раздоровъ.

Многія организаціи требовали исключенія Либкнехта и его сторонниковъ изъ партіи, другія, наоборотъ, спѣшили выразить ему довѣріе. Демонстрація Либкнехта въ рейхстагѣ было сигналомъ къ тому, чтобы „обнаружить свой цвѣтъ, какъ гонорятъ герминцы, Лиакнехтъ, несомнѣнно, имѣетъ за собой только меншинство партіи, но меншинство это довольно значительное и, что особенно важно для будущаго его развитія, оно концентрируется въ самыхъ крупныхъ германскіхъ городахъ: въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, отчасти въ Штутгартѣ, Лейпцигѣ и т. д. Редакція „Vorwarts'а также повидимому склоняется на сторону Либкнехта. Объ этомъ приходнтся говорить только гадательно, такъ какъ „Vorwârts“ по цензурнымъ условіямъ

и по соображеніямъ партійной тактики до сихъ поръ не высказалъ своего взгляда опредѣленно. Но судя по тому что противъ „Vorwarts'а“ ведется систематическая и озлобленная кампанія со стороны Легина и Гейне, можно думать, что „Vorwarts“ рѣшительно не на сторонѣ націоналъ-соціалистовъ. То же самое приходится сказать и о Каутскомъ и всей редакціи „Neue Zei. И противъ нее въ рядахъ націоналъ-соціалистовъ замѣчается раздраженіе, хотя „Neue Zei“ воздерживалась отъ всякой критики большинства партіи. Такимъ образомъ наряду съ опредѣлившимися теченіями существуетъ еще очень большой центръ, стремящійся отчасти примирить противуложености, а отчасти являющійся простымъ резервомъ направленія Либкнехта, резервомъ, который пока. воздерживается отъ вступленія въ бой по тактическимъ соображеніямъ,

Рѣзкая и наступательная полемика націоналъ—соціалистовъ противъ „интригановъ “какъ окрестилъ Либкнехта и его сторонниковъ Гейне въ спеціальной брошюрѣ („Gegen die Quertreiber“) имѣетъ одну хорошую сторону: она ускоряетъ крнзисъ. Участвущія въ полемикѣ лица волей неволей ищутъ болѣе рѣзкаго выраженія своимъ взглядамъ, принуждаются занять болѣе опредѣленную позицію и, такимъ образомъ, сами для себя и для другихъ болѣе опредѣленно раскрываютъ свои симпатіи. Націоналъ—соціалисты обнаруживаютъ новыя точки соприкосновенія съ бюргерскимъ національнымомъ. Они, конечно, тоже заявляютъ себя сторонниками мира, но не ограничиваютъ уже задачи войны одной обороной территоріи Германской имперіи. Онѣ открываютъ у себя интересы, выходящіе далеко за предѣлы простой защиты своего отечества и своей національной самостоятельсти. Такъ напр. депутатъ ландтага П. Гиршъ писалъ:

“Какъ ни высоко цѣнимъ мы интернаціональную солидарность, еще дороже намъ благо нашей собственной націи, экономическое усиліе нашего народа“.

А другой депутатъ ландтага Генишъ задавалъ въ „Hamburger Echo тревожный вооросъ:

„А что если война навяжетъ Германіи и выгодные торговые договоры? Что если внѣшняя торговля и судоходство Германіи будутъ такъ ослаблены, что потребуются десятилѣтнія для возстановленія ихъ?“

„И Генишъ отвѣчалъ, что экономически Германскіе рабочіе заинтересованы въ благополучномъ для Германіи исходѣ войны. Еще болѣе опредѣленно ту же мысль выразила Хемницкая „Volksstimme“:

„Что эта война, какъи всѣ войны, обусловлена нитересами капитализма,— это мы свѣ знаемъ. Но отъ этого мы ни на шагъ не двинемся дальше. Если нельзя было предупредить открытое столковеніе между „имперіализмомъ“ различныхъ странъ, то мы должны выбирать, на сторону какого имперіализма мы станемъ. Для германскяго пролетаріата необходимо сохраненіе Германской имперіи“.

Вполнѣ послѣдовательно націоналъ-соціалисты не поддержали требованіе мира, заявленное въ прусскомъ ландтагѣ небольшой соціальдемократической фракціей)*. Не только не поддержали, но въ лицѣ Гениша еще и обрушились на нее съ упреками, ибо они хотятъ не просто мира, но вкупѣ съ націоналистами изъ бюргерскаго мира они хотятъ побѣды и мечтаютъ даже о рѣшительной побѣдѣ. Генишъ пишетъ по поводу заявленія въ ландтагѣ.

„Форма, въ которой потребовали мира, было не правильной. Слезливыми пожеланіями и вздохами мира не достигнешь. Это, наконецъ, нужно понять. Разъ война началась, миръ будетъ достигнутъ только въ результатѣ болѣе или менѣе явной побѣды или пораженія".

И Шейдеманъ, раньше ограничивавшійся формулой „продержаться, пока безопасность границъ имперіи не будетъ обезпечена", теперь желаетъ своимъ избирателямъ побѣды: „мы хотимъ побѣдить". Все это по своей психологіи, несомнѣнно, выходитъ за предѣлы чисто оборонительной войны.

Война такимъ образомъ расколола германскую соціальдемократію Корни этого раскола идутъ далеко въ прошлое: это корни ревизіонизма, начатаго Бернштейномъ. И если самъ Бернштейнъ теперь отнюдь не во всемъ одобряетъ, а часто и прямо открещивается отъ своихъ учениковъ, то это нисколько не измѣняетъ дѣла. Ревизіонизмъ былъ теоріей перехода на почву современнаго государства. Все, что теперь новаго вносятъ націоналъ-соціалисты—примиреніе съ милитаризмомъ, парламентское сотрудничество со всѣми остальными партіями, поддержка торговой и колоніальной политики, даже персональныя примиренія со всѣми герцогами и князьями—все это было въ зачатачной формѣ заложено въ ревизіонизмѣ. За послѣдніе годы борьба съ ревизіонизмомъ постепенно слабѣла именно потому, что вся партія становилась ревизіонистской. Совершенно вѣрнымъ мнѣ кажется слѣдующее объясненіе этой эволюціи въ брошюрѣ Лауфенберга.

„Тотъ фактъ, что германская соціальдемократія постоянно усиливала свое вліяніе, что ей удалось провести нѣкоторыя реформы, что колоссально возросло число подаваемыхъ за нее голосовъ,—все это породило вѣру, будто соціальдемократія вростаетъ въ государство будущаго!... Тѣсно связаннымъ съ этимъ взглядомъ было представленіе о томъ, будто парламенты сами усиливаютъ свою власть за счетъ внѣпарламентскихъ властей... и что,

*) Я предполагаю, что читателямъ извѣстенъ изъ газетъ текстъ этого заявленія. На всякій случай привожу самыя существенныя выдержки: „Мы надѣялись, что... война скоро окончится. Эта надежда не сбылась. Но мы знаемъ, что войны не хотѣлъ ни одинъ народъ и что конца ея всюду ждутъ съ нетерпѣніемъ. Мы питаемъ увѣреность, что... принимая во вниманіе миролюбіе всѣхъ народовъ и особенно трудящихся массъ можно будетъ скоро достичь мира къ благу всего человѣчества. „Это заявленія, сдѣланное въ общемъ засѣданіи ландтага, было большимъ успѣхомъ "интригановъ" (они сами слово "Querttreiber" въ ковычкахъ употребляютъ какъ свой коллективный псевдонимъ, подобно тому, какъ въ Голландіи борцы за ея освобожденіе отъ испанскаго ига не стыдились насмѣшливаго прозвища "Гезовъ"—нищихъ).

поэтому, національное государство есть послѣднее слово капитализма. Это предположеніе было ошибочно, ошибочными поэтому должны быть и выводы изъ него... Соціальдемократія вростала въ государство, о да! Но не въ „государство, будущаго", а въ современное классовое государство".

Отсюда Лауфенбергъ приходитъ къ выводу, что и его направленіе должно «переучиться»: найти новыя формы и новыя границы дѣятельности. Это переучиваніе противниковъ войны еще только начинается, оно находится еще, такъ сказать, на первомъ семестрѣ новаго курса и трудно сказать, чѣмъ оно закончится. О націоналъ-соціалистахъ, наоборотъ, можно сказать, что они уже сдали всѣ государственные экгамены и вступаютъ въ жизнь по проторенным дорожкамъ обычнаго нѣмецкаго уклада. Въ нѣмецкой государственности имъ найдется свое мѣсто. Они получатъ быть можетъ причитающіяся имъ реформы, получатъ долю признанія и соотвѣтствующее общественное положеніе, но они не выйдутъ за предѣлы культурности типа современной нѣмецкой жизни. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ быть тотъ фактъ, что ни нѣмецкое правительство, ни нѣмецкіе консерваторы, заигрывающіе съ ними въ лицѣ Гейдебрандта не сдѣлали имъ ни одной политической уступки, хотя пошли далеко на встрѣчу нхъ требованіямъ въ области экономическихъ и соціальныхъ мѣропріятій.

Насколько можно предвидѣть будущее Германіи, можно сказать, что въ демократической ея части война принесла пока одни опустошенія: она ослабила и расколола главную движущую силу нѣмецкаго прогресса, нѣмецкую демократію.

Энзисъ.

Налоги и демократія.

I.

Вопросы финансовой политики занимаютъ все большее и большее мѣсто въ экономической и политической жизни современныхъ государствъ. Расширеніе функцій государственной власти и органовъ самоуправленія, ростъ государственныхъ и муниципальныхъ предпріятій, расширеніе области соціальной политики, требующей новыхъ и новыхъ средствъ,—все это ставитъ вопросы финансовой политики, и, въ частности вопросъ о добываніи необходимыхъ для нея средствъ, на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ вопросовъ соціальной борьбы. Въ другомъ мѣстѣ [1]) я указывалъ, что успѣхи рабочаго класса въ непосредственной экономической борьбѣ за повышеніе заработной платы въ большинствѣ случаевъ уничтожаются путемъ по-

[1]) См. П. Масловъ. Капитализмъ, ч. 1. СПБ. 1914 г.

вышенія косвенныхъ налоговъ и относительнаго повышенія цѣны продуктовъ, потребляемыхъ массой городского населенія; финансовая политика можетъ уничтожить всѣ завоеванія, которыя могутъ быть сдѣланы въ экономической борьбѣ.

Между тѣмъ вопросы финансовой политики менѣе всего освѣщены и разработаны съ точки зрѣнія интересовъ демократіи. Правда, область расходованія средствъ, получаемыхъ государствомъ и органами самоуправленія, болѣе или менѣе освѣщена, если не съ теоретической, то, по крайней мѣрѣ, съ практической стороны: потребности демократіи такъ настойчиво говорятъ о себѣ, что не требуется особеннаго напряженія ума для того, чтобы въ нихъ разобраться. Необходимость удовлетворенія культурныхъ потребностей широкихъ слоевъ демократіи, сохраненіе физическихъ и духовныхъ силъ населенія и поддержаніе слабѣйшихъ, неспособныхъ къ труду—всѣ эти требованія выдвигаются жизнью, и необходимость ихъ удовлетворенія всякому очевидна.

Гораздо менѣе выясненъ (можно даже утверждать, что совсѣмъ не выясненъ) вопросъ о способѣ добыванія необходимыхъ средствъ для удовлетворенія государственныхъ и общественныхъ потребностей съ точки зрѣнія интересовъ демократіи. Хотя существуетъ общее положеніе, что долженъ быть единый прогрессивный подоходный налогъ и отмѣна всякихъ косвенныхъ налоговъ, но почему это положеніе принято, какія основанія существуютъ для его принятія,—этотъ коренной вопросъ совершенно не освѣщенъ.

Въ Россіи въ настоящее время особенно остро выступилъ вопросъ о налоговомъ обложеніи въ виду коренной реформы, вызванной отмѣной винной монополіи. Поэтому обсужденіе основныхъ принциповъ, на которыхъ съ точки зрѣнія демократіи должна быть основана налоговая система имѣетъ въ настоящее время не только теоретическій, но и нѣкоторый практическій интересъ.

II.

Прежде, чѣмъ оцѣнивать и обсуждать ту или другую налоговую систему, тотъ или другой конкретный налогъ, нужно выяснить основные принципы налоговой системы, съ точки зрѣнія интересовъ демократіи и хозяйственнаго развитія общества. Поэтому мы не будемъ разсматривать и оцѣнивать тотъ или другой налогъ и способы ихъ взиманія, точно также какъ назначеніе, для котораго они собираются. Только выяснивши основные принципы, на которые должна опираться налоговая система, можно перейти къ разсмотрѣнію конкретныхъ налоговъ и способовъ ихъ взиманія. Самъ по себѣ принципъ, который долженъ быть положенъ въ основу налоговаго обложенія, очень простъ, но примѣненіе его къ народному хозяйству, при современной сложности послѣдняго, не такъ просто, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

Съ точки зрѣнія интересовъ широкихъ слоевъ общества, налоговая система должна опираться на два основныхъ положенія: Во-первыхъ, чтобы налоги не сокращали уровень духовныхъ и матеріальныхъ потребностей широкихъ слоевъ демократіи, такъ какъ главное назначеніе налоговъ при ихъ расходованіи должно заключаться въ удовлетвореніи матеріальныхъ и духовныхъ потребностей

населенія. Нелѣпа была бы налоговая система, которая ведетъ къ сокращенію потребностей населенія съ цѣлью ихъ расширенія.

Во вторыхъ, налоги не только не должны задерживать развитія производительныхъ силъ страны, а, напротивъ, должны содѣйствовать этому развитію. Развитіе производительныхъ силъ является источникомъ, который даетъ возможность удовлетворять потребности населенія непосредственно путемъ хозяйственной дѣятельности и путемъ цѣлесообразнаго расходованія общественныхъ средствъ. Очевидно, что если налоги задерживаютъ развитіе производительныхъ силъ страны, то тѣмъ самымъ они подрываютъ не только свой источникъ, откуда черпаются, но и непосредственно мѣшаютъ той задачѣ, которую они должны съ точки зрѣнія демократіи преслѣдовать,—задачѣ удовлетворенія потребностей массы населенія.

Если налогъ противорѣчитъ какому либо изъ изложенныхъ двухъ принциповъ, если онъ ведетъ къ сокращенію потребностей массы населенія или если онъ задерживаетъ развитіе производительныхъ силъ, то этого уже достаточно для того, чтобы признать его нецѣлесообразнымъ. Но теперь является вопросъ, могутъ ли какіе либо налоги не противорѣчить указаннымъ нами основнымъ принципамъ? Вѣдь каждый налогъ предполагаетъ отнятіе у какой либо части населенія доли продуктовъ, которые были бы потребляемы. Слѣдовательно, онъ неизбѣжно ведетъ къ сокращенію какого нибудь потребленія. Гдѣ критерій цѣлесообразности сокращенія потребленія однихъ съ цѣлью расширенія потребленія другихъ черезъ государственныя или общественные учрежденія?

III.

Въ книгѣ „Теорія развитія народнаго хозяйства“ я доказывалъ, что характеръ потребленія продуктовъ, производимыхъ національнымъ хозяйствомъ, имѣетъ огромное значеніе для развитія производительныхъ силъ страны. Сравнительный анализъ рабочихъ бюджетовъ и бюджетовъ представителей богатыхъ классовъ показываетъ, что потребленіе предметовъ роскоши задерживаетъ развитіе производительныхъ силъ. Что мыслимо такое состояніе общества,—такъ было въ послѣдніе вѣка существованія Римской Имперіи,—когда большая часть продуктовъ національнаго труда потребляется или въ видѣ предметовъ роскоши, или въ видѣ личныхъ услугъ богачамъ. При такомъ характерѣ распредѣленія и потребленія національнаго дохода, производство не только не расширяется, но даже сокращается.

Съ этой точки зрѣнія національный доходъ распадается на слѣдующія части: 1) на заработную плату и на доходъ мелкаго хозяйства, непосредственно потребляемые производительными классами; 2) на часть прибыли предпринимателей, реализуемой на расширеніе производства. Эта часть національнаго дохода вслѣдствіе взаимной конкурренціи предпринимателей неизбѣжно выдѣляется изъ всего дохода капиталистовъ, потому что только при такомъ условіи каждый капиталистъ можетъ конкурировать съ другими. Т.-е. для того, чтобы продолжать получать доходъ со своего капитала и чтобы этотъ доходъ относительно не сокращался, капиталистъ долженъ накоплять, затрачивать въ производство все большій и большій капиталъ.

Наконецъ, третья доля, на которыя распадается національный

доходъ по характеру его потребленія,—доля, потребляемая непроизводительно богатыми классами общества. Она затрачивается или непосредственно на предметы роскоши, или на непроизводительный трудъ, удовлетворяющій потребностямъ одного потребителя: трудъ лакеевъ, кучеровъ и другой прислуги, обслуживающей отдѣльныхъ лицъ

Потребленіе этихъ трехъ частей національнаго дохода имѣетъ не одинаковое значеніе для развитія народнаго хозяйства. Первая часть продуктовъ національнаго производства, потребляемая производительными классами, т. е. лицами, принимающими непосредственное участіе въ мелкомъ или крупномъ производствѣ, имѣетъ наибольшее значеніе не только съ точки зрѣнія интересовъ массы населенія, принимающаго въ той или другой формѣ участіе въ производствѣ, но и въ интересахъ развитія производительныхъ силъ.

Ибо основнымъ элементомъ этого развитія является трудъ. Ясно, что чѣмъ лучше и цѣлесообразнѣе удовлетвореніе потребностей трудящихся классовъ, тѣмъ трудъ производительнѣе, тѣмъ это благопріятнѣе для развитія общественныхъ производительныхъ силъ.

Поэтому, чѣмъ большая доля государственныхъ и общественныхъ доходовъ затрачивается на удовлетвореніе физическихъ и духовныхъ потребностей населенія, тѣмъ лучше не только непосредственно для демократическихъ его слоевъ, но тѣмъ благопріятнѣе такая затрата и для развитія общественныхъ производительныхъ силъ.

Духовныя и физическія потребности при современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ удовлетворяются почти исключительно путемъ личнаго заработка или въ мелкомъ хозяйствѣ, а не на государственный и общественный счетъ. Прямое или косвенное обложеніе доходовъ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія не только повело бы къ ухудшенію ихъ положенія, но, понижая физическій и культурный уровень рабочихъ и мелкихъ собственниковъ, поведетъ къ пониженію и общественныхъ производительныхъ силъ. Слѣдовательно, и въ интересахъ массы населенія и въ интересахъ развитія общественныхъ производительныхъ силъ доходы государственные и общественные не должны опираться на обложеніе бѣднѣйшихъ слоевъ населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ должны обслуживать физическія и духовныя потребности массы трудящагося населенія,—основного элемента общественныхъ производительныхъ силъ.

Такимъ образомъ, какъ со стороны *сборовъ* государственныхъ и общественныхъ доходовъ обложеніе производительныхъ классовъ противорѣчило бы не только интересамъ широкихъ слоевъ демократіи, но и развитію производительныхъ силъ, такъ и со стороны *затраты* собранныхъ доходовъ обслуживаніе потребностей широкихъ слоевъ демократіи усиливало бы производительныя силы общества.

И тотъ и другой путь представляетъ собою организованное воздѣйствіе на распредѣленіе національнаго дохода и на распредѣленіе производительныхъ силъ общества между различными отраслями народнаго хозяйства. Ибо удовлетвореніе потребностей широкихъ массъ населенія требуетъ иного распредѣленія производительныхъ силъ общества, чѣмъ удовлетвореніе потребностей богатыхъ слоевъ населенія.

Въ „Теоріи развитія народнаго хозяйства“ я указывалъ, что по

своему характеру потребленіе класса капиталистовъ и рабочихъ ведетъ къ расширенію массоваго производства, требующаго въ большинствѣ случаевъ высокаго строенія капитала, т. е. относительно болѣе цѣнныхъ орудій производства, примѣненія машинъ и проч. Напротивъ, расширеніе потребленія класса капиталистовъ требуетъ относительно низкаго строенія капитала и „непроизводительнаго“ труда. Увеличивается главнымъ образомъ употребленіе различнаго рода услугъ прислуги. Какъ извѣстно, не только трудъ лакея, повара и т. д., но и трудъ балетной танцовщицы не требуетъ большого основного капитала, такъ же какъ и ручной трудъ лицъ, изготовляющихъ дорогіе предметы роскоши.

Правда, прислуга потребляетъ продукты массоваго производства, но такъ же потребляетъ ихъ и рабочій, изготовляющій предметы массоваго потребленія, трудъ же послѣдняго требуетъ сверхъ того относительно большого основного капитала. Поэтому, увеличеніе потребленія рабочаго класса и крестьянъ ведетъ не только къ увеличенію количества рабочихъ, производящихъ предметы непосредственнаго массоваго потребленія, но и количества рабочихъ, производящихъ орудія производства и средства передвиженія для дополнительнаго количества продуктовъ.

Напримѣръ, увеличеніе потребленія ситца ведетъ не только къ увеличенію числа ткачей, прядильщиковъ и т. д., но и прядильныхъ и хлопко-очистительныхъ машинъ, каменнаго угля и т. д., а также орудій перевозки матеріаловъ, необходимыхъ для производства и проч. Увеличеніе массоваго потребленія въ огромной степени расширяетъ внутренній рынокъ и ускоряетъ развитіе общественныхъ производительныхъ силъ.

Напротивъ, расширеніе потребленія непроизводительныхъ классовъ, какъ было во времена паденія Римской Имперіи, неизбѣжно ведетъ къ остановкѣ хозяйственнаго развитія. Прибавочный продуктъ,—рента и прибыль,—реализуется не въ производствѣ, а потребляется непроизводительными классами: увеличится число прислуги, обслуживающей ихъ потребности, увеличится площадь земли подъ охотничьими парками, виллами и т. д. Конечно потребленіе богатыхъ классовъ не ограничивается только увеличеніемъ числа лицъ, занятыхъ личными, иногда дорогими, доставляющими эстетическое наслажденіе услугами. Увеличивается и потребленіе предметовъ роскоши. Но при производствѣ этихъ предметовъ строеніе капитала значительно ниже, чѣмъ при производствѣ предметовъ массоваго потребленія; т. е. въ первомъ случаѣ въ гораздо большей степени примѣняется ручной трудъ и въ меньшей степени машинное производство.

Въ большинствѣ случаевъ производство предметовъ роскоши приближается по своему характеру къ личнымъ услугамъ. Скульпторъ или живописецъ, изготовляющіе свои произведенія для гостиной какого либо лица, съ *экономической* точки зрѣнія мало отличаются отъ повара, изготовляющаго обѣды для того же лица, между тѣмъ какъ тотъ же скульпторъ и живописецъ, изготовляющіе художественныя произведенія для репродукціи, не только производятъ для массы потребителей, но и производство имѣетъ уже другой характеръ: репродукція требуетъ большой затраты основного капитала.

Данныя промышленной переписи С.-А. Соединенныхъ Штатовъ

указываютъ на рѣзкое различіе строенія капитала при производствѣ предметовъ роскоши и предметовъ массоваго потребленія. Потребленіе предметовъ роскоши вытекаетъ главнымъ образомъ изъ тщеславія потребителей, которые хотятъ обладать предметами, какихъ нѣтъ у другихъ, т. е. не могутъ быть репродуцированы и требуютъ индивидуальнаго ремесленнаго (по типу производства) труда.

Но главный расходъ богатыхъ классовъ сводится къ использованію всякаго рода личныхъ услугъ. Такъ, по Hampke высшій чиновникъ, съ бюджетомъ въ 25 тыс. талеровъ, затрачиваетъ на прислугу 4,6%, на увеселенія 30%, на лошадей 14%, т. е. расходы на потребности роскоши, кромѣ затратъ на предметы роскоши, поглощаютъ около половины бюджета. Бюджеты рабочихъ показываютъ, что, напротивъ, увеличеніе этихъ бюджетовъ ведетъ къ увеличенію культурныхъ потребностей, удовлетворяемыхъ репродукціей: книгами, гравюрами, газетами и т. д.

IV.

Кромѣ непроизводительнаго потребленія непроизводительными классами, существуетъ еще непроизводительное *пользованіе* цѣнностями въ интересахъ личной выгоды и въ ущербъ общественнымъ интересамъ. Такого рода непроизводительнымъ пользованіемъ является владѣніе пустырями въ городахъ и пригородахъ, предназначенными для построекъ, владѣніе необрабатываемыми землями и т. д. Это владѣніе неэксплуатируемыми землями въ большинствѣ случаевъ разсчитано на повышеніе цѣнъ на землю въ будущемъ и оказываетъ огромное вліяніе на повышеніе земельной ренты, арендной платы въ деревняхъ и квартирной платы въ городахъ, въ настоящемъ.

Извлекая изъ эксплуатаціи участки земли владѣльцы пустырей тѣмъ самымъ повышаютъ земельную ренту съ эксплуатируемыхъ или обрабатываемыхъ земель и искусственно ее повышаютъ.

При возникновеніи торговли съ Индіей торговцы часто уничтожали излишніе товары, чтобы ослабить конкурренцію и повысить цѣну привозимыхъ товаровъ. Торговцы отъ этого выигрывали, но общество въ цѣломъ теряло. Въ настоящее время такое же значеніе имѣетъ непроизводительное пользованіе землями. Владѣніе этими землями и высокая ихъ оцѣнка даетъ возможность повышать земельную ренту другимъ владѣльцамъ эксплуатируемыхъ земель, т. е., сокращая площадь эксплуатируемыхъ земель, усиливаетъ эксплуатацію всего общества повышеніемъ земельной ренты. Усиленное обложеніе такого рода земель не только даетъ толчекъ развитію производительныхъ силъ общества, побуждая къ эксплуатаціи этихъ земель, но и выгодно для широкихъ слоевъ общества, ослабляя ихъ обложеніе въ пользу домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ.

Неудивительно, что обложенію „бездоходныхъ“ имуществъ оказывается буржуазіей большее сопротивленіе, чѣмъ подоходному налогу, такъ какъ такимъ обложеніемъ подрывается повышеніе ренты, создаваемой монопольнымъ владѣніемъ. Въ частности въ Россіи захватываются огромныя площади земли на окраинахъ страны и на окраинахъ городовъ для непроизводительнаго пользованія въ надеждѣ на повышеніе цѣнъ на землю. Обложеніе этихъ земель значительно ослабило бы наиболѣе вредную форму хищничества.

Въ тѣсной связи съ обложеніемъ непроизводительнаго пользованія должно находиться обложеніе „прироста цѣнностей“, выражающагося главнымъ образомъ въ ростѣ земельной ренты. Связь этихъ двухъ видовъ обложенія вытекаетъ изъ того, что непроизводительное пользованіе въ значительной степени связано съ надеждой на приростъ ренты.

Непроизводительное пользованіе увеличиваетъ нужду общества въ предметахъ непроизводительнаго пользованія въ квартирахъ, которыя домовладѣльцы держатъ пустыми, не желая сдавать ихъ ниже опредѣленной цѣны, въ земляхъ подъ постройки, въ земляхъ, пригодныхъ для земледѣлія.

Удерживая въ своихъ рукахъ безъ эксплуатаціи такого рода цѣнности владѣльцы ихъ тѣмъ самымъ повышаютъ цѣны другихъ квартиръ, ренту съ другихъ земель и т. д. и создаютъ приростъ этихъ цѣнностей. Разумѣется, обложеніе непроизводятельнаго пользованія и прироста цѣнностей, вызываемаго исключительно нуждой въ нихъ общества, не остановитъ этого прироста.

Но съ точки зрѣнія интересовъ населенія и развитія производительныхъ силъ важно максимальное обложеніе такихъ формъ пользованія и собственности, которыя наиболѣе вредны, какъ непосредственно для всего общества, такъ и для развитія его производительныхъ силъ.

За обложеніемъ непроизводительнаго потребленія и пользованія слѣдуетъ обложеніе земельной ренты съ тѣхъ участковъ, которые непосредственно не обрабатываются самими владѣльцами.

Земельная рента представаяетъ собою результатъ эксплуатаціи потребителей продуктовъ земледѣлія и нанимателей квартиры въ городахъ. Ея обложеніе налогомъ является не только обложеніемъ, непроизводительнаго дохода, но и обложеніемъ, которое наименѣе переложимо на потребителей.

Обложеніе другого вида доходовъ болѣе или менѣе переложимо на потребителей. Поэтому часто случается, что налогомъ обложенъ предприниматель или торговецъ, но въ дѣйствительности налогъ уплачиваютъ потребители, которые вынуждены бываютъ покупать у предпринимателя или торговца по повышеннымъ цѣнамъ продукты обложеннаго налогомъ предпріятія. Даже прогрессивный подоходный налогъ въ извѣстной степени переложимъ и, такимъ образомъ, можетъ въ нѣкоторой мѣрѣ упасть на бѣднѣйшіе слои населенія. Обложеніе земельной ренты, если оно падаетъ на *различіе* въ ея высотѣ въ центрѣ и окраинахъ—въ городахъ, на лучшихъ и худшихъ участкахъ и т. д. падаетъ непосредственно на землевладѣльца и не можетъ быть имъ переложено на другихъ. Это также имѣетъ огромное значеніе при оцѣнкѣ значенія того или другого налога.

Изъ бѣгло сдѣланнаго нами анализа непроизводительнаго потребленія и непроизводительнаго пользованія видно, что на первомъ мѣстѣ въ системѣ обложенія съ изложенной нами точки зрѣнія, долженъ стоять не прогрессивно подоходный налогъ, а налоги на непроизводительное потребленіе и пользованіе съ прогрессивнымъ обложеніемъ размѣровъ потребленія и пользованія. Т. е. пользованіе двумя, тремя слугами должно облагаться не вдвое, втрое больше, а значительно выше. Точно также владѣніе земельной собственностью должно облагаться въ возрастающей прогрессіи съ опредѣленнаго минимума. На-

конецъ, косвенное обложеніе предметовъ роскоши имѣетъ такое же значеніе, какъ и прямое обложеніе непроизводительнаго пользованія.

Обложеніе непроизводительнаго потребленія и пользованія при современныхъ соціальныхъ условіяхъ не можетъ быть настолько исчерпывающимъ, чтобы захватить на общественныя потребности значительную долю крупныхъ доходовъ, затрачиваемыхъ на личное потребленіе. Поэтому и по своимъ размѣрамъ доходъ отъ перечисленныхъ формъ обложенія не можетъ покрыть общественныя потребности. Поэтому обществу неизбѣжно придется прибѣгать и къ другимъ источникамъ обложенія. Послѣ указанныхъ нами налоговъ первое мѣсто занимаетъ прогрессивно подоходное *обложеніе всякихъ видовъ ренты*, начиная съ опредѣленнаго минимума и, наконецъ, прогрессивно подоходный налогъ.

Вопросъ о конкретныхъ формахъ обложенія различныхъ видовъ ренты для устраненія переложенія его на потребителей требуетъ спеціальнаго разсмотрѣнія и на немъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ имѣемъ въ виду установить лишь общіе „программные“ принципы обложенія.

П. Масловъ.

Экономическіе факторы войны.

1. Экономическая стихія и экономич. политика.

Войны велись во всѣ экономическія эпохи. Людямъ поверхностнымъ это даетъ поводъ утверждать, что „узко“ и „односторонне“ искать при объясненіи войнъ прежде всего экономическаго фактора. Людямъ вдумчивымъ это даетъ основаніе полагать, что каждой „исторической“ войнѣ или каждой эпохѣ войнъ предшествуетъ свой особый, конкретно-опредѣленный комплексъ экономическихъ явленій, который и можетъ быть разсматриваемъ, какъ первоначальная причина войны или серіи войнъ.

Происходящая сейчасъ міровая война тоже имѣетъ свои корни въ характерѣ опредѣленной экономической эпохи. Война вѣнчаетъ цѣлый рядъ общественно-политическихъ процессовъ, которые возникли на почвѣ экономическаго развитія послѣднихъ четырехъ десятилѣтій. Война, охватившая десять государствъ, является самымъ яркимъ проявленіемъ экономической эпохи, ведущей свое начало отъ мірового кризиса 1873 года. Эпоха эта характеризуется господствомъ „финансоваго капитала“ и была названа однимъ германскимъ изслѣдователемъ эпохой „Effectenkapitalismus“ (бумажнаго капитализма).

Когда выдвигаютъ или признаютъ, что война является слѣдствіемъ опредѣленнаго развитія экономическихъ отношеній, часто придаютъ этому положенію какой-то фаталистическій характеръ. Представляютъ себѣ дѣло такъ, что при данномъ укладѣ экономическихъ отношеній война является слѣдствіемъ

роковымъ, неизбѣжнымъ, которое невозможно было бы предотвратить вмѣшательствомъ какой-либо сознательно-руководящей силы. Конкретизируя, говорятъ, что при сложившемся соотношеніи силъ развитіе производительныхъ силъ той или иной страны было бы немыслимо безъ разрѣшенія международнаго конфликта вооруженной рукой. Въ этомъ отношеніи люди, высоко учитывающіе значеніе экономическаго фактора, часто сбиваются на языкъ и способъ мышленія дипломатовъ, подыскивающихъ оправданіе вызваннымъ ими политическимъ событіямъ.

Но надо отдать себѣ отчетъ, что каждая экономическая эпоха слагается не только изъ извѣстной экономической стихіи, въ рамкахъ которой идетъ развитіе производительныхъ силъ, но и изъ извѣстной экономической политики, которая сознательно стремится эту стихію направить въ опредѣленную сторону. Вотъ эта-то сфера экономики,—совокупность экономическихъ мѣропріятій,—находится подъ воздѣйствіемъ опредѣленнаго соотношенія силъ и развивается въ извѣстную сторону совсѣмъ не съ неизбѣжностью стихійнаго процесса. Человѣчество,—въ цѣломъ и по отдѣльнымъ странамъ,—отнюдь не лишено возможности направить экономическую политику въ иную сторону и тѣмъ, хотя бы отчасти, ослабить вліяніе стихійно-экономическаго процесса. Въ большей или меньшей степени,—при опредѣленной общественной обстановкѣ,—возможно стихійному процессу, съ неудержимой силой толкающему на путь вооруженныхъ конфликтовъ, противопоставить систему экономической политики, которая можетъ подготовить другіе способы разрѣшенія международныхъ конфликтовъ и притомъ безъ всякаго вреда для развитія производительныхъ силъ.

Бѣда экономической эпохи, которую мы переживаемъ, заключается въ томъ, что ея экономическая политика не ослабляла, но усиливала роковое вліяніе стихійно-экономическаго процесса. Развитіе производительныхъ силъ поощрялось лишь съ помощью такихъ мѣръ и способовъ, которые были пригодны только для того, чтобы углублять и обострять международную анархію, систему международной конкурренціи, которая и привела къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ рукахъ европейскихъ народовъ такимъ образомъ находится средство ослабить уже и сейчасъ значеніе тѣхъ факторовъ, роль которыхъ оказалась гибельной для европейскаго мира. Это средство—воздѣйствіе на экономическую политику, которая, хотя и является производной извѣстной экономической системы, но все же не ея неизбѣжнымъ, неразлучнымъ спутникомъ.

Если мы захотимъ охарактеризовать эту политику въ ея экономическихъ предѣлахъ, намъ придется воспользоваться терминомъ французскихъ экономистовъ и сказать, что мы имѣемъ дѣло съ экономическимъ имперіализмомъ, который представляетъ не что иное, какъ оборотную сторону политическаго имперіализма.

---

2. Перепроизводство.

Экономическій имперіализмъ—плодъ развитія послѣднихъ десятилѣтій—и выражается онъ въ двухъ основныхъ явленіяхъ экономической политики—протекціонизмѣ и т. наз. колоніальной политикѣ.

Если мы перейдемъ къ ближайшему разсмотрѣнію того, какъ возникъ и сложился экономическій имперіализмъ, мы столкнемся съ понятіемъ перепроизводства. Всѣ крупныя капиталистическія государства страдаютъ нынѣ отъ избыточнаго производства. Перепроизводство это, разумѣется, носитъ только относительный характеръ. Не то, что количество выбрасываемыхъ на рынокъ товаровъ значительно превосходитъ потребное. Нѣтъ, при данной покупательной способности населенія оно не въ силахъ пріобрѣсти и потребить произведенную массу.

Количество населенія, которое живетъ наемнымъ трудомъ, чрезвычайно возросло. Въ Англіи, напр., оно составляетъ $^2/_3$ всего населенія. Между тѣмъ покупательная его способность растетъ весьма медленно. Съ 1870 года заработная плата Англіи и Франціи не увеличилась и вдвое, между тѣмъ доходъ отъ капиталистической промышленности увеличился во много разъ. Съ 1906 по 1912 годъ сумма бумажныхъ цѣнностей, котирующихся въ Германіи, увеличилась почти вдвое (съ 60 милл. фр. до 100—110), между тѣмъ заработная плата, если и увеличилась, то лишь на нѣсколько процентовъ. Ежегодный чистый доходъ Франціи опредѣляется въ 2—$2^1/_2$ милліарда фр., между тѣмъ заработная плата въ лучшемъ случаѣ увеличивается ежегодно на нѣсколько десятковъ милліоновъ франковъ.

Что систематическое перепроизводство является реальнымъ фактомъ, доказывается между прочимъ учащеніемъ промышленныхъ кризисовъ. Съ 1873 года прежній десятилѣтній циклъ промышленнаго развитія смѣнился семилѣтнимъ, при чемъ періоды упадка становятся болѣе длительными. Съ 1873 года Англія, ранѣе переживавшая кризисы въ 1815, 1825, 1836, 1847, 1857 и 1866 гг., имѣла кризисы въ 1881—1885 гг., 1891—1895, 1900—1904, 1907—9 гг. Относительно Бельгіи статистикъ Julin, комбинируя 43 признака, указываетъ, какъ годы кризиса, годы: 1884—6, 1892—3, 1901—2, 1907—9; изъ 30 лѣтъ Julin насчитываетъ 10 лѣтъ упадка и кризиса. Германія за послѣдніе 20 лѣтъ переживаетъ третій кризисъ.

Перепроизводство характеризуется и положеніемъ крупнѣйшей отрасли, работающей для удовлетворенія непосредственнаго потребленія,—текстильной. Въ этой отрасли перепроизводство замѣчается даже въ годы относительнаго благополучія и система международныхъ соглашеній объ одновременномъ сокращеніи производства путемъ введенія short time (короткаго рабочаго дня) является обычнымъ фактомъ.

Но даже и въ области изготовленія средствъ производства начинаютъ намѣчаться признаки переполненія. Такъ, въ области желѣзнодорожнаго строительства старыя культурныя страны Европы обнаруживаютъ систематическое замедленіе. Если разбить желѣзнодорожное строительство въ Европѣ по десятилѣтіямъ, получимъ такую картину:

	Длина ж.-д. сѣти въ тыс. километр.	Приростъ въ тыс. килом.	Приростъ въ %
1840	2,9	—	—
1850	25,5	20,6	710
1860	51,8	28,3	121
1870	104,9	53,1	102
1880	168,9	64,0	61
1890	223,8	54,9	32
1900	283,8	60,0	27
1910	333,8	50,0	17

Отмѣченному факту перепроизводства, какъ будто, противорѣчитъ всѣмъ извѣстный подъемъ товарныхъ цѣнъ, характерный для послѣднихъ полутора десятилѣтій.

Никакого противорѣчія, однако, здѣсь нѣтъ. Присматриваясь къ движенію цѣнъ по отдѣльнымъ категоріямъ, нетрудно убѣдиться, что подъемъ цѣнъ вызванъ, главнымъ образомъ, чрезвычайнымъ вздорожаніемъ сырья и пищевыхъ продуктовъ. Фабрикаты же, если вздорожали, то въ несравненно меньшей степени. Это и характерно для современнаго производства, не могущаго установить равновѣсія между отдѣльными отраслями народнаго хозяйства: перепроизводство въ области фабрично-заводскаго труда сопровождается недопроизводствомъ въ области земледѣльческихъ продуктовъ и вообще такихъ, расширеніе производства которыхъ встрѣчаетъ препятствіе въ ростѣ земельной ренты.

Для европейской экономической политики это обстоятельство имѣло особое значеніе: борьба на міровомъ рынкѣ пошла одновременно въ двухъ направленіяхъ. Борьба за рынокъ для фабрикатовъ сопровождалась борьбой за источники дешеваго сырья. Протекціонизмъ и колоніальная политика находили въ этомъ обстоятельствѣ двойное основаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они вели не къ разрѣшенію противорѣчія между неограниченнымъ ростомъ производительныхъ силъ и ограниченнымъ ростомъ покупательной способности массъ, но къ углубленію и обостренію этого противорѣчія. И въ этомъ заключается основной мотивъ европейской экономической политики.

3. Протекціонизмъ.

Въ 1846 г. Англія отмѣнила у себя хлѣбныя пошлины и вскорѣ тамъ окончательно восторжествовала система свободной торговли. Идя по этому пути, Англія вѣрила своимъ фритредерамъ (сторонникамъ свободной торговли), что европейскія континентальныя государства послѣдуютъ ея примѣру. Но она вмѣстѣ съ ними ошиблась въ этихъ разсчетахъ. Собственныя же колоніи Англіи отвѣтили метрополіи повышеніемъ пошлинъ на ввозимые продукты. На континентѣ Англіи, правда, удалось создать въ шестидесятыхъ годахъ, систему либеральныхъ торговыхъ

договоровъ. Однако уже въ 70-хъ гг., подъ вліяніемъ всеобщаго кризиса, на континентѣ обнаружилось явное тяготѣніе къ протекціонизму.

Въ 1879 году Германія перешла къ системѣ высокихъ пошлинъ, и формула фритредеровъ о всеобщемъ невмѣшательствѣ, оказалась перевернутой. Фритредеры говорили: „заботьтесь объ импортѣ (ввозѣ), а экспортъ (вывозъ) позаботится о себѣ самъ". Ввозите, сколько можете, а экспортъ явится необходимымъ слѣдствіемъ усиленнаго ввоза, за который будете расплачиваться своими товарами. На континентѣ законодательства стали проводить обратный принципъ—принципъ неомеркантилизма.

Они всячески задерживали импортъ чужихъ товаровъ, стараясь насадить ихъ производство у себя и, съ другой стороны, всѣми мѣрами поощряли вывозъ.

Съ одной стороны, мы видимъ повсюду прогрессирующія таможенныя ставки. Ставки эти растутъ и въ высоту, и количественно. Протекціонизмъ промышленный дополняется протекціонизмомъ аграрнымъ. Въ 1879 г. Германія порываетъ съ либеральной торговой политикой, вводя одновременно протекціонныя пошлины на фабрикаты и на хлѣбъ. Въ 1885 и 1887 г. слѣдуетъ новое повышеніе пошлинъ.

Въ 1902 году вырабатывается дѣйствующій тарифъ, явившійся результатомъ активнаго наступленія аграріевъ и союза ихъ съ тяжелой промышленностью.

Въ 1881 г. переходитъ къ высокому тарифу Франція, которая въ 1885 г. дополняетъ его аграрными пошлинами. Въ 1892 г. французскій тарифъ („Мелиновскій") перерабатывается въ сторону дальнѣйшаго повышенія и такими же началами проникнутъ новый тарифъ 1910 г.

Въ томъ же направленіи идутъ Австро-Венгрія, Италія, Россія и Америка, начиная съ 80-хъ гг. Примѣрно каждыя 10 лѣтъ пересматриваются тарифы, при чемъ каждый разъ въ духѣ крайнихъ началъ „охраны національнаго труда". Даже страна очень либеральной торговой политики—Голландія—съ 1910 г. становится въ ряды протекціонистскихъ.

Для внутренняго рынка это имѣетъ чрезвычайно важное послѣдствіе. Протекціонизмъ способствуетъ очень быстрому росту промышленности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ внутренняго рынка замедляется: продукты крайне дорожаютъ, расцвѣтающіе синдикаты ведутъ хищническую политику, заработная плата повышается крайне медленно. Противорѣчіе между производствомъ и потребленіемъ растетъ.

Но протекціонизмъ оказываетъ большое вліяніе и на область международныхъ отношеній. Протекціонизмъ является крайнимъ выраженіемъ господства націонализма въ экономической политикѣ. Каждая страна стремится стать самодовлѣющимъ хозяйственнымъ организмомъ, способнымъ удовлетворить всѣ нужды и потребности въ рамкахъ національнаго труда. Новыя отрасли производства искуственно форсируются и развиваются часто безъ всякаго соображенія съ мѣстными условіями, исключительно изъ желанія быть независимымъ и въ этомъ отношеніи отъ заграницы. Такіе случаи становятся тѣмъ болѣе часты, что протекціонныя пошлины являются излюбленнымъ средствомъ извлеченія доходовъ для казны. Заинтересованность фиска въ таможенномъ доходѣ бываетъ иногда столь велика, что нѣкоторые изслѣдователи считаютъ возможнымъ доказывать, что весь вообще ростъ протекціонизма обусловленъ фискальными соображеніями. Но привлеченіе этихъ соображеній еще болѣе способствуетъ международной анархіи въ области производства. Протекціонизмъ въ одномъ государствѣ неизбѣжно вызываетъ соотвѣтственную реакцію во всѣхъ другихъ, и когда весь міръ покрывается таможенными барьерами, воздвигнутыми на границѣ государствъ, о международномъ раздѣленіи труда можно говорить лишь съ большими ограниченіями. Одни и тѣ же производства промышленныя или аграрныя—текстильное, угольное или рельсопрокатное,—возникаютъ во всѣхъ государствахъ, будь то Европа, Азія или Америка; естественныя преимущества или минусы компенсируются или нивелируются высокими пошлинами, и международная конкуренція становится опредѣляющимъ мотивомъ международныхъ экономическихъ отношеній. О прежнемъ раздѣленіи труда между государствами промышленнаго типа, какой была Англія половины XIX в., и государствами аграрнаго типа, какой были государства континента, теперь говорить не приходится. Всѣ страны силятся стать аграрно-промышленными странами, имѣющими въ своемъ распоряженіи всѣ безъ исключенія отрасли производства.

Сѣть международныхъ торговыхъ договоровъ въ 60-хъ гг. развивалась подъ вліяніемъ идей либеральной торговой политики. Договоры того времени до извѣстной степени служили дѣлу смягченія охранительной политики. Но съ того времени, какъ европейскія правительства вошли въ фарватеръ высокаго протекціонизма, договоры стали разсматриваться, какъ средство сохранить и упрочить возможно болѣе высокія таможенныя ставки.

Отсюда тѣ острыя столкновенія, которыми обычно сопровождается заключеніе торговыхъ договоровъ, и длинный рядъ таможенныхъ войнъ, отмѣтившихъ новѣйшій періодъ экономической политики. Напомнимъ 10-лѣтнюю таможенную войну, которую вела Франція съ Италіей (съ 1887), войны Франціи съ Испаніей и Швейцаріей, таможенную войну Россіи съ Германіей (1892), Германіи съ Канадой, Австро-Венгріи съ Сербіей, Болгаріи съ Турціей и т. д.

Отрицательные результаты протекціонизма для внутренняго рынка и для международныхъ отношеній усугубляются, когда протекціонизмъ переходитъ въ высшую фазу своего развитія, сочетая обложеніе ввоза съ форсированіемъ вывоза. Переполненіе внутренняго рынка продолжается и при господствѣ протекціонизма, и даже съ еще большей силой. Освобожденіе имъ избытковъ производства по прежнему остается актуальной задачей аграрно-промышленныхъ круговъ. Государство всѣми мѣрами поощряетъ экспортъ, тѣмъ болѣе, что такимъ путемъ поддерживается выгодный балансъ и сохраняется золото въ странѣ. Вводятся спеціальные вывозные тарифы по желѣзнымъ дорогамъ, выдаются прямыя и косвенныя преміи, приду-

мываются системы контингента для внутренняго потребленія при высокихъ предѣльныхъ цѣнахъ (сахаръ, спиртъ, кали въ Германіи и т. д.). Синдикаты и тресты, съ своей стороны, изощряются въ дѣлѣ премировки экспорта. Слагается особый видъ экспорта—„schleuderexport“ или „dumping“,—сбытъ продуктовъ за-границу, хотя бы по „свалочнымъ“ цѣнамъ. Возникаетъ спеціальная организація, охватывающая, какъ напр. въ Германіи, многіе синдикаты разныхъ отраслей и имѣющая спеціальной задачей „сваливать“ „избыточный“ продуктъ на иностранные рынки, съ цѣлью удержать „нормальныя“ цѣны на внутреннемъ рынкѣ.

Положеніе становится еще болѣе грознымъ, когда высоко развитыя промышленныя страны начинаютъ выступать на внѣшнихъ рынкахъ не только съ продуктами индустріи, но и съ продуктами сельскаго хозяйства. Развитіе промышленности и упадокъ земледѣлія въ Германіи, Франціи, Австріи привело къ сокращенію экспорта с.-х. продуктовъ изъ этихъ странъ въ 70 и 80 гг.

Прекращеніе международнаго сельско-хозяйств. кризиса и новый подъемъ цѣнъ на с.-х. продукты, датирующій съ 1896 года, привелъ, наоборотъ, къ общему подъему сельскаго хозяйства въ этихъ странахъ. Внутренній рынокъ сталъ покрываться туземнымъ производствомъ. Появились даже для отдѣльныхъ продуктовъ, какъ рожь и овесъ въ Германіи, нѣкоторые излишки, угрожавшіе новымъ пониженіемъ цѣнъ. Аграріи не были бы вѣрны интересамъ своего класса, если бы не поспѣшили снять эти излишки и перенести ихъ на внѣшніе рынки. Отсюда знаменитая система поощренія вывоза хлѣбовъ съ помощью ввозныхъ свидѣтельствъ, система, сыгравшая не послѣднюю роль въ переживаемомъ конфликтѣ.

Но когда всѣ страны переходятъ къ форсированному экспорту, да притомъ еще одновременно въ области промышленной и въ области с.-х., получается полная экономическая безсмыслица, способная лишь обострить международную анархію и конкурренцію. Во всѣхъ развитыхъ странахъ имѣется достаточно высокій таможенный барьеръ, препятствующій ввозу; но во всѣхъ этихъ странахъ имѣется и достаточно разработанная система экспортныхъ премій, позволяющая товарамъ преодолѣвать таможенный барьеръ. Получается взаимное истребленіе, при чемъ у каждаго изъ борющихся получается и защитное орудіе, и орудіе, нейтрализующее чужую защиту. Общимъ страдающимъ лицомъ тутъ является широкая потребительская масса, которая одновременно во всѣхъ странахъ оказывается во власти высокихъ цѣнъ. Поскольку dumping или schleuderexport способны понижать хотя бы отчасти цѣны на чужихъ рынкахъ, эта ихъ вредная роль парализуется новѣйшимъ изобрѣтеніемъ экономической политики—международными синдикатами: нѣсколько десятковъ такихъ синдикатовъ уже теперь заняты распредѣленіемъ національныхъ рынковъ между отдѣльными національными синдикатами. Сама государственная власть беретъ на себя организацію соглашеній международнаго характера, которыя позволили бы парализовать роль dumping. Мы имѣемъ такой примѣръ—покамѣстъ, единственный, въ лицѣ брюссельской сахарной конвенціи.

Однако международные синдикаты даже и теперь еще не успѣли должнымъ образомъ проявить свое вліяніе. Таможенныя пошлины какъ ни какъ все же составляютъ важное препятствіе на пути развитія экспорта. Отсюда стремленіе европейскаго капитализма найти рынки сбыта, не защищенные пошлинами; отсюда колоніальная политика.

4. *Колоніальная политика*

Начало ея относится для странъ европейскаго континента къ семидесятымъ и восьмидесятымъ годамъ XIX в., т. е. къ моменту, когда началось увлеченіе протекціонизмомъ и это совпаденіе, какъ мы видѣли, не случайно. Какъ разъ въ этотъ періодъ начала обзаводиться колоніями Германія; на этотъ же періодъ приходится наиболѣе активная полоса французской колоніальной политики; съ этого же времени датируетъ колоніальная дѣятельность Леопольда бельгійскаго въ Конго; въ восьмидесятыхъ годахъ начинаетъ свои колоніальныя завоеванія Италія, наконецъ, и Англія можетъ отмѣтить восьмидесятые годы, какъ время занятія Египта, приближенія къ Судану, пріобрѣтенія южной Африки и т. д.

Если присмотрѣться ближе къ мотивамъ, толкавшимъ европейскія государства на путь колоніальной политики, то мы увидимъ, что меньше всего тутъ интересовались колонизаціей въ собственномъ смыслѣ. Заселеніе пустыхъ пространствъ выходцами изъ родной страны, не находившими счастья на родинѣ, меньше всего входило въ планы творцовъ колоніальной политики. Бисмаркъ, напримѣръ, относился къ такимъ поселеніямъ съ опредѣленнымъ предубѣжденіемъ. Эмиграція всегда встрѣчала на первыхъ порахъ противодѣйствіе со стороны государственной власти, такъ какъ лишала аграріевъ рабочихъ рукъ, а военное министерство рекрутовъ. Посколько же эмиграція развивалась стихійно, она шла въ странѣ высокаго индустріальнаго развитія и высокой заработной платы. Главнѣйшія колоніи и до сихъ поръ насчитываютъ самыя ничтожныя количества „бѣлыхъ“, выходцевъ изъ метрополіи. Весь Египетъ, напримѣръ, насчитываетъ 11,1 милл. жителей, изъ нихъ британцевъ всего 20 тыс. чел.

Гораздо болѣе существенное значеніе имѣло стремленіе обезпечить метрополіи сырьемъ. Бисмаркъ, напр., оправдывая колоніальныя стремленія, разразился слѣдующей характерной тирадой:

„Допустимъ, что часть хлопка, который мы импортируемъ, будетъ произрастать на нѣмецкой территоріи за океаномъ,—развѣ это не было бы умноженіемъ нѣмецкаго богатства? Мы покупаемъ теперь весь хлопокъ отъ Америки и остаемся въ зависимости отъ американской монополіи. Но если бы мы съ такимъ же умѣньемъ, какое проявляютъ американцы, могли разводить свой хлопокъ, въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Новая Гвинея, Камерунъ, африканскія экваторіальныя страны, и покупать все это не отъ иностранныхъ, а отъ нѣмецкихъ заокеанскихъ владѣльцевъ,—то это было бы выигрышемъ для нашего національнаго богатства: деньги, которыя мы платимъ за хлопокъ, кофе, копру и пр. остались бы въ нашихъ рукахъ“.

Вмѣстѣ съ вздорожаніемъ сырья обострился вопросъ о колоніальномъ сырьѣ. Въ этомъ отношеніи особенно характерны новѣйшія стремленія нѣмцевъ расширить свои колоніальныя хлопковыя плантаціи, работы англичанъ по созданію изъ Египта „хлопковой страны".

Но еще важнѣе стремленія превратить колоніи въ рынки сбыта. Французская колоніальная политика служитъ яркимъ показателемъ того, какъ эксплуатируются въ этихъ цѣляхъ колоніи. Главную часть французскихъ колоній составляютъ т. наз. ассимилированныя колоніи: это—колоніи, на которыхъ распространено дѣйствіе общаго французскаго таможеннаго тарифа. Тарифъ этотъ отличается своими высокими ставками и приноровленъ исключительно къ защитѣ промышленности метрополіи отъ иностраннаго ввоза. Хотя промышленная структура колоній абсолютно не похожа на структуру метрополіи, тарифъ одинаково возбраняетъ колоніямъ пользоваться привозомъ того, что можетъ повредить промышленности метрополіи. Такой тарифъ никакъ не можетъ содѣйствовать развитію промышленности въ колоніяхъ. Если, напр., самыя высокія пошлины установлены на шелковыя издѣлія, то какая-нибудь новая Каледонія отъ этого не можетъ выиграть нисколько, ибо у ней нѣтъ никакихъ данныхъ для развитія шелковой индустріи. Между тѣмъ тарифъ препятствуетъ ввозу иностранныхъ фабрикатовъ и заставляетъ пользоваться французскими. Съ другой стороны, сырье во французскомъ тарифѣ обложено сравнительно слабо. И такъ какъ главное богатство колоній въ производствѣ этого сырья, то это послѣднее остается дважды незащищеннымъ: и въ смыслѣ привоза иностраннаго сырья въ колоніи, и въ смыслѣ вывоза изъ колоній во Францію, гдѣ ихъ ждетъ свободная конкурренція. На этой почвѣ получаются курьезы. Новая Каледонія находится, напр., въ пяти дняхъ ѣзды отъ Сиднея, но закупать должна во Франціи, откуда привозъ длится не меньше мѣсяца при крайне скверно налаженномъ транспортѣ. Такое положеніе создаетъ сильное недовольство колоній метрополіей. Рядъ съѣздовъ колоній высказался за отмѣну этой системы. Спеціальная федерація колоній сложилась для борьбы съ ней, но тарифъ 1910 г. еще ухудшилъ положеніе.

„Съ трудомъ вѣрится, говоритъ французскій авторъ, что народъ, слывущій даровитымъ, могъ работать надъ пріобрѣтеніемъ колоніальной имперіи только для того, чтобы подчинить ее режиму, нелѣпость котораго очевидна". (Vignon, „L'éxploitation de notre empire colonial").

И все-таки режимъ этотъ примѣняется и не только въ одной Франціи. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только Германія и Голландія разсматриваютъ колоніи, какъ совершенно самостоятельное таможенное цѣлое, не обязанное въ пользу метрополіи какими либо льготами. Америка, Португалія дѣйствуютъ вполнѣ по французскому образцу. Англія занимаетъ промежуточное положеніе: почти всѣ ея колоніи предоставляютъ метрополіи тѣ или иныя льготы по сравненію съ чужими странами. Напр., Южная Африка дѣлаетъ въ пользу метрополіи 3% скидку съ общаго своего тарифа, Новая Зеландія дѣлаетъ надбавку для небританскихъ товаровъ въ размѣрѣ 20—50% тарифной ставки. Австралійскій союзъ дѣлаетъ скидку въ 5—10%, Канада выработала спеціальный тарифъ.

Уже интересъ обладанія сырьемъ и вывоза издѣлій дѣлаютъ колоніи объектомъ власти и эксплуатаціи для метрополіи. Положеніе становится особенно напряженнымъ съ момента развитія экспорта капиталовъ.

5. Экспортъ капиталовъ.

Колоніи территоріально обширны, а иногда богаты и людьми, но все-же не представляютъ достаточно привлекательнаго рынка. Чтобы создать изъ колоній рынокъ и развить въ нихъ производство сырья, необходимо оплодотворить ихъ капиталомъ, который способна дать лишь богатая метрополія. Но одного капитала для подъема колоній мало. Требуется, чтобы хозяйство колоній, находящееся на примитивной ступени развитія, было поднято на такую высоту, которая позволила-бы имъ выступить на міровомъ рынкѣ въ качествѣ продавца и покупателя. Натуральное хозяйство должно быть сломлено и уступить мѣсто товарному, земля, находящаяся въ рукахъ наивныхъ туземцевъ-комунистовъ или въ рукахъ ихъ патріарховъ-князьковъ, должна быть пущена въ оборотъ, какъ одно изъ условій капиталистическаго накопленія. Крестьянинъ, цѣпко ухватившійся за родной надѣлъ, долженъ быть выкинутъ въ ряды пролетаріевъ, дабы явилась необходимая рабочая сила.

Первымъ и главнымъ орудіемъ пріобщенія дикихъ и полуварварскихъ странъ къ европ. культурѣ является прокладка желѣзн. дорогъ. Р. Люксембургъ приводитъ въ своемъ интересномъ трудѣ „Die Akkumulation des Kapital" таблицу развитія желѣзнодорожной сѣти, изъ коей видно, что наиболѣе быстро росла сѣть:

Въ 40-хъ гг.	въ Европѣ.
„ 50-хъ „	„ Америкѣ.
„ 60-хъ „	„ Азіи.
„ 70-хъ и 80-хъ г.г.	„ Австраліи.
„ 90-хъ „	„ Африкѣ.

За послѣднее десятилѣтіе приростъ ж. д. сѣти составлялъ въ

Европѣ	17%.
Австраліи	30%.
Америкѣ	31%.
Африкѣ	80%.
Азіи	85%.

За желѣзными дорогами и рядомъ съ ними слѣдовала разработка горныхъ и лѣсныхъ богатствъ, эксплуатація земледѣльческихъ средствъ и т. д. Напомнимъ золотую горячку въ Африкѣ, послужившую прологомъ къ англо-бурской войнѣ; каучуковую эпопею недавняго времени, явившуюся отвѣтомъ на

ростъ автомобильной промышленности; аргентинскій кризисъ, вызванный необычайной земельной спекуляціей, которая въ свою очередь была создана чрезвычайнымъ вздорожаніемъ хлѣба и мяса въ Европѣ; превращеніе Египта въ страну монокультуры—хлопка и т. д.

Капиталъ, вложенный въ заокеанскія страны, въ послѣднее время растетъ быстрѣе капитала, обслуживающаго Европу. Міровая эмиссія составила въ 1903 г. 18,3 милліардовъ фр., въ 1910 г.—26,5 м. фр., т. е. дала увеличеніе на 44,5%. Изъ числа выпущенныхъ цѣнностей въ 1903 году на долю неевропейскихъ странъ приходилось 20%, въ 1910 г.—52%.

Альфредъ Неймаркъ исчисляетъ весь капиталъ Франціи въ 105—110 милліардовъ фр., изъ нихъ заграницей находится около 40 милл. Ежегодный доходъ, получаемый изъ за границы, опредѣляется въ 2 милліарда фр., т. е. въ 5%, тогда какъ нормальная доходность во Франціи 3½—4%.

Англійскій капиталъ, помѣщенный заграницей, вдвое выше: онъ составляетъ около 70—80 милліардовъ фр., при чемъ половина его помѣщена въ британскихъ колоніяхъ. Капиталъ Германіи, переведенный заграницу, составляетъ около 25 милліардовъ фр.

Но для „производительной“ работы капитала въ новыхъ странахъ нужны не только извѣстныя экономическія предпосылки. Нужна и извѣстная правовая обстановка. Нужно, чтобы туземцы постепенно усвоили принципы капиталистическаго хозяйства, чтобы ихъ государственная власть содѣйствовала насажденію частной собственности. Тутъ уже капиталъ самъ по себѣ безсиленъ, въ этомъ отношеніи ему необходима помощь дипломатіи. Отсюда тѣсная интимная связь, какая установилась между капиталомъ, ищущимъ новой сферы для приложенія „труда“, и дипломатіей, всегда готовой на защиту національнаго достоянія и „національной чести“.

Отецъ германской колоніальной политики Бисмаркъ охотно поддерживалъ колоніальныя стремленія своихъ сородичей изъ соображеній коммерческой выгоды. Но въ то же время ему были желательны островки національной германской культуры, разбросанные по всему міру. Ему принадлежитъ знаменитое изреченіе, что Германія должна добиться положенія, при которой каждый германецъ, перефразируя древняго римлянина, могъ бы съ гордостью говорить „Civis Germaniae sum“ (Я гражданинъ Германіи). За товаромъ купца долженъ слѣдовать флагъ государства, и тѣмъ хуже для противника, если онъ помѣшаетъ распространенію товара.

Бисмарку не нравилась колоніальная политика Франціи. Онъ былъ противъ того, чтобы „захватить клочокъ земли, заселить его эмигрантами, поставить надъ ними чиновниковъ и насадить гарнизонъ“. Его цѣлью не былъ „правящій бюрократъ или воинъ“, „наши тайные совѣтники и унтеръ-офицеры, говорилъ онъ, очень хороши у себя дома, но не въ колоніяхъ“, ибо „колоніальная политика дѣлается не генералами и тайными совѣтниками, а комми-вояжерами торговыхъ домовъ“. Бисмаркъ и поставилъ своей цѣлью обезпечить свободную работу этихъ

комми-вояжеровъ, выдвигая впередъ „ганзеатовъ“, побывавшихъ за-границей“. Его забота сводилась только къ тому, чтобы

„придвинуть къ этимъ предпринимателямъ правительство. Моей цѣлью,—говорилъ онъ,—является правительство купеческихъ товариществъ, надъ которыми носится контроль и охрана государства и кайзера“.

По типу такого соединенія капиталистическихъ предпріятій съ государственными функціями и колоніальными функціями и развивалась колоніальная политика Германіи и другихъ государствъ. „Общество для изученія Конго“, основанное, какъ меценатское предпріятіе, королемъ Леопольдомъ, и впослѣдствіи превратившееся въ „общество для разработки богатствъ Конго“, какъ извѣстно, закончило свою эволюцію раствореніемъ въ нѣдрахъ бельгійскаго государственнаго механизма, Конго превратилось въ колонію Бельгіи.

Подобнаго рода превращенія не могли происходить гладко, безъ серьезныхъ препятствій. Стремленіе колонистскихъ обществъ и почтенныхъ комми-вояжеровъ „приспособить“ туземный режимъ для работы экспортируемаго капитала наталкивалось на упорное сопротивленіе туземцевъ, не желавшихъ отдавать свою землю, свой скотъ, женщинъ и рабочую силу на потокъ и разграбленіе комми-вояжеровъ и лейтенантовъ, отказываться отъ своихъ правовыхъ и религіозныхъ представленій. Колоніальными войнами полна исторія послѣднихъ десятилѣтій. Кровью и страданіями дикарей залита вся область вновь цивилизуемыхъ странъ... Кафры и готентоты, гереро и бушмены, арабы и марокканцы, абиссинцы и дагомейцы,—всѣ испытали силу европейскаго оружія.

Но колоніальный запасъ истощился. Всѣ свободныя пространства уже разобраны. Границы колоніальныхъ владѣній разныхъ государствъ безпрерывно соприкасаются, каждый спорный клочекъ ужъ имѣетъ длинную и не безвинную исторію. Дѣлать новыя колоніальныя пріобрѣтенія по меньшей мѣрѣ весьма трудно. Такъ исчерпала сама себя „мирная“ колоніальная политика ганзеатовъ, которую идиллически рисовалъ Бисмаркъ. Бисмаркъ уже не можетъ утѣшать „жену ландвермана“, что мужу ея „не придется пасть въ бою съ неграми“. Ему приходится доказывать, что „быть убитымъ подъ экваторомъ въ концѣ концовъ все равно, что быть убитымъ подъ Мецомъ“. А логика исторіи переноситъ споръ именно „подъ Мецъ“.

Едва не вспыхнувшая франко-англійская война изъ-за Египта и Фашоды, франко-германская изъ-за Марокко, война итало-турецкая изъ-за Ливіи, испано-американская изъ-за Кубы, дальневосточная изъ-за Маньчжуріи и т. д. все это моменты одного и того же...

Истощеніе колоніальнаго запаса образуетъ, собственно говоря, крушеніе колоніальной политики, которая рисовалась, какъ выходъ для безграничнаго роста производительныхъ силъ. Но у капитализма остался еще одинъ рессурсъ въ томъ же родѣ—подчиненіе полуцивилизованныхъ странъ. Покончивъ съ дѣлежомъ Африки и разбросанныхъ въ Тихомъ океанѣ острововъ, капитализмъ съ удвоенной энергіей берется за „сферы вліянія“

въ Азіи, и отчасти въ Америкѣ. Здѣсь возникаетъ еще болѣе роковая завязка. Слѣдуютъ Турція, Персія, Афганистанъ, Китай...

Въ дѣлѣ колоній старается по преимуществу предпринимательскій, промышленный капиталъ, разсчитывающій на дивидендъ; по отношенію къ полуцивилизованнымъ государствамъ активно выступаетъ и ссудный капиталъ, разсчитывающій на процентъ.

Въ колоніяхъ, населенныхъ полудикими племенами, можно безъ особаго труда передать публично-правовыя функціи частнымъ обществамъ; въ полуцивилизованныхъ государствахъ это сдѣлать труднѣе; тутъ поневолѣ приходится считаться съ организаціонной силой государства. И вся задача дипломатіи и связаннаго съ ней національнаго капитала заключается въ томъ, чтобы сдѣлать туземную государственную власть своимъ послушнымъ орудіемъ. Международный капиталъ содѣйствуетъ „цивилизаторскимъ" усиліямъ разныхъ персидскихъ, турецкихъ или китайскихъ правительствъ. Онъ внушаетъ имъ сознаніе необходимости строить желѣзныя дороги, создавать большія ирригаціонныя сооруженія, обзаводиться правильно снабженной арміей. Онъ помогаетъ имъ ломать установившійся патріархальный укладъ, образующій препятствіе на пути капиталистическихъ успѣховъ европейской буржуазіи. Онъ не прочь посодѣйствовать организаціи финансоваго управленія, распространенію образованія, установленію „правосудія", муштровкѣ полиціи. Ибо все это создаетъ и атмосферу, пригодную для распространенія капиталистической торговли и промышленности, и новую сферу для приложенія капитала. Трудно подсчитать количество капитала, перенесеннаго въ эти страны въ видѣ государственныхъ займовъ, но сумма ихъ во всякомъ случаѣ очень велика. Не было ни одного экзотическаго государства, ни одной азіатской монархіи, которая не произвела бы въ теченіе послѣдняго пятилѣтія двухъ-трехъ займовъ каждое. Параллельно займамъ шли всякаго рода концессіи, предоставившія компаніямъ европейскихъ капиталистовъ право расхищенія лежавшихъ втуне національныхъ богатствъ.

Система эксплуатаціи полуварварскихъ государствъ достигла особаго совершенства, когда додумались до соединенія въ однихъ и тѣхъ же займахъ интересовъ ссуднаго капитала съ интересами промышленнаго капитала. Давая займы тѣ или иныя массы капитала, европейскіе банки выговаривали у должниковъ рядъ обязательствъ въ пользу своей отечественной промышленности. Давая деньги, брали съ должниковъ обязательство, что онѣ будутъ израсходованы въ большей мѣрѣ на „производительныя цѣли" въ странѣ кредитующей. Это въ особенности относилось къ займамъ на военныя цѣли, которые почти всегда сопровождались обязательствомъ передавать военные заказы заводамъ ссужающей деньги страны. Помимо всего прочаго, это создавало удобства въ чисто военномъ отношеніи, содѣйствуя однородности вооруженія возможныхъ въ будущемъ союзниковъ.

Такого рода политика въ дѣлѣ экспорта капиталовъ знаменуетъ собой полное торжество націонализма въ этой области. Экспортъ капитала въ ту или иную страну подчиненъ былъ общимъ экономическимъ задачамъ экспортирующаго государства. Стремясь захватить возможно больше странъ въ сферу своего вліянія, капиталисты-экспортеры вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгаютъ перенесенія капитала въ такія страны, гдѣ защита ихъ интересовъ стояла не достаточно твердо. При ожесточенномъ соперничествѣ капиталистовъ каждой данной страны могло получиться положеніе, что данный частный заемъ, данная желѣзная дорога или пароходная линія могла въ конечномъ итогѣ принести больше выгоды сопернику, успѣвшему занять въ данной странѣ преобладающее положеніе. Такъ оно и случалось, и мы видимъ неоднократные попытки отказа въ займахъ по политическимъ соображеніямъ. Еще въ 1887 г. Бисмаркъ изъ чисто-политическихъ побужденій изгналъ русскія бумаги съ берлинской биржи. Но особенно участились подобные случаи въ послѣдніе годы. Въ 1909 году послѣ анексіи Босніи и Герцеговины вызвалъ громадную сенсацію отказъ Франціи заключить заемъ въ пользу Турціи и Венгріи. Займъ взялъ на себя Берлинъ. Займы балканскихъ государствъ, заключавшіеся послѣ войны, показали, какъ далеко пошелъ этотъ принципъ распредѣленія національнаго вліянія: сербы устремились на французскій рынокъ, болгары и турки на германскій, румыны же и греки норовили устроиться и тутъ, и тамъ.

Но не на всѣхъ рынкахъ возможно было провести раздѣленіе сферъ по національностямъ. Имѣются такія страны, которыя не стали въ подчиненное положеніе по отношенію къ капиталистамъ одной страны. Таковъ, напр., Китай, гдѣ вліяніе отдѣльныхъ державъ болѣе или менѣе уравновѣшивается.

Въ этихъ случаяхъ выдвигается впередъ интернаціональная организація займа,—въ видѣ ли международной контрольной комиссіи въ Греціи, въ видѣ ли „Dette Ottomane" въ Турціи или въ еще болѣе чистомъ видѣ „шестерного" (потомъ „четверного") синдиката въ Китаѣ. Подобныя соглашенія создаютъ, конечно, лишь иную форму борьбы между соперниками, но не прекращаютъ этой борьбы.

Борьба эта становится особенно рѣзкой, ввиду того, что капитализмъ понемногу исчерпалъ и этотъ свой запасный рессурсъ. Раньше, когда просторъ былъ широкъ, былъ популяренъ лозунгъ „открытыхъ дверей"—считалось достаточнымъ для „охраны интересовъ своихъ подданныхъ", заключеніе съ остальными странами договоровъ о дружбѣ, торговлѣ и промышленности. Теперь идутъ дальше и „открытыя двери" все больше вытѣсняются „сферами вліяніями", болѣе или менѣе замкнутыми для третьяго государства. Такую политику особенно стали проводить Англія и Франція, ввиду все большей затруднительности свободной конкуренціи съ Германіей и отчасти съ Соедин. Штатами. Но „сферы вліянія" все тѣснѣе упирались другъ въ друга своими границами. Идеалъ мірового господства сталъ будничной работой каждаго сильнаго капиталистическаго государства и всѣ только и думали, что о „мѣстѣ на солнцѣ". Эти идеалы и мечты создали основу для современнаго конфликта.

6. Милитаризмъ, какъ экономическій факторъ.

Укажемъ еще на роль милитаризма, какъ экономическаго фактора. Милитаризмъ культивировался не только потому, что служилъ единственнымъ внушительнымъ средствомъ обезпеченія „мѣста на солнцѣ“, но и потому, что сталъ выполнять роль отдушины для переросшихъ рамки потребленія производительныхъ силъ. Выросшій въ колоссальную экономическую организацію съ множествомъ первоклассныхъ заводовъ, сооруженій, продовольственно-потребительскихъ рынковъ, стратегическихъ дорогъ и военныхъ фондовъ, милитаризмъ пріобрѣлъ самодовлѣющее экономическое значеніе. Существованіе его стало необходимымъ условіемъ благополучія цѣлаго ряда отраслей торговли и промышленности. Развитіе его—дѣломъ большой экономической важности.

Давая исходъ излишкамъ производительныхъ силъ, милитаризмъ начинаетъ разсматриваться, какъ творческій факторъ экономическаго прогресса,—и импрессіонитъ-идеологъ status quo В. Зомбартъ пишетъ хвалебную книгу о „войнѣ и капитализмѣ“. Милитаризмъ однако требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ, и прямой разсчетъ тѣхъ, кто кормится имъ, почаще создавать военную тревогу. Памятная роль Либкнехта, разоблачившаго преступныя старанія Круппа, поддержка, оказанная Либкнехту въ парламентахъ Англіи и Франціи, даютъ обильный матеріалъ для чисто-фактическаго поясненія характеризуемыхъ отношеній.

Но и здѣсь эволюція подходитъ къ концу. Милитаризмъ легъ слишкомъ тяжкимъ бременемъ на плечи европейскаго народнаго хозяйства, чтобы оно могло дольше выносить его напряженный ростъ. Бюджеты всѣхъ государствъ стали давать систематическую трещину въ видѣ хроническихъ дефицитовъ. Живыя силы промышленности то и дѣло отвлекались на непроизводительныя цѣли. Европейскому капитализму стала не въ моготу игра въ „финансовую боевую готовность“. Надо было найти тотъ или иной выходъ изъ невозможной напряженности. Этотъ выходъ былъ найденъ въ міровой войнѣ. Другое дѣло — насколько удачно. Ибо выходъ былъ продиктованъ не слѣпой экономической необходимостью, а соотношеніемъ силъ, сложившихся на почвѣ извѣстныхъ экономическихъ отношеній.

Г. Наумовъ.

Письма изъ-за границы.

Страхованіе рабочихъ въ Германіи и война.

Законы о страхованіи рабочихъ не разсчитывались въ Германіи, какъ и всюду, на военное время. Продолженіе дѣйствія соціальнаго страхованія во время войны, когда нужда вообще увеличивается, представляется особенно важнымъ. Тѣмъ болѣе, когда страхованіе охватываетъ столь широкія массы, какъ въ Германіи—25 милліоновъ человѣкъ изъ 35 милл. всего взрослаго населенія.

Между тѣмъ создаваемыя мобилизаціей и иными связанными съ войной обстоятельствами условія неминуемо вносятъ въ соотношеніе доходовъ и расходовъ страховыхъ учрежденій серьезныя и неблагопріятныя измѣненія.

Для возможности параллелей съ Россіей ограничимся индустріальными (фабрично-заводскими и горными) кассами, ибо въ Россіи въ сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и т. д. страхованія отъ болѣзней, какъ извѣстно, не существуетъ.

Къ концу 1912 г. въ Германіи было всего 21.500 индустріальныхъ больничныхъ кассъ съ 15.110 тысяч. участниковъ и 486 мил. марокъ годового дохода при 452 милл. марокъ расхода (ст. Ежег. Герм. Имп. 1914 г). По имѣющимся даннымъ о нѣсколькихъ милліонахъ членовъ професс. союзовъ изъ числа индустріальныхъ рабочихъ мобилизовано около четверти. Если принимать во вниманіе только мужчинъ, то по отчету „Генеральной комиссіи“ по 1 ноября н. ст. всего мобилизовано изъ нихъ 31.3% (Korrbl отъ 28 нояб.). Между тѣмъ, по перепеси 1907 г. всѣ индустріальные рабочіе, (а въ больничныя кассы входятъ всѣ поголовно), если принимать во вниманіе опять однихъ мужчинъ, распредѣлялись по возрасту слѣдующимъ образомъ:

моложе	20 лѣтъ	23.8 %
отъ 20	до 40 лѣтъ	53.2 %
старше	40 лѣтъ	23.0 %

Почти всѣ мобилизованные приходятся на возрастъ отъ 20 до 40 л. Поэтому если изъ всѣхъ мужчинъ рабочихъ мобилизованные составляютъ 31.3%, то изъ числа участниковъ больничныхъ кассъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ мобилизовано около 60%, большая половина. Для финансовъ больничныхъ кассъ это имѣетъ двоякое значеніе.

Во—первыхъ, теряются взносы въ кассу большей половины мужчинъ, находящихся въ самомъ цвѣтущемъ рабочемъ возрастѣ и зарабатывающихъ потому въ среднемъ больше, чѣмъ подростки и старѣющіеся люди. Потому уменьшеніе доходовъ кассъ пропорціонально замѣтно значительнѣе, чѣмъ уменьшеніе числа членовъ. Значитъ, уже и при прежней величинѣ затратъ на каждаго участника, при прежней средней продолжительности заболѣваній и прежнемъ среднемъ количествѣ ихъ въ годъ на каждаго члена, —бюджетъ кассъ уже долженъ былъ бы дать дефицитъ.

Но въ дѣйствительности средняя величина затратъ не остается прежней и это второе слѣдствіе мобилизаціи. Дѣло въ томъ, что мужчины болѣютъ меньше, чѣмъ женщины, и мужчины мобилизуемаго возраста—меньше имѣющихъ выше 40 лѣтъ. Напр. по обстоятельнымъ даннымъ громадной лейпцигской кассы приходится въ годъ дней болѣзни на каждую сотню застрахованныхъ:

	Мужч.	Женщ.
20—24 л.	657	955
25—29 л.	708	1.205
30—34 л.	814	1.395
35—39 л.	941	1.465
40—44 л.	1.088	1.453
45—49 л.	1.243	1.496
50—54 л.	1.456	1.490

Женщины съ большимъ трудомъ выносятъ индустріальную работу и потому въ возрастѣ до 40 лѣтъ болѣютъ на половину больше, чѣмъ мужчины. Между тѣмъ старше 40 лѣтъ въ германской индустріи изъ всѣхъ работницъ только 15.4%. Если число малоболѣющихъ мужчинъ мобилизуемаго возраста до мобилизаціи относилось къ числу многоболѣющихъ мужчинъ старше 40 лѣтъ приблизительно какъ 2: 1, то послѣ мобилизаціи это отношеніе стало равнымъ почти 1: 1. Въ общей суммѣ участниковъ и участницъ кассъ отъ 20 лѣтъ и свыше малоболѣющіе (мужчины 20—40 лѣтъ) составляли до мобилизаціи такую же величину, какъ и многоболѣющіе (женщины и пожилые мужчины). Послѣ мобилизаціи среди оставшихся участниковъ и участницъ кассъ въ возрастѣ отъ 20 лѣтъ многоболѣющихъ въ 2 раза больше, чѣмъ малоболѣющихъ. Соотвѣтственно увеличивается потому и среднее количество дней болѣзни на каждаго наличнаго участника. Не трудно высчитать, что вслѣдствіе одного этого измѣненія возрастнаго состава участниковъ расходъ кассъ долженъ возрасти на десятки милліоновъ марокъ въ годъ, приблизительно на 7% на человѣка. И этой *возросшей тратѣ* на каждаго члена противостоитъ *уменьшившійся взносъ* его по причинѣ отозванія наиболѣе трудоспособныхъ, лучше оплачиваемыхъ *рабочихъ* на войну.

Такимъ образомъ были серьезныя основанія опасаться крушенія и банкротства всего дѣла страхованія отъ болѣзней. Тѣмъ болѣе, что война, понижая уровень существованія народныхъ массъ вообще, понижаетъ тѣмъ самымъ сопротивляемость ихъ заболѣваніямъ. Но особенно существеннымъ представляется увеличеніе риска болѣзни для *самихъ мобилизованныхъ и ихъ семей.*

Мобилизуемый теряетъ работу и тѣмъ самымъ перестаетъ быть участникомъ кассы. Но германскій законъ предоставляетъ каждому участнику, сдѣлавшемуся безработнымъ, продолжать платить взносы и пользоваться всѣми правами. Разница только въ томъ, что пока я работаю, изъ всего причитающагося съ участника недѣльнаго взноса я плачу двѣ трети и хозяинъ треть, а если я сталъ безработнымъ—я уплачиваю весь взносъ изъ своихъ средствъ. Взносы, предоставляемые въ Германіи страхованіемъ, столь существенны, что и въ мирное время дѣлающіеся безработными продолжаютъ обычно платить взносы, всячески ограничивая себя скорѣе уже во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Подобнымъ порядкомъ изъ милліоновъ мобилизованныхъ участниковъ больничныхъ кассъ едва ли не большая половина сохраняетъ за собой и оставаясь на полѣ битвы всѣ права членовъ кассъ. Особенно крупное значеніе имѣетъ это для семейныхъ—по даннымъ „Генер. комиссіи професс. союзовъ“ 67% всѣхъ мобилизованныхъ рабочихъ, двѣ трети, оставили дома жену и дѣтей. Лишенная заработка мужа и отца семья, хотя и получаетъ нѣкоторое пособіе отъ города и государства, все же понижаетъ свой жизненный уровень настолько, что гораздо чаще вынуждена прибѣгать къ помощи больничной кассы. Къ тому же пособіе кассы даетъ возможность хоть отчасти „продержаться на водѣ“, не такъ ужъ трудно въ любой рабочей семьѣ найти довольно серьезную болѣзнь, дающую право на пособіе, на которую счастливые обладатели ея раньше, притерпѣвшись, и не обращали особаго вниманія. Наконецъ, на пользу семьѣ идетъ пособіе и самому солдату.

Мобилизованный рабочій, оставшійся добровольнымъ участникомъ кассы, раненъ и лежитъ въ военномъ лазаретѣ. Германская

больничная касса обязана платить ему въ этомъ случаѣ пособіе за всѣ дни болѣзни, т. е. лѣченія раны, а равно пособіе на случай смерти его роднымъ. И не только обязана, но и платитъ фактически. Единственно только вюртембергское правительство попыталось было воспрепятствовать такой практикѣ страховыхъ кассъ, но Имперское Страховое Вѣдомство разъяснило, что никто не имѣетъ права отказывать „безработному солдату“ въ пособіи по случаю болѣзни, разъ только онъ пришлетъ въ свою кассу удостовѣреніе любого изъ лазаретныхъ врачей, что онъ „по состоянію своей раны не является съ такого-то времени работоспособнымъ“. Благодаря этой практикѣ сотни тысячъ раненыхъ поддерживаютъ свои семьи, передавая имъ свои пособія изъ больничныхъ кассъ. Чьи семьи рѣшительно ужъ не въ состояніи дѣлать взносы въ кассу за мобилизованнаго мужа и отца (пока онъ не раненъ—раненый, какъ больной, освобождается отъ взноса),—за тѣхъ взносы дѣлаютъ иногда сами больничныя кассы, иногда, какъ напр. во Франкфуртѣ, особо организовавшіяся общественныя учрежденія съ городской поддержкой, а во многихъ случаяхъ—добровольно хозяева мобилизованныхъ рабочихъ.

Само собой понятно, что процентъ заболѣваемости и раненія среди солдатъ на полѣ битвы гораздо выше, чѣмъ на фабрикахъ и заводахъ, взносы съ нихъ или за нихъ поступаютъ на общемъ основаніи—и это ставитъ кассы въ еще худшія условія. Не малую роль играетъ и повышеніе таксы врачебнаго гонорара, проведенное съ 1 января нынѣшняго года во всей Германіи—уже и до этого кассы тратили на оплату врачей около 100 милл. марокъ въ годъ (въ 1912 г.—96 м. м.).

То же самое относится и къ другимъ болѣе мелкимъ отраслямъ дѣятельности кассъ. Напр. пособія по случаю смерти до войны составляли всего 10 милл. марокъ въ годъ—понятно, какъ должна была увеличиться эта графа. Къ тому же, чѣмъ болѣе молодыхъ членовъ кассъ ушло на войну, тѣмъ болѣе велико должно было стать относительно число смертныхъ случаевъ среди оставшихся, средній возрастъ которыхъ повысился.

Всѣ эти неучитывавшіяся законодательствомъ въ мирное время воздѣйствія войны повели теперь въ Германіи къ разнымъ мѣропріятіямъ въ области соціальнаго страхованія. Оставляя до другого случая страхованіе отъ инвалидности и несчастныхъ случаевъ, я ограничусь здѣсь изложеніемъ мѣръ относительно страхованія отъ болѣзней, какъ имѣющаго большое практическое значеніе для русскихъ читателей.

II.

Значеніе страхованія рабочихъ отъ болѣзней въ германской жизни такъ велико и финансовая неподготовленность кассъ казалась правительству столь очевидной, что одновременно съ просьбой отпустить 5.400 милл. марокъ на войну имперскій канцлеръ предложилъ рейхстагу спеціальный на этотъ счетъ законопроектъ. Того же 4 августа нов. ст. рейхстагъ, а затѣмъ императоръ, утвердили новый „законъ объ обезпеченіи платежеспособности больничныхъ кассъ“.

Для такого обезпеченія было два пути. Или можно было сохранить за участниками кассъ всѣ полагавшіяся имъ въ мирное время

пособія въ ихъ полномъ размѣрѣ—и увеличить тогда средства кассъ спеціальнымъ отпускомъ нужныхъ для этого суммъ, отсутствующихъ у самихъ кассъ, ослабленныхъ въ финансовымъ отношеніи мобилизаціей и послѣдствіями военнаго времени. Этотъ путь и рекомендовался нѣкоторыми выдающимися соціальными политиками, при чемъ въ качествѣ источника средствъ ими указывая двухмилліардный запасъ, накопленный къ 1913 году учрежденіями страхованія отъ инвалидности, вдовъ и сиротъ.

Или можно было стать на путь ухудшенія самого страхованія, на путь уменьшенія оказываемой помощи и выдаваемыхъ пособій, дабы такимъ образомъ приноровить дѣятельность кассъ и ея размахъ къ ихъ наличнымъ средствамъ. Этотъ путь и избралъ законъ 4 августа, ослабивъ нѣсколько тѣневыя стороны его предоставленіемъ кассамъ права возвращаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ прежнимъ размѣрамъ и качеству своей дѣятельности.

Новый законъ отмѣняетъ лѣченіе и пособія во время болѣзни на срокъ долѣе 26 недѣль. Между тѣмъ до войны кассы имѣли право платить пособія и лѣчить безплатно до 52 недѣль непрерывно въ каждомъ случаѣ, смотря по своему уставу. Въ Берлинѣ, напр., гдѣ въ больничныя кассы входило при началѣ войны около милліона участниковъ, срокомъ помощи при болѣзни было установлено съ 1 янв. 1914 г. 39 недѣль. Законъ сократилъ срокъ на треть, но практически это не имѣетъ особо крупнаго значенія, ибо случаи болѣзней, длящихся болѣе полугода, не такъ ужъ часты.

Далѣе законъ отмѣняетъ совершенно обслуживаніе заболѣвшихъ и выздоравливающихъ сестрами и братьями милосердія и т. п. персоналомъ, какъ на дому у больныхъ, такъ и въ особыхъ учрежденіяхъ для выздоравливающихъ (нуждающихся въ особенной поправкѣ). Изъятія допускаются только въ исключительныхъ случаяхъ, которыхъ не много. Въ частности не пользуются правомъ изъятія туберкулезные, уходъ за которыми раньше былъ всегда предметомъ особыхъ заботъ, гордостью германскихъ кассъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тысячи помѣщавшихся до войны въ больницахъ были выписаны изъ нихъ еще въ началѣ августа, „частью не совсѣмъ добровольно“, какъ пишетъ въ № 6 „N. Zeit“ (отъ 13 нояб.) врачъ больничной кассы Отто Шульцъ. Законъ, конечно, не могъ предписать этого—тутъ уже ухудшеніе его административной практикой, но ухудшеніе вполнѣ въ духѣ его предписаній и по ихъ линіи.

Затѣмъ, законъ прекращаетъ выдачу кассами натурой особыхъ средствъ исцѣленія, кромѣ обычныхъ мелкихъ лѣкарствъ (напр. запрещено назначеніе больнымъ, кромѣ пособія, лѣкарствъ и лѣченія, еще и спеціальнаго пищевого довольствія). Законъ прекращаетъ безплатную выдачу такихъ приспособленій, какъ костыли для калѣкъ, очки и т. п. предметы, требующіеся уже послѣ окончанія лѣченія для сохраненія или возстановленія извѣстной степени трудоспособности. Принимая во вниманіе, что весь расходъ на всѣ лѣкарства, костыли и т. п. составлялъ въ 1912 г. менѣе 62 милл. марокъ, легко видѣть, что экономія отъ предписанныхъ сокращеній не можетъ быть столь велика, чтобы даже съ чисто финансовой точки зрѣнія оправдывать подобныя предписанія. Во всякомъ случаѣ именно потому, что все это не играло особенно крупной роли въ дѣятельности кассъ, подобныя ограниченія не чувствуются ими такъ остро, какъ прекращеніе особаго ухода за туберкулезными и нѣкоторыя нижеперечисленныя мѣры.

Такъ, законъ 4 августа совершенно отмѣнилъ всякую помощь беременнымъ даже если онѣ неработоспособны по этой причинѣ. При родахъ отмѣняется безплатная помощь акушерки и врача, а равно безплатное помѣщеніе въ родильные пріюты. Отмѣняется особое пособіе кормящимъ ребенка грудью и помощь родильницамъ въ первую недѣлю посылкой безплатныхъ „помощницъ по хозяйству“. Остается только денежное пособіе втеченіе 8 недѣль послѣ родовъ (прежде до 12) Досужіе статистики нѣмецкихъ газетъ уже вычислили. что всѣми этими мѣрами поражено около милліона работницъ, ибо какъ разъ столько должно было находиться (по средней статистикѣ кассъ) въ состояніи беременности при началѣ войны.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на разговоры о „защитѣ материнства“, законъ распространенъ и на нихъ.

Этотъ пунктъ вызвалъ мночисленныя возраженія и скоро палъ жертвой общественной критики. 27 нояб. ст. имперское правительство заявило, что 2 дек. н. ст. представитъ рейхстагу на утвержденіе новеллу, возстанавливающую въ полномъ объемѣ всю помощь беременнымъ и родильницамъ, какъ она была до войны. При этомъ расходы на женъ мобилизованныхъ возвращаются больничнымъ кассамъ изъ средствъ казны, на что ассигнуется 24 милліона [1]) марокъ въ годъ. Расходы же на всѣхъ прочихъ покрываются долгосрочными ссудами, на особо льготныхъ условіяхъ, отпускаемыми кассамъ каждаго отдѣльнаго союзнаго государства. Принята поправка с. д. фракціи объ оказаніи помощи на равныхъ основаніяхъ и при „незаконныхъ“ бракахъ.

Не такъ благополучно кончилось пока дѣло съ домашними рабочими. Законъ 4 августа просто исключилъ ихъ изъ числа членовъ больничныхъ кассъ совсѣмъ. Между тѣмъ въ Берлинѣ, напр., изъ около милліона членовъ работающихъ на дому къ началу войны числилось въ спискахъ кассъ до 80 тысячъ человѣкъ—элементъ, по ставляющій всегда особенно много больныхъ и обременяющій кассы въ финансовомъ отношеніи, но за то и особенно нуждающійся въ помощи.

Что до размѣра пособій, то прежде всего введенъ неплатежъ за воскресенья, праздники и первые 3 дня болѣзни, что понижаетъ размѣръ пособій не менѣе, чѣмъ на 15%, т. е. болѣе чѣмъ на 25 милл. марокъ въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ пособія ограниченъ половиной зароботной платы (раньше разрѣшалось выдавать до двухъ третей, но разрѣшеніемъ этимъ кассы мало пользовались). Уменьшено даже пособіе на случай смерти и приравнено 20-кратному дневному заработку вмѣсто 30-кратнаго.

Одновременно съ уменьшеніемъ пособій увеличены взносы и опредѣлены въ 4% процента съ заработной платы. Даже въ Берлинѣ съ его высокимъ обложеніемъ норма взноса до войны составляла всего 4%, т. е. страхованіе удорожено для рабочихъ на 12%. Между тѣмъ расходы кассъ на каждаго участника вслѣдствіе войны должны были увеличиться въ меньшей степени даже при сохраненіи дѣятельности кассъ въ прежнемъ объемѣ. Тѣмъ болѣе необосованно ограниченіе его, вѣнчающееся устраненіемъ такого существеннаго пункта, какъ помощь членамъ семействъ застрахованнаго лица при ихъ заболѣваніяхъ.

[1]) По 2 милл, марокъ въ мѣсяцъ.

Все это въ цѣломъ равносильно было временому разрушенію нѣмецкаго страхованія, какъ соціальнаго учрежденія, съ широкими и сложными задачами въ сферѣ національной гигіены, физическаго и, культурнаго подъема населенія. Оставалась лишь одна, правда важная, но недостаточная сама по себѣ функція—выдача денежныхъ пособій и лѣченіе („подешевле“) заболѣвшихъ участниковъ.

Понятно, поэтому, что кассы широко воспользовались предоставленнымъ имъ тѣмъ же закономъ правомъ возстановлять (съ утвержденія чиновъ надзора) отмѣненные виды помощи и пособій, особенно помощь членамъ семей и т. п. Соціальный смыслъ участниковъ кассъ спасаетъ здѣсь то, что начало разрушать бюрократическое усмотрѣніе.

III.

Но вопросъ этимъ не рѣшается. Во-первыхъ не всѣ безработные, и во-вторыхъ семьи не всѣхъ мобилизованныхъ въ состояніи платить за себя взносы, чтобы остаться участниками кассъ и послѣ потери работы. Вѣрнѣе, никто изъ нихъ не состоянія, и если значительная часть ихъ это все же дѣлаетъ, то лишь цѣной такого серьезнаго урѣзыванія себя, что въ концѣ концовъ, иногда неизвѣстно, перевѣшиваетъ ли польза или вредъ. И добровольная помощь со стороны отдѣльныхъ хозяевъ, кассъ и благотворительныхъ комитетовъ тоже не можетъ служитъ панацеей.

Къ тому же если многія кассы вернулись постепенно къ прежнему размаху дѣятельности, то не меньшая половина (а въ Берлинѣ даже большая) принуждена все же довольствоваться новыми нормами.

Итоги общественному мнѣнію подвело собраніе врачей больничныхъ кассъ въ Берлинѣ, состоявшееся 4 ноября съ участіемъ многихъ общественныхъ дѣятелей, депутатовъ и т. д. и одобрившее принятый передъ тѣмъ единогласно 29 октября „обществомъ соціальной медицины и гигіены“ докладъ профессора Майета.

Проф. Майетъ въ ряду другихъ „военныхъ“ учрежденій предлагаетъ поставить и „Kriegskrankenkasse“. Функціи ея должны выполнять обычныя больничныя кассы. Но уплату взносовъ за всѣхъ мобилизованныхъ и безработныхъ должно принять на себя государство, для чего оно должно ассигновать около 100 милл. марокъ. Отвѣтомъ на этотъ проэктъ, энергично поддержанный также с. д. партіей и професс. союзами, явилось отчасти упомянутое заявленіе имперскаго правительства о представленіи на утвержденіе рейхстага ассигновки больничнымъ кассамъ по 2 милл. марокъ въ мѣсяцъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имперское правительство внесло въ рейхстагъ докладъ о всѣхъ принятыхъ финансово-экономическихъ мѣрахъ и подчеркнуло, что оно сознаетъ наличность несовершенствъ и пробѣловъ и готово принять къ свѣдѣнію и возможному исполненію замѣчанія рейхстага. Въ частности же изъ новаго пятимилліарднаго кредита, ассигнуемаго 2 декабря, оно предлагаетъ отдѣлить 200 милл. марокъ для выдачи общинамъ съ цѣлью организаціи лучшей помощи безработнымъ. Такимъ образомъ, недавнія заявленія Бетманъ Гольвега, что правительство лишь „послѣ войны“ подумаетъ объ общеимперской постановкѣ страхованія отъ безработицы (по гентской системѣ), подъ давленіемъ недовольства широкихъ слоевъ демократіи замѣняется приступомъ къ серьезнымъ шагамъ въ этомъ направленіи уже

теперь. Здѣсь происходитъ то же, что, напр., съ установленіемъ максимальныхъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Начавъ съ высокихъ цѣнъ на рожь и пшеницу, правительство рѣшительнѣе поступило уже съ овсомъ, и наконецъ на картофель принуждено было назначить уже довольно умѣренныя цѣны, значительно ниже рыночныхъ, такъ что даже „Vorwärts“ не возражаетъ противъ нихъ.

Зависимость отъ настроенія широкихъ массъ, необходимость считаться съ ними сказываются въ Германіи вообще довольно ощутительно. Возможно потому, что проэктъ проф. Майета будетъ въ концѣ концовъ осуществленъ полностью, хотя и не сразу. Во всякомъ случаѣ рѣчь о немъ въ комиссіи рейхстага уже идетъ.

Эта комиссія составлена изъ 36 членовъ всѣхъ партій спеціально для критики мѣръ въ отношеніи народнаго хозяйства, принятыхъ правительствомъ, и для преподанія ему надлежащихъ указаній. Для участія въ ея засѣданіяхъ прибылъ еще до открытія рейхстага канцлеръ Бетманъ-Гельвегъ. Въ составъ комиссіи входятъ между прочимъ 10 соціалдемократовъ, 4 прогрессиста, 4 національ-либерала и т. д.

Ю. Ларинъ.

Вопросы внутренней жизни.

1 Думская сессія въ концѣ января.

Краткая думская сессія въ концѣ января, вторая во время войны, имѣла общій признакъ съ первой, іюльской: она происходила подъ лозунгомъ единства. Единство царило среди огромнаго большинства думы. . . . . .

. . . . . .

Единство ораторами большинства Думы осуществлялось посредствомъ тщательнаго устраненія того, что могло поселить раздоры, т. е. прежде всего посредствамъ устраненія всякой критики внутренняго положенія вещей въ странѣ. Этой критики сознательно избѣгали не только октябристы, но и прогрессисты и кадеты. Избѣгали ея и ораторы, говорившіе отъ лица различныхъ національностей, населяющихъ Россію. Элементы критики у послѣднихъ проскальзывали только мимоходомъ, въ видѣ замѣчаній вскользь съ оговоркой о нежеланіи вдаваться въ болѣе подробную оцѣнку и критику существующаго.

Центральнымъ мѣстомъ въ рѣчи В. Ф. Яронскаго, выступившаго отъ лица польскаго коло было слѣдующее заявленіе:

„Воззваніе Верховнаго Главнакомандующаго, указавъ намъ, что одной изъ задачъ настоящей войны является свѣтлый завѣтъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ,—соединеніе въ одно цѣлое свободнаго польскаго народа подъ скипетрамъ русскаго Государя,—сплотило насъ вокругъ этой идеи“.

— Мы знаемъ, вслѣдъ за этимъ счелъ нужнымъ заявитъ г. Яронскій, что разрѣшеніе въ полномъ объемѣ вопроса объ отношеніи Польши къ Россіи возможно только послѣ окончанія войны, но мы вправѣ ожидать, что въ

широкой средѣ управленія правительство и администрація въ отношеніи насъ, поляковъ, будутъ дѣйствительно руководствоваться духомъ и смысломъ воззванія Верховнаго Главнокомандующаго".

Говорившій отъ лица евреевъ, Н. М. Фридманъ счелъ нужнымъ указать, что:

„На кровавыхъ поляхъ битвъ и въ глубинѣ страны, гдѣ война также налагаетъ великіе тяготы, евреи исполняли свой долгъ на ряду съ другими народностями.

За прошедшіе шесть мѣсяцевъ евреи пережили многое и страшное... Но, оговаривается сейчасъ же г. Фридманъ,—въ этотъ часъ, когда борьба съ внѣшнимъ врагомъ въ полномъ разгарѣ, мы не будемъ перечислять причиненныхъ и чинимыхъ намъ обидъ".

Съ патріотическимъ заявленіемъ выступилъ и отъ лица мусульманской группы Н. Х. Тевкелевъ:

„Мусульмане Россійской имперіи считаютъ себя русскими гражданами не только когда они добиваются правъ, но и тогда, когда имъ приходится исполнять обязаности передъ родиной. Поэтому какъ всегда прежде, такъ и теперь, мусульмане неуклонно и честно исполняютъ свой долгъ передъ отечествомъ, защищая честь и достоинство его отъ всякихъ натисковъ извнѣ"...

„Къ сожалѣнію, счелъ нужнымъ заявить Тевкелевъ, мусульмане не могутъ утверждать, чтобы ихъ гражданскіи чувства находили всегда справедливую оцѣнку со стороны русской государственной власти. Они не могутъ скрыть отъ себя того, что даже теперь правительство иногда наноситъ очень чувствительные удары ихъ религіозному и національному чувству".

Но, обрываетъ свою критику г. Тевкелевъ,—считая несвоевременнымъ говоритъ теперь о внутреннихъ своихъ дѣлахъ, мусульмане откладываютъ ихъ до окончанія войны".

Этихъ критическихъ замѣчаній вскользь, хотя бы съ неизбѣжными послѣ нихъ оговоркими, были совершенно лишены патріотическія рѣчи вождей прогрессисткой и кадетской партіи, гг. Ефремова и Милюкова. Свой особый тонъ отличающій ихъ нѣсколько отъ представителей правыхъ партій гг. Ефремовъ и Милюковъ старались провести въ своихъ рѣчахъ только путемъ опредѣленнаго освѣщенія происходящаго процесса.

Такъ г. Ефремовъ, требуя „доведенія войны до полнаго разгрома нашего противника" въ то же время выражалъ увѣренность. что этимъ „доведеніемъ" будетъ обезпеченъ не только прочный миръ, но будетъ обезпечено и „необходимое для культурнаго и экомическаго преуспѣянія страны развитіе правового строя".

Ефремовъ не счелъ при этомъ нужнымъ пояснить, какимъ образомъ „полный разгромъ противника приведетъ у насъ къ развитію правового строя". Обращаясь въ заключеніе своей рѣчи къ воинамъ, борящимся на театрѣ войны, онъ заявилъ имъ:

„Вы безропотно проливающіе свою кровь на поляхъ Галиціи, Польши и Пруссіи, вы мерзнущіе въ снѣгахъ Закавказья, помните, что вы боретесь не за завоеваніе новыхъ земель, не за порабощеніе другихъ народовъ,—вы наоборотъ несете освобожденіе угнетеннымъ,—боретесь за свободу и обновленіе родной земли".

Порукой же въ томъ, что происходящая борьба имѣетъ именно такой смыслъ, по мнѣнію г. Ефремова, является то, что оставшіеся дома представители различныхъ партій—кадеты и

прогрессисты, съ одной стороны, стороники гг. Савенка и Пуришкевича съ другой—объединились „въ одной вѣрѣ", что блестящія побѣды русскихъвойскъ „обезпечать Россіи свободу, миръ и благоденствіе".

Г. Милюковъ освѣщалъ въ томъ же оптимистическомъ духѣ происходящій процессъ, хотя и избѣгъ въ своей рѣчи даже неопредѣленныхъ указаній г. Ефремова на „развитіе правоваго строя" и „обновленіе земли". Вмѣсто этого онъ отмѣтилъ „тотъ глубокій нравственный смыслъ, который пріобрѣтаетъ міровая война, благодаря участію въ ней двухъ наиболѣе передовыхъ демократій современнаго человѣчества". „Участіе это, по мнѣнію г. Милюкова, обезпечиваетъ намъ полное достиженіе освободительныхъ цѣлей этой войны". Ставя достиженіе освободительныхъ цѣлей въ зависимость отъ участія въ войнѣ Англіи и Франціи, г. Милюковъ совершенно обошелъ естественно возникающій вопросъ, будетъ ли это „достиженіе" опредѣляться также въ какой либо мѣрѣ усиліями его партіи и тѣхъ слоевъ населенія, на которые оно опирается. Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, г. Милюковъ закончилъ свою патріотическую рѣчь восклицаніемъ: „да здравствуетъ свободная Россія, въ освобожденномъ ея усиліями человѣчествѣ".

Въ отличіе отъ рѣчей представителей поляковъ, евреевъ и мусульманъ, рѣчи гг. Милюкова и Ефремова, какъ видимъ, отличались полной цѣльнастью, это были рѣчи, какъ бы спеціально приготовленныя для парада. Если боли и страданія польской, еврейской и мусульманской національностей прозвучали только вскользь, мимолетно въ рѣчахъ представителей этихъ національностей, то боли и страданія коренной массы населенія въ парадныхъ рѣчахъ гг. Милюкова и Ефремова не звучали совершенно, такъ, какъ будто ихъ и не существовало. Изъ опубликованныхъ въ печати патріотическихъ рѣчей, они напомнили о себѣ только въ одной, въ рѣчи сказанной отъ лица маленькой группы независимыхъ и „народной партіи"—группы крестьянъ-прогрессистовъ, въ рѣчи Фирсова 2-го. Рѣчь эта произнесена была уже на второй день сессіи, при обсужденіи бюджета. „Надо помнить,—сказалъ Фирсовъ 2-ой, — что боевая страда ложится главнымъ образомъ на плечи русскаго крестьянина, и что побѣду завоюетъ тотъ же, говоря образно рязанскій мужикъ, который на своемъ горбу всегда носилъ государственныя тяготы. Государственная Дума должна поэтому не только заботиться о призрѣніи семействъ запасныхъ и помощи раненымъ, она обязана заняться всѣмъ крестьянствомъ въ его цѣломъ. Вспомните печаль Бѣлаго генерала о томъ, что великій воинъ русскій, выдерживавшій Шипку и Плевну, давшій другому народу свободу, возвратился домой такимъ же безправнымъ, какимъ былъ ранѣе. Побѣдоносный онъ возвращался опять въ нужду и голодъ, подъ тяжелую руку всевластнаго урядника. Да не будетъ этого нынѣ. Если настоящая война носитъ характеръ освободительный, разрушаетъ гнетъ, произволъ и насиліе и имѣетъ цѣлью утвердить въ Европѣ правду, право и справедливость, то тѣмъ болѣе необходимо утвердить эти начала въ Россіи для русскаго народа. Пусть эта война принесетъ и рязанскому мужику давно жданное удовлетвореніе его нуждъ. Пусть не говорятъ намъ, что теперь не время раз-

рѣшать эти вопросы, пусть не указываютъ на необходимость уничтожить поводъ къ общественному разномыслію. Напротивъ, обсужденіе нами внутреннихъ вопросовъ можетъ внести примиреніе туда, гдѣ, казалось бы до войны, примиреніе невозможно. Надо помнить, что если сессію Думы можно прервать, то жизнь остановить нельзя. Она идетъ не останавливаясь...“

Эти заявленія Фирсова 2-го прерывались много разъ аплодисментами, но парламентскій отчетъ говоритъ только объ аплодисментахъ *слѣва*, между тѣмъ какъ рѣчи гг. Милюкова и Ефремова встрѣчали одобреніе всей Думы. Очевидно, умолчаніе о всемъ томъ, о чемъ говорилъ Фирсовъ 2-ой было необходимо для того, чтобы объединить гг. Милюкова и Ефремова въ одинъ хоръ съ гг. Савенко, Марковымъ 2-мъ и Пуришкевичемъ. И послѣдніе оцѣнили усилія гг. Милюкова и Ефремова, они тоже избѣгали всего, что могло бы рѣзко нарушить ихъ единеніе съ кадетами и прогрессистами. Особенно на высотѣ положенія въ этомъ отношеніи оказался г. Пуришкевичъ.

Его рѣчь, сказанная непосредственно послѣ рѣчи Фирсова 2-го, нашла также, какъ рѣчи гг. Милюкова и Ефремова, единодушное одобреніе Думы.

Въ сторону его прежнихъ враговъ прогрессистовъ и кадетовъ, на этотъ разъ у г. Пуришкевича прозвучали мирныя, прямо дружественныя ноты.

„Можетъ быть,—сказалъ онъ,— въ будущемъ среди насъ снова поднимутся раздоры, мы раздѣлимся на фракціи, останемся тѣми же, чѣмъ были ранѣе, но мы можемъ благодарить Вильгельма: чего казалось никогда не могло быть въ русской Государственной Думѣ, это — объединеніе и онъ его достигъ, онъ добился того, что мы всѣ, объединенные чувствомъ любви къ отечеству, сознаніемъ лежащаго на насъ долга передъ Государемъ и родиной, объединенные вступили сюда, чтобы, быть можетъ, потомъ найти языкъ болѣе благородный для разговоровъ между собою въ будущемъ, языкъ взаимнаго пониманія“.

Это заявленіе, сдѣланное язно въ сторону кадетовъ и прогрессистовъ, было самымъ яркимъ проявленіемъ того единства, подъ знакомъ котораго проходила январьская сессія Думы.

Въ іюльскую сессію, по сообщеніямъ газетъ, гг. Милюковъ и Пуришкевичъ представились и протянули другъ другу руки. Теперь они вторично протягивали другъ другу руки — передъ лицомъ страны, своими рѣчами, проникнутыми духомъ единенія и находившими одобреніе на однихъ и тѣхъ же скамьяхъ...

2. *Процессъ рабочихъ депутатовъ.*

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ закончились засѣданія Думы, начался процессъ рабочихъ депутатовъ.

Процессу 5 рабочихъ депутатовъ предшествовало сообщеніе Осв. Бюро, послѣдовавшее еще въ декабрѣ мѣсяцѣ немедленно послѣ ихъ ареста. Въ этомъ сообщеніи 5 рабочимъ депутатамъ бросалось обвиненіе въ измѣнѣ и въ подтвержденіе этого приводились цитаты изъ документа, взятаго у нихъ, по которому „наименьшимъ зломъ было бы пораженіе русской арміи“. Послѣ этого сообщенія можно было ожидать, что депутаты будутъ привлечены по обвиненію въ измѣнѣ. Въ дѣйствительности они были привлечены не по спеціальной статьѣ, говорящей объ измѣнѣ, а по обычной 102 ст., по обвиненію въ революціонномъ сообществѣ. Но если обвиненіе въ измѣнѣ имъ прямо не было предъявлено, то тѣмъ не менѣе, оно проникало и обвинительный актъ и особенно рѣчь обвинителя.

Въ защиту свою арестованные депутаты, ссылались на декларацію, прочитанную въ іюльскую сессію Хаустовымъ отъ лица обѣихъ соціалъ-демократическихъ фракцій: какъ фракціи Хаустова, такъ и фракціи, которую составляли арестованные депутаты. Эту декларацію, прочитанную отъ ихъ лица, арестованные депутаты выдвигали какъ доказательство, что они не могутъ быть обвинены въ измѣнѣ. Но прокуроръ въ отвѣтъ на это попробовалъ использовать и декларацію для той же цѣли, для обвиненія соціалъ-демократовъ въ измѣнническихъ стремленіяхъ.

Онъ объединилъ такимъ образомъ обѣ соціалъ-демократическія фракціи. Онѣ обѣ были призваны на судъ общественнаго мнѣнія. Прокуроръ цитировалъ не одну только декларацію, прочитанную въ дѣлѣ. Онъ ссылался и на отвѣтъ Центр. Комитета на письмо Вондервельде и на резолюцію изъ 7 пунктовъ, найденную у обвиняемыхъ и, наконецъ, на различныя прокламаціи, распространявшіяся въ Петроградѣ.

Но отношеніе арестованныхъ депутатовъ ко всѣмъ этимъ документамъ не было доказано. Сами же они прикосновенность къ нимъ отрицали и въ тоже время категорически отвергли всякую солидарность во взглядахъ на настоящую войну съ своими заграничными товарищами и съ заграничнымъ большевисткимъ органомъ „Соціалъ демократъ“. Въ итогѣ оставался только одинъ документъ, который безспорно принадлежалъ имъ, —декларація, прочитанная въ іюлѣ съ трибуны Государственной Думы.

Естественно, что эта декларація стала центральнымъ пунктомъ процесса. Защитѣ оставалось сопоставить эту декларацію съ обвиненіями прокурора, разобрать, могутъ ли люди заявляющіе свою полную солидарность съ этой декларацією, подлежать обвиненію въ приписываемомъ имъ прокуроромъ стремленіи „нанести сражающейся арміи ударъ въ спину“, могутъ ли они быть обвинены въ томъ, что „черезъ головы тѣхъ, кто своей кровью защищаетъ предѣлы отечества“ они будто бы „протягивали свою руку врагамъ родины“.

Одно мѣсто декларації, которое было рельефно выдвинуто въ рѣчахъ защиты, оказалось уничтожающимъ для этого обвиненія. Н. Д. Соколовъ предложилъ суду обратить вниманіе на то мѣсто этой декларації, которое вызвало рукоплесканія Думы. „Мѣсто это говоритъ о томъ, что пролетаріатъ, постоянно за-

щищая интересы народа, будетъ и теперь защищать культурныя блага его отъ всякихъ покушеній, откуда бы они не исходили".

Это мѣсто декларацiи, подчеркнутое рукоплесканіями Думы вполнѣ опредѣленно говорило о томъ, на сколько чуждо было соціалъ-демократамъ—стремленіе нанести арміи, защищающей страну, ударъ въ спину и черезъ головы сражающихся протянуть руку врагамъ родины.

Въ своихъ цѣляхъ далѣе прокуроръ эксплоатировалъ то мѣсто декларацiи, въ которомъ по отчету „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 34 отъ 12 февраля) заявлялось, что „не можетъ быть единенія народа съ властью, когда народъ порабощенъ этой властью".

Въ отвѣтъ на это Н. К. Муравьевъ напомнилъ прокурору, что объединеніе не можетъ быть актомъ одностороннимъ, что оно предполагаетъ готовность къ объединенію съ обѣихъ сторонъ. Далѣе подробно остановился на этомъ вопросѣ А. Ф. Керенскій.

„Прокуроръ,—сказалъ онъ,—обвинялъ депутатовъ въ томъ, что въ противоположность бельгійскимъ и французскимъ соціалистамъ они звали рабочій классъ не къ единенію съ правительствомъ, а къ разъединенію и борьбѣ съ нимъ и не пошли на зовъ Вандервельде. Но вѣдь надо принять во вниманіе различіе условій у насъ и тамъ. Во Франціи моментъ начала войны совпалъ со смертью Жореса, и на похоронахъ Жореса министры говорили рѣчи, а вожди соціалистовъ Гэдъ и Самба были приглашены въ министерство". (По отчету „Рѣчи" отъ 12 февраля № 41).

Прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи ссылался на отвѣтъ Центр. Комитета—Вандервельде. Керенскій оспаривалъ прикосновенность арестованныхъ депутатовъ къ этому отвѣту. Но, не ограничившись этимъ, онъ остановился и на анализѣ этого отвѣта.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

„Въ протестѣ противъ войны, съ которымъ выступили соціалъ-демократы въ своей декларацiи, г. прокуроръ видѣлъ подтвержденіе того удара въ спину сражающейся арміи, который соціалъ-демократы будто бы стремились ей нанести".

„Можно не хотѣть войны и желать мира, — сказалъ прокуроръ,—но нельзя идти противъ дѣятельности, направленной на защиту родины, въ тотъ моментъ, когда врагъ уже поднялся".

На это обвиненіе опредѣленно и выразительно отвѣтилъ Н. Д. Соколовъ отъ лица обвиняемыхъ:

„Депутаты с.-д. фракціи заявили въ прочитанной ими съ думской трибуны декларацiи, что пролетаріатъ до войны не могъ помѣшать ея возникновенію, и что въ чувствѣ международной солидарности они ищутъ основанія для скорѣйшаго окончанія войны. Это они заявили и отъ этого они не отказываются, но они категорически отрицаютъ приписываемое имъ желаніе въ тотъ періодъ, когда война стала уже совершившимся фактомъ,—употребленія мѣръ для ослабленія русской арміи". („Русскія Вѣдомости" отъ 13 февр. № 35).

Обвиненіе взведенное на арестованныхъ депутатовъ, а косвенно и на всѣхъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ Думы, было такимъ образомъ разрушено защитой. На чью же сторону сталъ судъ?

Депутаты приговорены къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ на поселеніе. Значитъ судъ согласился съ доводами обвинителя? Нѣтъ, судъ призналъ смягчающія вину депутатовъ обстоятельства. Безъ наличности смягчающихъ обстоятельствъ, депутаты могли бы быть приговорены по 102 ст. къ каторжнымъ работамъ. Очевидно, судъ не послѣдовалъ за прокуроромъ и не нашелъ въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ признаковъ измѣны, признаковъ стремленія черезъ головы сражающихся протянуть руку врагамъ родины. Очевидно, судъ отказался признать прикосновенность депутатовъ къ тѣмъ документамъ, которые наименьшимъ зломъ признавали пораженіе нашей арміи. Иначе онъ не призналъ бы наличность смягчающихъ обстоятельствъ. Что же осталось доказаннымъ въ глазахъ суда относительно депутатовъ? Остались доказанными, очевидно, сношенія депутатовъ съ Центральнымъ Комитетомъ ихъ партіи, осталось доказаннымъ участіе ихъ въ незаконномъ собраніи, на которомъ, кромѣ нихъ, былъ еще одинъ литераторъ и нѣсколько рабочихъ и на которомъ они обсуждали предложенную имъ со стороны резолюцію изъ 7 пунктовъ, резолюцію, которую они обсудить не успѣли вслѣдствіе прихода полиціи, а по скольку ее обсуждали, съ ней не соглашались. За эти незаконныя свои дѣйствія 5 членовъ Государственной Думы поплатились лишеніемъ всѣхъ правъ и ссылкой на поселеніе.

Н. Череванинъ.

3. Раскрытіе шпіонской организаціи.

Въ газетахъ напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„За послѣдніе дни распространились слухи объ арестахъ чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ и департамента полиціи, будто бы подозрѣваемыхъ въ шпіонской дѣятельности.

Въ виду изложеннаго, министерство внутреннихъ дѣлъ считаетъ долгомъ довести до общаго свѣдѣнія, что среди арестованныхъ нѣтъ ни одного жандармскаго офицера или нижняго чина и ни одного служащаго въ департаментѣ полиціи и, вообще, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но есть лица, служившія прежде въ корпусѣ жандармовъ и въ мин. внутр. дѣлъ и уволенныя отъ должностей давно и по основаніямъ, не имѣющимъ никакой связи съ упомянутыми выше подозрѣніями" (О. Б.).

Одновременно съ этимъ газета „Русскій Инвалидъ" писала:

„Все болѣе и болѣе выясняется, что удача, которую нѣмцы

готовы были приписать геніальности генерала Гинденбурга, куплена путями не совсѣмъ чистыми, съ помощью шпіоновъ, подкупленныхъ предателей. Хотя шпіонство и дозволенное стратегіей вспомогательное средство, но и тамъ оно находится въ числѣ презрѣнныхъ средствъ".

Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

„На основаніи полученныхъ свѣдѣній о дѣятельности подполковника Мясоѣдова, занимавшаго должность переводчика при штабѣ 10 арміи, за нимъ было установлено наблюденіе. Какъ только послѣднее подтвердило предположеніе о преступномъ характерѣ дѣятельности этаго штабъ-офицера, имѣвшаго сношенія съ агентами одной изъ воюющихъ съ нами державъ, онъ былъ арестованъ. Въ связи съ нимъ были арестованы и другія, заподозрѣнныя въ той же преступной дѣятельности, лица, не принадлежащія къ составу арміи. Назначенное надъ Мясоѣдовымъ и его соучастниками слѣдствіе вполнѣ опредѣленно установило несомнѣнную виновность перваго. Въ виду этого Мясоѣдовъ былъ преданъ военно-полевому суду по обвиненію въ шпіонствѣ и мародерствѣ Судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Что касается остальныхъ соучастниковъ этого тяжкаго преступленія, то слѣдствіе о нихъ продолжается для исчерпывающаго выясненія всѣхъ сопричастныхъ къ дѣлу лицъ. По мѣрѣ установленія ихъ виновности они будутъ предаваться соотвѣтственному суду".

Внутреннія отношенія въ Польшѣ.

(Окончаніе) [1]).

III.

Обостреніе національной борьбы въ Польшѣ и націоналистическая политика руководителей польскаго общественнаго мнѣнія вызвали, въ видѣ реакціи, усиленіе націоналистическихъ теченій и въ средѣ еврейства. Оживили дѣятельность сіонисты, возлагающіе свои надежды на нашихъ союзниковъ по войнѣ—англичанъ, которые де путемъ предоставленія ерреямъ Уганды или какой-нибудь другой колоніи, дадутъ гонимымъ евреямъ надежное прибѣжище.

Націоналистическо-сіонистскія настроенія нашли себѣ, между про-

[1]) См. „Н. Дѣло" № 1.

чимъ, выраженіе въ опубликованномъ недавно въ сіонистскомъ органѣ „Разсвѣтъ“ (отъ 21 декабря 1914 г.) воззваніи „группы еврейской молодежи“ къ русской интеллигенціи. Въ этомъ воззваніи, послѣ описанія того, что дѣлаютъ поляки съ евреями въ Польшѣ, говорится, что если русская интеллигенція молчитъ при видѣ этихъ страданій евреевъ, то „исключительно по одной причинѣ: русской интеллигенціи еврейскій народъ, его боли и страданія *безразличны*“. Заканчивается воззваніе слѣд. словами:

„Мы до сихъ поръ молчали. Мы ждали вашего слова. Вы до сихъ поръ не сказали нужнаго слова и—ясно—не собираетесь его сказать. Мы это настоящимъ и хотимъ запечатлѣть. Мы хотимъ запечатлѣть предъ исторіей, съ одной стороны, и предъ лицомъ нашего народа, съ другой, что въ самый крайній и тяжелый моментъ нашей жизни мы разсчитывать даже на васъ, лучшихъ русскихъ людей, не можемъ и не имѣемъ основанія“.

Это воззваніе характерно, какъ показатель тѣхъ настроеній, которыя создаются антисемитской политикой поляковъ. Націонализмъ націи подавляющей неизбѣжно вызываетъ націонализмъ въ части націи подавляемой. Этотъ націонализмъ готовъ заподозрѣть русскую интеллигенцію въ несочувствіи евреямъ, склоненъ обвинять ее въ пособничествѣ польскому націонализму. Къ счастью, это настроеніе пока охватило лишь немногочисленные круги еврейскаго общества и наиболѣе серьезная еврейская пресса и общественные еврейскіе дѣятели болѣе, чѣмъ когда нибудь, понимаютъ связь еврейскаго вопроса съ общерусскими вопросами, и это свое пониманіе могутъ подкрѣпить многочисленными фактами выступленій и заявленій передовыхъ русскихъ общественныхъ круговъ. Въ отвѣтъ на воззваніе еврейской молодежи „Нов. Восходъ“ (№52, 1914 г.) писалъ:

„Дѣятельнаго содѣйствія со стороны русской интеллигенціи въ дѣлѣ защиты нашихъ интересовъ мы можемъ добиться лишь участвуя въ русскихъ прогрессивныхъ политическихъ партіяхъ, вмѣстѣ съ ними организуясь для общеполитической русской работы. Только тогда мы можемъ заручиться извѣстнымъ вліяніемъ въ этихъ партіяхъ, пріобрѣсти не только моральное право, но и фактическую возможность требовать соотвѣтствующихъ политическихъ выступленій, вытекающихъ изъ программы указанныхъ партій и оправдывающихся потребностями момента“.

Антисемитская политика воинствующаго польскаго націонализма вызвала, какъ мы уже сказали, рядъ выступленій русскихъ общественныхъ дѣятелей въ защиту еврейскаго населенія. Вмѣстѣ съ польскимъ вопросомъ съ новой силой выдвинулся и еврейскій вопросъ.

Въ ходѣ польско-еврейскихъ дискуссій, на страницахъ польской и русской печати и въ рядѣ собраній русскихъ и польскихъ общественныхъ дѣятелей, польскіе національности отъ самыхъ правыхъ, до самыхъ „прогрессивныхъ“, раскрыли свою точку зрѣнія на еврейскій вопросъ. Эта точка зрѣнія, грубо говоря, сводится къ тому, что вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ есть вопросъ внутренне-польскій;

вмѣшательство русскаго общества въ него есть посягательство на свободу самоопредѣленія польскаго народа, отрицаніе права за поляками опредѣлять свое національное бытіе. Поляки де сами стоятъ за отмѣну черты еврейской осѣдлости, заинтересованные въ томъ, чтобы освободить Польшу отъ еврейскаго „засилья“ (выражаясь терминомъ русскихъ антисемитовъ).

Эта точка зрѣнія ярко сказалась въ бесѣдѣ польскихъ общественныхъ дѣятелей съ г-жей Кусковой во время ея пребыванія въ Варшавѣ. Въ отвѣтъ на указанія г-жи Кусковой о желательности единства между русскимъ и польскимъ прогрессивнымъ обществомъ, ей было прямо сказано прогрессивными поляками, что

„Они не вѣрятъ въ русское прогрессивное общество, не надѣются на него, ничего не ждутъ отъ него. Сейчасъ они видятъ передъ собой только русскую власть. Она протянула имъ руку и они устремились къ ней навстрѣчу. Отъ нея, отъ союза съ ней, они ждутъ теперь исполненія своихъ надеждъ, своихъ стремленій“.

Не вѣря въ русское прогрессивное общество и не желая его поддержки въ своихъ требованіяхъ, польскіе прогрессивные и не прогрессивные націоналисты вполнѣ логично оспариваютъ его претензіи на вліяніе на судьбы евреевъ въ Польшѣ.

Одинъ изъ видныхъ прогрессивныхъ польскихъ общественныхъ дѣятелей к. д. г. Ледницкій въ своемъ докладѣ въ Москвѣ прямо заявилъ, что „со стороны русскаго общества требуется много осторожности при вмѣшательствѣ въ страстную распрю двухъ національностей“ и далѣе выдвигалъ обычныя обвиненія польскихъ націоналистовъ противъ евреевъ „литваковъ“, которые проводятъ де въ Польшѣ политику руссификаторія и являются врагами польской культуры и національности“.

Другой польскій прогрессистъ г. Г. Курнатовскій тоже винитъ въ обостреніи польско-еврейскихъ отношеній евреевъ-литваковъ-руссификаторовъ. Онъ, впрочемъ, готовъ въ свободной Польшѣ предоставить имъ „всю полноту личныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ“,

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ (свободная Польша) наложитъ и на нихъ всѣ гражданскія обязанности, среди которыхъ посѣщеніе общихъ, одинаковыхъ для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій начальныхъ училищъ будетъ первою“. Ибо „жаргонъ не можетъ быть орудіемъ серьезнаго образованія и европейской цивилизаціи“. [1]).

Иначе говоря, польскій прогрессивный публицистъ обѣщаетъ евреямъ „равноправіе“ безъ признанія права языка и національной школы. Совершивъ операцію такого уравненія евреевъ съ поляками, г-нъ Курнатовскій предрекаетъ:

„Находя точку опоры въ правительствѣ свободной Польши, ассимиляція будетъ развиваться какъ въ умственномъ, такъ и въ трудовомъ отношеніи, а польская мягкая и гуманная натура, не раздражаемая разными теоріями „компенсаціи національныхъ эгоизмовъ (развиваемыхъ, по словамъ г. Курнатовскаго, еврейскими націоналистами) опять станетъ сама собой и перестанетъ избѣгать торговыхъ и другихъ сношеній съ поляками „Моисеева вѣроисповѣданія“.

[1]) „Р. Мысль“ 1914 г. № 12 стр. 32.

Расшифровывая смыслъ туманныхъ словъ г. Курнатовскаго, мы получимъ слѣд. обѣщаніе—перестаньте быть евреями, станьте поляками и тогда вы получите равноправіе и „мягкая и гуманная“ польская натура прекратитъ бойкотъ. Таково національное равноправіе которое поляки предоставятъ евреямъ безъ лишняго вмѣшательства русскаго общества. [1])

Но если польскій прогрессистъ обѣщаетъ все же евреямъ кое-какія права, то польскіе антисемиты изъ „Газеты Поранней“ заранѣе отказываютъ имъ въ этомъ. Ошибочно писала газета по поводу отзывовъ еврейской печати о воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго-„евреи единогласно рѣшили, будто слова воззванія объ уваженіи поляками правъ народностей, съ которыми ихъ связала исторія, относятся къ евреямъ“. Ибо евреи не народность, а „инородцы“. Притомъ странной

„была бы забота объ интересахъ евреевъ, когда выяснилась ихъ „цѣнность, какъ боевого матеріала, а вступленіе непріятельскихъ отрядовъ на территорію Польши открыло полностью ихъ пресловутую лояльность“.

Въ свою очередь органъ лидера народовцевъ Р. Дмовскаго „Газета Варшавская“, ставитъ евреямъ въ упоръ вопросъ, признаетъ ли еврейское общество за поляками право на самостоятельность [2]).

Лучшій отвѣтъ на всѣ указанія польскихъ націоналистовъ о посягательствѣ на польскую автономію въ вопросѣ о судьбахъ будущей Польши, далъ извѣстный народникъ на собраніи русскихъ и польскихъ общественныхъ дѣятелей:

„Я привыкъ—сказалъ онъ—слѣдовать своему учителю Михайловскому и не дѣлать себѣ никакихъ идоловъ . . . какъ бы громки и почтенны ни были объекты этихъ идоловъ. Не хочу я творить себѣ идола и изъ вашего лозунга независимости. Выше всего для меня права и интересы живого человѣка, и если права этого живого человѣка этимъ идоломъ будутъ нарушаться, то никакіе принципы независимости не удержатъ меня, насколько это въ моихъ силахъ, отъ вмѣшательства, отъ властнаго заступничества за права угнетенныхъ“.

[1]) Само собой разумѣется, что всѣ разговоры о руссификаціи евреями Польши являются однимъ изъ многочисленныхъ измышленій польскихъ націоналистовъ Для руссификаціи безправные евреи, даже если бы они и стремились къ ней, не имѣютъ силы и власти.

[2]) Небходимо отмѣтить, что въ спорѣ о польско—еврейскихъ отношеніяхъ не приняла участія наиболѣе демократическая часть польскаго общества, не имѣющая своей прессы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что, еслибы ея голосъ раздался въ настоящую минуту, онъ былъ бы не въ пользу польскихъ націоналистовъ, но звучалъ-бы въ согласіи съ голосомъ русскаго демократическаго общественнаго мнѣнія.

„Видя передъ собой только русскую власть“, и не вѣря въ прогрессивное русское общественное мнѣніе, выражаясь словами польскихъ дѣятелей, бесѣдовавшихъ съ г-жей Кусковой, иначе говоря „ріентируясь“ на Россію официальную и только на нее, а не на Россію общественную, руководители польскаго недемократическаго общественнаго мнѣнія предпочли бы, чтобы еврейскій вопросъ былъ снятъ съ порядка дня, и чтобы русское общество не вмѣшивалось во внутреннія отношенія въ Польшѣ.

Въ своемъ узкомъ націонализмѣ польскіе общественные дѣятели не видятъ, что, изолируя себя отъ русскаго общества на почвѣ еврейскаго вопроса, они уменьшаютъ собственные шансы на осуществленіе тѣхъ національныхъ задачъ, которыя они передъ собой въ настоящее время ставятъ. Своимъ національнымъ задачамъ они придаютъ узко *націоналистическій*, исключительный характеръ, возбуждая этимъ къ себѣ недовѣріе и еврейскаго и русскаго общества, которое въ разрѣшеніи *своихъ* національныхъ задачъ при другихъ условіяхъ могло бы итти рука объ руку съ польскимъ національнымъ движеніемъ. По отношенію къ польскимъ націоналистамъ оправдывается старая пословица: кого Богъ хочетъ погубить, онъ ослѣпляетъ. Разумѣется представители русской интеллигенціи, претендующіе на „вмѣшательство“ въ польско—еврейскія отношенія, ничего не имѣютъ противъ подобнаго же „вмѣшательства“ польскихъ общественныхъ дѣятелей въ русскія дѣла. Ибо по существу правильно понятые интересы русскаго и польскаго прогрессивнаго общества не только не противорѣчатъ другъ другу, но вполнѣ совпадаютъ.

Такъ, какъ поляки, не можетъ и не хочетъ смотрѣть то самое „прогрессивное русское общество“, въ которое не вѣрятъ и котораго не признаютъ гг. Дмовскіе и Курнатовскіе.

Оно не можетъ такъ смотрѣть уже потому, что разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ томъ или иномъ направленіи въ Польшѣ тѣсно связано съ разрѣшеніемъ его въ Россіи. А здѣсь онъ тѣсно связанъ съ общерусскими вопросами.

Война передъ многими поставила тотъ самый вопросъ, который задаетъ въ своей замѣчательной ст. въ „Рус. Вѣд.“ кн. Евг. Трубецкій „Побѣда“: „Если евреи могутъ умирать за Россію, почему же они не могутъ жить повсемѣстно въ Россіи, почему они не могутъ быть офицерами въ русскомъ войскѣ? Почему столькіе изъ нихъ не могутъ учиться въ Россіи?“ Даже официальный „Виленскій Вѣстникъ“ въ № отъ 7 сентября писалъ по поводу польскаго навѣта на евреевъ „Препятствовать имъ (евреямъ) выдержать экзаменъ на аттестатъ русской гражданской зрѣлости могутъ только силы, враждебныя русскому государству, ибо въ единеніи и объединеніи—сила“.

Въ томъ же направленіи писалъ кн. Пав. Долгоруковъ въ „Рус. Вѣд.“

„Противорѣчіе между падающими на евреевъ обязанностями и безправнымъ ихъ положеніемъ существовало всегда, но при войнѣ оно стало настолько яркимъ, что молчать невозможно. Особенно ярко война освѣтила положеніе евреевъ по отношенію къ праву избирать мѣстожительство и обучать дѣтей . . . . . Полная отмѣна національныхъ ограниченій должна пройти черезъ законодательныя учрежденія, смягченіе же ихъ въ теченіе военнаго времени, во всякомъ случаѣ, было бы возможно теперь же“.

Въ своемъ интервью съ сотрудникомъ польской газеты „Глосъ Польскій“ лидеръ кадетской партіи П. Н. Милюковъ по еврейскому вопросу высказался слѣд. образомъ.

„Самымъ сложнымъ является въ Польшѣ еврейскій вопросъ. — Этотъ вопросъ не разрѣшается одной только отмѣной черты осѣдлости Суть вопроса въ томъ, могутъ ли надъ Вислой существовать два народа. П. Милюковъ „считаетъ евреевъ самостоятельной національной особью, и потому онъ считаетъ необходимымъ защищать права евреевъ такъ же, какъ и права армянъ, латышей и др. Въ законодательный актъ, относящійся къ Польшѣ, долженъ быть включенъ пунктъ о гарантіи правъ еврейскаго меньшинства. Ссылку поляковъ на то, что еврейскій вопросъ—это внутренній вопросъ Польши, П. Милюковъ считаетъ неправильной: пока неизвѣстны формы будущей Польши, невозможно провести границу между внутренними и общими вопросами“. (См. газ. „День“).

Надо ли еще цитировать ст. Ѳ. Кокошкина, К. Арсеньева, С. А. Петрищева, А. Пѣшехонова, В. Мякотина и другихъ извѣстныхъ русскихъ публицистовъ и общественныхъ дѣятелей, разумѣется, высказывающихся за отмѣну черты еврейской осѣдлости, за равноправіе евреевъ и предоставленіе имъ правъ меньшинства въ будущей объединенной Польшѣ.

Еврейскій вопросъ становится однимъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ. Естественно поэтому, что не одни только публицисты и отдѣльные общественные дѣятели, но и цѣлыя общественныя организаціи выступили съ заявленіями по еврейскому вопросу.

Еще въ самомъ началѣ войны Виленская Городская Дума возбудила ходатайство объ отмѣнѣ черты осѣдлости. Елисаветградскій биржевой комитетъ возбудилъ вопросъ объ отмѣнѣ регистраціонныхъ книжекъ для евреевъ—купцовъ. Омскій биржевой комитетъ указываетъ на необходимость отмѣны ограниченій евреевъ въ занятіяхъ торговлей и промышленностью. Русскіе фабриканты лодзинскаго района подняли вопросъ, въ связи съ экономическимъ положеніемъ края и необходимостью открыть пріостановленныя фабрики внѣ черты осѣдлости, объ отмѣнѣ запрещенія евреямъ—фабрикантамъ пріобрѣтать землю. Совѣтъ Съѣздовъ торговли и промышленности сдѣлалъ докладъ предсѣдателю Сов. Министровъ о пріемѣ внѣ процентной нормы студентовъ, учившихся заграницей, въ русскіе университеты. Резолюцію объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ другими гражданами приняло Имп. Вольно-Экон. Общ. и т. д.

Происходившій въ Петроградѣ въ началѣ января 1915 г. съѣздъ по улучшенію русскихъ курортовъ выпесъвъ робкой формѣ резолюцію о

томъ, что „необходимо стремиться къ тому, чтобы наши лѣчебныя мѣстности были доступны широкимъ слоямъ населенія безъ различія національности и вѣроисповѣданія“.

Болѣе рѣшительно выступила смоленская городская дума. Въ своемъ засѣданіи отъ 19 дек. 1914 г. большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ приняла слѣд. постановленіе:

Смоленская городская дума признаетъ неотложно необходимымъ возбудить ходатайство объ отмѣнѣ всѣхъ мѣропріятій, ограничивающихъ права русскихъ подданныхъ еврейскаго вѣроисповѣданія и, въ частности, объ отмѣнѣ черты осѣдлости“.

При обсужденіи этихъ резолюцій одинъ изъ гласныхъ нѣкій Я. К. Курнатовскій выразился слѣд. обр.:

„Теперь констатируемъ то, что еще недавно казалось недостигаемымъ; теперь рушится то, къ чему раньше боялись прикоснуться. Была объявлена война и съ возваніемъ великаго князя рухнула та стѣна, которая десятилѣтіями раздѣляла Польшу и насъ. Объявлена война—пала винная монополія, казавшаяся твердыней нашего финансоваго благополучія. Въ настоящій моментъ передъ нами сталъ вопросъ о безправіи еврейскаго народа. И пора, наконецъ, разорвать тотъ „волчій билетъ“, который выданъ цѣлому народу“.

Вопросъ о „волчьемъ билетѣ“ цѣлому народу встаетъ, наконецъ, во всемъ своемъ объемѣ передъ русскимъ обществомъ, какъ вопросъ объ общихъ условіяхъ развитія Россіи. Пока еще его выдвигаютъ только наиболѣе передовые и прогрессивные элементы русскаго общества. Но не такъ далеко уже то время, когда о немъ будутъ кричать со всѣхъ крышъ и когда никакимъ польскимъ и русскимъ антисемитамъ не удается закричать его никакими навѣтами.

Какъ бы и на кого бы ни „оріентировались“ польскіе націоналисты, какъ бы не протестовали противъ вмѣшательства русскаго общества въ „внутреннія польскія“ дѣла—для русскаго общества и русской демократіи разрѣшеніе польскаго вопроса должно нести съ собой разрѣшеніе и еврейскаго вопроса, а разрѣшеніе еврейскаго вопроса—быть въ то же время и разрѣшеніемъ общерусскаго „національной“ задачи.

Г. Ракитинъ.

P. S.

Послѣ того, какъ статья эта была уже написана, русская жизнь дала нѣсколько новыхъ фактовъ въ области польско-еврейскихъ и русско-еврейскихъ отношеній, которые мы кратко перечислимъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Печать констатировала нѣкоторыя измѣненія въ области польско-еврейскихъ отношеній. Подъ вліяніемъ антисемитской политики польскихъ обывательскихъ комитетовъ, о которой мы выше говорили, еврейское населеніе стало образовывать самостоятельныя организаціи помощи жертвамъ войны. Кое гдѣ были разрѣшены, параллельно съ существующими польскими обывательскими комитетами, и *еврейскіе* обывательскіе комитеты. Подъ вліяніемъ выступленій русскихъ общественныхъ дѣятелей по вопросу о польско-еврейскихъ отношеніяхъ тонъ польской печати по отношенію къ евреямъ нѣсколько смягчился и нѣкоторые прогрессивные органы польской печати выступили противъ антисемитскихъ эксцессовъ.

Къ отмѣченнымъ уже въ нашей статьѣ выступленіямъ русскаго общества, по еврейскому вопросу, слѣдуетъ добавить еще резолюцію всероссійскаго съѣзда союза городовъ, принявшаго единогласно слѣд. резолюцію:

„Признать, что положеніе о чертѣ еврейской осѣдлости не должно примѣняться къ больнымъ и раненымъ воинамъ іудейскаго вѣроисповѣданія, къ ихъ семьямъ и къ семьямъ запасныхъ и лицъ, бѣжавшихъ изъ мѣстъ, разоренныхъ войной или занятыхъ непріятелемъ“. Нѣкоторыми участниками съѣзда, былъ поднятъ также вопросъ о присоединеніи къ вышеприведенной резолюціи Смоленской городской Думы, но изъ опасеній, что резолюція эта не будетъ принята единогласно, иниціаторы ея сняли ее съ обсужденія.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

По Россіи и Заграницей.

Г. В. Плехановъ и П. Б. Аксельродъ о войнѣ.

Парижская газета „La Voix“ излагаетъ рефератъ о войнѣ, прочитанный Г. В. Плехановымъ въ Лозаннѣ *) и интервью съ П. Б. Аксельродомъ въ Цюрихѣ.

Г. В. Плехановъ расчленилъ вопросъ о *принципіальномъ* отношеніи марксистовъ къ войнѣ, которое до сихъ поръ рекомендовали конгрессы, отъ *фактическаго*, которое проявили различныя соціали-

*) Содержаніе его совпадаетъ въ общемъ и цѣломъ съ его статьей, помѣщенной въ 1 № журнала „Совр. Міръ“ за 1915 г. („О войнѣ“). Взглядамъ Г. В. Плеханова по вопросу о войнѣ, которые насколько можно судить изъ его статьи и реферата, въ многихъ отношеніяхъ совпадаютъ съ взглядами редакціи нашего журнала, предполагается посвятить особую статью въ слѣдующей книжкѣ „Нашего Дѣла“.

стическія партіи въ процессѣ вооруженнаго конфликта. Несомнѣнно, что резолюціи всѣхъ конгрессовъ осуждали войну. „Мы спорили съ Домелой Нивенгуйсомъ, говоритъ Плехановъ, еще на Цюрихскомъ съѣздѣ лишь о способахъ борьбы..... и событія подтвердили правильной марксистской точки зрѣнія". Идея всеобщей стачки, поддерживаемая Нивенгуйсомъ, потерпѣла въ вихрѣ великой грозы пораженіе. Ни техническія условія, ни психологическій моментъ не дали возможности произвести всеобщую стачку. Докладчикъ рисуетъ потрясающую картину шовинизма, охватившаго Германію въ день объявленія войны, подавленное состояніе французскихъ рабочихъ, забывшихъ всѣ синдикалистскія формулы передъ опасностью нѣмецкаго вторженія.

Все ли сдѣлали—спрашиваетъ далѣе Плехановъ—с.-дем. различныхъ странъ, чтобы помѣшать вооруженному конфликту? Нѣтъ—отвѣчаетъ онъ—чмецкіе с.-д. не выполнили своего долга, несмотря на признаніе Гаазе въ Брюсселѣ, что нынѣшняя война вызвана Германіей, толкавшей Австрію на конфликтъ съ Сербіей. Тотъ же Гаазе, прикрываясь черезъ нѣсколько дней смѣхотворной для даннаго случая формулой, „что с.-д. признаютъ за каждымъ народомъ право на существованіе" голосовалъ во главѣ огромной с.-д. фракціи милліарды, предназначенные „на отрицаніе за Бельгіей того же права на существованіе. Въ Брюсселѣ Гаазе считалъ Германію виновницей происшедшаго конфликта и грозилъ прусскому юнкерству революціей. Вѣдь не могли же на его подѣйствовать аргументы Бетмана-Гольвега". И какъ вела себя Германія потомъ? Плехановъ цитируетъ факты, свидѣтельствующіе о жестокости нѣмецкихъ солдатъ, напоминаетъ о разгромѣ Лувена, Реймса. Эти факты тѣмъ болѣе ужасны, что одну треть нѣмецкой арміи составляютъ соціалъ-демократы. „Допустимъ, что солдаты не могутъ въ военное время сопротивляться и протестовать, но почему же не забила тревоги партія и соц.-дем. пресса? Наоборотъ, она оправдывала свое правительство". Нарушая нейтралитетъ Бельгіи, нѣмецкое правительство оправдывалось тѣмъ, что Франція была готова сдѣлать то же самое. Какой жалкій, лишенный содержанія, софизмъ. Вѣдь, Франція все же этого не сдѣлала.

Далѣе Плехановъ ссылается на свои личные разговоры съ нѣкоторыми нѣмецкими соціалъ-демократами. Такъ одинъ видный нѣмецкій депутатъ ревизіонистъ заявилъ Плеханову, что нѣмецкіе соц.-демократы не могли не поддерживать своего правительства, такъ какъ во 1-ыхъ, оно выступало противъ Россіи; во 2-ыхъ, эта война должна *обезпечить Германіи блестящее соціально-экономич. и политическое развитіе*. Побѣдоносная война повлечетъ за собой расцвѣтъ германской промышленности, а слѣдовательно, мощный ростъ рабочаго движенія. Такъ говорили нѣмецкіе ревизіонисты. Конечно, были и другіе голоса. Сколько ихъ было? „Содомъ и Гоморру, говоритъ докладчйкъ, Богъ разрушилъ потому, что тамъ не нашлось ни одного праведника. Въ томъ Содомѣ, какой представляла изъ себя Германія послѣ объявленія войны, нашлись въ с.-дем. фракціи 4 праведника другіе утверждаютъ — изъ 110 депутатовъ 13, которые голосовали вопреки дисциплинѣ противъ бюджета. „Радикалы германской соц.-демократіи заявили впослѣдствіи, что они голосовали бюджетъ, не желая допустить раскола, Самъ Плехановъ — большой противникъ раскола,

Прим. отъ ред. Какъ извѣстно, въ настоящее время противники официальной позиціи фракціи внутри партіи, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше увеличиваются въ числѣ.

но если изъ-за цѣлости организаціи жертвуютъ принципами, тогда лучше расколъ, чѣмъ фальшивое единство.

Все поведеніе германской соціалъ-демократіи — это сплошное торжество оппортюнизма, на которое до сихъ поръ, къ сожалѣнію, мало обращали вниманія. Къ теоріи, къ принципамъ за послѣднее время сдѣлалось, по мнѣнію докладчика, чрезвычайно пренебрежительное отношеніе и т. д.....

Теперь то и сказывается беззаботность по части теоріи, дошедшая до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, что, напр. вѣнская „Arbeiterzeitung" призываетъ бороться за „нѣмецкое человѣчество", замѣняя лозунгъ классовой борьбы борьбой расовой.

Германская соц.-демократія не нашла въ себѣ внутренней силы для борьбы съ шовинизмомъ и предпочла лучше пожертвовать принципами, чѣмъ потерять временно свое вліяніе въ массахъ. И чтобы найти хотя бы нѣкоторое оправданіе для своего поведенія въ глазахъ Интернаціонала, нѣмецкіе с.-д. вынуждены были сдѣлать видъ, что они въ дѣйствительности повѣрили, что на Германію напали.....

Далѣе Плехановъ останавливается ни глубоко трагическомъ моментѣ будущаго международнаго конгресса. Какъ встрѣтятся послѣ всего происшедшаго Гаазе и Вандервельде? Что они могутъ тогда сказать на этомъ конгрессѣ? Будутъ повторять резолюціи противъ войны.....? Но кто повѣритъ искренности этихъ резолюцій?

„Я не представляю себѣ—говоритъ докладчикъ—какъ можно будетъ разговаривать съ нѣмцами безъ радикальной перемѣны среди германскихъ соціалъ-демократовъ. Они намъ скажутъ, что защищались противъ Россіи". Но кто не знаетъ, что германскій имперіализмъ всегда былъ близокъ къ кругамъ, представляемымъ „Земщиной" и „Русскимъ Знаменемъ", которые до сихъ поръ не могутъ примириться съ войной противъ любезной ихъ сердцу Германіи. Но если легко обвинить и осудить германскую соціальдемократію потому, что самая защита ихъ позиціи невозможна, то труднѣе и запутаннѣе вопросъ съ Бельгіей и Франціей..... „Мы далеко не удовлетворены отношеніемъ французскихъ товарищей—говоритъ докладчикъ,—но къ нимъ нельзя относиться съ тѣмъ же осужденіемъ какъ къ германскимъ, ибо французы были поставлены въ положеніе законной самообороны. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Французскіе соціалисты, по мнѣнію Плеханова, могли голосовать за кредиты, но слѣдовало въ историческомъ засѣданіи 4-го августа сказать всю правду . . . . . .

. . . . . .

Пусть была сдѣлана ошибка, но могъ ли авангардъ пролетаріата отказаться защищать свою аттакованную родину?

„Въ эти роковые дни, когда нейтралитетъ Бельгіи не былъ нарушенъ, когда вмѣшательство Англіи не было еще обезпечено, когда французскій народъ, увѣренный въ своей гибели, переживалъ минуты отчаянія, когда . . . . Парижъ былъ охваченъ подавленнымъ настроеніемъ, могли ли соціалисты повернуться спиной къ странѣ? И какъ русскимъ соціалистамъ было не итти съ ними? Представьте себѣ русскаго рабочаго, у котораго всѣ товарищи по заводу, по синдикату, идутъ защищаться, идутъ на вѣрную смерть. Что долженъ

былъ дѣлать онъ? Не долженъ ли онъ былъ стоять тамъ, гдѣ стояли его товарищи, его классъ?“.....

Выяснивъ значеніе этой *моральной дисциплины*, которая заставила массы французскихъ рабочихъ и многихъ русскихъ соціалистовъ взять во Франціи въ руки ружье, Плехановъ переходитъ къ вопросу о *вступленіи Гэда и Самба въ министерство*.

„Резолюція амстердамскаго конгресса, осуждая въ принципѣ участіе соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ допускаетъ все же исключительныя положенія. Какое же другое положеніе можетъ быть болѣе исключительнымъ, чѣмъ тѣ условія, при кототыхъ Гэдъ и Самба, а также и Вандервельде, вступили въ составъ кабинета.“

Указавъ на реакцію, захватившую нѣкоторые круги буржуазіи, на возрожденіе клерикальныхъ и роялистскихъ надеждъ во Франціи, ораторъ подчеркиваетъ настоятельную необходимость для французскихъ соціалистовъ отстаивать интересы республики. „Конечно въ отдѣльныхъ выступленіяхъ французскихъ соціалистовъ были и увлеченіяи ошибки, напр., въ выступленіяхъ Эрве“. Но его Плехановъ никогда соціалистомъ не считалъ и дѣлать французскій соціализмъ отвѣтственнымъ за заявленія Эрве невозможно. Иное дѣло Вальянъ.

Съ какимъ бы глубокимъ уваженіемъ не относиться къ Вальяну, но нужно признать, что въ Вальянѣ осталась старая бланкистская закваска. А вѣдь извѣстно, что Бланки, призывалъ рабочихъ къ оружію и зашитѣ страны, такъ какъ буржуазія, по его мнѣнію, была безсильна и неспособна выполнить эту задачу. И всетаки нужно согласиться въ Вальяномъ, что луганская резолюція едва ли можетъ кого-либо удовлетворить.

Вальяна обвиняютъ въ томъ, что онъ толкаетъ Италію на войну, но развѣ никогда нельзя толкать какую бы то ни было страну на войну? Марксъ въ 1848 г. говорилъ, что если демократія побѣдитъ въ Германіи, то первымъ шагомъ обновленной Германіи будетъ объявленіе войны ея восточному сосѣду. Но никому и въ голову не приходило заподозрѣть, благодаря этому, Маркса въ шовинизмѣ“.

Какъ разсуждалъ Вальянъ? Если необходимо . . . . . защищать право и справедливость, то эта защита можетъ толкнуть и на войну противъ нарушителей права и справедливости, противъ виновниковъ конфликта... Разъ война началась, запираться на ключъ, радоваться, что „меня миновала чаша сія», это не политика международная, а узко-національная. Именно поэтому луганская резолюція *) неудовлетворительна, ибо она не рѣшаетъ вопроса, а просто уходитъ отъ него.

„У нѣкоторыхъ швейцарскихъ с.-д.—говоритъ далѣе Плехановъ, подъ вліяніемъ событій даже замѣчается склонность къ упрощенному синдикалистскому рѣшенію вопроса о войнѣ. Послѣ того, какъ Гаазе примѣнилъ къ Германіи основное положеніе соц.-дем., что „всякая страна имѣетъ право на существованіе“, швейцарскіе соц.-дем. думаютъ, что при такомъ растяжимомъ толкованіи этого тезиса, войны никогда не прекратятся. Значитъ, нужно отбросить самый тезисъ, нужно вернуться къ примитивной синдикалистской формулѣ, что для

*) *Прим. отъ ред.* Луганская резолюція швейцарскихъ и итальянскихъ соціалистовъ стояла на точкѣ зрѣнія строгаго нейтралитета этихъ двухъ странъ и говорила противъ того, чтобы высказываться за ту или другую сторону въ настоящей войнѣ.

пролетаріата безразлично, будетъ ли онъ жить на германской или французской территоріи, будутъ ли въ его странѣ республиканскія или монархическіи формы правленія.

Не становясь на эту точку зрѣнія, Плехановъ полагаетъ, что вмѣсто общихъ мѣстъ нужно было выработать практическія мѣры.....

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

П. Б. Аксельродъ въ интервью заявилъ, что не принадлежитъ къ тѣмъ, которые одинаково относятся къ позиціи, занятой различными соціалистическими партіями въ настоящей войнѣ. Нельзя, напримѣръ, ставить на одну доску вступленіе Гэда, Самба и Вандервельде въ правительство съ вотированіемъ кредитовъ германской соц. демократіей. Тѣ, кто въ одинаковой мѣрѣ осуждаетъ поведеніе отвѣтственныхъ представителей германской соц.-дем. и рабочихъ партій Франціи и Бельгіи, мотивируютъ свое одинаково отрицательное отношеніе къ тѣмъ и другимъ ссылкой на то, что въ настоящее время нелѣпо и смѣшно различать между нападающей и обороняющейся сторонами, между державами, виновными въ войнѣ, и тѣми, которыхъ, такъ сказать, въ нее вогнали. Говорятъ, война порождена современнымъ капитализмомъ, имперіалистической политикой правящихъ классовъ большихъ европейскихъ государствъ, изъ которыхъ каждое стремится захватить монопольное экономическое и политическое господство надъ міромъ. Все это, конечно, совершенно справедливо. Но все же я считаю совершенно недопустимымъ руководствоваться при оцѣнкѣ поведенія рабочихъ партій въ современной войнѣ однимъ только соображеніемъ объ исторической неизбѣжности ея. Я не понимаю, какимъ образомъ можно совершенно игнорировать при этомъ вопросъ о томъ, кто явился настоящимъ зачинщикомъ, провокаторомъ или виновникомъ всемірнаго пожара, кто сознательно и непосредственно вызвалъ его, тѣмъ самымъ поставивъ всѣ страны, подвергшіяся военному нападенію, въ необходимость защищать на жизнь и смерть свою самостоятельность.

Когда Марксъ писалъ о законѣ обнищанія, онъ этимъ отнюдь нъ имѣлъ въ виду, что это обнищаніе непреоборимо, что оно не можетъ быть ничѣмъ смягчено и что поэтому надо относиться безразлично къ борьбѣ за реформы. Напротивъ, мы хорошо знаемъ, какъ горячо привѣтствовалъ Марксъ введеніе 10 час. рабочаго дня въ Англіи. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ противорѣчіемъ въ мышленіи Маркса? Конечно нѣтъ: Марксъ, устанавливая законъ обнищанія, имѣлъ въ виду опредѣленную *тенденцію* капиталистическаго развитія, но онъ же училъ насъ, что, построенный на противорѣчіяхъ капитализмъ порождаетъ противоположныя силы и тенденціи, которыя могутъ значительно ослабить, если не совсѣмъ парализовать тенденцію перваго порядка. Примѣнительно къ теоріи обнищанія это значило, что классовое движеніе противъ *конкретныхъ* проявленій капиталистическаго режима способно создавать условія, противоположныя заложенной въ капитализмѣ тенденціи къ крайнему пониженію жизненнаго уровня и къ обезличенію эксплуатируемыхъ массъ.

Т. обр. историческая необходимость, на которую такъ любятъ теперь не кстати ссылаться, для Маркса отнюдь не означала пассивнаго отношенія къ конкретному злу— . . . . . .

. . . . . Напротивъ, она обусловила тѣмъ болѣе активную борьбу съ реальными проявленіями этого зла.

Мы всегда говорили, что имперіалистическая стадія развитія капитализма является постоянной угрозой миру, что возможность міровой войны заложена во всѣхъ порахъ существующаго порядка вещей. Но означало ли это утвержденіе, что война *непремѣнно* возникнетъ и именно въ этомъ году. Не строили ли соціалисты своей политики на противоположеной тенденціи—усиленія вліянія демократіи, созданія ею такой реальной силы и такого общественнаго мнѣнія, которыя сдѣлали бы невозможной войну или же до минимума съузили ея размѣры и ограничили ея варварскій характеръ? Такъ, напр., мы въ послѣднее время наблюдали усиленіе именно этой послѣдней тенденціи и не только въ соціалистическихъ кругахъ: во Франціи, по словамъ Э. Бернштейна, свидѣтеля въ данномъ случаѣ особенно цѣннаго, за послѣднее время въ буржуазныхъ кругахъ усилилось теченіе, считавшее необходимымъ ликвидацію идеи реванша. Здѣсь, несомнѣнно, сказалось вліяніе пролетарской пропаганды мира.

Французскіе милитаристы и имперіалисты стремились конечно, черезъ 2—3 года вызвать войну, но развѣ за это время демократія не усилилась бы еще болѣе, а вмѣстѣ съ этимъ—и шансы на миръ? Это, наконецъ, въ свою очередь, облегчило бы германской демократіи борьбу съ шовинизмомъ ея страны.

Въ нѣкоторыхъ войнахъ прежде одна изъ сторонъ являлась насительницей объективнаго прогресса, имѣла культурный перевѣсъ надъ другой и т. д. Въ настоящей же войнѣ такого перевѣса не имѣетъ ни одна изъ сторонъ: развитіе обѣихъ шло и идетъ въ одномъ направленіи, такъ что ни одна изъ нихъ не имѣетъ основаній считать себя по отношенію къ другой „носительницей прогресса“ . .

Такимъ образомъ, ссылка на общія причины, вызвавшія, въ конечномъ счетѣ, настоящую войну, само по себѣ не можетъ служить критеріемъ при оцѣнкѣ поведенія соціалистовъ различныхъ странъ. Необходимо анализировать конкретныя условія, въ которыхъ находилась каждая страна передъ объявленіемъ войны.

Какъ теперь выяснилось, военные круги Германіи были хорошо освѣдомлены о военной неподготовленности . . . . . и Франціи въ настоящій моментъ. Они и поспѣшили этимъ воспользоваться.

Правда, что имперіализмъ сдѣлалъ всѣ великія державы одинаково заинтересованными въ нападеніи,—и въ этомъ объективномъ смыслѣ, въ конечномъ счетѣ, всѣ одинаково виновны,—но мы не можемъ на этомъ основаніи отказаться отъ разсмотрѣнія вопроса объ относительной виновности участниковъ войны. Поэтому я вполнѣ понимаю Бебеля, однажды заявившаго, что было бы очень печально для соціальдемократіи, если бы она оказалась неспособной въ случаѣ войны обнаружить ея виновниковъ, указать нападающую сторону. Можно только сказать, что Бебель переоцѣнилъ прозорливость своей партіи . . . . .

Я не обвиняю германскую соц.-дем. въ измѣнѣ, я говорю лишь, что она обнаружила недостаточную проницательность, что она должна была разобраться въ томъ, на что указывалъ въ своей рѣчи Бебель.

Говорятъ: война вызвана политикой господствующихъ классовъ, пусть они себѣ и воюютъ, мы здѣсь—ни причемъ, наше дѣло—сторона. Но весь трагизмъ положенія въ томъ и заключается, что война

ставитъ рабочій классъ въ такое положеніе, что онъ не можетъ оставаться ея безучастнымъ зрителемъ.

Германія объявила войну и всей своей мощью налегла на Бельгію. Можетъ ли бельгійскій рабочій утѣшать себя тѣмъ, что война вызвана имперіалистическій политикой, могъ ли онъ, когда германскія войска вступили въ Бельгію, не взять въ руки оружія для защиты своего элементарнаго бытія? Упрекать бельгійскихъ соціалистовъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, за оборону своей страны на томъ основаніи, что, быть можетъ, разгромъ Бельгіи, въ конечномъ счетѣ, являлся „исторической необходимостью“, значитъ проявлять не марксизмъ, а цинизмъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Посмотрите, что произошло на этой почвѣ съ германской соц.-дем. Еще наканунѣ войны „Yorwärts“ писалъ *истинно—марксистскія статьи*, ...
. . . . . .

Но вотъ пришло 4 авг., и все перемѣнилось. Что же случилось? Народныя и рабочія массы Германіи охватило чувство страха за судьбу отечества, угрожаемаго „казаками“, перешедшее въ необычайное одушевленіе. Это одушевленіе не фантазія, его констатировали всѣ посторонніе наблюдатели. Здѣсь, правда, можетъ итти рѣчь объ обманѣ командующими классами Германіи народныхъ массъ, о злостной спекуляціи на ненависти германск. рабочей демократіи къ . . . . . Россіи, но возникаетъ вопросъ: почему люди дали себя обмануть? Что ослѣпило ихъ—вождей, а не людей массъ? Что поставило германскую с.—д—ію въ такое положеніе, что она сразу пошла на буксирѣ у своего правительства. Причиной тому—живое чувство органической связи съ тѣмъ кускомъ земли, „отечествомъ“, на которомъ живетъ и работаетъ нѣмецкій пролетаріатъ. Все это, конечно, только *объясняетъ*, но не оправдываетъ поведеніе вождей герм. соц.-дем. (за послѣдніе время очень принято объясненіе явленій отождествлять съ ихъ оправданіемъ).

Они не должны были дать увлечь себя сказками о борьбѣ съ Россіей, они по меньшей мѣрѣ, должны были заявить, что такъ какъ отвѣтственность лежитъ на господствующихъ элементахъ, т. к. они втянули страну въ авантюру, то пусть они и расплачиваются; партія же герм. рабочаго класса не рѣшается и не можетъ голосовать за военные кредиты и потому воздерживается. Это былъ минимумъ той активности, которую с.-д. должны были проявить.

Для французскихъ соціалистовъ было неизмѣримо больше основаній принять участіе въ національной оборонѣ: вѣдь германскія войска уже приближались къ Парижу. Даже тѣ французскіе рабочіе, которые теоретически относились безразлично къ политической борьбѣ и считали политическія формы государства несущественнымъ элементомъ,—подъ угрозой германскаго нашествія остро почувствовали все различіе между полуабсолютистской Германіей и демократическимъ режимомъ своей страны.

Поэтому всѣ, не исключая анархистовъ и синдикалистовъ, приняли такое горячіе участіе въ національной оборонѣ: тутъ было огражденіе своей самостоятельности, всѣхъ охватило чувство самосо-

храненія, спасенія націи, свободы своего дальнѣйшаго развитія, своего культурнаго существованія. Если предположенія Плеханова о томъ, что побѣда Германіи закабалила бы Россію, повергла бы ее въ рабство и т. п. является большимъ вопросомъ, то по отношенію къ Франціи все это было вполнѣ реальной угрозой?. [1]).

Французскіе соціалисты не могли не принять самаго активнаго участія въ защитѣ страны. Ихъ позицію очень образно охарактеризовалъ въ одномъ интервью Жюль Гэдъ, сравнившій положеніе франц. рабочихъ во время войны съ положеніемъ жильцовъ охваченнаго пожаромъ дома: хотя въ бель—этажѣ и живутъ буржуа, но тутъ некогда разбирать: надо спасать весь домъ, въ которомъ живутъ и рабочіе.

Что касается вопроса объ участіи франц. соціалистовъ въ правительствѣ, то съ формальной стороны здѣсь никакого нарушенія принциповъ не имѣется: резолюція международнаго конгресса, какъ извѣстно, признаетъ въ исключительно важныхъ случаяхъ и для опредѣленной конкретной задачи участіе соціалистовъ въ правительствѣ. Единственный—смущающій меня пунктъ, это вхожденіе Гэда и Самба въ правительство безъ опредѣленныхъ условій. При вступленіи въ кабинетъ они должны были, между прочимъ, заявить, что дѣлаютъ это, находясь въ критическомъ положеніи, для спасенія Франціи, приведенной къ такой опасности политикой реванша . . .

. . . . . .

Но, имѣя дѣло съ такимъ принципіальнымъ и испытаннымъ марксистомъ, какъ Гэдъ, приходится быть сугубо осторожнымъ съ обвиненіемъ въ „оппортюнизмѣ“: очевидно, были серьезныя основанія, намъ пока еще неизвѣстныя или неясныя, побудившія Геда сдѣлать это и въ той формѣ, какъ онъ это сдѣлалъ.

Соціалистическая конференція въ Лондонѣ.

14 февраля въ Лондонѣ состоялась конференція соціалистовъ странъ тройственнаго согласія. По сообщенію „Веч. Времени“ и „Рѣчи“ на ней присутствовали 16 французскихъ делегатовъ (среди нихъ: Самба, Вальянъ, Тома, Ренодэль, Кошенъ, Бракъ, Комперъ—Морель, Лонгэ, Жуо и др. (Гэдъ отсутствовалъ по болѣзни); 12 англичанъ (Р. Макдональдъ, Кейръ-Гарди, Андерсонъ—члены независимой рабочей партіи и рабочей партіи), 8 бельгійцевъ (Вандервельдэ, Лафонтенъ), 6 русскихъ (Рубановичъ, Ленуаръ и др.).

. . . . . .

По сообщенію „Рус. Вѣдом.“ принятая единогласно (за исключеніемъ нѣкоторыхъ русскихъ делегатовъ конференціей резолюція содержитъ слѣд. пункты: Отвѣтственность за войну возлагается на „политику колоніальнаго расширенія и имперіализма“, въ которой повинны всѣ государства, но которая достигла крайнихъ предѣловъ въ Германіи. Поэтому „побѣда германскаго имперіализма означала бы гибель европейской свободы и демократіи“. Соціалисты несобстоятъ въ войнѣ съ народами Германіи и Австро-Венгріи, а только съ правительствами обѣихъ этихъ странъ. Резолюція требуетъ далѣе, чтобы Бельгія была освобождена и получила компенсацію, чтобы всѣ народы Европы, отъ Эльзаса-Лотарингіи до Балканъ, народы, насильно включенные въ разныя государства, получили право свободно располагать своими судьбами. Побѣда союзниковъ должна быть побѣдой народной свободы, ...

. . . . . .

Французская буржуазная пресса была возмущена участіемъ соціалистич. министровъ въ конференціи, принявшей резолюцію объ отвѣтственности всѣхъ странъ за войну и требовала отъ правительства отставки „недостаточно патріотичныхъ“ министровъ. Въ отвѣтъ на парламентскій запросъ по этому поводу премьеръ-министръ Вивіани взялъ подъ свою защиту Гэда и Самба и вопросъ былъ этимъ исчерпанъ.

[1]) Въ настоящей войнѣ, по мнѣнію Аксельрода, вопросъ о побѣдѣ или пораженіи не можетъ вызвать такого рода разногласій, какъ прежде. Прежде войны лежали на пути объективнаго прогресса и та или иная сторона въ войнѣ являлась его носительницей. Теперь же всѣ великія державы находятся въ такомъ положеніи, что полное пораженіе одной изъ нихъ является большимъ несчастьемъ для всего человѣчества. Всякій разгромъ являлся бы угрозой для дальнѣйшаго мира, источникомъ новыхъ вооруженій и препятствіемъ для экономическаго развитія . . . Далѣе П. Б. Аксельродъ говоритъ о результатахъ побѣды или пораженія для Россіи . . . . . .

К. Либкнехтъ и с.-д. фракція.

Какъ извѣстно въ предыдущей сессіи рейхстага одинъ только депутатъ с. д. К. Либкнехтъ голосовалъ противъ военныхъ кредитовъ, несмотря на рѣшеніе фракціи голосовать за нихъ. Свое голосованіе Либкнехтъ мотивировалъ въ заявленіи, недопущенномъ къ оглашенію предсѣдателемъ рейхстага. Въ этомъ заявленіи онъ сказалъ, что, считая войну результатомъ имперіалистской политики и, видя въ ней завоевательныя тенденціи, не можетъ голосовать за кредиты и выдвинулъ въ заключеніе лозунгъ мира безъ аннексій. За нарушеніе Либкнехтомъ партійной дисциплины, выразившееся въ голосованіи противъ кредитовъ, с.-дем. фракція выразила ему порицаніе [1]). При обсужденіи вопроса о поведеніи Либкнехта во фракціи за резолюцію, осуждающую его, было подано только 65 голосовъ противъ 26, причемъ пунктъ о томъ, что его поведеніе несовмѣстимо съ интересами партіи былъ принятъ всего 58 голосами противъ 33.

[1]) Нѣкоторые члены фракціи, какъ напр., Легинъ, требовали даже исключенія Либкнехта изъ фракціи.

Въ отвѣтъ на порицаніе фракціи Либкнехтъ опубликовалъ слѣд. заявленіе: „1) Я голосовалъ противъ военныхъ кредитовъ, т. к. по моему убѣжденію согласіе на военные кредиты рѣзко противорѣчитъ не только интересамъ пролетаріата, но и партійной программѣ и рѣшеніямъ международныхъ конгрессовъ и т. к. фракція не вправѣ предписывать нарушеніе программы и партійныхъ рѣшеній. Эту свою точку зрѣнія я изложилъ президіуму фракціи въ письмѣ отъ 3-го декабря минувшаго года. 2) Я не распространялъ ложныхъ свѣдѣній о дѣлахъ партіи. Фракція, которая не была правомочна принять рѣшеніе по этому пункту, отклонила мое предложеніе отложить рѣшеніе до основательнаго разслѣдованія всевозможныхъ утвержденій“. (См. „Сѣв. Голосъ“ №5).

Итальянскіе соціалисты и нейтралитетъ.

Соціалистическая партія Италіи продолжаетъ вести кампанію за сохраненіе Италіей нейтралитета. Еще въ прошлой сессіи парламента соціалисты (почти только одни) голосовали противъ декларації правительства, высказывавшейся за „активный, бдительный нейтралитетъ“, могущій каждый день перейти въ вооруженное вмѣшательство. Послѣ того соціалистическая печать развернула широкую агитацію противъ втягиванія Италіи въ войну. Недавно соціалисты организовали по всей странѣ митинги протеста противъ вмѣшательства Италіи въ міровую войну. Митинги эти во многихъ городахъ вызвали столкновенія между „нейтралистами“ и „интервентистами“ (сторонниками вмѣшательства) и полицией, причемъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Въ отвѣтъ на это, правительство запретило „всякія опасныя для общественнаго спокойствія сорания или другія манифестаціи“. Тогда соціалисты внесли въ парламентъ запросъ объ этомъ запрещеніи. Ораторами по запросу выступили виднѣйшіе представители партіи: Прамполини, Беренини и Турати. Послѣдній, прерываемый во время своей рѣчи рѣчами депутатами другихъ партій, заявилъ, между прочимъ: „Вы отмѣняете свободу слова и собраній!—Отлично! У васъ не будетъ митинговъ,—зато будутъ бунты. Вы препятствуете публичному обсужденію вопросовъ войны и мира, препятствуете освѣщенію этихъ вопросовъ, хотите оставить народъ въ потемкахъ. Отлично! Но когда вы скажете народу, что пора выступать, въ потемкахъ онъ никуда не пойдетъ за вами“.

Соціалистъ Бусси угрожалъ правительству обструкціей, депутатъ Маццони —возстаніемъ. Парламентъ всѣми голосами, кромѣ соціалистовъ, одобрилъ поведеніе правительства.

Въ отличіе отъ соціалистической партіи, стоящей за сохраненіе строгаго нейтралитета, соціалисты-реформисты, отколовшіеся нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ партіи и представляющіе маловліятельную группу, являются горячими сторонниками вмѣшательства Италіи въ войну на сторонѣ тройственнаго согласія . . . . . .

Парламентская соц. группа вмѣстѣ съ руководителями партіи соц.-реформистовъ заявляютъ, что дѣятельность партіи соц.-реформистовъ, направленная къ тому, чтобы заставить Италію выйти изъ положенія нейтралитета, равносильнаго содѣйствію германскому милитаризму, продиктованне только стремленіемъ освободить—во имя принципа національности, только что подтвержденнаго лондонской конференціей,—итальянскія провинціи Австріи, но и желаніемъ подготовить условія, при которыхъ было бы возможно прочное соглашеніе между народами, освобожденными, наконецъ, отъ бремени милитаризма. . . . . .

Изъ германскихъ настроеній.

Корреспондентъ „Кіевск. Мысли“ А. Луначарскій въ № 59 сообщаетъ о своей интересной бесѣдѣ съ однимъ „выдающимся“ германскимъ соціалъ-демократомъ, переѣхавшимъ въ Швейцарію для того, чтобы „смѣть развивать свои націоналистамъ всѣхъ лагерей непріятныя мысли“ и скрывающимъ по понятнымъ причинамъ, свое имя.

Этотъ соціалъ-демократъ подтвердилъ, что теченіе внутри германской с.-д. партіи, представленное Либкнехтомъ, замѣтно усиливается. Между прочимъ, онъ опровергаетъ распространенное представленіе о томъ, что предсѣдатель с.-д. Гаазе принадлежитъ къ „національному“ крылу партіи. „Гаазе противникъ войны, рѣзко расходится съ остальными руководителями партіи. Всѣ его симпатіи склоняются на сторону Либкнехта и его единомышленниковъ“. Онъ согласился читать декларацію фракціи, съ которой онъ былъ рѣшительно несогласенъ, только потому, что тѣ 13 депутатовъ, которые были противъ голосованія за бюджетъ „просили Гаазе не уходить, предвидя, что въ будущемъ сохраненіе этого поста въ его рукахъ можетъ быть полезнымъ“.

Указавъ на ростъ оппозиціи внутри партіи, усиливающейся подъ вліяніемъ такихъ фактовъ, какъ поѣздка с. д. депутата д-ра Зюдекума въ Румынію, въ качествѣ агента германскаго правительства, и на колеблющееся поведеніе партійныхъ центровъ, высказавшихся противъ Ледебура, выступившаго изъ комитета фракціи въ видѣ протеста противъ дѣятельности Зюдекума, собесѣдникъ Луначарскаго заявилъ: „Расколъ растетъ... Русскіе соціалисты привыкли говорить о такихъ вещахъ почти шутя. Мы не можемъ прійти къ такому заключенію иначе, какъ съ тяжелымъ сердцемъ. Мы считаемъ расколъ глубокою болѣзнью. Повидимому, однако, германскому пролетаріату предстоитъ еще разъ пережить ее. Позднѣе онъ будетъ вознагражденъ единствомъ болѣе полнымъ и здоровымъ“. „Каутскій изъ всѣхъ силъ ратуетъ за внутрипартійный миръ. Однако, когда правые постарались истолковать это, какъ намордникъ для всякой оппозиціи, Каутскій энергично высказался противъ нихъ“. Расколъ чувствуется на собраніяхъ въ Берлинѣ, Штутгартѣ, Франкфуртѣ.

Интересно отношеніе интервьюируемаго с.-д. къ вопросу объ Эльзасъ-Лотарингіи. „Я чуждъ всякому патріотизму —сказалъ онъ,—нѣмецкому ли, французскому, или спеціально эльзасскому. Но, съ точки зрѣнія выгодъ объективныхъ я считаю безусловнымъ благомъ возвращеніе этихъ провинцій Франціи. Конечно, такое возвращеніе должно имѣть мѣсто лишь въ результатѣ плебисцита. Нельзя сомнѣваться, что значительное большинство коренныхъ эльзасцевъ, а тѣмъ болѣе лотарингцевъ выскажется за присоединеніе“. „Для ткацкой промышленности Эльзаса присоединеніе къ Франціи будетъ источникомъ новаго расцвѣта. Если кто можетъ бояться его, то это французскіе фабриканты по другую сторону Вогезовъ. Мощная ткацкая промышленность Эльзаса, нѣтъ сомнѣнія, сломитъ относительно слабую конкурренцію чисто французскихъ текстильщиковъ. Такимъ образомъ, поскольку дѣло зависитъ отъ населенія Эльзаса и Лотарингіи, возсоединенію нѣтъ препятствія. Выгоды же его для обоихъ великихъ народовъ, нѣмецкаго и французскаго, необъятны. Населеніе этихъ провинцій счастливымъ образомъ соединяетъ въ себѣ много чертъ латинскихъ и германскихъ . . . . . Эльзасъ и Лотарингія смогутъ, наконецъ, сдѣлаться тѣмъ соединительнымъ звеномъ между двумя націями, какимъ быть предназначаетъ ихъ географическое положеніе, раса и культура“.

Редакторъ А. Е. Сучатовъ. Издатель К. И. Рикъ.

„Псковская Жизнь“ Продолжается подписка на прогрессивную газету, 7-й годъ изданія. Условія подписки: 12 м.—4 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 30 к., 1 м.—45 к. Адресъ конторы: Псковъ, Сергіевская ул., д. Тульчіева.

„Оренбургская Жизнь“ Продолжается подписка на 1915 г. на ежедневную газету. Прямой и главной задачей является выясненіе нуждъ мѣстнаго края въ различныхъ проявленіяхъ его общественной и экономической жизни, разработка вопросовъ городского и земскаго самоуправленія въ интересахъ широкихъ круговъ населенія. Г. Оренбургъ. Подписная цѣна: на годъ—6 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 2 мѣс. 1 р. 35 к., 1 мѣс.—70 коп.

„Общественный Врачъ“, Открыта подписка на 1915 годъ. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ 2-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Журналъ имѣетъ слѣдующіе отдѣлы: I. Біологія, общая гигіена и эпидеміологія. Ред. Л. А. Тарасевичъ. II. Санитарная статистика. Ред. П. И. Куркинъ и В. С. Лебедевъ. III—IV. Земская медицина.—Врачебный бытъ. Ред. К. И. Шидловскій и В. А. Кирьяковъ. V. Городская медицина. Ред. И. В. Русаковъ. VI. Соціальная гигіена. Ред. Л. Б. Грановскій. VII. Профессіональная гигіена. Фабричная медицина. Ред. В. Я. Канель и Е. Г. Мунблитъ. VIII. Школьная гигіена. Ред. Д. Д. Бекарюковъ. IX. Вопросы распространенія гигіеническихъ знаній. Ред. А. В. Мольковъ. X. Общественно-санитарное обозрѣніе. Хроника. Ред. С. Ф. Кельхъ. Подписная цѣна на журналъ 5 рублей въ годъ; разсрочка не допускается. Адресъ редакціи: Москва, Сущевская, д. 18, кв. 15. Телеф. 64-97.

„Украинская Жизнь“ Открыта подписка на 1915 годъ. Четвертый годъ изданія). Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.—Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ.—Сужденія печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Критическія статьи и литературныя обозрѣнія; библіографія.—Украинское искусство.—Мемуары и статьи по исторіи украинскаго возрожденія.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала. Въ теченіе 1915-го г. въ „Украинской Жизни“ будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ исторіи Галиціи и Буковины, національно-политическимъ отношеніямъ въ нихъ, характеристикѣ культурно-просвѣтительныхъ организацій, характеристикѣ украинско-галицкихъ писателей и экономической политикѣ края. Условія подписки: (Съ доставкой и пересылкой). Годъ—6 р. 6 мѣс.—3 р. 3 мѣс.—1 р. 50 к. 2 мѣс.—1 р. 10 к. 1 мѣс.—60 к. За границу въ годъ—8 р. 6 мѣс.—4 р. 3 мѣс.—2 р. 2 мѣс.—1 р. 50 к. 1 мѣс. 75 к. Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, льготная подписка: на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 2 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою. Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к. Подписка принимается въ конторѣ „Украинской жизни“ Москва, В. Полянка, 32.—Тел. № 3-44-48.

„Учитель и Школа“, Общественно-педагогическій двухнедѣльный журналъ. Журналъ основанъ при содѣйствіи Постоянной комиссіи по устройству курсовъ для учителей и Петроградскаго о-ва народныхъ университетовъ. Выходитъ книжками въ 3—4 листа (въ лѣтніе мѣсяцы—разъ въ мѣсяцъ въ двойномъ размѣрѣ). Предназначается, преимущественно, для народныхъ учителей. Журналъ ставитъ себѣ задачей слѣдить за новыми теченіями педагогической мысли и опытами новой постановки обученія и воспитанія какъ въ Россіи, такъ и за границей, а также давать безпристрастное освѣщеніе выдающимся явленіямъ въ области школьнаго и внѣшкольнаго образованія. въ законодательствѣ, въ дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій, въ жизни просвѣтительныхъ и учительскихъ организацій. Въ составъ редакціи входятъ: Веселовскій Б. Б., Гердъ В. А. Заксъ Б. Я., Знаменскій С. Ф., Купріянова Л. П., проф. Лапшинъ И. И., Левитинъ С. А., Проскурякова Е. Ф., Чарнолуская Е. М., Чарнолускій В. И. и др. Подписная цѣна: на годъ 4 р. безъ приложеній, 6 р. съ приложеніями; на полгода 2 р. безъ приложеній. Допускается взносъ въ два срока: половина подписной цѣны при подпискѣ и остальныя деньги къ 1 мая. Въ приложеніяхъ будетъ дано 5—6 книгъ (въ общей сложности не менѣе 30 печатныхъ листовъ) научнаго и педагогическаго содержанія. Подписка принимается въ редакціи и въ главной конторѣ журнала (Петроградъ, Коломенская ул., 33), а также въ отдѣленіяхъ конторы и въ книжныхъ магазинахъ. Контора открыта отъ 2 до 6 час.

„Голосъ Минувшаго“ ежемѣсячный журналъ подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго. Журналъ иллюстрируется картинами изъ прошлаго и портретами. Журналъ посвященъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей и имѣетъ въ виду интересы широкихъ круговъ интеллигентныхъ читателей, обращая вниманіе въ ближайшее время на темы, способствующія историческому пониманію текущей европейской войны. Между прочимъ будутъ напечатаны статьи по исторіи славянства (Галиція, Угорская Русь, Польша, Сербія и др.), по исторіи культурныхъ и политическихъ отношеній Россіи, Англіи, Франціи, Германіи, Австріи и Турціи за послѣдніе 50 лѣтъ и рядъ біографій (Вильгельмъ II, Косцюшко, Гамбетта, Эдуардъ VII, Мицкевичъ, Бисмаркъ). Въ 1915 г. будетъ печататься Историческій романъ изъ прошлаго Бельгіи. Въ литературномъ отдѣлѣ будетъ помѣщена переписка ген. А. П. Ермолова, А. Н. Гончарова, Софьи Ковалевской, кн. Д. М. Волконскаго гр. А. А. Аракчеева, Г. И. Успенскаго, Н. И. Костомарова, декабристовъ: Розена, Якушкина, Пущина, фонъ-Визина; дѣятелей освоб. крестьянъ и земцевъ 70 гг., сенатора Шульца и др. Подробный проспектъ высылается безплатно. Условія подписки: съ доставкой и пересылкой въ Россіи на годъ—10 руб.; на 6 мѣс.—5 руб.; для народн. учителей разсрочка. Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, д. 29. Книгоиздательство „Задруга“.

„Ежемѣсячный Журналъ“, Издаваемый Викт. Серг. Миролюбовымъ. (Издателемъ-редакторомъ стараго Журнала для всѣхъ). Годъ 2-й. Петроградъ, Серпуховская, 40. Въ 1914 году въ книжкахъ въ 10—11 листовъ большого формата, равныхъ по количеству матеріала 20—23 листамъ толстаго журнала, было дано болѣе 100 стихотвореній, одинъ романъ, 50 разсказовъ-повѣстей и 80 статей по различнымъ отраслямъ знанія. Кромѣ того рядъ статей по постояннымъ отдѣламъ: Жизнь провинціи. А. Б, Петрищева. Жизнь деревни. Б. Черненкова, Н. Огановскаго, Сем. Маслова. Письма изъ деревни, крестьянъ Мих. Новикова, П. Гаврилова, Ив. Власова и другихъ. Кооперативная жизнь. Гр. Шрейдера, Д. Михѣева, А. Бѣлина, А. Меркулова, Н. Дольскаго. Внутреннее обозрѣніе. Евг. Синегуба. Хроника. И. Лапшова. За Границей. Ст. Вольскаго, Ш. Гермера, Григ. Шрейдера, Евг. Сталинскаго, Р. Гр—ва, А. Деренталя, S. S., Р. Стрѣльцова. Лѣтопись. Р. С. Изъ міра цифръ. Я. С. В. А. Небо. Д. Святскаго. Библіографія. Статьи о войнѣ. Проф. В. Плетнева, А. М., Проф. М. Фридмана, Н. Андреева, Евг. Сталинскаго, В. Леонова, В. Керженцева, Ст. Вольскаго. S. S. Лѣтопись войны. Р. С. 130 снимковъ съ произведеній извѣстныхъ художниковъ, почти всѣ на мѣловой бумагѣ. Карты. 20 карт. звѣзднаго небо. Рисунки къ тексту. Діаграммы. Подписка на годъ 4 руб. съ перес.; на полгода 2 руб. За границу 6 руб., на полгода 3 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 50 коп. Перемѣна адреса 30 коп. (можно почтовыми марками). Книжные магазины могутъ удерживать 5%. Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Серпуховская, 40. Контора открыта отъ 11 до 4 час. ежедневно, кромѣ праздниковъ. Редакція—по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 3 до 5 час., кромѣ праздниковъ. Телефонъ 617-61.

„Уральское Хозяйство“ Открыта подписка на 1915 г. на двухнедѣльный кооперативный журналъ. Органъ Екатеринбургскаго союза кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Задача журнала—объединить культурную работу многочисленныхъ кооперативныхъ организацій Урала и дать населенію практически полезныя свѣдѣнія по вопросамъ кооперація, сельскаго хозяйства и кустарной промышленности. Журналъ удѣляетъ особенное вниманіе развитію мелкаго кредита въ деревнѣ, какъ первоисточнику всякихъ кооперативныхъ и хозяйственныхъ начинаній. Подписная цѣна: 3 руб. въ годъ, на 1/2 года 1 руб. 50 к. отдѣльный № 15 коп. Подписка принимается въ бюро союза: г. Екатеринбургъ, Ухтусская 36 и во всѣхъ союзныхъ товариществахъ.

„Пріишимье“ Открыта подписка на ежедневную политико-экономическую, общественно-литературную прогрессивную газету, издающуюся въ г. Петропавловскѣ, Акмол. обл. Газета обслуживаетъ интересы Сибири, Степного края и прилегающаго къ Петропавловску Ишимскаго и Тобольскаго районовъ. Подписная цѣна. На годъ—6 руб., на 6 мѣс.—3 руб. 25 коп., на 3 мѣс.—2 руб. 25 коп., на 1 мѣс.—75 к.

Бюллетени литературы и жизни. Открыта подписка на 1914—15 годъ (6-й г. изд.). Двухнедѣльный журналъ новаго типа. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (болѣе 2000 страницъ). „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и непериод., какъ русской, такъ и иностранной. Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. „Бюллетени“—это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. Библіографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей. Трагическимъ событіямъ современной войны „Бюл.“ удѣляютъ особенное вниманіе, стремясь отразить на своихъ стр. все, что уясняетъ глубину и серьезность переживаемаго момента. Проспектъ журн. высылается безплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к. За границу на годъ 5 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ 3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“ Цѣна компл. за 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; за 1913/14 г.—4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію. Подписной годъ начинается съ 1-го сент. Можно подпис. съ 1-го сент. Можно подпис. съ 1-го числа кажд. мѣс. Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-0[illegible].

„Городской Вѣстникъ“ Годъ изд. IX. Принимается подписка на 1915 годъ на ежедневную муниципальную газету изданіе самарской городской думы. Задача газеты—разработка и освѣщеніе различныхъ вопросовъ гор. хозяйства и городского самоуправленія и ознакомленіе читателей съ разными теченіями въ области муниципальной жизни Россіи и другихъ странъ. Подписная цѣна: для городскихъ подписчиковъ съ доставкой на домъ: На годъ—3 р., 6 мѣс.—1 руб. 60 к., 3 мѣс.—90 коп., 1 мѣс.—30 коп. Для иногороднихъ подписчиковъ съ пересылкой: На годъ—4 р., 6 мѣс.—2 р. 20 коп., 3 мѣс.—1 р. 10 к., 1 м.—40 к. Въ отдѣльной продажѣ номеръ 3 коп. Адресъ конторы и редакціи: Самара, Дворянская ул., д. № 62.

„Студенческіе годы“. Открыта подписка на 1915 г. (III-й годъ изданія) на еженедѣльную общестуденческую газету. Органъ демократическаго студенчества. Подписная цѣна: на годъ—2 руб., на полгода—1 мѣс.—20 к. Заграницу—вдвое. Цѣна отдѣльнаго №—5 коп. Требуйте у газетчиковъ. Контора открыта ежедневно отъ 3 до 6 час. вечера. Пріемъ въ редакціи—по вторникамъ и пятницамъ отъ 6½ до 8 час. веч. Адресъ: Петроградъ, В. О. 13 линія д. № 20, кв. 29.

Библіографическій ежегодникъ,

Годъ изданія ЧЕТВЕРТЫЙ

Годъ изданія ЧЕТВЕРТЫЙ

Подъ ред. **И. В. Владиславлева.**

Вышелъ изъ печати выпускъ IV „Систематическій указатель литературы за 1914 годъ“. 330+XXXII стр.

Содержаніе: I. Указатель вышедшихъ за годъ книгъ. II. Указат. журнальной литерат. III. Указат. рецензій. IV. Конфискован. за годъ изданія. V. Отошедшіе (некрологъ). VI. Юбилей дѣятелей литературы и науки. VII. Новыя періодич. изданія. Приложеніе. „Война“.

Вып. IV—1 р. 80 к., вып. III—1 р. 50 к., вып. II—90 к., вып. I—60 к. За всѣ выпуски вмѣстѣ (Литер. 1911—14 г.)—**Цѣна 3 р. 60 к.**

Русская литература о войнѣ 1914 г.

Содержаніе. I. Оффиц. документы II Списки убитыхъ и раненыхъ. III. Помощь больнымъ и раненымъ воинамъ и ихъ семьямъ. IV. Изданія общаго характера. Къ вопросу о причинахъ войны и пр.

И. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX ст. Опытъ библіограф. пособія по новѣйшей русской литературѣ. Изд. 2-е, перераб. и доп. 1913 г. 244 стр. **1 р.**

Содержаніе. I. Художеств. литература. II. Критика и публицистика. III. Исторія литературы. IV. Систематическій указатель (по эпохамъ) въ связи съ истор.-литер и историч. матеріалами.

И. Владиславлевъ. Что читать? Указатель системат. домашняго чтенія. Вып. I. Издан. 2-е. 1914 г. 35 к. Вып. II. Изд. 2-е. 1915 г. Вып. III. («Жизнь замѣчат. людей») 1914 г. **60 к.**

И. Владиславлевъ. Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ (мысли о чтеніи и книгахъ, примѣрн. планъ записи и пр.). Изд. 3-е. 1914 г. Ц. **20 к.**

Складъ изданій:

Москва, Б.-Никитская, 10, кн. скл. „Наука“.

Открыта подписка на 1915 г.

на журналъ

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

(3-ій годъ изданія).

Условія подписки: На 1 годъ—2 р., на 6 мѣсяцевъ—1 р. съ доставкой. Для рабочихъ 1 годъ—1 р. 50 к., 6 мѣсяцевъ—75 к. Комплекты за 1913 г. (безъ №№ 1 и 4) продаются по 75 к.; за 1914 г.—55 коп. (безъ пересылки).

Адр. конторы и редакціи: **Загородный пр., д. 12, кв. 40.**

Контора открыта по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 8 до 10 вечера, въ остальные дни отъ 12 до 2 час. дня.

Издательство

„Музей Труда“

Петроградъ, 7-я Рождеств., № 4, кв. 29. Телефонъ 252-08.

Поступили въ продажу открытки-діаграммы:

„Страхованіе материнства въ разныхъ странахъ“—Цѣна 2 к.

Двѣ серіи діаграммъ-открытокъ въ краскахъ:

1-я серія. **Страхованіе рабочихъ въ Россіи и Западной Европѣ.**

1. Виды страхованія и кругъ застрахован.
2. Составъ высшихъ органовъ управленія по страхованію рабочихъ.
3. Управленіе больничными кассами.
4. Врачебная помощь.
5. Типы больничныхъ кассъ.
6. Сколько вносятъ рабочіе, предприниматели и хозяева.
7. Размѣръ пособій въ день.
8. Стоимость страхованія.

Цѣна за всю серію (8 откр). безъ перес.—16 к., съ перес.—18 к.

2-я серія. **Вліяніе усталости на число увѣчій.**

1. Распредѣленіе увѣчій по часамъ дня.
2. Вліяніе ночной работы на увѣчность.
3. Распредѣленіе увѣчій по днямъ недѣли.
4. Распред. несч. случаевъ по возрасту.
5. Вліяніе возраста на исходъ увѣчій.

Цѣна за всю серію (5 откр.) безъ пер.—10 к., съ перес.—12 к.

Открытки выпущены на русск., польск., евр., латышск., и эстон. языкахъ.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу:

1-я серія стѣнныхъ таблицъ-діаграммъ

„Страхованіе рабочихъ въ Россіи и Зап. Европѣ“.

8 таблицъ (форматъ 10×8 вершк.) въ 3—5 красокъ, цѣна безъ перес.—75 коп., съ перес.—90 коп.

Издательствомъ выпущена СЕРІЯ ДІАПОЗИТИВОВЪ (картинъ для чтеній съ волшебнымъ фонаремъ)—по вопросамъ охраны и гигіены труда и страхованія рабочихъ.

1-я серія. **„Страхованіе рабочихъ въ Россіи и Зап. Европѣ“** 8 діапозитивовъ (раскрашенныхъ)—6 рублей. 2-я серія. **„Вліяніе усталости на число увѣчій“** 5 діапозитивовъ (раскрашенныхъ) —3 руб. 75 коп. Съ пересылкой на 50 коп. дороже.

Изданія „Музея Труда“ можно получать ежедневно отъ 5 до 7 час. веч. въ конторѣ издатсльства (7-я Рождественская, № 4, кв. 29; тел. 252-08) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

Проспектъ и образецъ открытки по треб. высылаются БЕЗПЛАТНО.

„Алтайское Дѣло“ ежедневная (кромѣ послѣпраздничн. дней) политико-экономическая и литературная газета. Годъ изданія III й. Условія подписки: для городскихъ—на годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 80 к,, на 1 мѣс. 60 к. для иногородныхъ—на годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 70 к. Учащимъ народныхъ школъ и низшему медицинскому персоналу скидка. Редакція и контора: г. Ново-Николаевскъ Томск. губ.

1-й годъ изданія.

4
513

НАШЕ ДѢЛО

Ежемѣсячный журналъ.

№ 3—4.

Петроградъ, 1915 годъ.

Цѣна книжки 40 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Коммерческая Типографія“, Столярный, 9. Тел. 520-32.
1915.

Содержаніе.

Стр.

1. **ОТЪ РЕДАКЦІИ.** 1
2. **Павелъ Леновичъ.** „Скачки"; „Ясекъ Гжеля"; „Тѣни", разсказы (перев. съ польскаго). 3
3. **П. Орѣшинъ.** „Ночка темная", разсказъ 16
4. **П. Орѣшинъ, Ельчъ.** Стихотворенія 22
5. **Э. Бернштейнъ.** Серьезныя майскія размышленія (перев. съ нѣмецкаго). 23
6. **К. Дмитріевъ.** Война и дороговизна. Ст. 1-я. . . 29
7. **П. Масловъ.** Война и демократія 46
8. **Л. П.** Биржа труда. 52
9. **Б. Левицкій.** Національная точка зрѣнія, международность и націонализмъ 61
10. **Ю. Л.** Война и государственные займы 72
11. **J. W.** Война и рабочій рынокъ Европы. 74
12. **Мих. Павловичъ.** Окопная война во Франціи . . . 78

Вопросы внутренней жизни.

13. **Евг. Маевскій.** Общественная мобилизація 87
14. **ПО РОССІИ и ЗА-ГРАНИЦЕЙ.** (Манифестъ меньшинства германской с.-діи и др.). 99

15. **БИБЛІОГРАФІЯ. Ортодоксъ.** А. Герасимовичъ, Творящее въ религіи. 102
16. **ОБЪЯВЛЕНІЯ** . . . . . —

Статьи **Л. Сѣдова, Ю Ларина и Б. Б-ва,** по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, не могли быть напечатаны.

Открыта подписка на 1915 г. на новый ежемѣсячный литературный и общественно-политическій журналъ

„НАШЕ ДѢЛО",

издаваемый въ г. Петроградѣ и **выходящій въ размѣрѣ 6—9 печатныхъ листовъ.**

Условія подписки: на 1 г.—4 р., на 1/2 г.—2 р. 25 к., на 1/4 г. (3 м.) —1 р. 50 к. на 1 м.—50 к. Отд. книжка въ розн. продажѣ 40 к.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій пр. д. № 104, кв. 88.

Контора открыта по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, отъ 4 до 7 ч. вечера.

Ред. **А. Е. Сучатовъ.** Изд. **К. И. Рикъ.**

1-й годъ изданія.

Наше Дѣло

Ежемѣсячный журналъ

Петроградъ 1915 г.

№ 3—4.

Отъ редакціи.

Въ виду наличности въ составѣ редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ „Н. Д." разногласій въ коренномъ вопросѣ современности, журналъ открываетъ свои страницы для статей, освѣщающихъ этотъ вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Коммерческая Типографія", Столярный пер., 9. Тел. 520-32.
1915.

Р.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

РАЗСКАЗЫ

Павла Леновича.

(Переводъ съ польскаго [1]).

I. Скачки.

(картинка съ натуры).

Графъ Здиславъ смертельно скучалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ на варшавскихъ скачкахъ его трехгодовалая кобыла „Quimporte“, на побѣду которой онъ возлагалъ столько надежды, не взяла „королевскаго“ приза, графъ, казалось, пересталъ интересоваться всѣми своими булаными, гнѣдыми и прочихъ мастей лошадьми.

Не забавляла его больше ни охота, ни собаки, которыхъ онъ держалъ въ своемъ имѣніи цѣлыми сворами. И любимецъ его, огромный Зевсъ, напрасно подымалъ свою слюнявую морду и клалъ ее на колѣни господина; графъ не обращалъ на него вниманія, или даже прогонялъ пинкомъ ноги.

Въ одинъ прекрасный день онъ всталъ, какъ всегда, поздно, но въ лучшемъ настроеніи. Когда лакей наливалъ кофе, онъ сказалъ:

— Михаилъ, позови мнѣ управляющаго.

— Слушаю-сь, ваше сіятельство.

— Sa y est, тэксъ!

„Тореадоръ“... напѣвалъ графъ, когда вошелъ управляющій, Шимонъ Бѣльскій.

— Мой милѣйшій Бѣльскій, мы устраиваемъ скачки!

— То есть, какъ это скачки? здѣсь въ имѣніи?

— Да, именно здѣсь!

„La donna e mobile“, снова напѣвалъ графъ въ то время, какъ Шимонъ пожималъ плечами по поводу новой выходки своего хозяина.

— Милый мой, признайтесь, что идея такихъ скачекъ сказочно оригинальна; я увѣренъ, что это будетъ послѣднее слово шика.

— Пусть такъ, но я вѣдь ничего еще не знаю, что это будутъ за скачки, и какія лошади будутъ бѣгать.

---

[1]) Первый томъ разсказовъ Леновича „W dolinie“ появился въ Варшавѣ въ 1913 г. и очень сочувственно былъ встрѣченъ критикой. *Прим. перев.*

— Ха, ха, ха! Хи, хи, хи! А, чтобъ васъ, съ вашей наивностью! Лошади, говорите вы? Нѣтъ, клянусь ножками Дунканъ, можно животики надорвать! Ахъ, старикъ, старикъ, вы и не догадываетесь, какой у меня дивный планъ! Бѣгать будутъ... ну, угадайте, кто?

— Коровы, телята?

— Ну, и шутъ же вы: Нѣтъ, лучше ужъ скажу вамъ, а то меня можетъ ударъ схватить отъ смѣха. Бѣгать будутъ... ну, слушайте! бѣгать будутъ... деревенскія дѣвки!

— Ваше сіятельство, вы смѣетесь надо мной!

— Да ей Богу же, не смѣюсь! Садитесь, панъ Шимонъ, и послушайте. Мы устроимъ на сосѣднемъ лугу усыпанную пескомъ арену, выкопаемъ рвы для „скачки съ препятствіями“, поставимъ призовой столбъ, трибуну для судей и мѣста для зрителей. Наберемъ дѣвокъ, и онѣ будутъ бѣгать. Всего будутъ три состязанія. Первое—на скорость, второе—на количество взятыхъ препятствій, а третье—соединеніе обоихъ первыхъ вмѣстѣ. Призы—два, три и четыре рубля. Что же вы на это скажете, мой почтеннѣйшій?

— Ничего. Можетъ быть, и будетъ весело...

— Тэ-эксъ. Ну-съ, а теперь распорядитесь, чтобъ сейчасъ же взялись за работу. А я самъ уже присмотрю за всѣмъ.

На дворѣ стояли ясные, лѣтніе дни. Рано утромъ деревья и крыши бывали покрыты бѣлымъ инеемъ, но днемъ, несмотря на октябрь, было жарко, какъ въ іюлѣ.

Работы на бѣговомъ полѣ были закончены. Приглашенія на зрѣлище, писанныя рукою самого графа, разосланы уже нѣсколько дней назадъ, и теперь ждали пріѣзда гостей.

Графъ, въ высокихъ сапогахъ желтой кожи, въ венгеркѣ и жокейской шапочкѣ, еще наблюдалъ за тѣмъ, какъ вбивали столбы съ флажками, когда услышалъ стукъ подъѣзжавшаго къ дому шарабана, Приставивъ щиткомъ руки къ глазамъ, онъ увидѣлъ перваго гостя, направлявшагося пѣшкомъ къ скаковому полю. Это былъ графъ Никъ.

— Добро пожаловать, крикнулъ хозяинъ.

— Какъ видно, э-э, я первый? Они поцѣловали другъ друга въ воздухъ по обѣ стороны щекъ, а въ это время снова кто-то подкатилъ къ дому.

— Э-э, сосѣдъ, много, э-э, гостей у васъ будетъ—не то заикаясь, не то смѣясь, сказалъ графъ Никъ.

У него былъ такой видъ, какъ будто онъ всегда собирался чихнуть. При этомъ трудно было отгадать, сколько ему лѣтъ.

Среди гостей было также нѣсколько дамъ. Была пани Вѣярска, которая никогда не могла забыть, что у ея бабушки было столовое

серебро съ буквами С. Ч. Это, повидимому, должно было означать, что ея родъ происходитъ непосредственно отъ Стефана Чернецкаго *), и поэтому она не могла простить своему мужу, съ которымъ, впрочемъ, прожила безъ малаго двадцать лѣтъ, его плебейскаго происхожденія. Въ обществѣ у нея былъ постоянно видъ скучающей королевы безъ престола, какъ бы обиженной на все окружающее.

Была тутъ и Толя Свирска, молоденькая жена сосѣдняго помѣщика, извѣстная подъ прозвищемъ „гайдучекъ“.

Когда все общество, состоявшее изъ восемнадцати лицъ, шло по направленію къ скаковому полю, подъѣхала еще коляска, изъ которой вышелъ панъ судья Окорскій со своей женой.

— Дидо, mon cher, подойдите-ка сюда, я выдеру васъ за уши, сказала она, обращаясь къ хозяину: въ воскресенье, когда добрые люди ѣдутъ къ обѣднѣ, онъ устраиваетъ скачки! И что за забавная идея! Дѣвушки вмѣсто лошадей!

Панъ Здиславъ уже приналъ, снявъ шляпу, къ ручкѣ пани судейши, а она, дергая его слегка за ухо, въ то же время цѣловала его въ голову.

— Итакъ, дѣти, не будемъ терять времени и пойдемъ посмотрѣть на эти знаменитыя скачки. Только помните, къ вечернѣ не опаздывать. Забавляться можно, но въ мѣру, не гнѣвя Бога.

— Гопъ! Ало! Гопъ! Ало! кричалъ одинъ изъ графскихъ слугъ, погоняя дѣвушекъ.

Ихъ было шестеро. Струя воздуха, вызванная ихъ бѣгомъ, освѣжала немного ихъ разгоряченныя лица и сдувала нависавшіе на лобъ волосы. Нѣкоторыя бѣгали ловко и быстро, какъ бы уносимыя вѣтромъ, другія—спотыкались, а у одной кровь пошла носомъ. Груди ихъ подпрыгивали, какъ легко подбрасываемые мячики; раздувающіяся юбки обнажали загорѣлыя ноги.

Первыя два состязанія окончились въ ничью: къ столбу задыхаясь одновременно подбѣжали Франка Маслякувна и Баська Вьюръ. При третьемъ бѣгѣ побѣдила Магдуся Коваликъ.

Пани судейша смѣялась такъ, что у нея даже слезы текли изъ глазъ. Аплодировала и велѣла позвать къ себѣ дѣвушекъ, которымъ дала рубль на всѣхъ.

— Это было великолѣпно, неслыханно, чудесно!

— Браво, браво, графъ,—кричали гости со всѣхъ сторонъ, усаживаясь за обильную закуску,

---

*) Одинъ изъ средневѣковыхъ военныхъгероевъ Польши. *Прим. перев*

II. Ясекъ Гжеля.

— Барыня проситъ къ ужину, флегматично произнесъ лакей, когда окончился споръ о шлемахъ.

Игроки еще нѣкоторое время указывали другъ другу на ошибки и промахи, но доносившіеся запахи ужина такъ пріятно щекотали ихъ обоняніе, что шлемы и роберры сразу потеряли всю свою прелесть.

Панъ фабрикантъ взялъ фамильярно доктора подъ руку и, какъ подобаетъ хорошо воспитанному хозяину, уступилъ дорогу гостямъ, пропустилъ ихъ всѣхъ, и лишь затѣмъ, все еще подъ руку съ докторомъ, пошелъ за другими въ столовую.

Очутившись у стола, уставленнаго закусками, гости окружили его, а хозяинъ и словами и дѣйствіемъ приглашалъ ихъ слѣдовать его примѣру.

— Свѣжая, превосходная икорка! Рекомендую, господа! Докторъ, не угодно ли кусокъ страсбургскаго пирога? А вы, панъ совѣтникъ [1]) что такъ постничаете? Вы, видно, забыли, что сегодня Св. Іосифъ [2]), и закусываете такъ, какъ будто на страстной: грибочки, селедочки, редисочки. Возьмите-ка лучше вотъ этого, да запейте наливкой или коньячкомъ,—говорилъ хозяинъ, указывая на паштеты, ветчину и литовскую колбасу.

— Что такое? Не вѣрю собственнымъ ушамъ! Панъ совѣтникъ не пьетъ? Ха, ха, ха, старость не радость, не такъ ли, докторъ? хохоталъ онъ, набивая ротъ лососемъ.

— Э, милѣйшій, не будемъ смѣяться надъ старостью, вѣдь и вы не молоденькій, хе, хе, хе,—вступился за „совѣтника“ инженеръ Борецкій и, накладывая себѣ на тарелку всего понемногу, сладострастно причмокивалъ языкомъ.

„Панъ совѣтникъ“, застѣнчивый отъ природы, еще болѣе оробѣлъ при видѣ столькихъ явствъ и напитковъ. Въ отвѣтъ на приглашенія хозяина онъ лишь кланялся, улыбался и клалъ въ ротъ то заливное изъ рыбы, то колбасу, то сардинки, Пилъ и коньякъ, и наливки, и старку.

Вспоминали прошлогодній день Св. Іосифа, сравнивали его съ нынѣшнимъ и мысленно спрашивали себя, какой ужинъ, прошлогодній или нынѣшній окажется лучше.

Сѣли за столъ. Хозяйка приглашала гостей съ милой улыбкой. Лакей разносилъ блюда, а хозяинъ разливалъ красное вино. Ужинъ обѣщалъ выйти на славу. Послѣ коньяка настроеніе поднялось и

[1]) Такъ польскіе помѣщики и высшая буржуазія обыкновенно обращаются къ чиновникамъ. *Прим. перев.*

[2]) Единственный день въ великомъ посту, когда католикамъ разрѣшается ѣсть мясо. *Прим. перев.*

стало еще болѣе оживленнымъ, когда къ шуму мужскихъ голосовъ присоединился претендовавшій на аристократизмъ голосокъ пани фабрикантши.

— Итакъ, панъ совѣтникъ, вы говорите, что панъ Пширецкій ухаживаетъ за этой хорошенькой овечкой Элей?—Tiens, tiens!

— Не вижу тутъ ничего особеннаго. Барышня богата, хорошо воспитана, не дурна и можетъ съ паномъ Пширецкимъ составить парочку не хуже прочихъ. Женихъ внесъ бы имя съ... долгами, барышня—приданное съ... невинностью; и волкъ былъ бы сытъ и овечка... потеряла бы невинность, замѣтилъ хозяинъ громко смѣясь собственной шуткѣ.

Бесѣда продолжалась въ томъ же духѣ, становясь лишь смѣлѣй и игривѣй по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число выпитыхъ рюмокъ. Наконецъ, разговоръ перешелъ на тему о распущенности прислуги и рабочихъ и о томъ, какъ трудно стало справляться съ ними.

— Вы, докторъ, вѣдь знаете мои истинно либеральные взгляды и могли бы засвидѣтельствовать, что я часто машу рукой и смотрю сквозь пальцы на то, какъ рабочіе и прислуга эксплуатируютъ мою доброту; но все имѣетъ предѣлы, и исторію съ Гжелей я такъ не оставлю, сказалъ хозяинъ съ трудно скрытымъ раздраженіемъ. —Мало того, что своими рѣчами и разсказами онъ мнѣ портилъ рабочихъ, что своей дерзостью не разъ доводилъ меня до первыхъ припадковъ, что, благодаря ему, у смиреѣшихъ стариковъ рабочихъ появились когти и зубы, — онъ еще выдумалъ теперь какую-то болѣзнь глазъ и смѣетъ,—слышите ли, господа?—смѣетъ ставить мнѣ свои условія! Но нѣтъ! Эта штука ему не удастся, даже если-бъ это мнѣ стоило тысячи, продолжалъ фабрикантъ, задыхаясь отъ злости и сжавъ кулаки.

— Mais, Charles! зачѣмъ ты волнуешься? Ты поступишь такъ, какъ тебѣ диктуетъ твой разумъ и совѣсть, и я надѣюсь, прибавила хозяйка, приставляя къ глазамъ лорнетъ въ золотой оправѣ и обращаясь къ гостямъ: я надѣюсь, что, зная тебя, никто не рѣшится подумать, что ты поступилъ несправедливо.

— Нѣтъ, понимаете, докторъ, если бъ этотъ негодяй хоть смирился, просилъ меня,—у меня сердце вѣдь не каменное, я далъ бы ему что-либо; но онъ смѣетъ требовать вознагражденія за какую-то опилку, которая будто бы попала ему въ глазъ! Слыхано ли, чтобъ отъ этого можно было ослѣпнуть? Нѣтъ, чѣмъ я больше думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе я возмущаюсь такимъ неслыханнымъ нахальствомъ.

Послѣднія слова хозяинъ говорилъ, переходя съ гостями въ курительную комнату, куда былъ поданъ черный кофе съ ликерами и гдѣ гостей уже опять ждалъ карточный столикъ.

Наступило тяжелое молчаніе, снова прерванное словами фабриканта:

И знаете, докторъ, мнѣ кажется, что вы слишкомъ съ нимъ возитесь. Лучше всего было бы, если бъ вы ему сказали, что у него нѣтъ никакой болѣзни, и баста!

— А, этого, я, какъ врачъ, сказать не могу, съ нетерпѣніемъ возразилъ докторъ.—Глазъ гноился почти годъ, а Гжеля все время работалъ, и, разумѣется, тяжелыя условія сдѣлали свое дѣло. Теперь его положеніе безнадежно, никакое лѣченіе уже не поможетъ. А жаль мужика. Жена чахоточная, четыре малолѣтокъ, а отецъ слѣпой!

— Думаю, добавилъ онъ, скорѣе про себя, чѣмъ въ отвѣтъ хозяину, что въ его организмѣ находились слѣды унаслѣдованнаго отъ предковъ сифилиса, потому что иначе трудно объяснить такое быстрое развитіе болѣзни...

— Ну, конечно! Это—неоспоримый фактъ! радостно воскликнулъ хозяинъ. — Унаслѣдованный или благопріобрѣтенный сифилисъ,— но чего нельзя больше ни опровергнуть ни скрыть, это то, что слѣпота явилась не изъ-за легенды съ опилкой, а въ результатѣ его гнуснаго поведенія!

— О, это очень возможно, вставилъ съ своей стороны чиновникъ: намъ всѣмъ вѣдь извѣстно, какова нравственность этихъ людей безъ религіи, безъ вѣры въ церковь и уваженія къ своимъ работодателямъ. Я могъ бы даже разсказать по этому поводу любопытную исторію.

Такъ какъ „исторія“ ни въ комъ не возбудила любопытства. то „панъ совѣтникъ“, желая вознаградить себя за это пренебреженіе къ его разсказу, налилъ себѣ шестую рюмку шартреза.

Но фабрикантъ не могъ успокоиться и возобновилъ разговоръ, прерванный „совѣтникомъ“ какъ разъ тогда, когда докторъ далъ ему столь благопріятный оборотъ.

— Онъ хотѣлъ воспользоваться своей слѣпотой, полученной вслѣдствіе развратнаго поведенія, и думалъ, что ему удастся на этомъ скопить капиталецъ. Дудки! мы еще помѣряемся силами!

Поздно ночью разъѣхались гости, а хозяинъ потиралъ отъ радости руки, и безъ всякой помѣхи проявлялъ свое удовлетвореніе.

Ягна, жена Гжели, тайкомъ отъ больного, пыталась смягчить сердце пана фабриканта,—но напрасно. Ее не только не впускали въ господскій домъ, но даже фабричную контору закрывали передъ нею. Приведенная въ отчаяніе голодомъ дѣтей и болѣзнью мужа, которой не предвидѣлось конца, она отправилась къ фабричному инспектору. И то, что она здѣсь услышала, наполнило ее еще большимъ ужасомъ, чѣмъ самый ужасъ ея положенія.

— Ничѣмъ не могу вамъ помочь. У фабриканта есть удостовѣреніе доктора, что вашъ мужъ ослѣпъ не отъ того, что ему что-то

въ глазъ попало при работѣ, а отъ секретной болѣзни, которая, знаете, приходитъ отъ развратной жизни. Очень жаль, но дѣлать нечего!

Боже, Боже! Ясекъ ослѣпъ отъ разврата! Ея Ясекъ!

Когда поздно вечеромъ она вернулась домой, гдѣ, несмотря на конецъ марта, текло со стѣнъ, когда она увидѣла Ясека, неподвижно уставившаго глазныя впадины въ одну точку, и дѣтей, поникшихъ, какъ бы стыдящихся своего голоднаго существованія, ею овладѣло бѣшенство отчаянія: она стала ударять головой о покрытую плѣсенью, осклизлую стѣну и повторять голосомъ, напоминающимъ звѣриный вой: Іезусъ Марія, Іезусъ!

Гжеля, совершенно слѣпой, сохъ на своей койкѣ и очень рѣдко произносилъ какое-либо слово. Ягна, почернѣвшая, какъ-бы покрытая копотью, говорила лишь тогда, когда ругалась.

— Тише, вы, собачья кровь, а не то головы вамъ разобью, кричала она на дѣтей.

Она забыла и не могла даже припомнить, что когда-то было иначе. Можетъ быть, ужъ два года, а можетъ быть, только годъ, какъ Ясекъ все лежитъ такъ неподвижно; возможно, что такъ было всегда. Вѣдь мигъ лишь одинъ продолжалась радость, а потомъ... А сколько времени онъ молчитъ! Съ самой Троицы!

Однажды въ отсутствіи жены Ясекъ обратился къ дѣтямъ съ вопросомъ, который часъ. Когда вошла Ягна, онъ повторилъ вопросъ.

— Два часа, говоришь? А лѣто теперь или зима? Еще зима! Да и холодно же! Брр!

А тогда, хоть и зима была, но мы и холода не чувствовали. Гароду сколько было! И въ душѣ словно на органѣ играли. А онъ все говорилъ и былъ такъ смѣлъ и такъ вѣрилъ, какъ будто и бояться нечего было...

— Конецъ мой близокъ, и ничего бы я больше не желалъ, какъ того, чтобы хоть разъ, хоть одинъ только разикъ услышать ту же пѣсню, что пѣли тогда, увидѣть вѣру на лицахъ!

Замолкъ. И не слышалъ проклятій, которыми Ягна облегчала свою наполненную ненавистью душу, не слышалъ иныхъ словъ, кромѣ тѣхъ, которыя дивнымъ напѣвомъ отдавались въ его сердцѣ; ему чудился запахъ весны, зеленаго лѣса, а губы, на которыхъ таилась улыбка, шептали:

— Ягна не вѣритъ, потому что не понимаетъ...

Въ воздухѣ носились заунывные звуки кладбища. Вѣтеръ то крался низко по землѣ и подымалъ тучи пыли, то прятался въ углубленіяхъ, притихалъ, словно набиралъ силъ, и сейчасъ же, сильный

въ гнѣвѣ своемъ, потрясалъ верхушками деревьевъ, сметалъ съ пути преграды, со свистомъ и воемъ разгонялъ облака.

На телѣгѣ, которую тащила жалкая кляча, покоился Гжеля на своей послѣдней постели. Ягна, похожая на привидѣніе, брела за гробомъ, борясь съ порывами вѣтра и съ трудомъ ступая по замерзшей грязи.

Въ ней не было ни слезъ ни отчаянія. Лишь страшной пустотой отражалось въ ея мозгу сознаніе, что на койкѣ нѣтъ больше Яська.

III. Тѣни.

1.

Фабричный гудокъ пронзительно разсѣкъ воздухъ и, словно картофель изъ мѣшка, высыпалась толпа человѣческихъ тѣлъ. Очутившись на дворѣ, они расправляли усталые члены, вытряхивали платье, подымали волосы съ разгоряченныхъ лбовъ.

Всѣ лица въ этой толпѣ казались похожими одно на другое, благодаря общему имъ всѣмъ выраженію утомленія. Какая-то преждевременная старость искажала эти какъ бы согнувшіяся фигуры. Онѣ шли домой медленно, тяжело. Ихъ не радовалъ короткій отдыхъ,— слишкомъ короткій, чтобъ возстановить растраченную силу.

Шли группами, но не слышно было разговоровъ; вся энергія осталась тамъ, внутри фабричныхъ стѣнъ.

Послѣднимъ вышелъ за ворота фабричный сторожъ Петръ Смига, по прозванію Ворона. Съ нимъ не любили брататься. За сверлящій взглядъ его маленькихъ глазъ, за каркающій голосъ, за привычку внезапно появляться тамъ, гдѣ въ немъ меньше всего нуждались, его и окрестили Вороной. И ему не удалось пріобрѣсти расположеніе рабочихъ ни заискивающими словами, ни приглашеніями на кружку пива. Ему не довѣряли и его избѣгали. Онъ отталкивалъ отъ себя своей назойливостью и преувеличенной бранью по адресу „сволочей буржуевъ“, у которыхъ онъ украдкой цѣловалъ руку, когда ему казалось, что никто не видитъ.

И сегодня, какъ обыкновенно, онъ остался одинъ на улицѣ. Посмотрѣлъ направо и налѣво, сплюнулъ сквозь зубы, надвинулъ шапку на глаза и пошелъ. Въ концѣ Смочей улицы онъ вошелъ въ ворота большого зданія казарменнаго вида. На дворѣ куча грязныхъ и оборванныхъ ребятишекъ разнаго пола и возраста шумно играла „въ волка“. Смига окинулъ ихъ презрительнымъ взглядомъ и скрылся въ одномъ изъ входовъ, въ первомъ этажѣ, гдѣ онъ жилъ съ семьей и открылъ неплотно притворенную дверь. Въ него ударили клубы пара,

отдающаго грязнымъ бѣльемъ въ стиркѣ и теплой влагой. Онъ прошелъ черезъ кухню, которая вся была въ туманѣ; Смигова, нагнувшаяся надъ лоханью съ бѣльемъ, не слышала шаговъ мужа и продолжала стирать.

Въ слѣдующей маленькой комнаткѣ надъ аспидной доской сидѣла старшая изъ троихъ дѣтей, восьмилѣтняя Гануся, и чертила грифелемъ палочки, кружечки и полукруги.

Гануся ужасно боялась отца, больше, чѣмъ жившаго съ ними вѣчно пьянаго дѣда. Отъ пьянаго дѣда можно было спрятаться, но нигдѣ нельзя было скрыться отъ страшнаго взгляда отца и отъ его тяжелыхъ ударовъ.

Она положила грифель на доску и тихо подошла къ отцу. Взяла его за руку и поцѣловала.

— Поди скажи матери, чтобъ давала ужинъ.

Гануся знала, что это значитъ, когда отецъ хочетъ ѣсть, а ужина и готовить не начинали.

— Мама, шепнула испуганно Гануся, тятя пришелъ и ѣсть хочетъ!

— Пришелъ? О, Боже, онъ мнѣ голову оторветъ, — сказала Смигова, вытирая руки передникомъ.

— Сбѣгай, Ганусь, мигомъ въ лавку, возьми полфунта сала и каравай хлѣба. Только живо!

Ганка вихремъ выскочила изъ дому.

Въ комнату вбѣжала пара быстрыхъ жеребятъ, Витекъ и Гипекъ. Они весело ржали, но, увидѣвъ отца, сразу замолчали и на цыпочкахъ прошли въ кухню.

— Мама, тятя пришелъ!

— Отстань, знаю.

Смигова, отъ безпокойства ли или отъ усталости, вся дрожала, и все у нея падало изъ рукъ.

Пришла Гануся съ покупками.

— Мама, нѣтъ вчерашняго хлѣба, я взяла сегодняшній, — весело сказала она, не въ состояніи скрыть удовольствія при мысли о ломтѣ свѣжаго хлѣба который ей сегодня достанется.

— Витекъ, Гипекъ, не крошите хлѣба! Смотри, мама, обломали корку!

— Врешь, врешь, такъ было!

Вдругъ послышалось за дверьми:

—Ѣхалъ чижъ на лодочкѣ,
Въ енаральскомъ чинѣ,
Выпьемъ, выпьемъ водочки...

— А, чортъ! Гдѣ же двери?

Дѣти прервали свой споръ, а Смигова поспѣшно плотнѣе притворила дверь.

— Невѣстка, ѣсть давай, говорю. Ѣсть давэй, а не то — б... ...башки р...разобью!

И искалъ ручку двери и, не находя ея, началъ колотить кулакомъ и ногой.

Смигова открыла.

— Потише, Петръ дома.

Старикъ, видно, боялся сына, притихъ.

Вошелъ Смига.

— Дашь ѣсть или нѣтъ? До полуночи, подлая, будешь копаться?

— Чего ты ругаешься? Ужинъ уже давно готовъ, — солгала жена.

— Скандалитъ тоже!—вдругъ возмутилась она:—давай больше на семью, чтобъ мнѣ не приходилось вѣчно торчать у корыта съ бѣльемъ, тогда я буду и варить тебѣ, чортъ проклятый!

— Вотъ тебѣ за черта, вотъ тебѣ, вотъ, — повторялъ Смига, швыряя на землю все, что ему попадало подъ руку.

— О, Господи, — закричала она, — взбѣсился ты, что ли?

А дѣти, блѣдныя отъ испуга, затаивъ дыханіе, забились въ уголъ, какъ встревоженныя овечки, и не смѣли поднять глаза.

2.

Въ ближайшее воскресенье, часовъ въ десять утра, Смига вышелъ изъ дому. Прошелъ по Смочей, Дикой, Пшеязду *). Пересѣкъ улицу Лешно и шелъ все дальше. Остановился лишь на противоположномъ концѣ города. Войдя въ ворота, оглянулся и быстро, перескакивая черезъ три ступеньки, поднялся на третій этажъ, Въ дверяхъ онъ столкнулся съ господиномъ въ цилиндрѣ и обмѣнялся съ нимъ понимающимъ взглядомъ.

Въ передней, полной застоявшагося табачнаго дыма, онъ усѣлся на широкой скамьѣ, рядомъ съ двумя другими. Закурилъ папиросу и ждалъ. Когда его позвали, онъ миновалъ нѣсколько странныхъ комнатъ, и, наконецъ, очутился передъ лицомъ... передъ бритымъ лицомъ самого „пана начальника“.

— Ну, что, принесъ что-нибудь новенькое? а?

— Такъ точно, какъ приказано.

— Говори!

Долго говорилъ Смига, а панъ начальникъ, опираясь на руку, другой рукой покручивалъ усы и, не глядя на говорившаго, слушалъ

*) Улицы въ Варшавѣ. *Прим. перев.*

невнимательно и лишь время отъ времени что-то записывалъ на лежавшей передъ нимъ бумагѣ.

— Какъ? Іеронимъ Бокъ?

— Іеронимъ Бонкъ,—поправилъ Смига.

— Ну, ладно, можешь итти.

— А я хотѣлъ еще напомнить пану начальнику, что мнѣ изволили обѣщать повышеніе.

— А? повышеніе? А сколько времени ты служишь? шесть мѣсяцевъ? и жалуешься, что ты все на томъ же жалованіи? Мало? Нѣтъ, десять рублей въ мѣсяцъ не мало. Впрочемъ, отличись, и тогда посмотримъ, посмотримъ!

И погрузился въ разсмотрѣніе кучи бумагъ.

Смига постоялъ минуту, но, видя, что ему не удается возобновить прерванный разговоръ, вышелъ.

3

— А сегодня, жаловалась матери Гануся, мальчишки на дворѣ говорили, что всѣ жильцы пойдутъ къ хозяину просить, чтобъ онъ насъ выгналъ изъ своего дома.

— Какъ это выгналъ? Не плачу я ему за квартиру, что ли?

— А мальчишки говорятъ, что если тятя останется въ этомъ домѣ, всѣ жильцы въ одну минуточку переѣдутъ.

— Э-э, не болтай глупостей!

— Да, не болтай! И играть съ нами не хотятъ, и бьютъ насъ, и говорятъ, что всѣ жильцы изъ-за насъ выѣдутъ!

— Но почему же? Не говорили?

— Говорили, но я забыла. Говорили какъ-то... постой... твой тятя... вотъ не могу вспомнить! Ага, знаю! Гицель! нѣтъ, не гицель. Шпицель, что-ли *)?

— Шпицель? Что значитъ шпицель?

Гануся не могла этого объяснить матери; знала лишь, что ихъ за это бьютъ и не хотятъ съ ними играть, и что всѣ жильцы переѣдутъ изъ-за нихъ „въ одну минуточку“.

И вдругъ!.. женщина отгоняетъ эту мысль, но она, какъ смола, пристала къ мозгу. Сосетъ ея сердце, замораживаетъ кровь. Хочется упасть на полъ, своей тяжестью придавить этого „шпицеля или какъ его“, вырвать изъ себя привязанность, созданную годами совмѣстной жизни, кричать ему въ лицо о своей долѣ горемычной, о слезахъ дѣтей, о своей ненависти.

*) Сыщикъ по польски „шпицель“. „Гицель“ значитъ собаколовъ, это—обычное ругательство. *Прим. перев.*

Вода остыла въ корытѣ, а Смигова все сидитъ неподвижно, съ безсильно опущенными руками,

— Мама, ѣсть! мама! — плаксивымъ голосомъ повторяютъ мальчики.

Она преодолѣваетъ свою слабость встаетъ. Съ трудомъ передвигаетъ тяжесть собственнаго тѣла. Даетъ дѣтямъ по чашкѣ чернаго кофе и по куску хлѣба.

— Вотъ вамъ по копѣйкѣ и ступайте спать.

Мальчики прыгаютъ отъ радости, упоенные неожиданнымъ счастьемъ.

Мать не глядитъ на Ганусю и спрашиваетъ какимъ-то чужимъ голосомъ:

— Какъ мальчики говорили? Шпишницель? Можетъ, иначе какъ? Можетъ, дрянь?

— Дрянь! Какъ будто я не знаю, что значитъ дрянь! Вѣдь тятя такъ говоритъ.

Смигова не спрашиваетъ больше. Она уже знаетъ, ужъ знаетъ ужъ знаетъ.

4.

Смига, весь залитый кровью, едва дотащился до порога. Изъ дѣтей не спитъ одна Гануся. И когда она смотритъ обезумѣвшими глазами на эту кровавую фигуру, ей кажется, что въ какой-то бѣшеной пляскѣ, истекая кровью, кружатся вокругъ нея мать, корыто, дѣдъ, грифель съ дощечкой, все, все . . . . . .

. . . . . .

Гануся открываетъ усталые глазки. Спать, спать еще, не разогнать видѣнныхъ во снѣ чудесъ.

Только въ окно бы взглянуть. На небѣ она видитъ снова отраженіе своего сна. Рай. Фіолетовая полоса, потомъ розовая. Плотно сжимаетъ вѣки, чтобъ сохранить эти краски въ глазахъ. Въ этомъ раю, какъ въ сказкѣ. Въ рядъ стоятъ бѣлыя кроватки съ бѣлой постелью. Въ кроваткахъ спятъ дѣти, навѣрно ангелочки; ихъ хорошо не видать, но это, конечно, они.

Ахъ, какъ хорошо! Нѣтъ тяти. И дѣдушки нѣтъ. А мама навѣрно спитъ гдѣ-нибудь близко. Иначе, безъ нея не могло бы быть такъ хорошо. Она чисто одѣта, не у корыта больше. Мамуся дорогая! А Гипекъ и Витекъ, должно быть, играютъ въ лошадки. Ахъ, какъ славно, какъ хорошо...

— Какъ мы поживаемъ, Ганусь?

И этотъ панъ такой добрый, вѣрно, святой Никола. Онъ подходитъ къ стѣнѣ, что-то разсматриваетъ надъ головой Гануси. И ей

хочется посмотрѣть, что тамъ такое, но она не можетъ. Она шире открываетъ глаза. Птица! Какая-то большая птица съ бѣлыми крыльями наклоняется надъ ней и легко поправляетъ постель.

— Ночью она въ первый разъ спала. Температуру панъ докторъ видѣлъ? Нормальная.

— Я доволенъ тобой, дѣтка,—и святой Никола гладитъ ее по личику.

Гануся представляла себѣ рай иначе, но не лучше этого, о, нѣтъ! Здѣсь такъ хорошо, такъ хорошо!

Два-три дня длился этотъ полусонъ, полу-явь. Въ среду пришла мама на свиданье. Но какая страшная! Отъ нея Гануся узнала, что этотъ рай—больница.

Она хотѣла бы спросить у матери, что съ ней, почему у нея такой убогій видъ, но боится. Боится услышать объ отцѣ, о дѣдушкѣ.

— Ты болѣла, Ганусь, скарлатиной, — голосъ матери дрожитъ отъ сдерживаемаго плача, Гануся напряженно слушаетъ, — и докторъ говоритъ, что, если все будетъ хорошо, ты черезъ недѣлю будешь совсѣмъ здорова.

— Ну, и что же?

— Ничего, будешь здорова и вернешься домой.

— Вернусь домой?!

Она натягиваетъ одѣяльце черезъ голову. И опять видитъ отца, дѣда, видитъ груды грязнаго бѣлья, слышитъ проклятья, звонъ разбиваемой посуды.

— Ганусь! зачѣмъ ты накрылась?

Мать тихонько поднимаетъ одѣяло и видитъ, какъ по щекамъ ребенка текутъ слезы.

— Не плачь, Ганусь! Можетъ, ты скорѣе выздоровѣешь, можетъ быть завтра, и я сейчасъ же возьму тебя домой...

Но Гануся не перестаетъ плакать...

Вечеръ. Докторъ разговариваетъ съ сестрой.

— Да, если не будетъ осложненій, то черезъ недѣлю ее можно будетъ выписать. Только бы почки намъ не помѣшали.

Докторъ удаляется. Стихаютъ его шаги. Но голосъ его еще слышенъ.

— Не у этой ли самой матери умерли два мальчугана?—спрашиваетъ онъ сестру.

Отвѣта уже не слыхать.

Перевелъ ***Б. Г.***

Ночка темная.

Разсказъ.

I.

На правомъ берегу Волги, въ неглубокой лощинѣ, подернутой зыбкою пеленой пахучаго осенняго тумана, погасивъ огни, спитъ маленькая деревня Курка. Тонкій золотистый мѣсяцъ одиноко маячитъ въ потухшемъ небѣ, и тусклый свѣтъ его дрожитъ надъ низкими соломенными крышами...

Ветхая, приплюснутая къ землѣ избенка Лябиныхъ, отскочившая какимъ-то чудомъ въ сторону отъ своихъ товарокъ, блѣднымъ застывшимъ пятнышкомъ робко напоминаетъ кому-то о своемъ одинокомъ и, кажется, никому не нужномъ существованіи. На завалинкѣ сидитъ рыжая, коротконогая собака—Рѣпка. Острыми собачьими глазами она легко прорѣзываетъ ночную муть и долго, не шевелясь, смотритъ куда-то подъ гору. А подъ горой темно, и только кое-гдѣ въ вязкомъ ночномъ туманѣ одиноко розовѣютъ пушистые огоньки плавучихъ маяковъ. Длинная полоса Зеленаго Острова, точно глубокая неостывшая рана, призрачно дымится на широкой груди задремавшаго волжскаго простора. Иногда откуда-то налетитъ крупная волна съ бѣлымъ кудрявымъ гребнемъ, съ размаху ударитъ въ песчаный берегъ, разобьетъ кудри о первый подводный камень и съ шумомъ отойдетъ назадъ, туда къ Зеленому Острову...

Рѣпка родилась на Волгѣ, собака старая, и ей всѣ здѣшніе порядки и обычаи давно знакомы. Она знаетъ, что, какъ только спустятся сумерки,—въ маленькихъ оконцахъ сквозь запотѣлыя стекла заслезятся тусклые красноватые огоньки, а черезъ часъ огоньки эти одинъ за другимъ исчезнутъ, деревенька забудется, и холодная длинная ночь застынетъ въ воздухѣ. Высокая Лябиха въ красной бумазеевой юбкѣ босикомъ выйдетъ на крыльцо, приласкаетъ Рѣпку, потомъ привяжетъ ее къ конурѣ и, погрозившись пальцемъ, запретъ ворота. И долго будетъ Рѣпка бродить около невысокаго крыльца; разъ десять побробуетъ снять съ шеи толстую, размочалившуюся веревку; потомъ рявкнетъ раза два съ досады и зароется подъ крыльцомъ въ мягкую душистую солому...

Но сегодня всѣ, кажется, забыли Рѣпку. Лябиха почему-то не выходитъ изъ своей избы, и ворота стоятъ раскрытыми, жалобно поскрипывая на ржавыхъ петляхъ. Даже Петька, этотъ оборвышъ, у котораго большой палецъ правой ноги вѣчно обвязанъ какою-нибудь грязною тряпкой,—даже онъ не выходилъ изъ избы съ самаго вечера и ни разу не потравилъ Рѣпку остромордымъ сосѣдскимъ поросенкомъ... И что-бы все это значило? Отъ скуки Рѣпка сходила въ пустой сарай, въ которомъ когда-то стояла тучная корова Машка, заглянула въ низкія свиныя клѣти—тоже пустыя, мимоходомъ забѣжала въ курятникъ и

какъ-то нечаянно спугнула съ низкаго нашеста послѣднюю курицу... Глухо захлопали въ тишинѣ мягкія крылья, и громкое умоляющее кудахтанье разразилось надъ головою Рѣпки.

Нигдѣ не весело. Вездѣ пусто. Остановилась Рѣпка на срединѣ темнаго двора, высоко подняла свою тупую скучающую морду и хотѣла взвыть, но раздумала и лѣниво поплелась на улицу. Заглянула въ окно...

II.

У окна сидитъ здоровенный, широкоплечій парень, сынъ Лябихи. Запустилъ онъ толстые заскорузлые пальцы въ свою черную нерасчесанную гриву, да такъ и застылъ на мѣстѣ. Нехорошія думы бродятъ въ головѣ Тишки. Иногда такъ бродятъ грозовыя тучи надъ Соколовыми горами; черной массой проплывутъ онѣ надъ просторомъ Волги, покраснѣютъ съ краевъ, передвинутся надъ степью всторону, а потомъ опять съ новой силой накроютъ Волгу,—и тонкія огненныя стрѣлы съ визгомъ пронижутъ ихъ черныя развернутыя крылья.

— Подавиться-бы имъ самоваромъ-то нашимъ!—сказала Лябиха, и глубокою ненавистью вспыхнули маленькіе глаза ея. Дрогнули щеки. И плотнѣе сжались облупившіяся отъ вѣтра губы...

Никто не знаетъ, какъ больно бьется подъ грубою, самотканною рубахой большое и чуткое сердце волжанки Лябихи... А она очень похожа на здоровую, дебелую орлицу съ косматыми лапами. Ничего не пожалѣетъ она: ни красивой осанки своей, ни старыхъ перьевъ, ни сильныхъ крыльевъ, ни раздолья степного... Ничего не пожалѣетъ гордая дебелая орлица, собой пожертвуетъ, а не усидитъ на мѣстѣ.

— Хоть бы отецъ пріѣхалъ...—думаетъ, наконецъ, онъ, лѣниво переваливаясь на спину.—Тятька пріѣдетъ, все сдѣлаетъ... Онъ сильный... Не даромъ его всѣ называютъ соколомъ...

А батьки нѣтъ. Еще весной, какъ начались полевыя работы, уѣхалъ онъ куда-то въ Астрахань—и ни слуху, ни духу... Говорили, что онъ поступилъ въ артель крючникомъ, ходитъ въ широкихъ нанковыхъ шароварахъ и грузитъ барки.., Никакъ не позабыть отца! Вотъ идетъ онъ,—высокій, загорѣлый,—по крутому глинистому берегу. На немъ, какъ на заправскомъ крючникѣ, широкія синія шаровары и бѣлая съ разстегнутымъ воротомъ рубаха, изъ-подъ которой видно волосатую грудь... Онъ скоро придетъ въ деревню. Войдетъ онъ въ избу, увидитъ мамку съ красными заплаканными глазами и, добродушно улыбнувшись, скажетъ „по хохлацки“:

— А што, звонари чортовы, худо вамъ живется безъ батьки? —Потомъ бережно выложитъ на столъ кучу мелкаго серебра и добавитъ:—Мать, а ну-ка унеси эту шелуху въ волость... за подати...

Уснулъ Петька.

Тишка неподвижно сидитъ у стола и все думаетъ, думаетъ, думаетъ... И вздыхаетъ тихонько, какъ-бы боясь потревожить эту жуткую и сладостную минуту общаго раздумья...

Проходитъ осень. Весь хлѣбъ за долги распроданъ. Новою золотистою соломой покрыта рига, а въ ригѣ пусто; только деревяныя грабли да двѣ старыхъ косы въ безпорядкѣ валяются на земляномъ полу...

— Эхъ, жизть!.. Мамка!—не удержался Тишка и огромнымъ кулакомъ крѣпко ударилъ по столу.—Я-ли не сумѣю судьбу поставить? У меня-ли нѣтъ силы? Да захочу—завтра-же все будетъ!..

Сразу повѣрила Лябиха; ласково посмотрѣла она на сына, но не тронулась съ мѣста, и только въ глазахъ ея невзначай, украдкой блеснули слезы...

Непріятно Тишкѣ, когда плачутъ бабы. Отвернулся онъ къ темному оконцу, широкою мозолистой ладонью смахнулъ съ надтреснутаго стекла набѣжавшую сырость и пристально сталъ вглядываться въ знакомую волжскую равнину... Вотъ переѣдетъ онъ, Тишка, эту свѣтлую полосу, обогнетъ темную спину Зеленаго Острова, а тамъ посильнѣе ударитъ веслами и врѣжетъ свою просмоленную лодку въ темную и высокую стѣну осеннихъ камышей... А дальше!.. Не хочется Тишкѣ додумывать, что будетъ дальше, и онъ лѣниво поворачивается къ столу и начинаетъ крутить цыгарку.

На печкѣ Лябиха налаживаетъ себѣ постель. Слышно, какъ она засопѣла носомъ и тяжело вздохнула, когда кончила читать молитву...

Жутко на душѣ у Тишки... И зачѣмъ ему ѣхать куда-то за Волгу?.. Лучше-бы завалиться сейчасъ на палати, поплотнѣе завернуться въ баранью шубу и захрапѣть, какъ прежде, на всю избу здоровымъ богатырскимъ храпомъ. Нѣтъ, надо ѣхать... И Тишка уже надѣлъ ватный „пеньжакъ“ съ сѣрымъ барашковымъ воротникомъ, натянулъ на ноги высокіе, рыбацкіе сапоги и нахлобучилъ шапку...

— Петька... Петяга... Вставай, братъ, пора...

Петька черезъ силу подымаетъ голову...

— Ну, ну... нечего глаза-то протирать, строго прикрикнулъ Тишка.

На печкѣ проснулась Лябиха.

— А ты, мамка, задуй огонь...

Лябиха послушно спустилась съ печки, зѣвнула всласть, потомъ перекрестила ротъ и вразвалку подошла къ столу.

III.

Заскрипѣли весла... Лодка пошла впередъ, а впереди, въ плотной лиловатой мглѣ неподвижнымъ пластомъ дремлетъ Зеленый островъ. Прямо, отъ берега къ берегу длинной и узкой полосой свѣтится перекинутая по водѣ мѣсячная тропинка... Откуда-то глухо донесся пароходный шумъ..

Петька крѣпко сидитъ на широкомъ концѣ убѣгающей лодки и цѣпкими, увѣренными руками держится за тяжелый руль.

— Забирай, Петяга...—густо бросаетъ изъ темноты мутная фигура Тишки. Петька съ трудомъ, обѣими руками поворачиваетъ тяжелый руль, и лодка, грузно накренившись на-бокъ, мѣняетъ направленіе и медленно выходитъ на средину Волги. Огромными, провалившимися глазами смотритъ со всѣхъ сторонъ холодная пустота. Точно старая, лѣсная вѣдьма, застыла надъ задремавшимъ волжскимъ просторомъ нѣмая ночь; широко развернула она свои темныя, паутинныя одежды, низко склонила сѣдую голову и глубоко задумалась.

— Забирай,—лѣниво повторяетъ Тишка. Снова повернулся тяжелый руль. Изъ темноты сизыми пятнами выступаетъ отлогій берегъ. Прямо на бугоркѣ, невдалекѣ отъ воды молчаливо стоятъ двѣ низенькія ветелки; стоятъ онѣ какъ-разъ у входа въ узкій, но довольно глубокій заливъ, въ которомъ водятся жирные сазаны и куда Петька часто ѣздилъ съ отцомъ и Тишкой ставить „вентеря“ и плетеныя изъ тонкихъ ветловыхъ прутьевъ „корчаги“, напоминающія собой бутылку...

Наконецъ-то пріѣхали. Лодка вошла въ заливъ и маленькій Петька, точно во снѣ, видитъ темную, приподнявшуюся фигуру Тишки, который обѣими руками широко раздвигаетъ высокую стѣну душистаго камыша и неуклюже выходитъ на берегъ.

— Ну, Петяга, ты будешь сторожемъ... Всхрапни, ежели што... Да смотри, лѣшій, не вздумай домой вертаться!

— Ну вотъ еще... рази можно...—хрипло бормочетъ Петька и, растопыривъ ноги, долго стоитъ на сыромъ пригоркѣ и глядитъ въ ту сторону, куда, точно огромное сѣрое чудовище, уходитъ Тишка.

IV.

Хлѣбный амбаръ богатаго купца Данилы стоитъ саженяхъ въ двадцати отъ бѣднаго села Калиновки и шагахъ въ триста отъ того узкаго камышистаго залива, въ которомъ одиноко тоскуетъ Петька. Въ хорошій, солнечный день красную крышу этого амбара видно издалека. Стоитъ онъ въ аршинѣ отъ земли, на четырехъ толстыхъ суковатыхъ столбахъ.

— Только полы тонки,—съ глубокимъ вздохомъ говаривалъ иногда Данила.—Амбаръ хорошъ, впору самому въ емъ жить... а полы тонки...

И купецъ Данила, точно живой, въ красной рубахѣ и рыжей засаленной жилеткѣ стоитъ передъ глазами Тишки. Вотъ онъ долго, до „седьмого поту“ торгуется съ отцомъ, хлопаетъ по рукамъ и радостный и довольный уводитъ со двора тучную корову Машку.—Это единственное и самое дорогое сокровище хозяйства Лябиныхъ...

— Недоимки... Эхъ, мать...

И крупными ударами начинаетъ биться у Тишки сердце. Острая ненависть ко всему сытому властно проникаетъ въ самую глубину его сѣрой души, взлелѣянной суровыми непогодами и вѣчными мечтаніями о какой-то другой—хорошей, безбѣдной—жизни.

— Воръ!—думаетъ про себя Тишка... И жутко, и нехочется ему быть воромъ... Да что-же дѣлать? Хлѣбъ у Данилы, корова у Данилы, все у Данилы...

— Къ Данилѣ и пойду... Дальше идти некуда... да и не зачѣмъ...—рѣшаетъ Тишка.

Слышенъ собачій лай. Внизу, подъ бугромъ съ трудомъ можно разсмотрѣть густую, сдвинутую массу села Калиновки. Точно черные заколоченные гробы, плаваютъ въ осенней темнотѣ низкія, пригорюнившіяся избушки. На самомъ концѣ села—красноватое пятнышко, это горитъ небольшой фонарь, который чуть-ли не полсотню лѣтъ виситъ надъ деревяннымъ крыльцомъ Калиновскаго Волостного Правленія.

— Господи, благослови,—шепчетъ по привычкѣ Тишка; потомъ зорко оглядывается по сторонамъ и, сбросивъ съ себя „пеньжакъ“, въ одной ситцевой рубахѣ исчезаетъ подъ поломъ амбара...

Ничего не видно. Тѣсно, какъ въ могилѣ. Глухо и торопливо грызетъ острая пилка толстую, суковатую доску. Тишка начинаетъ чувствовать, какъ выступаетъ потъ, и тонкій вѣтерокъ пріятно обхватываетъ разгоряченное работой тѣло. Крѣпкая расходившаяся рука судорожно сжимаетъ пилку и нѣсколько разъ больно ударяется локтемъ о сухую землю.

— Черти!—съ сердцемъ бормочетъ Тишка.—Устроить амбара по-людски не могутъ... Нѣтъ, што-бы поднять повыше... дья-во-лы...

А пилка грызетъ. Всѣ мускулы работаютъ, какъ шестерни на мельницѣ... Мелкая деревянная пыль густо обсыпаетъ мокрую отъ пота руку...

— Жж... жж... жж...—только и слышно.

Наконецъ, пилка идетъ свободнѣе.

— Готово,—подумалъ Тишка и, нащупавъ въ темнотѣ около себя толстое долото, взялъ его въ руки, торопливо сунулъ въ надреснутое мѣсто и потянулъ къ себѣ. Точно вода изъ жолоба, хлынуло изъ вырѣзаннаго оконца увѣсистое зерно пшеницы. У Тишки задрожали руки. А зерно быстро наполняетъ подставленные подъ оконце мѣшки и обдаетъ Тишкино лицо мягкою душистой пылью...

V.

Ночь незамѣтно тронулась, посинѣла и выпустила изъ своего бархатнаго рукава десятка два мелкихъ пушистыхъ звѣздочекъ...

Поджавъ подъ себя ноги, Петька молча сидитъ въ окруженной камышами лодкѣ и пристально глядитъ на звѣзды. Ему ужъ холодно.. Свѣжій, предутренній вѣтерокъ воровато пробирается черезъ растегнутый воротникъ подъ кофту и мелкими шероховатыми мурашками ползетъ по спинѣ...

— Провалился парень,—думаетъ онъ про Тишку. И кажется ему, что Тишка никогда уже не вернется къ лодкѣ. Въ темнотѣ схватятъ его тамъ калиновскіе мужики, толстой веревкой свяжутъ ему за спину руки и уведутъ его въ городъ... А потомъ подберутся къ лодкѣ, высунутъ изъ пышныхъ камышей свои страшныя, растрепанныя головы, увидятъ Петьку и разомъ заголосятъ:

— А-а-а... Вотъ онъ гдѣ... Держи его... Лови... Бей его сукинаго сына!..

Отъ страха Петька плотно закрываетъ рученками глаза и долго сидитъ такъ и дремлетъ и потягивается, какъ-будто сидитъ на деревѣ... А вокругъ звонко и весело камыши перешептываются, и вѣтерокъ звенитъ, и по всему заливу—то тутъ, то тамъ—рыбешка плещется...

— Ну-ну... неча нѣжиться... Господинъ какой!..—прогудѣло гдѣ-то надъ самымъ ухомъ.—Вставай, чертенокъ!

Петька испуганно вскидываетъ голову и начинаетъ протирать глаза. Кругомъ—ни звука. Изъ сѣрой пустоты призрачно выдѣляется огромная, горбатая фигура Тишки. Осторожно, на согнутыхъ ногахъ спускается онъ къ мокрому берегу, подходитъ къ лодкѣ и привычно тихо сбрасываетъ съ себя мѣшокъ.

VI.

Съ шумомъ опустились весла, раза два крѣпко хлестнули по заговорившей водѣ, обдали державшагося за руль Петьку холодными брызгами и весело понесли лодку изъ узкаго взбудораженнаго залива въ открытую Волгу. Небо посинѣло гуще, и въ его глубокой и зыбкой впадинѣ кое-гдѣ протянулись мутныя золотистыя полосы...

Тихо. Только вода журчитъ. Только крупными и безпокойными ударами колотится у Тишки сердце.

Всѣ силы напрягаетъ память. Даже въ глазахъ мутнѣетъ.

— Не забылъ-ли чего-нибудь?.. Слѣдовъ не осталось-бы... А гдѣ же пилка?..

И Тишка испуганно нагибаетъ голову и большими, острыми глазами шаритъ по всему дну лодки маленькую пилку,

— Здѣсь... Слава Тебѣ Господи... Забирай!—повелительно бросаетъ закоченѣвшему у руля Петькѣ, и тутъ-же думаетъ: „А Петька?.. А вдругъ да Петька проболтается?.. Бываетъ вѣдь“...

И Тишка, не переставая грести, испуганно поднимаетъ голову и долго и пытливо глядитъ на Петьку. Но Петька вполнѣ спокоенъ. Ночь начинаетъ яснѣть, и онъ съ искреннимъ любопытствомъ разглядываетъ деревню Курку. Мирно похрапываетъ она на самомъ берегу, въ лиловатой лощинѣ, и никто-то о ней ничего не знаетъ. Вонъ въ серединѣ порядка—сѣрая, съ высокой соломенной крышей избушка краснощекой Татьяны, которая потихоньку торгуетъ водкой. Вонъ—съ тремя оконцами выбѣленная изба дяди Ивана, котораго за его маленькій ростъ всѣ называютъ Сморчкомъ. Вонъ въ той, что окончательно свалилась на бокъ, живетъ горбатая и злая Дарья, у которой на войнѣ съ „японкой“ убили сына. Дальше—низенькій дубовый перелѣсокъ, а кругомъ—разноцвѣтныя горы, похожія по утрамъ на высокія полинялыя стѣны большого зданія...

— Петька!—глухо произноситъ Тишка...

— Чего?

— Смотри, не проболтайся, куда мы ѣздили... Слышишь?.. Убью за это...

Искристыми, удивленными глазами смотритъ на брата Петька.

— Да нешто я скажу... Ни въ жизть...

— Врешь, стерва?

— Порази Богъ.

И Четька, на минуту покинувъ руль, быстро стаскиваетъ съ лохматой головенки шапку и истово крестится...

— Забирай,—спокойно произноситъ Тишка.

Лодка подходитъ къ берегу. Ровные удары веселъ нарушаютъ холодную утреннюю тишину. За рулемъ длинной журчащей полосой винтитъ вода, а въ водѣ тусклыми лиловатыми пятнами отражаются дремлющія вершины горъ, широко и богато раскинутыхъ по всему правому берегу...

П. Орѣшинъ.

Весна.

Пусть въ полѣ снѣгъ. Весна пришла ..
И солнце свѣтитъ по иному...
И перья синяго крыла
Скользятъ по небу голубому.

Ручьи бѣгутъ, бѣгутъ, бѣгутъ...
Поля теплы и ароматны...
Весна пришла и на снѣгу
Дымятся солнечныя пятна.

Горитъ узорчатый закатъ,
И небо синее, какъ море...
По вечерамъ на крыши хатъ
Слетаютъ огненныя зори.

Обласканъ солнечнымъ тепломъ,
Иду проталиной къ ночлегу...
Иду въ туманѣ заревомъ
По нерастаявшему снѣгу.

Въ лѣсу пробилась мурава,
Въ лѣсу подснѣжники желтѣютъ...
Въ лѣсу пьянѣетъ голова
И мысли весело пьянѣютъ.

Надъ синимъ лѣсомъ—тишина
И черныхъ галокъ вьется стая...
Надъ синимъ лѣсомъ—огневая
Ширококрылая весна!

П. Орѣшинъ.

---

* *
*

Съ ревомъ вздымаются штормные волны
Къ безднѣ безвѣздныхъ небесъ,
Стонутъ, скрипятъ обреченные челны,
Мрачно качается мачтовый лѣсъ.
Бархатъ осенняго чернаго моря
Въ кружевѣ бѣлыхъ гребней,
Вѣтеръ, играя, въ веселомъ задорѣ
Къ рейду сгоняетъ огни кораблей.
Страшно имъ въ морѣ. Тревогою полны
Шепчутся, шепчутся, ждутъ,
Словно боятся, что рѣзвыя волны
Ихъ въ свои темныя косы вплетутъ.
Тѣсно сплотились. Но вотъ покачнется,
Вздрогнетъ одинъ огонекъ,
Выйдетъ изъ бухты и съ далью сольется...
— Такъ иногда отъ куста оторвется
И ужъ назадъ никогда не вернется
Бѣдный отважный цвѣтокъ.

Ельцъ.

Серьезныя майскія размышленія.

Ст. Эдуарда Бернштейна

(перев. съ нѣмецкаго).

Цѣлесообразность какого-нибудь требованія часто подвергаютъ испытанію посредствомъ допущенія, что оно осуществлено, и попытки представить на основаніи фактическаго положенія вещей и взаимодѣйствія причинъ и послѣдствій, какъ обстояли бы дѣла въ этомъ случаѣ, и въ какомъ направленіи они развивались бы. Допустимъ, напримѣръ, что германская соціалъ-демократія, скажемъ лѣтъ 5 тому назадъ, уже начала „переучиваться“. Допустимъ, что она признала необходимость непрерывныхъ вооруженій и безъ всякихъ околичностей давала бы свое согласіе на всѣ проекты вооруженій. Допустимъ, что она высказалась бы за колоніальную политику, направленную къ осуще-

Примѣчаніе отъ редакціи. Печатаемая ниже статья Э. Бернштейна была помѣщена въ № „Vorwärts'a“ отъ 1-го мая 1915 г. и воспроизводится нами полностью, за исключеніемъ небольшой вступительной части и заключительнаго абзаца.

ствленію „Великой Германіи“, и, такъ какъ эта политика не осуществима безъ столкновеній съ Франціей и Англіей, она стала бы учить нашъ народъ видѣть въ этихъ двухъ государствахъ будущихъ враговъ Германіи. Иначе говоря, допустимъ, что въ области внѣшней политики германская соціалъ-демократія практически отреклась отъ своихъ принциповъ и отложила бы свой идеалъ мирнаго союза народовъ на неопредѣленное будущее, т. е. отказалась отъ хотя бы идеальнаго вліянія на настоящее. Какія слѣдствія можно было бы предвидѣть отъ этого? Была ли бы избѣгнута настоящая война? Или были бы шансы нѣмецкаго народа лучше, чѣмъ они есть въ настоящее время?

Основательное разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ факторовъ ведетъ къ *отрицательному* отвѣту на оба эти вопроса. Ибо, разумѣется, что такое поведеніе германской соціалъ-демократіи не осталось бы безъ соотвѣтствующаго вліянія на заграницу. И притомъ въ томъ направленіи, что оно усилило бы дѣятельность сторонниковъ вооруженій и ослабило бы противоположную работу друзей мира. Вслѣдствіе этого мы имѣли бы *еще* болѣе сильныя вооруженія во всѣхъ странахъ, *еще* большее расточеніе общественныхъ средствъ, *еще* большее взаимное недовѣріе между народами, *еще* болѣе сильную неувѣренность для торговли и промышленности. Все, что способно было бы успокаивать умы, было бы лишено силы вліянія, все, что толкало бы къ войнѣ, получило бы большее вліяніе; оно казалось бы по меньшей мѣрѣ столь же „неизбѣжнымъ“, и даже въ еще большей степени, чѣмъ теперь.

Кто въ этомъ сомнѣвается, того убѣдитъ оцѣнка, которую встрѣтило наше поведеніе со стороны прессы и политиковъ странъ, съ которыми Германія въ настоящее время ведетъ войну. Воинственно настроенные люди въ Лондонѣ, Парижѣ и другихъ мѣстахъ не устаютъ оспаривать значенія германской соціалъ-демократіи, въ качествѣ фактора мира, то называя ее болѣе „патріотичной“, чѣмъ соціалъ-демократія ихъ собственной страны, то заявляя, что ея фактическое вліяніе на вопросы внѣшней политики не соотвѣтствуетъ ея значенію на выборахъ. Въ этомъ отношеніи характерно слѣд. мѣсто въ нотѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 30 іюля 1913 г. о настроеніи въ Германіи въ связи съ вопросомъ о войнѣ и мирѣ, гдѣ говорится о германской соціалъ-демократіи:

„100 социалистическихъ депутатовъ являются сторонниками мира. Они не могли помѣшать войнѣ. Ибо послѣдняя не зависитъ отъ вотума рейхстага, и въ случаѣ ея возникновенія, всѣ ихъ приверженцы присоединятъ свой голосъ къ гнѣву или воодушевленію страны“ (французская „Желтая Книга“ стр. 24 нѣм. изд.).

Но всѣ искренніе друзья мира народовъ въ Англіи, Франціи и Россіи высоко ставили германскую соціалъ-демократію въ качествѣ фактора мира. *Противники вооруженій* въ этихъ странахъ всегда ссылались въ борьбѣ съ агитаціей военныхъ и воинственно настроенныхъ партій на волю къ миру германской соціалъ-демократіи. Больше всѣхъ неустанный проповѣдникъ нѣмецко-французскаго сближенія, великодушный *Жанъ Жоресъ*, который въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи: „Новая армія“, въ своемъ послѣднемъ научномъ трудѣ, ревностно отстаивалъ идею, что армія французской республики въ сущности должна стремиться только къ *задачамъ обороны*. Въ числѣ другихъ аргументовъ въ пользу такого преобразованія французской арміи онъ приводилъ въ качествѣ главнѣйшаго рѣшительно враждебное отношеніе германской соціалъ-демократіи къ всякой наступательной войнѣ. Не наша борьба съ вооруженіями, но постоянное ихъ усиленіе благодаря имперіалистскимъ партіямъ содѣйствовало непрерывному росту вооруженій и въ странахъ тройственнаго согласія и, наконецъ, привело къ войнѣ.

Теперь находятся люди, которые говорятъ, что, конечно, въ войнѣ есть много ужаснаго, но что она была для Германіи *необходимостью*. „Ограниченная“ тройственнымъ согласіемъ и „стѣсненная“ (eingeschnürt) въ колоніально-политическомъ отношеніи, Германія чувствовала угрозу своему экономическому развитію и потому была вынуждена до извѣстной степени силою пробивать себѣ дорогу, въ чемъ въ огромной степени заинтересованы нѣмецкіе *рабочіе*.

Вѣрно ли это; должны ли мы „переучиваться“ въ отношеніи *колоніальной и торговой политики*?

Чтобы отвѣтить на этотъ второй вопросъ, намъ нѣтъ надобности выдвигать *предположенія* и гипотезы. Здѣсь мы можемъ дать говорить *реальному опыту*, изслѣдовать *факты*. Взглядъ на развитіе народнаго хозяйства въ Германіи въ теченіе послѣднихъ дѣсятилѣтій и сравненіе его съ развитіемъ народнаго хозяйства странъ, которыя будто бы „ограничивали“ Германію, дастъ намъ возможность установить, какъ съ этимъ обстояло въ дѣйствительности.

Если бы это было такъ, то развитіе народнаго хозяйства Германіи, если не абсолютно, то относительно должно было бы развиваться медленнѣе, чѣмъ народное развитіе этихъ странъ; ея національное богатство должно было увеличиваться медленнѣе, чѣмъ ихъ національное богатство. На самомъ же дѣлѣ имѣло мѣсто обратное положеніе: съ каждымъ десятилѣтіемъ народное хозяйство Германіи и абсолютно и относительно развивалось быстрѣе, чѣмъ въ вышеназванныхъ странахъ.

Во время своего основанія сравнительно еще „бѣдная“, несмотря на французскіе милліарды, Германія, въ настоящее время, по выраженію тогдашняго министра финансовъ и теперешняго профессора политической экономіи *Гельфериха*, стала „богатой Германіей“. Согласно Гельфериху въ 1914 г. національное богатство Германіи превышало въ абсолютныхъ цифрахъ національное богатство какъ Аниліи, такъ и Франціи.

Въ Германіи ростъ населенія совершается быстрѣе, не только чѣмъ во Франціи, гдѣ онъ находится теперь въ стаціонарномъ состояніи, но и чѣмъ въ Англіи. Съ 1871 г. по 1912 г. ея населеніе выросло на 61,2%, въ Англіи — только на 45%, во Франціи—всего на 9,4%, и въ теченіе ряда лѣтъ оно не увеличивается. Но еще быстрѣе, чѣмъ населеніе Германіи, росло число лицъ, занятыхъ въ ея промышленности и горномъ дѣлѣ, въ ея торговлѣ и путяхъ сообщенія. „Стѣсненная“ Германія стала однимъ изъ первыхъ промышленныхъ государствъ въ мірѣ.

Лучше всего доказываетъ это ростъ потребленія въ ней каменнаго угля. Согласно сочиненію: „Экономическія силы Германіи“, изданному дрезденскимъ банкомъ—однимъ изъ четырехъ гигантскихъ банковъ Германіи, потребленіе угля трехъ странъ: Германіи, Англіи и Франціи увеличилось съ 1885 по 1912 г. слѣд. образомъ:

въ Англіи на	8%
во Франціи „	89,9%
въ Германіи „	173,2%

Въ то время, какъ въ 1895 г. въ Германіи потребленіе угля на голову населенія было больше, чѣмъ вдвое меньше, чѣмъ въ Англіи, именно 1,50 тоннъ противъ 3,63, въ 1912 г. оно только немного отстало отъ потребленія въ Англіи, именно 3,56 тоннъ противъ 3,92 и было вдвое больше чѣмъ во Франціи. Съ другой стороны, экономическій подъемъ Германіи виденъ изъ роста ея участія, въ *міровой торговлѣ*. Согласно вышеназванному сочиненію, развитіе внѣшней торговли трехъ указанныхъ выше странъ съ 1887 г. по 1912 г. выражалось въ милліонахъ марокъ слѣдующимъ образомъ:

	1887 г.	1912 г.	Увелич. въ %
Англія	10.721,5	22.858,1	103,2 „
Франція	5.890,8	10.721,5	98,1 „
Германія	6.046,0	19.652,3	225 „

Ищущая „воздуха“ Германія въ 1912 г. почти догнала во внѣшней торговлѣ Англію, которая еще въ 1897 г. стояла впереди ея на 80%, и имѣла вдвое болѣе развитую торговлю, чѣмъ Франція, внѣшняя торговля которой въ 1887 г. была только немного меньше, чѣмъ внѣшняя торговля Германіи.

Но зачѣмъ приводить эти цифры, когда намъ неоднократно заявлялось изъ оффиціальныхъ круговъ, что теперешняя война является слѣдствіемъ *зависти*, съ которою другія страны взирали на успѣшное развитіе Германіи. Изъ этого послѣдняго утвержденія, какъ и изъ вышеприведенныхъ, только *одно* можетъ быть важнымъ: если Германія была стѣснена въ своемъ экономическомъ развитіи, то она не могла своимъ благополучіемъ вызывать зависть богатѣйшихъ странъ Европы; если же она была такъ благополучна, чтобы возбуждать зависть, то это не совсѣмъ согласуется съ ея мнимою „стѣсненностью“.

Что вообще должно означать выраженіе „стѣсненность“? Оно должно обозначать, что Германія въ своемъ колоніально-политическомъ развитіи стѣснена другими странами, отъ чего страдаетъ экономическое развитіе ея народа. При этомъ обладанію колоніями придаютъ чрезмѣрное значеніе для экономическаго развитія государствъ. Къ спору *изъ-за колоній* сводятся всѣ доказательства тѣхъ, кто признаетъ опасность „стѣсненія“. Фактически же дѣло обстоитъ такъ, что съ полною увѣренностью можно сказать, что *народное хозяйство Германіи развивалось быстрѣе, чѣмъ во Франціи и въ Англіи не вопреки тому, что ея колоніальныя владѣнія незначительны, но именно потому,*

что она имѣетъ меньше колоній, чѣмъ онѣ. Это звучитъ парадоксомъ, но является только установленіемъ научно доказуемаго факта. Исторія всѣхъ колоніальныхъ странъ показываетъ, что крупныя колоніальныя владѣнія являются чрезвычайно сомнительнымъ благомъ для внутренняго развитія страны. Богатство, получаемое отъ колоній, которыя въ силу ряда причинъ въ настоящее время города меньше, чѣмъ въ прежнія эпохи, остается въ немногихъ рукахъ. Напротивъ того, при отвлеченіи людей и энергіи, которыхъ требуетъ всякая широкая колоніальная политика, производительность метрополіи въ сравненіи съ ея конкурентами можетъ потерпѣть значительный ущербъ. При развитомъ міровомъ хозяйствѣ дѣйствительную пользу отъ открытія и развитія колоній получаютъ *всѣ* страны, которыя втянуты въ міровое хозяйство, однѣ-владѣльцы соотвѣтствующихъ колоній—прямо, другія—косвенно, и преимущество послѣднихъ странъ въ большинствѣ случаевъ больше, чѣмъ первыхъ, такъ какъ имъ не приходится, подобно тѣмъ, тратить никакихъ издержекъ на обладаніе колоніями.

То обстоятельство, что огромное большинство тѣхъ, кто въ настоящее время составляетъ общественное мнѣніе, упускаютъ изъ виду этотъ установленный опытомъ фактъ, является одной изъ важнѣйшихъ причинъ, которой народы обязаны настоящей войнѣ. Ибо поскольку возникаютъ дѣловые вопросы отношеній между народами, они всѣ не только *могутъ* быть разрѣшены удовлетворительно безъ всякой войны, но фактически въ послѣднія десятилѣтія они уже *были недалеко отъ того*, чтобы разрѣшаться мирнымъ путемъ посредствомъ развитія *международнаго права*. Въ томъ, что это еще не было достигнуто, повинны были *ложныя представленія о силѣ*, которыя въ старомъ свѣтѣ еще владѣютъ умами соотвѣтственныхъ общественныхъ слоевъ, и которыя въ большинствѣ государствъ новаго свѣта уже давно отброшены. Мы никогда не признавали такихъ представленій, какъ, напр., то, что сильное государство перестаетъ быть таковымъ, если оно въ споръ съ маленькимъ государствомъ обращается къ третейскому разбирательству. Для насъ сила есть только средство для осуществленія и обезпеченія демократическихъ правъ народовъ и личностей, но ни въ коемъ случаѣ не орудіе для классовыхъ преимуществъ и соотвѣтствующихъ имъ правъ однихъ государствъ надъ другими государствами культурнаго міра. Должны ли мы отказаться отъ такого взгляда? Должны ли мы отказаться отъ руководящихъ идей нашей внѣшней политики, т. е. отъ *демократической народной политики* въ пользу имперіалистской политики силы антидемократическихъ классовъ общества? Ибо къ этому сознательно или безсознательно стремятся, когда выбрасываютъ лозунгъ о „переучиваніи“ въ области отношеній между государствами. Въ этихъ вопросахъ мы должны не переучиваться, но *снова начать учиться тому, чему учились раньше.*

* * *

Да, снова учиться и притомъ тому, чему учились довольно давно. Такъ, въ старой программѣ объединившейся въ 1875 г.

германской соціальдемократіи есть слѣд. положеніе: „Трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой культуры". Этотъ пунктъ въ теоретическомъ отношеніи былъ неправиленъ, т. к. онъ оставлялъ безъ вниманія такой факторъ, какъ природа. Но въ его основѣ лежала правильная мысль, что, хотя природа и есть само собой разумѣющаяся предпосылка труда, но трудъ, приложенный къ природѣ и ея сокровищамъ, составляетъ главный источникъ богатства и основаніе всякой культуры. Т. е., если даны неизмѣнныя условія природы, трудъ обогощаетъ страну и дѣлаетъ ее культурной. Это положеніе и заключающуюся въ немъ истину въ настоящее время необходимо рѣшительно подчеркивать. Подобно заразительной болѣзни для людей, вредны для блага народовъ какъ *переоцѣнка мощи государства*, такъ и *недооцѣнка труда*. Именно Германія даетъ выразительное доказательство того, какъ *мало* для развитія націи даетъ мощь государства и какъ *много* даетъ трудъ. Огромная армія и выросшій въ послѣднее десятилѣтіе военный флотъ Германіи нисколько не повинны въ томъ, что въ темпѣ развитія своего народнаго хозяйства она перегнала другія страны. *Этотъ фактъ есть результатъ ея труда, духовнаго и физическаго, руководящаго и обучающаго, организованнаго и исполнительнаго, результатъ благъ, которыхъ не можетъ у нея отнять никакой врагъ, ибо для этого надо было бы уничтожить всю націю, что просто невозможно и чего никто не добивается.* Государственная мощь не создаетъ богатства, она можетъ только значительно измѣнить его *распредѣленіе*. Но при современномъ обмѣнѣ между націями это невозможно безъ того, чтобы не повредить собственному народу.

Государственная власть не можетъ также по произволу разрѣшать народные вопросы національной культуры. Въ настоящее время по отношенію къ теперешней войнѣ говорятъ о расовой борьбѣ между славянами и германцами. Но во-первыхъ, не всѣ германскіе народы находятся въ обозначаемомъ германскомъ, не всѣ славянскіе—въ „славянскомъ" лагерѣ. Если бы даже въ этой войнѣ погибло больше славянъ, чѣмъ германцевъ, предположимъ вдвое больше, то какъ мало измѣнилось бы отъ этого численное соотношеніе народовъ! Могли бы измѣниться только отношенія *господства*, вліяніе которыхъ на существованіе и жизненную силу народовъ всегда было очень ограничено и въ настоящее время еще меньше, чѣмъ когда-либо, если только не отрицать правосознанія нашего времени, выросшаго на почвѣ столѣтій культурнаго развитія.

Разсчитывать разрѣшать въ наше время и въ нашу культурную эпоху народные вопросы путемъ насильственной перемѣны господства могутъ только люди, которые воображаютъ, что они живутъ въ кругу представленій далекихъ отъ насъ эпохъ. И однако этой войнѣ все еще хотятъ придать опредѣленный смыслъ, хотятъ при ея помощи добиться разрѣшенія нѣкоторыхъ крупныхъ народныхъ вопросовъ. Если наши буржуазно-либеральныя партіи до самой крайней лѣвой высказываются въ этомъ духѣ, то это между прочимъ есть естественное слѣдствіе того, что у нихъ отсутствуютъ *принципіальныя идеи*. Онѣ имѣютъ только болѣе или менѣе расплывчатыя об-

щія идеи, вообще же онѣ стали оппортунистическими не только на дѣлѣ, но и въ самыхъ *идеяхъ*. Болѣзнь, которой надо остерегаться больше чѣмъ чумы, ибо она есть самый худшій видъ реакціи, гораздо худшій, чѣмъ реакція въ образѣ исключительныхъ законовъ. Противъ такой реакціи безсильно сознаніе, но зато она отравляетъ сознаніе. И если къ намъ приходятъ и говорятъ, что намъ и въ области *народныхъ вопросовъ* надо „переучиваться", если притягиваютъ для этого матеріалистическое пониманіе исторіи, чтобы съ его помощью ослабить настроеніе противъ завоевательной политики, противъ которой никто не выступалъ такъ рѣзко, какъ творцы этой теоріи, Марксъ и Энгельсъ, то въ самомъ дѣлѣ пришло время крикнуть: не переучиваться, *но снова начать учиться тому, чему учились раньше.*

Война и дороговизна.

Статья 1-я.

Причины вздорожанія.

I.

Годы передъ войной были годами повсемѣстнаго и всеобщаго повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости. Особенно высоко эта міровая волна дороговизны поднялась въ странахъ молодого капитализма—въ Россіи и Соед. Штатахъ, откуда въ сущности она и беретъ свое начало.

Въ Россіи политическій сдвигъ 1905 года далъ замѣтный толчокъ ея капиталистическому развитію, ускоривъ ростъ производительныхъ силъ не только въ промышленности, но и въ земледѣліи. Промышленное оживленіе, пріостановленное міровымъ кризисомъ 1907 года и возобновившееся въ 1910 году, сопровождалось быстрымъ ростомъ городского населенія, т. е. ростомъ внутренняго рынка на сельскохозяйственные продукты. Емкость рынка усиливалась ростущей спеціализаціей самого сельскаго хозяйства, расширяющей и въ деревнѣ денежное потребленіе за счетъ натуральнаго. Но въ то же время слабая покупательная способность народныхъ массъ—оборотная сторона хищническаго россійскаго капитализма не въ силахъ оказывалась поглотить тѣ рыночные продукты земледѣлія, которые все въ большемъ числѣ выбрасываются на рынокъ хозяйствами, усваивающими болѣе интенсивныя формы сел.-хоз. производства (клубне- и корнеплоды, птицеводство, продуктивное скотоводство). Избытокъ продуктовъ все настойчивѣе искалъ выхода на внѣшній рынокъ: предметами

вывозной торговли наряду съ исконными льномъ и пшеницей все больше становились яица, масло, птица, за послѣднее время мясо (бэконъ).

Такимъ образомъ, для роста цѣнъ на продукты земледѣлія передъ войной было два импульса. Во-первыхъ, усиленіе внутренняго спроса благопріятствовало росту земельной ренты, воплощающейся въ монопольныхъ—выше стоимости—продажныхъ цѣнахъ на земледѣльческіе продукты. Во-вторыхъ, прежнія низкія цѣны на тѣ товары, которые пролагаютъ себѣ дорогу на міровой рынокъ, подтягивались къ высокому международному уровню. Другими словами, дороговизна передъ войной била потребительскій бюджетъ сразу въ два кнута.

Вздорожаніе земледѣльческихъ продуктовъ сопровождалось повышеніемъ цѣнъ на продукты промышленности. Какъ всегда въ годы промышленнаго оживленія, въ связи съ усиленіемъ спроса на сырье быстро росла рента на нѣдра земли, рѣзко дорожали продукты тяжелой горнозаводской промышленности. Высокая таможенная охрана, ускоряя развитіе синдикатскихъ и трестообразныхъ объединеній, вела къ образованію и въ промышленности высокихъ монопольныхъ цѣнъ. Наконецъ, несоотвѣтствіе производительныхъ силъ промышленности гѣмъ запросамъ, которые предъявила къ ней пробужденная отъ десятилѣтней экономической спячки страна, создало длинную цѣпь своеобразныхъ „голодовъ“—угольнаго, чугуннаго, цементнаго и т. д.—и этимъ содѣйствовало дальнѣйшему взвинчиванію цѣнъ.

Изъ года въ годъ, конечно, въ зависимости отъ урожая, промышленной конъюнктуры и т. д. въ движеніи цѣнъ наблюдались колебанія въ обѣ стороны. Но *общаго направленія*, въ которомъ двигались цѣны, эти колебанія не измѣняли и не заслоняли.

II.

Война, повидимому, должна была положить предѣлъ повышательной тенденціи цѣнъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ для земледѣльческихъ продуктовъ. Разъ страна оказалась отколотой отъ международнаго рынка, передъ сельскимъ хозяйствомъ остро становился вопросъ, куда дѣвать тѣ $3^1/_2$ милліарда яицъ, $4^1/_2$ милл. пудовъ масла, 2 милл. пудовъ мяса и птицы, которые обычно за послѣдніе годы сбывались заграницу,—не говоря уже о вывозѣ 200 милл. пудовъ пшеницы, 16 милл. пуд. льна и т. д.

Очевидно, эти избытки всей тяжестью должны были давить на цѣны внутри страны. И дѣйствительно, въ первый мѣсяцъ войны на мѣстахъ производства наблюдалось головокружительное паденіе цѣнъ: 5—6 коп. вмѣсто нормальныхъ 16 за десятокъ кіевскихъ яицъ, 8—9 руб. вмѣсто 13 р. за пудъ сибирскаго масла и т. д. Эти убыточныя цѣны вызвали среди идеологовъ крестьянства большую тревогу

за судьбы неокрѣпшихъ ростковъ интенсификаціи мелкаго хозяйства и заставили сельско-хозяйственную кооперацію напрячь всѣ силы для поддержанія цѣнъ на нормальномъ уровнѣ. Усилія эти отчасти увѣнчались успѣхомъ. Надо замѣтить еще, что до потребительскихъ рынковъ августовское паденіе цѣнъ дошло въ очень ослабленномъ видѣ, перехваченное по пути многочисленными посредниками. Паденіе цѣнъ на мясо на полтора рубля на мѣстахъ откорма дошло до Москвы въ размѣрѣ 90 к., въ Петроградъ — 40 коп. Но все-таки въ столицахъ нѣкоторое время держались относительно низкія цѣны на яица и мясо: въ Петроградѣ цѣна на яица еще въ декабрѣ была $28^1/_2$ к., на 23% ниже прошлогодней (37 коп.).

Первая паника на мѣстахъ производства скоро миновала. Уже съ сентября начинается новый подъемъ цѣнъ; онъ усиливается съ каждымъ мѣсяцемъ и захватываетъ все большее число продуктовъ. Къ марту цѣны достигаютъ высоты, совершенно невыносимой для массоваго потребительскаго бюджета, и безъ того уже напряженнаго дороговизной предыдущихъ лѣтъ. Въ такой атмосферѣ недавнія тревожныя рѣчи объ убыточныхъ для сельскаго хозяйства цѣнахъ звучатъ далекимъ анахронизмомъ. Вопросъ о судьбѣ избытковъ самъ собой снимается съ очереди. Больше того—на смѣну ему все чаще выдвигается вопросъ о возможной *недостаточности припасовъ* внутри страны.

Обывательская мысль, привыкшая къ представленію о Россіи, какъ о житницѣ Европы, не можетъ, конечно, мириться съ такой явной несообразностью, чтобы земледѣльческая страна съ милліарднымъ вывозомъ жизненныхъ припасовъ не въ состояніи оказалась прокормить одну себя. Считая заранѣе доказаннымъ изобиліе припасовъ въ странѣ, обыватель въ дороговизнѣ винитъ исключительно злостную *спекуляцію* мелкихъ и крупныхъ торговцевъ. Но такія разсужденія скользятъ лишь по поверхности явленій, за причину дороговизны принимая наиболѣе яркій симптомъ ея.

Спору нѣтъ—къ повышенію цѣнъ приложила руку и спекуляція. Но ссылка на нее, какъ на главную причину и чуть не единственнаго виновника дороговизны, недостаточна уже по одному тому, что спекуляція вообще необходимый элементъ развитого товарнаго обращенія. И если сейчасъ въ торговлѣ спекуляція играетъ большую роль, чѣмъ всегда, значитъ, въ хозяйственной жизни есть условія, дающія полной просторъ спекулятивному разгулу. Въ этихъ условіяхъ, а не въ самой спекуляціи, очевидно, и лежатъ корни вздорожанія.

III.

Вздорожаніе послѣднихъ мѣсяцевъ не является, очевидно, лишь прямымъ продолженіемъ предшествовавшей войнѣ дороговизны, которая

въ немалой степени сводилась къ выравниванію низкихъ цѣнъ внутренняго рынка съ высокими международными. Съ перерывомъ внѣшней торговли эта нивелировка цѣнъ должна была пріостановиться. Едва ли во время войны продолжается и отливъ избыточнаго сельскаго населенія въ города. Очевидно, на цѣны дѣйствуютъ сейчасъ какія-то *особыя* причины. Искать ихъ приходится въ томъ положеніи, въ какомъ война застигла народное хозяйство, и въ дальнѣйшемъ воздѣйствіи самой войны на явленія хозяйственной жизни.

Сложный клубокъ причинъ, создающихъ современную дороговизну въ Россіи, при ближайшемъ разсмотрѣніи распадается на три группы. Первая группа прямой связи съ войной не имѣетъ; это—тѣ хозяйственныя явленія, которыя изъ года въ годъ вызываютъ временныя колебанія цѣнъ вверхъ и внизъ: урожай, промышленная конъюнктура, соотношеніе спроса и предложенія. Вторая группа причинъ слагается изъ тѣхъ временныхъ послѣдствій хозяйственнаго разстройства, которыя вызваны войной, но съ окончаніемъ ея должны исчезнуть: отрывъ Россіи отъ международнаго рынка, распадъ внутренняго рынка на рядъ замкнутыхъ мѣстныхъ рынковъ, правительственныя мѣропріятія, направленныя на удовлетвореніе военныхъ нуждъ. Наконецъ, третья группа—болѣе длительныя хозяйственныя послѣдствія войны: упадокъ производительныхъ силъ, ихъ перераспредѣленіе, налоговыя реформы, разстройство денежнаго обращенія.

На цѣны товаровъ причины эти дѣйствуютъ съ различной силой и въ различныхъ комбинаціяхъ. Выдѣлить изъ этихъ перекрещивающихся вліяній дѣйствіе какой-либо одной причины во многихъ случаяхъ было бы затруднительно. Вотъ почему дальнѣйшее изложеніе намъ представляется удобнѣе вести не по группамъ причинъ, а по товарамъ, на конкретныхъ примѣрахъ выясняя значеніе каждой причины. Начнемъ съ продуктовъ питанія.

IV.

Урожай 1914 года вышелъ ниже средняго и значительно хуже урожая 1913 года. По предварительнымъ, какъ всегда, сильно преувеличеннымъ подсчетамъ Центр. Стат. Ком., недоборъ 5 главнѣйшихъ хлѣбовъ по сравненію съ 1913 годомъ оказался больше милліарда пудовъ:

рожь	дала	1353	м. п.	противъ	1555	м. п.
пшеница . .	„	1298	„ „	„	1593	„ „
овесъ . . .	„	879	„ „	„	1087	„ „
гречиха . .	„	55	„ „	„	71	„ „

Данныя „Т.-Пром. Газ.“ и окончательныя данныя Центр. Ст.

Ком. для озимыхъ хлѣбовъ *) говорятъ объ еще болѣе низкомъ сборѣ. Хуже всего уродились хлѣба, потребляемые главнымъ образомъ внутри страны—рожь, гречиха, овесъ. Важно, наконецъ, отмѣтить пестрое распредѣленіе урожая по странѣ. Между прочимъ очень обильный урожай дала Сибирь, отрѣзанная теперь почти совсѣмъ отъ общерусскаго рынка.

Помимо зерновыхъ хлѣбовъ плохой урожай дали и нѣкоторыя интенсивныя культуры, особенно ленъ (10 м. п. вмѣсто 25). Очень плохъ въ обширной полосѣ оказался урожай кормовыхъ продуктовъ.

Предъявляемый къ этому низкому урожаю спросъ въ связи съ войной потерпѣлъ двоякія измѣненія. Во-первыхъ, съ закрытіемъ границъ прекратился вывозъ; во-вторыхъ, усиленное сравнительно съ обычнымъ питаніемъ населенія питаніе арміи, снабженіе русскимъ хлѣбомъ Польши и Финляндіи, обходившихся раньше или своимъ, или привознымъ изъ за-границы хлѣбомъ, наконецъ, спросъ на хлѣбъ для мѣстностей, посѣщенныхъ неурожаемъ,—все это повышаетъ емкость внутренняго хлѣбнаго рынка. Говорить о возможномъ равновѣсіи между сокращеніемъ и возрастаніемъ спроса не приходится уже потому, что главнѣйшіе хлѣба внутренняго потребленія играютъ въ хлѣбномъ экспортѣ ничтожную роль: ржи вывозится 9% годового урожая, овса—4%. Да и для пшеницы недоборъ въ 300 м. пуд. равенъ вывозу прошлаго с.-хоз. года. Необходимо отмѣтить, что усиленный вывозъ урожая 1913 года, особенно возросшій въ первую половину 1914 года, долженъ былъ замѣтно сократить внутри страны хлѣбные запасы прежнихъ лѣтъ.

Только правильно организованная перепись могла бы дать точный учетъ хлѣбныхъ запасовъ въ странѣ. Но нѣкоторое представленіе о поступившемъ на рынокъ хлѣбѣ даютъ свѣдѣнія о видимыхъ запасахъ (на рынкахъ, въ элеваторахъ, складахъ и т. д.):

	Милл. пуд.		
	На 1 апрѣля		Меньше
	1914	1915	въ %%
пшеница	19	10,5	45
рожь	4,5	3,5	25
овесъ	8	3	61
мука	10	7,5	23

Залоговыя операціи также говорятъ о меньшихъ по сравненію съ прошлымъ годомъ рыночныхъ запасахъ: въ Госуд. Банкѣ на 23 апр. 1915 г. заложено было 45½ м. п. противъ 72½ м. п. въ 1914 году.

*) Озимая рожь 1307 м. п., озимая пшеница 371 м. п., По подсчету „Т-Пр. Газ.“ урожай 5 хлѣбовъ опредѣленъ въ 3865 м. п., на 6% меньше предвар. подсчета Ц. Ст. Ком. (4112 м. п.)

Возможно, конечно, что большія партіи остаются еще на рукахъ крупныхъ производителей и посредниковъ, не спѣшащихъ пока съ ихъ продажей. Но на рынкѣ хлѣба во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ въ прошломъ году. И если на основаніи этихъ данныхъ нельзя говорить о нехваткѣ хлѣбовъ, то нельзя утверждать и обратнаго,—что имѣются избытки ихъ.

Въ недостаточномъ урожаѣ 1914 года уже была заложена неизбѣжность повышенія хлѣбныхъ цѣнъ. Въ той или иной степени оно имѣло бы мѣсто и безъ войны. Дѣйствительно, хлѣбныя цѣны стали расти еще весной подъ вліяніемъ какъ форсировки экспорта, такъ и свѣдѣній о плохихъ видахъ на урожай. Усиленіе внутренняго спроса во время войны дало дальнѣйшій толчокъ росту цѣнъ. Ближе къ веснѣ въ томъ же направленіи сталъ дѣйствовать и учетъ перспективъ новаго с.-хоз. года. Сокращеніе площади озимыхъ посѣвовъ доходило мѣстами до 19%. Еще бо́льшаго сокращенія площади или перехода къ болѣе дешевымъ культурамъ (замѣна овса просомъ, картофеля—овсомъ и т. д.), можно ожидать для яровыхъ посѣвовъ въ виду нехватки и дороговизны сѣмянъ и убыли рабочихъ силъ (не меньше 25% взрослыхъ мужч.) и рабочаго скота *). До извѣстной степени рынокъ учитываетъ и надежды на возобновленіе вывоза съ открытіемъ Дарданеллъ.

Таковы *рыночные* факторы подъема хлѣбныхъ цѣнъ, кроющіеся въ условіяхъ производства и сбыта хлѣбныхъ товаровъ. Уже въ нарушеніи привычнаго равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ, въ единовременной сосредоточенности спроса при массовыхъ закупкахъ для арміи и распыленности предложенія, кроются широкія возможности для спекулятивной игры на повышеніе.

Цѣлый рядъ факторовъ *внѣрыночнаго* характера долженъ усиливать повышательную тенденцію цѣнъ и спекулятивный азартъ.

V.

Одно изъ самыхъ тяжелыхъ хозяйственныхъ послѣдствій войны въ Россіи—*расчлененіе внутренняго рынка* на рядъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ и замкнутыхъ мѣстныхъ рынковъ. Слабо развитая желѣзнодорожная сѣть при плохой постановкѣ всего желѣзнодорожнаго хозяйства не справлялась и въ нормальное время съ предъявляемыми къ ней запросами. Залежи, заторы, пробки были обычными спутниками усиленнаго движенія грузовъ. Тѣмъ менѣе оказалась способна ж.-д. сѣть справиться съ одновременнымъ обслуживаніемъ нуждъ арміи и товарныхъ рынковъ. Послѣдніе и оказались страдающей стороной.

*) Въ рядѣ губерній сокращеніе яровыхъ посѣвовъ опредѣляется въ 10—20%. Погода, растянувъ періодъ весеннихъ полевыхъ работъ, м. б., нѣсколько ослабитъ послѣдствія убыли работниковъ и скота.

Правда, полный перерывъ товарнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ въ дни первой мобилизаціи продолжался недолго. Но болѣе или менѣе сильное разстройство транспорта тянется все время войны. Всѣмъ причастнымъ къ дѣлу хорошо извѣстны тѣ хлопоты и трудности, съ которыми сопряжены сейчасъ разрѣшенія на провозъ грузовъ. Порайонные комитеты не въ силахъ при недостаточныхъ перевозочныхъ средствахъ справляться съ возложенной на нихъ задачей—регулировать движеніе грузовъ, тѣмъ болѣе, что мѣропріятія порайонныхъ комитетовъ на каждомъ шагу парализуются противоположными распоряженіями мѣстныхъ ж.-д. агентовъ. Въ концѣ концовъ даже для довольно большихъ разстояній оказывается выгоденъ переходъ съ желѣзнодорожной на гужевую доставку. Но и она не всегда возможна вслѣдствіе убыли лошадей. Нѣкоторые районы, напр., Сибирь съ ея обильнымъ урожаемъ хлѣбовъ почти всѣ 9 мѣсяцевъ отрѣзана отъ общерусскаго товарнаго рынка *).

Въ результатѣ такого частичнаго паралича ж.-д. грузооборота и получился распадъ общерусскаго рынка на рядъ мѣстныхъ,—распадъ, напоминающій дореформенное бездорожное время съ его рѣзкими колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ изъ года въ годъ и отъ рынка къ рынку. И теперь въ хлѣбныхъ цѣнахъ нѣтъ обычнаго районнаго соотвѣтствія. Осенью въ портахъ цѣны упали много ниже (до 20%), чѣмъ на внутреннихъ рынкахъ (6%). На потребительскихъ рынкахъ цѣна (напр., на овесъ въ Москвѣ въ ноябрѣ) нерѣдко растетъ въ то время, когда въ мѣстностяхъ, ихъ питающихъ, она падаетъ или остается неподвижной.

Въ нерегулярности подвоза и неувѣренности въ своевременной доставкѣ товаровъ спекуляція черпаетъ новыя силы для дальнѣйшаго взвинчиванія цѣнъ, стараясь въ этихъ цѣляхъ даже усилить эту нерегулярность и неувѣренность. Безспорно установлены случаи умышленнаго сокращенія подвоза скота въ столицы въ цѣляхъ повышенія мясныхъ цѣнъ. Неслучайно, повидимому, отсутствіе подвоза яицъ пришлось на страстную недѣлю. Еще чаще въ расчетѣ на задержки подвоза и возможное повышеніе цѣнъ спекулянты не пускаютъ въ продажу наличныхъ запасовъ товара.

Послѣдствія расшатаннаго грузооборота въ февралѣ и мартѣ нашли сильную опору въ *мѣстныхъ запретахъ вывоза* хлѣбовъ изъ предѣловъ губерніи, особенно участившихся послѣ изданія закона 17 февраля о реквизиціяхъ. Общерусскій рынокъ теперь не только распался на рядъ мѣстныхъ, но эти мѣстные рынки на средневѣковый ладъ отгородились другъ отъ друга таможенными заставами, какъ непроходимой стѣной.

*) Непроданные къ веснѣ остатки хлѣбовъ въ Томской губ. равнялись 50 м. пуд.

Больше всего эти запреты ударили, разумѣется, по потребительскимъ центрамъ, питающимся привозными продуктами. Но и на мѣстахъ снабженія подобныя мѣры дали неожиданные результаты. Когда подъ вліяніемъ запретовъ цѣны начинали падать, крѣпкія руки, въ которыхъ съ осени сосредоточился товаръ, сокращали предложеніе до поднятія цѣнъ на прежній уровень. О фактахъ подобнаго рода сообщалось изъ Воронежской, Орловской и другихъ губерній. Нерѣдко падали только базарныя цѣны на крестьянскій хлѣбъ; биржевыя цѣны удерживались на прежнемъ уровнѣ *).

Несоотвѣтствіе мѣстныхъ запретовъ условіямъ товарнаго обращенія настолько било въ глаза, что потребовало вмѣшательства центральной власти, уже частично отмѣнившей подобныя мѣры сначала для обѣихъ столицъ, а 11 мая почти повсемѣстно для ржи, пшеницы и муки. Но эти частичныя отмѣны отчасти недостаточны, отчасти запоздали.— Мукомольное производство задерживалось отъ перегулярности подвоза зерна къ центрамъ мукомольнаго производства **). Крупный распредѣлительный хлѣбный рынокъ —Рыбинскъ - къ началу мая остался почти безъ запасовъ и не можетъ удовлетворять повышенныхъ запросовъ сѣверныхъ центральныхъ потребительскихъ рынковъ, уже истощившихъ собственные запасы хлѣба.

Перечень причинъ, вызвавшихъ подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ, былъ бы неполонъ, если бы мы не упомянули о введеніи новыхъ и усиленіи старыхъ косвенныхъ или прямыхъ, но переложимыхъ на потребителя налоговъ. Изъ нихъ въ данномъ случаѣ особенно сказался введенный въ декабрѣ военный налогъ на ж.-д. грузы. Проектируется распространеніе налога и на водные грузы. Главный недостатокъ его, особенно въ первоначальной редакціи, впослѣдствіи нѣсколько смягченной, состоитъ въ обложеніи груза опредѣленной ставкой независимо отъ его пробѣга, причемъ не исключается многократное взиманіе налога съ одного и того же товара (напр., съ зерна и муки или при перегрузкахъ). При этомъ эта разновидность косвеннаго налога падаетъ одинаково на разноцѣнные продукты, т. е. дешевые сорта облагаются тяжелѣе дорогихъ. Такъ, на пудъ муки всѣхъ сортовъ налогъ падаетъ одинаково въ размѣрѣ 7 коп. (3 к. на зерно и 4 коп. на муку). Такимъ образомъ, въ замаскированномъ видѣ установленъ хлѣбный налогъ, наихудшая форма косвеннаго обложенія.

*) Тяжелѣе всего—сообщали изъ Ельца въ „Т.-Пр. Газ."—отражается запрещеніе вывоза на промежуточныхъ станціяхъ, и притомъ на крестьянскомъ хлѣбѣ съ возовъ: овесъ при ссыпкѣ подешевѣлъ съ 1 р. 20 до 90 коп. Мѣстами въ виду убыточности цѣнъ крестьяне пріостанавливали ссыпку (Воронежъ, Моршанскъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., въ Самарѣ) большую пользу отъ запрещеній извлекли мукомолы, скупившіе за-дешево зерно, но цѣнъ на муку не понизившіе.

**) Въ Царицынѣ запрещеніе вывоза зерна изъ сосѣднихъ губ. такъ подняло цѣны на наличные запасы зерна, что мельницы прекратили размолъ въ самый разгаръ заготовки муки для верхняго Поволжья и столицъ („Т.-Пр. Газ.").

На хлѣбныхъ цѣнахъ можно прослѣдить распредѣленіе дѣйствія перечисленныхъ причинъ во времени. Къ сентябрю относится первый рѣзкій подъемъ цѣнъ на крупу, вызванный неурожаемъ и закупками для арміи. Въ ноябрѣ тѣ же причины подняли цѣны на овесъ. Въ началѣ декабря повышаются цѣны на всѣ хлѣбные товары подъ вліяніемъ новаго налога на грузы. Съ конца года на цѣнахъ начинаетъ уже сказываться сокращеніе запасовъ, а, можетъ быть, и обезцѣненіе денегъ (о чемъ рѣчь будетъ ниже). Въ февралѣ и мартѣ мѣстные запреты придаютъ подъему цѣнъ особенно нервный характеръ, причемъ въ цѣнахъ все болѣе учитываются возможныя перспективы хлѣбнаго рынка въ новомъ сел.-хоз. году.

VI.

Тѣ же факторы вздорожанія, которые мы прослѣдили на примѣрѣ хлѣбнаго рынка, дѣйствуютъ и на другіе сел.-хоз. продукты.

Осенью идеологи крестьянства были очень озабочены вопросомъ о сбытѣ льна, половина котораго обычно отправляется заграницу. На этотъ разъ выручили плохой урожай (10 м. п. вмѣсто 25) и повышенный спросъ фабрикъ, работающихъ на лазареты. Цѣны на ленъ удержались высокія.

Такъ же разрѣшился и вопросъ со сбытомъ масла. Неурожай и дороговизна кормовъ сократили численность скота и уменьшили удои. Несмотря на наступленіе весенняго сезона, цѣны на молочные продукты до сихъ поръ держатся на высокомъ уровнѣ (на 16% выше прошлогднихъ). Въ ноябрѣ интендантскими операціями и секвестромъ запасовъ цѣны на масло въ столицахъ доведены были до небывалой еще высоты (70—80 к.).

Въ самое послѣднее время чрезвычайную остроту пріобрѣлъ мясной вопросъ. Почти всю зиму цѣны на мясо держались болѣе или менѣе на одномъ уровнѣ, въ Москвѣ были даже временами нѣсколько ниже прошлогднихъ. Но съ половины марта оптовыя цѣны быстро пошли въ гору (въ Москвѣ съ 7 р. 70 до 10 р. 30, т. е. на 34%). Въ розницѣ, какъ всегда, особенно подорожали болѣе дешевые сорта (первый сортъ 19%, второй до 25%, третій на 38%). Въ апрѣлѣ, подъ принудительнымъ давленіемъ таксъ, цѣны немного опустились, (въ Москвѣ до 9 рублей) но за то—упалъ и подвозъ, и Петроградъ во второй половинѣ апрѣля не разъ сидѣлъ безъ мяса.

Въ рѣзкихъ переломахъ цѣнъ на мясо значительно повинна спекуляція. Организація мясной торговли даетъ много простора для спекулятивнаго озорства. Втиснувшіеся между мясниками и прасолами быкобойцы и комиссіонеры—представители крупнаго, отчасти уже банковаго *) капитала—искусно вліяютъ на цѣны, „регулируя" ставки

*) Года 3—4 назадъ на московской мясной биржѣ большой переполохъ вызвало выступленіе въ роли комиссіонера Сибирскаго банка.

площадокъ, размѣры пригона и т. д. Благодаря имъ, разница между цѣной производства и розничной цѣной мяса, вообще очень высокая въ Россіи *), въ этомъ году еще болѣе увеличилась, какъ видно хотя бы изъ разсчетовъ „Торг.-Пром. Газеты".

Мясной голодъ раскачалъ-таки городскія самоуправленія, проспавшія начало дороговизны. Но попытки муниципальной закупки мяса изъ первыхъ рукъ пока еще не упорядочили снабженія потребительскихъ центровъ мясомъ и не понизили замѣтно цѣнъ на него. Помимо неопытности городскихъ дѣятелей и сопротивленія быкобойцевъ и комиссіонеровъ—неудача въ немалой степени объясняется всей конъюнктурой мясного рынка.

Во-первыхъ, большой неурожай кормовъ не могъ не удорожить производства мяса. Если въ началѣ сезона дороговизна кормовъ не отражалась на мясныхъ цѣнахъ, то причиной тому была спѣшная распродажа осенью не откормленнаго скота. Но та же дешевая распродажа, сокративъ предложеніе товара, должна была усилить послѣдующее вліяніе дорогихъ кормовъ на цѣны мяса. Если осеннія и зимнія ярмарки въ степныхъ губерніяхъ отличались низкими цѣнами (въ Заволжьѣ на 16% ниже весны 1914 г.) большимъ пригономъ скота, то запоздавшія весеннія ярмарки характеризуются подъемомъ цѣнъ (въ Заволжьѣ до 25% сравн. съ осенними цѣнами) и малыми размѣрами предложенія.

Во-вторыхъ, экстенсивное мясное скотоводство, какъ извѣстно, распашками степей оттѣсняется все дальше на востокъ и уже въ значительной степени перекочевало въ Азію. Интенсивное мясное скотоводство развивается медленно, не выдерживая конкуренціи степного скота, откармливаемаго на безрентныхъ выпасахъ. Такимъ образомъ, зависимость крупныхъ потребительскихъ рынковъ отъ пріуральскихъ и зауральскихъ гуртовъ очень велика: 40% пригона въ Петроградъ идетъ изъ Сибири. Неправильности грузооборота должны поэтому сильно чувствоваться на снабженіи мясомъ большихъ городовъ, особенно если принять во вниманіе, что въ мясномъ дѣлѣ все еще преобладаетъ дорогой способъ убоя скота на мѣстахъ потребленія, перевозка же битаго мяса, а не живого скота, и въ нормальное время тормазится отсталой техникой транспорта. Эти затрудненія еще болѣе обострились февральскими запретами выгона скота изъ цѣлаго ряда степныхъ и юго-западныхъ губерній. Частичныя отмѣны этихъ запретовъ не разрѣшили мясного кризиса.

Въ-третьихъ, повышеніе спроса на мясо для нуждъ арміи оказалось, повидимому, непосильнымъ для нашего мясного скотоводства,

*) Въ Петроградѣ цѣна производства нарастаетъ по пути къ розницѣ на 40%, въ Парижѣ на 13%.

приноровленнаго къ низкой нормѣ потребленія мяса массами населенія *). Годовое крестьянское потребленіе, по даннымъ бюджетовъ, колеблется между 1—1½ п. на ѣдока. Столичное потребленіе передъ войной равнялось приблизительно 2—3 п. на жителя, т. е. около 4 п. на ѣдока. Военный же солдатскій паекъ въ 1¼ ф. въ день даетъ годовую норму въ 10 пудовъ. Мѣсячный спросъ на мясо возрастаетъ такимъ образомъ не менѣе, чѣмъ на 2—3 м. п. Сельское хозяйство не справилось съ этими повышенными требованіями, что признается уже до извѣстной степени и офиціально. Одна изъ безчисленныхъ продовольственныхъ комиссій въ Петроградѣ подъ предсѣдательствомъ ген. Фанъ-деръ-Флита въ засѣданіи 14 апрѣля выразила опасенія, что частному потребленію мяса, если война затянется, къ концу лѣта придется испытывать нѣкоторый недостатокъ. Возможно, что этотъ моментъ наступитъ и раньше. Осторожный мясной обозрѣватель „Т.-Пр. Газеты" устанавливаетъ уже фактъ нехватки черкасскаго скота и рекомендуетъ переходить на баранину и свинину. Удивительно ли, что рынокъ и спекуляція заранѣе учитываютъ эту возможность.

Подведемъ нѣкоторые итоги. Наглядная несообразность чрезмѣрнаго вздорожанія продуктовъ питанія въ запертой житницѣ Европы находитъ себѣ въ концѣ концовъ очень простое объясненіе въ *низкомъ уровнѣ производительныхъ силъ въ земледѣліи*. Незнакомый Западу гость нашей деревни—неурожай—посѣтилъ страну и наканунѣ войны. Милліардный отпускъ сел.-хоз. продуктовъ въ Европу брался не отъ избытковъ, а отъ недоѣданія народныхъ массъ. Удовлетворить въ должной мѣрѣ повышенные запросы внутренняго потребленія отсталое сельское хозяйство особенно при плохомъ урожаѣ 1914 года оказалось не въ силахъ. Это несоотвѣтствіе спроса и предложенія было исходной точкой для подъема цѣнъ, получившаго затѣмъ рядъ дополнительныхъ толчковъ отъ разстройства транспорта, различныхъ внѣрыночныхъ воздѣйствій и, наконецъ, спекуляціи.

VII.

Та же хозяйственная отсталость является главной причиной и вздорожанія *продуктовъ промышленности*.

Въ отличіе отъ Запада, уже обѣими ногами вступившаго въ полосу промышленнаго застоя, война застала россійскую промышленность только на склонѣ отъ подъема къ упадку. При этомъ признаки поворота проявлялись по преимуществу въ сферѣ дѣятельности денежнаго капитала. Что касается промышленнаго капитала, особенно вложеннаго въ производство средствъ производства, то несоотвѣтствіе его дѣятель-

*) Стоитъ напомнить, что за послѣдніе годы „въ нѣкоторыхъ районахъ скотоводство отсталo сокращаться, а въ общемъ по Имперіи приростъ рогатаго скота отсталъ отъ прироста населенія". (Объясн. зап. къ смѣтѣ 1913 г.).

ности хозяйственнымъ запросамъ страны, ярко выразившееся въ пресловутыхъ „голодахъ“, затянуло для него періодъ процвѣтанія: до самаго начала войны производство продолжало расширяться, предложеніе отставало отъ спроса, цѣны росли.

Въ худшемъ положеніи застала война текстильную и другія отрасли промышленности, работающія на массоваго потребителя; онѣ все время особнякомъ стояли на пиршествѣ подъема и чуть не ежегодно переживали частные кризисы.

Война, оторвавъ промышленность отъ международнаго рынка, съ одной стороны лишила ее привозныхъ средствъ производства, съ другой предъявила къ ней новыя требованія двоякаго рода Во-первыхъ, промышленность должна обслуживать многочисленныя потребности войны. Во-вторыхъ, на ея плечи легла забота и о тѣхъ потребностяхъ населенія, которыя раньше удовлетворялись европейской и американской промышленностью (англ. уголь, герм. краски и т. д.). Положеніе усложнялось тѣмъ, что такой передовой районъ, какъ Польша, ставъ театромъ войны, почти прекратилъ промышленную дѣятельность.

Воспитанная подъ строгой таможенной охраной на чрезмѣрной эксплуатаціи рабочей силы и потому технически отсталая, россійская промышленность не обнаружила въ достаточной мѣрѣ тѣхъ жизненныхъ силъ, которыя помогли мощной германской промышленности, попавшей въ еще болѣе трудное положеніе, приспособиться къ условіямъ военнаго времени.

Тяжелая горнозаводская промышленность, предпочитавшая постоянному кадру рабочихъ притокъ болѣе дешевыхъ и свѣжихъ избыточныхъ силъ деревни, терпитъ теперь острую нужду въ рабочихъ, уходящихъ домой на замѣну призванныхъ отцовъ и братьевъ. Горнозаводское производство поэтому, несмотря на хорошій спросъ, поддерживаемый войной, вынуждено сокращаться: за время войны по сравненію съ прошлымъ годомъ добыча угля въ Донецкомъ районѣ упала на 25%; отпускъ товара Продаметомъ упалъ на 27%. Несоотвѣтствіе на рынкѣ спроса и предложенія гонитъ цѣны товаровъ вверхъ. Дороговизна сырья и топлива затѣмъ передается продуктамъ верхнихъ этажей промышленности.

Производство издѣлій страдаетъ кромѣ того отъ отсутствія привознаго сырья и заграничныхъ машинъ. Среднеазіатскій хлопокъ, несмотря на полуторный урожай этого года, не заполняетъ нехватки американскаго хлопка. Краски для тканей, электрическіе приборы и т. д. были въ Россіи по преимуществу заграничнаго происхожденія. Высокія цѣны на привозныя средства производства перелагаются, конечно, на издѣлія.

Технической отсталостью обусловливается и хозяйственная неповоротливость промышленности. Перемѣны въ спросѣ, созданныя войной, должны были бы повести къ крупному перераспредѣленію производства.

Но этотъ процессъ происходитъ въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Часть новыхъ нуждъ поэтому остается неудовлетворенной, а въ то же время нѣкоторыя отрасли промышленности переживаютъ застой, граничащій съ крахомъ. Такая неупорядоченность производства съ двухъ противоположныхъ сторонъ ведетъ къ повышенію цѣнъ.

Во-первыхъ, ростутъ цѣны на тѣ продукты, которыхъ промышленность не даетъ въ достаточномъ количествѣ (уголь, желѣзо, ткани). И здѣсь вытекающая изъ рыночной конъюнктуры повышательная тенденція получаетъ добавочные толчки какъ отъ спекуляціи, такъ и отъ внѣрыночныхъ воздѣйствій на цѣны (разстройство грузооборота, ограниченіе свободной продажи угля, работа многихъ заводовъ и фабрикъ исключительно или предпочтительно на казну, новые акцизы, высокій — 2 р. 50 коп. — налогъ на хлопокъ, военный налогъ на грузы и т. д.) Въ частности стоитъ отмѣтить огульное повышеніе всѣхъ таможенныхъ пошлинъ; эта мѣра должна еще болѣе затруднить ввозъ иностранныхъ товаровъ и повысить цѣны на товары собственнаго производства.

Во-вторыхъ, упадокъ дѣлъ въ нѣкоторыхъ производствахъ (конфекціонъ, предметы роскоши, строительные матеріалы), хотя и можетъ сопровождаться нѣкоторымъ пониженіемъ цѣнъ на продукты, но въ то же время, сокращая сумму торговыхъ оборотовъ при отсутствіи размѣна на золото, косвенно содѣйствуетъ повышенію цѣнъ на всѣ другіе товары. Здѣсь мы уже подходимъ къ общей причинѣ вздорожанія, кроющейся въ условіяхъ денежнаго обращенія.

VIII.

Въ началѣ войны закономъ 23 іюля былъ временно, „впредь до минованія чрезвычайныхъ обстоятельствъ“, пріостановленъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото, и выпускное (эмиссіонное) право Госуд. Банка было увеличено на 1200 м. р. Закономъ 17 марта выпускное право было расширено еще на милліардъ рублей. Такимъ образомъ вмѣсто прежнихъ 300 м. р. Госуд. Банкъ имѣетъ право выпустить сейчасъ на $2^1/_2$ милліарда непокрытыхъ золотомъ билетовъ, а всего, при золотомъ фондѣ въ 1713 м. р. (по балансу на 15 мая) выпускъ билетовъ можетъ быть доведенъ до $4^1/_4$ милліардовъ *).

Къ 15 мая было выпущено билетовъ на 3416 м. р., т. е. остается неиспользованнымъ выпускное право на 800 м. р. Изъ новыхъ кредитныхъ билетовъ до 500 милл. пошло на замѣну вытѣсненной ими изъ обращенія золотой монеты. Такимъ образомъ количество обращающихся въ странѣ денежныхъ знаковъ за время войны увеличилось на 1280 м. р.

*) Чтобы не расширять дальше выпускнаго права, въ изобрѣтательной головѣ проф. Мигулина возникъ проектъ выпуска чистокровныхъ мелкихъ бумажныхъ денегъ еще на 500 м. р.

Марксисты уже съ начала войны высказывались противъ чрезмѣрнаго выпуска неразмѣнныхъ билетовъ для покрытія военныхъ расходовъ, указывая на тяжелыя послѣдствія бумажнаго обращенія для всего народнаго хозяйства вообще, для населенія, живущаго продажей рабочей силы, въ особенности. Голосъ ихъ звучалъ тогда одиноко. Всѣ остальныя направленія общественной мысли частью въ своихъ классовыхъ интересахъ, частью по политическимъ соображеніямъ, частью просто по непониманію законовъ денежнаго обращенія не видѣли или не хотѣли видѣть грозящей опасности *). Лишь сейчасъ, когда обезцѣненіе рубля стало совершившимся фактомъ, либеральная и предпринимательская печать начинаютъ понемногу прозрѣвать. Во всякомъ случаѣ, извѣстная доля вздорожанія, хотя и съ оговорками, относится теперь и ими на счетъ изобилія кредитныхъ билетовъ.

Необходимое для народнаго хозяйства количество денежныхъ знаковъ опредѣляется размѣрами и быстротой товарнаго оборота, причемъ въ расчетъ принимаются кредитныя и платежныя операціи, а также обращеніе денежныхъ суррогатовъ (векселя, чеки и т. д.). При металлической валютѣ излишекъ денежныхъ знаковъ легко исчезаетъ изъ обращенія: кредитные билеты размѣниваются на золото, а золото осѣдаетъ въ видѣ сокровищъ въ кладовыхъ банковъ и въ кубышкахъ и сундукахъ частныхъ лицъ.

При бумажной валютѣ излишекъ денегъ не можетъ выпасть изъ обращенія, такъ какъ бумажныя деньги **) сами по себѣ внѣ обращенія никакой цѣнности не представляютъ. Единственный способъ въ этомъ случаѣ приспособить количество денежныхъ знаковъ къ потребности въ нихъ—соотвѣтствующее обезцѣненіе, паденіе курса денежной единицы.

Усиленные (около милліарда) выпуски неразмѣнныхъ кредитныхъ билетовъ въ первые два мѣсяца войны совпали съ крупными операціями интендантства, реализаціей урожая, сжатіемъ кредита, замедленіемъ товарнаго оборота. Все это увеличивало спросъ на денежные знаки, тѣмъ болѣе, что народное хозяйство съ 1897 года успѣло уже вырости изъ тѣсныхъ рамокъ стараго эмиссіоннаго права. Поэтому первоначально переходъ отъ золотой валюты къ бумажному обращенію происходилъ безболѣзненно: сотни милліоновъ кредитныхъ билетовъ легко усваивались народно-хозяйственнымъ организмомъ.

Съ теченіемъ времени однако положеніе измѣнилось къ худшему. Деньги послѣ реализаціи урожая стали по обыкновенію возвращаться къ своимъ истокамъ. Съ полнымъ или частичнымъ прекращеніемъ

*) Обыкновенно указываютъ на высокій % золотого покрытія кредитныхъ билетовъ (даже теперь 51%). Но этотъ фактъ важенъ лишь для возстановленія золотой валюты. При отсутствіи размѣна рѣшающимъ является количество денежныхъ знаковъ, а не ихъ золотое покрытіе.

**) Кредитные билеты при отсутствіи размѣна и чрезмѣрныхъ выпускахъ фактически превращаются въ бумажныя деньги.

мораторія возобновляются понемногу кредитныя операціи. Съ возстановленіемъ желѣзнодорожнаго движенія ускоряется нѣсколько оборотъ товаровъ. Въ то же время упадокъ хозяйственной дѣятельности понижаетъ общую сумму оборотовъ. Въ результатѣ потребность въ денежныхъ знакахъ сокращается; между тѣмъ выпуски кредитныхъ билетовъ идутъ своимъ чередомъ, хотя и замедленнымъ темпомъ. Къ концу года каналы денежнаго обращенія были уже перенасыщены неразмѣнными билетами. Излишки ихъ выходятъ изъ береговъ, но не порываютъ съ обращеніемъ, а въ видѣ вкладовъ притекаютъ въ кредитныя учрежденія, пассивъ которыхъ растетъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ *). Показатель изобилія денежныхъ знаковъ—паденіе учетнаго % ($7^1/_2$ въ началѣ войны $6^1/_4$ въ январѣ, $5^1/_2$ въ апрѣлѣ). Накопленные вклады превращаются въ займы (на 2 милліарда) и кредитные билеты послѣ нѣкотораго отдыха въ кассахъ банковъ вновь пускаются въ оборотъ.

Изобиліе неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ неминуемо ведетъ къ ихъ обезцѣненію. Раньше всего и нагляднѣе всего обезцѣненіе проявляется въ точкахъ соприкосновенія бумажнаго рубля съ золотомъ—на международномъ денежномъ рынкѣ и на мѣстахъ производства золота.

Уже до войны пассивность нашего платежнаго баланса понизила цѣну русскаго рубля на иностранныхъ рынкахъ: 100 рублей въ маѣ и іюнѣ стоили 263 франка вмѣсто нормальныхъ (паритета) 267 франковъ. 18 іюля курсъ закрѣпленъ былъ на 250 франкахъ, т. е. цѣна франка вмѣсто $37^1/_2$ коп. была опредѣлена въ 40 коп.

Другими словами, офиціально былъ установленъ лажъ (паденіе курса) въ 6—7%. Такой низкій курсъ однако вполнѣ объяснялся тогда ненормальными условіями международнаго денежнаго рынка. Но только ими нельзя объяснить дальнѣйшаго паденія курса, дошедшаго въ декабрѣ до 221 франка ($17^1/_2$%). Правительственныя мѣры по снабженію промышленниковъ валютой и совмѣстныя усилія министровъ финансовъ тройственнаго согласія подняли было курсъ до 224 франковъ, но затѣмъ онъ вновь началъ опускаться. 1 мая совѣщаніе (консорціумъ) петроградскихъ банковъ опредѣлило цѣну франка въ $47_{,5}$ коп., т. е. признало паденіе курса до $210_{,5}$ франковъ или на 23%. Ни отсутствіе валюты, ни высокій страховой рискъ не могутъ объяснить такого паденія: бумажный рубль, несомнѣнно, потерялъ часть своей золотой души.

*) По сводному балансу коммерч. банковъ на 1 января 1915 г. вклады и текущіе счета были на 334 м. р. больше, чѣмъ на 1 янв. 1914 г. (2873 м. р. противъ 2539 м. р.); главныя активныя операціи (учетъ и ссуды) выросли за то же время только на 28 м. р. (съ 3162 до 3190 м. р.). Накопленіе вкладовъ въ сберег. кассахъ съ сентября по апрѣль достигаетъ 38 м. р. въ мѣсяцъ противъ 0,87 м. р. за тѣ же мѣсяцы 1913—1914 г.

Происходившій въ февралѣ съѣздъ золотопромышленниковъ, на открытіи котораго покойный Витте торжественно заявилъ о состоявшемся „разводѣ бумажнаго рубля съ золотой валютой", имѣлъ одно центральное устремленіе—добиться отъ правительства прямого или косвеннаго (путемъ налоговыхъ льготъ) повышенія казенной цѣны на золото.

Сообщенія съ мѣстъ на съѣздѣ констатировали вздорожаніе золота на мѣстахъ производства въ размѣрѣ приблизительно 10%, объясняя это отчасти спекуляціей, отчасти повышеніемъ „себѣстоимости" (отъ 40 до 74 коп. на золотникъ).

Въ началѣ года офиціальный финансистъ кадетской партіи Шингаревъ опровергалъ паденіе курса рубля ссылкой на неравномѣрное повышеніе товарныхъ цѣнъ, но этимъ обнаружилъ только свое экономическое невѣжество. Не говоря уже о томъ, что на ряду съ паденіемъ курса подъемъ цѣнъ вызывается и другими причинами, различно дѣйствующими на различные товары, для обезцѣненія денегъ какъ разъ и характерна *неравномѣрная переоцѣнка* цѣнностей, постепенно расширяющаяся отъ точекъ соприкосновенія бумажныхъ денегъ съ золотомъ на все большій кругъ товаровъ. Первыми при нормальныхъ условіяхъ на новый курсъ откликаются привозные товары, за которые за-границей приходится расплачиваться золотомъ. Но сейчасъ чрезвычайное вздорожаніе ихъ (кофе, чай и т. д.) въ немалой степени вызвано недостаточностью и дороговизной подвоза. Изъ внутреннихъ товаровъ наиболѣе чувствительны къ новому курсу пищевые продукты массоваго потребленія—одна изъ причинъ тѣхъ симпатій, какія землевладѣльцы питаютъ къ бумажному рублю. Неравномѣрность повышенія цѣнъ наряду съ шаткостью бумажной валюты вообще открываетъ при бумажномъ обращеніи широкія возможности для спекулятивной игры.

Товаромъ, медленнѣе всѣхъ другихъ отзывающимся на обезцѣненіе денегъ, является, какъ извѣстно, заработная плата. Другими словами, паденіе курса бумажнаго рубля и вызываемое имъ вздорожаніе товаровъ тяжелѣе всего падаютъ на тѣхъ, кто живетъ исключительно или главнымъ образомъ продажей своей рабочей силы.

IX.

Итакъ, главный виновникъ вызваннаго войной вздорожанія жизни—не спекуляція, а *хозяйственная отсталость* страны, расплачивающейся сейчасъ дорогой цѣной за многочисленные грѣхи прошлаго.

Хозяйственная отсталость оказалась не въ силахъ удовлетворить тѣ повышенныя требованія, которыя предъявляются народному хозяйству войной и отрывомъ (изоляціей) страны отъ международнаго рынка. Хозяйственная отсталость мѣшаетъ быстро приспособить производство къ новымъ запросамъ военнаго времени. Хозяйственная отсталость даетъ основанія сомнѣваться даже въ достаточности съѣстныхъ припасовъ въ странѣ. Хозяйственная отсталость съ ея слабымъ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти привела къ распаду страны на мелкіе мѣстные рынки. Хозяйственная отсталость съ ея бѣдностью капиталами и медленнымъ накопленіемъ ихъ ускорила переходъ отъ золотой къ бумажной валютѣ. Наконецъ, хозяйственная отсталость дала и даетъ и то соотношеніе общественныхъ силъ, которымъ опредѣляется направленіе общей, экономической и финансовой политики страны.

Хозяйственная отсталость—первоисточникъ переживаемаго сейчасъ вздорожанія. Въ этомъ глубокое отличіе его отъ той дороговизны, которая имѣла мѣсто до войны и опиралась на капиталистическое развитіе страны, т. е. на хозяйственный прогрессъ. Это противопоставленіе двухъ видовъ дороговизны по ихъ происхожденію открываетъ нѣкоторыя перспективы и на будущее.

Каковъ бы ни былъ исходъ войны, онъ не въ силахъ остановить капиталистическаго развитія Россіи; онъ можетъ только ускорить или замедлить темпъ этого развитія. Капиталистическая страна не можетъ быть самодовлѣющей страной, оторванной отъ международнаго рынка. Такимъ образомъ, послѣ войны должно возстановиться и то повышательное движеніе цѣнъ, которое является однимъ изъ необходимыхъ звеньевъ современнаго капитализма и создается ростомъ земельной ренты съ одной стороны, вытѣсненіемъ конкуренціи монополіей въ промышленности съ другой.

Въ то же время, каковъ бы ни былъ исходъ войны, она наряду съ возможнымъ (проблематичнымъ) ускореніемъ хода капиталистическаго развитія (контрибуція, успѣхи колоніальной политики на Ближнемъ Востокѣ, пріобрѣтеніе проливовъ и т. д.) *) несетъ странѣ и рядъ несомнѣнныхъ послѣдствій, способныхъ укрѣпить ея хозяйственную отсталость. Таковы опустошеніе обширнаго района, бывшаго театромъ войны, гибель массы рабочихъ силъ, разореніе многихъ крестьянскихъ семей **), возвратъ деревни къ старымъ экстенсивнымъ культурамъ, финансовое и денежное разстройство, нецѣлесообразная экономическая политика и т. д. Эти послѣдствія должны въ свою очередь на болѣе или менѣе долгій срокъ удержать и ту повышательную тенденцію, которая во время войны расцвѣла такимъ пышнымъ цвѣтомъ на почвѣ хозяйственной отсталости страны.

Такимъ образомъ возможно, что въ ближайшее время послѣ войны будутъ одновременно и въ одномъ направленіи дѣйствовать на

*) Мы указываемъ на возможности, не опредѣляя своего отношенія къ нимъ. Какъ видно изъ дальнѣйшаго, одной изъ вѣроятныхъ возможностей явится углубленіе противорѣчія между развивающейся промышленностью и отсталостью сельскаго хозяйства,—того противорѣчія, которое тяжелой гирей тяготѣло на экономическомъ развитіи страны и только-что стало какъ будто сглаживаться въпослѣдніе годы передъ войной.

**) Война совершенно заслонила заботы о продовольствіи населенія въ неурожайныхъ мѣстностяхъ.

цѣны *двѣ противоположныя силы,* усиливая своимъ совмѣстнымъ напоромъ вздорожаніе жизни. И если съ теченіемъ времени будетъ отмирать дѣйствіе на цѣны хозяйственной отсталости, то въ то же время будетъ расти дѣйствіе капиталистическаго развитія. Другими словами, рано или поздно должны измѣниться причины вздорожанія, но само оно останется длительнымъ, а не мимолетнымъ явленіемъ. Это надо имѣть ввиду при выработкѣ мѣръ борьбы съ дороговизной.

К. Дмитріевъ.

Война и демократія.

Міровая война захватила демократію всѣхъ европейскихъ странъ совершенно неподготовленной. Эта неподготовленность явилась не столько результатомъ неожиданности войны, сколько результатомъ непродуманности тѣхъ положеній, которыя считались до войны общепринятыми. Поясню это однимъ примѣромъ. Наиболѣе демократическія требованія въ области военной организаціи сводятся къ требованію введенія милиціи вмѣсто постоянныхъ армій. Это требованіе было общепризнаннымъ, какъ наиболѣе цѣлесообразное при существованіи капиталистическаго строя. Но назначеніе милиціи должно было заключаться не только въ парадированіи передъ обывателями, но какъ наиболѣе цѣлесообразное орудіе самозащиты страны противъ нападенія другой страны. Т. е. демократія считала самозащиту страны отъ нападенія одной изъ своихъ задачъ. Очевидно также, что стремленіе замѣнить постоянную армію милиціей вытекало изъ желанія устранить завоевательныя стремленія, которыя связаны съ милитаризмомъ.

Принципъ самозащиты отъ внѣшняго политическаго или экономическаго гнета настолько глубоко укрѣпился въ умахъ демократіи, что даже германское правительство, нападая на сосѣднія страны (начиная съ Сербіи), старалось показать, что оно только защищается и въ цѣляхъ самозащиты вторглось въ Бельгію.

Но если самозащита не только не противорѣчитъ интересамъ демократіи и интернаціонала, но выдвигается въ программѣ демократіи (въ видѣ требованія милиціи), то нападки на бельгійскихъ и французскихъ соціалистовъ, принявшихъ горячее участіе въ самозащитѣ *) Франціи и Бельгіи, очевидно, вытекаетъ изъ недостаточно продуманнаго отношенія къ старымъ программнымъ требованіямъ. Въ этомъ и сказалась неподготовленность демократіи къ войнѣ.

*) Мы не говоримъ о тѣхъ или другихъ промахахъ французскихъ или бельгійскихъ соціалистовъ, промахахъ, которые были неизбѣжны въ такомъ крупномъ событіи.

Среди представителей русской демократіи эта неподготовленность выразилась и въ другомъ явленіи. Многіе единомышленники неожиданно другъ для друга оказались разномыслящими въ вопросѣ о войнѣ, а многіе, бывшіе въ разныхъ лагеряхъ по другимъ основнымъ вопросамъ общественно-политической жизни, оказались по отношенію къ войнѣ въ одномъ лагерѣ. При россійскихъ литературныхъ нравахъ это повело къ заушеніямъ (статья Алексинскаго о провокаціи въ „Совр. Мірѣ"), къ, вѣроятно, безсознательнымъ литературнымъ передержкамъ и т. д. *). Все это было бы очень печально, еслибы, какъ я постараюсь показать, это не было скоропреходящимъ. Въ результатѣ такой неподготовленности являются даже попытки, на основаніи временнаго расхожденія по вопросу о войнѣ, обосновать новый фракціонный „красный передѣлъ", игнорируя всю предшествовавшую въ теченіе десятилѣтій общественно-политическую дѣятельность.

Такъ, Н. Н. Сухановъ въ статьѣ „Мысли и дѣла" („Современникъ" апрѣль 1915 г.), „обзывая" сторонниковъ самозащиты страны „сторонниками войны" и „націоналистами", легкомысленно беретъ на себя чрезвычайно смѣлую задачу внести въ демократію раздѣленіе по новому признаку, по отношенію къ войнѣ.

Это опять таки вытекаетъ изъ неподготовленности массы демократіи къ такому явленію, какъ вспыхнувшая война. Наконецъ, неподготовленность выразилась и въ томъ, что большинство представителей демократіи имѣетъ неясное представленіе объ экономическомъ значеніи войны. Приведу одинъ, но достаточно яркій примѣръ. Въ „Сибирскомъ Обозрѣніи" въ статьѣ „Демократія среди воюющихъ странъ", Квирильскій, полемитируя со мной, пишетъ: „Въ 1904 году Германія принудила правящую Россію къ торговому договору, сущность котораго сводится къ примѣненію принципа свободной торговли по отношенію къ фабрикатамъ, ввозимымъ изъ Германіи въ Россію, при сохраненіи протекціонныхъ пошлинъ на продукты сельскаго хозяйства, ввозимые изъ Россіи въ Германію". Когда я писалъ объ опасности для Россіи при побѣдѣ Германіи обратиться въ колонію Германіи, то я, именно, опасался тѣхъ отношеній, которыя, по мнѣнію Квирильскаго, уже существуютъ съ 1904 года. Ибо эти отношенія съ экономической стороны и характерны для отношеній метрополіи къ колоніи. По мнѣнію Квирильскаго, Россія уже была колоніей Германіи съ 1904 года. Такая неосвѣдомленность **) является результатомъ неподготовленности къ пониманію значенія современныхъ событій и отражается вредно не только на взглядахъ автора... Этотъ, какъ перечисленные выше факты, объясняется, конечно, не легкомысліемъ авторовъ, а исключительно неподготовленностью къ происходящимъ событіямъ.

*) Чтобы устранить элементъ „заушеній", я не буду приводить многочисленныхъ примѣровъ такого рода полемики.

**) Благодаря той же причинѣ Н Сухановъ зачислилъ меня въ бывшаго защитника свободы торговли и въ протекціониста въ настоящее время:— усмотрѣлъ переворотъ во взглядахъ. Слишкомъ „скоропоспѣшно"!

II.

Если бы исходить только изъ приведенныхъ мною фактовъ, то положеніе дѣла должно было бы казаться, если не безнадежнымъ, то очень тяжелымъ. Многіе авторы, писавшіе о демократіи и войнѣ, дѣйствительно, приходятъ къ крайне пессимистическимъ выводамъ. Но я позволю себѣ утверждать, что и эти пессимистическіе выводы также являются результатомъ неожиданности войны и вызванныхъ ею слѣдствій и что положеніе вещей вовсе не такъ безысходно, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Главная трудность положенія, въ которое попала европейская демократія, заключается въ томъ, что національные интересы демократіи воюющихъ странъ какъ будто вступили въ противорѣчіе съ интернаціональными интересами, что тѣ и другіе многимъ представляются непримиримыми.

Если бы, дѣйствительно, національные интересы были непримиримы съ интересами интернаціональными, то тѣ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія необходимости защиты національныхъ интересовъ, должны столкнуться съ тѣми, кто ставитъ въ главу дѣла интересы интернаціональные. Но эта бѣда была бы еще не большая. Какъ мы замѣтили, и сейчасъ уже есть любители расколовъ и раздѣловъ, готовые по признаку защиты національныхъ и интернаціональныхъ интересовъ дѣлиться на ся. Къ этому мы привыкли. Но дѣло обстояло бы гораздо хуже: если бы національные интересы были противоположны и непримиримы съ интернаціональными, то существованіе интернаціонала было бы утопіей. Ибо широкія народныя массы никогда не встали бы на интернаціональную точку зрѣнія, никогда не были бы ея сторонниками, если бы она противорѣчила непосредственнымъ ближайшимъ интересамъ этихъ народныхъ массъ. Идеалистическіе моменты въ исторіи, разумѣется, имѣютъ огромное значеніе, но лишь постольку, поскольку они опираются на реальные интересы.

Къ счастію, національные интересы вовсе не находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ интересами другихъ націй, съ интернаціональными интересами.

Задача демократіи и заключается въ томъ, чтобы защита національныхъ интересовъ не находилась въ противорѣчіи съ интересами интернаціональными. Этимъ и должна опредѣляться линія поведенія демократіи.

Ея поведеніе во время мира является общепризнанной и не нуждается въ комментаріяхъ.

Но вотъ вспыхнула война. Уже изъ линіи поведенія демократіи во время мира ясно, что война не можетъ быть вызвана демократіей. Если бы демократія была въ силахъ предупреждать и устранять войны, то ей нечего было бы выдвигать принципъ милиціоннаго вооруженія, такъ какъ тогда и милиція была бы не нужна. Очевидно, если, напримѣръ, во Франціи шли споры о замѣнѣ трехлѣтней службы милиціей, то для того, чтобы имѣть возможность защищаться, но не нападать, не завоевывать. Этой исходной точкой зрѣнія должна была руководствоваться демократія и во время войны.

Но оставаясь вѣрной основному, изложенному нами принципу, демократія не можетъ имѣть одинаковаго отношенія къ войнѣ на различныхъ стадіяхъ ея развитія. Впрочемъ, одинаковаго отношенія къ веденію войны не можетъ быть ни у одной части населенія страны, потому что, въ противномъ случаѣ, войны никогда не кончались бы до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ противниковъ не уничтоженъ.

Но это измѣненіе отношенія къ войнѣ у различныхъ слоевъ населенія и у различныхъ партій не одинаково. Когда задача самозащиты со стороны населенія данной страны исполнена, когда опасность экономической или политической зависимости благодаря нападенію другой страны исчезла, для демократіи продолженіе самозащиты является уже безцѣльнымъ, между тѣмъ, какъ націоналисты съ этого момента начинаютъ ставить завоевательныя цѣли. Поэтому, напримѣръ, во Франціи или Бельгіи объединеніе всѣхъ слоевъ населенія въ цѣляхъ самозащиты,—если демократія будетъ послѣдовательной,—будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Германія не согласится очистить Бельгію и Францію.

Такимъ образомъ, постольку, поскольку французская или бельгійская демократія еще находится въ стадіи самозащиты, въ періодѣ очищенія своей территоріи отъ вторгнувшейся Германіи, она не можетъ говорить о мирѣ, если въ состояніи бороться. Но если эта задача самозащиты исполнена, демократія, будучи послѣдовательной, должна добиваться заключенія мира. При этомъ условіи и правительство нападающей страны будетъ склонно къ заключенію мира, такъ какъ его завоевательныя цѣли не могутъ быть осуществлены. До этого момента требованіе мира со стороны французской и бельгійской демократіи было бы равносильно отдачѣ завоеванныхъ провинцій завоевателю, такъ какъ вопросъ о мирѣ, такъ же, какъ и начало войны, рѣшается начавшимъ войну правительствомъ. Пока германская демократія не добилась изнутри очищенія завоеванныхъ провинцій, ихъ очищеніе не можетъ быть произведено иначе, чѣмъ самозащитой французской и бельгійской демократіи.

Самозащита страны не находится въ противорѣчіи съ интернаціональными интересами. Но въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ними находятся завоевательныя стремленія. Ибо интернаціональные интересы являются ни больше ни меньше, какъ гармоніей національныхъ интересовъ, выражающейся въ обширномъ сотрудничествѣ демократій и въ борьбѣ противъ угнетенія другихъ народностей, отъ кого бы это угнетеніе не исходило. Если бы демократія различныхъ странъ пришла къ мысли о взаимной защитѣ отъ нападеній имперіалистскихъ странъ, то, вѣроятно, ни одно правительство не рѣшилось бы на нападеніе. Даже въ настоящей войнѣ Австро-Венгрія не напала бы на Сербію, если бы знала, что Англія присоединится къ Франціи и Россіи.

При современныхъ завоевательныхъ стремленіяхъ имперіалистскихъ странъ вопросъ о мирѣ тогда, когда уже сдѣлано

одной изъ странъ нападеніе, можетъ рѣшаться въ трехъ направленіяхъ:

1) Непротивленіе нападающему и согласіе на всѣ условія и требованія, какія онъ предъявитъ. Такое поведеніе,—сохраненіе мира во что бы то ни стало,—противорѣчитъ интернаціональнымъ интересамъ, противорѣчитъ принципамъ интернаціонала, потому что приводитъ къ угнетенію тѣхъ, кто не хочетъ войны и открываетъ дорогу для безудержнаго хищничества.
2) Сопротивленіе нападающему и, при успѣхѣ, переходъ къ завоеваніямъ. При этомъ условіи роли мѣняются и стремленіе къ самозащитѣ превращается въ стремленіе къ хищничеству и также начинаетъ противорѣчить интернаціональнымъ интересамъ.
3) Принципіальная постоянная позиція самозащиты, ставящая задачей лишь защиту экономическихъ и политическихъ интересовъ своей страны, и признаніе такихъ же интересовъ за всѣми другими странами. Только такая позиція не находится въ противорѣчіи съ интернаціональными интересами и, будучи систематически проводимой демократіями всѣхъ странъ, послужитъ гарантіей противъ завоевательныхъ стремленій имперіалистскихъ странъ.

Наивно было бы думать, что даже послѣ пораженія Германіи имперіалистскій милитаризмъ исчезнетъ. Если въ настоящій моментъ нападающей, наиболѣе сильной и подготовленной стороной была Германія, то въ слѣдующій историческій моментъ можетъ занять такое же положеніе другая страна. Допустимъ, что такой страной будетъ Китай. Допустимъ, что Китай или другая страна, при помощи европейскаго же капитала вооружена „до зубовъ“. Если Германія, имѣя внутри страны сильное сопротивленіе агрессивной политикѣ, могла начать борьбу, то страна съ слабой демократіей сдѣлается новой угрозой миру. Очевидно, что и въ будущемъ принципъ несопротивленія при нападеніи, положимъ, Китая явится не только безполезнымъ, но даже вреднымъ.

III.

Но если противникамъ національной самозащиты угрожаетъ опасность впасть въ противорѣчіе съ интересами демократіи собственной страны и играть въ руку завоевательнымъ стремленіямъ страны нападающей, то съ другой стороны сторонникамъ точки зрѣнія самозащиты грозитъ опасность націоналистическихъ и имперіалистическихъ поползновеній. Ибо завоевательныя стремленія имперіалистовъ исходятъ якобы изъ интересовъ національной демократіи.

Имперіалисткая агитація, въ особенности за послѣдніе годы, имѣла такое огромное идейное явленіе, что даже наиболѣе „ортодоксальные“ соціалисты оказались подъ ея вліяніемъ. Такъ, многіе германскіе и нѣкоторые русскіе соціалисты стали утверждать, что развитіе капитализма въ Германіи сдѣлало необходимымъ и неизбѣжнымъ завоеваніе для нея новыхъ рынковъ, новыхъ колоній *). Безъ такого де завоеванія

*) Эта „необходимость“ захватить чужое присуща всѣмъ странамъ, при чемъ аппетиты обнаруживаютъ одинаково и консерваторы и либералы....

германскому капиталистическому народному хозяйству грозилъ бы крахъ. Изъ этого положенія, въ корнѣ неправильнаго, дѣлаются два противоположныхъ вывода. Одни (германскіе соціалисты праваго крыла) дѣлаютъ выводъ о необходимости поддержки германскаго имперіализма, какъ необходимаго условія для существованія германскаго народнаго хозяйства. Другіе дѣлаютъ чисто синдикалистскій выводъ о необходимости и неизбѣжности теперь же перескочить въ новый экономическій строй, такъ какъ капитализмъ „изжилъ себя“ и не можетъ больше существовать безъ новыхъ завоеванныхъ рынковъ и міровыхъ войнъ. Исходя изъ этого, пришлось бы признать и выводъ, что пока міровое хозяйство и міровыя соціальныя отношенія остаются не подготовленными для новаго соціальнаго строя, до тѣхъ поръ міровыя войны будутъ необходимы для существованія современоаго хозяйства. Т. е. общая посылка крайнихъ соціалистовъ съ имперіалистами приводитъ первыхъ въ объятія послѣднихъ. Имперіалисты въ такомъ случаѣ правильно утверждаютъ, что если завоеваніе необходимо для существованія народнаго хозяйства, то и завоевательная война необходима: вѣдь если осуществленіе другого высшаго экономическаго строя въ настоящій моментъ невозможно, то развитіе капиталистическаго хозяйства необходимо, какъ необходимой предпосылки лучшаго строя, такъ какъ капитализмъ все таки является высшей, сравнительно съ предыдущими, формой хозяйственнаго развитія. Къ счастію, сама посылка, изъ которой исходятъ имперіалисты, совершенно неправильна. Напримѣръ, для Германіи, которая въ послѣдніе годы вела наиболѣе агрессивную политику, вызвавшую войну, завоеваніе новыхъ рынковъ вовсе не было необходимо, хотя и было бы выгодно. Какъ я старался показать въ своей брошюрѣ („Экономическія причины міровой войны“), Германія экономически развивалась быстрѣе другихъ капиталистическихъ странъ, не смотря на отсутствіе колоній и, въ значительной степени, благодаря ихъ отсутствію. Разумѣется Германіи было бы выгоднѣе сбывать въ Россію товаровъ не на 800 милл., а на 8 милліардовъ путемъ безпошлиннаго ввоза и уничтоженія русской промышленности, но и безъ этого Германія развивалась и могла бы дальше развиваться. Если и произошло военное столкновеніе то не потому, что оно неизбѣжно вызывалось экономическимъ развитіемъ Германіи, а потому, что въ Германіи соціальныя силы, поддерживавшія милитаризмъ, оказались сильнѣе противоположныхъ силъ. При болѣе демократическомъ строѣ Германіи этого конфликта могло бы и не быть. Его вѣроятно не было бы, если бы въ Германіи были увѣрены въ присоединеніи Англіи къ Франціи и Россіи...

V.

Германія, оказавшись болѣе другихъ подготовленной, болѣе другихъ странъ заинтересованной въ войнѣ, начала ее съ полной надеждой на побѣду и завоеваніе. Тѣмъ не менѣе почти всѣ слои германскаго населенія утверждаютъ, что нападающій стороной не является Германія, что при современныхъ условіяхъ

трудно рѣшить, кто является нападающей стороной, и кто защищается. То же говорятъ и германскіе соціалисты, а за ними и нѣкоторые другіе. Всѣ, дескать, драчуны, праваго и виноватаго не найдешь. Если исходить изъ моральной точки зрѣнія, то, можетъ быть, и трудно, если не невозможно найти праваго и виноватаго. Но когда идетъ рѣчь о самозащитѣ и нападеніи то вопросъ разсматривается не съ моральной точки зрѣнія. Всѣ современныя государства, такъ же какъ и раньше, питаютъ поползновенія къ захвату или эксплуатаціи сосѣднихъ странъ и тѣмъ не менѣе мы можемъ разобраться кто нападаетъ и кто защищается. *). Сербія могла имѣть самыя хищническія поползновенія на Австрію, всетаки Австрія напала на Сербію, а не обратно. Бельгійцы могли мечтать (мечать не возбраняется) проглотить Германію, но напала на Бельгію Германія. Россія, можетъ быть, черезъ десятилѣтіе могла бы обладать большей военной силой, чѣмъ Германія, но въ 1914 году была подготовлена къ нападенію именно Германія. Г. В. Плехановъ въ своей статьѣ, по моему мнѣнію, очень остроумно и правильно замѣтилъ, что кто отказывается отъ рѣшенія вопроса о томъ. какая страна нападаетъ и какая защищается, тотъ тѣмъ самымъ признаетъ себя неспособнымъ обсуждать вопросъ о войнѣ.

Въ настоящее время опасность для Россіи экономическаго, а для Сербіи и Бельгіи политическаго порабощенія завоевателями повидимому исчезаетъ, и на смѣну являются не только націоналистическія вожделѣнія различныхъ общественныхъ группъ, но и вожделѣнія опустошить карманы своихъ соотечественниковъ подъ фирмой патріотизма. Многіе предприниматели уже предвкушаютъ эксплуатацію своей страны путемъ повышенія таможенныхъ пошлинъ, спекулируютъ, пользуясь дороговизной, и, крича о „нѣмецкомъ засиліи", набиваютъ карманы и т. д. Все это затрудняетъ правильную постановку вопроса о самозащитѣ, но не измѣняетъ ее, а только побуждаетъ строже ограничиваться отъ загребистыхъ „патріотовъ" либеральной, или консервативной марки одинаково.

П. Масловъ.

Биржи Труда.

На поверхность нашей общественной жизни военное время выдвинуло вопросъ объ организаціи городскихъ биржъ труда, стремящихся взять въ свои руки дѣло посредничества между предложеніемъ и спросомъ на трудъ.

*) Въ данномъ случаѣ не важно, кто первый объявилъ войну, кто первый сказалъ „э", важно то, какая страна готовилась къ нападенію и какая принуждена была къ войнѣ для самозащиты. Бельгія и Франція и Англія первыя объявили войну Германіи, и тѣмъ не менѣе онѣ не хотѣли войны и не были къ ней подготовлены.

Толчкомъ къ этому новому въ Россіи начинанію послужили отчасти необходимость пріисканія работы для тысячъ женъ запасныхъ, отчасти же неустойчивость и перемѣнчивость условій рабочаго рынка, вызванныя приспособленіемъ промышленной жизни къ нуждамъ военнаго времени, отчасти другія политическія и экономическія причины, на которыхъ мы останавливаться не будемъ.

Такъ или иначе, рядъ нашихъ городовъ, въ томъ числѣ и Петроградъ, въ настоящее время заняты устройствомъ Биржи Труда причемъ главная организаціонная работа ведется пока различными общественными элементами.

Въ виду того, что затрагиваемые Биржами Труда вопросы, какъ напримѣръ *вопросъ объ условіяхъ найма на работу*, о пріисканіи мѣстъ для безработныхъ, *о регистраціи* и правильной статистикѣ *безработицы* и др. *представляютъ большой интересъ*, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи коснемся того опыта, который имѣется въ дѣлѣ организаціи рынка труда въ Западной Европѣ и у насъ, чтобы съ помощью этого опыта сознательнѣе подойти къ возникающимъ сейчасъ организаціямъ.

I.

Самымъ желательнымъ для рабочихъ рѣшеніемъ вопроса объ организаціи рабочаго рынка является *регистрація безработныхъ и посредничество между спросомъ и предложеніемъ труда профессіональными союзами рабочихъ*. Однако, такое рѣшеніе вопроса возможно только тамъ, гдѣ *союзы рабочихъ очень сильны*, гдѣ они могутъ добиться этихъ правъ. Въ тѣ годы, когда у насъ профессіональныя союзы быстро развивались и, твердо ставъ на ноги, чувствовали свою силу, они настаивали „на ихъ правѣ вмѣшательства въ каждый случай увольненія рабочаго фабрикой, какъ члена, такъ и нечлена союза и на томъ. чтобы наемъ рабочихъ производился черезъ посредство профессіональныхъ союзовъ". Такъ было въ 19 6 году, а въ слѣдующіе годы, когда наши союзы были почти уничтожены, увольненіе и наемъ рабочихъ снова стали прерогативой хозяевъ, извлекавшихъ изъ неорганизованности рабочихъ свою пользу. Возникшіе на развалинахъ старыхъ новые профессіональные союзы, болѣе слабые и неустойчивые, принуждены были довольствоваться и въ дѣлѣ посредничества при наймѣ болѣе узкими задачами, организуя Бюро по пріисканію мѣстъ для своихъ безработныхъ членовъ.

Только въ Англіи, въ странѣ наиболѣе старыхъ и сильныхъ профессіональныхъ союзовъ, объединившихъ во многихъ профессіяхъ значительное большинство рабочихъ, союзамъ удалось и то далеко не повсемѣстно взять въ свои руки посредничество при наймѣ рабочихъ. Въ тѣхъ фабрикахъ и мастерскихъ, гдѣ организація сильна, она добивалась отъ хозяина условія, чтобы неорганизованные рабочіе къ нему на работу не допускались, и зорко слѣдила за тѣмъ, что-бъ это условіе не нарушалось. Для этого каждый членъ союза обязывался сообщать мѣстному отдѣлу союза о каждомъ освободившемся мѣстѣ; члены же, устраивавшіе на мѣста не членовъ, союзомъ наказывались. Мѣстные отдѣлы посылали ежемѣсячно правленію союза вѣдомость имѣющихся свободныхъ мѣстъ и безработныхъ, а правленіе на основаніи этихъ свѣдѣ-

ній распредѣляла безработныхъ на мѣста, посылало своихъ безработныхъ членовъ въ тѣ города, гдѣ было больше спросу, снабжая безработныхъ проѣздными деньгами.

Но даже въ Англіи организація посредничества союзами, несмотря на сямоотверженную и энергичную борьбу рабочихъ, не смогла охватить весь рабочій рынокъ. Хозяева сначала пытались вести непосредственно борьбу съ рабочими союзами, а когда ихъ попытки уничтожить силу рабочихъ организацій потерпѣли неудачу, стали организовать противъ рабочихъ союзовъ неорганизованныхъ рабочихъ и противоставлять рабочему посредничеству свои посредническія организаціи.

Въ Германіи же профессіональные союзы, несмотря на ихъ организованность и богатство, во всѣхъ своихъ стремленіяхъ добиваться контроля надъ условіями найма и сосредоточить у себя спросъ и предложеніе труда встрѣчали самое упорно сопротивленіе со стороны хозяевъ и ихъ организацій, устраивавшихъ свои посредническіе бюро противъ бюро союзовъ и отказывавшихся признавать за союзами рабочихъ какія либо права въ вопросѣ о наймѣ рабочихъ

Такимъ образомъ, пока профессіональнымъ союзамъ удавалось лишь временно или отчасти организовать и контролировать посредничество труда при наймѣ, въ большинствѣ же случаевъ ихъ силъ ие хватало, чтобы справиться съ этой задачей.

Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что профессіональные союзы даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ они особенно сильно развиты, охватываютъ большей частью колько обученныхъ рабочихъ, въ то время, какъ массы чернорабочихъ организованы слабо и ихъ союзы еще трупнаго значенія не пріобрѣли. Поэтому организація посредничества между спросомъ и предложеніемъ труда профессіональными союзами не разрѣшаетъ вопроеа объ организаціи чернорабочихъ на рынкѣ труда.

А между тѣмъ, чернорабочіе больше всѣхъ страдаютъ отъ того, что нѣтъ организаціи, которая бы озабочивалась пріисканіемъ для нихъ мѣстъ. Трудъ чернорабочихъ непостоянный, смѣна одного мѣста на другое происходитъ у нихъ очень часто, создавая частые періоды безработицы, влекущіе за собою нищету и страданія. Большую часть жизни чернорабочіе проводятъ въ поискахъ заработка, убивая часы и дни въ дежурствахъ у воротъ фабрикъ, въ портахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ время отъ времени требуются „рабочія руки". Скитанія по городу въ поискахъ работы, отсутствіе свѣдѣній о томъ, гдѣ на нихъ имѣется спросъ, отсутсвіе помѣщенія, гдѣ можно было бы провести время и получить указанія о спросѣ дѣйствуютъ самымъ удручающимъ образомъ на самосознаніе чернорабочихъ и не рѣдко толкаетъ ихъ въ соціальную пропасть.

Вопросъ объ организаціи биржъ труда, пригодныхъ для обслуживанія и чернорабочихъ, былъ, однако, поставленъ въ Западной Европѣ лишь тогда, когда сами чернорабочіе зашевелились и предъявили свои требованія на политическія и экономическіе права.

Почти одновременно начался въ Англій, Франціи, Германіи, Швейцаріи и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ въ 80-ыхъ

годахъ подъемъ соціалистическаго движенія, сосредоточившаго свое главное вниманіе на проблемѣ безработицы и сумѣвшаго объединить требованія широкой пролетарской массы, въ частности массы чернорабочихъ, въ борьбѣ за политическія и соціальныя права.

„Право на трудъ" стало въ то время излюбленнымъ лозунгомъ и „новыхъ тредъ-юніонистовъ" въ Англіи и соціалистовъ во Франціи, и соціалъ-демократовъ въ Германіи. Эти то движенія въ связи съ выступленіями самихъ массъ и заставили правительства западно-европейскихъ странъ обратить вниманіе на рабочій вопросъ, подумать о соціальныхъ реформахъ: позаботиться о государственномъ страхованіи рабочихъ, о введеніи и усовершенствованіи фабричной инспекціи, о нормировкѣ рабочаго времени, о прекращеніи преслѣдованій рабочихъ организаціи и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ *правительствами такъ и городскими управленіями разныхъ странъ былъ поставленъ вопросъ объ организаціи посредничества между спросомъ и предложеніемъ труда и сдѣланы практическіе шаги, создавшіе новыя формы такого посредничества.*

II.

Правительственныя мѣропріятія для организаціи рынка труда носятъ *своеобразный характеръ въ разныхъ странахъ, въ зависимости отъ политическихъ и соціальныхъ особенностей той или другой страны.*

Въ Англіи въ 80-хъ годахъ всѣ мѣропріятія въ этомъ направленіи *соединялись съ мѣрами борьбы съ безработицей.* Главное вниманіе правительства Чемберлэна обращено было на устройство общественныхъ работъ, а попутно организовались и въ нѣкоторыхъ городахъ Бюро Труда. Эти *Бюро Труда* возникали почти исключительно во *времена промышленныхъ кризисовъ*, и съ наступленіемъ болѣе благопріятной промышленной конъюнктуры прекращали свою дѣятельность. Англійскія Бюро Труда 80-ыхъ и 90-ыхъ годовъ являлись, такимъ образомъ, лишь *вспомогательнымъ, къ тому же временнымъ органомъ правительственной помощи безработнымъ въ періодъ кризисовъ, и* только въ Лондонѣ удалось создать болѣе постоянное Бюро Труда, развившее свою дѣятельность въ довольно крупномъ масштабѣ, хотя и не имѣвшее рѣшающаго значенія на Лондонскомъ рынкѣ труда.

Слѣдующимъ по времени было возникновеніе *„Биржъ Труда" во Франціи*, но, какъ увидимъ, французскія „Биржи Труда" по содержанію своей дѣятельности совсѣмъ не похожи на то, что мы подъ этимъ именемъ теперь понимаемъ. Узаконивъ въ 1884 г. профессіональные союзы рабочихъ, французское правительство стало покровительственно относиться къ союзамъ, и городскія управленія во главѣ съ Парижскимъ, идя навстрѣчу нуждамъ союзовъ, постарались облегчить имъ работу, предоставивъ въ ихъ распоряженіе *особыя зданія, получившія названія „Биржъ Труда"*. Первая „Биржа Труда" построена была Парижскимъ городскимъ управленіемъ въ 1887 г., но вскорѣ на ея мѣсто выстроено было новое обширное, помѣстительное зданіе, спеціально приспособленное для рабочихъ собраній и организацій. Болѣе чѣмъ 40 другихъ французскихъ городовъ устроили для рабочихъ организацій такіе дома „Биржи Труда".

Во французскихъ „Биржахъ Труда" помѣстились правленія всѣхъ профессіональныхъ союзовъ, редакціи профессіональныхъ журналовъ и посредническія Бюро Труда, организовавшіяся при профессіональныхъ союзахъ.

Во французскихъ „Биржахъ Труда" *пріисканіе мѣста играетъ весьма*

незначительную роль; оно сосредоточено при профессіональныхъ союзахъ, которые, не будучи во Франціи крупной силой, не могутъ играть большой роли и въ дѣлѣ посредничества при наймѣ рабочихъ. *Слабостью союзовъ и отсутствіемъ другихъ общественныхъ организацій воспользовались частные предприниматели, устроившіе во Франціи множество посредническихъ конторъ, не щадящихъ, конечно, кармановъ своихъ кліентовъ.*

Болѣе успѣшно развилась дѣятельность городскихъ Бюро по пріисканію мѣста *въ Швейцаріи и въ Германіи.* Въ Бернѣ такое Бюро образовалось въ 1888, а въ Базелѣ въ 1889 году. *Расходы* по содержанію взяло на себя *городское управленіе*, а *руководство Бюро передано было комитету, въ составъ котораго вошли представители отъ города и союзовъ рабочихъ и хозяевъ.*

Швейцарскія Бюро сравнительно скоро пріобрѣли популярность, главнымъ образомъ среди чернорабочихъ и прислуги, и, благодаря хорошей организаціи, быстротѣ и полной нейтральности въ случаяхъ конфликтовъ между хозяевами и рабочими, достигли вліянія на мѣстномъ рабочемъ рынкѣ.

Въ началѣ 90-ыхъ годовъ идея организаціи городскихъ Бюро по пріисканію мѣстъ перебрасывается изъ Швейцаріи въ Германію, сначала въ Баварію, а затѣмъ и въ Пруссію. Со стороны правительства учрежденіе такихъ Бюро было встрѣчено сочувственно. Даже прусское правительство разослало въ 1894 г. во всѣ городскія управленія циркуляръ, приглашающій организовать въ городахъ съ населеніемъ въ 10.000 человѣкъ и больше Бюро по пріисканію мѣстъ для рабочихъ, а затѣмъ объединить дѣятельность этихъ Бюро въ одномъ руководящемъ центральномъ учрежденіи.

Германскія Бюро по пріисканію мѣстъ развились въ послѣдующіе годы въ крупнѣйшую организацію, охватившую большую часть спроса и предложенія. Въ настоящее время почти всѣ германскіе города съ населеніемъ свыше 50.000 человѣкъ покрыты сѣтью Бюро по пріисканію мѣстъ и устраиваютъ на мѣста ежегодно около 2 милліоновъ человѣкъ. *Такого развитія германскія Бюро по пріисканію мѣстъ, достигли главнымъ образомъ благодаря поддержкѣ, оказанной имъ со стороны профессіональныхъ союзовъ рабочихъ.*

Во многихъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ Германіи, какъ, напримѣръ, въ Штутгардтѣ, *профессіональные союзы даже обязываютъ своихъ безработныхъ членовъ записываться и ежедневно заявляться въ Бюро, ставя это условіемъ полученія ими пособія отъ союза.*

Благодаря такому сотрудничеству профессіональныхъ союзовъ съ Бюро, удалось распространить городское посредничество между спросомъ и предложеніемъ труда какъ на чернорабочихъ, такъ и на обученныхъ рабочихъ: Штутгардтское Бюро имѣетъ особыя помѣщенія и особый штатъ для чернорабочихъ, для металлистовъ и древообдѣлочниковъ, для остальныхъ обученныхъ рабочихъ, для учениковъ и два помѣщенія для женщинъ—работницъ и прислугъ.

Совмѣстная работа союзовъ и Бюро оказалась благотворной для обѣихъ сторонъ: союзамъ она облегчила постановку помощи безработнымъ и обезпечила за ними контроль надъ посредничествомъ, Бюро же она дала возможность такого развитія, котораго при иныхъ условіяхъ они бы достичь не могли.

Особенно важно то, что *союзамъ удалось повліять на политику Бюро въ моменты конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ.* Прусское правительство всячески препятствовало проведенію Бюро принципа нейтральности и не утверждало пункта устава Бюро, по которому „при забастовкахъ и локаутахъ городская Биржа Труда прекращаетъ свою дѣятельность для даннаго предпріятія или данной отрасли производства“. Союзамъ же удалось на практикѣ направлять дѣятельность Бюро въ такомъ именно смыслѣ. Кромѣ того, находясь въ тѣсной связи съ Бюро, союзы могли въ случаѣ нарушенія Бюро этого принципа, быстро принимать мѣры противодѣйствія, предупреждать посланныхъ Бюро на работу о положеніи дѣлъ въ данномъ предпріятіи и т. п.

Союзы же и ихъ дѣятели много способствовали усовершенствованію организаціи и техники Бюро, которыя благодаря этому стали образцовыми учрежденіями въ своей области. Дѣйствуя крайне быстро, умѣло классифицируя и регистрируя безработныхъ, удачно пользуясь телефономъ и телеграфомъ, германскія Бюро добились того, что большая часть спроса направляется къ нимъ и удовлетворяется черезъ ихъ посредство.

Еще въ 1902 году образовался Союзъ германскихъ Бюро по пріисканію мѣстъ, выросшій и окрѣпшій по мѣрѣ усиленія вліянія и расширенія дѣятельности мѣстныхъ Бюро. Союзъ собираетъ періодически съѣзды представителей Бюро, на которыхъ обсуждаются вопросы, связанные съ организаціей, техникой и политикой Бюро. Союзъ регулируетъ и направляетъ работу Бюро и подводитъ итоги ихъ дѣятельности.

Однако, не во всѣхъ городахъ Бюро дѣйствуютъ одинаково успѣшно. Въ *очень многихъ мѣстностяхъ,* въ особенности гдѣ профессіональные союзы слабы или гдѣ союзамъ не удалось пріобрѣсти надлежащаго вліянія на дѣятельность Бюро, *посредническая работа Бюро не вышла изъ узкихъ рамокъ и не достигла сколько нибудь вліятельнаго положенія на рабочемъ рынкѣ.* Въ этихъ мѣстностяхъ вліяніе Бюро оспаривается *частными конторами, предпринимательскими и другими организаціями посредничества, а въ результатѣ господствуетъ неорганизованность, поиски работы въ одиночку по фабрикамъ и заводамъ, потеря излишняго времени, растрата энергіи и здоровья безработныхъ* [1]).

Теперь обратимся къ новѣйшей формѣ организаціи рабочаго рынка, созданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи и, какъ по замыслу, такъ и постановкѣ оставляющей далеко позади всѣ предшествующія мѣропріятія въ этой области.

III.

Послѣ кризиса 1907 года, подъ давленіемъ новаго выступленія англійскаго рабочаго класса на арену политической борьбы въ качествѣ самостоятельной политической партіи, англійскій либерализмъ сталъ на путь широкихъ соціальныхъ реформъ. Къ тому времени уже ярко обрисовались всѣ недостатки и границы государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь страны, выяснилось, что профессіональные союзы, при всей ихъ организованности, силѣ и капиталахъ, не въ состояніи полностью обслужить нужды всей рабочей массы, что всякія организаціи взаимопомощи, какъ бы полезны онѣ не были для своихъ членовъ, массу бѣднѣйшаго населенія нисколько не обезпечиваютъ ни на случай болѣзни, ни на случай старости или нетрудоспособности; выяснилось, что безотлагательно требуются мѣры общегосударственныя для оказанія помощи массѣ рабочихъ, съ цѣлью

[1]) Во время нынѣшней войны германскія Биржи Труда не мало содѣйствовали урегулированію рабочаго рынка и приспособленію его къ нуждамъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ дѣятельность была централизована и координирована. Обсуждается также вопросъ о введеніи въ Биржахъ принципа представительства отъ рабочихъ и оазяевъ на равныхъ началахъ (проектъ внесенъ профессіональными союзами).

подведенія болѣе прочнаго фундамента подъ зданіе соціально разлагающагося капитализма. Англійская буржуазія все это поняла, учла и стала энергично залечивать самыя больныя мѣста своего строя. Проведенъ былъ законъ о государственныхъ пенсіяхъ старикамъ, о государственномъ страхованіи рабочихъ, объ установленіи 8-ми часоваго рабочаго дня для горнорабочихъ, о минимальной заработной платѣ для рабочихъ, занятыхъ въ „потогонныхъ" мастерскихъ, наконецъ, выдвинутъ былъ на очередь вопросъ о борьбѣ съ безработицей и намѣчена была въ этомъ направленіи цѣлая программа, въ составъ которой вошли и были проверены двѣ основныхъ мѣры: организація государственыхъ Биржъ Труда и страхованіе нѣкоторыхъ категорій рабочихъ отъ безработицы.

Англійское государство взяло, такимъ образомъ, организацію Биржъ труда въ свои руки, и вотъ программа, которую она при этомъ намѣтила: Биржи труда должны быть раскинуты по всей странѣ и должны быть одинаково организовоны. Вся страна разбивается на десять округовъ, а каждый округъ имѣетъ свою „распредѣлительную палату" для размѣщенія свободныхъ рабочихъ силъ сообразно спросу. Во главѣ же всѣхъ Биржъ труда должна стать Лондонская распредѣлительная Биржа. Со временемъ Биржи должны быть помѣщены въ особыхъ, спеціально для нихъ выстроенныхъ домахъ, въ которыхъ будутъ отведены комнаты для профессіональныхъ союзовъ и рабочихъ собраній. Руководство Биржами поручается министерству торговли, но въ каждой мѣстности и для каждой профессіи организуются „совѣщательныя комиссіи" изъ представителей рабочихъ, хозяевъ и независимыхъ лицъ, при чемъ этимъ комиссіямъ поручается контроль надъ дѣятельностью Биржъ Труда. Пока пользованіе Биржами необязательно, но въ будущемъ оно должно стать обязательнымъ, въ особенности для необученныхъ чернорабочихъ и рабочихъ сезонныхъ профессій, т. е. тѣхъ элементовъ, которые больше другихъ страдаютъ отъ безработицы. (Рѣчь министра Черчилля въ парламентѣ 19 мая 1909 г.).

Расходы по содержанію Биржъ Труда были исчислены на первый годъ ихъ дѣятельности (1910) въ 1.800,000, а включая расходы на постройку домовъ для Биржъ свыше 2 милліоновъ рублей; эти расходы включены въ государственный бюджетъ.

Что касается до политики Биржъ по отношенію къ конфликтамъ между рабочими и хозяевами, то по программѣ правительства она должна быть выдержана въ духѣ *строгой нейтральности*. При посылкахъ рабочихъ на предпріятія, гдѣ происходитъ забастовка, Биржи должны предупреждать рабочихъ, что въ этомъ предпріятіи забастовка, а предпринимателей, что посылаемые рабочіе локаутированы.

Англійскія Биржи Труда съ одной стороны являются усовершенствованнымъ типомъ германскихъ Бюро, съ другой являются соединеніемъ типа французскихъ „Биржъ Труда" съ германскимъ типомъ. Какъ французскія „Биржи", онѣ хотятъ въ своихъ стѣнахъ объединить всѣ органы рабочаго движенія, какъ германскія Бюро онѣ ставятъ своей основной задачей организацію посредничества между спросомъ и предложеніемъ на трудъ, но хотя техника и политика ихъ построены съ небольшими измѣненіями по образу германскихъ Бюро, ихъ *организація исходитъ не отъ городскихъ управленій, а отъ государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигается однообразіе и повсемѣстность ихъ дѣятельности.*

Созданіе особыхъ „совѣщательныхъ комиссій" для контроля надъ дѣятельностью англійскихъ Биржъ имѣетъ цѣлью *предохранить ихъ отъ вліянія бюрократизма и формальнаго отношенія со стороны чиновниковъ, цѣлопроизводителей Биржъ. Практика показала, насколько такой контроль необходимъ, какъ со стороны этихъ комиссій, такъ и со стороны рабочихъ организацій.*

Мы уже указывали, какъ близко касается дѣятельность Биржи Труда рабочихъ интересовъ. На дѣлѣ очень часто *секретарь Биржи можетъ неправильнымъ примѣненіемъ принципа нейтральности нанести вредъ бастующимъ, можетъ посылкой рабочихъ на мѣста съ заработной платой ниже установленнаго минимума нанести ущербъ всѣмъ рабочимъ данной мѣстности или профессіи, такъ что только при зоркомъ и критическомъ отношеніи со стороны рабочихъ, дѣятельность Биржи пойдетъ рабочимъ на пользу, а не во вредъ*).*

Англійскія „Биржи Труда", построенныя на широкихъ и богатыхъ основаніяхъ, имѣютъ особые фонды для выдачъ *безработнымъ*, для которыхъ имѣются мѣста въ другихъ городахъ, *денежныхъ пособій* на проѣздъ; при чемъ не безынтересно отмѣтить, что большая часть этихъ ссудъ Биржамъ возвращается взявшими ихъ, по поступленіи на работу.

Англійскія Биржи Труда *стремятся сократить безработицу*, главнымъ образомъ безработицу часто мѣняющихъ мѣста чернорабочихъ и рабочихъ сезонныхъ профессій, для которыхъ онѣ будутъ со временемъ сдѣланы обязательными, т. е. *ни одинъ предприниматель не будетъ имѣть право нанимать рабочихъ указанныхъ категорій иначе, какъ черезъ Биржу Труда.* Ведя борьбу съ безработицей, англійскіе соціальные политики направили остріе своей критики на тѣ проявленія безработицы, которыя легче всего связать съ неорганизованностью рабочаго рынка; къ числу такихъ проявленій они отнесли въ первую очередь очень распространенный въ Англіи типъ чернорабочихъ, не имѣющихъ постоянныхъ мѣстъ, поденщиковъ, работающихъ сегодня на вокзалѣ, завтра въ порту, послѣ завтра на какой-нибудь фабрикѣ и т. д. Эти поденщики хронически безработны, они никогда не зарабатываютъ недѣльной получки, а набираютъ плату одну недѣлю за три, другую за четыре или за два дня труда. Сдѣлать трудъ этихъ поденщиковъ постояннымъ хотятъ англійскія Биржи Труда, они думаютъ этого достичь тѣмъ, что будутъ этихъ чернорабочихъ тотчасъ по окончаніи ими одной работы, посылать на другую, такъ, чтобъ они были всегда заняты; то же надѣются Биржи Труда сдѣлать и съ сезонными рабочими, посылая однихъ и тѣхъ же рабочихъ по окончаніи сезона въ ихъ отросли, въ ту отрасль, гдѣ сезонъ начинается.

Если бы Биржамъ Труда удалось такъ регулировать рабочій рынокъ и придать постоянство труду сотенъ тысячъ теперь хронически безработныхъ, онѣ, конечно, сильно укрѣпили бы положеніе массы чернорабочихъ и, вырвавъ ихъ изъ теперешняго лумпенпролетарскаго состоянія, ввели бы ихъ въ ряды сознательнаго пролетаріата.

Но, сдѣлавъ постояннымъ трудъ чернорабочихъ, онѣ бы тѣмъ самымъ создали кадръ новыхъ безработныхъ, которые теперь урываютъ

*) Такъ, напримѣръ, сейчасъ англійскія Биржи проводятъ вопросъ о введеніи женскаго труда въ рядъ профессій, при чемъ требует я со стороны рабочихъ большой контроль, чтобъ женскій трудъ не отразился вредно на заработной платѣ мужского труда.

себѣ кое-какія крохи изъ выпадающаго на долю всѣхъ безработныхъ заработка: сдѣлавъ трудъ однихъ постояннымъ, они бы другихъ совсѣмъ лишили работы. Это руководителей англійской соціальной реформы не смущаетъ.

Они надѣются устроить этихъ безработныхъ, путемъ полученія для нихъ отъ правительства работъ, необходимыхъ для возведенія нужныхъ странѣ сооруженій или проведенія новыхъ государственныхъ экономическихъ мѣропріятій; они надѣятся поставить дѣло обученія этихъ безработныхъ разнымъ полезнымъ ремесламъ, думаютъ о созданіи для нихъ земледѣльческимъ колоній и т. п.

Но при всемъ оптимизмѣ англійскихъ соціальныхъ реформатовъ, при всей разработанности и ширинѣ ихъ плановъ, совсѣмъ уничтожить безработицу путемъ цѣлесообразной организаціи рабочаго рынка и цѣлесообразнаго распредѣленія крупныхъ правительственныхъ работъ въ періодѣ промышленныхъ кризисовъ и т. п. они при существующемъ строѣ не надѣются, а потому для помощи безработнымъ проектируютъ государственное страхованіе отъ безработицы, дальнѣйшее развитіе самопомощи среди рабочихъ на случай безработицы и такъ далѣе.

На самомъ дѣлѣ, было бы утопично ожидать, что самая широкая соціальная реформа, даже проводящая глубокія преобразованія въ существующей системѣ, можетъ уничтожить въ корнѣ безработицу, вызываемую и питаемую самой сущностью капиталистическаго процесса производства и его развитія.

Биржи Труда могутъ во многомъ облегчить участь безработныхъ, безплатно помогая имъ найти работу, найти мѣсто, безъ потери времени въ безплодныхъ поискахъ, безъ простаиванія часами во всякую погоду у воротъ фабрикъ и заводовъ, безъ скитанія съ мѣста на мѣсто по всему большому городу, а также, ведя учетъ безработицы, вызывая къ жизни разныя мѣропріятія со стороны городовъ или государствъ, направленныя на помощь безработнымъ; работающимъ же Биржи могутъ тоже помочь, пушемъ смягченія конкуренціи со стороны стоящихъ за воротами сотенъ голодныхъ и готовыхъ пойти на всякія условія безработныхъ путемъ охраненія рабочихъ отъ штрейкбрехерства, путемъ борьбы съ попогонной системой, но безработицы онѣ уничтожить не могутъ, для этого требуется другая организація всего экономическаго строя, которой могутъ добиться только сами политически-организованные рабочіе.

IV.

Подведемъ нѣкотсрые итоги заграничному опыту въ дѣлѣ организаціи рынка труда. Во всѣхъ капиталистическихъ странахъ *сами рабочіе и ихъ организаціи, профессіональные союзы, берутъ на себя посредничество между спросомъ и предложеніемъ труда,* устанавливаютъ при союзахъ особыя Бюро для этой цѣли и стараются заставить хозяевъ брать рабочихъ только черезъ союзъ. *Успѣхъ* профессіональныхъ союзовъ въ этомъ направленіи *зависитъ всецѣло отъ той силы, которой они обладаютъ, отъ того вліянія, которое имъ удается пріобрѣсти.*

Но даже въ самыхъ благопріятныхъ для профессіональныхъ союзовъ условіяхъ, какъ напримѣръ въ Англіи, имъ удается поставить дѣло посредничества между спросомъ и предложеніемъ труда *только въ области организованнаго имъ квалифицированнаго (обученнаго) труда, масса чернорабочихъ и неорганизованные квалифицированные рабочіе продолжаютъ*

искать работу при помощи самыхъ примитивныхъ способовъ, при крайне неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ.

Поэтому возникаютъ *новыя организаціи,* ставящія себѣ задачу посредничества при наймѣ рабочихъ. Такія организаціи создаются или *городскимъ управленіемъ или государствомъ.* Успѣхъ же ихъ зависитъ отъ *постановки въ нихъ работы, отъ момента ихъ возникновенія, а главное отъ поддержки, которую имъ оказываютъ рабочіе и рабочія организаціи.*

Если Биржи Труда, какъ напримѣръ въ Англіи 80-хъ годовъ, возникаютъ въ моменты промышленныхъ кризисовъ, то онѣ обычно превращаются въ Совѣты Безработныхъ или въ организаціи, озабоченныя больше созданіемъ новыхъ занятій для безработныхъ, устройствомъ общественныхъ работъ и т. п., чѣмъ постановкой дѣла посредничества при наймѣ, которое требуетъ особенныхъ техническихъ и организаціонныхъ приспособленій. Поэтому для *успѣха Биржъ Труда, какъ посредническихъ учрежденій, важно, чтобы работа была въ нихъ налажена въ періодъ благопріятной промышленной конъюнктуры.*

Биржи Труда достигаютъ своей цѣли лишь тогда, когда онѣ работаютъ рука объ руку съ рабочими организаціями, отъ рабочихъ организацій зависитъ также использованіе Биржъ въ интересахъ рабочихъ и ихъ движенія.

Поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ германскихъ Бюро по пріисканію мѣстъ. Отнесись рабочіе союзы къ нимъ враждебно, они бы зачахли и давно прекратили свою дѣятельность или же стали вредить рабочимъ интересамъ. При сотрудничествѣ же профессіональныхъ союзовъ, они достигли блестящихъ результатовъ, а рабочіе союзы сдѣлали ихъ своими помощниками въ учетѣ безработицы и организаціи рынка труда.

Тому же учитъ и опытъ англійскихъ государственныхъ Биржъ Труда. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ „совѣщательные комитеты“, въ которые входятъ представители организованныхъ рабочихъ, не проявляли энергичной дѣятельности, Биржи Труда сразу сбивались съ правильнаго пути и начинали дѣйствовать во вредъ рабочимъ, тамъ же, гдѣ профессіональные союзы оказывали свое вліяніе и внимательно слѣдили за дѣятельностью Биржъ, онѣ становились полезными учрежденіями и играли вспомогательную роль въ общемъ дѣлѣ рабочаго движенія.

Л. П.

Національная точка зрѣнія, международность и націонализмъ.

Міровая война явила свѣту много неожиданныхъ парадоксовъ, которыхъ никакъ не можетъ преодолѣть обыденное сознаніе.

Германская соціальдемократія, сильнѣйшій отрядъ интернаціонала, выступившая съ поддержкой наступательной войны германскихъ милитаристовъ и прусскихъ юнкеровъ; непримиримый „папа французскаго соціализма“, какъ называли его противники. — Жюль Гэдъ—въ качествѣ министра правительства національной обороны; предсѣдатель международнаго соціалистическаго бюро, Э. Вандервальдэ, ставшій

въ званіи министра безъ портфеля въ клерикальномъ министерствѣ агитаторомъ за вступленіе своихъ согражданъ въ ряды бельгійской арміи; передовые народы Европы, сшибшіеся въ кровавой сѣчѣ въ XX вѣкѣ, провозглашающемъ идеи о братствѣ народовъ и самоцѣнности человѣческой личности; разрушеніе продуктовъ культуры и произведеній искусства безжалостнымъ огнемъ артиллерійскихъ орудій—отъ зрѣлища всего этого идетъ кругомъ голова и „умъ мутится"!

Но тотъ, кто не хочетъ потерять окончательно голову посреди вихря наступившихъ событій и желаетъ сохранить свободу сужденія и дѣйствія, долженъ спокойнымъ анализомъ обозрѣвать все происшедшее, отыскать историческую закономѣрность кажущихся пародоксовъ и за кровавымъ туманомъ, застилающимъ нынѣ глаза, отыскать среди видимыхъ противорѣчій ихъ историческую обусловленность, намѣтивъ тѣмъ самымъ пути ихъ преодолѣнія.

Ни ставшее въ наши дни обычнымъ отмахиванье отъ назойливыхъ вопросовъ, ни еще болѣе популярныя субъективистскія попытки свалить всю отвѣтственность на „измѣнившихъ вождей" ровно ничего не объясняютъ въ запутанной ситуаціи сегодняшняго дня, уводя мысль отъ проникновенія въ ея причины въ сторону поверхностнаго обличенія и легкомысленнаго призыва къ пересмотру многихъ установленныхъ цѣнностей *).

Однимъ изъ крупнѣйшихъ историческихъ парадоксовъ является то, что, порожденная развитіемъ и противорѣчіями *международнаго* имперіализма, война проявилась въ *національныхъ* формахъ и вызвала повсюду подъемъ національныхъ чувствъ и національнаго самосознанія даже въ тѣхъ слояхъ населенія, гдѣ они казались давно уже превзойденной исторической ступенью.

Изъ главнаго факта имперіалистической подкладки войны многіе дѣлаютъ прямолинейный выводъ о безразличномъ отношеніи къ борющимся сторонамъ; *всякое* признаніе задачъ національной обороны въ этой войнѣ и различіе стороны нападающей и обороняющейся огульно объявляется такими людьми „соціалъ-шовинизмомъ", заимствованнымъ отъ буржуазныхъ идеологій. Цѣлью демократіи выставляется игнорированіе различій, которыя образовались въ ходѣ предыдущаго развитія въ воюющихъ странахъ, и стремленіе къ общимъ конечнымъ задачамъ мимо поставленныхъ исторіей и рѣзко видвинутыхъ міровой войной частичныхъ задачъ сегодняшняго историческаго дня. Практически такая позиція, являющаяся рѣзкимъ нарушеніемъ традицій міровой демократіи, какъ читатель могъ убѣдиться изъ помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ статей Каутскаго и А. П—ва, ведетъ къ полной политической безплодности и политическому нигилизму, поскольку она отвлекаетъ отъ той конкретной исторической почвы, на которой происходитъ міровая война и тѣхъ *стихійныхъ* направленій, которыя овладѣли народными массами во всѣхъ воюющихъ странахъ.

Хотя *объективно* война явилась слѣдствіемъ экономическаго и политическаго соперничества вел кихъ державъ—Англіи и Германіи въ первую очередь—и для тѣхъ, кто ею руководитъ, имѣетъ цѣлью—экономическое и политическое расширеніе государственныхъ единицъ, но *субъективно* народными массами, которыя ее фактически ведутъ, она ощущается и переживается, какъ борьба за національное существованіе, за сохраненіе въ неприкосновенности культурныхъ и политическихъ цѣнностей, въ ходѣ исторіи органически слившихся въ сознаніи каждаго народа съ понятіемъ „родины", „отечества". Отсюда непреклонное упорство воюющихъ и желаніе „побѣдить во что бы то ни стало", цѣною какихъ бы то ни было жертвъ. Не будь этой „воли" народныхъ массъ къ побѣдѣ, война давно закончилась бы за исчерпаніемъ тѣхъ моральныхъ ресурсовъ, которые столь же необходимы для ея продолженія, какъ и оружіе, боевые припасы, амуниція.

*) См. напр. ст. Н. Суханова въ 4 кн. „Современника".

Стихійный подъемъ національныхъ чувствъ въ народныхъ массахъ, вызванный дѣйствительной или мнимой опасностью для національнаго бытія ихъ „отечествъ", сыгралъ рѣшающую роль въ отношеніи къ войнѣ демократій всѣхъ воюющихъ странъ Европы, придавъ ихъ позиціямъ національный характеръ и тѣмъ подорвавъ международное объединеніе ихъ.

Во Франціи, гдѣ наканунѣ войны соціалисты готовы были—или говорили, что готовы—чуть ли не съ оружіемъ въ рукахъ противиться войнѣ, на другой день послѣ ея объявленія, они съ энтузіазмомъ приняли участіе въ защитѣ подвергшейся нападенію родины и даже послали своихъ представителей въ правительство. Та же картина повторилась и въ Бельгіи.

Даже въ Германіи, гдѣ, казалось, не могло быть сомнѣній о наступательномъ характерѣ войны и гдѣ соціальдемократія была застрахована отъ всякихъ иллюзій насчетъ существа прусско-юнкерской касты, политически господствующей въ странѣ, она дала себя увлечь официальной версіей о нападеніи на Германію и во имя защиты національнаго существованія вѣсомъ своихъ 4½ милл. избирателей и голосами 110 своихъ представителей въ рейхстагѣ не за страхъ, а за совѣсть поддержала свое правительство и его агрессивную политику.

Съ небольшими видоизмѣненіями мы наблюдаемъ то же самое явленіе и въ Австро-Венгріи и въ Англіи.

Видимое исключеніе составляютъ только соціалисты нейтральныхъ странъ (Италіи, Румыніи, Болгаріи, Швеціи, Даніи, Голландіи), которые сопротивляются вступленію своихъ отечествъ въ общій круговоротъ міровой войны. Но и ихъ позиція, обосновываемая международными принципами, фактически исходитъ изъ *національныхъ* интересовъ своихъ народовъ, для которыхъ вмѣшательство въ войну непосредственно влечетъ за собой бѣдствія и ужасы непріятельскаго нашествія. Ихъ позиція сходится съ позиціей соціалистовъ нынѣ воюющихъ странъ, какой она была до войны, и нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы судить, каково будетъ отношеніе „нейтральныхъ" соціалистовъ съ момента, когда ихъ отечества перестанутъ быть нейтральными.

Пройти мимо всѣхъ этихъ фактовъ, просто отдѣлываясь утвержденіемъ о проникшей въ соціалистическій лагерь заразѣ націонализма, значитъ становиться на какую то *надъ историческую* точку зрѣнія, безсильную разобраться въ хаосѣ современныхъ событій и игнорирующую все предыдущее развитіе, которое подготовило и обусловило настроенія сегодняшнаго дня.

II.

Побѣда, одержанная національнымъ моментомъ надъ интернаціональнымъ, дала противникамъ международности поводъ утверждать о ея крахѣ и злопыхательствовать надъ осрамившимся врагомъ.

Такъ, А. С. Изгоевъ въ августовской кн. „Рус. Мысли“ пасалъ:

„Заработали подлинныя историческія силы, и оказалось, что никакой интернаціональной соціалъ-демократіи, противостоящей „буржуазному міру“ не существуетъ. Существуютъ только національныя рабочія партіи, вожди которыхъ именуютъ себя соціальцемократами“.

Другой „критикъ“, изъ народническаго легеря, г-нъ Я. Сакеръ, въ статьѣ „Безсиліе германской соціалъ-демократіи“ („Сѣв. Зиписки“ № 8—9) усматривалъ его въ специфическомъ „духѣ“ германскаго (читай: марксистскаго) соціализма. „Ошибка марксизма—писалъ онъ—и вина германской партіи въ томъ, что этическому началу, идеямъ и волѣ они не придавали надлежащаго значенія“.

Ни г-нъ Изгоевъ, ни г-нъ Сакеръ не даютъ надлежащаго отвѣта на поставленный жизнью вопросъ. Ибо для перваго изъ нихъ самое существованіе Интернаціонала и международныхъ чувствъ, которое было засвидѣтельствовано въ цѣломъ рядѣ реальнѣйшихъ фактовъ, представляется какой то игрой воображенія соціалистическихъ вождей; для второго—вся бѣда въ марксистскомъ духѣ германской соціалъ-демократіи, а не въ капитуляціи интернаціональнаго момента передъ національнымъ во всѣхъ схваченныхъ войною странахъ — въ однѣхъ больше, въ другихъ меньше.

Эта капитуляція, вызванная подъемомъ національныхъ чувствъ, не есть какое то необъяснимое, логически непримиримое съ принципами международности противорѣчіе. На самомъ дѣлѣ мы имѣемъ передъ собой лишь *діалектическое* противорѣчіе, состоящее въ томъ, что исторически международное по своей сущности развитіе капитализма происходило въ рамкахъ національно ограниченныхъ государствъ Соотвѣтственно этому, и антагонистично еэтому развитію движеніе протекало въ рамкахъ отдѣльныхъ національностей.

Въ нашемъ журналѣ уже было выяснено, что развитіе демократіи на базѣ національной культуры и государственно-національнаго бытія привело къ тому, что при возникновеніи войны, въ свою очередь обусловленной національно-государственными формами экономическаго развитія капитализма, демократія и пролетаріатъ каждой страны почувствовали угрозу всѣмъ тѣмъ экономическимъ, политическимъ и культурнымъ пріобрѣтеніямъ, которыя были сдѣланы ими на національной почвѣ, и, чтобы отвратить эту опасность, встали на защиту своей родины.

И до наступленія міровой войны маркисты никогда ни въ теоріи, ни на практикѣ не отрицали ни права народа на національную оборону „національныхъ“ интересовъ рабочаго класса, ни вообще національныхъ элементовъ общественнаго развитія. Какой иной смыслъ имѣло санкціонированное неоднократно международными съѣздами требованіе „права націи на самоопредѣленіе“, какъ не признаніе наличности какихъ то національныхъ интересовъ?

Національная программа австрійской соціалъ-демократіи, обоснованная теоретически Р. Ширингеромъ, О. Бауэромъ и К Каутскимъ, исходила изъ признанія наличности національныхъ интересовъ и національныхъ требованій рабочаго класса. Въ своей извѣстной книгѣ „Національный вопросъ“ О. Бауэръ исходитъ изъ противопоставленія современнаго *интернаціонализма*, признающаго національныя различія и національные интересы, но сочетающаго ихъ съ общими принципами

международности, какъ *наивному космополитизму* начальной стадіи развитія рабочаго движенія, который отрицалъ эти различія и интересы, такъ и *наивному націонализму*, ставившему ихъ во главу угла въ ущербъ международности.

Не случайными промахами были также заявленія Бебеля въ 1901 г., что въ случаѣ нападенія на Германію, онъ первый возьметъ ружье въ руки для защиты родины или аналогичное утвержденіе Жореса о томъ, что

„если война разразится, мы должны быть готовы не къ тому, чтобы отступиться отъ родины, предоставить случайностямъ разгрома и реакціи нашу Францію, Францію революціи минувшей и грядущей — нѣтъ, мы должны быть готовы освободить ее отъ всѣхъ побѣдителей: побѣдоноснаго капитала и побѣдоноснаго врага“.

Эти и подобныя заявленія — законный, логическій выводъ изъ общаго паниманія процесса мірового развитія, отличающаго современныхъ марксистовъ отъ не признающихъ „отечества“ — анархистовъ, синдикалистовъ и эрвеистовъ. И до сихъ поръ только эти антимаркситскіе элементы усматривали въ подобныхъ заявленіяхъ Бебеля или Жореса отреченіе отъ международныхъ принциповъ. Напротивъ того, марксисты съ насмѣшкой встрѣчали какъ попытки французскихъ буржуа ставить Жоресу въ примѣръ нѣмецкаго „патріота“ Бебеля, такъ и старанія представителей германскаго правительства противопоставлять „отрицателю отечества“ Бебелю и его товарищамъ французскаго „патріота“ Жореса на основаніи приведенныхъ выше ихъ заявленій.

Соціалисты всѣхъ странъ—французы и нѣмцы, Бебель и Жоресъ, Каутскій и Гэдъ—съ негодованіемъ отвергали обвиненія своихъ противниковъ въ „непатріотизмѣ“. Вся кампанія Жореса въ защиту „новой арміи“, которой покойный трибунъ посвятилъ такъ много своихъ силъ, мотивировалась имъ интересами націи и правильно понятаго патріотизма, какъ и борьба германскихъ соціалъ-демократовъ съ милитаризмомъ въ собственной странѣ обосновывалась ими „патріотическими“ и „національными“ соображеніями—не какъ понимаютъ ихъ націоналисты, а какъ понимаютъ ихъ сторонники международной точки зрѣнія.

Признавая права націи на законную оборону и національные интересы рабочаго класса, сторонники международности, однако, отличались всегда отъ буржуазныхъ націоналистовъ тѣмъ, что исходили изъ положенія, что правильно понятые *національные* интересы различныхъ народовъ и ихъ демократій, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія развитія, *находятся въ полной гармоніи между собой* и могутъ вполнѣ уживаться, не вступая между собой въ конфликтъ, въ то время какъ „національные интересы“ другихъ классовъ, или то, что называется этимъ именемъ, взаимно противоположны въ разныхъ странахъ и неизбѣжно ведутъ къ столкновеніямъ.

Но если признаніе права національности на законную оборону не противорѣчитъ, какъ таковое, международной точкѣ зрѣнія, если національные интересы рабочихъ одной страны въ основѣ своей вполнѣ примиримы съ интересами рабочихъ другихъ странъ и вообще мірового развитія, то всякій разъ, когда рѣчь идетъ о „національныхъ интересахъ“, о національной оборонѣ, надо принимать во вниманіе два обстоятельства: 1) въ какой мѣрѣ въ данномъ случаѣ побѣда „націо-

нальнаго дѣла" дѣйствительно отвѣчаетъ интересамъ демократіи собственной страны и насколько она совмѣстима съ интересами мірового развитія и 2) насколько тотъ или иной народъ, выступая подъ знаменемъ защиты своего „отечества" въ дѣйствительности подвергся нападенію и не является ли „національная защига" съ его стороны въ то же время нападеніемъ на другую національность.

Ибо нерѣдко подъ понятіемъ „національной защиты" подразумѣвается нѣчто, ничего съ ней общаго неимѣющее.

Въ это понятіе часто вкладываютъ и стремленіе къ такъ наз. „расширенію сферы вліянія" и явно завоевательныя тенденціи. Германскіе имперіалисты говорятъ, напр., теперь объ аннексіи Бельгіи, какъ средства самозащиты отъ Англіи и Франціи, наши Милюковы также считаютъ нѣкоторыя аннексіи необходимыми въ интересахъ „національной самозащиты".

Изъ сказаннаго видно, что критерій національной защиты самъ по себѣ совершенно недостаточенъ и чреватъ впаденіемъ въ національныя и націоналистическія увлеченія, какъ мы это видимъ въ настоящее время на примѣрѣ если не всей германской соціальдемократіи, то, по крайней мѣрѣ, ея праваго крыла и многихъ представителей ея центра (Шейдеманъ), а также нѣкоторыхъ соціалистовъ другихъ странъ.

Исходя изъ крайне субъективнаго и ложнаго представленія о томъ, что на Германію напали, и отказавшись отъ анализа того, побѣда какой изъ двухъ сторонъ въ большей степени совпадаетъ съ интересами собственнаго народа, германская спеціальдемократія заняла чисто національную позицію, встала въ рѣзкое противорѣчіе съ исповѣдывавшимися ею до сихъ поръ международными принципами.

Даже К. Каутскій, какъ это можно видѣть изъ его статьи, помѣщенной въ 1 и 2 №№ нашего журнала, не сумѣлъ остаться послѣдовательнымъ, примиряя международную точку зрѣнія съ необходимостью національной защиты. Признавъ теоретическую правильность для демократіи „брать сторону" (Partei ergeifen) въ вооруженныхъ конфликтахъ въ зависимости отъ анализа возможныхъ послѣдствій войны для мірового развитія въ случаѣ того или иного ея исхода, онъ для д а н н о й в о й н ы отказался отъ этого критерія, ссылаясь но сложность такого анализа, и провозгласилъ съ роковою неизбѣжностью одинаковое право на національную защиту для в с ѣ х ъ участвующихъ въ войнѣ народовъ, независимо отъ того, какая сторона явилась въ данномъ случаѣ наступающей, окончательно устранивъ такимъ образомъ международную точку зрѣнія и провозгласивъ незыблимость чисто національной позиціи *).

Фатальная ошибка большинства германской соціальдемократіи, нанесшая сильный ударъ международности, заключалась не въ томъ, что она пожелала считаться съ національными интересами своего народа, въ чемъ ее упрекаютъ теперь нѣкоторые марксисты, хотя до настоящей войны подобные упреки раздавались только изъ лагера анархистовъ; ошибка была въ томъ, что, поддавшись минутнымъ настроеніямъ народныхъ массъ, повѣрившихъ въ единство своихъ интересовъ съ „національными интересами" Германіи, какъ понимаютъ ихъ ея правящіе круги, германская соціальдемократія не сумѣла противопоставить этимъ минутнымъ настроеніямъ устойчивую международную точку зрѣнія, отнюдь не противорѣчащую дѣйствительнымъ національнымъ интересамъ этихъ массъ и въ то же время примиряющую ихъ съ интересами другихъ народовъ (французовъ, бельгійцевъ).

*) Если вѣрить корреспонденту „Бирж. Вѣдом.", Каутскій въ послѣднее время измѣнилъ нѣсколько свою позицію. Въ послѣдней своей брошюрѣ, конфискованной нѣмецкими властями, онъ, по словамъ корреспондента, признаетъ агрессивную роль въ данной войнѣ Германіи, типично имперіалистскаго государства.

Въ болѣе счастливомъ положеніи оказались соціалисты Франціи и Бельгіи, такъ какъ въ данномъ случаѣ на обѣ эти страны было совершено нападеніе и еще болѣе потому, что въ данной моментъ „національные интересы" этихъ народовъ совпали съ интересами международнаго развитія. И бельгійскіе, и французскіе соціалисты, вставъ на точку зрѣнія національной защиты, не погрѣшили тѣмъ самымъ противъ принциповъ международности *).

Различіе позицій французской и германской демократіи, вытекающее не изъ какихъ либо расовыхъ или національныхъ ихъ качествъ, какъ думаетъ, напр., г-нъ Сикеръ, а изъ объективнаго различія ихъ положенія въ вопросахъ международной политики въ данный историческій моментъ, удачно было формулировано за 8 мѣсяцевъ до войны однимъ нѣмецкимъ марксистомъ, Гуго Шульцемъ, въ австрійскомъ журналѣ „Der Kampf". Разбирая книгу Жореса о „Новой арміи", онъ писалъ:

„Франція защищаетъ демократію, когда она защищаетъ себя, тогда какъ развитіе военныхъ силъ Германіи при данныхъ условіяхъ по меньшей мѣрѣ не выгодно демократіи".

Это заявленіе, признававшее съ международной точки зрѣнія различіе позицій французскихъ и нѣмецкихъ соціалистовъ въ вопросѣ объ оборонѣ страны, вполнѣ можетъ быть приложено къ міровому конфликту нашихъ дней.

Еще во время послѣдней балканской войны знатокъ по внѣшней политики и выдающійся нѣмецкій экономистъ—марксистъ Р. Гильфердингъ писалъ, въ журналѣ "Die Neue Zeit":

„въ настоящее время снова обнаруживается, какъ важно для соціальдемократіи занимать конкретное положеніе въ вопросахъ внѣшней политики, какъ безплодна и бездѣйственна политика, которая имѣетъ только общій и само собой разумѣющійся отвѣтъ соціализма на проблемы, выдвигаемыя сегодняшнимъ днемъ".

Это указаніе Гильфердинга вполнѣ примѣнимо къ отношенію демократіи къ возникшему вопреки ея воли міровому конфликту. Съ голымъ отрицаніемъ войны, какъ средства достиженія тѣхъ или иныхъ общественно-политическихъ результатовъ, можно было оперировать лишь до тѣхъ поръ, пока война не стала непреложнымъ фактомъ

*) Этимъ не сказано, что во всемъ ихъ поведеніи (особенно французовъ) все находится въ полной гармоніи съ принципами. Но это уже вопросъ о *проведеніи* ихъ позиціи, а не о самой позиціи въ ея существѣ. Послѣдняя ничѣмъ не нарушаетъ высшихъ принциповъ, и ея проведеніе могло бы быть совершенно свободно отъ націоналистическихъ крайностей.

дѣйствительности и пока всѣ усилія должны были быть направлены на то, чтобы не допустить мірового пожара. Но съ того момента, какъ война изъ угрозы превратилась въ дѣйствительность, демократія, какъ дѣйствующая общественная сила, не можетъ, умывъ руки, встать въ сторонѣ отъ совершающихся грандіозныхъ событій. Она вынуждена—какъ говоритъ Каутскій—„Partei ergreifen", взять сторону въ происходящей трагедіи,—въ какой формѣ и въ какой мѣрѣ—это всецѣло зависитъ отъ конкретной исторической обстановки и конкретныхъ условій въ каждой изъ воюющихъ странъ.

Кризисъ международности объясняется не тѣмъ, что отдѣльныя національныя части цѣлаго, будто бы въ противорѣчіи съ принципами, какъ думаютъ иные критики, „взяли сторону", но тѣмъ, что они сдѣлали это несогласованно, въ зависимости отъ болѣе или менѣе преходящихъ національныхъ настроеній и минутныхъ интересовъ, а не исходя изъ общей и обязательной для всѣхъ нихъ точки зрѣнія мірового развитія. Эта распыленность дѣйствій и приходская позиція своей колокольни у различныхъ національныхъ частей цѣлаго привели къ разрушенію этого послѣдняго и поставили многихъ соціалистовъ въ безысходное противорѣчіе съ ихъ вчерашнимъ днемъ.

Отвѣтъ на основной вопросъ, который не сумѣла дать мірова демократія въ цѣломъ,—чья побѣда въ большей степени соотвѣтствуетъ интересамъ мірового развитія—данъ той частью международнаго цѣлаго, которая, не будучи „стороной" въ войнѣ, легче всего могла отрѣшиться отъ преходящихъ „національныхъ" соображеній. Мы имѣемъ въ виду соціалистовъ нейтральныхъ странъ. Ни для кого ни тайна—этого же не станутъ отрицать и германскіе соціалъ-демократы,—что симпатіи соціалистовъ Голландіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Испаніи и Италіи, несмотря на сохраненіе ими внѣшняго нейтралитета, не на сторонѣ Германіи и Австро-Венгріи, что они всецѣло на сторонѣ Франціи и Бельгіи*).

Этотъ отвѣтъ нисколько не долженъ казаться неожиданнымъ для всѣхъ тѣхъ, кто знакомъ съ оцѣнкой международной демократіей внѣшней политики великихъ державъ, какой она была до начала войны.

Даже не раздѣляя всѣхъ радужныхъ надеждъ на будущее, которыя многіе связываютъ съ побѣдой тройственнаго согласія, нельзя не признать, что побѣда Германіи и Австро-Венгріи была бы величайшимъ несчастьемъ для европейской демократіи, для экономическаго и политическаго развитія Европы.

Поскольку демократіи приходится, въ силу сложившихся обстоятельствъ, дѣлать выборъ, она въ данный историческій моментъ можетъ „брать сторону" только тройственнаго согласія, со всѣми тѣми оговорками, которыя вытекаютъ изъ различнаго характера государствъ, его составляющихъ. Этотъ выборъ диктуется не только „національными интересами" демократіи французской, бельгійской или англійской, но и вѣрно понятыми интересами самой германской демократіи, будущее развитіе которой связано не съ побѣдою ея юнкерско-буржуазной государственности, а съ ея преодолѣніемъ, которое волею исторіи наступитъ, очевидно, черезъ ея военное пораженіе.

*) Это ясно чувствовалось на Копенгагенской конференціи соціалистовъ четырехъ сѣверныхъ странъ; въ отвѣтѣ итальянскихъ соціалистовъ д-ру Зюдекуму и т. д.

III.

Если признаніе „обороны отечества" и защиты національныхъ интересовъ со стороны европейской демократіи само по себѣ не было нарушеніемъ старыхъ принциповъ, то побѣда, одержанная въ атмосферѣ военной грозы національной точкой зрѣнія надъ международными настроеніями, была чревата большими опасностями для того цѣлаго, которое до сихъ поръ олицетворяло международность нашего времени. Ибо, когда національная точка зрѣнія дѣлается самодовлѣющей, когда она отрывается отъ согласованія съ общими н е національными принципами, она рискуетъ превратиться въ точку зрѣнія націоналистическую, шовинистическую.

Когда парламентская фракція германской соціальдемократіи, мотивируя свою позицію необходимостью „обороны отечества", санкціонировала фактически нарушеніе нейтралитета Бельгіи, она фатально становилась на позицію націоналистическую, ибо здѣсь терялась уже грань между обороной и нападеніемъ: ради защиты с в о е г о права признавалось попраніе правъ ч у ж о й національности. Тѣмъ же шовинизмомъ, т. е. превознесеніемъ своихъ національныхъ интересовъ и свойствъ проникнуты и нѣкоторыя другія выступленія многихъ видныхъ дѣятелей германской с.-д., примѣры которыхъ въ изобиліи приводились въ статьѣ Энзиса въ 2-ой кн. нашего журнала и въ ст. В. Майскаго въ 3 кн. „Рус. Записокъ". Когда с. д. профессіональный органъ говоритъ о необходимости присоединенія Антверпена къ Германіи въ интересахъ ея національной промышленности и торговли, когда Зюдекумъ или Гейне доказываютъ зависимость интересовъ нѣмецкихъ рабочихъ отъ прибылей германскихъ капиталистовъ, или когда Шейдеманъ говоритъ объ англичанахъ, какъ о „самой противной и лживой націи", то не знаешь, чѣмъ отличаются утвержденія этихъ представителей международности отъ рѣчей вульгарныхъ нѣмецкихъ и не нѣмецкихъ имперіалистовъ. Также непонятно, что значитъ съ точки зрѣнія общихъ принциповъ, когда центральный органъ австрійской рабочей партіи „Winer Arbeiterzeitung" пишетъ о борьбѣ за интересы „нѣмецкаго человѣчества".

Мы были бы несправедливы, если бы не отмѣтили, что подобные вредоносные цвѣтки соціалистическаго шовинизма расцвѣтаютъ въ настоящее время не только на нѣмецкой почвѣ. Тѣ же явленія наблюдаются и во Франціи и даже въ Англіи. Такъ, англійскій „ортодоксальный марксистъ Гайндманъ—правда и до настоящей войны проповѣдовавшій необходимость для Англіи сильнаго флота и постоянной арміи для борьбы съ Германіей—на публичномъ митингѣ въ г. Лондонѣ выступилъ съ возраженіемъ Вандервельдэ, говорившему о томъ, что эта война должна вестись не съ нѣмецкимъ народомъ, а съ нѣмецкимъ правительствомъ. Тотъ же Гайндманъ упрекалъ участниковъ лондонской конференціи (Вальяна, Вандервальдэ и др.) въ томъ, что они сдѣлали существенныя уступки англичанамъ—Кейръ-Гарди и Макдональду, внеся въ принятую резолюцію подчеркиваніе международныхъ принциповъ.

Французскій соціалистическій министръ М. Самба на собраніи для выбора делегатовъ на лондонскую конференцію и на самой конференціи, по словамъ Н. Русанова („Русск. Записки" № 3, стр. 264) рекомендовалъ

„Своимъ товарищамъ не вотировать въ резолюціи никакихъ пунктовъ, похожихъ на вмѣшательство во внутреннюю политику другихъ державъ, борющихся въ одномъ лагерѣ съ Франціей противъ Германіи".

Самба, правда, остался въ этомъ вопросѣ въ меньшинствѣ, и резолюція подчеркнула именно тѣ пункты, которые для Самба, въ увлеченіи національной точкой зрѣнія, представлялись вредными. Когда тотъ же Самба въ интервью съ корреспонд. „Кіевск. Мысли" („Наше Дѣло" № 1, стр. 139—40) говорилъ, что „русскіе такъ же, какъ и французы, хранятъ въ глубинѣ души своей идеалистическую вѣру въ право, часто столь осмѣиваемое нѣмцами" и что онъ возлагаетъ много надеждъ на „сокравища, таящіяся въ славянской душѣ", то такой взглядъ не имѣетъ ничего общаго ни съ марксизмомъ, ни съ международностью и способствуетъ только разжиганію націоналистическихъ страстей, для котораго лучшей идеологіей является расовая теорія, которую восприняли нѣкоторые французскіе соціалисты оцновременно съ нѣмецкими.

Переходъ сторонниковъ международныхъ принциповъ въ различныхъ странахъ на шовинистическія позиціи обнаружилъ, что эти принципы далеко не такъ глубоко, какъ казалось до войны, были внѣдрены въ народныя массы; охваченныя національнымъ подъемоми эти массы не сумѣли провѣрить этихъ стихійныхъ настроеній съ точки зрѣнія признаваемыхъ до сихъ поръ международныхъ принциповъ и потому неизбѣжно подпадали подъ вліяніе чуждыхъ имъ по существу буржуазно-націоналистич. идеологій, ничего общаго не имѣющихъ съ дѣйствительной защитой національныхъ интересовъ демократіи.

Идеологическое плѣненіе рабочихъ массъ буржуазнымъ націонализмомъ, а не стремленіе защищать національные интересы народа, отказъ отъ чего лишалъ бы демократію права на званіе демократіи —составляетъ основу того идейнаго кризиса, который переживаетъ въ наши дни международность.

Уклонъ въ сторону шовинизма подъ вліяніемъ міровой катастрофы и чуждой идеологіи, который наблюдается въ соціалистическомъ мірѣ обѣихъ борющихся сторонъ, встрѣчаетъ, однако, чѣмъ дальше, тѣмъ все большее противодѣйствіе и въ Германіи и во Франціи, не говоря уже объ Англіи, гдѣ онъ проявился вообще въ наименьшей степени.

Въ Германіи сторонники К. Либкнехта все увеличиваются въ числѣ. Во время послѣдней сессіи рейхстага въ рѣчи Гаазе уже звучалъ призывъ къ миру, и вся она была направлена противъ „внутренняго мира"; при голосованіи кредитовъ, кромѣ двухъ депутатовъ (Либкнехта и Рюле), голосовавшихъ противъ нихъ, 30 депутатовъ с.-д. фракціи (въ томъ числѣ Ледебуръ, Бернштейнъ, Штадгаленъ, Цубейль, Пейротъ, Антрикъ, Гаазе и др.) уклонились отъ голосованія. Центральный органъ партіи „Vorwärts" неустанно ведетъ борьбу съ національнымъ шовинизмомъ, свившимъ себѣ гнѣздо на столбцахъ многихъ провинціальныхъ и профессіональныхъ соціалистическихъ органовъ, подымаетъ вопросъ о мирѣ безъ аннексій и т. д. А вотъ что сообщилъ недавно корреспондентъ „Русск. Вѣд." Гроссманъ о „перемѣнѣ настроеній" с.-д. въ Германіи:

„Въ нѣмецкой рабочей партіи произошелъ, повидимому, рѣшительный поворотъ настроенія. На этихъ дняхъ вліятельнѣшіе партійные вожди произнесли рядъ знаменательныхъ рѣчей. Шейдеманъ разрушилъ ложное толкованіе сказанныхъ имъ словъ объ „упорной борьбѣ", не желая оставлять никакого сомнѣнія въ истинномъ характерѣ того, что онъ подъ этимъ понимаетъ. Онъ заявилъ, что „упорная борьба" должна носить исключительно характеръ самозащиты и нужна лишь для того, чтобы побѣдители—союзники не могли наступить пятой на выю поверженной Германіи. Въ противовѣсъ правительственному заявленію о томъ, что Германія не чувствуетъ никакой склонности къ переговорамъ о мирѣ, Шейдеманъ сказалъ, что нѣмцамъ уже теперь слѣдуетъ быть готовыми къ заключенію мира". Въ связи съ этимъ „Vorwärts" писалъ: „Партія должна теперь отказаться отъ своей пассивн. и отъ смѣшенія войны оборонительной съ войной завоевательной". „Гаазе защищаетъ неодобреніе военныхъ кредитовъ, указывая, что политика, которой придерживалась партія доселѣ, оказалась несостоятельной: тотъ, кто голосуетъ за военные кредиты, тѣмъ самымъ одобряетъ и политику правительства, которое вмѣсто проведенія какихъ-либо реформъ отдѣлывается лишь ни къ чему не обязывающими фразами. Гаазе высказываетъ далѣе свое сожалѣніе по поводу отсутствія принципіальности въ поведеніи партійной печати. Въ партійныхъ кругахъ вообще высказываютъ рѣзкую критику тѣхъ политическихъ и экономическихъ аргументовъ, которыми въ правительственныхъ кругахъ старались доказать неизбѣжность войны для Германіи и порицаютъ завоевательныя операціи".

Еще болѣе показательнымъ является „манифестъ" меньшинства германской соціалъ-демократіи, опубликованный въ „L'humanite" и др. органахъ и перепечатываемый нами въ отд. „По Россіи и за-границей".

То же самое отрезвленіе наблюдаемъ мы и во Франціи, гдѣ, по мѣрѣ исчезновенія непосредственной опасности сердцу Франціи—Парижу, начала спадать волна націоналистическихъ увлеченій, которая захватила въ свои цѣпкія объятія нѣкоторыхъ французскихъ соціалистовъ.

Въ этомъ смыслѣ показательна резолюція лондонской соц. конференціи *) Она, сочетая задачи національной обороны („національную" точку зрѣнія) съ принципами международнаго развитія (международная точка зрѣнія), свидѣтельствуетъ, что среди соціалистовъ странъ тройственнаго согласія націоналистически-шовинистическія настроенія, охватившія значительные круги, напр., французскаго общества, не увлекли большинства и лучшей части французскихъ и англійскихъ соціалистовъ.

Самый ходъ войны позаботится о томъ, чтобы подобное настроеніе охватывало все большіе круги демократіи во всѣхъ странахъ. Даже въ Германіи, гдѣ націоналистическій уклонъ обнаружился сильнѣе всего, чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ вскрываться (и уже вскрывается) противорѣчіе между „національными интересами" ея правящихъ группъ и принципами международности, совпадающими съ правильно понятыми національными интересами народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ логики жизни, нарушающей „внутренній миръ", установившійся во всей Зап. Европѣ съ начала войны, въ связи съ цѣлымъ рядомъ экономическихъ вопросовъ (дороговизна жизни, заработная плата, продовольствіе наеленія и т. д.), будетъ совершаться постепенное освобожденіе международной мысли отъ духовнаго плѣненія чуждыми ей идеологіями.

В. Левицкій.

---

*) Часть резолюціи была приведена во 2 ном. „Н. Дѣла".

Война и государственные займы.

Германія вступила въ нынѣшнюю войну съ государственнымъ долгомъ въ 20 милліардовъ марокъ (считая имперію и всѣ составныя государства). За первые девять мѣсяцевъ войны прибавилось еще почти 16 милліардовъ государст. долга (13½ мд. имперія, 1½ Пруссія и т. д.). Растутъ государственные займы и другихъ воюющихъ государствъ. Всѣ 5 главныхъ европейскихъ странъ (Англія, Франція, Германія, Австро-Венгрія и Россія) за первый годъ войны должны истратить изъ однихъ только государственныхъ средствъ 100 милліардовъ марокъ (около 50 мд. рублей).

Откуда взять эти суммы? Такимъ вопросомъ занимается К. Каутскій въ номерѣ своего журнала отъ 2 апрѣля.

Расходы на войну можно покрывать или государственными займами или налогами. Займы можно дѣлать у капиталистовъ своей страны или заграницей. Налоги можно брать или по доходу, съ каждаго человѣка тѣмъ больше, чѣмъ больше его доходъ, или безъ всякаго отношенія къ доходу—напр., просто наложить налогъ повыше на чай, сахаръ, соль, спички, хлѣбъ, одежду, перевозку по желѣзнымъ дорогамъ и т. д.

Если расходъ на войну покрывается подоходнымъ налогомъ—то стоимость войны уплачиваютъ тѣ, у кого дохода больше, т. е. богатые классы. Если расходъ на войну покрывается разными налогами безъ всякаго отношенія къ доходу, а просто на предметы потребленія—то стоимость войны уплачиваютъ тѣ, кто съѣдаетъ въ странѣ весь сахаръ, выпиваетъ весь чай, покупаетъ всѣ билеты для проѣзда по желѣзной дорогѣ и т. д., т. е. весь народъ. Иначе сказать, въ этомъ случаѣ подавляющее большинство расходовъ на войну оплачиваютъ небогатые люди—рабочій классъ, крестьяне и т. п.

Но новые налоги не могутъ дать всей нужной суммы. Каутскій считаетъ, что эти 5 государствъ вмѣстѣ врядъ ли могутъ введеніемъ новыхъ налоговъ добиться большаго, чѣмъ покрыть недочеты отъ уменьшенія вслѣдствіе войны нѣкоторыхъ сборовъ (таможни, водка...) и еще получить 5 милліардовъ марокъ въ годъ.

Второй источникъ—печатанье новыхъ бумажныхъ денегъ. Во время войны меньше имѣютъ ходу векселя, которыми обыкновенно расплачиваются между собою взаимно капиталисты, потому больше можетъ находиться на рукахъ у публики наличныхъ денегъ, чѣмъ въ мирное время: вмѣсто векселей платятъ наличными бумажками. Однако безъ вреда для народа новыхъ бумажекъ можно напечатать не больше того количества, сколько нужно для замѣны уменьшившагося количества векселей. Иначе бумажекъ окажется слишкомъ много, тогда будутъ требовать по два бумажныхъ рубля за каждый предметъ, за который раньше давали по рублю. Жизнь рабочаго, напр., который получаетъ прежнее по названію количество рублей, стала бы тогда значительно хуже.

На основаніи своихъ разсчетовъ Каутскій считаетъ, что безъ очень большого вреда для себя всѣ 5 государствъ могутъ напечатать на 5 милліардовъ марокъ новыхъ бумажныхъ денегъ во время войны, т. е. на 7 мд. рублей.

Налоги и бумажки дадутъ 20 мд., остается займами набрать еще 80 мд. марокъ на военные расходы 5 государствъ за первый годъ войны.

Годовое производство каждой страны раздѣляется на четыре части. Одна идетъ на жизнь рабочихъ, чтобы они сохранились для работы и на дальнѣйшее время (заработная плата). Другая употребляется на замѣну и поправку испортившихся и износившихся за годъ нужныхъ для производства предметовъ (машины, зданія и т. д.), чтобы можно было продолжать производство въ прежнемъ размѣрѣ и на другой годъ. Третья часть идетъ на личныя надобности и удовольствія капиталистовъ (поѣздка на воды, покупка золотыхъ украшеній и пр.). Изъ этой части платятъ большую часть подоходнаго налога, если онъ вводится. Четвертую часть капиталисты употребляютъ на расширеніе производства, на устройство новыхъ предпріятій.

Если въ годъ войны совсѣмъ не расширять производства, то вся четвертая часть будетъ свободна у капиталистовъ, и они смогутъ цѣликомъ отдать ее государству въ видѣ займа на веденіе войны. Государство будетъ имъ за это платить каждый годъ проценты, напр., въ Германіи 5 марокъ въ годъ за каждые 100 марокъ. Чтобы платить проценты, казна должна будетъ собирать съ народа новые налоги. Напр., въ Германіи за заключенные уже на войну займы (16 мд. м.) придется платить такую сумму процентовъ (по 5 м. на 100), что съ каждаго человѣка въ Германіи только на одно это придется отнынѣ брать на 5 рублей съ полтиной въ годъ больше налоговъ, чѣмъ брали до сихъ поръ (12 марокъ). На семью изъ четырехъ душъ это дастъ 22 руб. въ годъ новаго налога (а средній доходъ рабочей семьи въ Германіи 550 руб. въ годъ—значитъ двѣ недѣли въ году придется герм. рабочимъ работать уже только на уплату германскимъ капиталистамъ процентовъ за одолженныя ими на войну казнѣ деньги).

Если для уплаты процентовъ по займамъ введутъ подоходный налогъ, то рабочимъ семьямъ не придется платить по 22 руб. въ годъ новаго налога. При подоходномъ налогѣ нужной величины казна взыщетъ нужную на проценты сумму съ самихъ капиталистовъ и потомъ раздастъ имъ, сколько кому слѣдуетъ. Нѣмецкіе рабочіе разсчитываютъ, что имъ удастся провести, чтобы деньги на проценты взыскивались только съ тѣхъ людей, кто имѣетъ доходу не меньше 1500 р. въ годъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ этого не будетъ, тамъ веденіе войны на государственные займы означаетъ просто, что послѣ войны изъ заработка рабочаго часть будетъ отъ него браться въ казну новыми налогами и казной передаваться капиталистамъ, своимъ и чужимъ, тѣмъ, которые дали деньги на государственные займы.

У капиталистовъ, говоритъ Каутскій, свободна каждый годъ войны та сумма, которую обычно они употребляли на расширеніе производства. Въ Германіи это составляетъ теперь 6 милліардовъ марокъ въ годъ. Если отдать ее казнѣ, то послѣ войны будетъ меньше спроса на рабочихъ, чѣмъ если бы эти деньги пошли на устройство новыхъ фабрикъ и другихъ предпріятій. Такого капитала, который употребляется на расширеніе производства, ежегодно собирается у капиталистовъ 5 государствъ, какъ считаетъ Каутскій, 30 милліардовъ марокъ. Кромѣ того, они могутъ достать еще 10 мд. мар. въ Америкѣ при условіи, что капиталисты Соед. Штатовъ тоже не будутъ въ

этомъ году расширять производства, а всю эту часть прибавочной стоимости отдадуть на военные займы правительствамъ Англіи, Франціи, Германіи, Австріи и Россіи. Такъ оно, вѣроятно, и будетъ.

Такимъ образомъ, изъ 100 мд. марокъ, нужныхъ 5 государствамъ на военные расходы на первый годъ войны, не хватаетъ 40 мд. (есть 5 мд. отъ новыхъ налоговъ + 15 мд. новыхъ бумажныхъ денегъ + 40 мд. вся прибавочная стоимость 5 государствъ и еще С. Шт. Америки, которая употреблялась обычно на расширеніе хозяйства). Откуда же могутъ 5 государствъ взять недостающіе 40 мд., какъ умудрятся капиталисты этихъ 5 странъ дать ихъ своимъ правительствамъ взаймы?

Исходъ только одинъ—отвѣчаетъ Каутскій: кое-что капиталисты могутъ одолжить государствамъ, съэкономивъ на своихъ удовольствіяхъ, но почти всѣ эти 40 мд. можно получить, главнымъ образомъ, изъ второй части всего годового производства страны. Иначе сказать, тѣ силы и средства, которыя раньше затрачивались на замѣну и поправку пришедшихъ за годъ въ негодность средствъ производства (зданій, машинъ и такъ далѣе), теперь должны быть затрачены на производство пороха, пуль и такъ далѣе. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Ю. Л.

Война и рабочій рынокъ Европы.

Съ объявленіемъ войны связь между отдѣлькыми странами Европы была разорвана. Свѣдѣнія о томъ, какъ отразилась война на положеніи рабочихъ отдѣльныхъ странъ поступали крайне нерегулярно. Благодаря этому, до сихъ поръ нельзя было составить вѣрнаго представленія о степени потрясенія хозяйственной жизни Европы и распространенности „военной безработицы“. Только за послѣднее время стало возможнымъ набросать—хоть и съ большимъ запозданіемъ—общую картину „побочныхъ слѣдствій“ войны.

Нижеприведенная табличка о числѣ безработныхъ составлена на основаніи данныхъ профессіональныхъ организацій и представляетъ наибольшую степень достовѣрности. Для Германіи, Австріи. Англіи, Голландіи, Норвегіи и Швеціи она показываетъ за первые 5 мѣс. войны нижесл. процентъ безработныхъ (помѣсячно).

СТРАНЫ:	въ Іюлѣ.	въ Августѣ.	въ Сентябрѣ.	въ Октябрѣ.	въ Ноябрѣ.	въ Декабрѣ 1914 г.
Германія	2.9	22,4	15,7	10,9	8,2	7,2
Австрія	—	17,2	16,9	12,4	10,0	—
Англія	2,9	7,1	15,6	4,4	2,9	2,5
Голландія	—	24,2	31,4	31,0	27,5	26,1
Норвегія	—	10,5	7,6	5,9	4,9	—
Швеція	3,1	3,0	8,1	7,7	8,1	10,3

Съ очевидной ясностью война отразилась на положеніи рабочаго рынка. Съ перваго же мѣсяца войны цифры показываютъ *максимумъ* безработицы въ воюющихъ странахъ. Что же касается нейтральныхъ странъ, то, хотя непосредственная военная повинность и не коснулась ихъ,- зато отъ „побочныхъ слѣдствій“ войны въ эпоху мірового обмѣна не спасаетъ ни „абсолютный“, ни относительный нейтралитетъ. Война и въ нейтральныхъ странахъ отразилась ростомъ безработицы, съ тою лишь разницей, что война докатилась до нихъ нѣсколько позднѣе: за исключеніемъ Норвегіи безработица въ нейтральныхъ странахъ достигла максимума въ сентябрѣ или даже въ октябрѣ.

Ужасающей цифрой безработныхъ поражаетъ Голландія. Въ октябрѣ изъ каждой сотни организованныхъ рабочихъ 32 человѣка были безъ работы. Въ декабрѣ это число понизилось, но всего лишь до 26 чел. на сто. Источники объясняютъ такой высокій процентъ безработныхъ полнѣйшимъ прекращеніемъ дѣятельности алмазной индустріи (шлифовка драгоцѣнныхъ камней): еще въ декабрѣ изъ 100 опрошенныхъ не менѣе 92 были безъ работы. Въ перевозочной и конфекціонной промышленности процентъ безработныхъ былъ также значительно выше средняго.

Наименьшій % безработныхъ показываетъ *Англія*. Въ нѣкоторыхъ профессіяхъ, въ декабрѣ, безработныхъ было даже меньше, чѣмъ въ прошломъ году въ томъ же мѣсяцѣ. Въ концѣ декабря наибольшее затишье въ Англіи отмѣчали текстильная, мебельная, бумажная и табачная промышленность, а наибольшее оживленіе было въ керамической и металлоарабатывающей промышленности, въ углекопномъ дѣлѣ и въ промышленности по изготовленію одежды.

Какъ показываетъ вышеприведенная табличка, въ слѣдующихъ мѣсяцахъ войны процентъ безработныхъ постепенно падалъ. Единственное исключеніе составляетъ *Швеція*: въ декабрѣ мы видимъ тамъ самый высокій % безработныхъ. Это, повидимому, объясняется неблагопріятнымъ временемъ года, такъ какъ въ одномъ только союзѣ каменьщиковъ процентъ безработныхъ въ декабрѣ сразу повысился съ 18,2 ио 43,7.

Имѣющіяся свѣдѣнія о безработицѣ въ *Швейцаріи* исходятъ изъ отчетовъ швейцарскихъ биржъ труда и менѣе обстоятельны. Согласно этимъ отчетамъ, въ августѣ прошлаго года на каждыя 100 вакансій было 217 предложеній со стороны мужчинъ и 176—женщинъ, въ то время какъ въ іюлѣ, за мѣсяцъ до войны, соотвѣтственныя цифры были: 127 муж. и 73 жен. Къ концу года положеніе улучшилось. такъ что въ январѣ 1915 г. на каждыя 100 свободныхъ мѣстъ было 183 мужскихъ предложенія и 138 женскихъ.

Свѣдѣнія о *Франціи* очень скудны. Извѣстно лишь, что къ 31 декабря 1914 г. въ одномъ только Парижѣ получали пособіе

243.931 человѣка и что дѣйствительное число безработныхъ можетъ быть круглымъ счетомъ опредѣлено въ 300.000 человѣкъ.

Особо придется разсмотрѣть вліяніе войны на положеніе рабочаго рынка въ *Италіи*. Анкета, результатовы которой Bolletino delle Ufficio del Lavoro опубликовало 16 марта, не даетъ полной картины кризиса. Изъ опрошенныхъ предпріятій отвѣтило лишь меньшинство, съ числомъ рабочихъ далеко ниже общаго числа согласно переписи 1911 года работающихъ въ данныхъ отрасляхъ. Поэтому наряду съ числомъ опрошенныхъ рабочихъ данной отрасли мы будемъ приводить и общее число ея согласно переписи.

Анкета устанавливаетъ число занятыхъ рабочихъ въ послѣднюю четверть 1914 г. и сравниваетъ его какъ съ предыдущей (третьей) четвертью этого же года, такъ и съ послѣдней четвертью 1913 года. Она охватываетъ нижеслѣд. отрасли производства: бумажную промышленность, текстильную (обработка шелка, шерсти, хлопка, льна и джута), шапочное производство, металлообрабатывающую и механическую промышленность, производство стекла, фарфоровой и фаянсовой посуды, цемента, извести и кирпича.

Какъ извѣстно, война повредила не всѣмъ отраслямъ промышленности; нѣкоторымъ она послужила на пользу. Однако, число такихъ „счастливыхъ“ исключеній весьма невелико: къ нимъ можно причислить только хлопчато-бумажную промышленность, шерстяную, да въ очень слабой степени—производство бумаги. Всѣ остальныя производства пострадали въ большей или меньшей степени.

Въ хлопчато-бумажной индустріи число занятыхъ рабочихъ въ послѣднюю четверть 1914 года возросло по сравненію съ предыдущей на 8%, по сравненію съ послѣдней четвертью 1913 года—на 4%. Наиболѣе сложный приростъ—28% и 12%—отмѣчаетъ Венеція, въ то время, какъ въ Лигиріи число занятыхъ рабочихъ уменьшилось. Данныя относятся къ 43.665 раб. (по переписи въ этой отрасли значится 116.371). „Военное счастье“ для рабочихъ шерстяной индустріи еще менѣе велико: приростъ занятыхъ рабочихъ по сравненію съ третьей четвертью 1914 г.—10,32%, (0,32%), по сравненію съ предыдущимъ годомъ—3,17%. Данныя относятся къ 9.184 раб. (изъ 20.572 по переписи). Повышеніе спроса на трудъ въ бумажномъ производствѣ уже и вовсе микроскопично: % прироста по сравненію съ предыдущей четвертью года—0,89, по сравненію съ прошлымъ годомъ—0,66. Данныя относятся къ 5869 рабочимъ изъ 31.646.

Перейдемъ къ производствамъ пострадавшимъ. Здѣсь передъ нами и такія, которыя значительную часть своихъ продуктовъ производили на вывозъ (льняное, джутовое, шелковое, шапочное), и такія, которыя пострадали какъ отъ запрещенія вывоза (производство автомобилей), такъ и отъ вздорожанія угля и сырья; и, наконецъ, такія, передъ

которыми наряду съ послѣдними двумя препятствіями выросло третье: внезапное сокращеніе покупательной способности внутренняго рынка.

Число занятыхъ рабочихъ въ этихъ отрасляхъ промышленности представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ послѣднюю четверть 1914 г. число занятыхъ рабочихъ уменьшилось—или увеличилось +.

ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДСТВА.	По сравненію съ послѣдней четвертью 1913 года на:	По сравненію съ предыдущей четвертью 1914 г. на:	Число опрошенныхъ рабочихъ.	Общее число согласно переписи.
Обраб. льна, джута, конопли.	— 3,51%	+ 3,16%	9139	17.986
Шапочн производство	— 3,8%	— 2,00%	6234	10.738
Обраб. шелка	— 8,27%	— 6,93%	27818	174.428
Горная, металообр. и механопромышленность	—12,00%	— 4,13%	25348	—
Произв-во фаянсовой посуды.	—25,00%	— 6,50%	889	12.485
„ цемента, извести,				
„ кирпича	—33,00%	— 4,00%	1288	88.682
„ стекла	—41,00%	+13,40%	1227	17.754

Мы видимъ, какъ сильно сократилось число занятыхъ рабочихъ. При чемъ: только въ двухъ группахъ—первой и послѣдней—положеніе улучшилось по сравненію съ предыдущей четвертью года. Въ остальныхъ оно ухудшилось.

Причиной сокращенія производства въ металлообрабатывающей (и механич.) промышленности является, несомнѣнно, вздорожаніе угля, такъ какъ въ мѣстностяхъ, расположенныхъ вблизи гаваней, примѣчалось расширеніе производительной дѣятельности, между тѣмъ какъ въ Ломбардіи процентъ безработныхъ этой отрасли въ послѣднюю четверть 1914 года достигъ 20. Въ этой группѣ сравненіе между числомъ рабочихъ охваченныхъ анкетой и числомъ ихъ согласно переписи невозможно, такъ какъ послѣдняя группировала эти индустріи иначе.

Наиболѣе неблагопріятное положеніе отмѣчаетъ анкета въ послѣднихъ трехъ отрасляхъ, особенно—въ производствѣ стекла, гдѣ процентъ безработныхъ по сравненію съ прошлымъ 1913 годомъ достигъ 41. Въ іюлѣ,—сентябрѣ 1914 г. онъ былъ еще выше, такъ какъ октябрь—декабрь 1914 г. показываетъ улучшеніе.

Правда, незначительное число опрошенныхъ рабочихъ въ этихъ отрасляхъ можетъ вызвать сомнѣнія, насколько вѣрна картина, которую рисуетъ намъ анкета. Можетъ быть, на анкету откликнулись какъ разъ тѣ предпріятія, которыя наиболѣе пострадали отъ войны. Но, во-первыхъ, непонятно, почему это должно было случиться какъ

разъ въ трехъ послѣднихъ группахъ; во-вторыхъ, не менѣе—а можетъ быть, даже болѣе—вѣроятно и другое предположеніе: что наиболѣе пострадавшія предпріятія (всѣ или большинство) закрыты вовсе и на анкету откликнулись какъ разъ менѣе пострадавшія, и, слѣдовательно, представленная здѣсь картина бѣдствія рабочаго класса Италіи гораздо блѣднѣе дѣйствительной.

Л. И.

Окопная война во Франціи.

§ 1. *Траншейная война. Нѣмецкія траншеи. Сила сопротивленія современной траншеи. Письмо Рамадье.*

Вотъ уже почти восемь мѣсяцевъ, какъ иниціатива *наступательной* войны на франко-бельгійскомъ театрѣ вырвана изъ рукъ германской арміи, почти 8 мѣсяцевъ прошло со времени знаменитой битвы при Марнѣ, а какъ сравнительно мало успѣли съ этого момента французы, несмотря на цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ въ дѣлѣ вытѣсненія нѣмецкихъ войскъ изъ занятыхъ ими позицій во Франціи и въ Бельгіи.

Несомнѣнно, что англичане, французы, бельгійцы неуклонно идутъ впередъ въ этой непрерывной атакѣ нѣмецкихъ позицій и выбиваютъ германскую армію изъ траншей, гдѣ она укрѣпилась и держится съ такимъ упорствомъ, но какъ медлительны эти успѣхи, какой кровавой цѣной покупаются они. Недавнее наступленіе въ Шампани, въ которомъ принимало участіе до 8 корпусовъ стоило французамъ около 50.000 человѣкъ убитыми и ранеными; захватъ нѣмецкихъ позиціи при Нью-Шапелѣ стоилъ англичанамъ 10.000 человѣкъ убитыми и ранеными, при чемъ, какъ заявилъ Ллойдъ Джоржъ, въ этой битвѣ при Нью-Шапелѣ было истрачено столько же снарядовъ, сколько за всю бурскую войну. Чтобы отвоевать у нѣмцевъ какіе нибудь сто — двѣсти метровъ приходится порой губить тысячи человѣческихъ жизней, затративъ предварительно сотни и сотни тысячъ снарядовъ на бомбардировку мѣстности, которую собираются атаковать.

Война во Франціи приняла характеръ настоящей осадной войны, равной которой по интенсивности не видѣла исторія. На громадномъ протяженіи отъ швейцарской границы до Нью-Порта и Ломбартидзе у Сѣвернаго моря тянется по самой французской территоріи и въ Бельгіи страшная нѣмецкая крѣпость, растянувшаяся на фронтѣ почти въ 900 километровъ.

Но эта грандіозная и страшная крѣпость не подымается гордо къ небу своими башнями, какъ средневѣковый замокъ, наоборотъ, она вся опустилась подъ землю и потому она стала несравненно страшнѣе, ибо сдѣлалась невидимой. И эту крѣпость осаждаетъ не одна какая нибудь армія въ 100—150 тысячъ человѣкъ, а всѣ арміи, которыми располагаетъ Франція, вмѣстѣ съ бельгійскими и англійскими войсками, т. е. болѣе 2.000.000 чел. Нѣмецкая крѣпость состоитъ изъ окоповъ, растянувшихся на громадныя пространства и сооруженныхъ съ поразительной тщательностью. Впереди окоповъ тянутся загражденія, образующія непроницаемую стѣну. Горе тому кто попадетъ въ такое загражденіе! колючая проволока, оборвавшись, опутаетъ свою жертву со всѣхъ сторонъ, впиваясь колючками въ тѣло причиняя опасныя раны. Порой впереди проволочныхъ загражденій почва минируется, закладываются фугасные снаряды, такъ что атакующій рискуетъ взлетѣть на воздухъ раньше, чѣмъ доберется не то, что до самой траншеи, но даже до проволочнаго загражденія.

Больше всего изумляютъ французовъ сами нѣмецкія траншей. Строются послѣднія такъ, какъ будто люди собираются здѣсь жить не дни или недѣли, а цѣлые годы. Стѣны этихъ траншей тщательно обшиты досками или прутьями, полъ порой цементированъ и застланъ густой соломой. Въ общемъ эти окопы, тянувшіяся на громадное пространство въ длину и глубину, представляютъ собой какъ бы цѣлые подземные города или во всякомъ случаѣ деревушки.

Недавно французы послѣ длительной осадной войны, во время которой непрерывно гремѣли тяжелыя и мелкія оружія, послѣ ряда страшныхъ атакъ, гдѣ пускались въ дѣло ручныя гранаты, штыки и т. д., атакъ, которыя повторялись съ большими потерями почти въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, взяли приступомъ сильнук позицію Эпаржъ, защищавшуюся цѣлой нѣмецкой дивизіей и 5 саперными баталіонами. Каково было удивленіе французовъ, когда они нашли въ нѣмецкихъ подземныхъ укрѣпленіяхъ *узко-колейную дорогу*, которая подвозила солдатъ, орудія и амуницію къ угрожаемымъ пунктамъ. Конечно, тутъ же подъ землей французы открыли обширное помѣщеніе, гдѣ собирался нѣмецкій „Офицерскій клубъ“, комнаты для отдыха и т. д. даже ванныя.

Въ первыхъ линіяхъ окоповъ находятся лишь небольшія силы. Эти передовые окопы соединяются особыми коридорами съ слѣдующими рядами траншей, которыя въ свою очередь такими же коридорами соединены съ третьей линіей и т. д. Такимъ образомъ, главныя силы находятся внѣ сферы огня и не подвергаются непосредственной опасности отъ бомбардировки. Все время бой ведетъ только передовая, такъ сказать авангардная часть этой окопной, зарывшейся въ землю, арміи. Правда, этотъ авангардъ послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ передовой линіи огня отводится на заднія позиціи и замѣщается свѣжими войсками. Но какъ только передовымъ траншеямъ грозитъ серьезная опасность немедленно на подмогу ихъ защитникамъ поспѣваютъ отряды изъ второй и третьей линіи окоповъ и совмѣстными усиліями отбрасываютъ непріятеля. Въ случаѣ невозможности отстоять позицію защитники ея отступаютъ по коридорамъ назадъ.

Какъ бы малочисленъ ни былъ отрядъ, защищающій траншею, порой такая траншея можетъ мѣсяцами выдерживать на-

тиски цѣлыхъ полковъ. До войны во Франціи никто не подозрѣвалъ, какой сверхъестественной силой сопротивленія обладаетъ небольшая траншея въ одинъ метръ шириной, защищаемая по бокамъ пулеметами, а сзади пушками.

Но уже и до введенія пулеметовъ можно было предугадать, какую роль будетъ играть въ будущей войнѣ траншея, легкое полевое укрѣпленіе. Такъ, авторъ этихъ строкъ въ своей брошюрѣ: „Что доказала англо-бурская война“, опубликованной въ Одессѣ въ 1901 г., писалъ слѣдующее:

„Что можетъ сдѣлать атакующая армія противъ непріятеля, засѣвшаго за окопами, тянущимися иногда на десятки верстъ въ длину и глубину? Артиллеріей невозможно нанести какого нибудь существеннаго вреда обороняющемуся, потому что послѣдній невидимъ; притомъ при обширныхъ оборонительныхъ позиціяхъ всѣ резервы можно помѣстить внѣ выстрѣловъ [1]).

„Если даже современная артиллерія не можетъ заставить обороняющагося покинуть занятыя имъ позиціи, не можетъ нанести ему какого либо существеннаго вреда, въ такомъ случаѣ является чистѣйшимъ безумiемъ атака штурмомъ укрѣпленной позиціи. При современномъ скорострѣльномъ оружіи и растянутости оборонительной линіи, тянущейся иногда на цѣлые десятки верстъ въ длину и глубину, подобныя попытки могутъ привести только къ разгрому атакующей арміи, хотя бы на ея сторонѣ были и громадное численное превосходство и отчаянная храбрость и прекрасное вооруженіе, не уступающее вооруженію противника. *Атакующій совершенно не видитъ обороняющагося и можетъ терять массу людей, тогда какъ противникъ остается въ безопасности*“ [2]).

Изъ изученія условій военной техники того времени и въ предвидѣніи неизбѣжнаго дальнѣйшаго развитія скорострѣльности и дальнобойности оружія я дѣлалъ слѣдующее заключеніе:

„Чѣмъ далѣе будетъ развиваться военная техника, тѣмъ болѣе преимущество будетъ оказываться на сторонѣ обороняющагося, потому что развитіе военной техники будетъ прежде всего отражаться на условіи скорострѣльности и дальнобойности огнестрѣльнаго оружія, а это при бездымномъ порохѣ и дальнѣйшемъ прогрессѣ фортификаціоннаго искусства приведетъ только къ тому, что если въ настоящее время атакующій теряетъ подчасъ въ одну минуту сотни человѣкъ, потомъ онъ будетъ терять ихъ цѣлыя тысячи, не имѣя возможности нанести существеннаго вреда своему противнику“ [3]).

Въ нынѣшней войнѣ при атакѣ какой нибудь траншеи, защищенной 50—60 солдатами и снабженной двумя митральезами, бывали эпизоды, когда цѣлые батальоны истреблялись до одного человѣка въ тщетной попыткѣ взять такую траншею.

Вотъ извлеченіе изъ письма Поля Рамадіе, сотрудника журнала „Mouvement Socialiste“, тяжело раненаго на полѣ битвы и награжденнаго за свою храбрость военной медалью. Письмо это было отправлено изъ госпиталя редактору того же журнала Сенераку, который передалъ мнѣ его:

„...Подъ огнемъ митральезъ атаки въ штыки сопряжены съ неимовѣрными страшными потерями. Когда прицѣлъ взятъ вѣрно, митральезы сразу скосятъ цѣлыя непріятельскія линіи. Я видѣлъ сраженія, гдѣ французскія линіи, павшія въ бою, покрывали равнину на протяженіи 500 метровъ въ длину, слѣдуя одна за другой въ стройномъ порядкѣ. *Не было ни одного свободнаго мѣста въ каждой изъ этихъ линій.* Начальники отдѣленій находились на своихъ мѣстахъ. Казалось, что батальонъ лежитъ на землѣ въ полномъ боевомъ порядкѣ, ожидая приказа подняться и двинуться впередъ. Я отправился разсмотрѣть нѣмецкую траншею, противъ которой была проведена эта атака. Эта траншея была узка и недостаточно глубока. Это была скверная траншея, вырытая наскоро и въ моментъ близкой опасности. Но она была защищена на флангахъ двумя митральезами, искусно скрытыми, такъ что я съ трудомъ нашелъ ихъ, хотя стоялъ очень близко. Вотъ эти двѣ митральезы, маневрируемыя четырьмя или пятью солдатами, уничтожили цѣлый батальонъ“ [1]).

[1]) Мих. Павловичъ „Что доказала англо-бурская война“ (Регулярная армія и милиція въ современной обстановкѣ). Одесса 1901 г. стр. 23.

[2]) См. цитир. брошюру стр. 26.

[3]) Тамъ же стр 34.

§ 2. *Битва на Марнѣ. Ея значеніе.*

Въ битвѣ на Марнѣ, гдѣ нѣмцы, не ожидавшіе пораженія, наскоро стали сооружать траншеи, когда увидѣли, что побѣда склоняется на сторону французовъ, послѣдніе легли тысячами въ попыткахъ взять штурмомъ нѣмецкіе окопы. Передъ этими наспѣхъ вырытыми окопами вся равнина была покрыта сотнями труповъ на громадномъ пространствѣ. Направо, налѣво, вблизи и вдали повсюду лежали, какъ скошенная трава человѣческія линіи и какъ скошенная трава, всѣ эти люди легли въ одномъ направленіи. Смерть застигла ихъ во время ихъ стремительнаго движенія впередъ, съ штыками на перевѣсъ, и они упали на землю лицомъ къ непріятелю, пораженные пулями въ лобъ или грудь.

Однако нѣмецкія войска въ сраженіи на Марнѣ были захвачены врасплохъ неожиданнымъ наступленіемъ французской арміи, которая, какъ имъ казалось, все время бѣжала передъ ними, якобы охваченная паникой, и не могла уже будто бы оказать никакого сопротивленія побѣдоноснымъ германскимъ войскамъ, мечтавшимъ о скоромъ вступленіи въ Парижъ. Въ виду этого непредвидѣннаго маневра нѣмецкія войска, неожиданно атакованныя на Марнѣ внезапно перешедшими въ наступленіе „бѣглецами“, не имѣли, конечно, возможности воздвигнуть впереди себя непрерывной линіи окоповъ, какъ это они сдѣлали впослѣдствіи на Энѣ. Такимъ образомъ, часть французскихъ войскъ успѣла прорваться черезъ свободные промежутки между нѣмецкими линіями (армія генерала Фока), другая часть начала обходное движеніе праваго крыла нѣмецкихъ войскъ (армія генерала Манури). Такимъ образомъ, нѣмцамъ пришлось отступить, и битва на Марнѣ кончилась побѣдой французовъ.

При той военной организаціи, которой обладала Франція, при тѣхъ взглядахъ, которые существовали и во французскомъ генеральномъ штабѣ, и во всемъ французскомъ корпусѣ, и во

[1]) Самъ Рамадье былъ раненъ при слѣдующихъ условіяхъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ осмотра упомянутой выше траншей Рамадье вмѣстѣ съ своимъ батальономъ шли по шоссейной дорогѣ. Вдругъ на встрѣчу имъ показался, мчавшійся съ страшной быстротой блиндированный нѣмецкій автомобиль съ трехцвѣтнымъ французскимъ знаменемъ. Батальонъ немедленно сдвинулся въ сторону, чтобы пропустить этотъ автомобиль. Но когда послѣдній приблизился къ французскому батальону, онъ тотчасъ же открылъ по солдатамъ убійственный огонь изъ пулеметовъ. Въ нѣсколько минутъ французскій батальонъ былъ почти весь истребленъ и выведенъ изъ строя.

всей націи, какъ среди реакціонеровъ такъ и среди соціалистовъ какъ среди знатоковъ военнаго дѣла, такъ и среди профановъ, планъ, принятый Жоффромъ и проведенный имъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, именно отступленіе до позиціи на Марнѣ, явился choeuf d'eouvr'омъ военной стратегіи и тактики. Именно, здѣсь, на Марнѣ, была сломлена величайшая и самая страшная и по своему вооруженію и по своей численности армія, какую только видѣлъ міръ. 51 корпусъ, вмѣсто 25, которыхъ ожидала Франція, бросились на страну и были побѣждены. Послѣ битвы на Марнѣ исходъ кампаніи былъ уже рѣшенъ, и этимъ самимъ была предопредѣлена побѣда и Россіи, и Сербіи, и Англіи.

Итальянскій публицистъ Umberta Gala [1]) въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ значеніе побѣды на Марнѣ для самой Франціи и для ея союзниковъ:

„Китоловы пользуются для своей охоты особаго рода гарпунами, на которыхъ порой вырѣзывается имя барки, откуда было брошено оружіе. Ибо иногда чудовище не умираетъ тотчасъ и продолжаетъ, хотя и смертельно раненое, бродить по океану, пока, наконецъ, черезъ шесть—семь мѣсяцевъ другіе рыбаки находятъ его уже въ состояніи трупа, выброшеннымъ на берегъ. Тогда надпись на гарпунѣ указываетъ на имя того, кто убилъ кита и кому принадлежитъ право эксплуатировать его трупъ. Это неоспоримое свидѣтельство въ пользу принадлежности убитаго кита счастливому собственнику барки, откуда былъ брошенъ гарпунъ. И вотъ нѣмецкая армія получила этотъ смертельный ударъ гарпуномъ и называется этотъ ударъ „битвой на Марнѣ“, самъ же гарпунъ носитъ славное имя „генералъ Жоффръ“. Именно въ эти дни и на этомъ фронтѣ рѣшилась судьба Европы. Несомнѣнно, армія, побѣжденная на Марнѣ, въ состояніи еще нѣсколько мѣсяцевъ жить, дѣйствовать, сражаться; она можетъ совершать удачныя и блестящія стратегическія и тактическія движенія, но самое геройское напряженіе воли не можетъ излечить ее отъ этого смертельнаго удара гарпуномъ“.

Французская побѣда окончательно разрушила нѣмецкій планъ, который заключался въ томъ, чтобы послѣ разгрома французской арміи оставить въ занятой части Франціи войска второй линіи, ландштурмъ и ландверъ и перебросить всю активную армію, дѣйствовавшую противъ этой страны, вмѣстѣ съ резервами на русскую границу. Послѣ битвы на Марнѣ нѣмецкому генеральному штабу не только нельзя было, согласно заранѣе предначертанному плану, мечтать объ этомъ, наоборотъ, пришлось часть вновь образованныхъ резервныхъ корпусовъ отправить на подмогу разбитымъ на Марнѣ войскамъ, и мы знаемъ, какая значительная часть этихъ корпусовъ погибла на Изерѣ и Ипрѣ въ безумныхъ попыткахъ пробиться къ Калэ.

§ 3. *Возможно ли было избѣгнуть необходимости отступленія отъ границы. Изъ области коллективнаго самогипноза.*

Однако, неужели французская армія, руководимая выдающимся полководцемъ и цѣлымъ рядомъ блестящихъ офицеровъ, фатально была вынуждена съ самаго начала войны къ тактикѣ

[1]) „Popolo d'Italia“, 21 Febr. 1915.

Фабія Кунктатора, къ отступленію въ первый періодъ кампаніи передъ нѣмецкими войсками, которое привело къ тому, что теперь французамъ съ такимъ напряженіемъ, съ такими затратами человѣческихъ жизней приходится выбивать нѣмцевъ изъ каждой занятой послѣдними линіи траншей?

Неужели эта армія, одержавшая такую блестящую побѣду на Марнѣ, не могла съ самаго начала войны отбросить нѣмцевъ отъ французской границы при первой же попыткѣ со стороны послѣднихъ перейти эти границы? Неужели невозможно было помѣшать вторженію германскихъ полчищъ во Францію, оккупаціи ими десяти департаментовъ и тѣмъ самымъ избавить Францію какъ и отъ страшныхъ потерь людьми, такъ и отъ тѣхъ экономическихъ бѣдствій, которыя являются результатомъ и этой затяжной войны и захвата непріятелемъ главныхъ промышленныхъ областей государства?

Изъ того, что сказано мною выше о роли траншей, ясно, что возможно было не допустить вторженія германскихъ войскъ во Францію, если разсматривать вопросъ съ чисто стратегической точки зрѣнія.

Но не всякій планъ, цѣлесообразный съ стратегической точки зрѣнія, оказывается въ данный моментъ психологически осуществимымъ. Иллюзіи, предразсудки, вѣра въ особыя расовыя черты, присущія данной націи, играютъ еще слишкомъ большую роль въ жизни народовъ, даже въ такой спеціальной области, какъ военное дѣло.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ интересный фактъ коллективнаго самогипноза, самовнушенія, которому подверглась цѣлая нація и притомъ такая передовая, такая культурная, столь склонная къ критицизму, какъ французская.

Эрвэ разсказывалъ недавно въ „La Guerre Sociale“ отъ 18 апрѣля, что французскимъ офицерамъ приходилось часто угрожать солдатамъ военной карой, чтобы заставить ихъ рыть траншеи. Солдаты отказывались дѣлать это и въ крайнемъ случаѣ вырывали жалкіе, неглубокіе рвы. Недавно одинъ раненый унтеръ-офицеръ разсказывалъ мнѣ, что передъ битвой на Марнѣ, т. е. когда на французовъ шла громадная нѣмецкая армія, онъ хотѣлъ заставить своихъ людей вырыть траншеи. Солдаты отказывались повиноваться. Наконецъ, они стали, ругаясь и упоминая все время имя черта, рыть траншеи, но вырыли ихъ такъ, что можно было влѣзть туда только по колѣно, а затѣмъ отбросили лопаты въ сторону и заявили, что дальше не будутъ заниматься этимъ дѣломъ. „Пусть проклятые Boches зароются въ землю, это не по нашему вкусу; мы ихъ или проткнемъ штыками нашими или перестрѣляемъ пулями и снарядами, а копать ямы не будемъ. Если не удастся побѣдить, умремъ и баста“.

Уже съ самаго начала войны и даже задолго до нея я имѣлъ возможность убѣдиться въ антипатіи французовъ къ самой идеѣ „траншейной войны“ и нерѣдко слышалъ мнѣніе, что французъ по своему темпераменту не способенъ пролежать нѣсколько часовъ, а тѣмъ болѣе нѣсколько дней въ траншеѣ.

Однако, я былъ увѣренъ, что французы, воспользуясь промедленіемъ нѣмецкихъ войскъ въ Бельгіи, все же воздвигнутъ

неприступныя полевыя укрѣпленія вдоль сѣверной границы Франціи.

Въ 1902 г. я черезъ посредство депутата Брака и Анжель Руссель предложилъ издателю Жаку опубликовать на французскомъ языкѣ свою брошюру „Что доказала англо-бурская война?“.

Это было вскорѣ послѣ дѣла Дрейфуса, въ эпоху,—когда французскіе соціалисты интересовались вопросомъ о демократизаціи арміи. Въ своей брошюрѣ я подчеркивалъ, что малочисленные буры, отстаивавшіе съ помощью траншей болѣе, чѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ, свою территорію противъ громадныхъ англійскихъ армій, вышли бы побѣдителями изъ этой войны, если бы ихъ соціальный укладъ не покоился на институтѣ рабства. Въ концѣ концовъ въ оборонѣ страны принимала участіе лишь самая *незначительная* часть населенія, ибо негровъ-рабовъ, составляющихъ по численности подавляющее большинство населенія южно-африканскихъ республикъ, буры, конечно, не отважились вооружить, и, такимъ образомъ, границы республики оказались во многихъ пунктахъ совершенно незащищенными. И все-таки крошечный народецъ, численность котораго не превышаетъ 300.000 человѣкъ, болѣе двухъ лѣтъ отстаивалъ свою территорію противъ арміи 300-миллионной британской имперіи. И это доказываетъ только одно, писалъ я, что въ будущемъ всякая нація, стремящаяся только къ защитѣ своихъ границъ, не мечтающая о наступательныхъ войнахъ, не нуждается ни въ какихъ регулярныхъ арміяхъ. Всякая милліонная армія, хорошо обученная, знающая свое дѣло, умѣющая строить траншеи, въ состояніи оградить свою страну отъ непріятельскаго нашествія, отбросить врага отъ своихъ границъ. И чѣмъ дальше будетъ развиваться военная техника, тѣмъ труднѣе будетъ вести наступательную войну и тѣмъ легче будетъ съ помощью траншей защищаться противъ нападенія и отстоять границы государства.

Жакъ прочелъ мою брошюру и сказалъ: „Да, все это вѣрно съ военно-стратегической точки зрѣнія. Но вы, ... отбросили въ сторону такой важный элементъ, какъ національный темпераментъ. А между тѣмъ этотъ элементъ играетъ колоссальную роль. Неужели вы думаете, что французскіе солдаты въ состояніи лежать нѣсколько дней подрядъ въ траншеяхъ, какъ буры?“.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Неужели вы думаете, что французскій солдатикъ въ состояніи просидѣть тринадцать дней въ траншеѣ? Не черезъ 13 дней, а черезъ 13 часовъ самый терпѣливый французскій солдатикъ выскочитъ изъ траншеи и бросится на врага, рискуя порой вѣрной смертью, вмѣсто того, чтобы сидѣть зарывшись въ землѣ. Нѣтъ, нѣтъ, эта система не для насъ“.

Это была idée fixe всѣхъ французовъ, начиная отъ генераловъ и кончая солдатами. Теперь мы видимъ, что французская нація не дооцѣнила въ этомъ отношеніи своей силы, своей выносливости. То обстоятельство, что нѣмецкимъ войскамъ удалось захватить въ свои руки часть французской территоріи, не явилось результатомъ вины какого-нибудь отдѣльнаго французскаго генерала, или всего французскаго генеральнаго штаба, хотя, конечно, послѣдній обязанъ былъ бороться съ сложившимися предразсудками въ военной области. Оно явилось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ психологическихъ факторовъ, самогипноза, самовнушенія милліоновъ людей, которые внушили себѣ идею, исходя изъ представленій о французскомъ національномъ характерѣ. Даже геніальный Жоресъ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о *траншеяхъ* на 685 страницахъ своей замѣчательной книги „L'armée nouvelle“, гдѣ онъ предугадалъ такъ много и почти предсказалъ битву на Марнѣ.

§ 4. *Народная армія. Приказъ Жоффра.*

Теперь мы лишній разъ видимъ, насколько правильны всѣ эти теоріи, которыя придаютъ какое то серьезное значеніе расовымъ особенностямъ, національному темпераменту въ качествѣ важнаго фактора не только въ соціальной эволюціи вообще, но въ частности въ характерѣ веденія войны даннымъ народомъ. Несомнѣнно, что французскій генеральный штабъ, создавая заранѣе планъ войны съ Германіей, отбросилъ идею траншейной сбороны границъ, какъ методъ войны, якобы совершенно не соотвѣтствующій характеру французовъ. Подобно болгарамъ—этимъ балканскимъ пруссакамъ въ 1912 г., нѣмцы въ 1914 году начали войну противъ страшныхъ и многочисленныхъ противниковъ, идя навстрѣчу вѣрной неудачѣ, очевидной для всякаго объективнаго наблюдателя, начали эту войну увѣренными, что они—народъ „избранный“, что они перейдутъ и Вогезы, и Марну, и Вислу, и даже Ламаншъ и доберутся не только до Парижа и Варшавы, но даже и до Лондона.

Французы болѣе скромные, считавшіе себя способными, въ случаѣ необходимости защищать страну, къ битвамъ на открытомъ полѣ, къ натиску, къ искуснымъ маневрамъ внушили себѣ идею, будто они въ виду своего національнаго темперамента не способны обороняться за траншеями. Благодаря этому они дали возможность нѣмцамъ послѣ битвы при Шарлеруа ворваться во Францію въ то время, какъ могли бы отбросить ихъ съ помощью траншей отъ французской границы. *И только разсчитывая на эту* idée fixe, на этотъ самогипнозъ французовъ, нѣмцы, сами съ такой тщательностью, какъ теперь очевидно, изучившіе систему веденія траншейной войны и устройства окоповъ, воспользовавшись въ этомъ отношеніи всѣми уроками и бурской и манчжурской кампаній, объявили войну Франціи и создали планъ прорыва французской границы на Парижъ... Французскіе солдаты сидятъ уже седьмой мѣсяцъ за траншеями и какъ ни тяжело для нихъ это испытаніе, кто скажетъ, что они обнару-

жили въ этой траншейной войнѣ, къ которой совершенно не готовились, которая такъ противорѣчитъ ихъ національному темпераменту меньшую выносливость, чѣмъ ихъ тяжеловѣсные противники.

Дѣйствительно, бываетъ случай, когда иной молодой французскій солдатъ, пролежавъ въ траншеяхъ нѣсколько дней, заявляетъ своимъ товарищамъ, что „онъ не можетъ болѣе“ и выскакиваетъ наружу, падая порой подъ пулями непріятеля. Но вопросъ, не бываютъ ли часто подобные же случаи и въ нѣмецкой арміи.

Всѣ подобные факты лишь подтверждаютъ точку зрѣнія „вооруженной націи“ и опровергаютъ взглядъ военныхъ спеціалистовъ, будто запасные, ополченцы и, въ особенности, не прошедшіе долгой казарменной службы, солдаты не могутъ быть хорошимъ боевымъ матеріаломъ. Извѣстно, что Жоффръ, приказомъ 19 февраля отмѣнилъ самыя названія: „солдатъ дѣйствительной службы“, „резервный“, „территоріальный“ и т. д. Послѣ этого распоряженія Жоффра во французской арміи нѣтъ уже „резервныхъ“ дивизій или корпусовъ, активныхъ дивизій и корпусовъ и т. д. Всѣ дивизіи и корпуса обозначаются теперь только различными нумерками. Тмкимъ образомъ, оффиціально признано, что солдаты активной службы, резервисты, территоріальные съ военной точки зрѣнія равноцѣнны, и вся прежняя система дѣленія арміи на лучшіе элементы и на элементы менѣе пригодные къ войнѣ отмѣнена. Болѣе того, даже консервативные органы прессы признаютъ порой, что для оборонительной войны въ современныхъ условіяхъ запасные солдаты и даже территоріальные, т. е. ополченцы годятся лучше, чѣмъ болѣе молодые солдаты актива. Одинъ бригадный генералъ, защищавшій въ теченіе 45 дней подъ страшнымъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ очень опасный пунктъ, сказалъ недавно корреспонденту газеты „Temps“: „Никто не можетъ сравниться съ солдатами территоріальной арміи въ защитѣ траншей“, т. е. въ окопной войнѣ.

Солдаты территоріальной арміи—это солдаты самыхъ старыхъ запасовъ, въ возрастѣ отъ 35—49 лѣтъ. И эти солдаты, которые считались мало пригодными къ боевымъ дѣйствіямъ военными авторитетами, не только не уступаютъ въ оборонительной войнѣ солдатамъ болѣе молодыхъ призывовъ и солдатамъ активной арміи, только что покинувшимъ казармы, но стоятъ по признанію многихъ генераловъ, выше другихъ классовъ.

Нынѣшняя война доказала, что нація, не стремящаяся къ завоеваніямъ, не нуждается въ регулярной арміи. Милиція, защищающая границы страны съ помощью траншей, непобѣдима.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Мих. Павловичъ.

Общественная мобилизація.

Едва-ли кто рѣшится теперь отрицать тотъ фактъ, что т. наз. внутренніе вопросы русской жизни не только не сошли, передъ лицомъ внѣшнихъ задачъ, со сцены, но, наоборотъ, съ каждымъ днемъ даютъ себя чувствовать острѣе. Достаточно указать, напр., на продовольственный вопросъ, на вопросъ антиалкогольный, на задачи санитарнаго устроенія и т. д., или же напомнить о такихъ, стоящихъ въ другомъ ряду, вопросахъ, какъ вопросы національные, вопросы городского самоуправленія, народнаго образованія и самообразованія, на задачи кооперативнаго и иного строительства.

Не приходится отрицать и того, что бываютъ обстоятельства, когда задача обороны страны оказывается настолько всеобъемлющей и острой, что т. наз. внутренніе вопросы сполна поглощаются чистой стратегіей. Но такъ можетъ быть только въ томъ случаѣ, когда на ряду съ чрезвычайными обстоятельствами внутреннее положеніе не находится въ слишкомъ рѣзкомъ или непримиримомъ противорѣчіи съ задачами національной обороны, т. е. такой обороны, въ которой предполагается участіе *всей* страны. Таково, напр., положеніе Бельгіи; въ такомъ отчасти положеніи, правда, временно, находилась, въ дни подхода германской арміи къ Парижу, Франція.

Наоборотъ, въ такихъ странахъ, какъ Россія, Англія или Германія, гдѣ война отнюдь не угрожаетъ ихъ національному существованію, гдѣ въ тылу арміи находятся цѣлыя страны, живущія болѣе или менѣе обычной жизнью, тамъ—чѣмъ болѣе полно и свободно ставятся и рѣшаются (въ духѣ національныхъ интересовъ, конечно,) внутренніе вопросы, тѣмъ крѣпче и надежнѣе получаетъ возможность складываться національная оборона. Развитіе общественной жизни съ ея неизбѣжными конфликтами и борьбой въ этихъ странахъ не только ничуть не противорѣчитъ дѣлу организаціи обороны, но, напротивъ, лучшимъ образомъ приспособляетъ ихъ къ выполненію этой задачи.

Такъ, казалось-бы, *вставъ на почву національной обороны,* должны были разсуждать широкіе круги русскаго либерально-прогрессивнаго общества. Общественная жизнь или вопросы внутренней жизни должны бы были быть поставлены ими *въ тѣсную связь* съ запросами и интересами внѣшней обороны... Но на дѣлѣ оказалось не такъ. Русское прогрессивно-либеральное общество, выразившее въ извѣстномъ думскомъ засѣданіи 26-го іюля прошлаго года свое положительное отношеніе къ войнѣ, не встало, по крайней мѣрѣ, съ самаго начала, на такую почву. Думскіе и внѣдумскіе либеральные круги во главѣ съ кадетской партіей съ самаго-же начала задачу

обороны страны поставили въ зависимость не отъ разрѣшенія тѣсно связанныхъ съ нею „внутреннихъ вопросовъ“, а отъ всепартійнаго единства, созданнаго посредствомъ совершенно искусственнаго устраненія этихъ вопросовъ.

Не такъ давно по этому поводу между „Рѣчью“ и „Днемъ“ произошло полемическое столкновеніе. Кадетская газета, не моргнувъ глазомъ, отрицаетъ фактъ, подтвержденіе которому каждый внимательный читатель найдетъ въ десяткахъ случаяхъ на ея собственныхъ страницахъ. Въ самый день извѣстнаго думскаго засѣданія 26 іюня кадетскій органъ достаточно опредѣленно формулировалъ то самое положеніе, которое онъ пытается отрицать теперь въ полемикѣ съ „Днемъ“. 26 іюля „Рѣчь“ писала, что въ своемъ разсчетѣ на единеніе съ народомъ правительство на этотъ разъ не ошибется, ибо „нависшая надъ страной опасность такъ велика и грозна, что передъ этимъ великимъ и грознымъ должны временно стушеваться наши внутреннія задачи, какъ бы неотложны онѣ ни были по существу“... „Теперь,—заканчивалась кадетская передовица,—дѣло не въ томъ, чтобы какимъ-то чудомъ (!) замѣнить наши наличные рессурсы другими. Дѣло въ томъ, чтобы изъ наличныхъ рессурсовъ извлечь наибольшее количество нужной намъ силы“...

Такимъ образомъ, всѣ „внутренніе вопросы“, т. е. вопросы національные, организаціонные, правовые и т. д. принимались и утверждались этой формулой въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они давались положеніемъ до войны. Организація національной обороны, которую либерально-прогрессивное общество поставило въ главу угла своей дѣятельности, должна была, по мысли кадетскаго органа, складываться на почвѣ данныхъ, неизмѣнныхъ, наличныхъ рессурсовъ. Самое измѣненіе этихъ рессурсовъ — увеличеніе ихъ качественно и количественно—по нечаянно сорвавшемуся, но крылатому выраженію „Рѣчи“, представлялось ей „какимъ-то чудомъ“...

Для демократіи, стоящей лѣвѣе к.-д., даже для той, которая не стоитъ на точкѣ зрѣнія „война до конца“, такая позиція либерализма, естественно, должна была казаться отступничествомъ отъ поставленной имъ самимъ себѣ задачи, задачи національной обороны, ея суженіемъ и ослабленіемъ...

Истинно-русскій національнымъ, находящійся правѣе, такое замалчиваніе вопросовъ, о которыхъ жизнь не устаетъ громко напоминать, долженъ былъ, съ такой же естественностью, воспринять, какъ пустое и грубое дипломатничанье.

Не удивительно, что единенію, пріобрѣтенному такой дешевой цѣной, право-націоналистическіе круги первые же не придали ни малѣйшаго значенія. Они и не думали, конечно, отказываться отъ дѣланія своей внутренней политики, хотя временно, прилаживаясь къ новымъ обстоятельствамъ, „Новое Время“, напр., и пыталось-было умѣрить свой обычный тонъ... Нововременскій національнымъ, конечно, никакъ не могъ отказаться отъ *своей* политики. Она ему нужна была не для укрѣпленія національной обороны — въ этомъ онъ дѣйствительно надѣялся обойтись „наличными рессурсами“,—а въ цѣляхъ противодѣйствія и ослабленія тѣхъ нежелательныхъ для него послѣдствій, которыя подготовлялъ или могъ подготовить объективный ходъ событій...

Подъ лозунгомъ *несвоевременности* „внутреннихъ вопросовъ“, сформулированномъ кадетской оппозиціей, и началась общественная организація и работа на почвѣ и вокругъ войны. Слѣдуя этому лозунгу, либерально-прогрессивное общество не пыталось *ставить на очередь* тѣ или иные вопросы внутренней жизни, отъ разрѣшенія которыхъ въ значительной степени зависѣли постановка и организація внѣшней обороны, какъ оно ее понимало само. Оно брало *данное* („наличные рессурсы“) и къ нему приспособляло свою организаціонную и иную работу, всячески суживая, ограничивая и ослабляя ее. Всѣ свои надежды оно возлагало на объективный ходъ вещей, который за ея спиной сдѣлаетъ-де разрѣшеніе внутреннихъ вопросовъ неотложнымъ, не учитывая или не желая учитывать, что противъ этой неотложности энергично работаютъ реальные политики нововременскаго и подобнаго ему толковъ... Здѣсь, конечно, сказалась обычная для русскаго либеральнаго общества психологія, всегда толкающая его по линіи наименьшаго сопротивленія.

При такихъ настроеніяхъ, заранѣе ограничивающихъ размахъ работы, создавались и развивали свою дѣятельность сначала земскій, потомъ городской союзы. Оба союза сравнительно въ короткое время обратились въ обширныя, по русскому масштабу, организаціи всероссійскаго значенія. Это было своего рода исполненіе того скромнаго пожеланія объединившагося 26-го іюля большинства Гос. Думы, которое говорило о привлеченіи къ дѣлу обезпеченія семей запасныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій и общественныхъ силъ „въ тѣсномъ единеніи съ административными органами“. Относительно богатые результаты работы союзовъ лишній разъ подчеркнули преимущества *общественной* работы передъ обычной у насъ казенно-канцелярской, но эта энергія и плодотворность, конечно, далеко не исчерпывали всего того, что при другихъ условіяхъ могла бы дать общественная работа.

Рѣчь главноуполномоченнаго кн. Львова на послѣднемъ съѣздѣ земскаго союза довольно точно опредѣлила характеръ этой общественно-прогрессивной мобилизаціи. Центромъ этой рѣчи было своего рода рекламированіе или рекомендація работоспособности союза, перечисленіе того, что союзъ сдѣлалъ, указаніе на благосклонное къ нему отношеніе тѣхъ или иныхъ значительныхъ лицъ и т. д.; что же касается *задачъ союза*, въ особенности тѣхъ условій, при которыхъ обще-

ственная работа можетъ наилучшимъ образомъ способствовать организаціи внѣшней обороны, объ этомъ на съѣздѣ не было сказано почти ни слова. Кн. Львовъ и другіе члены союза, весьма вѣроятно, опасались, съ одной стороны, переступить отведенныя союзу рамки, съ другой—раздражить, возстановить, даже расколоть разношерстный составъ земскаго союза... Этимъ, надо полагать, еще болѣе укрѣплялся провозглашенный прогрессивно-либеральной частью Думы принципъ несвоевременности внутреннихъ вопросовъ. Кн. Львовъ лишь констатировалъ, что скромныя рамки, которыя были отведены союзу—„помощь трудомъ и средствами земствъ дѣлу эвакуаціи больныхъ и раненыхъ воиновъ“—жизнью скоро были раздвинуты. Земскому союзу, спустя короткое время, было предоставлено работать не только въ „тылу“, но и на фронтѣ, не только въ формѣ помощи раненымъ и больнымъ, но и въ другихъ формахъ, не только на свои средства, но и на ассигнованныя въ его распоряженіе значительныя казенныя суммы. Въ заключеніе своей рѣчи кн. Львовъ, — какъ передавали „Русскія Вѣд.“—сообщилъ о томъ „истинно-трогательномъ единеніи“, которое установилось между земскимъ союзомъ, Краснымъ Крестомъ и военнымъ вѣдомствомъ *)...

Казалось бы, отсюда можно было вывести весьма утѣшительныя заключенія и представить себѣ, какъ это, повидимому, и пытался сдѣлать кн. Львовъ, широкія для союза перспективы.

Но когда съѣзду, столь осторожному со всякими „внутренними вопросами“, пришлось задѣть тѣснѣйшимъ образомъ связанный съ его дѣятельностью вопросъ о борьбѣ съ заразными болѣзнями, широкія перспективы, намѣченныя кн. Львовымъ, нѣсколько потускнѣли. Тотъ же кн. Львовъ подробно доложилъ о надвигающейся опасности эпидемическихъ заболѣваній, сообщилъ приблизительно-разработанную смѣту въ 82 мил. руб., нужныхъ союзу для борьбы съ этой опасностью, но при этомъ добавилъ, что ходатайство объ ассигновкѣ средствъ встрѣтило, однако, препятствіе. При посѣщеніи кн. Львовымъ ставки Верховнаго Главнокомандующаго услуги обще-земской организаціи въ дѣлѣ борьбы съ заразными заболѣваніями были одобрены Государемъ Императоромъ и Верховнымъ Главнокомандующимъ, но при посѣщеніи предсѣдателя Совѣта Министровъ ему было заявлено,—„что, конечно, воля Государя Императора для нихъ законъ, но тѣмъ не менѣе должны быть выяснены формы и порядокъ, въ какомъ будутъ отпускаться эти суммы“... („Рус. Вѣд.“). Выслушавъ сообщеніе кн. Львова, съѣздъ тогда же (въ мартѣ) вынесъ резолюцію о томъ, что „необходимыя на борьбу съ заразными болѣзнями средства должны быть *немедленно* отпущены изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе земскаго и городскаго союзовъ“... Однако, ассигновки, насколько извѣстно, до сихъ поръ еще не послѣдовало...

*) Строки эти были написаны до іюньскаго съѣзда и относятся къ съѣзду предыдущему. Событія отразились и на земскомъ союзѣ, и его представители сумѣли заговорить другимъ языкомъ. *Е. М.*

Очевидно, тѣ внутреннія условія или „внутренніе вопросы“, оставшіеся въ прежнемъ, неизмѣнномъ положеніи, передъ которыми остановилась кадетская оппозиція, сыграли здѣсь не малую роль...

Кругъ дѣятельности городского союза, объединившаго около 390 городовъ, ограничивался также главнымъ образомъ дѣломъ оказанія помощи больнымъ и раненымъ солдатамъ. Между тѣмъ, передъ городами и ихъ самоуправленіями встали почти съ первыхъ же дней войны, еще болѣе широкія и сложныя задачи, чѣмъ передъ союзомъ земствъ. Прежде всего и, пожалуй, острѣе другихъ дала себя знать въ городахъ дороговизна, затѣмъ—вопросы закрѣпленія антиалкогольной реформы, далѣе тѣ же санитарные вопросы и т. д. Рядъ запретительныхъ мѣръ, въ видѣ таксировки, реквизицій, запрещеній вывоза и т. п., которыми административныя власти начали свою борьбу съ дороговизной, очень скоро показали, что, попадая въ отдѣльныхъ спекулирующихъ на войнѣ торговцевъ, онѣ все-же бьютъ мимо главной цѣли. Болѣе того: разстройство товарнаго обращенія, въ которомъ и заключалась главная причина дороговизны, отъ этихъ мѣръ не только не сокращалось, а зачастую, особенно благодаря запрещеніямъ вывоза (что было признано и на Биржевомъ съѣздѣ, и на закрытомъ экономическомъ совѣщаніи Гос. Совѣта), замѣтно увеличивалась. Попытка административнаго вмѣшательства въ дѣло регулированія товарныхъ цѣнъ вскорѣ же показала, что разстройство капиталистическаго рынка поддается *нѣкоторому* смягченію лишь тогда, во-первыхъ, когда борьба съ дороговизной станетъ объединенной во всероссійскомъ масштабѣ и, во-вторыхъ, когда она приметъ характеръ общественной самодѣятельности. Первое условіе было въ глаза, и высшія власти не могли его не учесть. Но преодолѣть его оказалось въ высшей степени затруднительнымъ. Прежде всего бросалась въ глаза несогласованность дѣла снабженія арміи съ дѣломъ снабженія страны: одно нерѣдко противорѣчило и вредило другому.

Выходъ (конечно, выходъ относительный) изъ этого положенія напрашивался самъ собою: необходимо было всероссійское учрежденіе, способное обозрѣвать рынокъ во всей его широтѣ, единое, централизованное, и—самое важное,—опирающееся на широкія, возможно болѣе организованныя потребительскія массы. Городскому и земскому союзамъ, хотя и весьма узкимъ, но единственно существующимъ во всероссійскомъ масштабѣ организаціямъ, роль зачинателей этого дѣла навязывалась сама собою. Московское и Петроградское городскія управленія и встали на этотъ путь, указавъ на необходимость организаціи общеимперскаго комитета для борьбы съ дороговизной, составленнаго

какъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, такъ и изъ представителей городского и земскаго союзовъ, кооперативовъ и др. общественныхъ организацій.

Одновременно (можетъ быть въ отвѣтъ?) съ этимъ дезорганизація товарнаго обращенія принудила министра торговли и промышленности ходатайствовать объ усиленіи своей правомочности и о централизаціи власти. До какой степени дѣло это оказалось труднымъ, даже въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какія ему пытался придать министръ торговли и промышленности, и какъ этому дѣлу препятствовали стародавніе, не сдвинутые и войной съ мѣста, навыки въ опредѣленныхъ кругахъ, или если угодно—„наличные рессурсы“,—показателемъ тому служитъ эпизодъ съ управляющимъ продовольственной частью въ Имперіи, бывш. курскимъ губернаторомъ г. Муратовымъ. — Попытка м-ра торговли и промышленности вѣдомственнаго объединенія и централизаціи борьбы съ дороговизной, вѣрнѣе—организаціи продовольственнаго дѣла, закончилась, какъ извѣстно, созданіемъ главнаго продовольственнаго комитета, составленнаго исключительно изъ представителей вѣдомствъ, въ томъ числѣ и военнаго. М-ръ торг. и пром. занялъ въ комитетѣ мѣсто предсѣдателя, но далеко не получилъ всего того расширенія правъ, которое могло бы централизовать дѣло. Въ этотъ-то комитетъ, какъ сообщали газеты, г. Муратовъ, назначенный членомъ, отказался войти, „мотивируя свой отказъ тѣмъ, что званіе члена главнаго продовольственнаго комитета умаляетъ его роль въ качествѣ управляющаго продовольственной частью въ Имперіи“ („Рѣчь“).

Такимъ образомъ, вмѣсто имперскаго общественнаго комитета, о созданіи котораго выразили пожеланія Московское, Петроградское, а за ними многія другія гор. управленія, образовался пока-что вѣдомственный продовольственный комитетъ, которымъ не только не разрѣшенъ вопросъ общественной борьбы съ дезорганизаціей рынка, но не достигнуто еще первое, болѣе элементарное условіе: объединеніе и централизація. Очевидно, „наличные рессурсы“ или все тѣ же внутреннія условія, измѣненіе которыхъ казалось кадетскому либерализму несвоевременнымъ, и здѣсь оказались не совсѣмъ удовлетворительными...

Я могъ бы съ той же стороны коснуться здѣсь еще такъ наз. пьянаго вопроса, который въ короткое время успѣлъ пережить довольно причудливыя эволюціи. Въ немъ также общественные элементы, озабоченные вопросами національной обороны, должны волей-не-волей столкнуться съ цѣлымъ рядомъ основныхъ „внутреннихъ вопросовъ“. Но тутъ пришлось бы повторить много изъ того, что сказано выше о дороговизнѣ. Поэтому перехожу дальше.

Есть другія стороны русской жизни, которыя съ перваго взгляда не такъ *непосредственно* связаны съ задачами обороны страны, какъ экономическое положеніе, алкогольный вопросъ, санитарный и т. д. Если нововременскій націонализмъ или т.-наз. черносотенство въ вопросахъ экономическаго или санитарнаго устроенія, болѣе озабоченный охраной своего положенія, нежели обороной страны, стремится лишь *тормозить* общественную организацію въ этомъ дѣлѣ, то въ этой, не такъ явно связанной съ обороной сторонѣ жизни, онъ ведетъ *наступательную боевую* политику. Я говорю о вопросахъ *національныхъ*. Оставаясь консерваторомъ, отстаивая „наличные рессурсы“ въ области, непосредственно и матеріально связанной съ войной, здѣсь, въ сферѣ національныхъ отношеній націонализмъ нововременскаго типа дѣятельно измѣняетъ „наличные рессурсы“, иначе говоря—совершаетъ то самое „чудо“, отъ котораго заранѣе отказалась кадетская оппозиція.

Было время, правда, самое мимолетное, когда лозунгъ „нѣтъ партій, нѣтъ націй“, провозглашенный 26 іюля, какъ будто воздѣйствовалъ и на нововременскихъ націоналистовъ. Но это былъ лишь моментъ перестройки фронта, въ зависимости отъ круто измѣнившихся условій. Поляковъ и Польшу г.г. суворинцы оставили въ покоѣ и даже стали посылать имъ улыбки; о евреяхъ и финляндцахъ нѣсколько затихло, но все свое старое содержимое втиснули зато въ формулу „противъ нѣмца“. Противъ нѣмца, будь онъ — германецъ, русскій-нѣмецъ, русскій съ нѣмецкой фамиліей баптистъ и т. п. Этотъ погромный націонализмъ, возрожденный подъ новымъ флагомъ, въ данный моментъ наиболѣе популярнымъ, внутренно самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ антиобщественной консервативной позиціей нововременства въ другихъ вопросахъ. Вѣдь, если всяческое торможенье общественной организаціи, къ которому тяготѣютъ послѣдователи и вдохновители г. Меньшикова, чувствительно отразится на внѣшней оборонѣ страны,—у нововременцевъ найдется самооправданіе: внутренній „нѣмецъ“ подгадилъ; не отсутствіе общественной организованности, а нѣмецъ или русскій нѣмецкаго происхожденія...

Но русскій нѣмецъ—только ступень .. Русскій нѣмецъ, въ большинствѣ—недавняя опора нововременства, долженъ былъ послужить и послужилъ для націонализма нововременскаго типа лишь трамплиномъ, оттолкнувшись отъ котораго въ удобный моментъ онъ долженъ былъ прыгнуть и вцѣпиться въ еврея, въ финляндца, когда же приспѣетъ время—и въ латыша и въ поляка, и въ армянина...

И въ этомъ дѣлѣ русское либерально-прогрессивное общество, упершись, во имя-ли единенія или во имя чего другого, въ „наличные рессурсы“, не только дало тѣмъ самымъ просторъ нововременской мобилизаціи націонализма, идущей въ разрѣзъ съ задачами національной обороны, какъ ихъ понимаютъ прогрессивно-либеральные

общественные круги, но нерѣдко подкрѣпляло эту мобилизацію своими собственными голосами.

Можно указать, хотя-бы, напр., на такіе „прогреесивные“ органы, какъ „Биржовка“, какъ „Русское Слово“, отъ верху до низу набитые безпордоннымъ мало отличающимся отъ нововременскаго, нѣмцеѣдствомъ. Припоминаются и такіе махровые цвѣты, какъ претендующая на научность статья въ „Биржевой“ проф, Бехтерева, озаглавленная „Вильгельмъ II—дегенератъ Нероновскаго типа“. Г-да Леонидъ Андреевъ, Федоръ Сологубъ, и имъ подобные украшающіе нынѣ „Биржовку“, изъ всѣхъ силъ стараются подправить свою увядшую—было славу по тому-же легкому и дешевому рецепту нѣмцефобства. Еще совсѣмъ недавно, одинъ изъ нихъ—Л. Андреевъ—такъ, напр., характеризовалъ въ „Биржевкѣ“ нѣмца, нѣмца вообще, т. е. нѣмецкую *націю*:

— „Кормясь среди, болѣе слабыхъ народовъ, англичанинъ нѣчто возвращаетъ въ видѣ культуры, нѣмецъ-же, обжираясь, ничего не отдаетъ назадъ, ибо даже испражняться ходитъ въ фатерляндъ, чтобы удобреніе не пропадало...

Гоненія на нѣмцевъ нли русскихъ съ нѣмецкими фамиліями, поднятое нововременцами, было поддержано многими представителями либеральнаго общества, взять хотя-бы г-на Челнокова, старающагося теперь подъ удобнымъ нѣмцефобскимъ флагомъ избавить Москву отъ эксплоатирующаго ее общества 1886 года. Очевидно цѣль оправдываетъ средства, особенно, когда на иныя средства у людей не хватаетъ ни рѣшимости, ни характера!.. Противонѣмецкій флагъ съ легкой руки „Нов. Времени“ превращенъ теперь либеральными и нелиберальными дѣльцами въ своего рода пику, на которую желающій, подобно казаку Крючкову на лубочной картинкѣ, съ большою легкостью и удобствомъ для себя можетъ нанизать десятокъ своихъ враговъ или конкурентовъ. Такимъ видимо, орудіемъ и послужилъ для части русскаго купечества „нѣмецъ“ на послѣднихъ биржевыхъ выборахъ въ Москвѣ. „Рѣчь“, передаваая объ этихъ выборахъ, разсказываетъ, что тутъ дѣло и не въ „нѣмцефильствѣ“ и не въ „нѣмцефобствѣ“; здѣсь-де, подъ „соусомъ“ противъ нѣмца нанесено пораженіе аристократической партіи г. Крестовникова; иначе говоря—произошла „демократизація биржи“... А такъ какъ противъ г. Крестовникова выступали и либеральные купеческіе элементы и реакціонные, поддерживаемые „Московскими Вѣдомостями,“ то „Рѣчь“ колеблется сказать прогрессъ тутъ или регрессъ, ничуть не учитывая того, что развѣвающійся надъ всей этой кампаніей флагъ „бей нѣмца“ въ своемъ политическомъ реакціонномъ значеніи совершенно покрываетъ собой ту или иную сдвижку московскихъ купеческихъ круговъ. Такія настроенія кадетской газеты могутъ объяснить, повидимому, и то обстоятельство, что безшабашной антинѣмецкой кампаніи она не находила нужнымъ оказывать *систематическій* отпоръ...

Одинъ трезвый голосъ, раздавшійся противъ огульнаго нѣмцеѣдства—голосъ Академіи Наукъ, отказавшейся исключить изъ своей среды всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, потому только, что они нѣмцы,—потонулъ, однако, въ цѣломъ рядѣ рѣшеній противоположнаго характера, вынесенныхъ совѣтами различныхъ русскихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

Нужно ли говорить, что это—раздуваемое нововременствомъ и поддержанное активно и пассивно русскимъ либеральнымъ обществомъ—нѣмцеѣдство приносило и принесло неизмѣримо больше вреда, чѣмъ пользы задачамъ обороны страны, какъ ихъ понимаетъ само либеральное общество, не столько запугивая возможныхъ предателей и шпіоновъ, сколько озлобляя и возстанавливая лояльное русско-нѣмецкое и иное населеніе?!.

Событія, имѣвшія въ самое послѣднее время мѣсто въ Москвѣ, явились прямымъ слѣдствіемъ этой безшабашной антинѣмецкой агитаціи, вызвавъ оффиціальное признаніе ея вредоносности съ точки зрѣнія задачъ обороны.

Въ „Нов, Времени“ (№-рѣ отъ 31 мая) было напечатано слѣдующее объявленіе главнаго начальника петроградскаго военнаго округа ген. Фролова, изданное отъ 30 мая.

„Въ Москвѣ произошли чрезвычайно грустныя событія: толпа подъ видомъ патріотическаго настроенія, учинила безчинства, сыгравъ въ руку нашимъ врагамъ. Очовѣщая населеніе, что всѣ фабрики и заводы, принадлежащіе непріятельскимъ подданнымъ, находятся подъ полнымъ правительственнымъ контролемъ; ни одна копѣйка денегъ не уходитъ къ нашимъ врагамъ. Фабрики эти намъ нужны въ цѣляхъ обороны. Лица, союзы и общества, которые не хотятъ этого понять вредятъ Государеву дѣлу въ борьбѣ съ врагомъ. Призываю всѣхъ сохранять полное спокойствіе и не вынуждать меня прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ“.

Но это было бы еще такъ сказать полбѣды, если принять во вниманіе, что нѣмецкаго населенія въ Россіи не такъ много.

Когда же рожденное нововременскимъ націонализмомъ и высиженное русскимъ либерализмомъ противонѣмецкое яйцо сбросило свою скорлупу, изъ него появилось нѣчто болѣе серьезное—вполнѣ сформированный и готовый къ употребленію погромный антисемитизмъ. Конечно для нововременскихъ. круговъ это—обычная и неотъемлемая часть ихъ существа и этому нечего было-бы удивляться и особо отмѣчать, если бы этотъ антисемитизмъ былъ старымъ какъ застарѣлый порокъ, нововременскимъ пугаломъ. Но въ томъ-то и суть, что теперешій, подготовленный въ атмосферѣ войны, антисемитизмъ—антиссемитизмъ обновленный, и благодаря въ значительной степени нѣмцефобской кампаніи, поддержанной либерализмомъ,—антиссемитизмъ потучнѣвшій и осмѣлѣвшій... Истощенный, изолгавшійся, не разъ ули-

ченный во лжи и навѣтахъ до войны, теперь онъ впиталъ въ себя новые свѣжіе элементы, прикоснулся къ землѣ и расширилъ сферу своего вліянія... Руководители либерально-прогрессивныхъ общественныхъ круговъ, признавшіе „внутренніе вопросы“ несвоевременными, „какъ бы неотложны они ни были“, лишь развязали этимъ руки погромному націонализму для дѣла подготозки разрѣшенія этихъ „внутреннихъ вопросовъ“ *по своему*, т. е. позволили усилить его антиобщественныя позиціи, и слѣдовательно, ослабить разрѣшеніе задачи обороны страны, именемъ которой они отказывались отъ „внутреннихъ вопросовъ“.

Перейдя отъ нѣмцефобства къ юдофобству, нововременскій націонализмъ получилъ еще болѣе широкую почву для борьбы противъ *общественной* организаціи и реформы.—Не общественная организація, не общественныя реформы необходимы для укрѣпленія внѣшней обороны, онѣ здѣсь не при чемъ; дѣлу обороны мѣшаютъ инородцы и прежде всего евреи. Слѣдовательно нужно думать не объ общественномъ переустройствѣ, а объ обезвреженіи и устраненіи еврейскаго зла...—Такова та аргументація, которой отказавшійся отъ „внутреннихъ вопросовъ“ русскій либерализмъ придалъ въ глазахъ массъ, взвинченныхъ чрезвычайными событіями силу достовѣрности и убѣдительности.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но еврейскій вопросъ въ его націоналистической обработкѣ, чреватый въ будущемъ и полонофобствомъ, и армянофобствомъ, и латышеѣдствомъ, съ еще большей, очевидностью, чѣмъ нѣмецкій, идетъ въ разрѣзъ съ интересами обороны страны, какъ ее понимаетъ либерально-прогрессивное общество. Нововременскій націонализмъ, разумѣется, не можетъ не понимать этого, но во имя укрѣпленія своихъ внутреннихъ позицій, онъ сознательно жертвуетъ упроченіемъ внѣшнихъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Всѣмъ тѣмъ, что я сказалъ выше, я не хочу однако умалить значенія общественной мобилизаціи среднихъ слоевъ русскаго общества, совершающейся вокругъ и въ связи съ войной. Организаціи земскаго и городского союза, совершая относительно обширную работу, безъ сомнѣнія сплотили значительныя общественныя силы. Но принявъ начиная съ Гос. Думы не имѣющую реальнаго содержанія формуму отстраненія отъ „внутреннихъ вопросовъ", они заранѣе ограничили и ослабили свою дѣятельность,—какъ со стороны ими самими поставленныхъ задачъ національной обороны, такъ и со стороны внутреннихъ общественныхъ измѣненій,—въ значительной мѣрѣ подорвавъ тѣмъ свое собственное существованіе и развитіе.

Въ этомъ отношеніи наше либерально-прогрессивное общество еще разъ, можно сказать, оказалось вѣрно себѣ: оно обнаружило непослѣдовательность, колебанія и отступничество даже въ предѣлахъ тѣхъ узкихъ и скромныхъ задачъ, которыя поставило себѣ само. Иной патріотъ призналъ-бы его патріотизмъ плохимъ патріотизмомъ, а послѣдовательный либералъ, еелибъ такой отыскался, нашелъ-бы его либерализмъ довольно сомнительнымъ...

Евг. Маевскій.

P. S. Статья эта была уже вполнѣ закончена, когда различныя событія послѣдняго времени, съ особенной силой и выразительностью подчеркнули эту слабость или хлюбкость либерально-прогрессивныхъ слоевъ русскаго общества, о которой выше идетъ рѣчь. Въ центрѣ общественнаго вниманія оказался торгово-промышленный съѣздъ, который во имя все той же національной обороны выдвинулъ задачу общественной организаціи промышленности, рѣшивъ создать для этого военно-промышленный комитетъ, а также выразилъ пожеланіе о *немедленномъ* созывѣ законодательныхъ учрежденій,—Казалось-бы, наконецъ-то, люди. столь долго и упорно отмахивавшіеся отъ настойчиво навязываемыхъ имъ жизнью „внутреннихъ вопросовъ", поняли, что „наличные рессурсы", которые они заранѣе поторопились объя-

вить не подлежащими въ настоящее время измѣненію, превращаютъ лозунгъ національной обороны, въ пустую „патріотическую“ словесность, которой старается украсить себя русскій либерализмъ.

Общественная организація промышленности, созывъ Гос. Думы, какъ настаиваютъ нѣкоторые, для длительной сессіи, толки, передаваемые газетами, о привлеченіи общественныхъ силъ къ практической правительственной дѣятельности („Рѣчь“), рѣчь П. Рябушинскаго въ этомъ смыслѣ на торгово-промышленномъ съѣздѣ,—все это обнаруживало, какъ будто, осознаній тѣснѣйшей связи „внутреннихъ вопросовъ“ съ тѣми задачами, которыя приняли на себя признавшіе нынѣшнюю войну національной прогрессивно-либеральные круги русскаго общества.

„Рѣчь“, во главѣ съ г.г. Милюковымъ и Гессеномъ, больше другихъ поработившая надъ формулой несовмѣстимости „внутреннихъ вопросовъ“ съ внѣшними задачами, почуяла перемѣну вѣтра и, какъ всегда, стала готовиться къ перемѣнѣ фронта.—„Зачѣмъ должна быть созвана Гос. Дума?“—задается вопросомъ передовица „Рѣчи“. И отвѣчаетъ: „на этотъ разъ—цѣль созыва Думы иная, чѣмъ была въ прежніе два раза“...—„Въ іюлѣ Гос. Дума дала выраженіе высокому патріотическому порыву, овладѣвшему всей націей,—и разошлась, уступивъ мѣсто чрезвычайнымъ властямъ и чрезвычайнымъ событіямъ“... „Полгода спустя, въ январѣ, формальный поводъ для созыва Думы былъ конституціонный и необходимость разсмотрѣнія бюджета законодательными учрежденіями“...: „Въ настоящее время обстоятельства, побуждающія говорить о созывѣ Думы, иныя“. Какія-же? Дальше идетъ длинная очень запутанная рацѣя, изъ которой понятно только то, что по словамъ „Рѣчи“—„слышится кличъ о ея (Думы) созывѣ... и участіи въ чрезвычайно усложнившемся ходѣ жизни“... Однимъ словомъ, теперь, послѣ 9-ти мѣсяцевъ войны, когда „положеніе... чрезвычайно усложнилось сравнительно съ недавнимъ еще прошлымъ, руководящій органъ русскаго либерализма вспоминаетъ, наконецъ, объ участіи въ усложнившейся жизни, о „внутреннихъ вопросахъ“ „объ устраненіи всего того, что мѣшаетъ національному успѣху въ великой борьбѣ“... Конечно, лучше поздно чѣмъ никогда, но было-бы куда приличнѣе, если бы кадетскій органъ, еще недавно спорившій по этому поводу съ „Днемъ“, не прикрывалъ своего отступленія такой аргументаціей, не дѣлалъ вида, что съ самаго начала онъ велъ продуманную политику, что флагомъ „патріотизма“ онъ не прикрывалъ своего политиканства!

Но это нѣкоторое просвѣтленіе въ либерально-прогрессивныхъ кругахъ подъ вліяніемъ „осложнившейся жизни“, тѣсной связи „внутренняго“ съ „внѣшнимъ“, можно напередъ сказать, далеко еще не обратитъ непослѣдовательцость, присущую среднимъ слоямъ русскаго общества, стоящимъ на точкѣ зрѣнія „войны до конца“, въ послѣдовательность, диктуемую задачами, провозглашенной ими національной обороны. До этого совсѣмъ еще не близко.

Порукой этому можетъ служить заключеніе торгово-промышленнаго съѣзда, начавшагося съ такимъ подъемомъ. Столь жадно ожидаемое „слово“ г. Родзянко едва-ли удовлетворило даже не особенно взыскательныхъ членовъ промышленнаго съѣзда. Изъ его рѣчи они узнали лишь то, что учреждено еще одно новое совѣщаніе, „касающееся близко интересовъ промышленности и государства“, въ которое „приглашены предсѣдатель Гос. Думы и четыре ея члена“.

Въ отвѣтъ на это, „дѣловая“ резолюція Жуковскаго, единогласно принятая съѣздомъ, помимо учрежденія „военно-промышленнаго комитета“ упоминаетъ, и то мимоходомъ, лишь о томъ, что „съѣздъ выражаетъ увѣренность, что русская промышленность беззавѣтно отдается этому дѣлу (удовлетворенію требованій арміи) и найдетъ въ себѣ силы справиться съ великой исторической задачей, къ исполненію которой *въ дѣлахъ управленія должны быть привлечены и наиболѣе способные дѣятели*“. (Курс. мой *Е. М.*).

Начало съѣзда, рѣчь П. Рябушинскаго и т. п., и этотъ конецъ—нѣсколько не гармонируютъ другъ съ другомъ, но, что подѣлаешь, законъ движенія среднихъ общественныхъ круговъ, даже въ условіяхъ настоящихъ чрезвычайныхъ событій, всегда одинъ и тотъ-же: два шага впередъ, одинъ назадъ. И то хорошо... Медленнымъ шагомъ... но все же какъ будто впередъ...

Е. М.

По Россіи и Заграницей.

Манифестъ меньшинства германской соціальдемократіи.

Органъ французскихъ соціалистовъ „L'humanité“ опубликовалъ полученный имъ изъ Голландіи манифестъ меньшинства германской соціальдемократіи, „оставшагося вѣрнымъ принципамъ Интернаціонала“.

Манифестъ гласитъ: „До сихъ поръ заграницей знаютъ о такъ назыв. мнѣніяхъ нѣмецкаго соціализма и его позиціи по отношенію къ войнѣ только изъ заявленій *дюжины* вождей, которые благодаря войнѣ совершенно *обезумѣли*. Вы можете намъ повѣрить, товарищи, нашему увѣренію, что *нѣмецкій пролетаріатъ совершенно не согласенъ съ заявленіями Шейдемана или Гейне*, съ „Hamburger Echo“ или „Chemnitzer Volkstimme“*). Изъ рѣчи Гаазе вы можете судить, что оппозиція противъ этой . . . войны все время растетъ въ Германіи. Если мы, находясь подъ желѣзнымъ гнетомъ военнаго положенія, не можемъ открыто заявлять наше мнѣніе, такъ какъ малѣйшая попытка насильственно подавляется, то все же ближайшее будущее можетъ принести намъ много неожиданнаго. *Отъ поведенія нашихъ товарищей-соціалистовъ Франціи, Англіи и Бельгіи зависитъ сдѣлать для насъ возможнымъ дѣятельность противъ войны*“.

*) *Прим. ред.*: Два органа германской с.-д. партіи, особенно рѣзко проявившіе во время войны націоналистическую позицію.

„Число людей, погибшихъ отъ чудовищной войны на восточномъ и западномъ фронтѣ, *уже превысило милліонъ*! Число раненыхъ по меньшей мѣрѣ въ три раза больше!.. Въ ност. Пруссіи въ Январѣ опустошенія оцѣнивались больше, чѣмъ на сумму въ 500 милл. франковъ. Въ Бельгіи они равнялись милліардамъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ германской соц.-демократіи.

Въ Дюссельдорфѣ появился номеръ новаго с.-д. ежемѣсячника „Die Internationale“, редактируемаго Розою Люксембургъ и Францемъ Рингомъ. Девизъ журнала: разъясненіе міровыхъ событій послѣдняго времени съ точки зрѣнія *чистаго* марксизма. Въ журналѣ содержится рѣзкая критика нынѣшняго большинства германской с.-д. фракціи; австрійскихъ марксистовъ журналъ называетъ „евнухами“ политической мысли. Германскій соц.-дем. Леншъ, по словамъ журнала,—вульгаризаторъ ученія Маркса, а не пропагандистъ его; рьяный Куновъ—сердитый слонъ, который ломится въ открытыя двери, Генишъ—фанатикъ, готовый исключить изъ партіи всѣхъ инако мыслящихъ, какъ интригановъ. Очень рѣзко журналъ отзывается о Карлѣ Каутскомъ, который, будучи представителемъ марксистскаго центра или „теоретикомъ болота“, въ теченіе многихъ лѣтъ низводитъ теорію до положенія добровольной служанки офиціальныхъ партійныхъ инстанцій и тѣмъ способствуетъ нынѣшнему развалу, каковой онъ даже спѣшитъ оправдать и разукрасить, придумавъ для этого новую теорію.

По поводу послѣдняго голосованія с.-д. въ рейхстагѣ за бюджетъ нѣмецкія газеты сообщаютъ слѣд. цифровыя данныя о раздѣленіи голосовъ внутри с.-д. фракціи:

1) Предложеніе дать правительству вмѣсто 10 только 5 милл. было отклонено 64 голосами противъ 34 2) голосованіе за 10 милліард. военныхъ кредитовъ было принято 77 голосами противъ 23; 3) голосованіе за бюджетъ было принято 69 голосами противъ 30; 4) декларація фракціи была принята 77 голосами противъ 22 (при 6 воздержавшихся); 5) предложеніе заявить въ декларації о томъ, что только *большинство* фракціи голосуетъ за бюджетъ, было отклонено противъ 22 голосовъ; 6) предложеніе заявить въ пленумѣ рейхстага, что голосованіе за бюджетъ не означаетъ *вотума довѣрія* и не составляетъ *прецедента* для будущаго, отклонено 60 голосами противъ 34 (большинство отклонило это предложеніе, считая его само собой разумѣющимся); 7) предложеніе предоставить свободу голосованія за бюджетъ отдѣльнымъ членамъ фракціи, было отклонено 71 голосомъ противъ 18; 8) осужденіе за нарушеніе дисциплины депутатамъ Либкнехту и рюле было принято 67 голос. противъ 17.

Интервью съ В. Адлеромъ.

Корреспондентъ „Рус. Слова“ сообщаетъ о своемъ интервью съ В. Адлеромъ, вождемъ австрійскихъ соціалистовъ. Дѣйствительное положеніе Австріи отразилось не только въ словахъ, но и на лицѣ Виктора Адлера. Онъ производитъ впечатлѣніе глубокаго пессимиста, на душу котораго тяжкимъ кошмаромъ легли всѣ ужасы войны.

Адлеръ сказалъ:

„Я припоминаю, что я еще на международномъ копенгагенскомъ конгрессѣ предсказывалъ міровую войну. Тогда мнѣ не хотѣли вѣрить. Теперь, вы видите, какъ я былъ, къ несчастію, глубоко правъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ предостерегалъ я противъ той опасности, которой грозила австро-венгерская аграрная политика по отношенію къ Сербіи. Въ этой политикѣ я вижу главную причину разразившейся міровой катастрофы. Венгерскіе магнаты проводили такую таможенную и аграрную политику, которая, въ концѣ-концовъ, должна была стать невыносимой для Сербіи. Не нужно забывать, что Сербія—исключительно земледѣльческая страна, ея жизненные интересы всегда требовали свободы вывоза. Всякій объективный наблюдатель долженъ былъ бы признать, что подобная политика Венгріи окончится катастрофой. Я никогда не скрывалъ, что въ этомъ отношеніи на насъ лежитъ огромная отвѣтственность. Нельзя назвать плохимъ патріотомъ того, кто борется съ плохой политикой. Требовать добрососѣдскихъ отношеній можно только тамъ, гдѣ самъ ихъ осуществляешь. У сербовъ свой и немалый синодикъ грѣховъ по отношенію къ намъ, но все-таки сербская ненависть къ намъ является результатомъ нашей близорукой политики.

„Наше положеніе очень тяжелое Въ особенности много приходится намъ переносить отъ строгости цензуры. Прежде, чѣмъ вспыхнула война, я со всей доступной мнѣ энергіей указывалъ, что отвѣтственность за развитіе тревожныхъ событій лежитъ на правительствѣ. Этимъ самымъ я и моя партія исполнили нашъ долгъ по отношенію къ интересамъ мира. Когда началась война, для нашей партіи не оставалось другого выбора, какъ только итти вмѣстѣ со всѣмъ народомъ. Теперь только одно въ нашихъ силахъ: стараться по возможности облегчить страданія рабочаго люда“.

— „А что будетъ послѣ войны? —спросилъ корреспондентъ.

— „Послѣ войны...—повторилъ Адлеръ задумчиво и какъ-то безнадежно. Этого я себѣ даже представить не могу. Одно лишь для меня ясно: эта война экономически отброситъ Европу назадъ на цѣлое столѣтіе“.

Въ апрѣлѣ въ Арнгеймѣ состоялся *съѣздъ голландской с.-д. партіи*. Съѣздъ принялъ резолюцію, уполномачивающую представителей партіи въ международ. соц. бюро поддерживать тамъ точку зрѣнія нейтральныхъ странъ и усиливать стремленіе бюро къ посредничеству между партіями воюющихъ странъ.

Почти единогласно была переизбрана редакція партійнаго органа „Het Volk“ („Народъ“). Флигенъ снова избранъ предсѣдателемъ партіи, принятая резолюція по экономическимъ вопросамъ требуетъ поддержки безработныхъ членовъ организаціи правительствомъ и энергичной дѣятельности правительства въ борьбѣ съ вздорожаніемъ жизненныхъ продуктовъ.

По вопросу о тактикѣ съѣздъ принялъ резолюцію, большинствомъ 555 голосовъ противъ 231, при 10 воздержавшихся, признавшую, что благодаря созданному войной положенію интересы рабочаго класса Голландіи совпадаютъ съ интересами всей націи къ сохраненію нейтралитета и независимости. Резолюція выражаетъ

довѣріе правленію за его дѣятельность и одобряетъ избранную имъ линію поведенія.

Резолюція, предложенная меньшинствомъ, тоже одобряетъ голосованіе фракціи за кредиты на нужды мобилизаціи, т. к. это голосованіе преслѣдовало цѣль удержать по возможности ужасы войны за предѣлами страны. Но она въ тоже время подчеркиваетъ, что принятіе кредитовъ на мобилизацію не заключаетъ въ себѣ готовности обороны страны. Съ точки зрѣнія рабочихъ національная независимость не стоитъ оборонительной войны, которая бросаетъ рабочихъ на сторону капитализма и нарушаетъ солидарность пролетаріата.

Громадное большинство отклонило требованіе оппозиціи объ образованіи комиссіи для выработки проекта программы дѣйствія противъ милитаризма, мотивируя это тѣмъ, что военные вопросы могутъ обсуждаться только въ интернаціональныхъ рамкахъ, т. е. только послѣ заключенія мира. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Наконецъ, была принята резолюція, требующая сохраненія строгаго нейтралитета и соотвѣтствующаго поведенія со стороны всѣхъ дѣятелей партіи, которые занимаютъ отвѣтственное положеніе.

Исполнительный комитетъ соц.-дем. партіи Греціи опубликовалъ недавно воззваніе съ призывомъ къ сохраненію строгаго нейтралитета. Воззваніе констатируетъ, что ожиданія небольшихъ націй того, что они могутъ получить какія-нибудь выгоды отъ участія въ войнѣ, оказались обманутыми. Изъ войны они выйдутъ не только ослабленными, но попадутъ въ еще большую политическую и экономическую зависимость отъ великихъ державъ. Греція не имѣетъ никакихъ надеждъ на территоріальныя пріобрѣтенія на Балканахъ. Двѣ балканскія войны совершенно истощили страну. Поэтому греческая соц.-дем. высказывается противъ войны и непрерывныхъ приготовленій къ ней. Спасеніе балканскихъ странъ—говоритъ далѣе воззваніе—заключается въ ихъ союзѣ и созданіи федераціи балканскихъ странъ. Въ заключеніе воззваніе подчеркиваетъ, что третья

война увеличитъ нищету народа до новѣ оятной степени и принесетъ странѣ потерю свободы и независимости.

Сербская с.-д. фракція внесла въ скупщину (сербскій парламентъ) *запросъ*, касающійся двухъ пунктовъ: 1) „готово ли правительство предпринять шаги передъ правительствами воюющихъ государствъ, для возможно скорѣйшаго прекращенія войны. и заключенія мира“; 2) „готово ли правительство вступить немедл нно въ переговоры съ другими балканскими государствами въ цѣляхъ основанія экономическаго и политическаго союза, который былъ бы способенъ обезпечить совмѣстную дѣятельность націй и національную свободу, полное равноправіе всѣхъ балканскихъ жителей, равно какъ и объединеніе всѣхъ балканскихъ государствъ для обезпеченія ихъ самостоятельности свободы и всесторонняго интенсивнаго развитія Балканъ:

Правительство на оба вопроса отвѣтило отрицательно.

Совѣтъ професс. союзовъ Венгріи опубликовалъ недавно статистическія данныя о состояніи венгерскихъ проф. сеюзовъ въ 1914 г. изъ которыхъ видно, какое вліяніе оказали 5 мѣсяцевъ міровой войны на проф. движеніе. Союзы не только потеряли значительное число своихъ членовъ, но и безработица послѣ объявленія войны была столь велика, что оставшіеся не смогли выполнять своихъ обязанностей по отношенію къ организаціи. 31 декабря 1913 г центральная професс. организація насчитывала вокругъ себя 107,486 членовъ, 30 іюня 1914 г. было еще 96,290 чл., а 31 дек. 1914 г. всего 51.510 член. (уменьшеніе болѣе, чѣмъ вдвое). 1 авг. число безработныхъ въ организаціяхъ по посредничеству опредѣлялось въ 25,398 рабоч., изъ которыхъ работу получили только 15.028.ъВ первые 5 мѣсяцевъ войны проф. союзы издержали 304 тыс. кронъ, а свободныя организаціи—59 тыс. кронъ на поддержку безработныхъ. На поддержку семействъ призванныхъ на войну было издержано 125 тыс. кронъ. Вообще же 5 мѣс. войны стоили проф. союзамъ 650 тыс. кронъ на пособія разнаго рода.

Библіографія.

Александръ Герасимовичъ. *Творящее въ религіи (этюдъ матеріалистическаго истолкованія исторіи религіи). С.-Петербургъ. 1914 г.*

Въ послѣдніе годы у насъ очень много пишутъ о религіи, но нельзя сказать, чтобы качество имѣло основаніе соперничать съ количествомъ.

Лежащая передъ нами сжатая, очень скромная по наружности книжка, не нашедшая себѣ, повидимому капиталистическаго издателя принадлежитъ къ отраднымъ исключеніямъ.

По остроумному сравненію автора этого этюда господствующій методъ изученія религіозной области напоминаетъ собою взглядъ знаменитаго естествоиспытателя и философа XVI столѣтія Парацельса на человѣческій зародышъ. Парацельсъ представлялъ зародышъ въ видѣ маленькаго существа вполнѣ похожаго на взрослаго человѣка и обладающаго всѣми органами только въ безконечно малыхъ размѣрахъ.

Такое именно воззрѣніе на первичные элементы религіи кладется въ основу подавляющимъ большинствомъ изслѣдователей. Берутъ психологію религіи въ ея зрѣлой формѣ, подвергаютъ возможному уменьшенію, и затѣмъ, связывая эту урѣзанную психологію съ условіями среды первобытнаго человѣка разсматриваютъ ее какъ зародышъ религіознаго сознанія. А отсюда ужъ дѣлается дальше съ полной логической послѣдовательностью цѣлый рядъ метафизическихъ выводовъ и теологическихъ построеній.

Авторъ осуждаетъ этотъ ненаучный идеалистическій методъ историческаго разсмотрѣнія явленій. Онъ стоитъ на матеріалистической почвѣ. Не сознаніе человѣка текущаго столѣтія должно служить точкой исхода въ дѣлѣ изученія той или иной идеологической формы, а матеріальное бытіе той эпохи, которымъ обусловливается появленіе даннаго идеологическаго образованія.

Слѣдуя этому методу и благодаря конечно недюженной критической способности автору удается разрушить нѣкоторыя ошибочныя представленія объ основныхъ чертахъ религіи первобытнаго человѣка. При помощи яркихъ и весьма убѣдительныхъ фактовъ авторъ опровергаетъ прежде всего глубоко укоренившееся убѣжденіе—послужившее, къ слову сказать, основой для современнаго такъ называемаго

расширеннаго понятія религіи, будто существенную сторону всѣхъ когда-либо существовавшихъ и существующихъ религій составляетъ чувство поклоненія. Нѣтъ, краснорѣчивыя свидѣтельства, заимствованныя изъ этнологіи и исторіи религіи внушительно говорятъ, что „наряду съ религіей какъ почитаніемъ божества, должна быть признана и религія, какъ простое, лишенное почитанія признаніе бога, должна быть признана и религія борьбы съ божествомъ, и религія использованія божества въ цѣляхъ добыванія средствъ жизни“ *).

Далѣе, наиболѣе содержательными являются тѣ страницы этюда, гдѣ доказывается, что не любознательность дикаря, а насущныя матеріальныя потребности были побудительной причиной религіознаго творчества.

На первый взглядъ можетъ казаться, что это само собою разумѣется для матеріалиста. Но на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Идеалистическое положеніе Аристотеля, что удивленіе—мать философіи крѣпко сидитъ въ головахъ изслѣдователей первобытной религіи, даже склонныхъ искать научныхъ матеріалистическихъ объясненій ея возникновенія. По ихъ словамъ наиболѣе выдѣляющіяся явленія природы, поражая своимъ величіемъ и исключительностью воображеніе дикаря, побуждали этого послѣдняго творить изъ элементовъ собственной своей фантазіи объясненіе этимъ явленіямъ. Выходитъ такимъ образомъ, что философская пытливость первобытнаго человѣка—главная побудительная причина рожденія религіозной мысли.

Подвергая критикѣ эту идеалистическую иллюзію авторъ опять таки путемъ сопоставленія и вѣрнаго истолкованія фактовъ показываетъ убѣдительнымъ образомъ, что божествомъ становилась *та сила природы, которая играла выдающуюся роль въ процессахъ производства и борьбѣ за добываніе средствъ къ существованію.*

Кромѣ указанныхъ, на мой взглядъ, главныхъ мыслей этюда есть въ немъ отдѣльныя интересныя замѣчанія, вдумчивыя постановки вопроса и любопытныя параллели, касаться которыхъ не могу за недостаткомъ мѣста; но имѣется съ другой стороны также промахи непослѣдовательности, поспѣшныя рѣшенія и прямо ошибочныя заключенія. Нѣкоторыя изъ нихъ считаю не лишнимъ отмѣтить.

Такъ на страницѣ 8 мы читаемъ: „Всякая наука и всякая религія прежде всего вѣра, безъ вѣры нѣтъ ни религіи, ни науки“. Эта мысль, кстати, теперь широко распространенная выражаетъ собою идеализмъ чистой пробы.

Идеализмъ признаетъ такъ или иначе сверхчувственный, умопостигаемый міръ. Опытъ, получаемый черезъ посредство органовъ чувствъ не даетъ съ точки зрѣнія идеализма идеи всеобщности и необходимости, составляющую сущность всякаго научнаго закона. Сообразно съ этимъ, источникомъ устанавливаемой наукой закономѣрности является въ послѣднемъ итогѣ вѣра въ сверхъестественный міропорядокъ или познаніе высшей дѣйствительности непосредственно помимо чувственнаго воспрятія. Словомъ, сближеніе науки съ религіей на почвѣ вѣры совершенно понятно съ точки зрѣнія идеализма. Но оно является непростительнымъ недомысліемъ, когда за него высказывается противникъ идеализма, принципіально отвергающій сверхестественный міръ и разсматривающій вѣру въ этотъ послѣдній какъ своеобразный продуктъ *хаотическаго* опыта.

Въ тѣсной логической связи съ только что разобранной мыслью, находится другое, слѣдующее положеніе: первобытная религія заявляетъ авторъ была правдой, такъ какъ исходила не изъ вымысла, а изъ подлиннаго опыта опредѣленной эпохи, какъ законъ сохраненія массы является правдой для насъ, потому что отвѣчаетъ дѣйствительному опыту нашего вѣка“.

Это категорическое обобщеніе представляетъ собою смѣсь „правды“ съ „вымысломъ“. Что первобытная религія не есть плодъ откровенія, а вызвана опытомъ въ этомъ не можетъ быть, конечно, сомнѣнія; что дикарь благодаря всей окружающей обстановкѣ и субъективной своей природѣ не могъ объяснять явленія объективнаго міра иначе какъ онъ ихъ объяснялъ это просто фактъ. Но, что въ этомъ объясненіи совершенно отсутствовалъ „вымыселъ“ и что первобытный миѳъ отвѣчалъ, поэтому доподлинному опыту и былъ такой же „правдой“ какъ законъ сохраненія массъ—этотъ выводъ глубоко ошибочный, имѣющій своей философской основой крайній скептицизмъ. Пояснимъ сказанное примѣромъ, которымъ авторъ пользуется для защиты своего тезиса. Въ Полинезіи богъ моря Тонгалоа есть по мнѣнію нашего автора „индивидуализированная теорія рыбной ловли. Въ немъ, въ его характерѣ, сливаются всѣ тѣ явленія жизни моря, съ которыми человѣку приходится сталкиваться въ рыболовныхъ предпріятіяхъ. Тонгалоа—богъ погоды, богъ бури и яснаго неба, богъ движеній атмосферныхъ. Онъ живетъ въ небесахъ“. „Облака это корабли Тонгалоа, бороздящіе верхнее море. Когда бѣлые корабли Тонгалоа тихо плывутъ съ востока на западъ—туда, гдѣ живетъ божество,—это знаменуетъ, что Тонгалоа въ добромъ

*) Стр. 16.

расположеніи—море будетъ покойно. Въ переводѣ на метеорологическій языкъ это значитъ, что вѣетъ ровный спокойный пассатъ, когда же вѣтеръ ополчается съ запада—это служитъ знаменіемъ, что божество въ гнѣвѣ. И дѣйствительно въ этой полосѣ океана—именно вѣтры запада несутъ съ собой грозы, злыя бури и проливные дожди *)". Спрашивается прежде всего, что въ этомъ миѳѣ теоретическаго? Ясное дѣло, что теоретическимъ въ немъ является объясненіе причины атмосферическихъ явленій. Въ чемъ же эта причина? Въ волѣ бога Тонгалоа, отъ настроенія котораго зависитъ направленіе вѣтра, буря, дождь и другіе атмосферныя явленія важныя для рыбной ловли. Спрашивается дальше, развѣ „индивидуализированная теорія рыбной ловли", выразившаяся въ личной волѣ Тонгалоа была въ самомъ дѣлѣ вѣрной теоріей, отвѣчающей дѣйствительности „эпохи"? Развѣ есть или было такое время въ Полинезіи, когда атмосферныя явленія опредѣлялись волей и настроеніемъ личнаго божества? Ну разумѣется нѣтъ. А если нѣтъ, то вполнѣ очевидно, что теоретическій моментъ въ этомъ миѳѣ „вымыселъ", но вымыселъ не абсолютный, не безусловный Ибо не изъ нитей свободнаго воображенія сотканъ этотъ миѳъ, а основой ему служитъ опять таки опытъ. Первобытный рыболовъ дѣйствовалъ и дѣйствовали окружающіе его сотоварищи. Одни изъ ихъ поступковъ были ему полезны, иные приносили вредъ и были непріятны. Выводъ, сдѣланный изъ наблюденійе человѣческой дѣятельности, что эта послѣдняя есть плодъ личной воли, былъ перенесенъ въ другую область и примѣненъ въ качествѣ теоретическаго объясненія ряда явленій другого порядка, явленій атмосферы. Вѣтеръ, буря, дождь и т. д. стали разсматриваться, подобно человѣческимъ дѣйствіямъ, какъ поступки личности. А такъ какъ личность, творящая эти явленія не воспринимается ни однимъ изъ органовъ чувствъ, то она, слѣдовательно, скрывается гдѣ то, за спиной собственнаго своего творенія. Вотъ въ этомъ пунктѣ первобытнаго мышленія заложено начало религіи какъ таковой, тутъ возникаетъ вѣра или допущеніе того, что существуетъ невидимая сила, управляющая міромъ видимымъ.

Есть, безъ сомнѣнія, въ приведенномъ миѳѣ и начало науки. Это начало состоитъ, во-первыхъ въ томъ, что цѣлый рядъ явленій логически изолируется (на эту сторону указываетъ и авторъ въ общей оцѣнкѣ значенія миѳотворчества), а такая изоляція составляетъ первый шагъ на пути научнаго мышленія; во вторыхъ, что рядъ явленій, въ данномъ случаѣ буря, вѣтеръ, дождь и т. д. объединены въ нѣчто связное цѣлое, требующее для своего объясненія общаго принципа. Итакъ, поскольку въ миѳѣ намѣчена *внутренняя* связь явленій, основанная на показаніяхъ чувственнаго опыта въ немъ заключается зародышъ научнаго познанія, который, однако, тутъ же затемняется тѣмъ, что общимъ объясняющимъ принципомъ является, стоящее по ту сторону явленія божество.

Логическій ходъ мысли требуетъ въ сущности подробнаго разсмотрѣнія *объективнаго* различія между отношеніемъ современнаго научнаго закона къ нашей дѣйствительности и отношеніемъ какого-либо миѳа къ дѣйствительности той эпохи когда онъ возникъ. Но такая обширная задача выходитъ далеко за предѣлы рецензіи которая и безъ того приняла, если можно такъ выразиться, сверхъ естественные размѣры.

Перехожу къ послѣднему изъ намѣченныхъ нами пунктовъ.

Попытка опредѣлить біологическія условія, подъ вліяніемъ которыхъ возникло представленіе будущаго, т. е. начала отвлеченнаго мышленія закончилась полной неудачей. Не достаточно для рѣшенія этой большой и сложной проблемы ссылка на Цигена, доказывающаго, что органы слуха и зрѣнія играли самую выдающуюся роль въ дѣлѣ образованія абстратныхъ понятій. Необходимо для рѣшенія этой проблеммы прежде всего опредѣлить *всѣ* причины, породившія представленія о пространствѣ и времени, которыя являются безъ сомнѣнія первыми формами отвлеченнаго отношенія къ окружающему міру.

Однимъ словомъ, судя по ходу разсужденій въ этомъ вопросѣ нашъ авторъ не имѣетъ должнаго понятія объ условіяхъ его рѣшенія. Въ заключеніе считаю не лишнимъ замѣтить, что не совсѣмъ благополучно обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о причинахъ тотемизма. Эту погрѣшность авторъ легко бы могъ избѣжать, если бы познакомился со статьями Г. В. Плеханова о первобытной книгѣ **).

Заканчивая рецензію, считаю своей обязанностью повторить, что несмотря на погрѣшности, указанныя и неуказанныя, книжка интересная, обнаруживающая мыслящаго автора.

Ортодоксъ.

*) Стр. 90—91.

**) См. сборникъ „Отъ обороны къ нападенію".

Редакторъ **А. Е. Сучачовъ.** Издатель **К. И. Рикъ.**

Издательство

„МУЗЕЙ ТРУДА“

Петроградъ, 7-я Рождеств., № 4, кв. 29. Телефонъ 252-08.

Вышелъ № 5—6 (Майскій и Іюньскій).

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“.

СОДЕРЖАНІЕ: I. ТРИ СТИХ.—**Вяч. Иванова.** II. ДУХЪ ВРЕМЕНИ. Разсказъ—**П. Губера.** III. ИЗЪ ЖИЗНИ Гл. ИВ. УСПЕНСКАГО.—**А. Иванчина-Писарева.** IV. ПОДВИГЪ. Разск.—**Н. Румянцева.** V. СТИХ.—**С. Парнокъ.** VI. ОПАСНОСТЬ. Разск.—**Лорана Эврара.** VII. Стих.—**Марины Цвѣтаевой.** VIII. ИЗЪ СТАРОЙ ТЕТРАДКИ (Записи).—**Г. Л.** IX. ТЕХНИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО и ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИСКАТЕЛЬСТВО.—**П. Юшкевича.** X. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.—**А. Гвоздева.** XI. ПУШКИНСКІЙ СПЕКТАКЛЬ ВЪ МОСКОВСК. ХУДОЖЕСТВ. ТЕАТРѢ.—**Я. Тугенцхольда.** XII. ПО ВЫСТАВКАМЪ.—**Н. Пунина.** XIII. СТРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОи ЭПОПЕИ.—**Андрея Левинсона.** XIV. ЗАПИСКИ ОБСЛѢДОВАТЕЛЬНИЦЫ.—**Лободы.** XV. О НАРОДНОЙ ГАЗЕТѢ.—**С. Анисимова.** XVI ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕЛІОРАТИВНЫЙ КРЕДИТЪ.—**Д. Илимскаго.** XVII. МОБИЛИЗАЦІЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.—**Д. Заславскаго.** XVIII. ВОЙНА И ГОСУДАРСТВО (Письмо изъ Англіи).—**В. Керженцева.** XIX. ПОЛИТИЧЕСКІЯ СОБЫТІЯ. 1. ВЫСТУПЛЕНІЕ ИТАЛІИ. 2. НОВЫЙ КОАЛИЦІОННЫЙ КАБИНЕТЪ ВЪ АНГЛІИ.—**И. Брусиловскаго.** XX. КАРЛЪ ЛАМПРЕХТЪ.—**Е. Тарле.** XXI. КЪ ПСИХОЛОГІИ ПЕРЕЖИВАЕМАГО ВРЕМЕНИ. МОЛОДЫЕ ПИСАТЕЛИ ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ ВЪ ГЕРМАНІИ.—**Ромэна Роллана.** XXII. В. Я. ЯКОВЛЕВЪ-БОГУЧАРСКІЙ.—**М. Б.** XXIII. СЪѢЗДЪ ЗЕМСКИХЪ И ГОРОДСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. XXIV. БИБЛІОГРАФІЯ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ: въ Главной конторѣ журнала ***Петроградъ, Загородный пр., 21,*** въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ **почтовыхъ учрежденіяхъ**.

-Кій.-Въ поискахъ лучшаго.

Соціально-экономическій очеркъ. 2-е изданіе.—**20 коп.**

Телефонъ КОНТОРА № 257-54.

Спеціальнаго заведенія перевозчиковъ, упаковщиковъ и переносчиковъ мебели

П. М. БАБКИНА

Петроградъ, Литейный 52.

ЯЩИЧНЫЯ МАСТЕРСКІЯ

Мѣщанская, 6 и Гагаринская, 16.

Исполненіе заказовъ быстрое и аккуратное.

Фирма существуетъ съ 1905 года.

Принимаетъ на себя съ отвѣтственностью за аккуратное исполненіе слѣдующія порученія: 1) перевозку, переноску и упаковку мебели, музыкальныхъ инструментовъ въ Петроградѣ, его окрестностяхъ и **во всѣ города Россійской Имперіи**; 2) сдачу багажа, товаровъ и другихъ вещей, на станціи желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и на почту, а равно пріемъ съ нихъ; 3) отпускъ артельщиковъ на поденную или мѣсячную работу по упаковкѣ разныхъ античныхъ предметовъ, присмотръ за квартирами и для разныхъ служительскихъ обязанностей. Съ заказами покорнѣйше просимъ обращаться лично или письменно во всякое время.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга

Мих. Павловича (М. Вельтмана):

Великіе желѣзнодорожные и морскіе пути будущаго

(Экономическія основы внѣшней политики современныхъ государствъ).

Цѣна 1 р. 50 к.

Изъ отзывовъ печати:

„Блестяще написанная книга г. Павловича не только читается съ интересомъ, потому что полна той же шумной энергіей мірового процесса, который дѣлаетъ столь остро привлекательнымъ романъ Келлермана „Туннель“, не только возбуждаетъ наше любопытство новизной перспективъ и увлекаетъ всякаго непредубѣжденнаго человѣка выдержанностью метода, но является книгой въ высшей степени необходимой всякому. Это подлинно общеобразовательная книга. Невозможно не желать ей отъ всего сердца самаго широкаго распространенія“. *А. Луначарскій.* („Свободный Журналъ“. Май).

„Книга М. Павловича—это первая въ Россіи попытка дать марксистское освѣщеніе проблемъ международной политики. Эта книга есть до извѣстной степени результатъ тяжелой работы піонера, прокладывающаго путь для изслѣдованія въ совсѣмъ еще мало разработанной у насъ въ Россіи области“. *Г. Алексинскій.* („Современный Міръ“).

„Книга М. Павловича вскрываетъ всю подноготную политику европейскихъ великихъ державъ...“. *Мезеръ.* „Что читать по вопросамъ, связанныхъ съ современной войной“. („Русская Школа“). Декабрь. 1914 г.

1-й годъ изданія.

Наше Дѣло

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Петроградъ 1915 г.

№ 5–6.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Волковича. Садовая 60 (уг. Б. Подъяческой).
1915.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. **Н. Ляшко.** На посту. Картинка 3
2. **Раф. Григорьевъ.** Война въ письмахъ нѣмецкихъ солдатъ . 6
3. **М. Врановъ.** Шахта № 10. Разсказъ 16
4. **Спектаторъ.** Иллюзіи и дѣйствительность. 34
5. **П. Масловъ.** Самозащита. 41
6. **Гр. Петровичъ.** Мобилизація труда 47
7. **Н. Череванинъ.** Къ характеристикѣ современнаго положенія . 57
8. **А. Горскій.** О войнѣ и демократіи. 65

За границей.

9. **В. Леоновъ.** Выступленіе Италіи 71
10. **А. Александровъ.** Война и положеніе рабочаго класса во Франціи 77

Внутреннее обозрѣніе.

11. **Евг. Маевскій.** Вокругъ обороны. 81
12. *Среди журналовъ.* **Л. Сѣдовъ.** Заглядываніе въ будущее. . 90

Библіографія.

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ очередной номеръ „Наше Дѣло“ не могъ появиться во время. По тѣмъ-же обстоятельствамъ въ книжкѣ отсутствуетъ отдѣлъ „Отклики“.

Открыта подписка на 1915 г. на новый ежемѣсячный литературный и общественно-политический журналъ

„НАШЕ ДѢЛО“,

издаваемый въ г. Петроградѣ и **выходящій въ размѣрѣ 6—9 печатныхъ листовъ.**

Условія подписки: на 1 г.—4 р., на 1/2 г.—2 р. 25 к., на 1/4 г. (3 м.)—1 р. 50 к., на 1 м.—50 к. Отдѣльная книжка въ розн. продажѣ 40 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій пр. д. № 104, кв. 88.

Контора открыта по вторникамъ, четвергамъ, субботамъ отъ 4 до 7 час.

Ред. **А. Е. Сучатовъ.** Изд. **К. И. Рикъ.**

1-й годъ изданія.

Наше Дѣло

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Петроградъ 1915 г.

№ 5—6.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Волковича. Садовая 60 (уг. Б. Подъяческой).
1915.

Р.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

На посту.

Картинка.

Вѣтеръ отбрасываетъ фортку, проносится мимо пятнадцати одиночекъ и тюрьму потрясаетъ шуршащій гулъ.

Пименъ ниже склоняется надъ книгой и напускаетъ брови на поблескивающіе въ тѣни козырька глаза.

Чуть слышно плещется въ разлившейся рѣкѣ полая вода.

Строки спутываютъ думы о войнѣ, о раненыхъ, о томъ, что и его, Пимена, не служи онъ въ тюрьмѣ, можетъ быть, привезли бы теперь съ войны больнымъ.

Онъ сжимаетъ рукою ключи, подбираетъ подъ сѣдые усы губы и идетъ. Тѣнь крадется за нимъ по асфальту, подбѣгаетъ у лампы подъ ноги и вытягивается изъ подъ нихъ.

Въ главномъ корридорѣ горитъ лампа, въ углахъ, у общихъ камеръ стоитъ сѣрый полумракъ. Блестятъ на стѣнѣ застекленныя „правила“, тѣнь кипятильника чернѣетъ.

Пименъ хочетъ окликнуть задремавшаго дежурнаго, спохватывается: „На что онъ мнѣ?“, идетъ къ одиночкѣ № 1 и проникаетъ глазомъ къ застекленному волчку.

Одиночка залита мутно-желтымъ свѣтомъ. На койкѣ лежитъ рыжебородый наборщикъ и глядитъ въ потолокъ, о чемъ то думаетъ.

№ 2 стоитъ у стола и за двоихъ играетъ въ шахматы. „Себя все обыгрываетъ“, шевелятся губы Пимена.

3, 4 и 5 №№, сектанты, спятъ.

6 №, одноглазый фельдшеръ, съ увлеченіемъ читаетъ книгу. На стѣнѣ дразняще шевелится тѣнь его бороды.

7 №, фальшивомонетчикъ, читаетъ библію. „Эхъ, парень, хватился когда за божественное“.

8 и 9 №№ перестукиваются карандашами. „Вотъ я васъ“, усмѣхается Пименъ.

10 №, редакторъ газеты, чахоточный, свѣтящійся, лѣпитъ изъ хлѣбнаго мякиша модель своей камеры. „И на что она ему, проклятая?“ пожимаетъ плечами Пименъ.

11 №, молодой парень, въ чемъ мать родила стоитъ посреди камеры, льетъ на себя изъ чайника воду и улыбается. „Молодчага“, одобряетъ его Пименъ.

У 12 № брови его сдвигаются: онъ хотѣлъ поговорить съ весельчакомъ пѣвчимъ, а тотъ уже спитъ.

„Эка ряда“, съ досадой думаетъ онъ, заглядывая въ остальныя камеры.

Горбится, вспоминаетъ о полученномъ на дняхъ отъ товарища дѣтства письмѣ и идетъ къ столу.

Товарища онъ видѣлъ лѣтъ десять тому назадъ, и тотъ рисуется ему молодымъ, веселымъ.

Онъ вынимаетъ изъ ящика стола чернильницу, клочокъ бумаги и задумывается: „Пофокуснѣе надо надрать“. Глаза яснѣютъ, перо тянется къ бумагѣ и бойко выводитъ заученное начало письма:

„Сижу я у скукѣ, беру перо вруки и пишу письмо. Ты лети, лети, листокъ, изъ запада на востокъ, никому вруки не попадись, попадись только тому, кто милъ сердцу моему“.

Пименъ ставитъ нѣсколько точекъ и водитъ кончикомъ языка по нижней губѣ.

Надо написать, что онъ шесть лѣтъ служитъ въ тюрьмѣ, два года дежуритъ при одиночкахъ, часто сталкивается съ грамотными арестантами, учится у нихъ, — пишетъ еще плохо, а читаетъ сносно, понимаетъ книги и жалѣетъ, что не учился раньше. Теперь и радъ бы, да семья большая, и приходится гнуться,

Надо бы еще упомянуть о томъ, что было съ нимъ нынче. Ходилъ онъ встрѣчать раненыхъ и столкнулся на обратномъ пути съ похоронами. Хоронили актера. Гробъ несли бритые люди —пріятели покойнаго, а крышку—молодежь. Дѣвушки шли сзади, несли цвѣты и пѣли „Святый Боже“.

Пимена удивило это. Онъ пошелъ за гробомъ, протиснулся на кладбищѣ къ могилѣ, глядѣлъ на плачущихъ, слушалъ рѣчи. Новымъ, трогательно-хорошимъ повѣяло на него отъ того, что покойника оплакивали не жена и дѣти, а товарищи, ученики и ученицы.

Онъ невольно сталъ сравнивать свою жизнь съ жизнью покойника. Плачутъ люди, жалѣютъ, цвѣты принесли. А умретъ онъ, кто принесетъ цвѣтовъ, кто скажетъ надъ нимъ доброе слово?

Правда, мертвому все равно. Да и чѣмъ заслужилъ онъ цвѣты, слова? Кто онъ? Надзиратель, шинелью, мундиромъ напоминающій вольнымъ людямъ о неволѣ, кандалахъ, рѣшеткахъ. Все у него не такъ, и дѣлаетъ онъ не то, ничего хорошаго у него нѣтъ и не было.

Вотъ только жена иной разъ проведетъ рукою по волосамъ, скажетъ ласковое слово. Иные арестанты поговорятъ по-человѣчески.—это тѣ, кого онъ обязанъ держать въ рукахъ, а не то что учиться у нихъ чему-либо, говорить съ ними.

А что, если подумать хорошо, стоитъ людямъ быть душевными, жить такъ, чтобъ не зябко было среди нихъ? Никому отъ этого вреда не будетъ. И всѣ знаютъ это, а вотъ не стараются. Тюремъ настроили, живьемъ поѣдаютъ другъ друга, злятся, не чувствуютъ будто, что все это не то, совсѣмъ не то...

Пименъ въ умѣ оглядываетъ своихъ сослуживцевъ, начальника, его помощниковъ, инспектора, батюшку, доктора, кандалы, наручники, смирительныя рубахи, карцера, воровъ, грабителей, сектантовъ, писателей, соціалистовъ. И ему кажется, что онъ гадкій, противный, бездушный: хорошій давно ушелъ бы изъ этихъ стѣнъ.

А куда уйти? Въ больницу, въ полицію, на войну? Но развѣ тамъ меньше зла, развѣ тамъ лучшее, правда? Да онъ готовъ на край свѣта итти, день и ночь, мѣсяцы, годы, лишь бы довести дѣтей до лучшаго, показать его имъ, однимъ глазомъ глянуть на него самому, а тамъ и умереть.

Да гдѣ жъ это лучшее, въ какой сторонѣ оно, какъ пройти къ нему?

Здѣсь, говорятъ, надо построить его. Это у тюремъ, у притоновъ и кабаковъ, готовыхъ вновь наполниться гамомъ и мутнымъ блескомъ глазъ?

Все-де надо перестроить. Чего, кажется, лучше. А силы гдѣ? Копить надо. Копи, а тамъ вонъ война,—калѣкъ привозятъ, здоровыхъ увозятъ. Послѣ, говорятъ, лучше станетъ. Охъ, кабы,—только не вѣрится что то.

Останется вотъ эта тюрьма, а въ ней, какъ и теперь, честные будутъ учиться воровать, обманывать, здоровые — болѣть, чистые развращаться. А ими будутъ командовать начальникъ, его помощники, надзиратели. Какое ужъ тутъ лучшее?

Заковываютъ въ цѣпи, студятъ въ карцерахъ, глядятъ на людей, какъ на соръ, исправляютъ такъ, что и хорошіе становятся плохими.

И некуда уйти отъ этого. И поражаетъ, что все это терпятъ и тѣ, кто знаетъ, что это не то, не настоящее. А сколько такихъ? Въ одиночкахъ сотни перебывало ихъ. А въ другихъ тюрьмахъ? А развѣ мало въ Россіи тюремъ? А централы еще, а исправительныя отдѣленія, а арестные дома, а участки... Да есть ли городъ въ Россіи безъ тюрьмы? Сотнями тысячъ томятся въ нихъ люди, а съ ними и тѣ, кто видитъ зло.

Чего они ждутъ? Зачѣмъ гибнутъ въ одиночку, десятками, сотнями? Зачѣмъ растрачиваютъ силы, старятся въ ожиданіи и вѣрятъ, что ихъ поймутъ и воры, и надзиратели, и растлители и душегубы, и трусы?

Когда это будетъ? Да и будетъ ли? Неужели нѣтъ иного пути? Или вся земля уже занята, нѣтъ на ней голаго края? А если позвать всѣхъ, кто хочетъ лучшаго, на свободную землю? Засѣять ее зернами новой жизни, все свое создать, отдѣлиться отъ покинутой сумятицы, показать, что такое правда, построить настоящее человѣческое царство. Жертвовать собою за него,—пусть цвѣтетъ оно, какъ цвѣтокъ, пусть знаютъ люди, что есть и на землѣ рай, свѣтъ, правда, равенство, красота, любовь, свобода.

Пимену рисуются степи, голубое небо, милліоны людей. Со всѣхъ концовъ земли несмѣтными толпами идутъ они. Лѣсъ синѣетъ, плыветъ навстрѣчу. Всѣ вглядываются въ него, въ улыбающееся небо, въ землю-мать свѣтлой жизни, звавшей ихъ изъ тьмы, отъ ненужныхъ страданій.

Пименъ слышитъ гулъ шаговъ, крики, скрипъ колесъ, дѣтскій плачъ, пѣсни матерей, смыкаетъ вѣки и вздрагиваетъ: изъ главнаго корридора врывается звукъ, похожій на жужжанье шмеля. Шаги будятъ эхо: идетъ ночная повѣрка постовъ.

Рука Пимена дрожитъ: сейчасъ надо будетъ отдавать ею честь, бормотать рапортъ. Онъ прячетъ начатое письмо, напу-

скаетъ на губы усы и морщится: „Вотъ оно... эхъ, Господи, Господи“...

Съ визгомъ открывается гдѣ-то дверь. Воздухъ бѣжитъ мимо одиночекъ, колеблетъ пламя лампы и разбивается о стѣны. Гулъ потрясаетъ тюрьму.

Н. Ляшко.

Война въ письмахъ нѣмецкихъ солдатъ *).

«Я почувствовалъ, что силы меня оставляютъ и заявилъ объ этомъ. Майоръ отвѣтилъ: «Пусть падаетъ, что падаетъ; мы должны прорваться». (Es fällt was fällt, wir müssen durch). Троекратное «ура» раздалось въ отвѣтъ! Этотъ небольшой отрывокъ изъ письма нѣмецкаго ополченца даетъ яркое представленіе о характерѣ германскаго натиска: безпощадность, безоглядочность, пренебреженіе человѣческими жизнями, преодолѣніе во что бы то ни стало.

Но какъ бы ни подчинена была въ германской арміи часть цѣлому, какимъ бы ничтожнымъ пальцемъ отъ ноги ни являлся въ ней отдѣльный солдатъ, было бы, все же ошибкой, по этому цѣлому заключать о части: бездушный, неумолимо жестокій механизмъ цѣлаго составленъ изъ живыхъ, реальныхъ, страдающихъ и мыслящихъ личностей.

Для шовинистовъ разныхъ странъ, поэтому, странными должны казаться многочисленныя проявленія «слабости» германскихъ солдатъ, вродѣ заявленій, что страшно тяжело было разставаться съ родными, что хуже всего—разлука съ женой и дѣтьми и т. п.

Живописуя въ письмахъ своихъ внѣшнюю обстановку боевой жизни, останавливаясь на голодномъ, холодномъ и грязномъ высиживаньѣ въ окопахъ, на отсутствіи бѣлья, бани и всѣхъ прочихъ элементарныхъ условій мало-мальски культурнаго бытія, нѣмецкіе солдаты ни мало не пытаются ихъ идеализировать, окутать дымкой героической романтики.—Такова война!—заключаютъ они свои безрадостныя описанія, и съ присущей нѣмцамъ положительностью не забываютъ пожаловаться на отсутствіе клозетовъ и связанныя съ этимъ неудобства...

«Живемъ въ земляныхъ норахъ и каменистыхъ поляхъ, разрушенныхъ деревняхъ, получая ежедневно къ завтраку и ужину русскія гранаты. Ѣдимъ сухой хлѣбъ. Безъ чистаго бѣлья, безъ бани, съ паразитами на тѣлѣ въ теченіе 12 недѣль. Почта работаетъ ужасно плохо. Активныхъ офицеровъ нѣтъ больше въ ротѣ, мало и настоящихъ солдатъ все запасные, ополченцы и добровольцы».

«Много больныхъ ногами, да и неудивительно: большинство изъ ландштурма, люди, отвыкшіе отъ аммуниціи и сапогъ. У многихъ на ногахъ пузыри—и какіе!..»

Люди лежатъ сутками въ сырыхъ, иногда наполненныхъ водой ямахъ; люди не ѣдятъ по цѣлымъ днямъ,—и они, разумѣются, страдаютъ отъ этого. Объ этихъ страданіяхъ мы не узнаемъ изъ сообщеній генеральнаго штаба, по

*) Большинство писемъ взято нами изъ берлинскаго „Vorwaerts'a“ и вѣнской „Arbeiter-Zeitung“. Эти газеты тщательно, изъ номера въ номеръ, печатаютъ солдатскія письма, и не только свои, но и перепечатываютъ изо всей прессы все наиболѣе интересное.

которымъ всегда — «духъ арміи превосходный»—но въ письмахъ солдатъ это естественное, человѣческое горитъ въ каждой строчкѣ.

«Пищу невозможно подвозить. Иногда ночью ее разносятъ по окопамъ въ ведрахъ. Однажды принесли въ 3 часа ночи. По какой-то странной случайности мнѣ, лежавшему съ краю, не хватило. Я бросился къ брустверу зарычалъ отъ ярости и разочарованія. Потомъ, несмотря на строжайшее приказаніе не покидать окоповъ, я бросился вонъ къ полевой кухнѣ и тамъ, со слезами на глазахъ, соскребъ со дна котловъ остатки пищи».

Уже характеръ современной войны самъ по себѣ, техническія особенности новѣйшаго боя, представляютъ собой огромныя испытанія для всякой принимающей въ ней участіе единицы. Артиллерійскій огонь и лежанье въ окопахъ—эти господствующія формы современной войны, очень много требуютъ со стороны личности и очень мало ей даютъ.

И соотвѣтственно этому измѣненію характера войны и боя, измѣнился и критерій для опредѣленія храбрости, героическаго. Обычному представленію о военномъ героѣ сопутствуетъ аттака, штурмъ; внѣ этого фона трудно было себѣ и мыслить героя. И во время прежнихъ войнъ сами солдаты знали, что «герой», это—кто первый взберется на фортъ, выхватитъ знамя, бросится впередъ, сдѣлаетъ лихой набѣгъ, словомъ, такъ или иначе, выдѣлитъ себя изъ окружающаго выдающейся акціей.

Позволю себѣ привести здѣсь, напечатанное въ «Temps» очень интересное письмо французскаго солдата, удачно воплощающее въ себѣ отношеніе къ этому вопросу всѣхъ вообще солдатъ.

«Война—трудъ, война страшна. Духъ падаетъ, когда приходится такъ долго и спокойно лежать. Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ боевое крещенье, я побывалъ во множествѣ сраженій и стычекъ и за все время только одинъ разъ видѣлъ врага... Здѣсь нужно обладать пассивностью духа, а это очень трудно...

Видѣть смерть въ глаза стало для насъ повседневностью. Никто не можетъ сказать, храбрецъ ли его сосѣдъ или нѣтъ».

А вотъ, полное драматизма, описаніе въ стихахъ жизни «im Schützengraben»:

«Будетъ мнѣ семьдесятъ или больше, я никогда этого не забуду: въ окопахъ подъ Менилемъ мы тихо лежали сто часовъ и не должны были двигаться впередъ на врага. Мы думали, что не перенесемъ этого. И когда жужжали надъ нами гранаты и дымъ наполнялъ ямы, мы должны были лежать тихо и согнувшись, тѣсно прижавъ ружье къ тѣлу, сжимая пальцы въ безсильной ярости и думая: «Если сейчасъ не раздастся команда, мы бросимся сами впередъ—будь, что будетъ»... И все же ждали... Часто, когда терпѣнье истощалось, только желѣзная дисциплина могла насъ удержать...

Они съ одушевленіемъ идутъ сражаться за свое отечество, они умираютъ за него, но, повторяемъ, было бы большой ошибкой считать, какъ это дѣлаютъ многіе, что у нѣмцевъ фетишизмъ государства такъ силенъ, что вытѣснилъ въ душѣ каждаго личное, человѣческое.

И тяжело раненый въ грудь солдатъ, ожидающій въ госпиталѣ смерти, пишетъ прощальное стихотвореніе, въ которомъ, совсѣмъ въ духѣ лермонтовскаго «Завѣщанія», поручаетъ другу передать «ей», что онъ умеръ вѣрно любя: «Скажи ей, что въ то мѣсто, гдѣ я носилъ ея локонъ, попалъ холодный свинецъ, и выстрѣлъ, пройдя сквозь локонъ, разорвалъ мое сердце»...

Необычайно яркую картину находимъ въ одномъ письмѣ изъ русской Польши:

«Кругомъ опустѣвшіе дома... Холодъ и грязь... Мы ходимъ голодные, усталые и злые. Не одинъ гусь долженъ былъ покончить свои счеты съ жизнью, чтобы подкрѣпить наши силы. Одни платили, другіе—нѣтъ, въ зависимости отъ того, имѣлось ли сочувствіе къ населенію. Неизмѣнное «нима» не могло внушать нашимъ воинамъ довѣрія къ населенію и они сами искали то, что имъ нужно было. И такимъ образомъ, при вступленіи нашихъ войскъ, населеніе теряло не только средства пропитанія, но и кровъ. Стремительнымъ потокомъ заливали собой наши солдаты дома, хижины, сараи, все имѣющее крышу, вытѣсняя оттуда всѣхъ и очень часто хозяева съ дѣтьми должны были ночью бродить вокругъ своихъ домовъ иногда подъ проливнымъ дождемъ. Скотъ выгонялся изъ сараевъ и конюшенъ, чтобы дать мѣсто нашимъ лошадямъ, изнуреннымъ мучительнымъ переходомъ черезъ русскіе пески и грязь.

Однажды въ дождливый день пришли мы въ деревню. Каждый, разумѣется жаждалъ живительнаго очага. Найдя въ одной избѣ большой желѣзный горшокъ для варки, я купилъ у крестьянина гуся за $2^1/_2$ марки, свой же обѣдъ изъ походной кухни отдалъ четыремъ владѣтелямъ гуся. Сначала хозяинъ, хозяйка и двое ихъ дѣтей, 3-хъ и 5-ти лѣтъ, сидѣли, забившись въ углу избы, но они тотчасъ же исчезли, какъ только нѣкоторые изъ молодыхъ воякъ стали выражать по этому поводу свое неудовольствіе, ибо забота о собственномъ «я» перевѣшивала у «истинныхъ воиновъ» всякую «сентиментальность». Вечеромъ всѣ улеглись, всѣ уголки были заняты. Я вышелъ къ рѣкѣ, чтобы запастись на утро водой. Было 8 часовъ и уже изрядно темно. Однозвучно капало съ безнадежнаго неба, и тамъ, у берега, подъ открытымъ небомъ, я засталъ нашихъ квартирохозяевъ. Крестьянинъ безсмысленно уставился впередъ себя, жена же его въ полусогнутомъ состояніи держала закутанныхъ въ платокъ малютокъ... Всѣ мои усилія тронуть товарищей, упросить ихъ уступить мѣсто для несчастной семьи оказались напрасными: мнѣ только махали рукой въ отвѣтъ.

... Какъ провела ночь эта семья, я не знаю, но впечатлѣніе ото всего этого никогда не изгладится изъ моей памяти, тѣмъ болѣе, что я самъ оставилъ дома дѣтей, и съ ужасомъ думаю о томъ, что та же судьба можетъ постигнуть и ихъ, если намъ только не удастся защитить своихъ границъ... Какой ироніей звучатъ для меня слова: «Война прекрасна, война — великое дѣло». Еслибы кто-нибудь изъ пишущихъ подобныя фразы попался мнѣ на глаза, я выгналъ бы изъ него эту теорію!»

«Городъ величиной съ нашъ Мерзебургъ»,—сжато и бѣгло пишетъ солдатъ съ французскаго фронта,—сравненъ съ землей. Уцѣлѣло лишь нѣсколько домовъ. Отъ остального буквально камня на камнѣ не осталось. Населеніе въ безпамятствѣ удрало или сгорѣло подъ развалинами.

«Мы, работающіе позади фронта» — пишетъ изъ Бельгіи обозный солдатъ, по профессіи текстильщикъ, — «находимся въ безопасности, зато намъ приходится видѣть больше другихъ всю ту нищету и горе, которыя приноситъ съ собою война, а для этого нужно имѣть не менѣе крѣпкое сердце и сильные нервы, чѣмъ при лежаньѣ въ окопахъ. Справа и слѣва на поляхъ валяются мертвыя лошади, разбитыя повозки, иногда еще не погребенные французы. Ихъ тѣла и трупы лошадей разлагаются, распространяя ужасный смрадъ. Одна деревня представляетъ собой груду дымящихся развалинъ, другая только на половину.

Передъ однимъ разрушеннымъ домомъ сидитъ женщина и горько плачетъ. Двое дѣтей жмутся къ ней, третьяго она держитъ на рукахъ. Ея мужъ на войнѣ. Кто знаетъ, увидитъ ли она его еще? Будемъ надѣяться вмѣстѣ съ ней! У ближайшей деревни, гдѣ происходила большая битва, въ большихъ братскихъ могилахъ смирно лежатъ рядомъ сотни людей, еще вчера яростно дравшихся между собой. На берегахъ N происходилъ жестокій бой, въ которомъ неблагоразумно приняли участіе и жители ближайшаго города NN. Городъ превращенъ въ кучу развалинъ, изъ которыхъ врядъ ли сможетъ снова возникнуть настоящій городъ... Происшествіе, пережитое мною въ этомъ городѣ, навсегда останется въ моей памяти. Однажды я увидѣлъ проходившаго мимо меня съ громкимъ плачемъ молодого человѣка. На мои вопросы онъ отвѣтилъ, что прежде работалъ въ Германіи. Передъ началомъ войны онъ рѣшилъ поспѣшить къ родителямъ въ Бельгію и такъ какъ желѣзныхъ дорогъ не могъ использовать, то пришелъ сюда пѣшкомъ. Здѣсь, бродя среди развалинъ въ поискахъ родного дома, онъ въ одномъ мѣстѣ, къ ужасу своему, наткнулся на окоченѣлые трупы своихъ родителей... Горе юноши, натершаго себѣ раны на ногахъ отъ утомительнаго странствія, рѣзало мнѣ сердце и я этого никогда не забуду... Мы проѣзжали также лѣсомъ, гдѣ нашли много людей, бѣжавшихъ изъ своихъ разворенныхъ жилищъ. Здѣсь они варили себѣ пищу и вообще «устроились». У нихъ былъ очень дикій видъ,

такъ какъ они не имѣли ни малѣйшей возможности приводить себя въ порядокъ. На опушкѣ лѣса сидѣла молодая женщина съ завернутымъ въ шерстяныя тряпки ребеночкомъ на рукахъ. Намъ сказали, что она лишь вчера здѣсь родила... Если и попадаешь въ неразрушенную деревню, то и тамъ поражаетъ нищета: нѣтъ ни освѣщенія, ни соли, ни мяса, только немного хлѣба и картофеля».

Можно безконечно удлинять подобные примѣры и выписки. Для всякаго, хотя бы бѣгло слѣдившаго за письмами нѣмецкихъ солдатъ, видно, что ужасы войны—разрушеніе городовъ и деревень, бѣдствія населенія, словомъ, весь океанъ крови и слезъ, разлившійся при участіи германской арміи широкимъ потокомъ по полямъ Бельгіи, Франціи, Польши, оставилъ на солдатахъ огромное, неизгладимо-тяжелое впечатлѣніе.

Разумѣется, встрѣчаешься и съ равнодушнымъ, казенно-тупымъ отношеніемъ къ наблюдаемому чужому горю: достаточно вспомнить вышеприведенное письмо изъ русской Польши, гдѣ на десятки грѣшниковъ нашелся всего одинъ праведникъ... Или вотъ санитаръ, должно быть, весьма положительный, при видѣ горящихъ бельгійскихъ деревень способенъ только со злобой вспомнить, что тамъ стрѣляли «въ нашихъ бѣдныхъ солдатъ».

Но и «праведники», то сознательное ядро германской арміи, которое съ большой болью и ужасомъ смотритъ на все происходящее и считаетъ дѣянія массоваго убійства, поджога, разрушенія позоромъ для современнаго человѣчества, находитъ въ себѣ силы принять и дать санкцію этимъ насиліямъ.

«Мы вступили въ Б. При входѣ получили приказъ: «Примкнуть штыки» и «зажечь деревню», такъ какъ изъ домовъ стрѣляли по санитарамъ и раненымъ. Это были не лучшіе наши элементы, которые заколотили теперь окна и двери и подожгли гардины... Черезъ полчаса все пылало. Съ обливающимся кровью сердцемъ смотрѣли я и многіе изъ моихъ товарищей на охваченные пламенемъ дома. Но *это было вельніе самозащиты* — такова война! По личной иниціативѣ, часто съ опасностью для самихъ себя, мы бросались къ сараямъ и конюшнямъ спасать скотъ. Несмотря на приказъ, я лично не тронулъ ни одной задвижки, не вынулъ и не зажегъ ни одной спички: не для того я пошелъ на войну! Наша команда безупречно дисциплинирована, никто не замаралъ своихъ рукъ о чужое добро. Потомъ мы колонной построились у выхода изъ деревни. Видъ — на рѣдкость ужасный. Высокія фигуры нашихъ вооруженныхъ гренадеръ, разгоряченныя лица, искрящіеся, сверкающіе глаза на фонѣ горящей деревни.

Если германскіе политики, дипломаты и журналисты съ доходящимъ до граціи лицемѣріемъ твердятъ, — разумѣется, ни на іоту въ это не вѣря — что Германія и Австрія ведутъ оборонительную войну,—то для народа и арміи это непререкаемая истина.

— Мы не хотѣли войны, намъ ее навязали дерзкіе и вѣроломные враги. Мы обязаны защищать свое отечество, добро, культуру, очагъ, женщинъ и дѣтей отъ нашествія казацкихъ ордъ. Если по стратегическимъ соображеніямъ надо разгромить независимую Бельгію и напасть на Францію, мы сдѣлаемъ и это ужасное дѣло, ибо этого требуетъ защита отечества. Поэтому, смерть или побѣда, и не дай Богъ допустить врага хоть на пядь германской территоріи! — такова, приблизительно, нить разсужденій средняго нѣмецкаго солдата.

...«Мы, старые ребята, не изъ любви къ военному ремеслу пришли сюда»,— пишетъ изъ Бельгіи пожилой ландштурманъ, изображая бѣдствія мирнаго населенія, и его радуетъ, что пролетарскіе слои Бельгіи понимаютъ трагическое положеніе нѣмецкихъ солдатъ. Восторга передъ войной, преклоненія передъ ней, какъ предъ таковой, совершенно не встрѣчаешь. Напротивъ — тотъ, кто только высказываетъ свое къ ней отношеніе, въ той или иной формѣ, говоритъ о ней, какъ о величайшемъ позорѣ и злѣ.

Двѣ идеи окрыляютъ нѣмецкаго солдата въ его борьбѣ: защита отечества и надежда на наступленіе, по окончаніи войны, новой, благодатной, чуждой насилія и несправедливостей, жизни. Эта послѣдняя черта особенно сильно сказывается у солдатъ-соціалистовъ. Такъ, въ письмѣ одного запасного читаемъ:

«Но всѣ эти жертвы приносятся въ сознаніи ихъ необходимости, въ сознаніи, что онѣ создаютъ посѣвъ, изъ котораго взойдетъ нѣчто великое и новое. Когда я вижу, какъ мы, рабочіе въ мундирахъ, приносимъ, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, свои страшныя жертвы, какъ мы опять и опять идемъ подъ дождь пуль за отечество—я чувствую, что и для насъ, бѣдняковъ народа, создается такимъ образомъ право на свѣтъ, воздухъ и солнечное сіяніе родины, за которую боремся. Эти большія жервы требуютъ отъ родины, какъ возмѣщенія, предоставленія въ ней мѣста и тѣмъ, кто прежде жилъ въ тѣни. Поэтому охотно отдаю себя, свою личность, какъ бы часто это ни требовалось, но тѣмъ охотнѣе желаю я позже, если сохраню свою жизнь, принять участіе въ работѣ мирнаго возсозданія. Когда я думаю о новомъ, которое должно наступить, я проникаюсь весенними надеждами и не вижу тогда ужасовъ и страшнаго на полѣ битвы. Я выполняю свою обязанность въ сознаніи, что дѣлаю это во имя отечества въ высокомъ смыслѣ этого понятія».

А вотъ другое, не менѣе характерное письмо отца къ сыну, изъ Франціи:

«Мой любимый Гансъ! Ты всегда съ большимъ интересомъ читалъ описанія путешествій и открытій. Ты знаешь, съ какими трудностями Свенъ Геддинъ прошелъ сквозь еще неизслѣдованную Азію, какъ Фритьофъ Нансенъ предпринялъ свое полярное путешествіе по темной части земли. Они должны были переносить мученія, голодать, мерзнуть, ночевать въ жалкихъ норахъ. Они дѣлали это охотно и радостно въ сознаніи, что ихъ работа идетъ на благо человѣчеству, во имя культуры и знанія. Еслибъ ты былъ со мною здѣсь, тебѣ могло бы показаться, что ты находишься въ тѣхъ же условіяхъ, что и они». Далѣе слѣдуетъ очень рельефное описаніе жизни въ окопахъ. «Какъ видишь,

жизнь здѣсь достаточно романтична и ты бы, пожалуй, имѣлъ охоту продѣлать ее вмѣстѣ съ нами. Но если ты глубже объ этомъ подумаешь, то будешь, навѣрное другого мнѣнія. Глубоко печально, что два такихъ развитыхъ народа, какъ французы и нѣмцы, должны зарываться въ пещеры и подкарауливать оттуда другъ друга, какъ звѣри. Какъ небо отъ земли, далеко это отъ жизни храбрыхъ изслѣдователей!.. Съ культурой это не имѣетъ ничего общаго, это безкультурное («Unkultur») и грубѣйшее варварство, недостойное человѣчества XX столѣтія. Народы Европы имѣютъ, въ дѣйствительности, совершенно иныя, болѣе высокія и благородныя задачи, чѣмъ взаимоистребленіе и созиданіе нуждъ и горя для тысячъ и тысячъ семействъ. Я знаю, дорогой сынъ, эти мысли тебѣ уже знакомы изъ разговоровъ моихъ съ матерью.

Можно относиться, какъ это дѣлаютъ многіе, съ презрительнымъ удивленіемъ къ нѣмецкому народу, давшему себя убаюкать сказками объ оборонительной войнѣ.

Это вопросъ особой и необычайной, трагической сложности, говорить о которой здѣсь не станемъ Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при той высокой сознательности, необыкновенномъ энтузіазмѣ, который проявила въ этой войнѣ германская демократія, безъ лозунга «защита отечества» веденіе войны было для правящей Германіи совершенно немыслимо. Приходится, лишній разъ вспомнить слова Лассаля о томъ, что реакціонеры не краснобаи, а люди дѣла и не одинъ жестъ не пропадетъ у нихъ даромъ...

Правда, волна духовнаго подъема нѣмецкой націи значительно спала теперь. Она застыла въ холодѣ и сырости окоповъ, сжалась отъ разочарованій, сплющилась подъ безпощаднымъ огнемъ вражеской артиллеріи...

Во имя великаго будущаго, во имя свободнаго развитія своей культуры, за независимость родины, за отечество — съ такимъ сознаніемъ пошелъ на войну нѣмецкій рабочій. И въ армію онъ принесъ съ собой всѣ свои качества: техническую умѣлость, интеллигентность, высокую дисциплинированность чувства и воли. Онъ призналъ войну своимъ дѣломъ, освятилъ ее знаменемъ своихъ идеаловъ и отдался ей всемѣрно и всецѣло, въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлалъ по отношенію къ своему классу и партіи, потому что здѣсь, по его представленію, рѣчь шла о самомъ его существованіи. Мудрено ли, что онъ оказался наилучшимъ, храбрѣйшимъ и толковѣйшимъ изъ солдатъ?

Недавно одинъ буржуазный нѣмецкій публицистъ напечаталъ статью, въ которой говоритъ, что нѣмецкій народъ долженъ сказать спасибо германской соціалдемократіи, доселѣ ненавидимой и бывшей въ загонѣ, за ея огромную просвѣтительную и культурную работу въ массахъ, благодаря которой удалось создать прекрасную, боеспособную армію. Сами соціалисты, участвующіе въ войнѣ, хорошо сознаютъ свою роль и значеніе въ германской арміи и неоднократно въ письмахъ встрѣчаются горделивыя фразы вродѣ:

«...Станетъ извѣстно, что и на войнѣ, какъ во время мира, соціалдемократы не изъ худшихъ солдатъ».

«Передъ войной насъ звали vaterlandslose Gesellen. А теперь какъ разъ эти Gesellen являются тѣми солдатами, съ чьихъ устъ никогда не раздаются слова ропота и кто дѣйствуетъ все время ободряюще и вдохновляюще на своихъ товарищей»...

Въ письмахъ солдатъ, составленныхъ порою, какъ мы знаемъ, въ невѣроятныхъ условіяхъ боевой жизни, поражаетъ преданность партіи, организаціи, живучесть идеи международнаго братства всѣхъ трудящихся.

«Товарки и товарищи, пишетъ юноша-солдатъ, принадлежавшій къ организаціи соціалистической молодежи, вы, имѣющіе невыразимое счастье мирно жить въ горячо любимомъ отечествѣ. Я хочу вамъ одно сказать: боритесь всю свою жизнь за миръ народовъ и за наше дѣло, ни минуты вы не должны оставаться спокойны, вмѣсто одного выбывшаго борца пусть встанутъ два новыхъ! Боритесь до конца за то, что мы называемъ соціалистическимъ. Не щадите себя и не допускайте свою юношескую энергію погрязнуть въ мелочахъ. Пусть каждый изъ васъ будетъ героемъ: героемъ является только тотъ кто за какое-нибудь дѣло отдаетъ свою жизнь. Прощайте товарищи, съ которыми я вмѣстѣ боролся и которыхъ я любилъ. Буду надѣяться, что милостивая судьба вернетъ меня въ ваши ряды»!.. «...Пусть товарищи, оставшіеся дома, держатся вмѣстѣ; подарите теперь организаціи особенно много вниманія, чтобы мы, возвратясь домой, застали не однѣ только развалины, а хорошо сохранившіяся, боеспособныя организаціи, ожидающія только усиленія своего «гарнизона» возвратившимися домой товарищами»...

«...И во время войны—пишетъ гамбургскій древообдѣлочникъ—мы помнимъ о нашемъ союзѣ. Чувство долга, которое толкало насъ отдавать всѣ свои силы для созданія нашей организаціи, заставляетъ насъ также подчиниться желѣзной необходимости войны и отдать свою кровь и жизнь для защиты отечества. Профессіональный духъ живъ среди товарищей, находящихся на войнѣ. Съ тысячами женъ и дѣтей нашихъ враговъ мы дѣлили свой хлѣбъ, чтобы защитить ихъ отъ голодной смерти, въ то время, какъ въ окопахъ мы лежали противъ ихъ мужей и отцовъ. Профессіональное и политическое воспитаніе предохранило насъ отъ грубости и безнравственности.

Что касается временной пріостановки развитія нашей организаціи—это меня мало озабочиваетъ. Изъ опыта моихъ знакомствъ съ многочисленными коллегами, я глубоко убѣжденъ, что послѣ войны мы пойдемъ навстрѣчу большому побѣдоносному развитію».

Текстильщикъ, отрывки изъ письма котораго мы приводили выше, такъ заключаетъ его:

«Пусть будетъ, что будетъ.

По окончаніи войны мы снова должны протянуть руки нашимъ братьямъ всѣхъ странъ».

«...Всѣ партійные товарищи, оставшіеся дома, должны съ удвоенной силой выполнять свои обязанности, чтобы рабочій классъ смогъ удержать созданное многими годами труда и чтобы, когда благосклонная суьба приведетъ

насъ послѣ войны домой, мы снова смогли радостно вступить въ ряды братьевъ труда. Будемъ также надѣяться, что рабочему классу послѣ войны будетъ удѣлено больше права и справедливости, чѣмъ до нея. Этого я желаю отъ всего сердца»...

«...Газету получаемъ съ большой радостью. Больше всего радуетъ товарищей то обстоятельство, что хотя мы и воюемъ съ нашими противниками, все же возможно теперь уже созвать уполномоченныхъ людей на съѣздъ который обсудитъ вопросъ о дальнѣйшемъ поддержаніи интернаціональныхъ отношеній. Надѣюсь, что они придутъ къ хорошему результату, такъ какъ было бы очень печально, еслибъ вся прежняя работа въ этомъ направленіи оказалась иллюзорной.

Другой пишетъ, что по возвращеніи домой онъ только одному пожертвуетъ своими духовными силами и способностями, — «установленію мира народовъ».

У нѣмцевъ элементы ненависти замѣтны лишь по отношенію къ англичанамъ (и то, какъ мы видѣли, въ очень ограниченныхъ размѣрахъ), которые, по широко распространенному въ нѣмецкомъ народѣ представленію, являются истинными виновниками войны.

Солдатъ-соціалистъ пишетъ о частичномъ пораженіи, нанесенномъ нѣмцами англичанамъ, пораженіи, при которомъ англичане бѣжали съ такой поспѣшностью и безпорядочностью, по сравненію съ которыми французскія отступленія кажутся образцовыми:

«И это вполнѣ понятно, такъ какъ наши войска, при видѣ англійскихъ наемниковъ, приходятъ въ ярость, чего не бываетъ по отношенію къ французамъ. Во французѣ видятъ только солдата, борющагося за свое отечество. Совершенно иное съ англичанами».

Плѣнный солдатъ пишетъ домой: «Не печальтесь о насъ. Намъ хорошо. Заботьтесь о плѣнныхъ французахъ и привѣтствуйте ихъ, какъ порядочныхъ людей».

Другой, описывая атаку Аргонскаго лѣса, между прочимъ, говоритъ:

«Мы идемъ, хорошо сознавая, что и тамъ, въ непріятельскихъ окопахъ, отцы семействъ, запасные и ополченцы, какъ и мы, защищаютъ свое отечество».

Что касается русскихъ, то хотя эпитеты вродѣ: «полуазіаты», «варвары», «орды» и т. п. весьма нерѣдки, но въ общемъ, особенно враждебнаго къ нимъ со стороны нѣмцевъ отношенія не замѣтно. Скорѣе здѣсь равнодушное любопытство, какъ къ явленію безконечно чуждому и далекому, находящемуся на совершенно другомъ культурномъ полюсѣ. Попадается иногда описаніе отдѣльныхъ эпизодовъ, свидѣтельствующихъ о добродушіи русскаго солдата, его мягкосердечіи и т. п. Вотъ, напр., письмо плѣннаго, отправленнаго въ Бійскъ:

«...Русскіе солдаты, взявшіе меня въ плѣнъ, были очень хорошіе парни. Они дали мнѣ напиться, предложили хлѣба, я же подѣлился съ ними послѣдними папиросами. Вы не повѣрите, что эти солдаты обходились со мной, какъ со своимъ. По дорогѣ въ Холмъ, когда встрѣтились русскіе солдаты, они давали нашимъ папиросы, пищу, питье. Ни одного злобнаго слова, ни признака недружелюбія. Эти солдаты, отправлявшіеся на бой, смотрѣли на насъ, какъ на людей, которые такъ же храбро выполнили свой долгъ, какъ они выполнятъ свой...

Разумѣется, всѣ эти и тысячи другихъ свидѣтельствъ и писемъ подобнаго рода ни въ какой мѣрѣ не могутъ покрыть собой бельгійскихъ, французскихъ, калишскихъ и всякихъ другихъ дѣяній германской арміи, тѣмъ болѣе, что ихъ ужасы и зло, какъ это мы видѣли, сознаются и самими нѣмецкими солдатами. Уже одинъ фактъ участія въ войнѣ, необходимости убивать и уничтожать, ставить передъ каждымъ, каковы бы ни были его взгляды и убѣжденія, трагическую и роковую дилемму: «Врагъ или я — дилемму, которая не можетъ не разрѣшаться въ пользу «я».

Раф. Григорьевъ.

Шахта № 10.

I. Тома и Аннетъ.

Теплая вода, чистое бѣлье и сознаніе, что впереди шестнадцать часовъ отдыха до новой смѣны, вливаютъ бодрость и энергію въ уставшія тѣла. Сыпятся шутки, пѣсенки, смѣхъ, люди оживленно разбредаются въ ближайшіе кабачки, чтобы посидѣть полчаса передъ огнемъ печки со стаканомъ горячаго кофе пополамъ съ водкой или за тяжелымъ „шопомъ“ пива. Тома, Жозефъ и Жанъ-Пьеръ легко шагаютъ по упругой, немного раскисшей землѣ. Они живутъ въ одномъ пансіонѣ у мадамъ Маресель и работаютъ въ одной смѣнѣ.

Изъ мокрой земли истоптанной по всѣхъ направленіяхъ ногами животныхъ, людей, изрѣзанной колеями, наполненными неподвижной блестящей водой, уже кое гдѣ выткнулись тонкіе блѣдно-зеленые стебельки травъ. Утренній сырой воздухъ пріятно обвѣваетъ разгоряченныя банею лица, пріятно вдыхать его полною грудью, пріятно ощущать дневной свѣтъ, видѣть сѣрое небо, ближній голый лѣсъ и черныя поля вспаханной земли.

Мадамъ Маресель уже чисто вымыла полъ, выложенный черными и желтыми плитками и посыпала его, по фламандскому обычаю, деревянными опилками. Въ углу за сѣткой надъ вазонами герани чирикаетъ чижъ и свиститъ канарейка. Деревянныя некрашенныя стѣны кабачка увѣшаны яркими рекламами напитковъ.

Сама мадамъ Маресель, пятидесятилѣтняя женщина, еще сильная, здоровая и быстрая въ движеніяхъ, привѣтствуетъ пансіонеровъ изъ за обитой матовымъ цинкомъ стойки, за которой красуется рядъ разноцвѣтныхъ бутылокъ. Голыми по локоть руками она быстро и ловко перетираетъ чистымъ полотенцемъ рюмки и стаканы. На кругломъ столѣ, накрытомъ голубой клеенкой стоятъ три стакана съ ложечками и сахаромъ, на удобной опрятной бельгійской печкѣ булькаетъ большой синій кофейникъ. Она приготовила утренній кофе и ждетъ своихъ пансіонеровъ.

Поставивъ ноги въ толстыхъ шерстяныхъ чулкахъ на рѣшетку печки и, вытянувъ поудобнѣе на стульяхъ уставшія тѣла, они сидятъ такъ вокругъ огня до завтрака, потягивая маленькими глотками горячій душистый кофе и покуривая длинныя глиняныя трубки. Это пріятное полудремотное состояніе, кровь горячей волной расходится по тѣлу, заставляя вздрагивать каждый мускулъ. Мадамъ Маресель гремитъ посудой, накрывая столъ, изъ кухни несется аппетитный запахъ бифштекса и жареннаго картофеля, а печка уютно гудитъ, разливая вокругъ себя нѣжащую теплоту.

— Ну, Тома, сегодня будешь заниматься?

— Потомъ, послѣ обѣда, бормочетъ нерѣшительно Тома, косясь на руки Жозефа.

— Дуракъ! Я тебѣ говорю, ты дуракъ и больше ничего. Ты вотъ теперь первый рабочій на всей шахтѣ и ловкость у тебя и сила, а читать и писать умѣешь не лучше, чѣмъ французская

корова. Учись, я тебѣ говорю, а то дальше не пойдешь. Ну, скажи самъ, кто такую балду безграмотную, какъ ты, поставитъ старшимъ рабочимъ? Такъ и сгніешь за киркой, а читать, писать выучишься черезъ годъ, два—поріонъ, [1]) я тебѣ вѣрно говорю.

Тома молчитъ. Самое горячее и затаенное его желаніе выучиться читать и писать по французски. Всѣ люди дѣлятся для него на двѣ категоріи — одни владѣютъ таинственнымъ секретомъ чтенія и письма, имъ все ясно, они все понимаютъ; другіе, такъ какъ и онъ, темные—ихъ на каждомъ шагу подстерегаютъ опасности и козни жизни. На книжку онъ смотритъ съ трепетомъ. Иногда имъ овладѣваетъ такое непреодолимое желаніе знать этотъ секретъ, что онъ забирается съ книгой въ укромный уголокъ и, не отрываясь часами, мучительно переживаетъ свое безсиліе передъ черными загадочными закорючками. Когда на лбу выступалъ потъ, а буквы начинали разбѣгаться какъ муравьи изъ потревоженнаго муравейника, онъ въ отчаяніи глядя въ книгу, начиналъ сочинять вслухъ исторіи.

Жозефъ подмѣтилъ это желаніе и предложилъ ему учиться читать и писать. Тома съ восторгомъ согласился. Но учитель, своеобразно понимая науку, не въ мѣру пользовался своей педагогической системой—и такъ щедро и вдохновенно раздавалъ затрещины, дралъ за вихры, что Тома послѣ нѣсколькихъ уроковъ, не осмѣливаясь изъ уваженія къ учителю дать сдачи, сталъ убѣгать, стараясь не попадаться въ назначенные часы урока.

Тома всталъ изъ-за стола, потянулся сильнымъ, гибкимъ тѣломъ и воспользовавшись тѣмъ, что Жозефъ закрылся газетой, выскользнулъ на крыльцо. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ Аннетъ младшей дочерью хозяйки.

— Bonjour, моя красавица, галантно изогнулся Тома, нарочно мѣшая ей проскользнуть съ большой корзиной на рукѣ. Аннетъ полуотвернулась, вспыхнула, но съ улыбкой звонко отвѣтила:

— Bonjour monsieur Тома.

Она возвращалась изъ деревушки Эрсенъ, гдѣ закупала провизію.

Оставшись одинъ, Тома усѣлся на ступенькахъ крыльца, пыхнулъ трубкой, энергично сплюнулъ и прищелкнулъ пальцами.

Его тянула къ себѣ Аннетъ. Она не была похожа на остальныхъ дѣвушекъ, которыхъ онъ зналъ. Тѣхъ онъ привыкъ брать и ласкать походя, тотчасъ забывая объ одной, какъ только появлялась другая. Живой, весь связанный изъ нервовъ и сухожилій, съ пропорціонально широкими плечами и сѣрыми глазами онъ нравился женщинамъ. Въ сухомъ неправильномъ лицѣ не было красоты, но въ улыбкѣ и въ выраженіи смѣлыхъ сѣрыхъ глазъ было что-то такое, что заставляло дѣвушекъ засматриваться на него дольше чѣмъ нужно и онѣ вѣшались къ нему на шею, какъ только онъ этого хотѣлъ.

Но съ Аннетъ, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ какъ онъ на шахтѣ № 10, дѣла ничуть не подвинулись впередъ. Правда она ему улыбалась, вспыхивала, когда онъ заговаривалъ съ ней, иногда онъ ловилъ ея пристальный взглядъ устремленный на него, но дальше галантныхъ шутокъ дѣло не шло. Нѣсколько разъ онъ

[1]) Начальникъ смѣны.

пытался поймать ее въ укромныхъ уголкахъ, но она, краснѣя до корней волосъ, ловко ускользала отъ него.

Передъ домомъ все время тяжело и поспѣшно захлебываясь дышетъ машина, гремятъ цѣпи, каждыя двѣ, три минуты доносится глухой гулъ и грохотъ, будто рухнула взорванная стѣна— это грохочутъ по желѣзному желобу огромные булыжники изъ опрокинутой бадьи, вытащенные изъ нѣдръ земли. Шахта, странное зданіе пирамидальной формы, напоминающее индійскую пагоду, стоитъ въ ста метрахъ передъ домомъ. Изъ задымленной кирпичной трубы тяжело подымается въ сыромъ воздухѣ столбъ чернаго дыму. Пароотводная трубка машиннаго отдѣленія струей выбрасываетъ отработанный паръ и онъ клочьями стелется по мокрой взрытой землѣ. Налѣво отъ шахты стоитъ голый лѣсъ и насколько можно охватить глазомъ растилается широкая равнина, покрытая пеленой сырого тумана. Торчащія на ней острыя верхушки terriers [1]) въ этой сырой пеленѣ кажутся еще мрачнѣе, еще угрюмѣе. Это суровые гигантскіе памятники человѣческимъ жизнямъ, загубленнымъ тамъ, глубоко подъ землей. Возлѣ каждаго terrier такъ же неумолимо уткнулись въ небо высокія трубы надъ мрачными закопченными зданіями шахтъ. Вокругъ лѣпятся домики, выстроенные капиталомъ для своихъ рабовъ. Всѣ бурые, всѣ одинаковые, расположенные въ строгомъ шахматномъ порядкѣ.

Черная страна, мрачная и угрюмая.

Тома вспоминаетъ, какъ однажды выпалъ снѣгъ и весь край казался покрытымъ грязной простыней, а лѣтомъ... Лѣтомъ угольная пыль осѣдаетъ на все — забирается въ жилища, скрипитъ на зубахъ, деревья, дороги, поля, все кажется обугленнымъ. Лица людей, годами работающихъ глубоко подъ землей носятъ отпечатокъ проклятой работы, они блѣдны, вялы, какъ цвѣты выросшіе въ подземельѣ.

— Такъ-таки есть, черная страна, бормочетъ Тома и вспоминаетъ бархатное небо Украины, широкія степи, Днѣпръ и его хату на самомъ берегу, надъ крутымъ обрывомъ.

— Мартъ теперь... Пошелъ ледъ на Днѣпрѣ или еще нѣтъ, старается рѣшить онъ.

Три года тому назадъ Тома или Ѳома Дусь, эмигрировалъ изъ Россіи „на заработки“ въ Америку, какъ это дѣлаютъ тысячи русскихъ рабочихъ. Его влекло жгучее любопытство своими глазами увидѣть чудеса чужихъ странъ, о которыхъ онъ много наслышался отъ бывалыхъ людей. Но онъ застрялъ въ Бельгіи, когда выяснилось, что денегъ на переѣздъ океана не хватитъ и попалъ на работу въ шахты. Переходя изъ одной компаніи въ другую, какъ всѣ холостые минеры, онъ наконецъ, добрался до Па-де-Кале. Трехлѣтнее скитаніе по пансіонамъ ему надоѣло и Тома хотѣлъ устроить свою жизнь иначе. Особенно крѣпко засѣла эта мысль въ его голову, когда онъ увидѣлъ Аннетъ Маресель.

— Чѣмъ ни дивчина, думалъ Тома, глаза якъ барвинокъ и хозяйка... У него будетъ свой домъ... Онъ видѣлъ какъ возвращается онъ съ работы, и его встрѣчаетъ жена, непремѣнно

[1]) Кучи камня и земли, вытащенныя изъ шахты.

Аннетъ... На окнѣ стоятъ цвѣтущія герани, въ углу за стѣнкой чирикаетъ чижъ, а на столѣ дымится горячій супъ. Они вдвоемъ обѣдаютъ...

Гдѣ-то въ сторонѣ лѣса щебетала пичужка. Голый лѣсъ уже не казался мертвымъ, онъ точно напоенъ былъ мистической силой прорывающейся жизни. Набухшія вѣтки казались косматыми отъ бахромы нѣжныхъ весеннихъ почекъ. Земля точно вздыхала долгими вздохами. Нѣжно-зеленая травка, полосами покрывавшая поля, зеленѣвшая тонкимъ бордюромъ у подножія лѣса, приковывала взглядъ и тянула къ себѣ.

Тома выбилъ трубку, всталъ, потянулся еще разъ и пошелъ спать.

II. Тома и Жерменъ.

— Тома тебѣ письмо, подмигнула мадамъ Маресель, когда они сонные и вялые, громыхая тяжелыми сабо, спустились съ мансарды: я увѣрена, что отъ твоей прежней возлюбленной.

Тома взялъ за уголышекъ сиреневый конвертъ, повертѣлъ его въ рукахъ, осмотрѣлъ загорѣвшимися глазами, какъ смотрятъ на непонятный фокусъ и вздохнулъ:

— А ну-ка прочитай, Жозефъ, что тамъ пишется?

— Бутылку бѣлаго вина, — прочту, лѣниво согласился Жозефъ.

— Мадамъ Маресель, бутылку вина! Читай Жозефъ, Тома нетерпѣливо забарабанилъ пальцами по столу.

Жозефъ не торопясь прочелъ адресъ: „Департаментъ Па-де-Кале. Эрсенъ, шахта № 10 monsieur Тома Дусь“, разорвалъ конвертъ, посмотрѣлъ сначала на подпись и объявилъ:

— Отъ мадамъ Жерменъ, твоей хозяйки.

Тома прищурилъ лѣвый глазъ, усиленно задымилъ трубкой.

— Ну, ну, что она тамъ пишетъ? Читай! Жозефъ наклонилъ свою курчавую голову съ античнымъ профилемъ къ окну и сталъ медленно читать, нарочно разжигая терпѣніе Томы:

„Мой дорогой другъ, Тома! Ты забылъ свою Жерменъ. Можетъ быть ты любишь молодую красивую дѣвушку. Будь счастливъ. Не думай, что я ревную, я тебя буду любить, если ты меня разлюбишь совсѣмъ. Я всегда была хорошей къ тебѣ, будь и ты добръ ко мнѣ—приди въ субботу вечеромъ къ семи часамъ на станцію. Я буду тебя ждать у пакгауза, напротивъ кафе дяди Жерара. Ахъ, Тома, какъ я тоскую по тебѣ. Я часто гляжу на твой подарокъ и всякій разъ, когда я смотрю на прекрасный блестящій камень (marque à saint) передъ моими глазами встаетъ твой милый образъ. Я думаю, что будетъ большое счастье, если ты вернешься на № 7 и мы снова заживемъ вмѣстѣ.

Приди же дорогой другъ, не будь злымъ. Ты увидишь, что я тебя не забыла и хочу кое-что передать тебѣ на память объ твоей Жерменъ. Въ субботу я буду въ Эрсенѣ закупать провизію и постараюсь раньше освободиться, чтобы встрѣтить тебя на станціи. Я люблю тебя. Съ тѣхъ поръ какъ ты ушелъ съ седьмого номера, Десанъ меня два раза билъ за тебя, но я люблю тебя по прежнему. Твоя Жерменъ“.

— Ну, что же пойдешь? взглядываетъ изподлобья Жозефъ.

Тома смущенно сопитъ и молчитъ.

— Дуракъ ты есть и скотъ, сердится Жозефъ: къ тебѣ можно сказать, настоящая симпатичная женщина, а ты за Аннеткой стрѣляешь...

— Ты думаешь я такъ... я хочу жениться.

— Жениться?! еще больше сердится Жозефъ, онъ тычетъ пальцемъ въ письмо:

— Дуракъ, эта женщина тебя любитъ, а ты скотъ... Да если бы ко мнѣ такая женщина, такъ я бы сейчасъ на станцію, взялъ бы билеты, посадилъ бы ее въ поѣздъ и тю-тю...

Н-н-ну! недовѣрчиво тянетъ Тома и съ неподдѣльнымъ восхищеніемъ глядитъ на товарища.

Но Жозефъ уже потухъ — поставилъ ноги на печку, вытянулся поудобнѣе на стулѣ и засунулъ руки въ карманы.

Остальную часть дня, свободную отъ работы и сна, они или, скучая, стояли у оконъ, протирая пальцами запотѣвшія стекла, глядѣли на ближній лѣсъ, или пили и пѣли польскія и украинскія пѣсни, или играли въ карты. Къ шести часамъ приходили Стахъ и Жанъ, начиналась игра „въ короля“. Играли всегда съ такимъ азартомъ и страстью, что становилось страшно за крышку стола, по которому хлопали большія мозолистыя руки. Мошенничали всѣ и всѣ знали, что мошенничаютъ, но это вовсе не отнимало прелести игры, наоборотъ, придавало еще больше увлеченія. Если нужно было показать партнеру, что на рукахъ много бубенъ, немилосердно надувались щеки, для червей къ сердцу подносили руку, для трефей складывалось крестное знаменіе, а если игрокъ вытягивалъ впередъ окаменѣвшее лицо съ вытараценными глазами, то это означало пики.

Надоѣдало играть въ карты—снова пили и пѣли.

Пили, впрочемъ, все свободное время. Рюмки никогда не сходили со стола, одно турнэ смѣняло другое.

Въ самомъ укромномъ уголкѣ кабачка дяди Жерара, за маленькимъ столикомъ, на которомъ стоитъ два стакана бѣлого вина сидятъ Тома и Жерменъ.

Жерменъ, двадцатисемилѣтняя брюнетка съ большими грустными глазами, одѣтая въ дешевое платье темнаго цвѣта. Оно на ней лежитъ съ такимъ вкусомъ и изяществомъ, что кажется дорогимъ и красивымъ.

Тома тискаетъ ея руки подъ столомъ и несвязно говоритъ:

— Да, это вѣрно, я нашелъ дѣвушку... Значитъ, это конечно...

Онъ не понимаетъ муки ея наполненныхъ слезами глазъ, дѣлаетъ отчаянно рѣшительный жестъ рукой и продолжаетъ:

— Нужно жениться. Всѣ мужчины женятся, а дѣвушки выходятъ замужъ, и замолкаетъ. Онъ ясно чувствуетъ, что говоритъ не то, что нужно.

Потѣетъ, подыскивая для своихъ мыслей слова и, безнадежно махнувъ рукой, кричитъ:

— Эй, дядя Жераръ, еще полбутылки!

А Жерменъ долго смотритъ на него влажными прекрасными

глазами, наконецъ, съ усиліемъ выговариваетъ поблѣднѣвшими губами:

— Ты ее любишь... любишь? она тебѣ нравится?.. Потомъ кладетъ на его большую руку свою маленькую, огрубѣвшую отъ работы, но все же изящную руку женщины и продолжаетъ:— она тебѣ нравится? она должно быть хорошая дѣвушка... Я хочу, чтобы ты былъ счастливъ... Боже мой, почему я не встрѣтила тебя раньше?.. Но ты дашь мнѣ слово... Хорошо... ты, вѣдь, добръ? Дай слово...

Она глотаетъ слезы. Тома не можетъ равнодушно видѣть слезъ, что-то горячее сдавило ему глотку, губы сморщились и по носу побѣжала горячая слезинка:

— Да, да, да, киваетъ онъ головой: я даю тебѣ слово.

— Если ты разлюбишь ее, ты вернешься ко мнѣ.

— Да, да, да, бормочетъ Тома.

— Ну, вотъ, улыбается она сквозь слезы: ну, вотъ, я знала, что ты добръ. Я буду ждать.

Его сердце чуть не лопается отъ жалости къ ней, къ самому себѣ и еще къ чему-то, чего онъ не понимаетъ.

— Возьми это на память отъ меня. Я хочу, чтобы ты носилъ какую-нибудь вещь на себѣ и чтобы она напоминала тебѣ обо мнѣ.

Она развернула шелковое, цвѣта бордо, кашнэ съ черными горошинками, сама надѣла ему на шею и заколола его серебряной булавкой съ маленькимъ аэропланомъ Блеріо.

III. Балъ.

Былъ воскресный день. Одинъ изъ тѣхъ неожиданно теплыхъ и ясныхъ дней, когда кажется, холодная, пасмурная погода болѣе не вернется. На залитой солнцемъ равнинѣ угрюмые terriers задымленныя шахты и однообразные домики рабочихъ кажутся живописнѣе, ярче красками и вся картина дышетъ мягкими весенними тѣнями. Ярче зазеленѣли озими. Лѣсъ побурѣлъ и набрякъ отъ налившихся жизненныхъ соковъ. Кудрявый дымъ невидимымъ паровозомъ стелется по равнинѣ освѣщенной яркимъ солнцемъ, будитъ въ душѣ радостное, бодрое настроеніе, хочется куда то ѣхать, что то видѣть.

Послѣ обѣда Тома умылся душистымъ мыломъ, надѣлъ сиреневую шуршащую отъ крахмала рубаху, пристегнулъ тугой двойной воротникъ съ сѣрымъ галстухомъ въ черныхъ крапинкахъ и надѣлъ свой новый стофранковый костюмъ. Тщательно причесался, смочилъ усы брилліантиномъ и долго пристально разглядывалъ себя въ осколокъ зеркала. Наконецъ, на губахъ мелькнула довольная улыбка, онъ былъ удовлетворенъ осмотромъ. Затѣмъ вынулъ изъ сундука коробку отъ бисквитовъ и высыпалъ на одѣяло цѣлую горку блестящихъ камней разной формы и величины. Эти были marques à saints, которые минеры дарили своимъ возлюбленнымъ.

Тома долго перебиралъ ихъ и остановился на небольшомъ, продолговатомъ, съ серебристыми блестками камнѣ. Это былъ самый красивый. Онъ сунулъ его въ жилетный карманъ, надѣлъ новую сѣрую каскетку и отправился въ Эрсенъ. Онъ спѣшилъ.

Деревушка сегодня давала балъ. Все въ немъ, начиная отъ ботинокъ американскаго фасона, до лихо заломленной каскетки говорило объ изящной ловкости и силѣ. Никому и въ мысль не пришло-бы, что этотъ хорошо одѣтый молодой человѣкъ не умѣетъ читать и писать. Эта была единственная мысль, отравлявшая Томѣ настроеніе.

По дорогѣ его нѣсколько разъ зазывали товарищи и знакомые, крича съ порога кабачковъ:

— Эй, Тома, иди-ка сюда! Выпьемъ что-нибудь.

Тома сворачивалъ, выпивалъ, угощалъ самъ и шелъ дальше. Онъ побывалъ въ пяти, шести кабачкахъ, пока добрался до кафе „у бѣлаго голубя“, на вывѣскѣ котораго еще издали можно было различить зеленый холмикъ, на фонѣ сѣро-голубого неба и огромнаго голубя съ черными лапами и краснымъ клювомъ. По толпѣ мальчишекъ и дѣвочекъ, прыгавшихъ около дверей подъ звуки кларнета и скрипки, Тома понялъ, что танцы уже начались. Балъ, дѣйствительно, открылся. Въ углу Питу, потерявшій два года тому назадъ ногу, раздробленную сошедшей съ рельсъ вагонеткой, яростно пилилъ смычкомъ, рядомъ Жюль изъ Нанси, страшно надувъ щеки и выкативъ единственный глазъ, дулъ въ кларнетъ. Еще не разошедшаяся молодежь чопорно танцовала, отбивая тактъ толстыми башмаками объ каменный полъ. За столиками сидѣли старики съ кружками пива и трубками въ зубахъ. Тома здороваясь съ товарищами, отыскалъ глазами Аннетъ—она стояла въ пестрой толпѣ расфранченныхъ дѣвушекъ. Протолкался къ ней и бросилъ черезъ плечо:

— Хотите, туръ вальса?

— Хорошо, кивнула она головой, зардѣвшись.

Тома, обхвативъ ея талію, вмѣшался въ живой клубокъ танцующихъ. Онъ не сводилъ глазъ съ бѣлой полоски между воротникомъ ея кофточки и черной бархаткой, которая еще болѣе оттѣняла бѣлизну ея шеи, смотрѣлъ на нѣжный пушокъ волосъ на вискахъ, на радостно и смущенно улыбающіеся глаза и все больше и больше поддавался очарованію ея женственности.

— Браво, Тома, у тебя недурной вкусъ!

— Ахъ, разбойникъ! онъ подцѣпилъ первую красавицу въ Эрсенѣ. Ай, да Тома!

— Bonne chance! раздавались добродушныя восклицанія, когда они проносились мимо столика, у котораго сидѣли порьонъ Шарль Плюмкокъ, Жанъ Пьеръ и Жозефъ за пивомъ.

— Вы сердитесь, что они такъ говорятъ? заглянулъ Тома ей въ лицо.

— Нѣтъ, прошептала она.

— Жозефъ! крикнулъ Тома, когда они снова проносились мимо того-же столика: три кружки пива на мой счетъ.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Когда музыканты уставали и смачивали пивомъ глотки, изъ угла хрипѣлъ аристонъ. Грузныя дѣвицы, туго стянутыя корсетами танцовали до упаду, кавалеры носились, заткнувъ платки за воротники, нѣкоторые въ однихъ жилетахъ, на ходу вытирая вспотѣвшія лица и шеи. То и дѣло стрѣляли хлопушки, осыпая танцующихъ разноцвѣтнымъ снѣгомъ изъ конфетти. Въ воздухѣ стоялъ крѣпкій запахъ табаку, напитковъ и потныхъ человѣческихъ тѣлъ.

Веселье стало непринужденнымъ и шумнымъ.

Когда они отдыхали, притиснутые толпой между хрипѣвшимъ аристономъ и стѣной, Тома рѣшительно вытеръ платкомъ потное лицо и полѣзъ двумя пальцами въ жилетный карманъ:

— Хотите, я сдѣлаю вамъ маленькій подарокъ?

Аннетъ разжала на минуту руку, взглянула на сѣро-серебристый камень, покрытый таинственнымъ міркомъ сверкавшихъ звѣздочекъ, вспыхнула и ничего не отвѣтила. Она знала, что онъ предлагаетъ ей себя и крѣпко сжала блестящій камень.

Часамъ къ десяти танцующія пары стали рѣдѣть. Отъ времени до времени въ темной рамкѣ двери исчезали дѣвушки, за ними уходили молодые люди и больше не возвращались.

— Мнѣ пора домой, произнесла Аннетъ.

— Еще одинъ туръ, умоляюще взглянулъ на нее Тома.

Аннетъ положила руку на плечо и они снова понеслись.

Шахта № 10 лежала въ сторонѣ отъ деревушки Эрсенъ на разстояніи километра.

Когда за ними остались послѣдніе домики деревушки, ихъ охватила темнота беззвѣздной ночи. Они свернули съ шоссе и держась за руку пошли прямо полемъ, осторожно ступая по упругой и темной землѣ.

Аннетъ молчала, она знала отъ подругъ и матери и видѣла сама, что ждетъ ее въ будущемъ, но теперь ей неожиданно открылся новый, неизвѣданный міръ, міръ смутно-сладкихъ чувствъ и думъ. Она переживала свою шестнадцатую весну.

Тома впервые чувствовалъ себя неловко и смущенно съ дѣвушкой. Онъ не зналъ что дѣлать, что сказать и безцѣльно блуждалъ глазами въ темномъ пространствѣ, гдѣ блестящими ниточками растянулись огни шахты № 10.

Такъ они дошли и машинально остановились у темнаго зданія машиннаго отдѣленія. Изъ открытой двери кочегарки лился дрожащій красный свѣтъ. Передъ топкой двигался темный человѣческій силуэтъ, а на стѣнѣ его гигантская тѣнь съ лопатой въ рукахъ.

— Разводятъ пары,—произнесъ Тома.

— Вашъ постъ эту недѣлю съ шести?—спросила Аннетъ.

Они стояли другъ противъ друга, стараясь различить при невѣрномъ свѣтѣ лица.

— Что-же вы сдѣлали съ моимъ подаркомъ?—выбросили его?

— Нѣтъ,—чуть слышно отвѣтила она:—онъ у меня въ рукѣ.

Тома привлекъ ее къ себѣ и ему отвѣтили ея горячія, дрогнувшія губы.

Утромъ передъ спускомъ Тома уже одѣтый, въ каучуковомъ плащѣ, съ толстымъ кожаннымъ беретомъ на головѣ, съ большой бутылкой подъ рукой и стаканомъ въ другой обходилъ переодѣвающихся товарищей и подносилъ, каждому по большой рюмкѣ крѣпкой Женьевръ. На всѣ разспросы и шутки, по какому поводу подносится водка, онъ или отмалчивался или говорилъ:

— Моя фантазія. Хочу угостить товарищей.

Его сіяющее лицо, улыбка, блескъ глазъ передались товарищамъ, и эту смѣну люди работали точно сорвавшіеся съ цѣпи. Больше всѣхъ неистовствовалъ Тома. Неутомимый, возбужденный и ловкій онъ вносилъ лихорадку въ работу всей смѣны и казался

самимъ стремительнымъ духомъ энергіи. Въ душѣ его звучала одна цѣсня, радостная и звенящая, пѣсня объ Аннетъ. Когда онъ думалъ о ней, ему казалось, что силъ въ немъ прибыло втрое и онъ могъ-бы справиться одинъ за весь постъ. Шарль Плюмкокъ только руки потиралъ:

— Хорошо! Очень хорошо! Они работаютъ, какъ никогда, какъ сумашедшіе!

Во время брике [1]) повторилось то-же. Тома опять поднесъ всѣмъ по большой рюмкѣ Женьевръ.

И опять та же бѣшенная работа до конца смѣны. Когда они, наконецъ, поднялись наверхъ и Шарль посмотрѣлъ на табличку, гдѣ отмѣчалось количество корзинъ вытащеннаго камня, онъ въ удивленіи развелъ руками—его постъ обогналъ предыдущую смѣну на двѣнадцать корзинъ. Это былъ рекордъ. Можно теперь быть увѣреннымъ, что премія этой получки останется за ними.

IV. Madame et monsieur Marecel.

Тома и Аннетъ видѣлись каждый день въ небольшой деревянной пристройкѣ къ дому Мареселей, гдѣ висѣлъ и лежалъ разный хламъ: старые плащи, негодные кожаные брюки, бареты и ботинки, стояли ящики съ картофелемъ, углемъ, клѣтка для куръ и мѣшки съ мягкими деревянными опилками.

Аннетъ шутя предложила ему учиться читать по французски. Тома долго не соглашался, но въ концѣ концевъ дѣло пошло легко и быстро впередъ, они все время просиживали на мѣшкахъ съ опилками надъ развернутымъ на колѣняхъ „Сѣвернымъ Эхомъ“.

Когда ласки и объятья Томы становились жарче обыкновеннаго, Аннетъ мягко останавливала его, говоря:

— Не нужно этого. Нѣтъ... подожди...

— Но почему? нетерпѣливо спрашивалъ Тома.

Одинъ разъ: когда онъ былъ особенно настойчивъ, она отвѣтила.

— Я... мнѣ еще нѣтъ полныхъ шестнадцати лѣтъ... Ты знаешь... Я боюсь, что окажусь для тебя недостаточно сильной. Подожди еще... Нужно быть немного благоразумнымъ... вспыхнувъ отъ смущенія, она спрятала лицо на его груди и прошептала:

— Когда лѣсъ распустится, мы пойдемъ въ лѣсъ...

И Тома сталъ ждать съ нетерпѣніемъ, когда распустится лѣсъ.

Однажды, мадамъ Маресель, заглянувъ случайно въ полупритворенную дверь сарая, застыла въ изумленіи—на мѣшкѣ съ опилками сидѣли обнявшись ея дочь Аннетъ и пансіонеръ Тома. На колѣняхъ Аннетъ лежала развернутая газета, она медленно водила пальцемъ свободной руки по жирному шрифту ооъявленій. Тома громко читалъ.

Мадамъ Маресель распахнула дверь, и, упершись руками въ бока, гнѣвно смѣрила глазами вскочившихъ въ смущеніи молодыхъ людей.

— Такъ! Великолѣпно! Здѣсь открыли начальную школу, съ безпощадной ироніей произнесла она. Прекрасно! Какая нѣжная парочка. Скажите, пожалуйста!

[1]) Закуска и отдыхъ въ серединѣ работы.

Она, видимо, наслаждалась замѣшательствомъ, которое произвела и нарочно стояла въ дверяхъ такъ, чтобы никто не могъ пройти. Тома смущенно ковырялъ пальцемъ стѣну, Аннетъ стояла красная, съ опущенной головой. На полу валялось измятое „Сѣверное Эхо“.

— Ахъ ты, грязная дѣвка! прорвалась мадамъ Маресель, тебѣ еще не исполнилось шестнадцати лѣтъ, а ты уже таскаешься по закоулкамъ съ бездомными бродягами. Не хочешь ли ты нянчиться съ бэбэ, какъ твоя старшая сестра, которую бросилъ этотъ негодяй Дюбуа?

— Я хочу жениться на мадемуазель Аннетъ, пробормоталъ Тома.

— Ахъ, monsieur Тома, вы дѣлаете мнѣ такую честь, вы хотите жениться на моей дочери. Bon! А кто вы такой? Бродяга безъ родины, monsieur sans le sous... Скажите, пожалуйста, этотъ санкюлотъ хочетъ жениться на моей дочери. Прекрасная партія, нечего сказать! А ты, скромная, честная дѣвушка! Съ этихъ лѣтъ ты прячешься по угламъ, какъ послѣдняя дѣвка съ бездѣльниками...

— Но мама, нерѣшительно перебила Аннетъ: ты тоже въ шестнадцать лѣтъ нашла моего отца на шахтѣ № 3...

Мадамъ Маресель въ негодованіи всплеснула руками.

— Какъ? ты дрянная дѣвченка осмѣливаешься сравнивать твоего отца съ этимъ бродягой. Хорошо, ты будешь имѣть дѣло съ отцомъ, и мадамъ Маресель, посторонившись въ дверяхъ, приказала: Ступай домой!

— А ты, она обернулась къ Томѣ: ты у меня живешь только до субботы, до получки, а тамъ можешь убираться въ другой пансіонъ.

На полу кухни стоитъ большой тазъ съ теплой водой, надъ нимъ на маленькой скамеечкѣ сидитъ Маресель въ однѣхъ рабочихъ брюкахъ. Подотнувъ платье и засучивъ выше локтей рукава мадамъ Маресель энергично намыливаетъ мочалой спину мужа. Вотъ уже ровно двадцать пять лѣтъ какъ она дѣлаетъ регулярно каждый день, когда онъ возвращается съ работы. Каждый разъ при этомъ она разсказываетъ мужу новости дня и хозяйства. Это интимный моментъ ихъ супружеской жизни.

Сообщивъ о проданныхъ Эрсенскому кюре трехъ курицахъ, двухъ десяткахъ яицъ, о томъ, что картофель на исходѣ, она вспоминаетъ самое главное.

— Ты знаешь, этотъ полякъ строитъ шуры-муры нашей Аннетъ.

— Какой? спросилъ Маресель, нагибая голову, мадамъ Маресель въ это время намыливала шею.

— Тома, и она разсказала, что видѣла въ сарайчикѣ.

— Ну, что же, рѣшилъ Маресель: онъ славный малый и хорошій рабочій.

— Какъ?.. въ негодованіи хлопнула себя по бедрамъ мадамъ Маресель: не воображаешь ли ты, что я отдамъ мою дочь этому бездомному бродягѣ, этому пьяницѣ. Онъ пропиваетъ половину своего заработка, швыряетъ такъ деньгами, будто у него тысячная рента...

— Это ничего не значитъ. Онъ молодъ и хорошій рабочій. Чертъ возьми! долженъ же молодой человѣкъ веселиться, добродушно рѣшилъ Маресель.

Мадамъ Маресель уничтожающе посмотрѣла на покрытую грязной мыльной пѣной голову мужа и, молча, выплеснула кувшинъ чистой воды на его шею, спину и голову. Когда онъ стоялъ красный и мокрый, вытираясь шаршавымъ полотенцемъ, она вызывающе бросила:

— Ты глупъ прежде всего, а потомъ ты самъ такой же пьяница и естественно, что тебѣ нравятся пьяницы. Нечего сказать, отецъ желающій добра своей дочери...

— Но... перебилъ Маресель и, не докончивъ, махнулъ рукой: Давай ужинъ.

Онъ по опыту зналъ, что жена въ такомъ настроеніи, когда возраженія могутъ вызвать бурную сцену.

Въ субботу Тома перенесъ свой сундукъ къ мадамъ Дюмортье. Переходъ Томы отбилъ у мадамъ Маресель сразу нѣсколько человѣкъ кліентовъ, а Жозефъ и Жанъ-Пьеръ просиживали все свободное время въ кабачкѣ Дюмортье, гдѣ жилъ Тома.

V. Въ знакъ солидарности.

Жизнь шла своимъ чередомъ и событія развивались, докатываясь далекимъ эхомъ до шахты № 10.

Изъ газетъ здѣсь знали, что англійскіе минеры вылѣзли изъ своихъ мрачныхъ дыръ и, потягивая крѣпкій эль, давно играютъ въ футболъ, радуясь солнцу и простору зеленыхъ равнинъ. Они привлекали весь міръ своей безпримѣрной борьбой. Рабочіе всѣхъ странъ, пораженные и гордые небывалымъ проявленіемъ своей мощной организованной силы, вспыхивали въ разныхъ мѣстахъ земного шара, бросая вызовъ капиталу.

Черезъ узкій проливъ кипѣла гигантская борьба милліонной арміи и французскіе минеры каждое утро лихорадочно хватались за газеты въ ожиданіи чего то новаго, необыкновеннаго отъ каждаго дня.

Три главныхъ желанія: ѣсть, спать и любить, составляли весь смыслъ жизни этихъ людей и чтобы удовлетворить ихъ, они тяжко работали всю свою жизнь, Каторжная жизнь стряхнула съ нихъ вѣковыя традиціи и вѣрованія, какъ стряхиваютъ пыль съ залежавшагося платья. Мѣсто религіи и соотвѣтствующей морали заняла вѣра въ себя и товарищеская мораль минера, жесткая и твердая какъ та скала, которую ему приходится долбить. Это были большіе дѣти, способные изъ-за пустяка схватиться за ножи, но хорошіе товарищи, жизнь воспитала изъ нихъ людей безсознательно сильныхъ своимъ коллективомъ. Они съ нетерпѣливымъ и жгучимъ интересомъ слѣдили за всѣми стадіями развивающейся борьбы.

Буржуазныя газеты вопили о надвигающейся опасности, подхлестывая общественное мнѣніе грозящей анархіей и предостерегали правительство республики. Онѣ добились своего—правительство наводнило рабочіе центры войсками. . . . . .

. . . . . .

Конфедерація труда чуть не ежедневными циркулярами уговаривала рабочихъ крѣпиться, не ослаблять свои силы партизанскими выступленіями, напоминая о постановленіи, запрещающемъ частичныя выступленія.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Наконецъ, чтобы дать выходъ накопившейся энергіи протеста, выказать солидарность англійскимъ минерамъ, устроить смотръ своимъ силамъ и предостерегающе продемонстрировать передъ капиталомъ свою мощь, была назначена однодневная забастовка на 11-е марта. Это должно было сыграть роль предохранительнаго клапана, черезъ который выйдутъ излишніе пары.

На шахтѣ № 10 почти не говорили о предстоящемъ выступленіи, но въ настроеніи чувствовалась нѣкоторая напряженность. Порьоны, шефъ-порьонъ и инженеры шахты № 10 послѣднее время внимательно присматривались къ рабочимъ. Жозефъ натолкнулся въ дверяхъ раздѣвальни на завѣдующаго дворомъ, подслушивавшаго разговоръ рабочихъ во время брикэ.

Шахта № 10 еще только строилась, до угольнаго пласта еще не дошли и всѣхъ рабочихъ, работавшихъ наверху и подъ землей, было 70—75 человѣкъ. Это были люди, спеціализировавшіеся въ постройкѣ новыхъ шахтъ. Кончивъ постройку, они уходили въ другое мѣсто, гдѣ требовались ихъ руки.

Большею частью это были люди обремененные семьями, связанные по рукамъ и ногамъ, для которыхъ пріостановка работъ неминуемо кончалась голодомъ на третій день послѣ ея начала.

Жозефъ, Стахъ, Жанъ и Тома наканунѣ рѣшили не идти на работу, если придетъ меньше половины ихъ смѣны.

11-го утромъ Тома проснулся раньше обыкновеннаго и по знакомому гулу понялъ, что машина работаетъ, значитъ первая смѣна вышла на работу. Онъ поспѣшно одѣлся, сбѣжалъ внизъ и протеревъ рукой запотѣвшее стекло всмотрѣлся въ темноту. Шахта какъ всегда, сотрясаясь, глухо гудѣла, въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ маячили электрическія лампочки, доносился грохотъ булыжниковъ и отдѣльные человѣческіе голоса.

Первая смѣна работала.

Въ это время открылась дверь и вошелъ Жанъ-Пьеръ. Онъ тоже поднялся раньше обычнаго и ходилъ въ раздѣвальню узнавать, кто вышелъ на работу.

— Трусливые рабы, злобно процѣдилъ онъ, увидѣвъ Тому: ты знаешь, они работаютъ, кивнулъ онъ головой по направленію шахты: пришла вся смѣна.

— Кто? спросилъ Тома.

Жанъ-Пьеръ перечислилъ работающихъ:

— Безсмысленныя животныя, потерявшія всякое сознаніе собственнаго достоинства.

— А изъ синдиката никто не приходилъ?

— Изъ синдиката? подхватилъ Жанъ-Пьеръ: ты думаешь, что кто нибудь придетъ. Напрасно. Это шайка негодяевъ и предателей, отъ нихъ ничего нельзя ждать хорошаго. Скоро встали и остальные. Жанъ объявилъ, что онъ не идетъ на работу, даже если бы пришла вся смѣна. Но онъ, какъ и другіе, стоялъ у окна, вглядываясь въ сѣрое утро—кто будетъ идти на работу.

За часъ до смѣны всѣ видѣли, какъ прошелъ старшій ра-

бочій Пьеръ, потомъ обвѣшанный баретомъ, рабочими ботинками, узелкомъ съ пищей и бутылкой съ пивомъ маленькій Дешато. Разомъ съ противоположныхъ сторонъ появились огромный Дессанъ и толстый карликъ Тотошъ. Прошли два брата бельгійца, фламандецъ Андрэ, за ними Жюль Парижанинъ.

Всѣ люди приближались какъ то нерѣшительно, останавливаясь и оглядываясь по сторонамъ: идутъ ли другіе. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Ну что же, сказалъ Жозефъ: пришли всѣ кромѣ насъ. Надо идти.

— Идите, идите, поддержала мадамъ Дюмортье: нечего лѣнтяйничать.

— Идемъ, угрюмо сказалъ Жанъ-Пьеръ; полчаса до смѣны осталось. Если мы трое не явимся, то все равно ничего не докажемъ.

Всѣ вдругъ засуетились, поспѣшно отыскивая свои рабочія вещи.

— А вотъ и забастовщики, привѣтствовалъ ихъ Жюль Парижанинъ въ дверяхъ раздѣвальни: мы думали, что вы не придете. Большинство людей уже были одѣты и совсѣмъ готовы къ спуску. Въ углу на кучѣ сухого тряпья въ каучуковомъ плащѣ и баретѣ спалъ Тотошъ—онъ былъ пьянъ. Это была хитрость маленькаго фламандца: онъ явился на работу, но не былъ въ состояніи работать. Быстро переодѣваясь, Тома машинально прислушивался къ голосамъ товарищей. Въ ихъ тонѣ и словахъ онъ улавливалъ нѣкоторое замѣшательство, точно они напускной болтовней и излишней веселостью хотѣли сами себя отвлечь отъ какой то назойливой мысли. Самъ онъ чувствовалъ неловкость и смущеніе, которыхъ не могъ себѣ объяснить. Это то въ немъ особенно сильно напряглось, когда онъ услышалъ внезапно загорѣвшійся споръ.

Спорили Дессанъ и Жанъ-Пьеръ.

— Какъ?.. Ты соціалистъ и анархистъ будешь сегодня работать, насмѣшливо и нагло говорилъ голосъ Дессана.

А Жанъ-Пьеръ, видимо сдерживая свое бѣшенство, отвѣтилъ:

— Я одинъ ничего не могу подѣлать, разъ есть такія животныя, какъ ты.

Дессанъ громко захохоталъ:

— Я не соціалистъ. Я финансистъ, онъ хлопнулъ себя огромной красной рукой по заскорузлому карману рабочихъ брюкъ: когда тутъ звенитъ, то все прекрасно, всѣ люди братья.

Значитъ, всегда нужно работать и не слушать идіотскаго бормотанія соціалистовъ.

— Эй, финансистъ! ты бы заштопалъ дырку на твоихъ брюкахъ, насмѣшливо крикнулъ Жюль Парижанинъ.

Шарль Плюмкокъ просунулъ голову въ полуотворенную дверь и окинулъ всѣхъ довольнымъ взглядомъ—его постъ явился на работу въ полномъ составѣ.

Тома, пристегивая беретъ, смотрѣлъ на спорящихъ:

— А ты знаешь, захлебываясь крикнулъ Жанъ-Пьеръ: Ты знаешь, какъ называютъ такихъ финансистовъ, какъ ты: негодяями и желтыми.

Разговоры смолкли, всѣ столпились вокругъ спорящихъ.

— А-а, та-акъ! промычалъ Дессанъ и съ исказившимся отъ злобы лицомъ медленно двинулся на Жанъ-Пьера, не спуская съ него взгляда.

Жанъ-Пьеръ поблѣднѣвшій, со сверкающими глазами весь сжался въ позу человѣка, готовящагося сдѣлать прыжекъ. У Томы къ горлу подступилъ горячій клубокъ.

Онъ почувствовалъ внезапный жгучій приливъ мучительно-гнѣвнаго стыда и въ тотъ моментъ, когда Дессанъ занесъ руку, онъ ринулся впередъ и такъ стремительно ударилъ его въ грудь, что Дессанъ нелѣпо взмахнувъ сапогами, какъ мѣшокъ рухнулъ черезъ скамейку, упавъ всей тяжестью на Тотоша.

А Тома, лихорадочно срывая плащъ и беретъ, крикнулъ:

— Сегодня стыдно работать!

Люди вдругъ встрепенулись, будто по нимъ пробѣжала электрическая искра. Всѣ сразу загалдѣли, зашумѣли и начали поспѣшно раздѣваться. На Дессанѣ повисли сразу нѣсколько человѣкъ, у него вырвали ножъ и онъ, съ искаженнымъ злобою лицомъ и пѣной у рта, старался освободиться, глухо бормоча:

— Проклятый полякъ!.. подожди, я тебя поучу... ты будешь знать...

— Что тутъ такое? влетѣлъ Шарль. За нимъ показалось розовенькое личико инженера:

— Въ чемъ дѣло? съ удивленіемъ оглянулъ онъ рабочихъ.

— Мы кончили нашъ постъ!

— Сегодня для насъ праздникъ!

— Мы не работаемъ!

По разгоряченнымъ лицамъ и блестящимъ глазамъ Шарль понялъ, что лучше всего молчать.

— Кто не хочетъ работать, пусть уходитъ, но не нужно мѣшать другимъ.

— Мы не мѣшаемъ, мы оставляемъ вамъ наилучшаго рабочаго, весело крикнулъ Жюль Парижанинъ, ткнувъ пальцемъ въ Дессана.

Дессанъ, молча, стоялъ въ углу, бросая изподлобья злобные взгляды. Встрѣтившись глазами съ Шарлемъ, онъ угрюмо буркнулъ:

— Да, monsieur Шарль, я сегодня работаю.

Въ раздѣвальнѣ остался только продолжавшій храпѣть Тотошъ.

Минеры веселой гурьбой высыпали на дворъ мимо удивлен-

ныхъ Шарля и инженера и отправились къ мадамъ Маресель, чтобы отпраздновать этотъ исключительный день.

До полудня сидѣли они за оживленной бесѣдой вокругъ вынесенныхъ на чистый воздухъ столиковъ, уставленныхъ кружками пива.

Тутъ же за домомъ, на зеленой площадкѣ, Тома, Жанъ, Жозефъ, два брата бельгійца и толпа мальчишекъ съ веселымъ крикомъ и гиканьемъ играли въ мячъ. А шахта № 10 пыхтѣла и дымила.

Глубоко подъ землей копошились четыре человѣка: Порьонъ Шарль Плюмкокъ, Дессанъ, старшій рабочій Пьеръ и самъ шефъ-Порьонъ.

VI. Лѣсъ.

Послѣ забастовки Тома и Жанъ-Пьеръ получили разсчетъ. Жанъ-Пьеръ исчезъ, явился только на третій день, чтобы забрать свои вещи. Онъ поступилъ на шахту другой компаніи.

А Тома не двигался съ мѣста. Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на порогѣ дома Дюмортье съ трубкой и газетой въ рукахъ. Передъ нимъ въ ста метрахъ дымѣла и гудѣла шахта, грохотали цѣпи и суетились люди.

Жизнь бурлила вокругъ точно вода въ кипящемъ котлѣ, а Тома сидѣлъ, курилъ, плевалъ, щурился на солнце и ждалъ пока распустится лѣсъ.

Какъ то разъ, въ кабачкѣ дяди Жерара Тома встрѣтился съ Маресель. Онъ крѣпко поздоровался съ Томой, притянулъ его за руку, усадилъ на стулъ и крикнулъ:

— Эй, Жераръ, два стакана вина!

Послѣ второго стакана Маресель тяжело хлопнулъ Тому по плечу и, усмѣхнувшись усами, сказалъ:

— Ты знаешь, это ваше дѣло... Я ничего не имѣю противъ, понимаешь?.. Баба если заберетъ что-нибудь въ голову, то не вышибешь оттуда и динамитомъ. Это ваше дѣло—ты нравишься моей дочери... Хорошо! Онъ тебѣ нравится?—говорю я. Да. Хорошо, крошка, говорю, я ничего противъ не имѣю, онъ славный парень... Ну выпьемъ!

Пожавъ другъ другу руки, они крѣпко чокнулись.

Помолчавъ немного, Маресель произнесъ себѣ въ усы, утопая въ облакахъ дыма:

— Я полагаю, ты честный человѣкъ, а она славная дѣвушка... Ты во всемъ департаментѣ не сыщешь такую хозяйку, Маресель тяжело хлопнулъ по столу: Знаешь, я бы на твоемъ мѣстѣ уѣхалъ отсюда! Понимаешь! Молодой человѣкъ, ловкій рабочій всегда найдетъ подходящую профессію въ большомъ городѣ. Ну, выпьемъ!

Маресель вытащилъ изъ кармановъ огромныя рабочія руки и молча крѣпко обнялъ Тому. А Тома съ благодарностью смотрѣлъ на усатое красное лицо, утопающее въ волнахъ табачнаго дыма.

Онъ внезапно почувствовалъ симпатичное горячее чувство къ этому усатому человѣку и пробормоталъ:

— Я люблю Аннетъ

Съ тѣхъ поръ какъ мадамъ Маресель, вторично натолкнувшись на нихъ, загнала свою дочь пинками домой, они видѣлись рѣдко и мелькомъ. Мадамъ Маресель стала строго слѣдить за дочерью и Тома, просиживая цѣлые дни на крыльцѣ, видѣлъ только издали какъ въ окнѣ или въ дверяхъ мелькала фигура Аннетъ.

Каждый день по утрамъ, накинувъ на плечи пальто, онъ отправлялся въ лѣсъ, чтобы убѣдиться своими глазами какъ подвигаются дѣла въ природѣ. Онъ присматривался къ разбухавшимъ бурымъ почкамъ, замѣчалъ какъ онѣ росли, увеличивались, превращаясь въ комочки нѣжныхъ свернутыхъ листочковъ, покрытыхъ тонкими жилками и сѣдымъ пушкомъ, бралъ ихъ въ руки, растиралъ и вдыхалъ въ себя запахъ молодой измятой зелени. Каждый день онъ замѣчалъ что-нибудь новое: то приподнимая края сухихъ прошлогоднихъ листьевъ, извиваясь въ борьбѣ за жизнь и свѣтъ вытыкалась нѣжно зеленая травка, или, взглянувъ на недѣлю тому назадъ видѣнный кустъ, онъ открывалъ, что концы стеблей вдругъ вытянулись и покрылись, точно прыщами, липкими душистыми почками.

Жизнь, какъ видно, дѣлала свое дѣло, но Тома не былъ доволенъ—медленно.

Въ одинъ прекрасный день почта снова принесла ему письмо:

„Мой дорогой другъ Тома, я тоскую по тебѣ. Я была бы счастлива, если бы увидѣла тебя хоть издали. Я слышала, что ты не работаешь больше на № 10. Ты, навѣрно, уѣдешь и я больше тебя не увижу. Боже мой, какъ это печально, а я тебя люблю и жду. Я бываю въ Эрсенѣ каждый день. Твоя Жерменъ“.

Онъ перечиталъ нѣсколько разъ письмо, засунулъ его глубоко въ карманъ и задумчиво сидѣлъ на крыльцѣ пока не спустились теплыя сумерки апрѣльскаго вечера. Онъ самъ видѣлъ какъ свернувъ съ шоссе, въ потемнѣвшій, неподвижный лѣсъ скользнула парочка. Тома радостно потеръ руки, поспѣшно набилъ трубку и всталъ—ему не сидѣлось. Размахивая рукой и попыхивая трубкой, онъ пошелъ рѣшительно къ дому Мареселей.

Она стояла, наклонившись надъ лоханью, и, зажавъ межъ колѣнями юбку, старательно выкручивала мокрое бѣлье. Изгибъ спины, выгнувшіяся стройныя ноги, слегка растрепанные волосы и профиль раскраснѣвшагося лица напоминали мать.

— Совсѣмъ какъ мадамъ Маресель, подумалъ Тома, окинувъ ее взглядомъ.

Она почувствовала, что на нее смотрятъ и подняла раскраснѣвшееся лицо:

— Это ты!—мама скоро возвратится, она можетъ застать тебя у окна.

— Я хочу съ тобой поговорить.

— Говори, только скорѣй, заторопила она.

Тома смущенно потеръ руки.

— Говори же, скорѣй!

Тома поспѣшно забормоталъ:

— Приходи сегодня на шоссе около лѣса... я хочу тебя видѣть. Выйдешь?—спросилъ онъ горячимъ шопотомъ, глядя на нее жадными глазами.

— А что ты намѣренъ дѣлать?—спокойно спросила она, снимая большимъ и указательнымъ пальцемъ мыльную пѣну съ голой руки.

— Я?..—озадаченно спросилъ Тома, точно проснувшись.

— Да. Послѣ твоей глупой выходки 11-го марта, ты остался безъ работы. Что ты намѣренъ теперь дѣлать?

— Я не знаю,—потухшимъ голосомъ произнесъ Тома.

— А ты знаешь, теперь мама не хочетъ о тебѣ и слышать, меня она хочетъ отправить въ Бельгію къ теткѣ...

— Когда? Когда ты ѣдешь?—встрепенулся Тома.

— А отецъ говоритъ,—продолжала Аннетъ, не отвѣчая на вопросъ: что такой рабочій какъ ты, всегда найдетъ хорошую работу въ такомъ большомъ городѣ какъ Парижъ.

— Парижъ,—пробормоталъ Тома:—а ты? ты поѣдешь со мной?

— Ты поѣдешь, устроишься, напишешь, а тамъ увидимъ, можетъ быть, пріѣду.

— А сегодня выйдешь? Говори?—съ новой надеждой горячо зашепталъ Тома.

Глаза Аннетъ подернулись легкимъ туманомъ, она нерѣшительно прошептала колеблющимся голосомъ:

— Да. Можетъ быть. Не знаю.

Тома сидѣлъ на откосѣ шоссе, машинально крошилъ межъ пальцами хрупкій стебелекъ и ждалъ. Все его существо было налито тревожной тоской ожиданія. Въ налетѣвшихъ сумеркахъ, точно въ легкомъ туманѣ, зажглись огни на шахтѣ № 10. Дымъ въ потемнѣвшемъ воздухѣ казался темно-сѣрымъ. На чистой холодной полосѣ вечерняго неба, надъ горизонтомъ рѣзко вырисовывались крыши домиковъ Мереселей и Дюмортье, труба и зданіе шахты.

Въ окнѣ Мереселей нерѣшительно блеснулъ огонекъ и на Тому глянуло небольшое залитое краснымъ свѣтомъ окно. Въ немъ будто мелькнула неясная тѣнь.

— Гм!—произнесъ Тома.—Вытащилъ трубку, энергично выколотилъ ее объ сапогъ, втиснулъ табакъ и полѣзъ въ карманъ за спичками. Но онъ такъ и не закурилъ.

Крѣпко зажавъ въ рукѣ коробку со спичками, онъ весь застылъ, безсознательно прислушиваясь къ чему то. Его слуха коснулись чьи то шаги. Тома сунулъ спички въ карманъ и всталъ. Въ сумеркахъ онъ различилъ темную фигуру, медленно скользившую по сѣрой лентѣ шоссе.

Тома сбѣгаетъ съ откоса и нарочно громко стуча сапогами по твердой дорогѣ, размахивая руками, шагаетъ навстрѣчу фигурѣ. Но съ пятидесяти шаговъ имъ овладѣваетъ отчаяніе—это не она. Эта и выше и походка другая. Онъ еле волочитъ ноги, они точно пристаютъ къ землѣ и угрюмо бормочетъ, проходя мимо:

— Добрый вечеръ, мадамъ.

— Тома!—звучитъ вздрогнувшій голосъ.—Тома, это ты!?

Точно высокая волна подхватила Тому и однимъ взмахомъ подбросила къ ней.

— Жерменъ? Какъ? Почему?

Онъ жметъ ей руки, наклоняется, стараясь разсмотрѣть въ темнотѣ знакомыя черты.

Она движеніемъ головы сбросила шаль на плечи и передъ нимъ ея сіяющее радостью, точно свѣтящееся въ темнотѣ лицо, обрамленное черными волосами.

Она крѣпко прижимаетъ его руки къ своей груди и говоритъ съ радостнымъ удивленіемъ, сбиваясь и перебивая себя:

— Да, да! Я иду домой... я шла домой. Но я знала, я чувствовала, что увижу тебя... я думала...

Она вдругъ вся стремительно страстно прижалась къ нему, обвиваетъ его шею теплыми руками и безсвязно шепчетъ слова любви и ласки.

Все, что было вокругъ, прошлое и настоящее исчезло для Томы. Онъ видитъ только свѣтящіеся любовью и счастьемъ близкіе глаза, чувствуетъ горячее обжигающее дыханіе и слышитъ лепетъ любовныхъ словъ.

Тиская ее въ своихъ объятіяхъ, онъ увлекаетъ Жерменъ въ лѣсъ и клянется прерывистымъ шепотомъ:

— Я никого не любилъ. Тебя одну. Ты увидишь. Уѣдемъ отсюда, хочешь уѣдемъ завтра... Хочешь сейчасъ? Въ Парижъ уѣдемъ, я буду зарабатывать много денегъ... Мы будемъ вмѣстѣ жить...

Тома размахиваетъ въ темнотѣ свободной рукой съ растопыренными пальцами и говоритъ, говоритъ безъ конца, слушая ея радостный смѣхъ.

Тома встрепенулся. На другой день онъ вынулъ изъ сундука книжку сберегательной кассы—тамъ было 600 франковъ, скопленныхъ за три года работы, сѣлъ въ первый утренній поѣздъ, идущій въ Ленсъ, и вернулся послѣ обѣда съ новымъ желтымъ чемоданомъ.

Вечеромъ онъ расплатился съ мадамъ Дюмортье и объявилъ, что ѣдетъ въ Россію.

Рано утромъ на другой день Жанъ и Жозефъ отнесли на палкѣ желтый чемоданъ на станцію. Тома ушелъ впередъ, чтобы встрѣтить Жерменъ и взять билеты.

Ему недолго пришлось ее ждать, она скоро появилась изъ-за пакгауза, немножко неуклюжая и смѣшная отъ нѣсколькихъ юбокъ надѣтыхъ одна на другую, но радостная и возбужденная. Усадивъ ее въ купе съ вещами, мужчины бѣгомъ отправились черезъ полотно желѣзной дороги, чтобы выпить по стакану вина на прощаніе.

Поѣздъ тронулся. Тома послѣдній разъ на ходу пожалъ руки товарищамъ и долго, высунувшись изъ окна, смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся перрону, пока онъ не скрылся за поворотомъ вмѣстѣ съ фигурами Жана и Жозефа.

Потомъ мимо пронеслась шахта № 10. На порогѣ домика Мереселей кто-то стоялъ. Тома высунувшись замахалъ каскеткой. Фигура подняла руку, точно хотѣла сдѣлать прощальный знакъ.

Пронесся полураспустившійся лѣсъ и потянулись поля. Тома грустно отвернулся отъ окна и посмотрѣлъ на Жерменъ.

Она сидѣла, прижавшись въ уголокъ, немного блѣдная, съ сіяющими глазами и протягивала къ нему руки.

— Иди сюда.

Притянувъ готову Тома, она посмотрѣла долгимъ взглядомъ ему въ глаза и крѣпко поцѣловала въ губы. Они были одни во всемъ купэ утренняго поѣзда.

М. Врановъ.

Иллюзіи и дѣйствительность.

1.

Война, какъ всякое крупное общественное потрясеніе, неминуемо вызываетъ цѣлый рядъ иллюзій. Война нарушаетъ нормальный ходъ общественной жизни; то, что еще недавно казалось невѣроятнымъ, даже невозможнымъ, вдругъ осуществляется или, по крайней мѣрѣ, кажется близкимъ къ осуществленію. Все приходитъ въ движеніе. Отчего бы и другимъ мечтамъ также не сбыться? Такъ война, какъ и соціальные перевороты, стираетъ грань между дѣйствительностью и мечтой и порождаетъ на первый взглядъ прямо невѣроятныя надежды и опасенія относительно ея послѣдствій.

Такъ это было до теперешней войны. Казалось, что наше реалистическое міросозерцаніе и нашъ холодный и спокойный матеріалистическій анализъ общественныхъ явленій предохранятъ насъ отъ иллюзій и помогутъ намъ найти общій и вѣрный критерій для оцѣнки совершающихся событій и поставить вѣроятный прогнозъ будущему. На дѣлѣ оказалось, что какъ разъ среди марксистовъ война вызвала невѣроятную разноголосицу и, что еще удивительнѣй, породила массу иллюзій, несбыточныхъ надеждъ и необоснованныхъ опасеній. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что нашъ методъ изученія общественныхъ явленій потерпѣлъ банкротство? Ничуть нѣтъ, конечно; но жизнь снова оказалась сильнѣй всякихъ теорій; чувство взяло вверхъ надъ разумомъ, историческое наслѣдіе надъ еще не успѣвшимъ окрѣпнуть новымъ чувствомъ классовой интернаціональной солидарности. Но именно это противорѣчіе между нашей теоріей и практикой, между нашимъ умственнымъ багажемъ и прорвавшимися атавистическими чувствами непосредственной связи съ тѣмъ кускомъ земли, на которомъ данный народъ выросъ и развился, должно у насъ, марксистовъ, раньше, чѣмъ у другихъ, привести къ углубленію анализа, вдумчивой оцѣнкѣ совершающихся событій и отрезвленію. На дѣлѣ этотъ процессъ ужъ и начался. Можетъ быть, когда эти строки увидятъ свѣтъ, отъ былыхъ иллюзій останется одно только непріятное воспоминаніе. Все же не лишне къ нимъ вернуться еще разъ и критическимъ взглядомъ оцѣнить пройденную полосу, чтобъ, елико возможно, предохранить себя отъ новыхъ иллюзій, пришедшихъ на смѣну старымъ.

* * *

Истина, всѣми въ началѣ войны забытая, заключается въ томъ, что война не *можетъ создавать, ничего новаго,* а только ускоряетъ ходъ общественной жизни. Она разрушаетъ все на своемъ пути, въ первую голову старое, отжившее, освобождая путь для новаго, болѣе здороваго, которое сумѣло удержаться во время всеобщей катастрофы. Но бываетъ, конечно, и иначе. Бываетъ, что ураганъ, несясь надъ землей, вырываетъ и молодые свѣжіе ростки, оставляя старыя еще не совсѣмъ засохшія деревья.

Въ этомъ отношеніи война значительно отличается отъ революцій, которыя въ большинствѣ случаевъ имѣютъ положительное вліяніе на ходъ общественной жизни, между тѣмъ какъ войны все больше и больше становятся факторомъ реакціоннымъ. Когда борьба изъ-за власти шла между господствующими классами и кликами, войны часто, ослабляя одну партію, способствовали переходу политической власти въ руки другой. Отрицательныя стороны войнъ сказывались на народныхъ массахъ, между тѣмъ какъ извѣстныя слои буржуазіи тогда, какъ и теперь, только усиливались экономически во время войнъ и сумѣли забирать и политическую власть въ свои руки. На народныя же массы вліяніе войны оказывается въ высшей степени губительнымъ, отравляя ихъ сознаніе и разрушая ихъ сплоченные ряды. Поэтому уже первый интернаціоналъ отвергалъ войну, какъ средство освобожденія народныхъ массъ, ибо освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только рабочаго класса данной страны; навязывать свободу или даже только помочь въ достиженіи свободы внѣшними силами, нѣтъ возможности, такъ какъ соціальный переворотъ, вызванный преждевременно искусственными средствами, неминуемо закончится реакціей. Въ этомъ имѣли какъ разъ мы, русскіе марксисты, возможность убѣдиться...

Конечно, война производитъ глубокое сотрясеніе умовъ, и оставляетъ неизгладимый слѣдъ. Она выводитъ широкія массы на арену политической жизни, ускоряя процессъ ихъ политическаго самосознанія. Но она только приспособляетъ сознаніе къ жизни, къ уже совершившемуся измѣненію бытія. Поскольку же сознаніе или мысль опережаетъ дѣйствительность, забѣгая впередъ, или витаетъ вообще вдали отъ нея, постольку насъ неминуемо ждетъ разочарованіе. Война ничего не создаетъ, а только ускоряетъ ходъ общественной жизни, приспособляя отставшую психику къ видоизмѣнившемуся бытію; но она въ то же время выбрасываетъ на поверхность кипучаго моря и глубоко лежащія старыя наслоенія. Чтобы разобраться во всемъ томъ, что она оставляетъ на своемъ пути, у насъ нѣтъ и не можетъ быть другого критерія, какъ снова проанализировать бытіе; то, что уже создалось до войны; то, что составляетъ базу новаго. Только отдавая себѣ ясный отчетъ въ томъ, что есть, можно попытаться дѣлать прогнозъ будущаго, опредѣлить возможныя послѣдствія войны. Теперь, годъ послѣ начала войны, легче, конечно, видѣть ея послѣдствія, чѣмъ въ началѣ. Но мы имѣли случай уже и въ началѣ войны высказать свои предположенія относительно возможныхъ ея послѣдствій, и дальнѣйшее развитіе только укрѣпило насъ въ нашихъ выводахъ.

2.

Начнемъ съ иллюзіи относительно возможныхъ послѣдствій войны въ области перекройки географической карты свѣта. Какъ разъ въ этомъ направленіи работаетъ фантазія досужихъ людей больше всего. Дѣйствительное положеніе вещей оказывается такимъ, что ни одна изъ существующихъ группировокъ не возьметъ окончательно верхъ надъ другой. Но независимо отъ военнаго момента произвольная и далеко идущая перекройка карты

Европы представляется дѣломъ невѣроятнымъ. Въ періодѣ натуральнаго хозяйства отдѣльныя части государства были мало связаны между собой; границы государствъ могли поэтому легко быть переставлены; въ хозяйственной жизни провинцій ничего почти не измѣнялось оттого, что она формально принадлежала то одному, то другому политическому цѣлому. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ современными капиталистическими государствами, каждая часть которыхъ тѣсно связана со всѣми остальными. Экономическая связь оказывается при этомъ такой сильной, что она преодолѣваетъ всѣ идеалогическія пережитки, какъ и національныя стремленія, которыя обычно кажутся очень сильными. Это особенно ярко сказалось на судьбѣ Польши, отдѣльныя части которой оказались въ лагеряхъ тѣхъ государствъ, съ которыми ихъ историческая судьба и экономическая дѣйствительность связала. Между тѣмъ въ программахъ всѣхъ почти воюющихъ государствъ вопросъ о возстановленіи стараго Царства Польскаго занимаетъ важное мѣсто, по крайней мѣрѣ въ первые мѣсяцы войны объ этомъ много говорили. Извѣстно, что и часть пролетарской демократіи Галиціи питаетъ иллюзіи на этотъ счетъ, что въ сущности означаетъ, что отсталая въ экономическомъ отношеніи Галиція желаетъ навязать свою волю промышленно-развитой русской Польшѣ. Если до войны могли быть еще сомнѣнія относительно настроенія населенія въ русской части Польши, то теперь ясно, что подобныя стремленія не только несбыточны, но и явно реактивны и могли бы быть осуществлены только при полномъ подавленіи воли самой крупной части Польши. Но также и обратно наивно думать, что прусская Силезія или даже Познань, которая вывозитъ хлѣбъ во внутрь Германіи, согласилась бы на то, чтобъ связываться съ Галиціей и съ русской частью Польши: колеса исторіи нельзя повернуть обратно. Рѣшеніе и польскаго вопроса не слѣдуетъ искать въ прошломъ, а въ будущемъ, не въ возвращеніи къ отжившимъ политическимъ формамъ, а въ созданіи новыхъ, болѣе соотвѣтствующихъ измѣнившимся экономическимъ условіямъ учрежденій. Соотвѣтственно съ этимъ и средства борьбы за это будущее не могутъ быть старыя, взятыя изъ арсенала старыхъ націоналистовъ, какъ войны, террористическіе акты и такъ далѣе, а политическое развитіе и организація народныхъ массъ. Дѣйствительность успѣла видоизмѣниться; идеалогія осталась старой, отсюда и иллюзіи... Война и въ этомъ отношеніи приспособитъ идеалогію къ бытію.

Насколько мертвое еще душитъ живое, особенно ярко выразилось въ политическихъ перспективахъ нѣкоторыхъ французскихъ дипломатовъ. Они ни на чемъ другомъ не согласны примириться, какъ на полномъ раздѣленіи Германіи и возвращеніи Германской Имперіи къ тому состоянію, въ которомъ она находилась до 1866 г. Особенно старается въ этомъ отношеніи одинъ оставшійся анонимнымъ дипломатъ, который слѣдующимъ образомъ перекраиваетъ карту свѣта въ своей книжкѣ *La paix, que nous voulons faire*, которая недавно появилась у *Bolvin* въ Парижѣ. Анонимный авторъ требуетъ не только, чтобъ Эльзасъ-Лотарингія и весь лѣвый берегъ Рейна, перешли къ Франціи, при чемъ безъ того, чтобъ раньше освѣдомиться относительно желанія населенія, но и чтобъ Шлезвигъ и Гольштинія были

отданы Даніи, и чтобы Силезія, Познань, западная и восточная Пруссія вошли въ составъ будущаго Польскаго Королевства. Далѣе Германія должна перестать быть имперіей, въ лучшемъ случаѣ съ выборнымъ императоромъ. Что у Германіи отнимаютъ почти всѣ ея колоніи, это ужъ само собой разумѣется. Такимъ же образомъ перекраивается карта Австро-Венгріи и Передней Азіи. Достойно при этомъ вниманія, что Константинополь, какъ и проливы, по мнѣнію французскаго дипломата, должны быть интернаціонализированы. Кромѣ Царства Польскаго, образуются еще Арабское и Армянское государства; въ составъ послѣдняго входитъ и часть русской Арменіи.

Насколько иллюзорны подобные планы, не приходиться и говорить. Но также наивны и мечты нѣкоторыхъ нѣмцевъ о присоединеніи части русской Польши, прибалтійскихъ провинцій и Бельгіи къ Германіи. 43 года прошли послѣ франко-прусской войны, и Франція все еще не могла забыть потерю своихъ провинцій. Масуне ужъ тогда сказалъ, что Германіи придется, можетъ быть, сто лѣтъ защищать свои завоеванія. Сколько же лѣтъ придется теперь вести войну, чтобъ заставить Англію согласиться на аннексію Бельгіи Германіей или Россію, чтобъ она отказалась отъ единственной незамерзающей гавани на Балтійскомъ морѣ? Нѣкоторые германскіе имперіалисты (Рорбахъ и др.) даже требуютъ выдѣленія изъ Россіи цѣлаго ряда маленькихъ государствъ—буфферовъ. Имъ отвѣчаетъ совершенно правильно проф. *Haetzich*, что они просто не знаютъ Россіи, ея историческаго развитія и географическихъ условій ея существованія. Если бы даже удалось заставить Россію пойти на такія уступки, то несомнѣнно она скоро снова начала бы войну, чтобы вернуть себѣ выходъ къ Черному и Балтійскому морямъ. Энгельсъ ужъ давно вѣрно отмѣтилъ, что Германія не можетъ въ Европѣ аннексировать себѣ новыхъ областей; а если подобныя стремленія все-таки проявляются, то они являются результатомъ того умопомѣшательства, которое было произведено войной и которое скоро пройдетъ подъ исцѣляющимъ вліяніемъ дѣйствительности.

Серьезно думаютъ въ Германіи только о присоединеніи Бельгіи или, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы заставить Бельгію войти въ общій имперскій таможенный союзъ. Конечно, и это врядъ ли удастся. Ибо Бельгія страна съ явно выраженнымъ самостоятельнымъ экономическимъ хозяйствомъ, и населеніе ея долго и упорно будетъ бороться противъ такого насилія, не говоря уже о томъ, что оккупація Бельгіи Германіей есть постоянная угроза для Франціи и Англіи. Заключить миръ съ Германіей, отдавъ ей Бельгію, абсолютно невозможно для Англіи. Германскіе имперіалисты не бояться, правда, и продолженія войны; они готовятся къ новой зимней кампаніи. Но народныя массы уже подняли свой голосъ въ пользу немедленнаго заключенія мира. Борьба уже началась...

3.

Иллюзорными оказались всѣ опасенія и надежды относительно вліянія войны въ хозяйственномъ отношеніи. Надѣялись взять нѣмцевъ изморомъ; англичане надѣялись погубить герман-

скую промышленность и торговлю, а въ дѣйствительности сами страдаютъ отъ войны пожалуй больше, нежели нѣмцы. Недавно и Ллойдъ Джоржъ призналъ, что нѣмцы сильны экономически во время войны и въ мирное время. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмцы и послѣ войны, займутъ то же положеніе на міровомъ рынкѣ, которое принадлежало имъ до войны.

Точно также напрасны были всѣ опасенія относительно того, что Германія въ случаѣ побѣды можетъ превратить побѣжденную страну въ свою колонію. Колоніями служатъ страны, еще не вышедшія на путь капиталистическаго развитія. Страны же съ собственной промышленностью постепенно высвобождаются изъ-подъ вліянія другихъ странъ. Уничтожить же даже въ побѣжденной странѣ промышленность нѣтъ никакой возможности, что даже Н. Андиселу, буржуазному пацифисту, ясно. Ибо основой промышленности является трудъ рабочихъ, которыхъ вѣдь не истребишь, а не высота торговыхъ пошлинъ, въ дѣйствительности только тормозящихъ хозяйственное развитіе. Кромѣ того, прошло то время, когда послѣдствіемъ войны являлись торговыя монополіи. Вѣдь даже въ случаѣ побѣды Германіи ей придется все же считаться съ конкуренціей Америки. И можно ли себѣ дѣйствительно представить такую побѣду Германіи, при которой Англіи запрещено было бы торговать съ Россіей на тѣхъ же условіяхъ, какъ Германія выговоритъ себѣ? И развѣ нѣмецкіе политики ужъ такъ ослѣплены, чтобы не видѣть опасности, грозящей миру, въ навязываніи торговыхъ договоровъ такой крупной и развивающейся странѣ, какъ Россіи? Можно еще указать и на заинтересованность нѣмецкихъ банковъ въ развитіи русской промышленности и т. д. Словомъ изъ всѣхъ опасеній, которыя эта война вызвала, эти страхи наименѣе основательны, и можно было бы только удивляться, какъ серьезные люди могли что-нибудь подобное говорить, если не знать, какое сотрясеніе умовъ вызвано было этой міровой катастрофой.

Постепенно стало для всѣхъ яснымъ, что нѣкоторыя государства борются изъ-за торговыхъ выгодъ, но не въ капиталистическихъ странахъ, а въ передней Азіи, Россія стремится монополизировать себѣ этотъ рынокъ, вытѣснивъ германскую конкуренцію; Германія же ищетъ въ передней Азіи не столько рынка для ея товаровъ, которые она повсюду можетъ сбыть, а желаетъ эксплоатировать богатыя залежи этихъ странъ. Россія ведетъ поэтому еще торговую войну, Германія же современную колоніальную. Отсюда и ошибка тѣхъ, которые поняли характеръ современной войны вообще, какъ войны торговой. Если бы они, однако, вдумались въ положеніе дѣлъ, они бы поняли, что монополизировать торговлю даже въ колоніяхъ никому не удается больше, что ни Англія, ни Франція, ни Италія или Америка не откажутся отъ своей торговли въ Передней Азіи. Слѣдовательно, опасности съ этой стороны нѣтъ.

Въ періодъ меркантилизма послѣдствіемъ выгодныхъ войнъ были торговыя выгоды, обогащавшія торговый классъ. Съ тѣхъ поръ осталось убѣжденіе, что побѣды выгодны и въ экономическомъ отношеніи, а пораженіе губительно: такъ мало еще проникло въ наше сознаніе ученіе классической политической экономіи, что основой хозяйственнаго процвѣтанія является трудъ,

а не военная сила! Дѣйствительно, если не говорить о непосредственномъ разореніи, которое производится нашествіемъ непріятелей, и о возможной контрибуціи, которая можетъ на время ослабить государство, то прямо не понятно, въ какомъ отношеніи могутъ войны вліять на экономическое развитіе странъ. Что касается теперешней войны, то ея послѣдствіемъ будетъ полное экономическое истощеніе всѣхъ воюющихъ странъ, не вслѣдствіе побѣды или пораженія, а вслѣдствіе продолжительности войны. О военной контрибуціи не приходится больше уже говорить, такъ какъ никакая страна не будетъ въ состояніи платить ее. И это было уже констатировано въ началѣ войны бывшимъ министромъ президентомъ Венгріи, *Wekerle*, который въ Neue Freie Presse отъ 25-го дек. заявилъ, что расчитывать на военную контрибуцію не приходится. Того же мнѣнія и германскій политикъ *von Zedlitz*. А между тѣмъ вопросъ о контрибуціи занимаетъ видное мѣсто въ расчетахъ и опасеніяхъ, вызванныхъ войной...

4.

Упорными оказались нѣкоторыя иллюзіи относительно вліянія войны на внутреннее развитіе отдѣльныхъ странъ. При объявленіи войны повсюду почти власть перешла въ руки военщины, которая установила полную диктатуру. Вотъ эту то диктатуру стали впослѣдствіе называть „соціальнымъ миромъ“ (Burgfrieden). На время прекратилась классовая, экономическая и политическая борьба въ государствѣ. Скоро нашлись люди, которые возвели этотъ „соціальный міръ“ въ высшій принципъ и стали мечтать о томъ, чтобы онъ сохранился и послѣ войны. И это говорили не какіе-нибудь далекіе отъ жизни буржуазные примиренцы, а генеральная комиссія профессіональныхъ союзовъ, „соціалдемократъ“ Heine, извѣстный депутатъ рейхстага, и многіе другіе. Нечего говорить теперь о томъ. это эти иллюзіи уже разбиты жизнью: и теперешняя война способствовала накопленію богатства на одномъ и крайней бѣдности на другомъ полюсѣ. Невѣроятная дороговизна всѣхъ продуктовъ и громадные заказы для военныхъ надобностей доставляютъ горсточкѣ предпринимателей неимовѣрные барыши, между тѣмъ какъ масса населенія тяжело страдаетъ отъ войны, многіе совершенно разорены, а значительная часть рабочихъ голодаетъ. Мыслимо ли при этихъ условіяхъ, чтобъ прекратилась классовая борьба? Война еще на время можетъ задержать эту борьбу, но за то она вспыхнетъ съ еще большей силой послѣ войны. И уже теперь чувствуются первые ея раскаты. Не только въ Англіи, гдѣ рабочіе все время войны продолжаютъ бороться и не признаютъ Burgfrieden'а, но и во Франціи и въ Германіи протестъ противъ Burgfrieden'а раздается все сильнѣй и сильнѣй, и рабочіе уже кой-гдѣ грозятъ стачками, если имъ не повысятъ заработной платы.

Въ Германіи соціалдемократія уже порвала съ другими партіями по вопросу о мирѣ, выступивъ противъ аннексіи. Въ рѣчи соціалдемократа Брауна, члена партейфорштанда, въ прусскомъ ландтагѣ, уже

звучало народное озлобленіе противъ тѣхъ, которые „хуже гіенъ на поляхъ сраженія, ибо они обираютъ живыхъ“.

Не долго держалась въ Германіи и освободительная легенда, говорящая, что свободу можно принести странѣ извнѣ, чужой помощью. Между тѣмъ во Франціи, отчасти и въ Англіи и Россіи, подобныя же освободительныя легенды еще крѣпко держатся,

Германская соціалдемократія снова сознала необходимость согласованныхъ дѣйствій; французская же отвергаетъ всякую общность съ нѣмецкими товарищами, надѣясь еще побѣдить германскій „милитаризмъ“, „имперіализмъ“ и т. д. А между тѣмъ нетрудно, кажется, сообразить, что германскій имперіализмъ имѣетъ глубокіе корни въ экономической и соціальной структурѣ страны. Борьба съ ними можетъ быть только дѣломъ германскаго пролетаріата. Не мѣшаетъ вспомнить и то, что Наполеонъ I своими побѣдами надъ Германіей только усилилъ популярность Гогенцоллерновъ въ Пруссіи... Но еще важнѣй, что пораженіе одной страны при настоящей военной организаціи всего народа есть въ то же время и пораженіе народа, слѣдовательно, и ослабленіе его силъ сопротивленію реакціи. Въ былое время военныя пораженія только ослабляли военную касту, милитаристскую организацію, на которую старый режимъ опирался. Въ настоящее время отъ военнаго разгрома страдаетъ въ первую голову народъ, больше всего его организованные элементы, въ то время какъ военная каста какъ разъ пріобрѣтаетъ неимовѣрную власть и даже выигрываетъ въ популярности. Ибо полное пораженіе при такихъ огромныхъ и длительныхъ войнахъ не бываетъ, а частичныя побѣды достаточны, чтобъ усилить престижъ военщины. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдствіемъ войны и во Франціи и въ Германіи является усиленіе монархизма. Какъ Joffre во Франціи, такой же популярностью пользуются Hindenburg и Вильгельмъ въ Германіи. Дѣйствительный результатъ войны какъ разъ противоположенъ тому, о чемъ мечтали нѣкоторые иллюзіонеры...

Отсюда ясно, что пролетаріатъ не можетъ создавать себѣ никакихъ иллюзій на счетъ ея исхода и вліянія. Онъ ясно сознаетъ только одно: война обострить классовыя противорѣчія и классовую борьбу. Вѣроятнымъ ея послѣдствіемъ будетъ также и то, что начнется эпоха войнъ, продолжительная и тяжелая борьба за гегемонію въ Азіи. Но объ этомъ въ другой разъ...

5.

Еще въ другомъ отношеніи война, вѣроятно, подѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ. Многіе считали до войны, что капитализмъ находится на исходѣ, что соціальная революція близка, нѣкоторые даже утверждали, что она уже началась. Эти иллюзіи создались въ 80-хъ г.г. прошлаго столѣтія, когда хозяйственная жизнь всѣхъ европейскихъ странъ находилась въ состояніи маразма. Казалось, что капитализмъ уже не въ состояніи больше развиваться. Неимовѣрный промышленный подъемъ 1896—1914 г.г. не смогъ разсѣять укоренившихся заблужденій; многіе были

убѣждены, что капитализмъ не выдержитъ перваго крупнаго потрясенія, что послѣдствіемъ міровой войны будетъ соціальная революція. Теперь, кажется, немного смѣльчаковъ, которые продолжаютъ говорить о началѣ соціальной революціи. Капитализмъ оказался сильнѣй, чѣмъ они ожидали, и его идеологія еще взяла верхъ надъ идеологіей будущаго.

Задолго до войны нетрудно было видѣть, что капитализму еще предстоитъ широкое поле дѣятельности, завоеваніе мірового рынка, что въ ближайшія десятилѣтія развитіе промышленности будетъ итти въ гору, и что въ такія эпохи промышленнаго расцвѣта революціи невозможны, на что давнымъ давно указали Марксъ и Энгельсъ.

Война эта вывела на арену политической жизни народы Азіи и показала, какъ смѣшно наше „европейское“ высокомѣріе. Мы не считались до сихъ поръ со всѣмъ остальнымъ міромъ; онъ прямо не существовалъ для насъ. Теперь же игнорировать его уже больше не приходится. Надо считаться, не закрывая глазъ, съ послѣдствіями участія азіатскихъ народовъ въ рѣшеніи міровыхъ судебъ. Не только для нихъ самихъ это будетъ полнымъ переворотомъ, но и для европейскихъ народовъ. Достаточно указать на то, что Индія и Египетъ станутъ болѣе или менѣе самостоятельными государствами, что въ будущемъ индійцамъ нельзя будетъ отказать въ правѣ считаться подданными великобританской имперіи и закрывать имъ доступъ къ другимъ колоніямъ. Далѣе война уменьшила количество рабочихъ рукъ; мѣсто убитыхъ и раненыхъ на поляхъ сраженія займутъ китайцы, индійцы и т. д. Слѣдовательно, освобожденіе только части рабочаго класса, только европейскаго, становится больше немыслимымъ. Приходится считаться съ болѣе или менѣе продолжительнымъ періодомъ тяжелой и упорной борьбы. А къ ней нужно готовиться организаціей и развитіемъ классового сознанія массъ, въ первую голову разсѣиваніемъ тѣхъ иллюзій, которыя навѣяны войной.

Спектаторъ.

Самозащита.

Міровая война показала современному обществу не только великія опасности, которыми грозятъ всему міру и всей культурѣ хищническія поползновенія имперіалистовъ различныхъ странъ, но и полную *идейную* неподготовленность демократическихъ слоевъ общества для борьбы противъ международнаго хищничества. Эта неподготовленность, какъ я уже указывалъ въ другой статьѣ («Война и демократія»), проявилась прежде всего въ томъ, что не было достаточно критическаго отношенія къ экономическому обоснованію имперіализма.

Даже соціалистическіе писатели (особенно въ Германіи) утверждали, что капитализмъ достигъ такой стадіи развитія, при которой онъ не можетъ существовать безъ колоній, что борьба за колоніи является *необходимымъ* условіемъ существованія капитализма. Т. е. капиталистическая страна безъ завое-

ванія колоній должна остановиться въ своемъ экономическомъ развитіи, или должна перейти къ другимъ формамъ производства.

Но такъ какъ при современныхъ условіяхъ нѣтъ достаточныхъ соціальныхъ силъ для переустройства общества,—этихъ силъ оказалось недостаточно даже для того, чтобы предотвратить войну,—то признаніе *необходимости* для капитализма колоній является признаніемъ и необходимости войны. Германскіе ортодоксы, писавшіе о необходимости для капитализма колоній давали основаніе для практическихъ выводовъ. которые дѣлались германскими ревизіонистами, оказавшимися болѣе послѣдовательными.

Въ дѣйствительности и тѣ и другіе были неправы: Германія экономически развивались быстрѣе другихъ странъ именно благодаря тому, что у нея не было колоній, благодаря тому, что капиталъ меньше вывозился въ колоніи, а реализовался въ производствѣ внутри страны а товары вывозились въ другія капиталистическіе страны.

Разумѣется сильнѣйшія группы хищниковъ въ каждомъ капиталистическомъ государствѣ стремятся къ пріобрѣтенію колоній, такъ же какъ предприниматели стремятся къ пониженію заработной платы, къ усиленнымъ вооруженіямъ и т. д. Но капитализмъ можетъ развиваться и при высокой—заработной—платѣ, страна можетъ существовать безъ постоянной арміи и предохранить себя отъ нападеній милиціей и т. д. Завоеваніе колоній также какъ и милитаризмъ въ видѣ постоянной огромной арміи вовсе не необходимы для дальнѣйшаго развитія капиталистическихъ странъ. Напротивъ Соединенные Штаты съ ничтожной арміей развивались интенсивно именно благодаря отсутствію большихъ расходовъ на вооруженія; Германія развивалась быстро благодаря отсутствію колоній, куда не отвлекался накопившійся въ странѣ капиталъ.

Мы видимъ, что чѣмъ демократичнѣе страна (Швейцарія, Соединенные Штаты, Англія) тѣмъ въ ней слабѣе милитаризмъ.

Всѣ эти соображенія указываютъ на то, что міровая война не была *необходимымъ* результатомъ капиталистическаго развитія: она была неизбѣжна только потому, что демократія—въ данной войнѣ въ Германіи—не могла или не хотѣла оказать достаточнаго сопротивленія имперіалистическимъ поползновеніямъ вліятельныхъ круговъ общества, вызвавшихъ войну.

Преклоненіе передъ фактомъ, какъ передъ необходимостью, а не какъ передъ несчастіемъ, котораго можно было бы и возможно будетъ при аналогичныхъ условіяхъ избѣгать, является наиболѣе вредной идеологіей.

II.

Въ *настоящее* время война является уже фактомъ, съ которымъ приходится считаться, какъ съ необходимостью и задача заключается въ томъ, какъ по возможности больше устранить вредныхъ послѣдствій, которыя могутъ явиться результатомъ войны.

Трудность этой задачи заключается въ томъ, что демократія европейскихъ странъ и въ особенности въ Россіи, какъ замѣчено, мало подготовлена къ правильной оцѣнкѣ совершающихся событій.

Хотя въ программахъ наиболѣе демократическихъ партій европейскихъ странъ есть основныя предпосылки, опредѣляющія линіи поведенія демократіи, но значеніе этихъ предпосылокъ недостаточно осознано, въ особенности въ примѣненіи къ данному моменту.

Несомнѣнно демократія правильно формулировала свое отношеніе къ сохраненію политической и экономической независимости своей страны, поставивши принципъ милиціоннаго вооруженія, а къ сохраненію культурной независимости,—принципъ національнаго самоопредѣленія.

Въ примѣненіи къ данному моменту, когда большинство воюющихъ странъ стоитъ передъ задачей самозащиты, когда всеобщее вооруженіе *по составу* войскъ приблизилось къ милиціонному вооруженію, т. е. къ вооруженію всего народа, эта демократизація арміи произошла лишь съ внѣшней стороны, а не по существу: въ организаціонномъ творчествѣ самозащиты, даже въ наиболѣе демократическихъ странахъ все осталось по старому: масса населенія принимаетъ участіе въ самозащитѣ страны пассивно, въ качествѣ военнаго матеріала, а не активно; ибо организаціонные принципы въ самозащитѣ страны остались такіе же, какіе были и при борьбѣ кадровыми войсками, находившимися въ мирное время на службѣ. Это не только ослабляетъ самозащиту, но, что всего опаснѣе, легко можетъ повести при военномъ успѣхѣ къ превращенію самозащиты въ нападеніе, потому что въ «руководящихъ» общественныхъ кругахъ наиболѣе сильны завоевательныя стремленія.

Въ такое положеніе прежде всѣхъ, съ начала войны, попала германская демократія.

Война, начатая Германіей и Австро-Венгріей, съ самаго начала имѣла завоевательный характеръ. Хотя передъ широкими слоями германской демократіи война выставлялась подъ видомъ самозащиты, но среди демократіи было широко распространено пропагандируемое имперіалистами убѣжденіе, что Германіи необходимо расширить свою территорію, свои колоніи, чтобы «занять надлежащее положеніе на заливѣ для нѣмецкаго народа». Этой агитаціей занимались не только нѣмецкіе юнкера, но и нѣкоторые изъ соціалистовъ. Послѣ первыхъ военныхъ успѣховъ въ германской печати стали откровенно проявляться завоевательные аппетиты и о захватѣ чужой территоріи стала говорить вся буржуазная печать.

Въ Россіи аппетиты либерально-буржуазныхъ круговъ общества находились въ прямой зависимости отъ военныхъ успѣховъ и русская либеральная печать во время войны отличалась изумительной безпринципностью. Только продвиженіе германцевъ въ предѣлы Россіи заставило либераловъ удержаться отъ проявленій своихъ аппетитовъ и вспомнить о самозащитѣ. До этого момента защиту отъ нападенія Германіи буржуазные круги общества всѣми мѣрами стремились превратить въ войну завоевательную, т. е. пропогандировали готтентотскую мораль, и безъ того наиболѣе распространенную въ современномъ обществѣ: «дурно то, когда у меня воруютъ жену, а хорошо то, когда я ворую чужую жену», дурно, когда другіе ведутъ завоевательную войну и хотятъ аннексировать чужія земли, а хорошо, когда мы захватываемъ чужую страну. Ясно, что такая точка зрѣнія дѣлаетъ непримиримыми между собой интересы воюющихъ странъ, и только мѣняетъ ихъ положеніе: страна, которая раньше находилась въ положеніи самозащиты при военныхъ успѣхахъ дѣлается завоевательницей, а страна которая нападала попадаетъ въ положеніе самозащиты. Такая безпринципность не только не можетъ устранить ужасовъ и несчастій войны, но неизбѣжно ее питаетъ.

Демократія, стоящая на точкѣ зрѣнія самозащиты, признающая за каждой государственной организаціей и за каждой народностью право на самозащиту, не можетъ мѣнять своего отношенія къ этому вопросу въ зависимости отъ военныхъ успѣховъ, потому что стремленіе къ завоеваніямъ являлось не только причиной происходящей войны, но и явится причиной новыхъ войнъ въ будущемъ.

III.

Стремленіе къ самозащитѣ противъ нападающаго, какъ стремленіе къ самосохраненію, является сильнѣйшимъ рычагомъ, который сдвигаетъ общественныя силы изъ ихъ болѣе или менѣе устойчиваго равновѣсія.

Въ русской общественной жизни за послѣднее пятидесятилѣтіе было два момента, когда поставленныя жизнью національныя задачи сдвинули всѣ общественные слои для новаго общественнаго строительства. Въ 1905—6 году въ общенаціональномъ масштабѣ быта поставлена задача національнаго освобожденія отъ безконтрольнаго господства бюрократіи, для расширенія рамокъ общественной самодѣятельности.

Впереди, въ борьбѣ за эти задачи стояла демократія и за нею въ хвостѣ шли другіе классы общества, которые повернулись противъ демократіи, какъ только имъ показалось, что *для себя* они добились соотвѣтствующихъ реформъ.

Современной войной выдвинута другая общенаціональная задача, задача самозащиты страны отъ экономической и политической зависимости отъ Германіи.

Въ сдвигѣ общественныхъ силъ, вызванномъ войной, главнымъ рычагомъ явился, неизбѣжно, демократическій, по существу, принципъ самозащиты, но за этотъ рычагъ ухватились прежде всего не демократическіе слои общества. Я называю принципъ самозащиты исключительно демократическимъ потому, что, какъ раньше указывалъ, не демократическіе слои общества ставятъ себѣ завоевательныя цѣли и если хватаются за принципъ самозащиты, то или въ цѣляхъ увлечь за собой демократію, или тогда, когда опасность для страны настолько велика, что думать о завоеваніяхъ нелѣпо, не цѣлесообразно.

Схватившись за принципъ самозащиты, какъ наиболѣе могучее орудіе борьбы въ данный моментъ, буржуазныя партіи используютъ его въ эгоистическихъ цѣляхъ, для того, чтобы расчистить себѣ путь въ политической и экономической борьбѣ, чтобы при случаѣ и при благопріятныхъ условіяхъ самозащиту превратить въ завоевательную войну.

Благодаря тому, что принципъ самозащиты не былъ своевременно выдвинутъ демократіей, благодаря тому, что за него схватились общественныя группы, преслѣдующія другія цѣли, самый принципъ въ глазахъ демократіи оказался какъ бы скомпрометированнымъ.

Принципъ самозащиты, подхваченный имперіалистскими кругами, представляется маской, за которой скрывается лицо завоевателя. Очевидно, важнѣйшей задачей демократіи является не только задача выяснить истинное значеніе принципа, которымъ она всегда руководствовалась, отстаивая экономическую и политическую независимость всѣхъ странъ, отстаивая право народовъ на самоопредѣленіе, отстаивая милицію, какъ орудіе пригодное для самозащиты, а не для нападенія. Въ задачу демократіи входитъ и постановка самозащиты на тѣхъ началахъ, на которыхъ она можетъ быть наиболѣе цѣлесообразной: когда ее беретъ въ свои руки самъ народъ черезъ посредство организацій, имъ уполномоченныхъ, когда самозащита не является предлогомъ для наживы отдѣльныхъ общественныхъ группъ и средствомъ для достиженія какихъ либо эгоистическихъ групповыхъ цѣлей. Такъ какъ самозащита является крупнѣйшей національной задачей, которая выдвинута войной, она оказалась въ состояніи рѣшить тѣ задачи, которыя не могла рѣшить демократія въ другое время.

Возьмемъ, ради примѣра, національный вопросъ. Національный вопросъ въ Россіи всегда являлся больнымъ вопросомъ, но демократія до войны не могла добиться даже надлежащей его постановки для рѣшенія. Дѣло Бейлиса показало до какой степени слабы тѣ общественныя силы, которыя добивались правильнаго рѣшенія національнаго вопроса.

Теперь національный вопросъ поставленъ жизнью въ связи съ вопросомъ о самозащитѣ, и для каждаго ясно, что надлежащее рѣшеніе національнаго вопроса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніе вопроса о самозащитѣ, что всѣмъ, кому дорога національная независимость своей страны, нужно встать противъ угнетателей національностей и внутри страны. Съ этой точки зрѣнія врагами отечества оказываются тѣ общественныя группы, которыя присваивали себѣ монополію на патріотизмъ. Съ этой точки зрѣнія исчезаетъ противопоставленіе патріотизма интернаціонализму: не желая угнетенія своего народа, своей родины нужно быть послѣдовательнымъ и не желать угнетенія другого народа и его родины.

Такъ какъ самозащита наиболѣе дѣйствительна тогда, когда всѣ граждане, всѣ національности, живущія въ странѣ заинтересованы въ сохраненіи ея независимости, то національный вопросъ въ наиболѣе раціональной, наиболѣе демократической формѣ выдвигается въ связи съ вопросомъ о самозащитѣ и выдвигается настолько властно, что даже въ Россіи его рѣшеніе стоитъ на очереди. Можно было бы указать на цѣлый рядъ другихъ проблемъ внутренней жизни, которыя стоятъ на очереди и которыя тѣсно связаны съ вопросомъ о самозащитѣ. Можно смѣло сказать, что всѣ важнѣйшіе вопросы внутренней жизни, которые стояли на очереди въ мирное время и не рѣшались вслѣдствіе безсилія демократіи и сопротивленія реакціонныхъ общественныхъ группъ, всѣ эти вопросы ставятся на очередь въ связи съ вопросомъ о самозащитѣ и властно требуютъ своего рѣшенія. Трудно было до войны ожидать, чтобы октябристы заговорили въ Государственной Думѣ, объ амнистіи, о правѣ всѣхъ національностей въ Россіи на гражданское равноправіе, чтобы на городскомъ съѣздѣ представители современнаго городского самоуправленія заговорили о представительствѣ въ общественныхъ организаціяхъ профессіональныхъ союзовъ и т. д. Задача самозащиты поставила эти вопросы не потому, что она несетъ «соціальный миръ», не потому что отдѣльные классы общества перестали преслѣдовать свои эгоистическіе интересы, а потому что на ряду съ обыденной жизнью встала еще новая задача, которая можетъ быть рѣшена только въ общенаціональномъ масштабѣ, и рѣшеніе которой требуетъ проявленія активности со стороны широкихъ слоевъ демократіи.

Такимъ образомъ жизнь создаетъ, повидимому, неожиданный парадоксъ: демократія не хочетъ и не любитъ войны, но какъ разъ во время войны она раскрываетъ и развертываетъ всѣ свои жизненныя силы. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что *самозащита* является одной изъ необходимыхъ задачъ существованія демократіи, во время самозащиты ярче всего проявляются ея жизненныя силы.

Въ концѣ 18 столѣтія французская демократія развернула всѣ свои силы, пока она защищалась отъ коалиціи европейскихъ государствъ, но попала подъ ярмо Наполеона, какъ только перешла къ завоеваніямъ.

Тогда во французской демократіи не было глубоко воспитаннаго сознанія, что задачей демократіи является *только* замозащита, что завоеванія противорѣчатъ въ корнѣ задачамъ и интересамъ демократіи. Поэтому внутри французскаго общества не нашлось достаточно соціальныхъ силъ, которыя могли бы удержать Францію отъ ея побѣдоносныхъ походовъ, въ томъ числѣ и на Москву.

IV.

Военная самозащита является проявленіемъ воли массы населенія къ защитѣ своей экономической, политической и культурной независимости и самостоятельности противъ вторгнувшейся въ страну арміи другого народа. Между тѣмъ при современныхъ условіяхъ въ большинствѣ государствъ государственная власть стремится выставить завоевательныя стремленія правя-

щихъ классовъ тоже какъ правленіе воли народа. Завоеватели всегда утверждаютъ, что они стремятся осчастливить не только «свой» народъ, но и покоренныя народности. Ясно, что изъ формулированной выше задачи самозащиты всегда исключается не только завоевательныя аггресивныя цѣли, но и отождествленіе интересовъ правящихъ группъ, или государственной организаціи, съ интересами народа. Такъ, во время балканской войны въ 70 годахъ возставшія славянскія народности противъ турокъ боролись противъ государственной организаціи, къ которой они принадлежали. Самозащита балканскихъ народовъ даже требовала помощи военныхъ силъ другого государства, *поскольку* оно не ставило завоевательныхъ цѣлей. Такимъ образомъ стремленіе балканскихъ народностей къ самозащитѣ проявилась не только въ возстаніи противъ власти турокъ, т. е. противъ власти того государства, къ которому они принадлежали; но даже къ союзу съ иноземными войсками, которыя приходили на помощь. Поэтому интересы самозащиты народа не только не требуютъ всегда соціальнаго мира внутри государства, но какъ было въ Турціи въ 70-хъ годахъ, вызываютъ борьбу въ предѣлахъ одного государства.

Тѣмъ не менѣе въ такіе моменты эта борьба внутреннихъ общественныхъ силъ подчиняется основной задачѣ момента, задачѣ самозащиты. Такъ какъ въ цѣляхъ самозащиты народа наиболѣе цѣлесообразно пробужденіе всѣхъ его живыхъ творческихъ силъ, то демократическія «програмныя» требованія, какъ ихъ называютъ кадеты, вовсе не находятся въ противорѣчіи съ интересами самозащиты, а, напротивъ, вытекаютъ изъ нихъ. Это видно на приведенномъ выше примѣрѣ, въ національномъ вопросѣ.

Такъ какъ принципъ самозащиты эксплуатируется промышленной буржуазіей часто съ завоевательными цѣлями, то одной изъ задачъ демократіи является обнаруженіе и устраненіе подмѣны однѣхъ задачъ другими. Эта подмѣна происходитъ, обычно, на почвѣ смѣшенія интересовъ промышленниковъ и торговцевъ или аграріевъ съ интересами промышленности, торговли и земледѣлія.

Для нѣкоторыхъ группъ промышленниковъ, торговцевъ или аграріевъ можетъ быть выгодно пріобрѣтеніе той или другой территоріи, но вовсе не необходимо для существованія націи. Между тѣмъ это пріобрѣтеніе и выставляется, какъ національная задача. Такъ въ Германіи присоединеніе бельгійскаго побережья, пріобрѣтеніе колоній и т. д. выставляется, какъ необходимое условіе для дальнѣйшаго преуспѣянія германской промышленности и торговли. Такія же завоевательныя задачи ставились русскими либералами и въ сущности ставятся всѣми воюющими странами. Во всей Европѣ происходитъ вакханалія разыгравшихся чудовищныхъ аппетитовъ нѣкоторыхъ общественныхъ группъ въ воюющихъ и нейтральныхъ странахъ.

Этой вакханаліи демократія даже въ наиболѣе передовыхъ странахъ Европы, къ сожалѣнію не противопоставляетъ опредѣленнаго принципа, который бы давая мѣсто естественному стремленію людей къ національной независимости вмѣстѣ съ тѣмъ не давалъ бы почвы для хищническихъ поползновеній. Имъ или противопоставляется безсильное отрицаніе войны уже тогда, когда война стала фактомъ и угрожаетъ независимости тѣхъ или другихъ странъ, или демократія такъ увлекается воинственными кликами, что готова пойти за завоевателями, какъ это случилось въ Германіи и отчасти во Франціи.

Интересы самозащиты каждаго народа находятся въ полной гармоніи съ интернаціональными интересами, потому что для каждой націи одинаково цѣнна и важна политическая, экономическая и культурная независимость.

Такъ какъ каждая нація имѣетъ право на самозащиту и такъ какъ очень трудно опредѣлить, гдѣ кончается самозащита и гдѣ начинается нападеніе, то лучшимъ судьей при рѣшеніи международныхъ отношеній является международное представительство демократіи. Стоя на точкѣ зрѣнія самозащиты и права національностей на самоопредѣленіе международная демократія можетъ лучше всего опредѣлить не только границы самозащиты, но и условія заключенія мира, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ интересамъ демократіи. Поэтому нельзя назвать иначе, какъ недомысліемъ противопоставленіе національной самозащиты интернаціональнымъ интересамъ демократіи и смѣшеніе самозащиты демократіи съ воинствующимъ національзмомъ. Къ сожалѣнію, это смѣшеніе встрѣчается на каждомъ шагу. Оно показываетъ, насколько мало подготовлена была демократія къ тѣмъ событіямъ, которыя теперь совершаются и которыя властно требуютъ выясненія вопроса о самозащитѣ и интернаціональныхъ отношеніяхъ.

П. Масловъ.

Мобилизація труда.

„Мобилизація труда“—вотъ идея, которая все чаще и чаще выдвигается и въ печати, и на промышленныхъ и общественныхъ совѣщаніяхъ, и въ офиціальныхъ кругахъ.

Вновь создающіеся военно-промышленные комитеты одной изъ своихъ задачъ ставятъ разрѣшеніе вопроса объ „обезпеченіи фабрикъ и заводовъ рабочимъ составомъ“. Эта же тема одной изъ центральныхъ была на состоявшемся недавно всероссійскомъ съѣздѣ военно-промышленныхъ организацій. „Вопросъ обезпеченія предпріятій рабочими пріобрѣтаетъ теперь особую остроту и характеръ первостепенной государственной важности“ настаиваетъ центральный органъ предпринимателей „Промышленность и Торговля“.

Послѣднее утвержденіе требуетъ нѣкоторой поправки. Вопросъ о раціональномъ использованіи рабочихъ силъ въ странѣ выдвинулся отнюдь не теперь, не въ связи съ т. наз. мобилизаціей промышленности. Уже годъ тому назадъ, когда война увела изъ производительной жизни милліоны людей, задача охраны хозяйственной жизни въ странѣ, поддержаніе производства на необходимомъ уровнѣ, удовлетвореніе неотложныхъ потребностей населенія требовала и соотвѣтствующей системы мѣропріятій по отношенію къ представителямъ труда.

„По докладу Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, деревня дала для пополненія дѣйствующей арміи около $5^1/_2$ милл. воинскихъ чиновъ, что въ отношеніи къ наличности рабочихъ силъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ Россіи составляетъ $20^0/_0$“ [1]). „Фактически же убыль рабочихъ для пополненія арміи, по опредѣленію „Пром. и Торговли“, должна составить около 470 тыс. чел.“.

Послѣдняя цифра потери рабочихъ въ промышленной жизни будетъ значительно выше, если мы примемъ во вниманіе уходъ рабочихъ изъ промышленности въ сельское хозяйство. Приведенныя цифры отвлеченія отъ производительной жизни трудо-

[1]) „Промышленность и Торговля“. 1915 г. № 12.

выхъ элементовъ страны настолько грандіозны, что страна стала лицомъ къ лицу съ несомнѣннымъ трудовымъ кризисомъ.

Для правильнаго пониманія его размѣровъ и значенія не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что одновременно съ шестимилліонной выемкой рабочей и крестьянской молодежи, одновременно съ ростомъ производства мобилизованныхъ и мобилизующихся для арміи промышленныхъ предпріятій, война привела въ дѣйствіе рядъ противоположныхъ факторовъ, бросившихъ на рынокъ труда сотни тысячъ работниковъ. Война пріостановила переселеніе и въ томъ числѣ отходъ рабочихъ на заработки въ дальневосточный районъ. Война оборвала волну эмиграціи, оставивъ въ странѣ тысячи литовскихъ, еврейскихъ, русскихъ, украинскихъ рабочихъ. Рядъ разоренныхъ хозяйствъ и прекратившихъ или сократившихъ дѣятельность предпріятій оставилъ на улицѣ новыя массы безработныхъ. Значительныя массы лицъ, до того стоявшихъ внѣ производительной жизни—многія жены и другіе члены семей запасныхъ и ратниковъ — теперь подъ вліяніемъ нужды двинулись на работу. Наконецъ, многотысячныя толпы безработныхъ и бѣженцевъ въ Польшѣ, Прибалтійскомъ краѣ, Арменіи, Кавказѣ предъявили огромный спросъ на работу.

При такихъ обстоятельствахъ раціональное проведеніе „мобилизаціи труда“ лежало равнымъ образомъ въ интересахъ промышленности и въ интересахъ рабочихъ. Широкая и стройная организація посредническаго дѣла (биржи труда, льготный проѣздъ по ж. д. и пр.), снятіе ряда ограниченій, мѣшающихъ нормальному распредѣленію рабочихъ странѣ (напр. еврейскихъ ремесленныхъ рабочихъ), организація профессіонально-техническаго обученія для пополненія рядовъ квалифицированныхъ труженниковъ и т. д.—вотъ мѣры, которыя могли бы дать безработнымъ работу, промышленности—работниковъ. Конечно, серьезная постановка мобилизаціи труда, требовавшая учета рабочихъ, организаціи посредничества и пр. могла идти лишь на основѣ самодѣятельности, при самой широкой свободѣ профессіональнаго сплоченія. Такого рода мѣропріятія и имѣли мѣсто на Западѣ: Германія расширила, укрѣпила и централизовала сѣть своихъ посредническихъ учрежденій. Также равно во Франціи и въ Англіи профессіональные союзы получили возможность самаго широкаго участія въ работѣ по охранѣ потрясеннаго войной хозяйственнаго благополучія страны. Насколько здѣсь придавалось значеніе экономіи народныхъ силъ и организаціи дѣла можетъ служить характерный фактъ — пятнадцатидневные отпуска, получавшіеся во Франціи осенью прошлаго года и весною текущаго территоріальными войсками для работъ по обсѣменію полей *).

У насъ эти мѣропріятія не нашли себѣ сколько-нибудь серьезнаго примѣненія. Отечественные соціаль-политики изъ предпринимательской и приказной среды предпочли дѣлу организаціи привычный путь хищничества. Вмѣсто организаціи и распредѣленія труда началась охота за дешевымъ и покорнымъ трудомъ. О системахъ и мѣропріятіяхъ говорить считалось не серьезнымъ дѣломъ, а дѣйствовалось по излюбленнымъ правиламъ „лови моментъ“ и „тащи, что плохо лежитъ“. Интересы же труда несомнѣнно принадлежали къ категоріи плохолежащихъ объектовъ предпринимательскаго аппетита, ибо силы, которая могла бы сколько-нибудь внушительно заявить о ихъ претензіяхъ на лицо въ данный моментъ не оказалось. Мудрено ли, что въ заводскихъ конторахъ и хозяйскихъ кабинетахъ привыкали обезпеченіе фабрикъ трудомъ мыслить какъ проблему аналогичную обезпеченію заводовъ металломъ, хлопкомъ, топливомъ или вагонами и, конечно, забывали такую неинтересную подробность, что трудъ есть товаръ совсѣмъ особаго рода, связанный, какъ это не непріятно, съ живымъ его носителемъ, у котораго какъ и у всѣхъ людей, имѣется цѣлая система нервовъ для воспріятія разныхъ болевыхъ ощущеній.

*) „Bulletin mensuel des institutions économiques et sociales“ 1915 г. № 5.

Очень трудно въ настоящее время, да и нѣтъ въ этомъ необходимости сейчасъ, нарисовать полную фактическую картину производящейся, въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ войны, „мобилизаціи“ труда. Остановимся лишь на отдѣльныхъ примѣрахъ.

Трудъ военноплѣнныхъ—это было первое плохо-лежащее, не имѣющее хозяина имущество, мимо котораго наши предпринимательскіе хозяйскіе круги не могли пройти спокойно. Вызывается ли привлеченіе военноплѣнныхъ къ работамъ дѣйствительной потребностью мы не можемъ ничего сказать, ибо ни учета работъ, ни данныхъ о наличныхъ рабочихъ силахъ страны у насъ никто не думалъ собирать. Извѣстно лишь, что трудъ плѣнныхъ примѣняли въ такихъ городахъ и районахъ, которые долго являлись очагами безработицы. Ивановознесенская, напр., Городская Дума поставила плѣнныхъ на городскія работы несмотря на то, что текстильныя фабрики города сокращали на половину работы. Потянулась за плѣнными и Витебская Гор. Дума, несмотря на острую безработицу въ городѣ. Указавъ на высокія цѣны на трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ нѣкоторыхъ поволжскихъ и южныхъ губерній, „Русскія Вѣдомости“ опредѣленно и вполнѣ основательно заключили, что интересъ къ труду военноплѣнныхъ въ помѣстныхъ кругахъ вызывается не недостаткомъ рабочихъ, а стремленіемъ сократить заработную плату.

Въ совѣщаніи при вѣдомствѣ земледѣлія, гдѣ вырабатывались „правила“ объ отпускѣ военноплѣнныхъ на с.-х. работы, принято было мнѣніе, что отпускаться должны, главнымъ образомъ, плѣнные славянскаго происхожденія, въ виду того, что венгры и нѣмцы отличаются такой „злобностью, мстительностью и нетерпимостью“, что дѣлаютъ ихъ использованіе для работъ малоудобнымъ. Славянскія симпатія явно охватили и промышленныя сферы. Наиболѣе ненасытная и темпераментная организація южныхъ горнопромышленниковъ сразу же заявила притязаніе „тысячъ на сорокъ славянъ“.

Сначала примѣненіе труда военноплѣнныхъ встрѣтило нѣкоторыя формальныя и организаціонныя затрудненія, но затѣмъ разныя шероховатости были сглажены и уже къ 1 мая 1915 г., по свѣдѣніямъ Глав. Упр. Генеральнаго Штаба работало на ж. д. и пр. работахъ—23.980, с.-х. работахъ—56.036, земскихъ и городскихъ работахъ—14.276 и промышленныхъ—3.400, а всего 97.692 военноплѣнныхъ, лѣтомъ это число достигло до 300.000 чел.

Братья-славяне нашли вездѣ горячій пріемъ. Они чистятъ городскія улицы, строятъ дороги, спускаются въ шахты, косятъ и молотятъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Въ Туркестанскомъ округѣ, по сообщенію „Правительственнаго Вѣстника", были устроены спеціальныя мастерскія для плѣнныхъ, гдѣ заработная плата опредѣлена въ 10 к. въ день. Трудно дѣйствительно найти болѣе мягкую и незлобивую душу, какъ у нашего брата славянина. Несомнѣнно, мстительные и нетерпимые германцы, прошедшіе еще зачастую школу профессіональнаго объединенія для такой работы и такихъ условій совершенно непримѣнимы. Предлагаемъ читателю самому судить, какъ должно отразиться на отечественныхъ условіяхъ труда массовое примѣненіе дешевой и покорной рабочей силы добрыхъ и мягкосердечныхъ зарубежныхъ славянъ.

Послѣ плѣнныхъ, вниманіе предпринимательскихъ круговъ привлекли къ себѣ неисчерпаемые кадры рабочихъ азіатскихъ государствъ. Образъ китайскаго рабочаго давно уже волнуетъ душу русскаго предпринимателя и аграрія, всегда пробуждая въ ней неясныя и трепетныя желанія. Еще лѣтъ двѣнадцать назадъ одинъ изъ наиболѣе крѣпколобыхъ курскихъ зубровъ, покойный Батезатулъ, входилъ въ работавшій тогда с.-х. комитетъ Фатежскаго уѣзда съ проектомъ правительственной организаціи ввоза китайскихъ рабочихъ, причемъ предлагалъ поставить ихъ въ особо тяжелыя условія, боясь, что въ противномъ случаѣ „отличающійся въ настоящее время своей добросовѣстностью китайскій рабочій, сразу попавъ подъ наши законы, при которыхъ самая тяжелая кара—мѣсячный арестъ въ бездѣльѣ нашей роскошной тюрьмы,—покажется ему настолько соблазнительной, что онъ всячески будетъ стараться этой кары достигнуть, и тогда китайскіе рабочіе станутъ еще большими мошенниками, чѣмъ наши"...

Подобныя мысли явно или тайно вызывали въ нѣкоторыхъ кругахъ сочувствіе и позднѣе. Теперь, повидимому, наступило удачное время для ихъ реализаціи. Вопросъ о ввозѣ китайскихъ рабочихъ ставится открыто и вполнѣ серьезно.

Надо ли возражать противъ иностраннаго труда, и слѣдовать тѣмъ, напримѣръ, американскимъ или австралійскимъ рабочимъ, которые борятся съ эммиграціей европейскихъ и, главнымъ образомъ, азіатскихъ рабочихъ? Конечно нѣтъ. Передъ лицомъ капитала всѣ равны. У станковъ должно найтись одинаковое мѣсто для русскаго и для бельгійца, для китайца, перса или поляка. Не бороться съ пришлыми иностранными рабочими надо, а, наоборотъ, искать путей для объединенія, для устраненія національной отчужденности, для сліянія въ общую товарищескую семью. Но одно дѣло—не воздвидать преградъ стихійному потоку иммиграціи и стремиться облегчить условія естественной рабочей ассимиляціи, другое дѣло допускать искусственное переполненіе рабочаго рынка ввозомъ темныхъ обманутыхъ массъ иностранныхъ рабочихъ. Люди, головы которыхъ не затуманены національной исключительностью, протестовали противъ недавней политики на Дальнемъ Востокѣ, имѣвшей цѣлью изгнаніе китайскихъ рабочихъ, политики, къ сожалѣнію, находившей себѣ поддержку въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ рабочихъ слояхъ.

Но они же будутъ энергично возражать противъ беззастѣнчивой вербовки беззащитныхъ китайскихъ работниковъ и искусственнаго сбиванія платы въ переполненныхъ „дешевыми" рабочими отрасляхъ труда. Какое значеніе имѣетъ эта налаживающаяся транспортировка, можетъ свидѣтельствовать, напримѣръ, такая телеграмма, полученная отъ оборотливыхъ харбинскихъ агентовъ-посредниковъ Совѣтомъ Съѣздовъ Горнопромышленниковъ Юга Россіи".

„Недостатокъ рабочихъ на шахтахъ побуждаетъ насъ предложить Вамъ углекоповъ китайцевъ въ любомъ количествѣ. Китайцы трезвы, смышлены, трудолюбивы, работаютъ семь дней. Есть опытные шахтеры. Расходы перевозки плюсъ накладные расходы компенсируются низкой рабочей платой. Останутся работать, покуда окажется необходимость. Беремъ на себя организацію по найму и доставкѣ рабочихъ со старшинами переводчиками... Одновременно сообщаемъ главамъ всѣхъ Министерствъ... Бирбраеръ, Циркель, Лившицъ, Капланъ".

Трудно представить себѣ болѣе радужныя перспективы, чѣмъ тѣ, которыя открываетъ милая компанія харбинскихъ посредниковъ, столь угнетенныхъ недостаткомъ рабочихъ въ далекихъ Донецкихъ шахтахъ. „Въ любомъ количествѣ", низкая заработная плата, работа семь дней, понятно никакихъ этихъ докучныхъ расходовъ по страхованію, лѣченію, больничнымъ кассамъ, отсутствіе заботъ о жилищномъ обезпеченіи, никакой, конечно, юридической отвѣтственности и ни передъ кѣмъ и ни за что—вѣдь это цѣлая золотая розсыпь рабочей силы.

— Голубчикъ Бирбраеръ, Циркель, Капланъ и Лившицъ, воскликнутъ, конечно, донецкіе, а за ними и всякіе другіе предприниматели, везите скорѣе и больше, возможно больше намъ этихъ превосходныхъ китайцевъ. Вѣдь, въ концѣ концовъ, еще вопросъ, „что лучше, что благороднѣй для души" немстительный и терпимый братъ-славянинъ изъ Буковины и Галиціи или трезвый и трудолюбивый китайскій рабочій. Польскихъ рабочихъ не восприняла московская промышленность, между прочимъ, и потому (офиціальная версія), что при незнаніи ими русскаго языка, трудно съ ними объясняться на работѣ. Съ китайцами, конечно, можно будетъ объясниться и безъ знанія языка, да и вообще китайскій языкъ понятнѣе и ближе россійскому владѣтелю; въ характерѣ же польскихъ рабочихъ, несомнѣнно, есть элементы тѣхъ самыхъ „злобности, мстительности и нетерпимости", которыя такъ отталкивали нашихъ аграріевъ въ венгерскихъ и германскихъ рабочихъ.

Но лавры Бирбраера и его друзей не даютъ спать всей стаѣ россійскихъ дѣльцовъ и посредниковъ. Нѣкій Аббасъ Алекперъ Таривердіевъ изъ Петербурга телеграфируетъ совѣту Съѣздовъ свое предложеніе: доставитъ опытныхъ персидскихъ рабочихъ на угольныя копи Донецкаго бессейна, какъ для поверхностныхъ, такъ и для подземныхъ работъ, и опять въ любомъ количествѣ. Горнопромышленники, конечно, пріемлютъ и персовъ и уже запаслись разрѣшеніемъ на безплатный провозъ въ шахты законтрактованныхъ персидскихъ рабочихъ, а въ это время нѣкіе Ре-

мизовъ и Илидаровъ изъ Дербента уже предлагаютъ доставить въ угольныя копи нѣсколько тысячъ рабочихъ лезгинъ изъ Дагестана. Совѣтъ Съѣздовъ и отъ лезгинъ не отказывается. Что тамъ? Веревочка? Давай и веревочку. И веревочка въ хозяйствѣ пригодится. Такъ полнымъ ходомъ, безъ задержекъ и препятствій совершается наша отечественная мобилизація труда. Вмѣсто предоставленія работы безработнымъ—сбиваніе платы дешевымъ трудомъ незлобивыхъ славянъ и трудолюбивыхъ китайцевъ и персовъ; вмѣсто широкой сѣти нейтральныхъ биржъ труда—ростъ работодательскихъ бюро (Посредническая Контора Московскихъ Заводчиковъ, Горнозаводская Артель южныхъ горнопромышленниковъ и др.); вмѣсто офиціальнаго организованнаго посредничества—развитіе хищническаго промысла частныхъ посредниковъ и агентовъ-вербовщиковъ.

Однимъ изъ завоеваній настоящей войны будетъ, несомнѣнно, значительное расширеніе сферы женскаго труда. Цѣлый рядъ фабрикъ и заводовъ, лишившихся рабочихъ поспѣшилъ замѣнить ихъ женщинами. Если уже передъ войной мы слыхали о женщинѣ слесарѣ, то теперь работа женщинъ на металлическихъ заводахъ получила широкое распространеніе. Женщина теперь пошла въ извозъ, поступаетъ на трамвайную службу, работаетъ въ полотерной артели.

Совершается ли это расширеніе рамокъ приложенія женскаго труда съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій, чтобы не было нанесено ущерба ни самой женщинѣ-работницѣ, ни той средѣ, въ какую она вступаетъ?

На второй вопросъ отвѣтъ можетъ быть, а priori отрицательный. Когда люди ѣдутъ въ Китай и Персію и заглядываютъ въ лагерь военноплѣнныхъ въ поискахъ дешеваго труда, они понятно не будутъ особенно церемониться и съ женщиной работницей и замѣнивъ женскимъ мужской персоналъ предпріятія постараются, соотвѣтственно видоизмѣнить и условія труда и норму оплаты. О томъ же, что женскій трудъ въ общемъ оплачивается ниже мужского, говорить излишне. Одна только сила могла бы парализовать эту отрицательную сторону распространенія женскаго труда, могла бы удержать отъ паденіи обычный уровень платы и условій труда; но эта сила сейчасъ только еще появляется на аренѣ.

Что касается интересовъ самой женщины-работницы, то съ примѣненіемъ женскаго труда въ новыхъ профессіяхъ должны обновляться и развиваться и законодательныя нормы, ограждающія трудъ женщины. У насъ это должно имѣть тѣмъ большую необходимость, что наше законодательство по охранѣ труда женщинъ и дѣтей весьма убого. Вполнѣ основательно замѣчала на дняхъ „Кіевская мысль“, что усиленное примѣненіе женскаго труда должно поставить на очередь на ряду съ изданіемъ другихъ нормъ, охраняющихъ работу женщинъ и дѣтей—введеніе закона о сокращеніи для нихъ рабочаго времени. Такихъ тенденцій мы не видимъ въ нашей практикѣ. На дѣлѣ и бывшія нормы и гарантіи рушатся и рабочее законодательство отбрасывается назадъ отъ сдѣланныхъ уже завоеваній. Наиболѣе тяжелымъ примѣромъ такой ломки рабочаго законодательства является разрѣшенія ночного и подземнаго труда въ шахтахъ для женщинъ и дѣтей. 9 марта было утверждено соотвѣтствующее журнальное постановленіе Совѣта Министровъ, по которому временно, до окончаніи войны женщины и дѣти, не достигшія 15 лѣтъ допускаются къ ночнымъ и подземнымъ работамъ въ каменноугольныхъ копяхъ Европейской Россіи. По списку, опубликованному Горнымъ Управленіемъ Южной Россіи занятія, къ которымъ допускаются женщины и дѣти (12—15 лѣтъ) слѣдующія: 1) Ночныя работы на поверхности рудниковъ: работы по сортировкѣ угля, въ ламповыхъ дворахъ и коногонами при конной откаткѣ; 2) Подземныя работы—лампоносами и дверовыми; кромѣ того взрослыхъ женщинъ при подземныхъ работахъ допускаютъ къ работамъ по вентиляціи—вѣтрогонщицами при ручныхъ вентиляторахъ.

Дѣло, конечно, не въ этихъ списокахъ: ибо во первыхъ ночная и подземная работа, все таки остается подземной и ночной работой, независимо отъ ея характера и сохраняетъ всѣ свои вредныя и опасныя стороны даже въ томъ случаѣ, если бы женщины въ подземельяхъ только и дѣлали, что вышивали крестомъ и раскладывали пасьянсы, а во вторыхъ „гладко писано въ бумагѣ“, но фактическій контроль характера работъ при нынѣшнихъ условіяхъ не возможенъ. Что горнопромышленники предполагаютъ широко использовать брешь, пробитую въ рабочемъ законодательствѣ, свидѣтельствуетъ то, что они уже запаслись разрѣшеніемъ на безплатный провозъ въ шахты законтрактованныхъ работницъ.

Ихъ примѣръ пробудилъ зависть у московскаго Об-ва Заводчиковъ, которое тотчасъ постановило ходатайствать объ отмѣнѣ запрещенія ночного труда и для московскихъ работницъ.

Аппетитъ приходитъ во время ѣды. За разрѣшеніемъ подземнаго труда женщинъ и дѣтей, будутъ дарованы, повидимому имъ и другія вольности. „Биржев. Вѣдом.“ (№ 14946 Веч. вып.) сообщили на дняхъ, что готовится новый проектъ въ этомъ направленіи. „Въ виду того, говоритъ газета, что существующимъ рабочимъ законодательствомъ воспрещенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудъ женщинъ, подростковъ и дѣтей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудъ этотъ разрѣшенъ лишь при условіи работы ограниченное число часовъ въ день „проектируется“ на время войны отмѣнить рядъ запретительныхъ статей, касающихся труда женщинъ, подростковъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ, изготовляющихъ снаряды и снаряженіе для нуждъ государственной обороны“.

Таковъ другой примѣръ своеобразнаго характера производящейся у насъ мобилизаціи труда. Женщинѣ—работницѣ предстоитъ потерять и то убогое достояніе, которымъ она обладала въ сферѣ законодательства по охранѣ труда.

Нѣтъ необходимости подробно рисовать другія стороны мобилизаціи. Частично въ цѣломъ рядѣ мѣстъ увеличеніе рабочаго времени, широкая практика сверхурочныхъ работъ, готовящаяся отмѣна для нѣкоторыхъ работъ воскреснаго и праздничнаго отдыха, сепаратное законодательство приказовъ и обязательныхъ постановленій, созданіе на заводахъ цѣлой категоріи связанныхъ въ своей дѣятельности военнообязанныхъ рабочихъ и мн. др.—все это различныя детали мобилизаціоннаго процесса. Его колеса

вращаются очень медленно, разультаты достигаемые каждымъ ихъ оборотомъ до смѣшного ничтожны, но каждый новый взмахъ давитъ и перемалываетъ всякій разъ новое еще изъ завоеваній прежней рабочей практики, такъ какъ пока не поднялась еще та единственная рука, которая могла бы положить палку подъ его колеса и измѣнить его ходъ и направленіе.

Между тѣмъ представителямъ промышленныхъ и офиціальныхъ круговъ, распоряжающимся въ настоящее время народнымъ трудамъ, рисуются уже новыя картины въ сферѣ трудовой мобилизаціи. Они мечтаютъ о полномъ закрѣпленіи въ ихъ рукахъ управленія рабочими силами... Необходимо, высказывалъ недавно сотруднику газеты свои вожделѣнія В. И. Тимирязевъ, чтобы рабочіе, стоящіе у станковъ и готовящіе снаряды, считались какъ бы на военной службѣ, и самовольныя ихъ отлучки отъ работъ ни въ коемъ случаѣ не могли быть допущены". Такія же мысли, повидиму, бродили въ Московскомъ Губ. Земскомъ Собраніи, когда оно принимало рѣшеніе о принудительной мобилизаціи промышленности.

Эта послѣдняя идея находитъ въ извѣстныхъ кругахъ все болѣе сторонниковъ. Вотъ какъ формулируетъ свои desiderata авторъ статьи въ № 12 „Промышленности и Торговли". „Милитаризація рабочаго состава представляется основнымъ условіемъ обезпеченія успѣшности происходящей мобилизаціи промышленности. При этомъ необходимо распространить милитаризацію на всю промышленность, ибо при иномъ исходѣ въ немилитаризированныхъ отрасляхъ промышленности создавались бы непомѣрно высокія цѣны на рабочія руки".

Авторы подобныхъ разсужденій обыкновенно забываютъ, что ихъ хозяевамъ милитаризація промышленности тоже ничего кромѣ удовольствія не приноситъ, ибо въ концѣ концовъ не такъ уже тяжело исполнять дорогіе и хорошо оплачиваемые заказы. Рабочаго же они для этой цѣли хотятъ поставить въ положеніе военноплѣннаго. При томъ въ „немилитаризированныхъ отрасляхъ промышленности" люди теперь какъ извѣстно буквально съ хлѣба на квасъ перебиваются. Какую же они думаютъ установить плату въ подлежащихъ милитаризаціи (проще, работающихъ на казну) предпріятіяхъ, если боятся конкуренціи первыхъ. По словамъ П. И. Тимирязева милитаризація труда—дѣло уже „налаженное", остановка лишь за „закрѣпленіемъ предпринятыхъ шаговъ въ законодательномъ порядкѣ.

Въ самое послѣднее время, однако, въ нѣкоторыя головы въ средѣ если не руководящихъ круговъ, то желающихъ стать руководящими, начинаетъ все чаще западать мысль, что одной милитаризаціей труда дѣла не наладить. Какъ ни пріятна для хозяйскаго взгляда картина покорно склоненныхъ надъ станками рабочихъ головъ, увѣнчанныхъ форменными фуражками, но маленькій опытъ послѣдняго десятилѣтія подсказываетъ ему, что не все оно пойдетъ такъ гладко, какъ хотѣлось бы. Мы встрѣчаемся поэтому уже и съ проблесками нѣсколько иного отношенія. Примѣры тому давались и на московскомъ съѣздѣ по борьбѣ съ дороговизной, и въ рядѣ обращеній къ патріотизму рабочихъ, и въ кадетскихъ попыткахъ включить больничныя кассы, какъ здѣсь указывалось, въ проектируемыя ими схемы

мобилизаціи труда. Говорятъ о съѣздѣ больничныхъ кассъ при Министерствѣ Торговли (резолюціи Шаховскаго, принятыя Московскимъ съѣздомъ), говорятъ о представительствѣ ихъ въ вѣдомствѣ снабженіи арміи (проектъ фракціи к-д.).

Этотъ путь, конечно, уже лучше, чѣмъ ломка фабричнаго законодательства. Это конечно, уже нѣкоторый шагъ отъ Батезатула къ Ллойдъ-Джорджу, но шагъ далеко не рѣшительный. Не будемъ уже говорить о растопчинской афишѣ кн. Г. Львова или проектѣ Чуковскаго-Бобринскаго о рабочихъ экскурсіяхъ на фронтъ съ цѣлью патріотическаго воспитанія; остановимся хотя бы пока на кадетскомъ вниманіи къ больничнымъ кассамъ.

Почему именно больничныя кассы? Вѣдь въ нынѣ существующемъ видѣ эти учрежденія находятся подъ значительнымъ вліяніемъ хозяевъ; сильно дезорганизованы внѣшними препятствіями; и вообще они не приспособлены для выраженія мыслей и воли рабочаго класса. Для этого есть другія формы сплоченія. Если они хотятъ привлечь рабочихъ къ свободному рѣшенію основныхъ вопросовъ дня и работѣ надъ удовлетвореніемъ потребностей страны не слѣдовало ли бы имъ обратиться къ ихъ профессіональному и политическому представительству? Вѣдь гр. Бобринскій, который англійскую политику изучаетъ по фельетонамъ К. Чуковскаго, проглядѣлъ пустяшную въ сущности вещь, что кромѣ посылки десятка рабочихъ для объѣзда фронта, англійское правительство признаетъ широкую свободу организаціи англійскихъ тружениковъ, на ихъ участіи базируетъ всю предпринятую кампанію снабженія, болѣе того включило въ свой составъ рабочаго представителя Гендерсона. Нечего говорить о Франціи, гдѣ все дѣло снабженія арміи находится подъ руководствомъ представителя соціалистической партіи помощника военнаго министра Альберта Тома.

Наши читатели могутъ по разному оцѣнивать цѣлесообразность поведенія друзей обоихъ только-что названныхъ министровъ, но нельзя было бы не считать смѣшной и жалкой попытку аппелляціи къ рабочему патріотизму, если бъ она выражалась въ Англіи и Франціи исключительно въ лубочныхъ воззваніяхъ стиля „братцы-рабочіе" и ненужныхъ прогулкахъ рабочихъ экскурсій по фронту.

Рабочіе не уголь, не хлопокъ и не металлъ. Трудно повѣрить, чтобы удалось спокойно, помимо ихъ воли, переливать рабочую силу въ снаряды и пушки или ткать изъ нея сукно для солдатскихъ шинелей. Когда ставится вопросъ о кризисѣ и перестройкѣ всего производства, когда вся хозяйственная жизнь страны потрясена до основаній и правильность жизни ея глубоко нарушена, когда необходимо напряженіе всѣхъ силъ и средствъ, чтобы парализовать ея распаденіе,—можетъ быть это кому нибудь и очень непріятно—но мнѣніе труда должно быть выслушано и его воля принята къ учету.

Вопросъ о созданіи открытыхъ рабочихъ организацій и общественнаго рабочаго представительства долженъ быть поставленъ, поэтому, и разрѣшенъ въ полномъ объемѣ.

Гр. Петровичъ.

P. S. Событія бѣгутъ быстрѣе, чѣмъ работаетъ сдавленный обстоятельствами, обязанный откликаться на нихъ, аппаратъ демократическаго печатнаго слова. Наша статья была уже въ наборѣ, когда во всей своей остротѣ вопросъ о мобилизаціи труда сталъ на съѣздѣ Военно-Промышленныхъ Комитетовъ, особенно же его секціи по рабочему вопросу. Въ поискахъ за рабочими, исходя изъ собственныхъ предпринимательскихъ интересовъ и, конечно, своеобразно понятыхъ интересовъ обороны, секція обшарила буквально всѣ уголки, откуда можно было извлечь какой-нибудь источникъ рабочей силы. Трудъ военноплѣнныхъ и военнообязанныхъ, эвакуированныхъ работниковъ и бѣженцевъ, трудъ арестантовъ и административно-ссыльныхъ—все было подсчитано и намѣчено къ использованію. Впомнили о „желтомъ трудѣ“ китайскихъ, корейскихъ и японскихъ рабочихъ, не могли не вспомнить и „о красномъ трудѣ“ (выраженіе одного изъ участниковъ секціи) рабочихъ, населяющихъ Енисейскую губернію. Рѣшили добиваться отмѣны ограниченій въ пользованіи женскимъ и дѣтскимъ трудомъ, расширенія права сверхурочныхъ работъ, отмѣны праздниковъ для горныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій, и рядомъ съ этими соціально-реакціонными пожеланіями, выставили прогрессивное пожеланіе, но идущее къ той же цѣли—снятіе ограниченій съ еврейскихъ рабочихъ.

Но тщательная хозяйская провѣрка всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ можетъ исходить новая рабочая энергія и подвела секцію въ плотную къ пониманію драматическаго положенія, въ которомъ находится все дѣло, къ сознанію, что всѣ попытки въ направленіи до сихъ поръ развиваемой мобилизаціи труда неизбѣжно и очень скоро упираются въ тяжелую стѣну. Они, скрѣпя сердце, вынуждены были отступить передъ весьма улыбавшейся имъ идеей милитаризаціи труда; мотивъ былъ весьма опредѣленный — нельзя обострять отношеній съ рабочими. Они не рискнули высказаться за пересмотръ закона о страхованіи, съ цѣлью облегченія для промышленниковъ использованія труда того милліона раненыхъ, который по компетентнымъ сообщеніямъ годенъ еще для производительной работы. Мотивы были равные: ломка закона произведетъ очень невыгодное впечатлѣніе на рабочихъ.

Когда же сталъ вопросъ о падающей производительности труда, когда въ краткихъ сообщеніяхъ провинціальныхъ предпринимателей была обрисована опасность, грозящая производству, были моменты, когда казалось, многіе въ секціи поймутъ то, что упорно подсказывали имъ нѣкоторые представители радикальныхъ техническихъ организацій, что безъ правового раскрѣпощенія рабочаго, мобилизація труда не можетъ серьезно трактоваться.

Предприниматели отступили передъ этой перспективой и горячее выступленіе бывшаго члена 3-й Гос. Думы, представлявшаго въ ней уральскихъ рабочихъ, указывавшаго имъ, что безъ поддержки политической борьбы рабочихъ имъ ничего не сдѣлать, конечно, не имѣло успѣха.

Не рѣшилъ вопроса и съѣздъ, принявшій участіе 10 представителей рабочихъ въ Центральномъ В. Пр. Комитетѣ, но не пожелавшій остановиться на вопросѣ, при какихъ условіяхъ возможно это представительство.

Гр. Петр.

Къ характеристикѣ современнаго положенія.

1. О патріотизмѣ.

Возникшая война принесла съ собой неожиданный для многихъ результатъ—горячій взрывъ патріотизма у пролетаріевъ развитыхъ капиталистическихъ странъ со многими десятилѣтіями рабочаго движенія—у нѣмцевъ, французовъ, бельгійцевъ, англичанъ. Казалось многимъ, что развитіе интернаціональныхъ и соотвѣтствующихъ имъ чувствъ и настроеній притупляетъ у рабочаго національное чувство, замѣняетъ его чувствомъ общепролетарской солидарности. Но первое серьезное испытаніе, и интернаціоналъ разсыпается: связь пролетаріевъ каждой страны со своей націей оказывается сильнѣе, чѣмъ связь пролетаріевъ отдѣльныхъ странъ между собой. Враги интернаціонала по этому поводу торжествуютъ, празднуютъ видимое пораженіе, видимую гибель интернаціонала. А нѣкоторые изъ тѣхъ представителей интернаціонала, надъ которыми оказалось невластнымъ патріотическое чувство, которые не поддались его порыву, готовы видѣть въ самомъ патріотическомъ чувствѣ этомъ своего врага, врага интернаціонала, врага, съ которымъ интернаціоналъ долженъ справиться, чтобы снова воскреснуть. И въ письмѣ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей русской рабочей демократіи я прочелъ строки, констатирующія непримиримое противорѣчіе между патріотизмомъ и интернаціональнымъ чувствомъ, противорѣчіе, въ силу котораго патріотизмъ долженъ быть устраненъ, долженъ уступить дорогу интернаціональнымъ стремленіямъ. Объ этомъ непримиримомъ противорѣчіи, по мнѣнію автора этого письма, вопіютъ факты дѣйствительности, объ этомъ съ непрерывной очевидностью говоритъ братоубійственная борьба между собой пролетаріевъ въ рядахъ сражающихся армій.

Но мы, марксисты, прежде всего привыкли думать, что логическое противорѣчіе, противорѣчіе въ идеологіи можетъ двигать жизнь только постольку, поскольку оно является въ то же время противорѣчіемъ въ самой жизни, поскольку за нимъ скрывается непримиримое противорѣчіе развивающихся явленій дѣйствительности.

И если бы дѣла обстояли такъ печально, если бы патріотическое чувство, имѣющее, какъ оказалось, такіе глубокіе корни именно въ массахъ развитого сознательнаго пролетаріата, стояло въ непримиримомъ противорѣчіи съ интернаціональными чувствами и стремленіями, то мало было бы констатировать это противорѣчіе, чтобы отсюда дискредитировать отрицаніе патріотизма, нужно было бы найти въ дѣйствительности, въ ея развивающихся противорѣчіяхъ рычагъ, опираясь на который интернаціонализмъ могъ бы дать побѣдоносное сраженіе патріотизму.

Но можетъ ли быть найденъ такой рычагъ сейчасъ, въ теченіе всего того очень большого періода времени, когда развитіе пролетарскаго движенія не можетъ не совершаться въ національныхъ рамкахъ, на почвѣ національной культуры?

Объективный анализъ самого автора письма подсказываетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если бы патріотизмъ и національное чувство были только пережитками прошлаго, неуспѣвшими еще очистить дорогу развивающимся новымъ явленіямъ жизни, тогда эта задача была бы легко разрѣшима. Но нѣтъ. Самъ авторъ письма убѣдительно доказываетъ, что пролетарское движеніе, развиваясь по необходимости въ національныхъ рамкахъ, дѣлая въ этихъ рамкахъ серьезныя завоеванія, строя въ ихъ предѣлахъ свои организаціи, накапливая свой опытъ и создавая свою культуру, тѣмъ самымъ

увеличиваетъ въ громадной степени связь пролетаріевъ данной страны съ той націей или съ той государственностью, въ предѣлахъ которой они совершаютъ свою работу. Такъ было и такъ очевидно будетъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ національныя рамки и пока въ нихъ по необходимости совершается рабочее движеніе каждой страны. До тѣхъ поръ нѣмецкій рабочій, также какъ французскій или англійскій будетъ чувствовать наиболѣе живую и реальную связь именно со своимъ рабочимъ движеніемъ, со всѣми его своеобразными чертами, которыми оно отличается, и будетъ загораться патріотическимъ чувствомъ, когда будетъ видѣть передъ собой опасность извнѣ, опасность, угрожающую нарушить его движеніе, ослабить или уничтожить его характерныя черты, изломать его и исковеркать, или измѣненіемъ общихъ условій жизни страны затормозить дальнѣйшее развитіе этого движенія. Въ этихъ предѣлахъ національное чувство неистребимо сейчасъ у пролетаріевъ, и въ этихъ предѣлахъ оно не зло, а благо съ точки зрѣнія интернаціонала.

Патріотизмъ, который растетъ и развивается изъ связи со своимъ движеніемъ, изъ гордости достигнутыми въ немъ результатами, изъ готовности всѣми силами защищать и культурныя блага, отъ которыхъ это движеніе отправляется и тѣ пріобрѣтенія и завоеванія, которыя оно приноситъ съ собой, такой патріотизмъ по самой своей природѣ не имѣетъ ничего общаго съ патріотизмомъ, стремящимся къ насильственному усиленію на счетъ другихъ націй, къ аннексіямъ и завоеваніямъ. Онъ по меньшей мѣрѣ не противорѣчитъ интернаціональнымъ чувствамъ и стремленіямъ. Но не только не противорѣчитъ.

Разъ движеніе совершается по необходимости въ національныхъ рамкахъ, къ связи съ міровымъ пролетарскимъ движеніемъ пролетаріи каждой страны могутъ мыслью и чувствомъ переходить, только устанавливая прежде всего самую тѣсную, самую интимную связь со своимъ собственнымъ движеніемъ. Эта связь со своимъ собственнымъ движеніемъ со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями является необходимой ступенью къ связи съ міровымъ движеніемъ. И въ извѣстныхъ предѣлахъ поэтому тѣ корни, изъ которыхъ вырастаетъ пролетарскій патріотизмъ, въ то же время и корни его интернаціальныхъ настроеній.

Но пролетаріатъ можетъ остаться цѣликомъ или большей частью въ предѣлахъ своей національной ограниченности, чувство связи со своимъ движеніемъ, со всѣми его національно-историческими особенностями, можетъ сохранить самодовлѣющій характеръ, можетъ не стать или въ очень незначительной степени стать ступенью къ связи съ интернаціоналомъ. И тогда патріотизмъ предоставленный самому себѣ, не ограничиваемый и не контролируемый интернаціональнымъ чувствомъ, можетъ дѣйствительно дать печальные результаты, можетъ при наличности мірового потрясенія сдѣлать невозможнымъ общій языкъ для пролетаріевъ различныхъ странъ.

И не это ли мы наблюдаемъ сейчасъ?

Не должны ли мы сказать, что отдѣльныя національныя рабочія движенія, каждое у себя воздвигли фундаментъ для интернаціонала, но на этомъ фундаментѣ пока почти ничего не построено? Не должны ли мы признать, что интернаціоналъ до сихъ поръ былъ только красивой возможностью, имѣвшей вполнѣ реальную почву подъ собой, но не успѣвшей на этой почвѣ построиться? И если мы это признаемъ, то тогда сюда должны направляться наше вниманіе и наши усилія, а не къ тому, чтобы путемъ декретовъ пытаться отмѣнить тѣ особенности рабочаго движенія, безъ которыхъ оно ни сейчасъ, ни въ ближайшемъ будущемъ обойтись не можетъ.

Патріотизмъ нашъ врагъ, говорятъ тѣ, для которыхъ всѣ кошки сѣры въ возникшемъ міровомъ столкновеніи и въ глазахъ которыхъ бельгійскіе,

французскіе и англійскіе пролетаріи, принявшіе участіе въ войнѣ, также измѣнили интернаціональному знамени, какъ и нѣмецкіе. И они объявляютъ поэтому нейтралитетъ по отношенію къ борющимся между собой политическимъ группировкамъ, безразличное отношеніе къ успѣхамъ той и другой стороны, равнодушіе къ конечному результату міровой схватки.

Они искренно думаютъ, что только такимъ путемъ можно сохранить вѣрность интернаціоналу.

А между тѣмъ дѣйствительность со всей выразительностью говоритъ намъ другое. Не только у пролетарскихъ массъ, но и у верховъ пролетарскихъ, у сознательныхъ элементовъ пролетаріата различныхъ странъ, оказалось отсутствіе всякой подготовки къ общей, къ одинаковой оцѣнкѣ надвинувшихся на пролетаріатъ міровыхъ событій. И въ итогѣ мы получили нелѣпый результатъ. Французскіе пролетаріи шли въ бой, увѣренные, что Франціи приходится защищаться отъ дѣлаемаго на нее нападенія, но и нѣмецкіе пролетаріи шли въ бой съ аналогичной увѣренностью, что защищается Германія, что нападаютъ на нее.

Но вѣдь та или другая сторона ошибалась въ этомъ случаѣ, очевидно. И если бы интернаціональное объединеніе пролетаріевъ различныхъ странъ было бы сколько нибудь значительнымъ серьезнымъ фактомъ дѣйствительности, у интернаціонала могла бы быть одна точка зрѣнія. Точка зрѣнія не только голаго, абстрактнаго установленія связи между вооруженіями и имперіализмомъ, но и конкретная точка зрѣнія, указывающая конкретно на то, откуда въ *данный моментъ при данныхъ условіяхъ мірового развитія* назрѣваетъ опасность для мира, гдѣ зрѣютъ и развиваются условія для его нарушенія. И тогда то, на чемъ уже сейчасъ сходятся французскіе представители рабочей демократіи съ меньшинствомъ германскихъ, на признаніи, что міровой пожаръ зажгла Германія, что для Германіи эта война была не оборонительной, а наступательной, тогда это признаніе, какъ историческое предвидѣніе, можетъ быть задолго до войны стало бы достояніемъ интернаціонала. Ничего невозможнаго въ этомъ не было, разъ виднѣйшіе изъ писателей германской рабочей демократіи, какъ показалъ въ своихъ статьяхъ А. Потресовъ, были не чужды этому предвидѣнію.

Представителямъ германской рабочей демократіи это пониманіе міровыхъ событій, могло бы тогда продиктовать одинъ путь—при невозможности помѣшать войнѣ, путь ея дискредитированія въ глазахъ страны. И путемъ отрицательнаго вотированія кредитовъ, и путемъ категорическихъ заявленій съ трибуны и въ печати они могли бы возложить отвѣтственность за міровой пожаръ на правящіе круги своей страны.

Но вступивши съ самаго начала на путь этого моральнаго дискредитированія войны, она тѣмъ самымъ признала бы моральное право французской демократіи на организацію защиты своего отечества. И хотя бы нѣмецкіе пролетаріи, уступая насилію и военной дисциплинѣ, сражались съ французскими пролетаріями, между нѣмецкимъ и французскимъ рабочимъ движеніемъ ни на одинъ моментъ не выросло бы тогда стѣны. Представители того и другого движенія дѣлали бы одно и то же дѣло, дѣло борьбы съ той правительственной кликой, которая не справляясь съ желаніями своего народа, зажгла міровой пожаръ.

Въ стремленіи все время, не смотря на войну, находить общую солидарную почву съ пролетаріями странъ защищающихся отъ нападенія Германіи, представители германскаго пролетаріата нашли бы вѣрный путь и для защиты своей страны отъ возможной для нея опасности. Вмѣстѣ съ французскими, бельгійскими, англійскими рабочими они ослабляли бы въ началѣ опасность угрожающую имъ со стороны правящихъ слоевъ Германіи, но за то вмѣстѣ

съ ними, они отстранили бы отъ Германіи опасность разгрома, если бы при измѣненіи оборота войны, правящіе слои воюющихъ съ Германіей странъ начали бы посягать на ея свободу и независимость.

Роли французской и германской демократіи въ процессѣ войны могли бы мѣняться. Въ одной стадіи знамя самообороны было бы въ рукахъ французскихъ пролетаріевъ, въ другой—нѣмецкихъ, но нелѣпый и дикій фактъ борьбы тѣхъ и другихъ пролетаріевъ, и не только отдѣльныхъ пролетаріевъ, но и передовыхъ ихъ авангардовъ подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ самообороны и самозащиты былъ бы устраненъ, сталъ бы невозможнымъ.

Но патріотизмъ Франціи, Бельгіи и Англіи былъ въ данномъ случаѣ не только естественъ, законенъ и неизбѣженъ, онъ былъ сейчасъ могущественнымъ союзникомъ интернаціонала. И если интернаціоналъ воскреснетъ и процвѣтетъ послѣ войны, то онъ этимъ въ огромной степени будетъ обязанъ тому патріотическому воодушевленію, съ которымъ рабочіе Бельгіи, Франціи и Англіи боролись за свободу и независимость своихъ странъ.

И тѣ, которые готовы объявить патріотизмъ своимъ главнымъ врагомъ и на преодолѣніи его строятъ свои надежды на воскресеніе интернаціонала, пусть поставятъ вопросъ; что было бы съ Европой, что было бы съ демократіей и интернаціоналомъ въ Европѣ, если бы насильническіе замыслы германскихъ правящихъ круговъ не нашли бы отпора въ патріотическомъ воодушевленіи бельгійскихъ, французскихъ и англійскихъ рабочихъ. Если бы англійскій пролетаріатъ былъ весь противъ вмѣшательства Англіи въ войну, Англія могла бы совсѣмъ не вмѣшиваться въ нее. Годъ войны говоритъ съ полной очевидностью, что Франція тогда была бы совершенно разгромлена и вся масса германскихъ войскъ сражалась бы теперь противъ Россіи. Отсутствіе патріотическсго воодушевленія у бельгійскихъ и французскихъ пролетаріевъ сдѣлало бы этотъ результатъ совершенно неизбѣжнымъ.

Прусскій полуабсолютическій режимъ, укрѣпившись въ своей странѣ завоевалъ бы себѣ міровую гегемонію и сгруппировалъ бы вокругъ себя всѣ реакціонные силы Европы. Демократическій строй Франціи и Англіи былъ бы дискредитированъ въ глазахъ населенія, и въ этихъ странахъ были бы всѣ основанія для поворота въ сторону реакціи.

Германія получила бы огромныя пріобрѣтенія насчетъ другихъ странъ, экономическое развитіе ея шагнуло бы на громадное разстояніе впередъ, но шагнуло бы путемъ ограниченія и подавленія экономическаго развитія другихъ странъ.

Условія, какъ для существованія рабочихъ, такъ и для развитія ихъ движенія въ этихъ странахъ измѣнились бы рѣзко въ неблагопріятную сторону. Франція напр., экономическое развитіе которой потерпѣло уже огромный уронъ въ 1871 г. благодаря отторженію отъ нея наиболѣе экономически развитыхъ провинцій Эльзаса и Лотарингіи, могла бы быть совершенно уничтожена экономически путемъ отторженія отъ нея сѣверныхъ департаментовъ. Россія могла бы быть экономически задавлена на долгое время, благодаря наложенію на нее контрибуціи и отторженію отъ нея балтійскаго побережья и т. д. и т. д.

Что созданныя такимъ образомъ неблагопріятныя условія для экономическаго развитія этихъ странъ парализовали бы надолго въ этихъ странахъ развитіе рабочаго движенія, ясно само собой.

Но то колоссальное экономическое развитіе, которое обезпечила бы себѣ насчетъ другихъ странъ Германія—на нѣкоторое время, конечно—оно, развѣ не способствовало бы развитію рабочаго движенія по крайней мѣрѣ въ этой странѣ? Нѣтъ, оно привело бы къ сильнѣйшему затемненію—и на долгое время—классоваго самосознанія германскихъ пролетаріевъ. Не всегда и не при

всякихъ условіяхъ экономичесское развитіе создаетъ благопріятную основу для развитія классоваго самосознанія пролетаріата. Когда страна становится въ привеллигированное положеніе по отношенію къ другимъ странамъ и этимъ привеллигированнымъ положеніемъ ослабляетъ въ сильнѣйшей степени тѣ противорѣчія, которыя вообще говоря являются естественнымъ спутникомъ капиталистическаго развитія, тогда въ результатѣ задерживается и классовое развитіе пролетаріата. Классическимъ примѣромъ подобнаго развитія была долгое время Англія. И еще болѣе классическимъ примѣромъ такого развитія на долгое время стала бы Германія.

Тѣ условія, при которыхъ развивалась до сихъ поръ Германія, обезпечивали ей болѣе интенсивное и болѣе широкое экономическое развитіе, чѣмъ какое имѣло мѣсто во всѣхъ другихъ странахъ. Но это развитіе не устраняло противорѣчій капитализма, вмѣстѣ съ ростомъ капитализма росли и эти противорѣчія. Созданіе рѣзко привеллигированнаго положенія насчетъ другихъ странъ, могло бы на извѣстное болѣе или менѣе продолжительное время, ослабить въ сильнѣйшей степени это противорѣчіе. Имперіализмъ торжествовалъ бы временную побѣду надъ идеями рабочей демократіи. Послѣднія были бы похоронены на время, а вмѣстѣ съ ними былъ бы похороненъ на время и интернаціоналъ. Помимо того, что имперіалистическія стремленія овладѣли бы сознаніемъ значительной массы рабочихъ Германіи, какими силами можно было бы тогда свести вмѣстѣ и посадить за одинъ столъ, для совмѣстной работы представителей жертвъ германскаго насилія и тѣхъ, которые своей тактикой помогли правящимъ слоямъ своей страны совершить насиліе надъ этими странами.

Нѣтъ, только одинъ путь ведетъ одинаково и къ возрожденію германскаго рабочаго движенія и къ возрожденію интернаціонала, это—путь, который ведетъ къ побѣдѣ надъ Германіей.

Мы видимъ, такимъ, образомъ, что тотъ пролетарскій патріотизмъ, который по своимъ тенденціямъ чуждъ и враждебенъ всякимъ стремленіямъ къ завоеваніямъ и аннексіямъ, который черпаетъ свою силу изъ тѣсной связи со своимъ движеніемъ, съ тѣми культурными и національными особенностями, которыя легли въ его основу, самъ по себѣ не стоялъ и не могъ стоять въ дисгармоніи съ интернаціональными стремленіями. Напротивъ, интернаціоналъ могъ и долженъ былъ опереться на патріотическое воодушевленіе рабочихъ странъ защищающихся противъ Германіи для того, чтобы предотвратить огромную опасность, которою ея побѣда угрожала развитію демократіи въ Европѣ.

2. Мобилизація общественныхъ силъ въ Россіи.

Я ни слова не говорилъ до сихъ поръ о той тактикѣ, которой долженъ держаться въ современной войнѣ россійскій пролетаріатъ. Но эта тактика ясно вытекаетъ изъ всего сказаннаго. И общее міровое положеніе и тѣ опасности, которыми грозятъ экономическому развитію Россіи аггресивныя стремленія Германіи, требуютъ отъ россійскихъ пролетаріевъ не меньшей чуткости къ идеѣ самообороны, чѣмъ какую обнаруживаютъ ихъ западно-европейскіе товарищи. И если въ началѣ войны при совокупности тѣхъ конкретныхъ условій, которыя существовали, мы могли ограничиваться рекомендаціей пролетаріату тактики «непротиводѣйствія» войнѣ, то теперь мы можемъ и должны идти дальше. Теперь уже идетъ дѣло не о возможной опасности, а о дѣйствительной. Странѣ угрожаетъ разгромъ отъ наступающаго врага. Съ другой стороны, общая общественная обстановка настолько мѣняется въ настоящее время,

что рабочая масса, выступающая со своими методами защиты страны отъ угрожающей ей опасности, не можетъ заранѣе, безъ серьезныхъ, активныхъ попытокъ со своей стороны считать себя обреченной на ту полную изолированность въ странѣ, которая при всякихъ такихъ попыткахъ ей явно угрожала въ началѣ войны.

Правящіе круги оказались явно несостоятельными въ томъ кризисѣ, который переживаетъ сейчасъ страна, а тѣ общественные слои которые до послѣдняго времени легкомысленно одаряли эти круги своимъ довѣріемъ и своей поддержкой, начали сознавать хотя и поздно, хотя и не въ полной мѣрѣ свою ошибку. Страна пришла въ движеніе подъ лозунгомъ мобилизаціи всѣхъ общественныхъ силъ для самозащиты отъ наступающаго врага. При такихъ условіяхъ сохранить нейтралитетъ и воздержаніе сознательные элементы пролетаріата не могутъ и не должны. Въ процессѣ мобилизаціи общественныхъ силъ они должны принять самое энергичное участіе подъ общимъ одушевляющимъ лозунгомъ—самообороны страны отъ угрожающей ей опасности. Вмѣшаться въ этотъ процессъ мобилизаціи они должны конечно не для того, чтобы потерять свое лицо, растворившись въ массѣ буржуазіи, а для того, чтобы внести въ общественное движеніе свою струю, свое представленіе о томъ обновленіи страны, которое необходимо для преодолѣнія современнаго кризиса.

Тамъ, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ мобилизуются общественныя силы для выполненія необходимой исторической задачи и борьбой расчищаютъ себѣ дорогу для ея выполненія, тамъ пролетаріатъ, если онъ признаетъ эту задачу, не можетъ отсутствовать, не можетъ сохранять нейтралитетъ, не можетъ воздерживаться.

Но дѣйствительно ли мы можемъ констатировать огромный общественный сдвигъ въ настоящее время, дѣйствительно ли происходитъ сейчасъ въ огромныхъ размѣрахъ организація общественныхъ силъ?

Передъ нами три крупныхъ факта общественности. Съѣздъ городского союза, имѣвшій мѣсто въ началѣ іюля, засѣдающая въ настоящее время Государственная Дума, и послѣдній съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ.

Съѣздъ городского союза имѣлъ необычный характеръ. На немъ были не только городскіе головы и другіе представители современнаго городского самоуправленія, на немъ была довольно сильно представлена и настоящая подлинная демократія. Немногимъ представителямъ демократіи въ учрежденіи, подготовлявшемъ настоящій съѣздъ, удалось добиться приглашенія на этотъ съѣздъ представителей кооперативовъ и представителей рабочихъ. Тѣ и другіе сыграли замѣтную роль на этомъ съѣздѣ.

Вечернее засѣданіе перваго дня съѣзда приняло благодаря участію рабочихъ жуткій, трагическій характеръ. Послѣ того, какъ въ утреннемъ засѣданіи было сказано много яркихъ, краснорѣчивыхъ рѣчей о необходимости мобилизовать общественныя силы для защиты родины, вечеромъ въ отвѣтъ на пустую фразеологію г. Родичева всходили на трибуну одинъ за другимъ представители рабочихъ и демонстрировали своими рѣчами, тѣми яркими картинами дѣйствительности, которыя они рисовали, какъ невозможныя политическія и экономическія условія, дѣйствующія у насъ, тушатъ у рабочихъ всякіе патріотическіе порывы, ослабляютъ до послѣдней степени то чувство любви къ родинѣ, близкой интимной связи съ ней, которое такъ сильно дѣйствуетъ сейчасъ у западно-европейскихъ рабочихъ.

Но, къ сожалѣнію, это жуткое засѣданіе Съѣзда не оказало должнаго вліянія на его большинство. Въ послѣднемъ заключительномъ засѣданіи большинство съѣзда отвергло предложеніе представителей рабочихъ и кооперативовъ замѣнить туманныя неопредѣленныя слова своей резолюціи о желательности «акта примиренія и забвеніи старой политической вражды» яснымъ и опредѣленнымъ требованіемъ полной политической амнистіи.

Выдвинувши въ своей резолюціи свободу образованія профессіональныхъ органовъ и союзовъ, большинство съѣзда отвергло болѣе широкое требованіе рабочихъ—о свободѣ коалицій.

Слѣдуя послушно за президіумомъ, представители большинства съѣзда отвергли даже поправку рабочихъ и кооперативовъ о необходимости установленія неприкосновенности личности, какъ будто свобода печати, слова и союзовъ, о которой говоритъ резолюція, значитъ что-нибудь при отсутствіи элементарныхъ гарантій неприкосновенности личности.

И конечно это большинство отвергло основную поправку рабочихъ и демократіи о томъ, что выходомъ изъ современнаго кризиса можетъ быть только созданіе демократическаго народнаго представительства съ отвѣтственнымъ передъ нимъ правительствомъ.

Но было бы большой близорукостью, въ виду этихъ отрицательныхъ сторонъ съѣзда, отрицать за нимъ крупное общественное значеніе. Самый фактъ этого съѣзда со всей той борьбой, которая на немъ происходила, означаетъ общественный сдвигъ въ сторону усиленія вліянія общественныхъ организацій на жизнь страны. И отрицательныя стороны этого съѣзда должны дать рабочимъ стимулъ не для того, чтобы отгородиться отъ начавшейся мобилизаціи общественныхъ силъ, а для того, чтобы еще энергичнѣе вмѣшаться въ нее.

На самомъ съѣздѣ по ряду вопросовъ у рабочихъ былъ сильный союзникъ, въ лицѣ представительства кооперативовъ, и благодаря совмѣстному дѣйствію рабочихъ, кооперативовъ и меньшинства городскихъ дѣятелей, основная поправка рабочихъ о демократизаціи народнаго представительства была провалена только ничтожнымъ большинствомъ голосовъ.

Кооперативы не ограничились участіемъ въ съѣздѣ. Сейчасъ идетъ поспѣшно и энергично объединеніе кооперативовъ. Выростаетъ крупная демократическая сила, которая собирается, какъ равная съ равными, вступить въ переговоры съ другими общественными организаціями о координированіи дѣйствій передъ лицомъ опасности, угрожающей странѣ.

И одно мѣсто пока остается пустымъ. Это то мѣсто, которое долженъ занимать пролетаріатъ. Попытки занять его должны быть сдѣланы, чего бы онѣ не стоили.

Необходимость спѣшить съ этимъ и затратить въ этомъ направленіи максимальную энергію со всей силой демонстрировалась происходившими засѣданіями Думы и съѣздомъ военно-промышленныхъ комитетовъ.

Когда начала засѣдать Дума, она имѣла передъ собой только организаціи крупныхъ имущественныхъ слоевъ населенія, земскаго и городского союза и не имѣла передъ собой организованной демократіи. Кооперативы еще не успѣли сорганизоваться, рабочіе же даже не приступали къ какимъ либо активнымъ попыткамъ раздвинуть тѣ предѣлы, которые ставили до сихъ поръ ихъ самоорганизаціи полицейскія условія. И это отсутствіе передъ лицомъ Думы организованной демократіи наложило сильнѣйшій отпечатокъ на выступленія какъ большинства ея, такъ и такъ называемой ея отвѣтственной оппозиціи.

Даже та резолюція, которая была принята Думой, говоритъ о несомнѣнномъ общественномъ сдвигѣ, о значительномъ перемѣщеніи значенія и вліянія въ странѣ отъ правительства къ организованнымъ верхамъ населенія. Но эта резолюція, конечно, недостаточна и непріемлема для демократіи. «Отвѣтственная же оппозиція и тутъ, также какъ на городскомъ съѣздѣ, не возвысилась до того, чтобы потребовать замѣны туманныхъ пожеланій о «примиреніи и

забвеніи»—категорическимъ требованіемъ полной политической амнистіи и не только не выдвинула требованія о демократизаціи народнаго представительства, но въ лицѣ главнаго своего отряда,—к.-д. партіи предала своихъ ближайшихъ союзниковъ, прогрессистовъ, отказала въ поддержкѣ ихъ требованія, отвѣтственнаго передъ Думой министерства, мотивируя это предательство странным соображеніемъ, что это партійный лозунгъ, партійные же лозунги въ данный моментъ непріемлемы».

Съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ обнаружилъ въ общемъ гораздо большую политическую зрѣлость, чѣмъ Государственная Дума. Психологія промышленниковъ, конечно, сложилась на этомъ съѣздѣ и правъ было Чхенкели, когда съ рѣзкимъ отрицаніемъ отнесся въ Думѣ къ стремленію промышленниковъ сбросить съ себя всякія ограниченія Устава промышленности, стѣсняющія ихъ въ эксплоатаціи рабочихъ и въ томъ числѣ женщинъ и подростковъ.

Но, конечно, было бы совершенно близоруко увидѣть въ съѣздѣ только это.

Въ отличіе отъ Гос. Думы съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ выдвинулъ ясно и опредѣленно требованіе политической амнистіи. Вмѣсто двусмысленной формулы Думы о «благожелательномъ вниманіи власти къ интересамъ всѣхъ *вѣрныхъ* въ Россіи гражданъ» выдвинулъ требованіе отмѣны всѣхъ исключительныхъ ограниченій противъ евреевъ.

Дума затѣмъ ничего не сказала объ исключительномъ положеніи, въ которомъ находятся рабочіе. А съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ призналъ, что «рабочимъ долженъ быть открытъ свободный путь къ возможно активному участію въ разрѣшеніи общенародной, государственной задачи снабженія арміи». «Имъ должна быть фактически предоставлена такая же возможность объединиться для обсужденія и осуществленія этой задачи, какою пользуются въ настоящее время другіе круги русскихъ гражданъ, объединяющіеся для той же цѣли въ промышленныхъ земскихъ и городскихъ организаціяхъ».

Конечно, странно и непріемлемо для рабочихъ пріурочиваніе ихъ свободы организоваться исключительно къ «общенародной задачѣ снабженія арміи». Но тѣмъ не менѣе все таки огромнымъ плюсомъ съѣзда по сравненію съ Думой является то, что, поставивши передъ собой задачу снабженія арміи, онъ возможность выполненія этой задачи поставилъ въ связь съ устраненіемъ ненормальнаго положенія въ странѣ рабочихъ.

Самый языкъ рѣчей и резолюцій съѣзда звучалъ во сравненію съ Думой большей яркостью, категоричностью и властностью. Силой и увѣренностью въ себѣ звучала рѣчь кн. Львова на съѣздѣ, когда онъ, поддерживаемый бурнымъ одобреніемъ съѣзда, заявлялъ: «мы беремъ на себя исполненіе наиважнѣйшей функціи государственной власти, мы становимся въ положеніе побѣдителей надъ старымъ порядкомъ государственнаго управленія, мы сливаемся съ арміей, она становится въ зависимость отъ успѣха нашей работы».

Съѣздъ своимъ двукратнымъ избраніемъ Гучкова въ предсѣдатели съѣзда и предсѣдатели центральнаго комитета, опредѣленнымъ образомъ комментированнымъ г. Ѳедоровымъ, прямо намѣтилъ своего избранника въ товарищи министра по руководству снабженіемъ арміи, а этотъ избранникъ закончилъ съѣздъ угрозой уйти, отказаться отъ предсѣдательства въ центрально-промышленномъ комитетѣ, если правительство и его различныя инстанціи будутъ чинить препятствія дѣятельности комитета.

Это ужъ не борьба просто за наживу, ни въ какомъ случаѣ, это борьба за власть, которую промышленники ведутъ не только энергично, но и довольно умѣло.

Они установили тѣсную связь между собой и земскимъ и городскимъ союзами, въ своихъ провинціальныхъ военно-промышленныхъ комитетахъ они

сорганизовали значительные слои буржуазной демократіи. Послѣднее сказалось на съѣздѣ нѣкоторыми противорѣчіями, нарушеніемъ на съѣздѣ того единодушія, которое царило въ организаціи крупныхъ промышленниковъ, въ Совѣтѣ съѣздовъ; но за то оно придало съѣзду ту авторитетность и значеніе въ широкихъ кругахъ общества, которыхъ иначе онъ не имѣлъ бы. Выборомъ затѣмъ въ предсѣдатели и товарищи предсѣдателя центральнаго комитета Гучкова и Коновалова промышленники установили прямую связь между собой и двумя центральными партіями Думы, октябристами и прогрессистами, а почти прямымъ намѣченіемъ кандидатуры Гучкова на самый отвѣтственный въ данный моментъ правительственный постъ, явно протянули руку къ власти.

Промышленники мобилизовались, промышленники работаютъ, чтобы сплотить вокругъ себя широкіе общественные круги, вплоть до буржуазной демократіи, въ начавшемся общественномъ движеніи промышленники стремятся захватить гегемонію. Это сулитъ крупныя общественныя перемѣны, но это же выдвигаетъ передъ пролетаріатомъ опасность, что въ этихъ общественныхъ перемѣнахъ окажется обдѣленнымъ онъ. И опять-таки это зоветъ пролетаріатъ къ энергичному дѣйствію, къ всестороннему вмѣшательству въ этотъ процессъ организаціи общественныхъ силъ, не останавливающемуся ни передъ какимъ рискомъ, ни передъ какими опасностями.

Н. Череванинъ.

О войнѣ и демократіи.

Въ прошломъ № нашего журнала П. Масловъ помѣстилъ статью на волнующую сейчасъ широкіе круги тему „Война и демократія“. Въ этой статьѣ П. Масловъ категорически отстаиваетъ право рабочей демократіи на національную самооборону. Онъ полагаетъ, что самооборона „не только не противорѣчитъ интересамъ демократіи и интернаціонала“, но и опредѣленно формулировалась всѣми частями демократіи въ программномъ требованіи народной милиціи.

П. Масловъ совершенно правъ въ томъ, что до самаго послѣдняго времени право, если не обязанность, рабочей демократіи на національную самооборону никѣмъ въ интернаціоналѣ серьезно не оспаривалось и не подвергалось сомнѣнію. Отрицаніе этого права, аттестованіе его соціалъ-патріотизмомъ, исходившее отъ Эрве и анархо-синдикалистовъ, всегда встрѣчалось въ интернаціоналѣ, особенно въ его марксистской части, самымъ рѣшительнымъ протестомъ. Всѣми всегда считалось общепризнаннымъ положеніемъ, что интернаціонализмъ не означаетъ равнодушія и безразличія къ судьбамъ своего отечества. Точно также всѣ всегда считались съ тѣмъ, что демократія въ случаѣ нападенія и, особенно, вторженія въ страну встанетъ на ея защиту.

Но, если П. Масловъ правъ въ этомъ отношеніи, то онъ далеко не правъ въ той аргументаціи, которой онъ пользуется въ защитѣ этого до самого послѣдняго времени общепризнаннаго въ интернаціоналѣ положенія. Дѣло въ томъ, что, обосновывая принципъ національной самообороны, онъ оперируетъ аргументами, чуждыми рабочей демократіи, и, тѣмъ самымъ, поддерживаетъ

тѣ *проявленія* національной самообороны, которыя мы сейчасъ видимъ на практикѣ, и которыя, упрочившись въ сознаніи широкихъ массъ, грозятъ самостоятельному существованію демократіи и ея интернаціонализму.

П. Масловъ полагаетъ, что, „самозащита страны не находится въ противорѣчіи съ интернаціональными интересами", ибо эти интересы „являются ни больше ни меньше, какъ *гармоніей національныхъ интересовъ*, выражающейся въ обширномъ сотрудничествѣ демократій и въ борьбѣ противъ угнетенія другихъ народностей, отъ кого бы это угнетеніе не исходило". Соотвѣтственно этому, по его мнѣнію, „задача демократіи заключается въ томъ, чтобы защита національныхъ интересовъ не находилась въ противорѣчіи съ интересами интернаціональными".

Мы, конечно, понимаемъ, что, говоря о національныхъ и интернаціональныхъ интересахъ, П. Масловъ разумѣетъ интересы, національные и интернаціональные, рабочаго класса, ибо въ противномъ случаѣ онъ врядъ ли бы могъ говорить о гармоніи интересовъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, между прочимъ, и слѣдующія его слова: „если бы національные интересы были противоположны и непримиримы съ интернаціональными, то существованіе интернаціонала было бы утопіей". И тѣмъ не менѣе, мы думаемъ что опредѣленіе П. Маслова какъ *сущности интернаціональныхъ интересовъ*, такъ и *задачъ демократіи* и невѣрно и неполно.

Прежде всего совершенно невѣрно опредѣленіе сущности интернаціональныхъ интересовъ, какъ гармоніи національныхъ интересовъ. Въ современномъ обществѣ нельзя говорить ни о какой гармоніи интересовъ, въ томъ числѣ національныхъ. Національный антагонизмъ—такой же фактъ, какъ напр. антагонизмъ классовый. Поэтому, и національные интересы рабочихъ—одной націи, далеко не всегда находятся въ состояніи гармоніи съ національными интересами рабочихъ другой націи. Интересы нѣмецкихъ рабочихъ, какъ нѣмцевъ, напр. въ настоящее время антагонистичны интересамъ англійскихъ рабочихъ, какъ англичанъ. И нѣмецкіе и англійскіе рабочіе, какъ части одного коллектива-націи, заинтересованы сейчасъ въ успѣхѣ своей націи, заинтересованы, между прочимъ, и экономически: въ зависимости отъ торжества своего отечественнаго имперіализма, могущаго дать толчекъ развитію отечественнаго производства, они могутъ расчитывать при извѣстныхъ условіяхъ на улучшеніе своего положенія *). То, что теперь сказалось съ особенной силой и напряженіемъ, имѣетъ значеніе всегда. Припомнимъ, хотя бы, популярность среди американскихъ рабочихъ мѣръ, направленныхъ къ стѣсненію иммиграціи, особенно, желтыхъ рабочихъ—

*) Этимъ мы отнюдь не думаемъ утверждать, что имперіализмъ германскихъ правящихъ сферъ есть выраженіе потребности общественнаго развитія Германіи. Въ данное время пожалуй можно сказать, что не только имперіализмъ, но и капитализмъ уже не является болѣе условіемъ прогресивнаго развитія. Но заключить отсюда о полной незаинтересованности широкихъ массъ германскаго народа въ торжествѣ отечественнаго имперіализма—также неправильно: извѣстныя, можетъ быть, временныя и весьма относительныя выгоды онъ можетъ все-таки дать. Мы сталкиваемся здѣсь съ обычными противорѣчіями современнаго общества.

китайцевъ, корейцевъ и японцевъ. Національный интересъ американскихъ рабочихъ заключался въ томъ, чтобы возможно больше ограничить доступъ опасныхъ для нихъ конкурентовъ, совершенно не считаясь съ интересами желтыхъ рабочихъ. Строить, поэтому, интернаціоналъ демократіи на защитѣ *національныхъ* интересовъ рабочихъ на томъ основаніи что эти интересы якобы находятся въ состояніи гармоніи, является, по нашему мнѣнію чистѣйшей утопіей. Если задачей демократіи является защита національныхъ интересовъ, то никакого сотрудничества отдѣльныхъ ея частей, ни широкаго, ни узкаго, по нашему мнѣнію, не получится, а останется одна только защита національныхъ интересовъ, до поры до времени вуалированная разговорами объ ихъ гармоніи.

То, что сближаетъ интересы рабочихъ различныхъ національностей, не взирая на противоположность ихъ національныхъ интересовъ,—это ихъ одинаковое повсюду экономическое положеніе, какъ продавцовъ рабочей силы, ихъ специфическая повсюду роль въ процессѣ производства, другими словами, ихъ общій классовый интересъ. Какъ бы не было велико торжество ихъ націи или, наоборотъ, какъ бы не было велико ея паденіе, они всегда останутся въ положеніи продавцовъ рабочей силы съ своими особыми классовыми интересами и вытекающими отсюда общими задачами. Этотъ общій рабочимъ всѣхъ національностей классовой интересъ, единственный въ современномъ обществѣ реальный интернаціональный интересъ, и является тѣмъ базисомъ, на которомъ строится зданіе широкаго сотрудничества демократій всѣхъ странъ и который дѣлаетъ это сотрудничество не пустой утопіей, несмотря на всѣ противоположности и антагонизмы національныхъ интересовъ.

Конечно, нельзя игнорировать тотъ фактъ, что всѣ рабочіе имѣютъ какую-нибудь національность, что всѣ они, рядомъ съ своимъ общимъ классовымъ интересомъ, имѣютъ еще и національные интересы, сближающіе ихъ съ другими классами своей націи. Игнорировать этотъ фактъ нельзя уже по одному тому, что еще и до войны наличность національныхъ интересовъ у рабочихъ вносила не мало разлада и обусловила не мало расколовъ въ рабочемъ движеніи, подобно тому, какъ и противоположность интересовъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ, квалифицированныхъ и неквалифицированныхъ, промышленныхъ и сельскихъ, мужчинъ и женщинъ и пр.—временами стояла на пути общеклассового сплоченія. Но какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ общеклассовое сплоченіе достигалось лишь путемъ отказа рабочихъ отъ исключительной защиты своихъ групповыхъ интересовъ и принятія ими общеклассовой точки зрѣнія, такъ и интернаціонализмъ въ рабочемъ движеніи, производное классового интереса, достигался только путемъ отказа отъ національной точки зрѣнія. Поэтому, представляется намъ никоимъ образомъ нельзя формулировать задачу демократіи такъ, какъ это дѣлаетъ П. Масловъ: не защита національныхъ интересовъ и пр., а защита классовыхъ, интернаціональныхъ интересовъ рабочихъ. Что же касается до національныхъ интересовъ, то они вообще лежатъ внѣ сферы заботъ демократіи, привлекая ея вниманіе лишь тогда, когда становятся на пути общеклассоваго дви-

женія, т. е. лишь тогда, когда національный интересъ является угнетеннымъ, ибо всякое угнетеніе на національной почвѣ, всегда вызывая націоналистическую реакцію, чрезвычайно осложняетъ межклассовыя отношенія и особенно легко затушевываетъ фактъ угнетенія на почвѣ экономической. Отсюда слѣдуетъ, что демократія борется прежде всего съ *политическимъ* угнетеніемъ или порабощеніемъ одной національности другою, будетъ ли это происходить въ рамкахъ одного государства въ обстановкѣ мирнаго времени путемъ изданія соотвѣтствующихъ законовъ или въ международномъ масштабѣ путемъ завоеванія. И именно, поэтому, въ интернаціоналѣ всегда признавалось право національной самозащиты и обязанность борьбы со всякими завоеваніями. Старая точка зрѣнія Эрве, доказывавшаго полное безразличіе для рабочаго класса завоеванія его страны, никогда успѣхомъ не пользовалась. Наоборотъ, идея національной независимости и право демократіи на національную самооборону въ случаѣ нападенія на ея страну, пользовались всеобщимъ признаніемъ, ибо только среди независимыхъ націй интернаціональный классовой интересъ можетъ быть осознанъ, рабочими массами въ полной мѣрѣ. Въ національной самооборонѣ, между прочимъ, видѣли одно изъ орудій демократіи въ ея борьбѣ съ захватной политикой имперіализма. Въ этомъ смыслѣ совершенно опредѣленно высказался Бебель на штутгартскомъ конгрессѣ, предостерегая своихъ французскихъ товарищей отъ пропаганды Эрве. „Антимилитаристская агитація во Франціи, говорилъ онъ, въ случаѣ ея успѣшности, была бы опасна для международнаго мира, такъ какъ въ нѣмецкихъ военныхъ кругахъ слѣдятъ за этимъ дѣломъ съ величайшимъ интересомъ и дезорганизованная французская армія имѣла бы для сильнаго противника притягательную силу магнита".

Насколько это признаніе права демократіи на національную самооборону всегда пользовалось въ интернаціоналѣ признаніемъ видно, хотя бы, изъ той полемики, которая велась по поводу англо-бурской войны. Нѣкоторыми тогда высказывалась та мысль, что побѣда промышленно-развитой Англіи надъ бурами, представителями аграрныхъ и рабовладѣльческихъ отношеній, съ международной точки зрѣнія означала бы большія выгоды. Между тѣмъ большинство интернаціонала занимало тогда обратную точку зрѣнію. Помимо того, что неудача колоніальной экспедиціи Англіи нанесла бы серьезный ударъ англійскому имперіализму и джингоизму, борьба буровъ за свою національную независимость была главнымъ основаніемъ въ пользу „бурскихъ" симпатій демократіи „Политическая самостоятельность, писалъ Каутскій по этому поводу, является для каждаго современнаго государства предварительнымъ условіемъ для его нормальнаго и быстраго развитія. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ національной самостоятельности, а не національной вражды, національная идея является могучимъ элементомъ прогресса даже тамъ, гдѣ за свою независимость борется отсталый народъ, стремясь освободится отъ народа высокоразвитаго".

Такимъ образомъ, право на національную самооборону аргументировалось ранѣе демократіей интересами классового движенія и безпрепятственнаго его развитія. Сильно эта аргументація была выражена однажды Бебелемъ въ засѣданіи рейхстага, когда онъ, обращаясь къ своимъ политическимъ противникамъ сказалъ: если намъ когда-нибудь придется защищать отъ нападенія наше нѣмецкое отечество, то мы будемъ защищать его потому, что хотимъ сдѣлать изъ него самую прекрасную страну въ мірѣ: мы будемъ защищать его *не для васъ, а противъ васъ*. Правда отдѣльныя проявленія національной самообороны, которыя мы можемъ наблюдать сейчасъ показываютъ опасный уклонъ въ сторону защиты не по Бебелевской формулѣ, а именно „для васъ"—сбстоятельство, обусловившее серьезный кризисъ всего интернаціонала. Съ этой точки зрѣнія аргументы П. Маслова, подводящіе фундаментъ, обосновывающіе національную позицію демократіи, такъ же мало способствуютъ преодолѣнію этого кризиса, какъ и огульное отрицаніе самаго права демократіи на національную самооборону.

П. Масловъ пытается оправдать позицію французской и бельгійской демократій, принявшихъ активное участіе въ національной самооборонѣ. Мы думаемъ, что для такого оправданія съ точки зрѣнія интернаціонала, именно въ виду безусловно реальной опасности для ихъ странъ отъ вторженія германскихъ войскъ, вовсе не требуется тѣхъ аргументовъ, которыми пользуется П. Масловъ.

Эти аргументы годны лишь для того, чтобы явиться теоретическимъ фундаментомъ для тѣхъ ошибокъ и уклоненій, которыхъ не сумѣли избѣжать французы и бельгійцы.

Даже та форма самообороны, которую приняли Гедъ, Самба и Вандервельде—участіе въ буржуазномъ министерствѣ—и которая кажется многимъ особенно сомнительной, даже эта форма вовсе не является неожиданной и ранѣе непредвидѣнной. Напомнимъ, что въ 1904 году именно эта форма обсуждалась на амстердамскомъ конгрессѣ. Тогда было признано, во время полемики по поводу парижской резолюціи, осуждающей участіе въ буржуазномъ министерствѣ, что могутъ быть въ жизни страны такіе моменты, когда демократія не сможетъ уклонится отъ такого участія. Авторъ парижской резолюціи, Каутскій, по этому поводу говорилъ: „въ ней (т. е. въ резолюціи) опредѣленно сказано, что только въ исключительныхъ случаяхъ соціалисты могутъ входить въ буржуазное министерство. Я имѣлъ при этомъ въ виду такое положеніе, какое, напр. наступило во Франціи послѣ 4 сентября 1870 года, когда именно съ соціалистической стороны была заявлено требованіе допущенія соціалиста, Бланки или Делеклюза, въ правительство, имѣющее своей задачей организацію обороны страны. Но резолюція говоритъ опредѣленно, что подобное участіе во власти является *жертвой*, которую соціалъ-демократія приноситъ, источникъ затрудненій и опасностей, *котораго нельзя избѣжать*, но котораго никогда не добиваются".

Мы думаемъ, что обстоятельства войны 1914 года, вторженіе какъ и въ 1870 году, германскихъ войскъ на французскую и бельгійскую территоріи, поставивъ передъ французской и бельгійской демократіями на практически политическую почву вопросъ о національной самооборонѣ, побудили ихъ принести ту жертву, о которой говорилъ въ Амстердамѣ Каутскій и которой они, въ качествѣ наиболѣе рѣшительныхъ представителей на-

рода, пожалуй и не могли избѣжать, не порывая нитей, связывающихъ ихъ съ рабочей массой и ея интересами. Эта жертва, какъ показываютъ событія, уже явилась для нихъ источникомъ затрудненій и опасностей; закрывать глаза на это не слѣдуетъ. Но повторяемъ, сколь мало основаній клеймить ихъ уже сейчасъ соціалъ-шовинистами, столь не мало основаній подкрѣплять ихъ позицію, какъ это дѣлаетъ П. Масловъ,—чуждыми демократіи аргументами.

Принятое П. Масловымъ опредѣленіе задачъ демократіи, защита національныхъ интересовъ, не входящая въ конфликтъ съ интернаціональными интересами, приводитъ его къ тому, что интернаціонализмъ демократіи лишается *положительнаго* характера—активнаго сотрудничества всѣхъ частей демократіи въ достиженіи общей задачи, выходящей за національныя рамки—и становится *отрицательнымъ*, согласно принципу: не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ. По Маслову „обширное сотрудничество“ демократій по своему содержанію сводится къ взаимному обязательству: „не вреди“, вмѣсто: „помогай“. Въ основѣ этой отрицательной формулировки интернаціонализма лежитъ признаніе гармоніи національныхъ интересовъ, этой утопіи либеральнаго манчестерства, пользовавшейся широкой популярностью среди англійской промышленной буржуазіи и ея идеологовъ въ то время, когда Англія занимала монопольное положеніе на міровомъ рынкѣ. Манчестерство признавало гармонію интересовъ не только въ междуклассовыхъ отношеніяхъ, но и въ отношеніяхъ между народами. Эти отношенія представлялись ему мирнымъ сотрудничествомъ народовъ на почвѣ ничѣмъ не стѣсненнаго, свободнаго товарообмѣна, игрой экономическихъ силъ, устанавливающей всеобщее равновѣсіе и гармонію. Отсюда любовь манчестерства къ свободной торговлѣ или праву каждой націи на самоопредѣленіе. Теорія, весьма выгодная для незнающей конкуренціи буржуазіи, теорія, формулированная однимъ поэтомъ (если не ошибаемся Фрейлигратомъ) въ слѣдующихъ саркатическихъ словахъ: да здравствуетъ свобода народовъ, неимѣющихъ... собственныхъ фабрикъ.

Теперь манчестерство, между прочимъ, и съ своими принципами пасифистской международной политики, сдано въ архивъ экономическимъ развитіемъ во всѣхъ странахъ, появленіемъ на міровомъ рынкѣ многихъ равноцѣнныхъ конкурентовъ. Мѣсто гармоніи національныхъ интересовъ, которая и раньше существовала только въ головахъ идеологовъ передовой промышленной буржуазіи, занялъ грубый антагонизмъ ихъ со всѣми своими атрибутами: охранительными пошлинами, трестами, имперіализмомъ и милитаризмомъ. И только мелко-буржуазные элементы, дающіе главные кадры пасифистскихъ демонстрацій, связанные съ мѣстнымъ или національнымъ рынкомъ, не сталкивающіеся поэтому съ товаропроизводителями другихъ странъ, но затѣмъ сильнѣе чувствующіе все бремя новой международной политики, продолжаютъ еще повторять зады манчестерской утопіи и мечтать о гармоніи національныхъ интересовъ.

Демократія и на этотъ счетъ никакихъ иллюзій себѣ не строитъ, хотя и является въ настоящее время единственной силой, отстаивающей въ международномъ общеніи принципъ свободы торговли, аргументируя его, однако, не гармоніей національныхъ интересовъ, а общностью классовыхъ интересовъ рабочихъ.

Нашей замѣткой мы хотѣли отмѣтить наше несогласіе съ національными аргументами П. Маслова. Право на національную самооборону всегда признавалось всей демократіей; подсказывается оно ей въ моментъ серьезной національной опасности, прежде всего интересами рабочаго класса и развитія его движенія въ будущемъ, ибо всякое завоеваніе бьетъ прежде всего по этимъ интересамъ. Подкрѣплять его „новыми“ аргументами, особенно въ наше время обострения націоналистическихъ чувствъ—съ одной стороны, и огульнаго отрицанія самообороны—съ другой, врядъ-ли означаетъ содѣйствіе преодолѣнію идейнаго кризиса демократіи.

А. Горскій.

За границей.

Выступленіе Италіи.

I.

Выступленіе Италіи дало нѣсколько новыхъ и яркихъ штриховъ для характеристики цѣлей и «смысла войны», опредѣленію которыхъ въ настоящее время посвящается не мало книгъ, брошюръ и статей на разныхъ языкахъ.

Въ той формѣ, въ какой оно совершилось, вмѣшательство Италіи способно разрушить нѣкоторыя легенды и иллюзіи, которыя уже сложились и продолжаютъ еще складываться вокругъ міровой войны. Оно показало прежде всего, что существующіе между государствами договоры и союзы не имѣютъ никакого значенія и силы тамъ, гдѣ на сцену выступаютъ реальные интересы вліятельныхъ соціальныхъ группъ. Болѣе 30 лѣтъ (1883—1915 г.г.) Италія состояла въ формальномъ союзѣ съ Германіей и Австро-Венгріей, но это нисколько не помѣшало ей, послѣ 10 мѣсяцевъ колебаній и переговоровъ съ *обѣими* сторонами выступить противъ своихъ вчерашнихъ союзниковъ на сторонѣ ихъ противниковъ. Во всемъ поведеніи официальной Италіи, пожалуй, наиболѣе характернымъ являются именно эти совершенно откровенные переговоры. Въ этихъ переговорахъ на оба фронта дѣло шло о тѣхъ территоріальныхъ уступкахъ и «компенсаціяхъ», которыя Италія получитъ за свое вмѣшательство въ одномъ случаѣ, за свой нейтралитетъ—въ другомъ.

По истинѣ то была «цѣна крови».

Еще наканунѣ выступленія Италіи газеты сообщали о томъ, что ея переговоры съ Германіей и Австро-Венгріей продолжаются, но противоположная чаша вѣсовъ въ концѣ концовъ перетянула и Италія выступила на сторонѣ державъ согласія. Иллюзія международныхъ договоровъ и союзовъ развѣялась какъ дымъ; фактъ превалированія реальныхъ интересовъ наглядно выступилъ на лицо.

Выступленіе Италіи на сторонѣ Тройственнаго Согласія можно было предсказать, ибо оно вытекало почти съ неизбѣжной необходимостью изъ создавшейся міровой ситуаціи. Обыкновенно различные «собственные корреспон-

денты» изъ Италіи изображали дѣло въ такомъ свѣтѣ, что ея вмѣшательство вызывается стремленіемъ итальянскаго народа къ освобожденію братьевъ—итальянцевъ, стонущихъ подъ австрійскимъ игомъ въ итальянскихъ провинціяхъ Австро-Венгріи, т. е. потребностью завершить дѣло національнаго объединенія, не оконченное въ 60-хъ годахъ. Дѣйствительность опровергла эти утвержденія: Германія и Австрія, видимо, уже склонялись къ тому, чтобы удовлетворить «національныя» требованія Италіи, т. е. вернуть или поставить подъ ея исключительное вліяніе итальянскія провинціи Австро-Венгріи (австрійскій Тироль, область Тріеста). Но разногласія возникли изъ за требованій, предъявленныхъ Италіей на области съ преобладающимъ славянскимъ населеніемъ (Истрія и Далмація), имѣющія большое экономическое значеніе для итальянской промышленности. Къ этимъ разногласіямъ надо прибавить еще заинтересованность Италіи и ея имперіалистскихъ круговъ въ разрѣшеніи балканскихъ вопросовъ, въ духѣ идущемъ въ разрѣзъ съ интересами Турціи, а, слѣдовательно, и Германіи, и Австро-Венгріи.

Не *національныя*, а *соціально-экономическія* и «*государственныя*» (въ смыслѣ разсчетовъ внѣшней политики) соображенія склонили Италію на сторону Тройственнаго согласія, ибо побѣда послѣдняго, въ особенности послѣ вмѣшательства въ войну Турціи, давала больше перспективъ итальянскимъ финансистамъ и промышленникамъ, чѣмъ побѣда Германіи и ея союзниковъ. И это ясно видно изъ того, что выступленіе Италіи произошло въ моментъ, не слишкомъ благопріятный для союзниковъ—въ начальный періодъ отступленія русскихъ войскъ изъ Галиціи.

Но если рѣшающимъ и опредѣляющимъ моментомъ въ выступленіи Италіи были соціально-экономическіе мотивы извѣстныхъ вліятельныхъ группъ, то нельзя сказать что національный вопросъ и національныя стремленія не играли здѣсь никакой роли. Только роль эта была совсѣмъ не такова, какой изображаютъ ее «собственные корреспонденты». Въ извѣстныхъ слояхъ итальянскаго народа (въ городской мелкой буржуазіи, интеллигенціи и въ нѣкоторой части рабочихъ) живы вышеупомянутыя національно-объединительныя и *ирредентистскія* (освободительныя по отношенію къ итальянскому населенію Австріи) стремленія. Существованіе такихъ стремленій могло сдѣлать войну популярной въ массахъ населенія, придать ей ореолъ освободительной войны и легче сломить сопротивленіе тѣхъ группъ, которыя были противъ нея.

Если во Франціи и Бельгіи необходимость обороны страны отъ вражескаго нашествія объединила вокругъ правительства всѣ классы и политическія партіи этихъ странъ, то въ Италіи ирредентистскія традиціи и надежды сплотили вокругъ правительства республиканскіе, до тѣхъ поръ бывшіе въ непримиримой оппозиціи, элементы, а также нѣкоторую (меньшую) часть соціалистовъ («независимыхъ», отколовшихся отъ партій, и многихъ синдикалистовъ) и придали этой наступательной со стороны Италіи войнѣ «національный» характеръ.

Въ этомъ именно отношеніи національный моментъ, какъ идеологическая надстройка надъ матеріальнымъ базисомъ, сыгралъ крупную роль во вмѣшательствѣ Италіи въ міровую войну.

II.

Въ настоящее время было бы еще преждевременно предсказывать вліяніе на ходъ и исходъ войны выступленія Италіи. Пока оно почти ничѣмъ не сказалось на общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, но, вѣроятно, въ свое время участіе въ войнѣ итальянскихъ армій ускоритъ развязку и окажетъ вліяніе на матеріальные и политическіе результаты войны.

Нѣкоторые соціалисты (не итальнскіе) съ этой точки зрѣнія высказывались за необходимость въ интересахъ демократіи вмѣшательства Италіи въ войну и порицали итальянскихъ соціалистовъ за ихъ противодѣйствіе этому вмѣшательству. И не только экспансивный Эрве, обвинявшій итальянскихъ соціалистовъ въ доктринерствѣ и отсутствіи мужества, но и болѣе остроумные Вальянъ, Гэдъ и Плехановъ. Такъ Гэдъ заявилъ (см. «Н. Д.» № 1 стр. 140), что «вмѣшательство Италіи поведетъ къ сокращенію времени военныхъ дѣйствій, что въ свою очередь поведетъ за собой сохраненіе десятковъ тысячъ человѣческихъ жизней». Въ пользу вмѣшательства Италіи и необходимости активнаго содѣйствія ему со стороны итальянскихъ соціалистовъ говорилъ и Г. В. Плехановъ въ рефератѣ, изложенномъ во 2-мъ № «Н. Дѣла».

Правы ли всѣ они въ своихъ утвержденіяхъ?

Разумѣется, при извѣстныхъ условіяхъ выступленіе Италіи способно было бы ускорить окончаніе войны и въ конечномъ итогѣ сберечь нѣсколько десятковъ тысячъ жизней. Но такое же значеніе могло бы имѣть вмѣшательство любой другой страны и послѣдовательно разсуждая, надо было бы требовать отъ соціалистовъ нейтральныхъ странъ расширенія мірового пожара, что фактически могло бы вмѣсто желательнаго ускоренія привести къ удлиненію продолжительности войны. Но не только это надо имѣть въ виду. Гэду или Вальяну, признавшимъ необходимымъ защащать свою родину и ея демократическія учрежденія отъ иноземнаго вторженія, кажется естественнымъ что и соціалисты другихъ странъ должны становиться на *ихъ* точку врѣнія, не считаясь съ условіями и интересами собственной страны и собственнаго народа.

А между тѣмъ, поскольку международной спеціалистической организаціи передъ лицомъ грозныхъ событій не оказалось и, слѣдовательно, стало невозможно *коллективное* рѣшеніе вопроса объ отношеніи къ этой войнѣ, постольку для соціалистовъ каждой страны долженъ былъ въ первую очередь вставать вопросъ о томъ, какую роль играетъ его родина въ этомъ конфликтѣ и чего требуютъ интересы *ея* рабочаго класса.

Именно исходя изъ условій развитія собственной страны и возможныхъ послѣдствій для нея отъ войны, большинство итальянскихъ соціалистовъ встало на точку зрѣнія рѣшительнаго нейтралитета. Ибо одно дѣло признать войну, разъ она объявлена, фактомъ и принять участіе въ оборонѣ своей родины, если ей грозитъ опасность, какъ это сдѣлали французскіе и бельгійскіе соціалисты и совсѣмъ другое дѣло санкціонировать и приложить свою руку къ активному вмѣшательству своей родины въ войну, когда ея нейтралитету ничто абсолютно не угрожаетъ.

Позиція итальянскихъ соціалистовъ лучше всего выражена въ резолюціи правленія партіи, принятой по соглашенію съ представителями професс. союзовъ наканунѣ выступленія Италіи, когда было уже несомнѣнно, что оно неизбѣжно. Въ резолюціи этой говорилось:

«Указывая на чрезвычайную серьезность положенія, рабочій классъ предупреждаетъ правительство и господствующіе классы о тяжелой отвѣтственности, которую они берутъ на себя, объявляя наступательную войну, которая не встрѣчаетъ и не можетъ встрѣтить одобренія раб. класса и напротивъ уже встрѣтила проявленія самаго рѣшительнаго недовольства . . . . . «Далѣе резолюція призываетъ партійныя организаціи, насколько возможно, противодѣйствовать объявленію войны, но, считаясь съ возможностью ея объявленія, несмотря на это противодѣйствіе, призываетъ «во время и послѣ войны твердо держаться за свои партійные принципы».

Подобную же позицію развилъ одинъ изъ лидеровъ итальянской соціалистической партіи Турати въ интервью, въ которомъ онъ подвергъ разсмотрѣ-

нію упреки Эрве по адресу итальянскихъ соціалистовъ. По мнѣнію Турати, въ конечномъ счетѣ отвѣтственность за войну ложится скорѣе на трагическую фатальность общественнаго порядка современныхъ государствъ, чѣмъ на злую волю правительствъ или партій. Тѣмъ не менѣе онъ не будетъ скрывать, что симпатіи итальянскихъ соціалистовъ скорѣе на сторонѣ Бельгіи и Франціи, чѣмъ на сторонѣ центральныхъ державъ. Но подобныя симпатіи въ странѣ съ всеобщей воинской повинностью вовсе не должны служить поводомъ къ тому, чтобы вести войну. Во всей міровой исторіи нѣтъ примѣра войны, которая велась бы по соображеніямъ симпатіи». Турати признаетъ далѣе, что международная организація рабочихъ испытала періодъ замѣшательства, не сумѣвъ предотвратить войны, но онъ не считаетъ это банкротствомъ Интернаціонала. «То, что въ критическій моментъ страна, на которую напали или которая полагаетъ, что на нее напали, устраняетъ всякіе внутренніе раздоры, чтобы охранить существующее благо-національную независимость, еще не означаетъ, что эти внутренніе раздоры перестали вообще существовать». По мнѣнію Турати, позиція итальянскихъ соціалистовъ соотвѣтствуетъ интересамъ не только Италіи, но и интересамъ рабочихъ всего міра, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Такова была позиція итальянскихъ соціалистовъ во все время до вступленія Италіи въ войну, позиція, которую они на практикѣ и проводили.

III.

Съ самаго начала міровой войны итальянская соціалистическая партія рѣшительно выступила противъ вмѣшательства въ нее Италіи. Въ началѣ дѣло шло о выступленіи Италіи на сторонѣ своихъ союзницъ Германіи и Австріи. Не выступить съ рѣшительнымъ протестомъ противъ этого значило санкціонировать и приложить свою руку къ нарушенію нейтралитета Бельгіи, къ нападенію на французскую республику. Итальянскіе соціалисты, понявъ, какое роковое значеніе для европейской демократіи будетъ имѣть побѣда Германіи и Австро-Венгріи, весьма вѣроятная при присоединеніи къ нимъ Италіи, заявили, что въ случаѣ объявленія войны они устроютъ возстаніе. Но правительство Италіи не могло присоединиться къ Германіи и Австріи: какъ мы уже видѣли, интересы господствующихъ круговъ Италіи и настроеніе широкихъ массъ населенія склоняли его скорѣе въ пользу Тройственнаго Согласія. Но выступить сразу было рискованно: вопервыхъ, слишкомъ гадательны были возможные результаты войны, т. к. не взвѣшены еще были шансы обѣихъ сторонъ; во вторыхъ, итальянская армія не была еще достаточно подготовлена. И вотъ правительство Саландры, съ одобренія всѣхъ партій, кромѣ соціалистовъ, клерикаловъ и небольшой группы Джіолитти, объявило о необходимости политики «активнаго и бдительнаго нейтралитета», подъ флагомъ котораго производились усиленныя военныя приготовленія и который не оставлялъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ своеобразный «нейтралитетъ» скоро превратится въ свою собственную противоположность.

Соціалисты учитывали эту возможность и, хотя вопросъ шелъ теперь уже о вмѣшательствѣ на сторонѣ Тройственнаго Согласія, повели энергичную кампанію противъ «интервенціи» (вмѣшательства), будучи рѣшительными сторонниками мира, и считая бѣдствіемъ для Италіи ея участіе въ войнѣ.

Положеніе соціалистовъ было чрезвычайно тяжелымъ: имъ приходилось плыть все время противъ теченія. Съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ войны настроеніе въ Италіи въ пользу вмѣшательства все усиливалось. Неудачи австрійцевъ и германцевъ, разореніе Бельгіи и сѣверо-восточной Франціи,—все это вызывало все большія симпатіи въ массахъ населенія Италіи къ Тройственному Согласію и усиливало позицію сторонниковъ вмѣшательства. Соціалистамъ пришлось выдерживать борьбу за поддержаніе мира въ собственныхъ рядахъ.

Не только такъ называемые «независимые» соціалисты (реформисты), образующіе самостоятельную партію, имѣющіе своими вождями Биссолати и Бономи, которые еще во время Триполитанской войны обнаружили нѣкоторыя имперіалистскія и милитаристскія симпатіи, но и вліятельные синдикалисты (Лабріола) и нѣкоторые члены партіи стали высказываться за вмѣшательство, мотивируя его необходимость, какъ интересами европейской демократіи, такъ и національными задачами итальянскаго народа. Дѣло дошло до того, что редакторъ центральнаго органа партіи «Впередъ» (Avanti) Муссолини, революціонный соціалистъ, сталъ ярымъ сторонникомъ вмѣшательства и, будучи исключенъ изъ партіи за свою агитацію въ этомъ духѣ, сталъ издавать свой собственный органъ и собралъ вокругъ себя нѣкоторые элементы, отколовшіеся отъ партіи по вопросу объ отношеніи къ войнѣ.

При такомъ тяжеломъ положеніи естественно, что итальянскіе соціалисты вынуждены были быть чрезвычайно осторожными въ оцѣнкѣ событій и во всемъ своемъ поведеніи, дабы не дать новаго оружія сторонникамъ вмѣшательства. Симпатизируя больше позиціи французскихъ и бельгійскихъ соціалистовъ, чѣмъ германскихъ, что ясно видно какъ изъ вышеприведеннаго интервью съ Турати, такъ и изъ бесѣды правленія партіи съ Зюдекумомъ (см. «Наша Заря» 1914 г. №№ 6—9), они въ офиціальныхъ своихъ заявленіяхъ старались въ интересахъ проведенія строгаго нейтралитета, не дать открытаго выраженія этимъ симпатіямъ.

Борьба между нейтралистами и «интервенціонистами» становилась все ожесточеннѣе. На митингахъ, устраиваемыхъ обѣими сторонами, происходили потасовки и дѣло нерѣдко доходило до выстрѣловъ и тяжелыхъ ранъ. Но, если благодаря энергичной кампаніи, развитой соціалистической партіей, ея организованные кадры остались въ большинствѣ своемъ на отмѣченной уже позиціи, то не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что агитація «интервенціонистовъ не оставалась безъ вліянія на значительные слои неорганизованныхъ массъ и прилегающихъ къ нимъ мелко-буржуазныхъ слоевъ. Повидимому, насколько объ этомъ можно судить по имѣющимся отрывочнымъ даннымъ, на промышленномъ сѣверѣ, которому нужно стать театромъ военныхъ дѣйствій, настроеніе рабочихъ было противъ вмѣшательства, тѣмъ болѣе что и рабочіе этого района болѣе культурны, организованны и сознательнѣе относятся ко всему происходящему. Напротивъ, на земледѣльческомъ, мало культурномъ югѣ рабочіе склонялись къ вмѣшательству, питая какія то смутныя надежды на улучшеніе своего бѣдственнаго положенія въ связи съ ожидаемыми отъ войны экономическими и политическими пріобрѣтеніями. Среди этихъ элементовъ, равно какъ среди мелкой буржуазіи и интеллигенціи, черпали себѣ сторонниковъ «интервенціонисты» всѣхъ партій — радикалы, республиканцы и независимые соціалисты.

Вообще настроеніе итальянскаго пролетаріата въ цѣломъ, повидимому, хорошо характеризуется виднымъ соціалистическимъ депутатомъ Моргари, сторонникомъ строгаго нейтралитета Италіи.

Моргари сказалъ одному русскому журналисту:

«Я лично ведшій кампанію въ пользу нейтралитета... не могу сказать, что... итальянскій пролетаріатъ стоитъ на моей и Турати точкѣ зрѣнія..... Даже самые непримиримые противники вмѣшательства питаютъ самыя горячія симпатіи къ Франціи и особенно къ несчастной истерзанной Бельгіи. Сколько разъ я слышалъ отъ многихъ рабочихъ, стоявшихъ какъ и я за нейтралитетъ, восклицанія: «А все-таки было бы хорошо, чтобы Германія была скорѣе разбита Франціей, чтобы нѣмецкія войска были скорѣе выгнаны изъ Бельгіи...

Не мало рабочихъ... стоятъ за войну съ Австріей и Германіей. И къ чести этихъ рабочихъ я долженъ сказать, что въ отличіе отъ представителей буржуазнаго міра, въ данномъ случаѣ основную роль играютъ *идеалистическія* побужденія» [1]).

Въ парламентѣ депутаты-соціалисты, всякій разъ какъ онъ собирался, голосовали противъ кредитовъ на всякія подготовительныя къ войнѣ мѣры и протестовали противъ политики правительства, неизбѣжно ведущей къ вмѣшательству Италіи въ войну. Когда правительство, незадолго до объявленія войны Австріи, выступило съ проектомъ ограниченія свободы собраній въ виду тревожнаго настроенія умовъ и постоянныхъ столкновеній между сторонниками вмѣшательства и нейтралитета, соціалисты были единственной партіей, протестовавшей противъ этой исключительной мѣры.

Но соціалисты не скрывали отъ себя, что пропагандируя неустанно миръ и выполняя этимъ свой долгъ передъ страной и интернаціоналомъ, они не въ силахъ будутъ помѣшать объявленію войны. Возникалъ вопросъ: какъ быть, если война будетъ все же объявлена? Теперь никто уже не говорилъ объ объявленіи возстанія, о которомъ партія официально грозила въ началѣ войны: была слишкомъ ясна невозможность возстанія при сочувственномъ отношеніи къ войнѣ значительныхъ массъ населенія. Поэтому самые пылкіе элементы въ партіи ограничились предложеніемъ всеобщей стачки, въ случаѣ войны, и нѣкоторыя организаціи (миланская партійная группа, туринская рабочая палата и др.) вынесли въ этомъ духѣ резолюцію.

Большинство партійныхъ вождей было, однако, противъ всеобщей стачки, считая ее непримѣнимой при господствующихъ настроеніяхъ въ населеніи и среди рабочихъ, и какъ мы видѣли резолюція правленія партіи и представителей проф. союзовъ Италіи призываетъ рабочихъ во время войны только слѣдовать классовой политикѣ, ни словомъ не упоминая о всеобщей стачкѣ [2]).

Еще въ январѣ Турати выступалъ противъ Муссолини, бывшаго тогда сторонникомъ нейтралитета и высказывавшагося за всеобщую стачку въ случаѣ объявленія войны. Всеобщая стачка—говорилъ тогда Турати—имѣетъ смыслъ, если она можетъ имѣть успѣхъ, но «никто серьезно не можетъ повѣрить тому, что можно посредствомъ всеобщей стачки предотвратить войну». Въ томъ же духѣ высказывался и Моргари въ упомянутой выше бесѣдѣ: «Изъ того, что я сказалъ Вамъ выше, нетрудно догадаться, что итальянскій пролетаріатъ, стоящій на точкѣ зрѣнія нейтралитета, все же не отвѣтитъ всеобщей забастовкой на объявленіе войны. Итальянскіе рабочіе, подобно пролетаріямъ Франціи и Бельгіи, будутъ защищать страну противъ внѣшняго врага.

Мы дѣлаемъ теперь—пока еще не поздно—все отъ насъ зависящее, чтобы помѣшать вмѣшательству Италіи и устранить внѣшнюю войну. Если же эта катастрофа... все же разразится, мы не будемъ устраивать возстанія или всеобщихъ забастовокъ въ тылу арміи».

Послѣдней попыткой со стороны итальянскихъ соціалистовъ противодѣйствовать объявленію войны были демонстраціи въ пользу мира, приноровленныя къ 10-му мая. По сообщенію собственнаго корреспондента «Vorwärts'a» изъ Рима отъ 2-го мая: «майскій праздникъ во всей Италіи далъ поводъ къ манифестаціямъ въ пользу мира и протекалъ торжественно. Публичныя собранія были повсюду разрѣшены. Даже ежедневныя газеты не вышли и электрическія желѣзныя дороги не дѣйствовали. Въ соціалистическихъ общинахъ (съ большинствомъ гласныхъ—соціалистовъ) были закрыты школы и присутственныя мѣста. Никакихъ столкновеній не было».

Это было послѣдней вспышкой угасавшаго пламени противодѣйствія войнѣ. Событія быстро развивались. Черезъ нѣсколько дней была объявлена мобилизація, а потомъ и война. Вслѣдъ за тѣмъ были введены новыя правила о печати. Страна перешла на военное положеніе.

Черезъ нѣсколько дней газеты сообщили о конфискаціи номера «Avanti».

Мы видимъ, что линія поведенія итальянскихъ соціалистовъ до объявленія войны въ общемъ и цѣломъ совпадала съ линіей поведенія французскихъ, бельгійскихъ, германскихъ и англійскихъ соціалистовъ до начала войны, и вытекала изъ обще-соціалистическихъ принциповъ: *пока войны нѣтъ*, обязанностью партіи является противодѣйствіе всѣми способами ея возникновенію. Другое дѣло—разъ война объявлена: приходится считаться съ тѣмъ, какъ, кѣмъ и во имя чего она объявлена. И хотя, судя по заявленію Моргари, «итальянскіе рабочіе, подобно пролетаріямъ Франціи и Бельгіи, будутъ защищать страну противъ внѣшняго врага», но, въ виду наступательнаго характера войны со стороны Италіи, ихъ представители врядъ-ли возьмутъ на себя такую отвѣтственность за веденіе войны, какъ это сдѣлали соціалисты Франціи и Бельгіи.

Въ этомъ отношеніи характерно, что правительство Италіи пока привлекло въ свой составъ только представителя республиканской партіи Барзилая, даже не пригласивъ вождя независимыхъ соціалистовъ-реформистовъ—Биссолати. Что касается до соціалистической партіи, то, судя по ея отношенію къ войнѣ, она не пошлетъ своихъ представителей въ правительство, даже если бы это было ей предложено.

В. Леоновъ.

[1]) „Современникъ", май 1915 г., ст. М. Павловича „Италія и война".

[2]) Вопросъ о всеобщей стачкѣ былъ поставленъ на референдумъ среди членовъ партіи. Намъ неизвѣстны результаты его, но, судя по всѣмъ имѣющимся даннымъ, они не были благопріятны для объявленія всеобщей стачки, по крайней мѣрѣ оно не послѣдовало.

Война и положеніе рабочаго класса во Франціи.

I.

Состояніе промышленности.

Ни одна страна изъ всѣхъ нынѣ воюющихъ странъ не подверглась, вѣроятно, такому жестокому промышленному кризису, какъ Франція. Вслѣдствіе систематическаго уменьшенія количества населенія она вынуждена была подъ постоянной угрозой нѣмецкаго нашествія, которая существовала больше въ воображеніи французскихъ шовинистовъ, чѣмъ въ дѣйствительности, строго соблюдать всеобщую воинскую повинность. Когда вспыхнула война и все здоровое населеніе взято подъ ружье, промышленная жизнь страны, какъ по мановенію волшебнаго жезла, замерла совершенно.

Нужно замѣтить, что мобилизація большинства рабочихъ была далеко не единственной причиной закрытія торгово-промышленныхъ предпріятій. Встрѣчались предпріятія, гдѣ большинство это по тѣмъ или другимъ причинамъ сохранилось. Но и они вынуждены были закрыться:—въ однихъ случаяхъ по недостатку административнаго персонала: инженеровъ, техниковъ, мастеровъ; въ другихъ,—по недостатку сырыхъ матеріаловъ и топлива; въ третьихъ,—благодаря стѣсненію кредита, вызваннаго указомъ 10-го Августа 1914 года, который былъ изданъ подъ давленіемъ банковъ и ограничивалъ извѣстными

нормами выдачи частнымъ вкладчикамъ; въ четвертыхъ,—благодаря отсутствію средствъ сообщенія, такъ какъ въ это время всѣ водные и желѣзно-дорожные пути, телеграфы и телефоны обслуживали только военныя надобности страны; въ пятыхъ, наконецъ,—просто благодаря всеобщей растерянности.

Къ концу августа, однако, положеніе дѣлъ значительно улучшилось. Мобилизація кончилась. Паника, охватившая въ особенности торгово-промышленные круги, стала мало по малу проходить. По настоянію комиссіи по борьбѣ съ безработицей, засѣдавшей подъ предсѣдательствомъ соціалистическаго депутата, Семба, средства сообщенія были предоставлены въ частное пользованіе. Делегація Сенскихъ депутатовъ Палаты добилась отъ Министра финансовъ Нулленса отмѣны указа 10-го августа. Съ этого времени количество открывающихся предпріятій медленно, но безпрерывно увеличивается, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, касающейся 15 отраслей производства:

Названія отраслей производства.	Количество обслѣдованныхъ фабричн. инспекціей предпріятій.	Количество функціонирующихъ предпріятій во время войны.					
		абсолютно.			относительно.		
		Авг. 14	Окт. 14	Янв. 15	Авг. 14	Окт. 14	Янв. 15
1. Производство питательныхъ продуктовъ . .	4,396	3,948	4,033	4,099	90%	91%	93%
2. Химическое производст.	704	404	483	586	57	68	83
3. Бумажное и резиновое .	553	255	205	360	46	55	65
4. Печатное	959	534	621	676	56	65	71
5. Текстильное	1,921	606	1,180	1,565	31	61	81
6. Готоваго платья	6,111	2,959	3,048	4,283	49	65	70
7. Кожевенное	1,694	652	978	1,117	36	55	66
8. Дерево-обдѣлочное . . .	3,385	895	1,178	1,472	27	35	54
9. Металлургическое . . .	6,551	3,176	3,883	4,705	48	59	72
10. Обработка драгоцѣнн. металловъ	569	6	18	27	1	3	5
11. Обработка драгоцѣнн. камней	41	8	7	9	20	17	22
12. Строительное	1,978	248	383	1,251	18	20	65
13. Керамическое	4,49	136	170	243	30	38	54
14. Транспортъ	50	36	43	45	72	86	90
15. Торговля	2,316	1,822	1,977	2,049	85	85	88
Всего . . .	31,676	15,685	19,142	22,487	50	60	71

Анкета, собранная фабричной инспекціей въ 1912 г. распространялась на 514,527 предпріятій, подлежащихъ ея вѣдѣнію. Анкета 1914 г., изъ которой взята вышеприведенная таблица, понедостатку персонала, который былъ взятъ на войну наравнѣ съ остальными гражданами, не коснулась совершенно такихъ большихъ отраслей производства, какъ рыболовство, лѣсное дѣло, банковое, передвижная торговля, либеральныя профессіи и служащіе государства, департаментовъ и коммунъ, которые составляютъ въ общей сложности 31,707 предпріятій, а изъ остальныхъ 482,820 она обслѣдовала, какъ это видно изъ таблицы, всего только 31,675 предпріятій, что составляетъ одну семнадцатую часть общаго числа.

Трудно, конечно, сказать, какъ обстояло бы дѣло, если бы удалось обслѣдовать всѣ 514,527 предпріятій. Но и обслѣдованная часть, не смотря на ея далеко неисчерпывающій характеръ, является въ высокой степени характерной и показательной. Во первыхъ, какъ показываетъ таблица, наибольшія усилія по открытію предпріятій былъ сдѣланы въ Августѣ. Если въ началѣ этого мѣсяца количество функціонирующихъ предпріятій равнялось нулю, то

къ концу его оно равнялось уже 50%, а затѣмъ въ продолженіи каждыхъ послѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ увеличивалось на 10%. Во-вторыхъ, наименѣе всего пострадали въ изслѣдуемый періодъ производство питательныхъ веществъ, торговля и транспортъ. Даже въ самое худшее время (августъ) количество закрытыхъ предпріятій доходитъ до 28% въ транспортѣ, а въ производствѣ питательныхъ веществъ даже только до 10%. Напротивъ, производство роскоши, деревообдѣлочное, строительное и керамическое являются наиболѣе пострадавшими. И въ то время какъ въ строительномъ и керамическомъ производствѣ въ январѣ открылось едва больше половины, въ обработкѣ драгоцѣнныхъ камней остается закрытымъ 78%, а въ обработкѣ драгоцѣнныхъ металловъ даже 95% всего числа предпріятій. Въ общемъ же почти треть обслѣдованныхъ предпріятій (29%), спустя полгода послѣ объявленія войны, остается закрытой.

И это не смотря на то, что со стороны правительства, и со стороны промышленниковъ, и со стороны рабочихъ организацій были сдѣланы всѣ усилія, чтобы привести промышленную жизнь страны въ нормальное состояніе.

II.

Состояніе рабочаго рынка.

При такомъ состояніи промышленности безработица въ началѣ войны была невѣроятная. Едва объявили всеобщую мобилизацію, какъ 600,000 рабочихъ Парижа и его окрестностей, согласно даннымъ комиссіи по борьбѣ съ безработицей, оказались выброшенными на улицу. Изъ 300,000 строительныхъ рабочихъ Парижа 100,000 остались безъ работы. Но и тутъ положеніе дѣлъ улучшилось съ теченіемъ времени въ такой же почти степени, какъ и при открытіи торгово-промышленныхъ заведеній. Слѣдующая таблица, взятая изъ той же инспекторской анкеты и касающаяся тѣхъ же 15 отраслей производства, показываетъ, какъ происходило это улучшеніе за тотъ же періодъ, т. е. съ августа 14 г. по январь 15 г.

Названія отраслей производства.	Количество рабочихъ, работавшихъ въ обслѣдов. предпріятіяхъ въ нормальн. время	Количество рабочихъ работавшихъ во время войны.					
		абсолютно.			относительно.		
		Авг. 14	Окт. 14	Янв. 15	Авг. 14	Окт. 14	Янв. 15
1. Производство питательныхъ продуктовъ . .	68,836	30,935	43,209	48,889	55	63	71
2. Химическое производст.	61,647	20,877	26,619	36,549	34	43	59
3. Бумажное и резиновое .	41,124	13,404	16,146	20,592	33	39	50
4. Печатное	36,354	11,570	12,500	19,964	32	34	38
5. Текстильное	185,135	53,457	87,065	127,135	29	47	69
6. Готоваго платья	117,422	33,126	47,809	59,870	28	41	51
7. Кожевенное	50,908	13,836	21,952	32,539	27	43	64
8. Дерево-обдѣлочное . . .	59,086	8,481	12,971	18,404	1	22	31
9. Металлургическое . . .	292,508	89,992	122,172	179,420	31	42	61
10. Обработка драгоцѣнн. металловъ	8,674	479	505	850	5	6	9
11. Обработка драгоцѣнн. камней	1,529	382	335	412	25	22	27
12. Строительное	40,195	7,113	7,948	8,976	18	20	22
13. Керамическое	45,835	10,540	13,898	17,116	23	30	37
14. Транспортъ	11,207	3,137	5,874	7,016	28	52	63
15. Торговля	50,233	23,935	25,112	28,349	48	50	56
Всего . . .	1,070,793	328,264	444,115	600,090	31	41	56

Сравнивая относительныя числа этой таблицы съ соотвѣтствующими числами открывающихся предпріятій видно, что за этотъ періодъ произошло значительное сокращеніе производства. Дѣйствительно, въ то время какъ количество открывшихся предпріятій равнялось въ августѣ 50%, октябрѣ—60% и январѣ—71%, количество занятыхъ въ нихъ рабочихъ было послѣдовательно — 31% и 56%. Сокращеніе это все время сохраняетъ одну и ту же величину, за исключеніемъ послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, когда въ производствахъ химическомъ, текстильномъ, кожевенномъ и металлургическомъ, т. е. въ тѣхъ, которыя работаютъ для войны, количество занятыхъ рабочихъ обогнало количество открывающихся предпріятій на 4%. И это обстоятельство отнюдь нельзя приписать недостатку рабочихъ рукъ, какъ это дѣлаютъ многіе французскіе оптимисты. Это съ одной стороны. Съ другой,—наименѣе пострадавшими оказываются рабочіе производства питательныхъ веществъ, текстильные, кожевенные, металлургическіе и транспортные, наиболѣе—строительные и деревообдѣлочные.

Но по приведенной таблицѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя судить о дѣйствительныхъ размѣрахъ безработицы во Франціи.

По анкетѣ 1912 г. вѣдѣнію фабричной инспекціи подлежало 4,360,781. Въ это число входятъ не только 4,153,955 рабочихъ 15-ти отраслей производства, на которые распространялась анкета 1914 г. и изъ которыхъ она обслѣдовала только 1,070,793, но и 206,826 рабочихъ не обслѣдованныхъ совершенно отраслей производства, о которыхъ я уже говорилъ въ первой главѣ.

Чтобы видѣть, какъ колоссальна безработица, вызванная войной, не безполезно будетъ сравнить ее съ безработицей за соотвѣтствующій мѣсяцъ въ послѣднее десятилѣтіе, пережившее и кризисъ и репрессіи и расцвѣтъ. Вотъ таблица.

	1904-1908	1908-1912	1912	1913	1914-1915
Августъ	8,8%	6,1	5,4	4,9	45%
Октябрь	9,5%	6,9	5,1	3,9	35
Декабрь	10,2	7,5	5,5	4,5	20
Сумма . .	9,5%	6,8%	5,3%	3,8%	33,3%

Правда, цифры, приведенные въ таблицѣ, за исключеніемъ послѣдней графы, касаются только профессіональныхъ союзовъ. Цифры 1913 г., напримѣръ, относятся къ 208,335 рабочимъ, принадлежащимъ къ 740 синдикатамъ. Но они безусловно выше среднихъ, потому что безработица всегда бываетъ

больше среди организованныхъ, чѣмъ неорганизованныхъ, и потому вполнѣ сравнимы. Не смотря на это, безработица въ августѣ 1914 г. въ 5 разъ превосходила безработицу въ годы промышленнаго кризиса (1904 — 1908 г г.). и въ 9 разъ въ годы промышленного подъема (1912—1913 г.г.) Въ декабрѣ соотношеніе измѣнилось значительно къ лучшему: безработица 14 г. превосходитъ безработицу 904—908 г. въ 2 раза, а 912—913 г. — въ 4½ раза, но и въ это время она остается еще необыкновенно высокой.

Но безработица, вызванная войной во Франціи, оставляетъ далеко позади себя не только свою собственную безработицу за послѣднее десятилѣтіе, а и современную безработицу Германіи.

Дѣйствительно, въ то время какъ во Франціи въ августѣ насчитывалось 45% безработныхъ, а въ январѣ 20%, въ Германіи ихъ было въ первомъ случаѣ 21,2%, во второмъ—6,6%. Какъ видно, изъ этого сравненія не только въ Германіи меньше было безработицы, чѣмъ во Франціи, но и темпъ уменьшенія тамъ былъ сильнѣе, чѣмъ здѣсь. Если за полугодіе войны безработица во Франціи уменьшилась едва въ 2 раза, то въ Германіи она сократилась больше чѣмъ въ 3 раза.

В. Александровъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Вокругъ обороны.

I.

Годъ войны и рядъ тяжелыхъ уроковъ, преподанныхъ этимъ годомъ повернули, наконецъ, вниманіе широкихъ общественныхъ круговъ отъ внѣшняго къ внутреннему. Понадобился цѣлый долгій годъ съ его неисчислимыми жервами, чтобы, правда, теперь уже не только такіе сторонники національной обороны, какъ партія г. Милюкова, но даже патріоты изъ Суворинскаго лагеря почувствовали и осознали неразрывную связь «внутреннихъ вопросовъ» съ внѣшними. Понадобились по-истинѣ удары дубины по головамъ для пробужденія сознанія, для ослабленія Меньшиковской боязни внутреннихъ дѣлъ, для пониманія той простой истины, что оппозиція власти не только далеко не всегда дезорганизуетъ обороняющуюся страну, но зачастую организуетъ и увеличиваетъ ея силы.

Война за годъ обнажила, сдѣлала кричащимъ то, что нетрудно было предвидѣть съ самаго начала. Изъ обычнаго столкновенія выученныхъ и такъ или иначе отдѣленныхъ отъ народа армій война обратилась въ столкновеніе самихъ *странъ*, въ которомъ на чашку вѣсовъ, опредѣляющихъ успѣхъ или неуспѣхъ, побѣду или пораженіе, оказались брошенными не столько численность армій, ихъ военная подготовленность, стратегическая талантливость военноначальниковъ и т. п., сколько уровень общей культурности воюющей страны, высота развитія ея производительныхъ силъ, общественная организованность и т. д.

Война и именно теперешняя война, вспыхнувшая на современной высокой ступени капиталистическаго развитія, властно передвигаетъ центръ тяжести съ арміи на страну, на ея состояніе и устройство, ставитъ на первое мѣсто народъ, а не одну изъ его частей—армію.

Такая передвижка, только позже другихъ странъ, совершается теперь и въ Россіи, для которой вопросъ о внутреннемъ положеніи, благодаря ея экономической и культурной отсталости, становится особенно острымъ.

Выступленіе на торгово-промышленномъ съѣздѣ только что возвратившагося тогда съ фронта г. П. Рябушинскаго, нарисовавшаго трагическую картину русскихъ солдатъ, осыпаемыхъ снарядами, было первымъ публичнымъ изъ среды буржуазнаго общества голосомъ, нарушившимъ провозглашенное имъ единеніе власти и общества. Это было началомъ разрыва, вынужденнаго жестокими ударами извнѣ... Правда, этотъ первый голосъ появился въ русской печати въ видѣ бѣлаго пятна, но съ этихъ поръ, подъ вліяніемъ событій на фронтѣ лозунгъ «мобилизаціи промышленности» становится флагомъ либерально-прогрессивнаго и не-прогрессивнаго общества, начиная отъ кадетъ и кончая націоналистами.

Но что означаетъ лозунгъ промышленной мобилизаціи въ условіяхъ даннаго момента? Если для иныхъ, подобно Англіи, промышленно и культурно развитыхъ странъ лозунгъ мобилизаціи промышленности сводится въ сущности къ *реорганизаціи* наличныхъ производительныхъ силъ, къ ихъ регулированію примѣнительно къ потребностямъ военнаго времени, наконецъ, къ наивысшему ихъ напряженію, то для отсталой промышленно и культурно Россіи этотъ лозунгъ требуетъ неизмѣримо большаго. Для Россіи, болѣе или менѣе отрѣзанной отъ союзныхъ съ нею странъ съ высокой промышленностью, способныхъ въ иныхъ условіяхъ оказывать ей военно-промышленную помощь, удовлетворительная, т. е. способная хотя бы приблизительно конкурировать съ Германіей мобилизація промышленности представляется для всякаго не закрывающаго глаза на дѣйствительность какимъ то волшебнымъ скачкомъ. Я не предрѣшаю вопроса о томъ, что наибольшее напряженіе *вспхъ*, какъ бы они ни были бѣдны, наличныхъ промышленныхъ силъ Россіи *въ соединеніи* съ той неисчерпаемой, какъ называютъ ее стратеги, *живой* силой все же будетъ величиной мало достаточной для обороны... Быть можетъ, такое чрезвычайное напряженіе силъ, возможное, конечно, только еще при болѣе широкой общественной мобилизаціи, будетъ вполнѣ достаточнымъ для остановки германскаго вторженія. Такая возможность не исключена. Но всѣ тѣ, кто стоитъ на почвѣ національной обороны не имѣютъ ни малѣйшаго основанія упираться въ одну промышленную мобилизацію, а объ общественной мобилизаціи говорятъ только, какъ объ *условіи*, необходимомъ для реализаціи первой. Такъ же, какъ свободное и наиболѣе полное развитіе производительныхъ силъ въ обычное время требуетъ опредѣленнаго общественнаго порядка, на который менѣе всего походили россійскіе порядки до войны, такъ и теперешняя экстренная военно-промышленная мобилизація требуетъ, конечно, глубокихъ внутреннихъ преобразованій, способныхъ развить и пріобщить къ творчеству самыя широкія общественныя силы. Но эта общественная, вѣрнѣе всенародная мобилизація, не только важна какъ условіе необходимое для организаціи промышленности, но на опредѣленной стадіи войны, когда общественное мнѣніе воюющихъ странъ начинаетъ критически разбираться и оглядываться, она важна и *сама по себѣ*. Можно, не боясь парадоксальности сказать, что на извѣстной стадіи современной войны, особенно такой, какова теперешняя міровая, наступаетъ время, когда внутренняя физіономія страны, положеніе въ ней и позиція народныхъ массъ, становится такимъ же дѣйствительнымъ средствомъ противъ вторженія чужеземныхъ армій, какъ бомбы и шрапнель. Всѣмъ озабоченнымъ національной обороной не надо забывать, что въ стратегическій планъ германскаго генеральнаго штаба входила, какъ одна изъ частей этого плана, агитація—и среди своего народа и среди нейтральныхъ странъ—обрисовывающая Россію, какъ страну варварскую, азіатскую... Выбить этотъ аргументъ изъ рукъ прикрывающаго имъ свои завоевательные планы прусскаго правительства не значитъ-ли это для всѣхъ стоящихъ на почвѣ національной обороны совершить дѣло, стоющее пріобрѣтенія крупповскаго завода?!

Но такъ-ли былъ выдвинутъ лозунгъ промышленной мобилизаціи у насъ въ Россіи? Понято-ли и показано-ли было кѣмъ-либо изъ либерально-прогрессивныхъ круговъ, вставшихъ на почву національной обороны, и выдвинувшихъ этотъ лозунгъ, что военно-промышленная мобилизація только тогда не будетъ для Россіи звукомъ пустымъ, самообольщеніемъ, вреднымъ и опаснымъ, когда общество проникнется сознаніемъ, что главная суть лежитъ въ *общественной* сторонѣ дѣла? Выяснено-ли было, что именно для Россіи, необходимымъ условіемъ достиженія возможнаго максимума въ дѣлѣ военно-промышленной организаціи является преобразованіе внутренняго строя и были-ли развернуты при этомъ программы *соотвѣтствующихъ* моменту преобразованій?

Лозунгъ промышленной мобилизаціи, хотя онъ самъ по себѣ представлялъ уже начало нѣкотораго нарушенія провозглашеннаго единства съ властью, былъ принятъ, благодаря событіямъ на фронтѣ, довольно благосклонно почти всѣмъ обществомъ, начиная съ кадетъ и кончая правымъ флангомъ Думы. Болѣе того: господа изъ нововременскаго лагеря даже ухватились за него, чтобы, сведя его къ простой техникѣ, имъ и имъ однимъ покрыть и затушевать тѣ болѣе сложныя и глубокія причины, обусловливающія послѣднія событія на фронтѣ. Въ самомъ началѣ общественнаго сдвига г. Меньшиковъ не разъ дѣлалъ безнадежныя попытки раздѣлить промышленную мобилизацію отъ обусловливающей ее общественной, и выдвинутый лозунгъ *мобилизаціи* свести къ *бюрократизаціи* промышленности. Въ этихъ покушеніяхъ своихъ г. Меньшиковъ, безъ сомнѣнія, отражалъ господствовавшее въ тотъ моментъ настроеніе верховъ, еще питавшихъ утопическую надежду: и производительныя силы поднять, и маклаковскій режимъ оставить въ неприкосновенности.

Мы знаемъ теперь, какъ правительство смотрѣло на самые первые и на самые скромные шаги общественной мобилизаціи. Это разсказалъ намъ болѣе чѣмъ умѣренный членъ Думы г. Карауловъ, передавъ разговоръ думскихъ старѣйшинъ съ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Горемыкинымъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ искренне недоумѣвалъ «какіе такіе неотложные вопросы должна разрѣшать Гос. Дума»... Онъ представлялъ себѣ дѣло куда проще: правительство подготовитъ нѣсколько законопроектовъ, а Дума положитъ на нихъ свой штемпель: «принято». Еще полнѣе взгляды правящихъ круговъ на задачи момента были выражены въ знаменитой отнынѣ рѣчи бывшаго министра и лидера правыхъ въ Г. Совѣтѣ г-на Дурново, по словамъ котораго вся бѣда въ томъ, что нынѣшніе чиновники не умѣютъ *приказывать*...

Это оказалось не втерпежъ даже для самыхъ умѣренныхъ октябристскихъ элементовъ...

II.

Въ результатѣ—думскіе лидеры слѣва направо сошлись на необходимости съ цѣлью организаціи національной обороны созвать Гос. Думу. Можно смѣло сказать, что если бы не экстраординарныя событія на фронтѣ, то едва ли бы наши буржуазно-общественные круги съумѣли настоять на своемъ: на созывѣ Думы. Создавшееся положеніе вещей диктовало, впрочемъ правительственнымъ кругамъ не слишкомъ сопротивляться такому требованію.

Отвѣтственность становилась настолько тяжеловѣсной, исправленіе упущеннаго и не-сдѣланнаго настолько проблематичнымъ, что переложить часть своей тяжести на Думу представлялось даже соблазнительнымъ.

Созывъ Думы, послѣ нѣкотораго сопротивленія и колебаній, мнѣ кажется, обуславливался въ значительной степени подобной психологіей. Г-нъ Маклаковъ, г-нъ Щегловитовъ и г-нъ Саблеръ явились, какъ мы знаемъ, жертвой правительственнаго обновленія. *Смѣна лицъ*, должно было замѣнить собой *смѣну системы*.

Гос. Дума, по мысли руководителей думскаго большинства, созывалась для того, чтобы стать центромъ общественной, а слѣдовательно и военно-промышленной мобилизаціи. Мы знаемъ, что на этотъ разъ «внутренніе вопросы», замѣнивъ безсодержательныя декламаціи о единеніи, сдѣлались центромъ сужденій Думы. Всѣ партіи вплоть до гр. В. Бобринскаго, постарались болѣе или менѣе рѣзко отдѣлить себя отъ правительства, по крайней мѣрѣ отъ того его состава при которомъ подготовлялось очищеніе Галиціи и отступленіе въ Польшѣ. Но сдѣлала-ли, спрашивается, Дума, вѣрнѣе могла ли 4-я Дума сдѣлать то, чтобы обратиться для страны въ организующій центръ? По плечу ли это оказалось Думѣ 3-го іюня?

Расплывчатая неопредѣленная формула перехода, принятая большинствомъ Гос. Думы, отвергнувшимъ даже скромную, но все-же болѣе конкретную поправку депутатовъ, говорящихъ отъ лица различныхъ національностей, представляетъ собою безбрежно-широкую алгебраическую формулу, въ которую, при желаніи, можно умѣстить самыя различныя величины. И это въ такое время, когда съ точки зрѣнія всякаго дѣйствительно стоящаго на почвѣ обороны страны, нѣтъ времени, нѣтъ ни минуты для промедленія, когда за требованіемъ должно слѣдовать немедленное удовлетвореніе, иначе самое это требованіе ничего не стоитъ!

И къ чему свелась «мобилизація всѣхъ силъ страны?» — Къ выраженной большинствомъ Думы родзянковской благодарности рабочимъ, о которыхъ расторопный предсѣдатель напомнилъ въ концѣ Думы. Гос. Дума въ концѣ засѣданія вспомнила о томъ классѣ, который составляетъ главную основу мобилизуемой теперь промышленности, ограничилась воздушнымъ поцѣлуемъ

III.

Подвинувшись на шагъ впередъ большинство 4 й Гос. Думы вновь отстало на годъ отъ запросовъ, поставленныхъ передъ ней грандіозными внѣшними событіями. И опять, какъ годъ тому назадъ, ничему не научившись, кадетская партія сыграла и въ этомъ общемъ думскомъ концертѣ роль не послѣдней скрипки.

Еще при обсужденіи плана работъ Думы, когда депутаты Керенскій и Чхеидзе предложили поставить въ Думѣ на первую очередь вопросъ о свободахъ, при чемъ Керенскій указалъ, что только при радикальномъ измѣненіи господствующихъ внутреннихъ условій возможна правильная работа по оборонѣ

страны, г. Милюковъ не нашелъ возможнымъ согласиться съ этимъ, признавъ вопросъ о «свободахъ» не своевременнымъ.

Годъ тому назадъ, во имя единенія съ властью, кадетская фракція объявила внутренніе вопросы, т. е. всю вообще внутреннюю политику не своевременной. Жестокій опытъ года войны, стоющій безчисленныхъ жертвъ, показалъ, что это было легкомысленное и преступное попустительство, долю отвѣтственности за которое приняли на свои плечи представители нашего кадетскаго либерализма. Въ настоящее время (не слишкомъ ли поздно?) развивающіяся событія сорвали, наконецъ, «знобу» съ вопросовъ внутренней жизни, развязали языки всей Думы, противопоставили почти всю Думу скомпрометировавшей себя власти, и вотъ кадетскіе политиканы производятъ новый... опытъ... Не желая, какъ это всегда бывало съ ними, прямо аппелировать къ странѣ, они вновь дѣлаютъ попытку обходнаго движенія, самоограничивая свои требованія... Г-нъ Милюковъ находитъ, что во имя единенія, — теперь уже не съ властью, а съ большинствомъ Думы (съ правымъ большинствомъ, лѣвая часть Думы представляющую народную массу для него не въ счетъ!)— необходимо выработать *для всѣхъ* пріемлемую программу минимумъ, отказаться отъ «партійныхъ» или отъ «програмныхъ» требованій... Иначе говоря: если у партіи или у г. Милюкова имѣется опредѣленное убѣжденіе на счетъ того—*какія условія* необходимы для организаціи обороны страны,—то цѣня превыше всего межпартійное единство, онъ долженъ отказаться отъ этого убѣжденія, сведя свои требованія къ минимуму, пріемлемому *для всѣхъ*. Но вотъ вопросъ: какъ быть если этотъ для «всѣхъ» пріемлемый минимумъ представляетъ такой минимумъ, которой совершенно недостаточенъ и непригоденъ для той незамедлительной, экстренной организаціи обороны, которая требуется современными обстоятельствами?

Въ самое послѣднее время эти либерально-кадетскія хлопоты увѣнчались успѣхомъ: программа работъ Гос. Думы, та программа минимумъ, которая пріемлема для «всѣхъ», принята въ засѣданіи совѣта старѣйшинъ [1]). Въ эту программу входятъ законопроекты: о военной цензурѣ, о почтово-телеграфныхъ служащихъ, о кооперативахъ, о праздничномъ отдыхѣ приказчиковъ, о реформѣ стараго земскаго положенія, о волостномъ земствѣ, объ утвержденіи трезвости, о земскихъ городскихъ съѣздахъ и союзахъ и т. п.

Праздничный отдыхъ приказчиковъ—очень хорошо! Почтово-телеграфные служащіе, кооперативы, земскіе и городскіе съѣзды и союзы — еще лучше!.. Но почему же, спрашивается, задачи обороны страны требуютъ поставить *на первую очередь*, вопросъ о праздничномъ отдыхѣ приказчиковъ, а не имѣющія для тѣхъ же приказчиковъ первостепенное значеніе – свободу собраній, свободу союзовъ, свободу слова и т. п.? Почему «напряженіе всѣхъ силъ», требующееся страной, оказавшейся въ опасности, диктуетъ ея буржуазнымъ «спасителямъ» заговорить о свободѣ союзовъ и собраній *земскихъ и городскихъ дѣятелей*, а не о свободѣ всѣхъ вообще гражданъ Россіи?

Ясно—почему. Потому что потребовать то, что диктуется положеніемъ для всякаго признавшаго страну въ опасности,

не реально.

На пути стоитъ и 3 іюньская Дума и Гос. Совѣтъ.

Само собой разумѣется, что такая программа минимумъ оказалась вполнѣ пріемлемой для *всѣхъ*... третьеіюньцевъ, но безконечно отставшая отъ событій,

[1]) Теперь на этой программѣ образовался думскій прогрессивный блокъ.

она можетъ лишь превратиться и уже превращается не въ программу минимумъ національной обороны, а въ программу максимумъ позорнаго и безсильнаго топтанія на мѣстѣ.

Объективно нынѣшняя оппозиція большинства 4-й Думы власти представляетъ собой, безъ сомнѣнія знаменательный и серьезный фактъ общественной жизни, который нельзя не учитывать и съ которымъ невозможно не считаться, но буржуазно-дворянскіе элементы этой оппозиціи, при дѣятельной помощи нашего кадетскаго либерализма, сдѣлали все возможное, чтобы свести значеніе этого факта къ минимуму.

IV.

«Намъ нужна власть, которая сумѣла бы зажечь въ сердцахъ» — говорилъ П. Рябушинскій на съѣздѣ промышленныхъ комитетовъ въ Петроградѣ.— «Необходимо,—взывалъ онъ—избрать какіе то особенные пути для того, чтобы нашъ голосъ былъ услышанъ, и для того, чтобы мы не были услышаны слишкомъ поздно...

Но это были только слова «патріотической тревоги» (выраженіе «Рѣчи») иногда пышныя, какъ у разразившагося краснорѣчіемъ г на Родзянки, иногда дѣйствительно тревожныя, даже трусливыя... Впрочемъ, что могли сдѣлать единомышленники г. Рябушинскаго больше того, что сдѣлали, общественные круги, представляемые большинствомъ 4-й Думы? Какіе они могли избрать «особенные пути», на которыхъ ихъ голосъ былъ бы услышанъ, и, главное, услышанъ не слишкомъ поздно? Дальше—путь лежалъ къ народной массѣ: и ей расточались комплименты, восхищенія ея стойкостью на фронтѣ, благодарности за ея работы въ промышленныхъ предпріятіяхъ... И,—только.

Этимъ и закончилась *общественная* сторона совершенной Думой мобилизаціи. Почему?

Господа стиля и направленія г-на Дурново, по понятнымъ причинамъ, мечтали о томъ, чтобы совсѣмъ отдѣлаться отъ этой стороны, но и представители нашего солиднаго буржуазнаго общества, къ которому принадлежатъ центральныя фракціи 4-й Гос. Думы, ничего не имѣютъ противъ того, чтобы именно эту сторону, какъ ни огромно ея значеніе для національной обороны, свести къ возможному минимуму. Г-да Меньшиковы, которымъ переросшія ихъ событія уже захлопнули рты, пытались свести общественную сдвижку къ вопросу голой техники. Но и буржуазное русское общество, почувствовавшее (только теперь!) «патріотическую тревогу», передъ обусловливающей все остальное общественной стороной дѣла, какъ-то боязливо и торопливо соскальзываетъ въ сторону и упирается въ область чисто-техническую.

Нѣтъ словъ, что стальное и желѣзное обезпеченіе арміи, разъ поставлена задача обороны страны, есть вопросъ огромнаго значенія, но если это снабженіе до сихъ поръ было такъ преступно плохо, какъ о томъ повѣдалъ деп. Карауловъ, то не требуется ли *прежде всего* радикальное устраненіе условій, являющихся этому причиной? Однако передъ рѣшительными и повелительными дѣйствіями, требующими внутренняго преобразованія, воля буржуазно-общественныхъ круговъ вдругъ какъ-то вянетъ, взоръ начинаетъ блуждать и глазъ упирается въ технико-промышленную область: вотъ главное! Но когда представители тѣхъ же общественныхъ круговъ подходятъ къ этому «главному», они, какъ это можно было отмѣтить хотя бы на Петроградскомъ съѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ, — въ отчаяніи кричатъ: какъ бы не поздно! Для того, чтобы что-нибудь сдѣлать, необходимо рѣшительное измѣненіе внутреннихъ условій!...

Въ «патріотическихъ тревогахъ» буржуазныхъ общественныхъ круговъ такимъ образомъ не оказывается настолько патріотизма, чтобы ринуться къ общественнымъ преобразованіямъ, и въ то же время общественныя преобразованія каждый разъ встаютъ передъ ихъ глазами, въ видѣ неотвратимой неизбѣжности, какъ только они подходятъ вплотную къ необходимой теперь технически-промышленной мобилизаціи. Пышный лозунгъ «все для побѣды» какъ будто нарочно надуманъ для того, чтобы украсить и прикрыть худосочность того «патріотизма», который тотчасъ же вянетъ, замѣняется пространіей, какъ только дѣло коснется отказа отъ классовыхъ привиллегій.

Создается заколдованный кругъ, который переживающее «патріотическую тревогу» буржуазное общество едва-ли способно разорвать *своими* силами.

V.

Промышленно-техническая мобилизація, конечно, съ первыхъ же шаговъ упершаяся въ не сдвинутую общественную мобилизацію, началась сразу — и сверху и снизу. Сверху—намѣчается реформа, вѣрнѣе, обновленіе въ только что обновленномъ правительствѣ военнаго министерства, главнымъ образомъ, въ области снабженія арміи. Снизу—происходитъ довольно дѣятельная организація (возникло около 100 организацій) буржуазно-промышленныхъ элементовъ въ военно-промышленные комитеты, стимуломъ для которой служатъ не только «патріотическія тревоги», но—во многихъ случаяхъ — и тѣ военные заказы, которые сулятъ высокій дивидентъ.

Движеніе снизу закончилось, какъ извѣстно, образованіемъ всероссійскаго центральнаго промышленнаго комитета во главѣ съ А. Гучковымъ, и весьма яркимъ и симптоматичнымъ всероссійскимъ съѣздомъ военно-промышленныхъ комитетовъ. Движеніе сверху, идущее изъ Думы и черезъ Думу,

вылилось въ образованіе еще одного (позже еще нѣсколькихъ при др. министрахъ) поваго совѣщанія при Военномъ Министрѣ, долженствующаго упорядочить и обновить снабженіе арміи. По мысли кадетско-либеральной стратегіи должно было быть образовано не совѣщаніе, а отдѣльное Министерство Снабженія съ общественнымъ министромъ во главѣ

Кадетскій проэктъ организаціи снабженія арміи, выдвинутый противъ правительственнаго, и мало чѣмъ по существу отличавшійся отъ него, не прошелъ ни въ комиссіи, ни въ Думѣ. Либерально-кадетскимъ мечтаніямъ оставалось утѣшать себя тѣмъ, что Дума согласилась все-же на отдѣльнаго товарища Военнаго Министра завѣдующаго снабженіемъ который, предполагается, (!) будетъ *призванъ* изъ среды общественныхъ дѣятелей и, по-

жалуй, еще тѣмъ, что 4-я Дума предсѣдателемъ военно-морской коммиссіи (куда раньше не пускали оппозицію) теперь соблаговолила избрать к.-д. Шингарева.

Общественно-буржуазная мобилизація снизу, въ лицѣ съѣзда военно-промышленныхъ комитетовъ, была значительно рѣшительнѣе думской. Не смотря на то, что въ груди этого съѣзда боролись двѣ души,—промышленно-дѣловая т. сказ. дивидентная и общественно-буржуазная (см. рѣчи г. П. Рябушинскаго), онъ все же сказалъ многое изъ того, чего не рѣшилась и не хотѣла сказать Дума.

Съѣздъ не только протестовалъ противъ травли еврейскаго населенія, онъ заявилъ также о необходимости—въ интересахъ національной обороны—предоставить и рабочему классу свободу союзовъ и собраній, и, что необходимо отмѣтить, предоставить эту свободу *фактически*. Не посредствомъ законодательной Улиты, а фактически, т. е. немедленно! Въ противоположность 4-й Думѣ, даже въ настоящій трагическій для страны моментъ, отвергнувшей представительство рабочихъ въ совѣщаніи по снабженію отъ больничныхъ кассъ, предложенное к.-д., военно-промышленный съѣздъ безъ особыхъ колебаній, рѣшилъ предоставить въ своемъ центральномъ комитетѣ правда, при 146 членахъ, десять мѣстъ рабочему представительству. Начавшаяся петиціонная кампанія, которую я уже не здѣсь могу задѣть, была послѣднимъ шагомъ этого движенія.

Какъ все это ни мало на фонѣ современныхъ грандіозныхъ событій, но это уже въ достаточной степени много для той, возглавленной г-номъ А. Гучковымъ буржуазной мобилизаціи, которую представлялъ собой военно-промышленный съѣздъ. Дальше этихъ приглашеній рабочихъ, дальше этого призыва *къ фактическому* предоставленію свобсды коалицій,—хотя бы и ограниченной лишь вопросами снабженія едва-ли способно пойти самое рѣшительное буржуазно-промышленное представительство, въ современной Россіи [1]). За этимъ отъ словъ, если за ними не слѣдуетъ соотвѣтственнаго отклика, переходятъ къ дѣлу. Это та послѣдняя грань, которую мобилизующіеся общественно-промышленные круги Россіи не могутъ перешагнуть собственными силами.

VI.

Обозрѣвая общественную сдвижку, происшедшую за самое послѣднее время, можно смѣло сказать, что она представляетъ огромный шагъ впередъ, продѣланный русскимъ буржуазнымъ обществомъ. Но этотъ огромный *въ обычныхъ условіяхъ* существованія этого общества шагъ впередъ въ условіяхъ современныхъ грандіозныхъ событій, ставящихъ колосальныя задачи передъ

[1]) Теперь еще болѣе замѣчателенъ принятый имъ планъ организаціи выборовъ отъ рабочаго Петрограда.

страной представляется изумительно безсильнымъ и малымъ. Общественно-промышленная мобилизація, объявленная подъ вліяніемъ серьезной опасности, въ которой оказалась поставлена страна, не создавши почти *ничего*, уже успѣла совершить почти *все*, что могутъ совершить тѣ, кто хотѣлъ сдѣлать изъ нея свою привелегію. Кругъ возможнаго, что могутъ создать для защиты страны общественные круги, представляемые большинствомъ 4-й Думы, по сравненію съ требованіями момента, оказался ничтожнымъ, но за его гранями осталась огромная, еще неиспользованная народная сила. Кругъ замкнулся и—сдѣлался мертвымъ. Вотъ почему и на съѣздахъ и въ думскихъ выступленіяхъ сквозь оффиціальный бодрый тонъ, нерѣдко прорываются ноты невѣрія, и отчаянія... Но даже представители того большинства, которое замкнулось въ исчерпавшемъ себя кругу, не разъ, помимо своего желанія, обнаруживали признаки сознанія того, *гдѣ*—при извѣстныхъ обстоятельствахъ—способна развернуться дѣйствительная «мобилизація всѣхъ силъ».

— Дума третьеіюньскаго происхожденія посылаетъ привѣтъ рабочимъ. Главноуполномоченный Общеземскаго Союза кн. Львовъ пишетъ въ пышномъ истинно-русскомъ, какъ выразился одинъ публицистъ, растопчинскомъ стилѣ, воззваніе къ рабочему классу. На всѣхъ почти совѣщаніяхъ, посвященныхъ оборонѣ, и даже въ Гос. Совѣтѣ такъ или иначе склоняется слово «рабочій»..,

Между тѣмъ, *такая* мобилизація и только такая, можетъ дать Россіи, какъ я уже говорилъ въ началѣ статьи, не только максимумъ возможнаго въ промышленно-технической области, но, что быть можетъ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ самое главное, передъ союзными нейтральными, и воюющими странами, въ частности передъ Германіей, передъ ея народомъ, она поставитъ Россію уже не варварскую, уже не азіатскую.

На защиту страны, глубоко преображенной всенародной мобилизаціей, если ей и тогда будетъ угрожать опасность, нѣтъ сомнѣнія, встанетъ тотъ классъ, или тѣ слои народа, патріотизмъ которыхъ не урѣзанъ классовыми привилегіями... А этотъ патріотизмъ—не патріотизмъ г.г. Родзянокъ, даже не патріотизмъ г.г. Рябушинскихъ, — онъ и въ трудныхъ обстоятельствахъ не отступаетъ, не знаетъ отчаянія и прострації...

Вѣдь, если странѣ угрожаетъ опасность—дѣйствительная опасность!—пролетаріатъ знаетъ и не можетъ не знать, того, что такая опасность не столько угрожаетъ групповымъ интересомъ господствующихъ классовъ, сколько его собственнымъ интересомъ, свободѣ его классового развитія.

Евг. Маевскій.

P. S. Съ тѣхъ поръ, какъ было написано предыдущее прошло слишкомъ нѣмного времени, но достаточно много событій.

Не успѣвшая еще ничего сдѣлать, но успѣвшая уже совершенно исчерпать себя общественно-буржуазная мобилизація, каждымъ днемъ, каждымъ новымъ событіемъ подтверждаетъ свое безсиліе, свою негодность...

Стремительно растетъ предъ страной страшная опасность, а кругомъ все остается неподвижнымъ, или движется черепашьимъ шагомъ. Внутренніе ядовитые газы душатъ все живое и разсѣиваются, разступаются лишь тогда, когда уже поздно. Что, въ самомъ дѣлѣ значитъ напр. провозглашенная послѣ утраты Польши, польская автономія, или что значитъ отмѣна черты еврейской осѣдлости, когда она уже сломана нѣмецкой арміей, какъ (по мѣткому выраженію польскаго депутата) не «горчица послѣ обѣда»?!

И какъ самъ-по-себѣ ни значителенъ ни симптоматиченъ фактъ появленія на дняхъ сколоченнаго кой-какъ оппозиціоннаго блока въ Думѣ, но что значитъ его жалкая программа передъ грандіозными требованіями момента, не терпящими отлагательствъ? Это-ли не топтанье на мѣстѣ?! Безсиліе нерѣшительность, оппортунизмъ буржуазныхъ круговъ вызываетъ къ жизни черный блокъ, угрожающій закрыть ротъ даже 4-й Думѣ.

Говорятъ объ отвѣтственномъ министерствѣ, говорятъ о министерствѣ національной обороны, заговариваютъ даже о перевыборахъ Думы и т. д., а на ряду съ этимъ въ той же 4-й Думой развертываются страшныя картины Костромского и Иваново-Вознесенскаго разстрѣла рабочихъ, потрясающія картины выселеній польскаго и еврейскаго населенія, рядомъ съ толками объ амнистіи идутъ административные аресты высылки, преслѣдованія... Вмѣсто мобилизаціи передъ лицомъ стремительно выростающей опасности — всесторонняя, *какъ будто намѣренно подготовляющая почву для успѣховъ чернаго блока*— демобилизація...

Жалкій патріотизмъ буржуазнаго общества не способный перешагнуть черезъ свои классовыя, привеллегіи, прикрываетъ истинныя причины своей нерѣшительности тѣмъ,—что, вѣдь нельзя же (слова г. Родзянки) перепрягать лошадей во время переправы.

25 августа. *Е. М.*

СРЕДИ ЖУРНАЛОВЪ.

Заглядываніе въ будущее.

Такъ озаглавилъ свое апрѣльское обозрѣніе въ «Русскихъ Запискахъ» г. Діонео. Европа не хочетъ, чтобы будущій міръ настигъ ее такъ же неожиданно, какъ настигла ее настоящая война, и она всячески старается подготовиться къ этому грядущему и избавить себя отъ неожиданностей. Заглянуть въ будущее стремятся представители различныхъ общественныхъ группъ во всѣхъ воюющихъ странахъ.

Послѣ войны долженъ, конечно, наступить міръ. Это всѣ знаютъ твердо. Но каковъ долженъ быть этотъ міръ, каковы условія его большей или меньшей прочности на этотъ счетъ мнѣнія, само собою разумѣется, расходятся точно также, какъ они расходятся въ оцѣнкѣ почти всѣхъ общественныхъ явленій.

Въ Англіи г. Діонео устанавливаетъ три, а можетъ быть и больше теченій во взглядахъ на условія будущаго мира [1]).

Во-первыхъ, теченіе имперіалистское, джингоистское. Извѣстный публицистъ Арнольдъ Уайтъ, принадлежащій къ этому лагерю, считаетъ условіями прочнаго мира расторженіе германскаго союза и низложеніе Гогенцоллерновъ. Тѣ же требованія повторяются и другими писателями этого лагеря. Ниже мы увидимъ, что требованіе низложенія Гогенцоллерновъ имѣетъ въ ихъ устахъ вовсе не то значеніе, какое это требованіе имѣло бы въ устахъ крайняго демократа.

Оспинъ Гаррисонъ—другой видный публицистъ—джинго, слѣдующимъ образомъ полемизируетъ съ пасифистами.

„Мирный договоръ—говоритъ Гаррисонъ—который дастъ возможность нѣмецкому народу оправиться и снова осуществлять германскую идею, будетъ имѣть послѣдствіемъ еще большее развитіе милитаризма, чѣмъ до войны... Есть только одинъ способъ обезпечить Европѣ миръ: полный разгромъ военной силы Германіи. Только въ подобномъ случаѣ нѣмцы образумятся и приступятъ къ осуществленію реформъ, имѣющихъ цѣлью упраздненіе военной касты“ [2]).

Очевидно, англійскіе джинго, подобно націоналистамъ всѣхъ другихъ странъ, вѣрятъ или дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ, будто развитіе милитаризма вызвано не міровой конкуренціей капиталистическихъ странъ; а исключительно германской идеей, которая—по какой причинѣ неизвѣстно—подъ вліяніемъ разгрома изъ идеи милитаристской превратится въ идею реформаторскую.

Умѣренное направленіе англійской общественной мысли отличается отъ джингоистскаго развѣ тѣмъ, что не согласно обобрать Германію до ниточки, ибо въ излишней суровости видитъ источникъ для идеи реванша.

„Каждый мирный трактатъ—пишетъ редакторъ „Review of Reviews—содержалъ въ себѣ сѣмена новой войны. Быть можетъ, тоже повторится и теперь, но, во всякомъ случаѣ, должны быть сдѣланы величайшія усилія, чтобы сѣмянъ этихъ было возможно меньше“ [3]). Германія должна поплатиться

---

[1]) Діонео, изъ Англіи. Заглядываніе въ будущее.—Русскія Записки, 4.
[2]) Тамъ же, стр. 219.
[3]) Тамъ же, стр. 220.

только денежно. „Другимъ важнымъ условіемъ мира должно быть низверженіе власти Гогенцоллерновъ и вліянія Пруссіи".

Авторъ не говоритъ, какимъ образомъ онъ намѣренъ осуществить это послѣднее условіе мира. Безспорно, что уничтоженіе вліянія прусскаго юнкерства и власти Гогенцоллерновъ, представляющихъ воплощеніе всѣхъ юнкерскихъ стремленій, было бы великимъ счастьемъ не только для Германіи, но и для всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Въ результатѣ войны возможно такое измѣненіе отношеній общественныхъ классовъ въ Германіи, что такое уничтоженіе станетъ необходимымъ и возможнымъ, но ясно, что это можетъ быть дѣломъ германскаго народа, но никоимъ образомъ не можетъ быть установлено мирнымъ договоромъ. Въ 1870 году французское національное собраніе объявило низложеніе Наполеона III и учрежденіе республики, а авторамъ мирнаго договора пришлось уже считаться съ этимъ, какъ съ совершившимся фактомъ.

Впрочемъ, не о германской республикѣ мечтаютъ англійскіе сторонники умѣренныхъ взглядовъ. На мѣсто юнкерства и Гогенцоллерновъ они просто хотятъ поставить другую средневѣковую силу—католицизмъ и Вителъсбаховъ. Объ этомъ болѣе или менѣе откровенно говоритъ въ англійскомъ журналѣ извѣстный французскій писатель Ивъ Гюйо. По его мнѣнію, условія прочнаго мира таковы: контрибуція, покрывающая всѣ убытки, причиненные войной; относительно территоріальнаго расширенія союзники проявятъ великодушіе; при опредѣленіи новой карты Европы должны быть приняты въ разсчетъ всѣ народности, стремящіяся къ самоопредѣленію; «у Пруссіи должна быть отнята гегемонія въ Германіи. *Можетъ быть возстановлена Рейнская конфедерація съ Баваріей во главѣ. Католики были бы въ большинствѣ въ такой конфедераціи*» [1]). Ивъ Гюйо тоже боится «идеи», но не германской, а протестантской. Онъ не только хочетъ усилить вліяніе католиковъ въ Пруссіи, но и воспользоваться *католическимъ* принципомъ («раздѣляй и властвуй), чтобы ослабить протестантовъ внутреннимъ соперничествомъ. Съ этой цѣлью онъ предлагаетъ отдать обратно Саксоніи территорію, отнятую у ней Пруссіей въ 1865 и 1866 годахъ, а Даніи—Шлезвигъ-Голштинію.

Однако, не всѣ, говорящіе и пишущіе объ условіяхъ мира, надѣются установить прочный миръ вышеуказанными, я бы сказалъ механическими средствами. Въ Англіи зрѣетъ мысль, что послѣ войны внѣшняя политика должна находиться подъ такимъ же общественнымъ контролемъ, какъ и внутренняя политика. Люди этого лагеря и на исходъ войны, и на условія мира смотрятъ иначе, чѣмъ джинго и умѣренные. Сторонникъ этого третьяго теченія, писатель Норманъ Энджелль въ брошюрѣ, озаглавленной: «Покончитъ ли эта война съ германскимъ милитаризмомъ?», отвергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые вѣрятъ, что сама война можетъ привести къ желаемымъ результатамъ.

„Я долженъ сказать теперь—говоритъ Энджелль,—что такая вѣра и такія надежды представляютъ большую опасность... Достиженіе тѣхъ идеаловъ, о которыхъ мечтаетъ теперь населеніе союзныхъ государствъ, находится въ зависимости не только отъ пораженія Германіи, но также отъ условій будущаго мира".

Побѣда не принесетъ съ собою постояннаго мира, если населеніе Англіи послѣ побѣды будетъ охвачено местью. Необходима теперь точная терминалогія, когда мы говоримъ объ условіяхъ, при которыхъ возможенъ миръ. Такія выраженія какъ «разгромъ врага», «уничтоженіе его» или «окончательное посрамленіе» очень неясны, такъ какъ невозможно вырѣзать всѣхъ германцевъ и

[1]) Тамъ же, стр. 232—3—Курсивъ мой Л. С.

нельзя увести ихъ въ постоянное рабство. Нельзя также раздѣлить Германію, какъ раздѣлили когда-то Польшу, потому что результаты подобнаго раздѣла были бы для союзниковъ тѣ же, какъ захватъ Эльзасъ-Лотарингіи для Германіи. Мысли, высказываемыя по этому поводу Н. Энджеллемъ, не отличаются ни новизною, ни особенной яркостью, но не мѣшаетъ повторить ихъ въ наши дни, когда люди спѣшатъ забыть всѣ «старыя истины» и уничтожить всѣ результаты культурнаго подъема народныхъ массъ за послѣднія 40—50 лѣтъ.

„Государство—пишетъ англійскій сторонникъ демократіи—не можетъ быть демократическимъ, если ему приходится удерживать какую-нибудь провинцію помимо желанія ея населенія. Въ такомъ государствѣ двѣ степени свободы и двѣ степени представительнаго правительства: одна для побѣдителей, другая для побѣжденныхъ... Побѣдителямъ пришлось бы все время держать присоединенныя провинціи силой меча... Даже республиканская Франція принуждена была бы запрещать митинги, издавать законы противъ употребленія нѣмецкаго языка и раздѣлять своихъ гражданъ на двѣ категоріи. Вмѣсто того, чтобы быть однородной страной, все населеніе которой подчиняется одному закону Франція превратилась бы въ пестрое государство, гдѣ рядомъ съ полноправными гражданами живутъ другіе ограниченные въ своихъ правахъ. Такая система гибельна для государства, гдѣ рядомъ съ полноправными гражданами живутъ другіе, ограниченые въ своихъ правахъ. Такая система гибельна для государства. Послѣдствіемъ войны долженствующей разрушить милитаризмъ и кайзеризмъ, было бы превращеніе демократической, свободной Франціи въ своего рода Пруссію" [1]).

Взгляды англійской соціальной демократіи на интересующій насъ вопросъ приведены въ одной изъ предыдущихъ корреспонденцій г. Діонео. Но намъ нѣтъ надобности возвращаться назадъ, такъ какъ англійскіе соціалисты смотрятъ на этотъ вопросъ такъ же, какъ и соціалисты французскіе, а взгляды этихъ послѣднихъ изложены въ статьѣ г. Е. Сталинскаго, помѣщенной въ той же книжкѣ, «Русскихъ Записокъ» [2]).

Французскіе соціалисты прежде всего увѣрены, что они борются за интересы человѣчества и будущее соціализма.

„Никто не можетъ оспаривать, что германская побѣда будетъ побѣдой не австрійскаго и германскаго народовъ, а кайзера, реакціоннаго дворянства и прусскихъ юнкеровъ,—въ то время какъ побѣда другой стороны будетъ побѣдой всего, что есть демократическаго въ Европѣ. Тройственное согласіе сражается не только за свою собственную независимость, но также за обезпеченіе священныхъ правъ нейтральныхъ странъ, за освобожденіе угнетенныхъ національностей" [3]).

Трудно сказать, откуда французскіе, англійскіе и бельгійскіе соціалисты черпаютъ увѣренность въ освободительныхъ тенденціяхъ нынѣшней войны. Что демократія не можетъ желать уничтоженія Бельгіи, ослабленія Франціи, гегемоніи Германіи это ясно. Но, конечно, подъ освобожденіемъ угнетенныхъ національностей понимается не только уходъ германскихъ войскъ изъ сѣверной Франціи и Бельгіи, а нѣчто большее. Достаточно ли у соціалистовъ силъ для совершенія этого большаго? Вѣдь они не хозяева у себя дома, не одни они ведутъ войну, а какова будетъ ихъ роль при заключеніи мира, еще неизвѣстно. Жюль Гэдъ наканунѣ лондонской конференціи такъ формулировалъ требованія своей партіи и ея надежды:

„Раньше всего необходимо заявить, что не можетъ быть и рѣчи о мирѣ,—который превратится лишь въ опаснѣйшее перемиріе—пока германскій имперіализмъ не будетъ раздавленъ... Намъ необходимо, съ другой сто-

[1]) Тамъ же, стр. 228.

[2]) Е. Сталинскій. Французскія настроенія. Русск. Записки, апрѣль. Стр. 234—257.

[3]) Тамъ же, стр. 277.

роны, заявить, что мы не ведемъ этой войны, которая была намъ навязана, что мы никогда не вели ея противъ нѣмецкой націи, которой мы готовы протянуть братскую руку, какъ только она покончитъ со своимъ кайзеромъ и съ прусскимъ милитаризмомъ, жертвой котораго она является не менѣе насъ" [2]).

Раздавить германскій имперіализмъ и протянуть братскую руку германскому народу—таковы несомнѣнно благородныя намѣренія Гэда. Но что если вмѣстѣ съ германскимъ имперіализмомъ будетъ раздавленъ и германскій народъ? Лучшая часть германскаго народа и раньше вела борьбу со своимъ имперіализмомъ. Можетъ быть, для большей успѣшности этой борьбы германскій народъ нуждался въ помощи Ж. Гэда и его единомышленниковъ во Франціи, Англіи и Бельгіи, но, очевидно, не въ такой помощи, какая предлагается ему сейчасъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что война поставила передъ европейской демократіей раньше уже существовавшую, но не столь тогда замѣтную задачу демократизаціи Германіи, но изъ того, что задача стала ясной отъ войны, не слѣдуетъ, что она можетъ быть рѣшена войной. Вѣдь пока что «разгромъ германскаго имперіализма» означаетъ всеевропейское разореніе и разрушеніе источника силы европейской демократіи.

Несомнѣнно, что формула—«противъ прусскаго милитаризма» имѣетъ извѣстное агитаціонное значеніе, но не какъ формула войны, а скорѣе какъ формула будущаго мира. Поэтому то эта формула и стала ненавистна французскимъ черносотенцамъ. Поль Бурже, одинъ изъ идеологовъ французскаго націонализма и шовинизма, находитъ опаснымъ и вреднымъ утвержденіе, что настоящая война направлена противъ прусскаго милитаризма на томъ основаніи„ что эта формула служитъ интересамъ соціалистовъ и антимилитаристовъ.

„Не прусскій милитаризмъ,—говоритъ Бурже,—а германская индустрія, германская торговля и наука двинули на нашу территорію варварскія полчища. Они хотятъ насъ сожрать во имя своего развитія, во имя своихъ идей" [2]).

Настоящая война является эпизодомъ громадной борьбы, которая могла бы прекратиться только съ истребленіемъ германской расы. А такъ какъ такое истребленіе даже П. Бурже считаетъ невозможнымъ, то борьба эта должна стать безконечной, столь же безконечнымъ долженъ стать милитаризмъ.

«Мирная» программа французскихъ реакціонеровъ не отличается отъ программы англійскихъ джинго: уничтоженіе германскаго единства, расчлененіе Германіи на рядъ независимыхъ государствъ, отобраніе у нея значительной части территоріи въ пользу союзниковъ и, наконецъ, лишеніе ея навсегда права содержать регулярную армію.

Къ сожалѣнію, этотъ видъ безумія, увѣреннаго въ томъ, что можно посредствомъ клочка бумаги уничтожить цѣлую историческую эпоху въ жизни народа, цѣлый этапъ въ его культурномъ развитіи, сейчасъ очень распространенъ.

Въ общемъ, однако, надо признать, что во Франціи пароксизмъ воинственности слабѣе чѣмъ гдѣ бы оно ни было. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что Франція въ цѣломъ дѣйствительно не искала никакихъ новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, отъ войны никакихъ благъ не ждетъ.

Поэтому изъ всѣхъ участвующихъ въ войнѣ націй, пожалуй, только представитель французской націи могъ написать такія строки, какъ слѣдующее подтвержденіе консервативнаго писателя д'Авенеля въ строго консервативномъ журналѣ. «Revue de deux Mondes».

[1]) Тамъ же, стр. 240—241.
[2]) Тамъ же, стр. 249.

„Если Германія вызвала сознательно войну, то это потому, что она была опьянена побѣдой 70-го года. Ее убѣдили, что слава есть выгодное дѣло, а милитаризмъ служитъ развитію общественнаго богатства. Германія кинулась вслѣдъ за своимъ императоромъ на завоеваніе мірового господства, которое, по ея мнѣнію, должно принести ей и всѣ богатства міра. Колоссальное заблужденіе! Не война, а только миръ долженъ принести богатства. Война приноситъ съ собой лишь разрушеніе... Прошло шесть мѣсяцевъ войны, а уже міръ наканунѣ банкротства. Государственный долгъ европейскихъ странъ почти удвоился, и мы сейчасъ абсолютно лишены возможности предвидѣть, какъ можно будетъ отнынѣ составлять національный бюджетъ. Но это лишь цвѣточки, война будетъ долгой, новые и новые милліарды будутъ поглощены страшной бездной и лишь та группа народовъ выйдетъ побѣдительницей, которая окажется въ состояніи бросить въ эту бездну свою послѣднюю золотую монету. Кто же послѣ этого осмѣлится утверждать, что война будетъ содѣйствовать экономическому развитію кого бы то ни было, даже побѣдителей. Истощеніе будетъ всеобщимъ. Нужны будутъ долгіе годы труда, чтобы каждый, побѣдитель, и побѣжденный, смогъ возстановить свои силы, возсоздать разбросанныя на вѣтеръ богатства" [1]).

Къ сожалѣнію, перспектива болѣе вѣроятная, чѣмъ разгромъ германскаго милитаризма. Или точнѣе: разгромъ милитаризма на почвѣ всеобщаго истощенія—такова перспектива, ибо и д'Авенель убѣжденъ, что «урокъ настоящей войны долженъ исцѣлить человѣчество отъ милитаристическаго безумія»; что война должна привести къ всеобщему разоруженію, къ концу милитаризма, къ концу царства безсознательнаго.

Л. Сѣдовъ.

Библіографія.

И. В. Владиславлевъ. Систематическій указатель литературы за 1914 г. (Библіограф. ежегодн.; вып. II). Москва, 1915 г. Изд. „Наука" Ц. 1 р. 80 к.

Война не помѣшала своевременному выходу очередного выпуска „Біографич. Ежегодника" г. Владиславлева. Этому можно только радоваться: за тѣ 3 года, въ теченіи которыхъ „Ежегодникъ" выходилъ, онъ уже успѣлъ стать настолько необходимымъ справочникомъ для всѣхъ литературныхъ работниковъ, что отсутствіе его было бы весьма и весьма замѣтно. Очередной выпускъ „Ежегодника", по примѣру своихъ предшественниковъ, вноситъ и рядъ улучшеній въ систему классификаціи, и расширяетъ кругъ обслѣдованныхъ изданій. Расширеніе приходится главнымъ образомъ на періодическую прессу, число обслѣд. изданій въ которой увеличилось по сравненію съ 1913 г. съ 71 до 109; число зарегистрированныхъ книгъ осталось приблизительно безъ измѣненій, чему несомнѣнно способствовала война отозвавшаяся и на книжномъ рынкѣ.

Весьма любопытныя данныя приводитъ г. Владиславлевъ о вызванномъ войною „лубочномъ половодьѣ". Имъ зарегистрировано около 600 названій различныхъ книгъ, брошюръ и листовокъ, посвященныхъ вопросамъ, возбужденнымъ войною. Изъ этого числа едва ли наберется 1/10 часть болѣе или менѣе серьезной литературы: все остальное—грубый аляповатый лубокъ, гдѣ „Подвигъ Козьмы Крючкова" конкурируютъ съ „Современнымъ антихристомъ Вильгельмомъ II", а звѣрства нѣмцевъ съ „Путешествіемъ по свѣту на хвостѣ у чорта". Эти послѣднія изданія, наводнившія книжный рынокъ,

[1]) Тамъ же, стр. 246.

обильны не только (вѣрнѣй не столько) по числу названій, сколько по числу выпущенныхъ экземпляровъ: г. Владиславлевъ таковое опредѣляетъ въ 11 милл. экз., т.-е. въ среднемъ каждый листокъ и брошюра выходитъ въ 20.000 экз.—тиражъ для Россіи не обычный. Отдѣльныя же изданія доходили до тиража въ 800.000—1.500.000 (листки Гл. Упр. по Дѣламъ печати),—Цифры, какъ замѣчаетъ г. Владиславлевъ, для Россіи не бывалыя.

Время подводить итоги вліянію этого „лубочнаго потока" на читательскую массу еще не пришло, но когда оно придетъ указатель г. Владиславлева будетъ незамѣнимъ.

Изъ прочихъ отдѣловъ „Ежегодника" мы остановимся на отдѣлахъ посвященныхъ рабочему вопросу. Особенно интересенъ этотъ отдѣлъ въ „Указателѣ журн. литературы" Здѣсь г. Владивлавлевъ совершенно правильно все, что относится къ раб. вопросу и раб. движенію выдѣлилъ въ особый отдѣлъ. Сюда вошли и статьи изъ общихъ журналовъ („Вѣст. Евр.", „Рус. Богат.", „Совр."), и изъ журналовъ рабочихъ („Наша Заря", „Просв", „Страх. Раб." и „Борьба"), и изъ спеціальныхъ журналовъ, вродѣ „Вѣстн. О—ва Технолог." или „Общ. Врач.". Объ огромномъ интересѣ, представляемомъ подобной сводкой, говорить не приходится. Но нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ недочетовъ. Прежде всего въ высшей степени желательно расширеніе числа обслѣдованныхъ рабочихъ журналовъ. Въ 1914 г. у насъ насчитывалось до 35 названій обще. полит., проф. и страх. газетъ и журналовъ. Далеко не все во всѣхъ этихъ изданіяхъ имѣетъ общій интересъ, но напр. такой подотдѣлъ какъ „трагическія разногласія" безъ нѣкоторыхъ газетныхъ статей страшно не полонъ; подотдѣлъ „Война и раб. классъ" безъ статей изъ „Сибир. Журн." также не даетъ полной картины; для подотдѣла „Страх. Раб." необходимо было взять хотя бы часть статей изъ „Вопр. Страх."; для ряда другихъ подотдѣловъ можно было бы многое позаимствовать изъ профес. журналовъ. Благодаря тому, что г. Владиславлевъ ограничилъ свое обслѣдованіе только 4 раб. журналами получился рядъ курьезовъ; такъ напр. въ „Ежегодн." зарегистрированъ отвѣтъ Ана въ „Борьбѣ" на статьи Л. Мартова, но не зарегистрированы сами статьи Мартова; отъ всей ожесточенной полемики по дѣлу Малиновскаго зарегистрирована лишь краткая реплика „Борьбы". По нашему мнѣнію въ такихъ случаяхъ нужно или ничего не регистрировать, или регистрировать наиболѣе важное, независимо отъ того, въ какомъ изданіи оно появилось.

Есть и пропуски (мы, напр., не нашли статей С. Шварца въ „Страх. Раб." о Страховомъ Законопроектѣ); не обошлось и безъ нѣкоторой невыдержанности въ регистраціи: такъ статьи порой разносятся по авторамъ, порой по заглавіямъ. Замѣтно также отсутствіе регистраціи статей по раб. вопросу изъ предпринимательскихъ журналовъ. Но не смотря на всѣ эти недочеты сводка „Ежегодника" представляетъ большой интересъ. Если въ дальнѣйшемъ г. Владиславлевъ расширитъ кругъ обслѣдуемыхъ имъ рабочихъ изданій, то его „Ежегодникъ" станетъ столь же необходимымъ справочникомъ для всѣхъ дѣятелей рабочаго движенія, сколь необходимымъ онъ уже сталъ для всѣхъ литературныхъ работниковъ.

Н. Борисовъ.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

Редакторъ **А. Е. Сучатовъ.** Издатель **К. И. Рикъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на еженедѣльную газету (III-й годъ изданія)
„СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ".
Органъ демократическаго студенчества.
Подписная цѣна: на годъ—2 р., на 6 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—20 к.
Цѣна отдѣльн. номера—5 коп.
Продается у всѣхъ газетчиковъ, а также въ книжн. магаз. **Яснаго** (Невскій, 66), **„Естествоиспытатель"** (В. О., Средній пр., 9) и **„Путь"** (Знаменская ул.), а въ Москвѣ въ **„Студенческ. Из—вѣ"** (Моховая, 22) и „Высш. Школа" (Б. Полянка).
Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Вас. Остр., Волховской пер., д. 4, кв. 16.
Пріемъ ежедневно отъ 3 до 6 час. дня.

Продолжается подписка на 1915 г.
на журналъ
СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ
(3-й г. изданія).
На-дняхъ вышелъ № 7.
Содержаніе: Передовая. Больничныя кассы и мобилизація труда. — **А. Г.** Московскій съѣздъ по борьбѣ съ дороговизной. — Съѣздъ и больничныя кассы. Самара. Характерный документъ. — **С. Шварцъ.** О свѣдущихъ людяхъ. — **Г. Батурскій.** Изъ отчетовъ больничныхъ кассъ за 1914 г. — **Письмо въ редакцію. Среди больничныхъ кассъ:** *Петроградъ.* Среди текстилей. **Бобылевъ.** — *Петроградъ.* Больн. касса при фабр. Эриксонъ. **В.** — *Ростовъ н/Д.* Общая больничная касса. **Фукъ.** — *Екатеринославъ.* Больн. касса Нижнеднѣпровскаго зав. О-ва Желѣзн. Промышленности. — *Кишиневъ.* Больн. касса № 1. — *Таганрогъ.* Общая больн. касса „Звено". — *Екатеринославъ.* Общая больн. касса рабочихъ и служащихъ печатнаго дѣла. — **Хроника. — Почтовый ящикъ.**
Условія подписки: на годъ — 2 руб.; на 6 мѣс. — 1 р. Для рабочихъ на годъ—1 руб. 50 коп.; на 6 мѣс.—75 коп.
Контора открыта по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 7 до 9 ч. веч., по средамъ отъ 3 до 5 час. дня.
Адресъ редакціи и конторы: **Петроградъ, Загородный пр., д. 12, кв. 40.**

-Кій.-Въ поискахъ лучшаго.
Соціально-экономическій очеркъ. 2-е изданіе.—90 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„МУЗЕЙ ТРУДА“

Петроградъ, 7-я Рождественская, № 4, кв. 29.

Телефонъ 252-08.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на выходящую въ Самарѣ еженедѣльную общественно политическую и литературную газету

„НАШЪ ГОЛОСЪ“

Подписная плата на 1 годъ—2 р., на ½ года—1 р. 10 к., на 3 мѣс.—60 к.

Адресъ конторы и редакціи: **Самара, улица Л. Толстого, д. 49, кв. 3.**

Контора и редакція открыты ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней отъ **6 до 8 час. веч.**

Деньги и пр. просятъ направлять на имя конторы газеты, а не на имя издателя или редактора.

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ

въ Петроградѣ начнетъ выходить (отъ 1 до 6 разъ въ недѣлю) новая общественно-политическая, экономическая и литературная газета

„РАБОЧЕЕ УТРО“.

Особое мѣсто въ газетѣ будетъ удѣлено вопросамъ рабочей жизни.

Подписная плата: на 1 годъ—3 руб., на ½ г.—1 руб. 60 коп., на 3 мѣс.—80 коп., на 1 мѣс.—30 коп.

Цѣна № въ розничной продажѣ 3 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Свѣчной пер., 11, кв. 57.